ЕНИСЕЙСКІЙ ОКРУГЪ

и

ЕГО ЖИЗНЬ.

Сочиненіе

М. Ѳ. Кривошапкина

Изданіе

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

подъ редакціею

В. А. [illegible]

[illegible]

С.-Петербургъ.

[illegible]

11830/12

ЕНИСЕЙСКІЙ ОКРУГЪ

И

ЕГО ЖИЗНЬ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Ѳ. КРИВОШАПКИНА.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

НА ИЖДИВЕНІИ

В. А. КОКОРЕВА.

СЪ ДВУМЯ ТАБЛИЦАМИ И КАРТОЮ ЗОЛОТОНОСНОЙ ОБЛАСТИ ЕНИСЕЙСКАГО ОКРУГА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1865.

Московскаго биржевого комитета Библіотека

Russ. 238 h (1.2

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 26 Февраля 1865 г.

101985

НАПРАВЛЕНО ОБМЕННЫЙ ФОНД

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

МУРАВЬЕВУ-АМУРСКОМУ.

ВЪ ПАМЯТЬ ЕГО ЗАБОТЪ ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ВЪ ЗНАКЪ ГЛУБОКАГО УВАЖЕНІЯ

ИМѢЕТЪ ЧЕСТЬ ПОСВЯТИТЬ

МИХАИЛЪ КРИВОШАПКИНЪ.

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

BAYERISCHE STAATS BIBLIOTHEK MÜNCHEN

… КОМИТЕТА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ I-й.

Стран.

Глава 1. Общій очеркъ Енисейскаго округа. Пространство. Границы. 1

Управленіе какъ Енисейскаго округа, такъ и особыхъ отдѣленій его Туруханскаго и Богучанскаго 2

О прежнемъ значеніи города Енисейска съ его округомъ . . 3

О водвореніи золотопромышленности 6

Проектъ купца Кобачева, о томъ, чтобы отдать ему весь Туруханскій край въ аренду 14

Взглядъ на причины обѣдненія края и мѣры, которыми можно устранить бѣдность и поддержать благосостояніе безъ отдачи въ аренду 19

Глава 2. Общій взглядъ на поверхность, горы, воды, почву, грунтъ и климатъ Енисейскаго округа 25

Глава 3. Описаніе р. Енисея 30

Хребты, ея провожающіе и дающіе основаніе золотопріисковымъ системамъ Енисейской губерніи. 32

Вступленіе р. Енисея въ южную волость Енисейскаго округа — Казачинскую 34

Общіи очеркъ этой волости; переходъ Енисея въ Маклаковскую волость 35

Бытовая сторона этихъ волостей: суевѣрья, примѣты, заговоры, приговоры, отговоры, святки, съ ихъ принадлежностями . . 36

Глава 4. Описаніе свадьбы въ Казачинской и Маклаковской волостяхъ. 48

Глава 5. Впаденіе въ Енисей Верхней Тунгуски (Ангары) . . . 128

Разборъ вопроса: которая изъ рѣкъ главная — Енисей или Ангара? 130

Общій очеркъ Кежемской волости. 131

О лиственичной бумагѣ 135

Аплинскій порогъ. —

Преданіе о монастырѣ у села Кашиношиверскаго 136

Общій очеркъ Пинчукской волости, по р. Верхней Тунгускѣ . —

Притокъ Верхней Тунгуски — Чадобецъ; обиліе въ немъ рыбы и соляной около него источникъ 142

Другой важный притокъ — р. Мура; порогъ Мурскій . . . 143

Стран.
Описаніе солянаго озера и ключей по рѣкѣ Манзѣ 144
Рѣка Чуна 145
Каменная плита и Точильная гора на рѣчкѣ Ослянкѣ. . . . 146
Глава 6. Притокъ Верхней Тунгуски — Каменка, пріемлющая Удерей, весьма золотоносный въ своихъ притокахъ, и именемъ котораго обозначена вся южная пріисковая система Енисейскаго округа 147
Подробное описаніе всѣхъ рѣкъ, рѣчекъ и ключиковъ, составляющихъ Удерейскую систему 149
Общій очеркъ самой сѣверной волости — Анцыферовской . . 154
Теченіе, знаменитаго въ исторіи золотаго дѣла, Пита; его значеніе для сообщеній; его притоки, бывшіе столь важными для золотопромышленности. 155
Всѣ до сихъ поръ извѣстные притоки р. Пита. —
Ермакъ, старинная резиденція золотопромышленниковъ, теперь важный центръ складокъ и сообщеній 159
Рѣка Гаревка, съ открытыми недавно по системѣ ея пріисками. 161
Число плавающихъ въ Анцыферовской волости судовъ, барокъ и палубныхъ лодокъ 162
Глава 7. Бытовая жизнь пріисковъ съ момента наемки рабочаго, до выхода его съ пріисковъ. 163
Глава 8. Общій очеркъ волостей Бѣльской и Яланской 204
Рѣка Кемь; значеніе ея для сообщеній и нынѣ и въ старину . 205
Городъ Енисейскъ. 206
Наводненія въ г. Енисейскѣ съ 1800 г. 207
Таблица о вскрытіи р. Енисея въ 31-лѣт. періодъ 208
Таблица о вскрытіи р. Енисея и покрытіи ея льдомъ съ 1821—1860 года у гор. Енисейска 209
Бытовая сторона Енисейска и все то, что обусловливаетъ благосостояніе его: Желѣзныя горы; важность въ старину здѣшняго желѣзнаго производства; причины пріостановки этого занятія. 210
Плодбищенское озеро, съ его цѣлебными свойствами 219
Глава 9. Еще о городѣ Енисейскѣ. Положеніе уѣзднаго врача и отношеніе его къ полиціи 221
Глава 10. Вступленіе р. Енисея въ Туруханскій край 244
Притокъ Енисея р. Глотиха. 246
Рѣка Средняя (Подкаменная) Тунгуска —
Рѣка Тея и ея притоки 248
Геогностическій очеркъ сѣверной системы 250
Глава 11. Остроги и каторжные 252
Глава 12. Рѣки Инбакъ, Елогуй и Пакулиха 301
Таблица станковъ Туруханскихъ 303
Рѣка Нижняя Тунгуска 304
Огромныя богатства графита по р. Нижней Тунгускѣ. . . . 306
Открытіе по р. Сѣверной соляныхъ ключей. 307
Городъ Туруханскъ —

Стран.

Глава 13. О шаманствѣ вообще. Шаманъ—какъ кудесникъ, жрецъ, врачъ. Взглядъ на шаманство со стороны медицинской . . 310
Глава 14. О Туруханскихъ скопцахъ 328
Глава 15. Рѣка Енисей за г. Туруханскомъ. 348
Рѣки Курейка и Хантайки —
Станки отъ г. Туруханска до моря, и въ стороны, по тундрамъ. 349
Таблица баркамъ, приготовленнымъ подъ сплавъ хлѣба изъ Минусинскаго округа въ г. Енисейскъ 356
Глава 16. Описаніе восточной и западной тундръ 368
Болѣзни глазъ и снѣжная слѣпота 373
Очеркъ характера и склада кореннаго русскаго туруханца . . 376

Томъ II-й.

Глава 1. Посѣщенье дома Форафонтовича; бесѣды съ женою его о деревенскомъ акушерствованіи со встряхиваньями и всѣми другими обычаями, равно и о дѣтской гигіенѣ, діэтетикѣ и терапіи; варварство ихъ обычаевъ и возможность дѣтоубійства. 1
Глава 2. Пресмыкающіяся, насѣкомыя и птицы 16
Глава 3. О звѣроловствѣ 22
Три мѣста улова: Богучаны, Ялань и Туруханскій край. . . 24
Скупщики мягкой рухляди 25
Глава 4. Одежда и приборъ звѣровщика. 26
Тунгузъ; бытовая сторона ихъ жизни отъ рожденія до смерти и съ послѣсмертными обычаями и суевѣрьями 30
Лѣтосчисленіе, божества, вѣра. 41
Глава 5. Бѣлка (Sciurus vulgaris) 42
Ловля бѣлокъ: плашка 49
Осилка . 51
Распорка. 52
Черканъ . 52
Летяга (Pteromys volans.) и бурундукъ (Tamias striatus). . 53
Таблица цѣнности бѣлокъ по сортамъ 54
Глава 6. Ушканъ (Lepus timidus) 56
Описаніе способовъ ловли: 1) петля 58
2) Капканъ . 60
3) Кляпецъ . 61
4) Пасть . 63
5) Слопецъ . 64
Глава 7. Песецъ (Canis lagopus). 64
Способы ловли песцовъ отъ г. Туруханска къ морю. . . . 65
Сорты песцовъ. 66
Лисица (Canis vulpes) 67
Способы ловли лисицъ: пометомъ 68

Стран.

Пастью . 70
Капканомъ 71
Кляпцой 72
Кулемкой съ окошкомъ и ставешкомъ. 73
Пестомъ 74
Ямой . 75
Волкъ (Canis lupus). Способы ловли: столбъ 78
Загородка съ воротцами —
Ямы . 79

Глава 8. Медвѣдь (Ursus arctos). Ловля медвѣдя въ берлогѣ . . 81
Охота стрѣльбой при скрадываньи 84
Ловля съ лабаза 88
Ловля кулемкой 89
Ловля доской съ копьями 91
Ловъ самострѣлами 92
Ловъ петлей съ кряжомъ. 95
Ловъ деревомъ съ ножами 96

Глава 9. Барсукъ (Meles taxus) —
Россомаха (Gulo borealis) 97
Выдра (Lutra vulgaris) 98

Глава 10. Олень (Cervus tarandus). Ловъ дикихъ оленей гонкомъ и скрадываньемъ 99
Ловъ петлями 103
Ловъ ямами съ огородомъ 104
Ловъ особоустроеннымъ самострѣломъ съ лукомъ —
Ловля дикихъ оленей инородцами Туруханскаго края 105
Сохатый (Cervus alces). 106
Ловля сохатыхъ гоньбой и скрадываньемъ 107
Ловля ямами съ огородомъ 108
Ловля сжимомъ —

Глава 11. Соболь (Mustela zibellina). Ловы: кулемкой 110
Пастушкой 111
Обметомъ 112
Стрѣльбой съ собаками 113
Горностай (Mustela erminea) 114
Ласточка (Mustela vulgaris) 116
Колонокъ (Mustela sibirica) —

Глава 12. Рыболовы русскіе, съ раздѣленіемъ ихъ на приплывающихъ въ Туруханскій край и на туземцевъ; отношенія ихъ между собою 117
Остяки; племя, занимающееся по преимуществу рыболовствомъ. 118
Рыболовы, обитающіе къ сѣверу отъ Туруханска до моря; юраки и самоядь. 145

Глава 13. Общій взглядъ на состояніе рыболовства въ Енисейскомъ округѣ вообще и въ Туруханскомъ краѣ въ особенности . 155

Стран.

Глава 14. Рыбы, водящіяся въ Енисейскомъ округѣ: осетръ . . 161
Стерлядь 162
Налимъ 163
Щука. 164
Окунь. 165
Сельдь 166
Тугунокъ 167
Карась, ершъ, елецъ, пескарь, язь 168
Куньжа —
Глава 15. Описаніе рыбъ изъ рода лососей: таймень. 169
Ленокъ 170
Нельма —
Моксунъ. 173
Сигъ 174
Чиръ 175
Харіусъ 176
Омуль —
Мочкогоръ —
Пелеть 177
Глава 16. Описаніе способовъ рыбной ловли, употребляемыхъ въ Енисейскомъ округѣ —
Глава 17. О привозимой изъ Туруханскаго края соленой рыбѣ. . 183

Приложенія.

Приложеніе I. О количествѣ звѣриныхъ шкуръ и мамонтовой кости, поступившей въ ясакъ казнѣ и продажу лицамъ Енисейскаго округа. 2
Приложеніе II. Метеорологическія наблюденія, произведенныя въ г. Енисейскѣ съ 1-го декабря 1852 г. до 1-го іюня 1854 г. 19
Приложеніе III. Метеорологическія наблюденія, произведенныя въ г. Енисейскѣ съ 11-го января по 1-е мая 1860 г. . . . 37
Приложеніе IV. Мѣстныя слова, употребляемыя въ Енисейскомъ округѣ. 41
Объясненіе рисунковъ. 65

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ.

ТОМЪ I-й.

Стр.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
26	21	по тундрамъ такъ холодно	по тундрамъ зимою такъ холодно
27	28	Удерсъ	Удерей
28	33	на горахъ	на гáряхъ
130	19	шиверовъ Енисейцевъ	шиверовъ у Енисейцевъ
136	17	возвышается	возвышаются
152	10	Рыбниковымъ	Рыбнымъ
164	36	На горной	На южной
166	14	могутъ прочесть двѣ	могутъ прочесть въ журналѣ „Промышленность“ двѣ
184	3	рабы	работы
203	8	Енашимъ	Енашимо
216	12	шинковъ	семиковъ
217	39	сарани	сараны
226	34	управы получили бы	управы не получили бы
230	31	окладъ.	окладъ поселенцевъ.
240	36	оскорблять	оскорбляются
301	3	возвышенности	возвышенность
305	8	пучинину	пушнину
305	17	пучинины	пушнины
307	3	прибавлено	прибавлю
320	8	чувство отъ	чувство какъ бы отъ
324	11	разрушающія	разрѣшающія
352	41	Суглинное мѣсто	Сугла́нное мѣсто
377	33	Дуринскомъ	Дудинскомъ
378	2	Юроковъ	Юраковъ

ТОМЪ II-й.

Стр.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
17	31	uregallus	urogallus
17	35	astralegus	ostralegus
24	18	Киронскомъ	Киренскомъ
25	8	опадающимъ	впадающимъ
34	27	‹улитка›	‹уликта›
34	28	безъ соли;	безъ соли, порсо, порошекъ изъ сушеной рыбы;
36	36	тринину	пушнину
38	7	догнала.	догнала перекочевывающій родъ.
47	18	стесинное	стесанное
57	20	такихъ	гибкихъ
58	13	черноконцы	черноконцые
73	28	залубки	зарубки

Стр.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
79	5	кругломъ	кругомъ
88	28	смѣть	смѣемъ
97	13	жестоковолосый	жестковолосый
98	20	рѣзко	рѣдко
99	27	покоренило	покормило
123	20	вскорѣ	воскресъ
139	15	много	мною
140	13	Канса	Комса
143	3	жердочку стрѣлять и	жердочку и
145	35	сабле	сабме
159	32	въ городѣ	въ городѣ Енисейскѣ
161	2	spurio	sturio
166	11	его	ихъ
167	14	естъ	есть
—	27	тубунками	тугунками
168	33	полостяхъ	челюстяхъ
171	28	ниже	выше
175	23	моксунъ	моксуновъ
178	21	Выгоновъ	Вьюновъ
184	7	полуваренной	поваренной

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Енисейскій округъ, составляющій сѣверную и бо̀льшую половину Енисейской губерніи, опирающійся на Иркутскую и Томскую губернію огромными вѣковыми лѣсами, простирается къ Ледовитому морю, до крайнихъ предѣловъ растительнаго царства, и лежитъ приблизительно между 58°27′ и 65°55′ сѣверной широты и между 109°45′ и 105°18′ восточной долготы.

Это обширнѣйшій изъ округовъ во всей Россійской имперіи. Площадь его до сихъ поръ точно не измѣрена [1]; но во всякомъ случаѣ она можетъ помѣстить въ себѣ любое изъ Европейскихъ государствъ. Число жителей ограничено и по послѣдней народной переписи, за исключеніемъ Туруханскаго края и кочующихъ инородцевъ, простирается до 34,138 душъ обоего пола. Чтобъ судить, хотя приблизительно, о громадности всего округа, приведу цифры по свѣдѣніямъ Туруханскаго Отдѣльнаго Управленія о пространствѣ, занимаемомъ однимъ краемъ Туруханскимъ. Въ немъ земли до 1,932,200 квадратныхъ верстъ. Въ томъ числѣ: полей и луговъ до 250 десят., выгона до 25 десят., лѣса до 850,000 и тундръ до 900,000 квадратныхъ десятинъ; остальное пространство занимается водою. Пространства же остальныхъ частей округа означены при описаніи волостей, — и все это, конечно, не точно, а приблизительно.

Границы.

Енисейскій округъ омывается съ сѣвера Ледовитымъ моремъ; граничитъ на сѣверо-западѣ съ Березовскимъ округомъ Тобольской губерніи; за тѣмъ западной стороной прилегаетъ къ Нарымскому округу Томской губерніи и къ Ачинскому—Енисейской; южной—къ Красноярскому округу,

(1) По картѣ Восточной Сибири и измѣренію Швейцера пространство Енисейскаго округа съ Туруханскимъ краемъ составляетъ 40,568 кв. г. м. или 1,962,887 кв. верстъ. *Примѣч. изд.*

а юго-восточной, восточной и сѣверо-восточной граничитъ съ округами Канскимъ, Енисейской губерніи, потомъ Нижнеудинскимъ и Киренскимъ, Иркутской губерніи, и областью Якутскою.

Управленіе.

Енисейскій округъ, по своей обширности, сохранилъ еще одну общую по всѣмъ частямъ главу: „окружнаго начальника". Округъ раздѣляется на собственно Енисейскій округъ, Туруханскій край, Богучанское отдѣленіе и золотые промыслы.

Енисейскій округъ (въ тѣсномъ смыслѣ) раздѣляется на 3 участка: 1-й участокъ вмѣщаетъ въ себѣ волости Маклаковскую и Казачинскую, 2-й — Яланскую и Бѣльскую, 3-й — Анциферовскую.

Туруханскій край управляется особымъ отдѣльнымъ засѣдателемъ съ помощникомъ (на случай дальнихъ разъѣздовъ перваго).

Богучаны тоже управлялись „отдѣльнымъ засѣдателемъ", но теперь, хотя состоятъ и изъ двухъ волостей — Кежемской и Пинчукской, лишены отдѣльности и правитель этого участка состоитъ на ряду съ прочими засѣдателями, безъ помощника и канцеляріи, которая бы именовалась, какъ въ Туруханскѣ, „отдѣльнымъ управленіемъ".

Пріиски имѣютъ еще особое управленіе и, раздѣляясь на двѣ системы — сѣверную и южную, имѣютъ и двухъ горныхъ исправниковъ. Эти лица носили прежде горную форму, а въ послѣдніе 3 года сравнены съ обыкновенными засѣдателями, по крайней мѣрѣ въ формѣ. Каждый изъ исправниковъ имѣетъ еще своего помощника.

Всѣ засѣдатели, равно и горные исправники, состоятъ въ 10 классѣ, а помощники послѣднихъ въ 12-мъ.

Особенностію управленія отличается край Туруханскій. Край этотъ, входя въ общій составъ Енисейскаго округа, по отдѣльности, дальности и трудности сообщеній, имѣетъ особое „отдѣльное управленіе", которое состоитъ изъ отдѣльнаго засѣдателя, его помощника и бухгалтера.

Кромѣ отдѣльнаго управленія, сосредоточеннаго въ гор. Туруханскѣ, самый край раздѣляется на три участка. Первый, подъ названіемъ „Туруханскаго" (или Тазовскаго), находится отъ г. Туруханска на западъ до р. Таза и на востокъ по р. Нижней Тунгускѣ. Второй, подъ названіемъ „Верхнеинбатскаго", — отъ границы Енисейскаго округа до с. Монастырскаго. Третій, подъ названіемъ „Дудинскаго", отъ — Туруханска до Толстаго Носа и на востокъ до р. Анабары.

Первый участокъ, по наблюденію за казенными запасными магазинами, подчиняется помощнику отдѣльнаго засѣдателя, а остальные два — особымъ смотрителямъ.

На отдѣльномъ засѣдателѣ лежитъ вся хозяйственная и полицейская обязанность, сборъ ясака, и проч.

Въ вѣдѣніи отдѣльнаго управленія состоятъ большею частію бродячіе инородцы. По этому инородной управы не существуетъ. Завѣдуютъ же родовыми управленіями старосты, выбранные родовичами и утвержденные начальникомъ губерніи. Они имѣютъ всѣ права и власть родоваго управленія и инородной управы. Такъ какъ письменныхъ дѣлъ старосты не производятъ, то нужныя свѣдѣнія, о ввѣренныхъ имъ родахъ, мѣстная полиція заимствуетъ изъ ихъ словесныхъ показаній.

Состояніе инородцевъ кочующихъ и бродячихъ отличается: а) непостоянствомъ ихъ жительства; б) степенью гражданскаго образованія; в) простотою нравовъ; г) особыми обычаями; д) способами пропитанія; е) трудностію взаимныхъ сообщеній; ж) недостаткомъ монеты; з) недостаткомъ способовъ къ сбыванію, на мѣстѣ ловли, и звѣрей и рыбы.

Отсюда происходятъ слѣдующія главныя правила въ обрядѣ ихъ управленія:

1. Кочевымъ инородцамъ предоставлена въ частныхъ дѣлахъ словесная расправа по собственнымъ ихъ обычаямъ и законамъ. Это имѣетъ послѣдствіемъ во 1-хъ, уменьшеніе числа предметовъ, принадлежащихъ судебному разбирательству; во 2-хъ, ограниченіе дѣлъ уголовныхъ; въ 3-хъ, особенный порядокъ слѣдствій и розысканій и особенныя обязанности мѣстной полиціи въ качествѣ словесной расправы.

2. Устранены всякія препятствія къ торговлѣ и промышленности инородцевъ и доставлены имъ удобства къ исполненію различныхъ обязанностей ихъ. Отсюда проистекаютъ: а) точное опредѣленіе налоговъ, б) особенныя правила ко взысканію ихъ и в) простота сдѣлокъ, уменьшеніе промедленій и убытковъ, невольно сопряженныхъ съ безконечными формальностями.

Государственные крестьяне имѣютъ въ двухъ участкахъ своихъ старостъ на общемъ основаніи.

Мѣщане г. Туруханска имѣютъ также особаго старшину.

Общій взглядъ на состояніе Енисейскаго округа въ сравненіи съ его прошедшимъ.

Состояніе Енисейскаго округа представляетъ картину грустную: ремесла исчезли, промыслы ослабѣли, скотоводства и торговли скотомъ

нестало, земледѣліе прекратилось, денегъ нѣтъ, а долговъ за то много и вообще есть что-то похожее на кабалу.

Изложимъ далѣе, какъ это произошло и чѣмъ обусловливается, а теперь бросимъ общій взглядъ.

Неоспоримо, что благосостояніе каждаго государства зависитъ отъ развитія промышленныхъ его силъ; а для этого необходимо (сказалъ я въ другомъ мѣстѣ) познать самихъ себя со всѣми нашими нуждами и со всѣми особенностями территоріи, на которой мы живемъ и которая должна направлять развитіе у насъ того или другаго. Словомъ, только тогда мы съумѣемъ воспользоваться дарами природы, только тогда равномѣрный (болѣе или менѣе) и честный трудъ уничтожитъ нужду и побратаетъ насъ съ довольствомъ.

А до сихъ поръ — съ какой стороны не взглянешь — все были мы ослѣплены: то громъ побѣдъ ослѣплялъ насъ и мы вѣровали въ безусловную несокрушимость физическихъ силъ нашихъ; то многоцвѣтность блестокъ цивилизаціи ослѣпляла насъ и мы въ простотѣ души принимали плодъ за корень и, не думая о развитіи себя истинными познаніями и глубокимъ изученіемъ основъ, считали внѣшность цивилизаціи за образованность и силились, безъ разсужденій, схватывать внѣшность, и не зная, что значитъ трудъ, разсыпали хвастливо по Европѣ все, что добывалось кровавымъ потомъ крѣпостныхъ. Западная наука ослѣпляла насъ своими результатами и мы, съ рабской покорностію, считали каждый выводъ ея за несомнѣнное послѣднее слово и повторяя, какъ дитя, все, сказанное на западѣ, забывали думать сами, — забывали, что каждый народъ долженъ класть свою лепту въ сокровищницу общаго хода впередъ, — забывали, что не перенимать только, а примѣнять у себя нужно плоды западныхъ изслѣдованій и что для того нужно глубже изучать со всѣхъ сторонъ свое отечество, о которомъ мы почти столько же знали, какъ о Китаѣ. Потому-то, при нашемъ ослѣпленіи, мы незамѣтили какъ передъ нашими глазами бѣжали необычайно-быстро впередъ ремесла и всякая промышленность на западѣ, и какъ, преисполненные инерціей, оставались мы назади.

Чтобъ лучше видѣть нашу неосновательность, взгляните напримѣръ, — есть ли въ Россіи какая нибудь связь между заведеніемъ фабрикъ и заводовъ съ одной стороны, а съ другой — между дѣйствительными мѣстными нуждами, обиліемъ въ разныхъ мѣстностяхъ тѣхъ или другихъ сырыхъ продуктовъ, равно какъ и обиліемъ или недостаткомъ рукъ. Нѣтъ! Намъ хорошо и безсознательно, по примѣру сосѣдушки, заводить въ бѣлокаменной безконечное количество фабрикъ и заводовъ. Ивану славно и Лукѣ будетъ хорошо. Мы и не смотримъ, что совсѣмъ

въ другомъ мѣстѣ обиліе того сыраго продукта, который нуженъ для нашей фабрики, — мы и не смотримъ, что работниковъ будемъ тащить изъ за нѣсколькихъ тысячъ верстъ, отрывая земледѣльца отъ кореннаго его труда, пріучая къ бражничеству и бездомовости, уничтожая въ крестьянствѣ ремесленность. Да вѣдь отъ этого долженъ вздорожать самый продуктъ фабрики или завода? А намъ какое дѣло: мы въ убыткѣ не будемъ; станемъ продавать товаръ лицомъ, т. е. похлопочемъ о видѣ, а добро̀ту въ сторону. Если такъ на Руси, то неужели лучше и у насъ, по крайней мѣрѣ въ Енисейскомъ округѣ, теперь?

Было когда-то хорошее время, да оно давно прошло. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, въ своихъ отвѣтахъ Екатерининскому собору представителей всѣхъ общинъ и сословій въ 1768 году, выборный Енисейска г. Самойловъ (1).

„Въ городѣ Енисейскѣ ежегодно съ конца іюля до 20 августа была „ярмарка, на которую съѣзжались сибирскіе и россійскіе купцы, при„возились россійскіе, нѣмецкіе и китайскіе товары... Въ Енисейскѣ „было складочное мѣсто всѣхъ пушныхъ товаровъ, звѣроловство около „него было чрезвычайно развито... Купцы изъ Енисейска не только пла„вали вверхъ и внизъ по Енисею, но плавали по Ангарѣ въ Иркутскъ, „переплывали Байкалъ и входили въ рѣку Селенгу до Стрѣлки; либо, „пропустя отъ Енисея волокъ въ 76 верстъ (до Маковскаго остр.), „ходили въ р. Кеть, въ р. Иртышъ, либо другимъ путемъ по р. Чу„лыму... Изъ занимавшихся разнаго рода промыслами было въ Енисей„скѣ: купцовъ 1425, цѣховыхъ 294 и разночинцевъ 548... Ремесла „были развиты многосторонния: такъ, было иконописцевъ 7, портныхъ „15, сапожниковъ 11, чарочниковъ 54, серебрениковъ 2, руковишни„ковъ 8, кожевенниковъ 9, валяльщиковъ 2, шапошниковъ 6, плотни„ковъ 16, мыловаровъ 5, бочкарей 5, столяровъ 3, прядильщиковъ 2, „свѣчниковъ 7, скорнякъ 1, прянишникъ 1, красильщиковъ 4, да въ „деревняхъ разныхъ ремесленниковъ 74. Кромѣ вышеисчисленныхъ осо„бенно было много кузнецовъ... Довольно сказать, что желѣзными издѣ„ліями снабжался весь Иркутскій край, также возили въ Томскъ, Куз„нецкъ, въ Колывановоскресенскій заводъ и по линіи въ крѣпость Се„мипалатинскую“.

Кромѣ того, изъ другихъ свѣдѣній, мы можемъ сказать, что въ 1820 году въ одинъ Иркутскій край въ разныхъ подѣлкахъ вывозилось желѣза до 6000 пуд.; а въ 1833 году вывозилось за Енисейскій округъ

(1) Нѣкоторыя изъ черновыхъ бумагъ г. Самойлова сообщены мнѣ внукомъ его, почтеннымъ енисейскимъ купцомъ С. Ф. Калашниковымъ.

желѣза до 30,000 пудовъ. Съ 40-хъ же годовъ, съ появленіемъ золотопромышленности занятіе этимъ предметомъ стало упадать такъ быстро, что съ 50-хъ годовъ *никуда почти уже неотправляется здѣшнихъ желѣзныхъ издѣлій* и только массивный желѣзный иконостасъ, поставленный Никитою Кореневымъ въ Рождественской церкви, служитъ памятникомъ изсякшей промышленности! Слесарей, каменщиковъ, сапожниковъ и другихъ изъ енисейцевъ почти теперь и не слышно, — все захвачено пріѣзжими, которые дѣлаютъ и дорого, и не прочно. Рѣзчиковъ, теперь не существующихъ, было весьма много, чтò ясно доказывается множествомъ разнообразной рѣзьбы въ церквахъ. Рыболовство крайне уменьшилось; а звѣроловствомъ, главнѣйшимъ продуктомъ для торговли здѣшняго края, въ самомъ Енисейскомъ округѣ почти уже и не занимаются; привозятъ же звѣрей изъ Богучанскаго отдѣленія и Туруханскаго края. А между тѣмъ, сколько поколѣній трудилось надъ изобрѣтеніемъ примѣненныхъ къ мѣстности способовъ ловли звѣрей. И за что бы все это исчезло, такъ какъ молодежь многаго уже не знаетъ? Не вѣчно же округъ Енисейскій погруженъ будетъ въ обаянье золотопромышленности: придется, быть можетъ, снова взяться за звѣроловство и тогда пожалѣютъ о забытыхъ изобрѣтеніяхъ отцовъ. Вотъ цѣль, съ которою я взялся за собираніе всѣхъ способовъ, употребляемыхъ для ловли звѣрей, прибиралъ крупинку къ крупинкѣ, заказывалъ модели и снималъ рисунки.

Перейду теперь къ изложенію причинъ настоящаго жалкаго состоянія округа.

Съ 40-го года пошло развитіе золотопромышленности. Тяжекъ грѣхъ на начальникахъ, бывшихъ въ первые годы водворенія ея, видѣвшихъ зло и не остановившихъ. Почему напр. не позаботиться бы тогда о сборѣ слѣдовавшихъ за работы денегъ для уплаты податей, для составленія мірскихъ капиталовъ, и проч., и проч. Рабочіе выносили тогда съ пріисковъ не по сотнямъ, а по тысячѣ, и куда же шли эти деньги? На развращеніе другихъ, на раззореніе себя, на насыщеніе ненасытнаго кровожаднаго откупа и разныхъ мелкихъ плутишекъ, гарцовавшихъ, очевидно, по недолгу, а до тѣхъ только поръ, пока не попадались въ руки кого слѣдуетъ. Тогда мужики окутывались шолковыми шарфами, выставляли толпѣ цѣлыя бочки зелена-вина, сами пили шампанское и ромъ, и опьянѣлые ходили по улицамъ, въ грязь разбрасывая впередъ себя ассигнаціи, на которыя и ступали, для того, видите ли, чтобъ не марать ногъ. Очевидно всѣ эти сцены были обаятельны и для туземцевъ работящихъ: каждый бросилъ ремесло и спѣшилъ сдѣлаться прі-

скателемъ (какъ всѣхъ тогда называли); но никто не замѣчалъ, что все золото или прокучивалось, или у пьяныхъ обиралось кѣмъ слѣдуетъ.

Такимъ образомъ, мало по малу, бросались ремесла туземцами, ограничивалось земледѣліе и привыкали они болѣе и болѣе къ разгулу. За тѣмъ отъ пригоннаго изъ Киргизской степи скота появилась эпизотія—и скотъ вымеръ. Средства къ существованію еще были, пока въ рукахъ золопромышленниковъ, не изчезали деньги и сами они занимались перевозкою тяжестей на пріиски. Для этой перевозки крестьянъ нанимаютъ артелями, либо цѣлыми деревнями. Но вотъ наступилъ несчастный 1847 годъ; онъ необычайной дороговизной пораззорилъ крестьянъ и не могъ не подѣйствовать на золотопромышленниковъ, которыхъ истинныя силы начинали уже тогда обнаруживаться: безумное расходованіе денегъ довело кого до опеки, кого до конкурса, кого до бѣдности, кого до безконечныхъ процессовъ, и проч. Теперь группы на сценѣ мѣшаются и выдвигается впередъ новая каста скупщиковъ хлѣба и доставщиковъ на пріиски,—это посредники между производителями и потребителями. Она явилась весьма естественно съ 1850 года, когда золотопромышленники не имѣли возможности своевременно закупить хлѣба. И такъ, какъ ихъ не 1, не 2 и не 3, а можетъ быть до 50, то бѣды отъ нихъ енисейскому крестьянству не предвидѣлось, особенно если закупъ произведенъ по зимѣ въ Минусинскомъ округѣ, а не подъ берегомъ у Енисейска, да когда дума, съ одной стороны, и земская полиція, съ другой, — принимали внимательно свои должныя мѣры, чтобъ быть готовыми на черный день. А дѣло въ томъ, что нѣкоторыми, болѣе богатыми изъ этихъ скупщиковъ, началъ продаваться хлѣбъ въ золотопромышленныя компаніи не иначе какъ съ доставкой на самые пріиски; въ чемъ же тутъ вредъ — будетъ изложено ниже. Вмѣстѣ съ перевозкой хлѣба перешла въ ихъ же руки и перевозка всѣхъ другихъ тяжестей; а всего то перевозится на пріиски не менѣе милліона пудовъ. Такимъ образомъ эта, новообразовавшаяся каста, перервала прямыя отношенія между крестьянами енисейскаго округа и золотопромышленниками, вступивъ въ роль посредника.

Наемка капиталистами крестьянъ, для перевозки тяжестей, поставила послѣднихъ въ родъ кабальныхъ отношеній къ первымъ. Выше мною сказано, что ремесла вообще туземцами оставлены, что крестьяне ограничили земледѣльческій трудъ и съ хлопотами о легкомъ пріобрѣтеніи денегъ пріучили себя къ разгулу. Такое состояніе ихъ, а также и необходимость сдать подати непремѣнно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда у нихъ не могутъ быть еще выручены деньги съ продажи, снятыхъ въ лѣто хлѣбовъ и сѣна, заставили крестьянъ съ радостію принять займо-

давческія услуги капиталистовъ. А лиха бѣда, какъ говоритъ народъ, начать только, а тамъ уже и спохватишься, да не скоро выкрутишься. Вотъ и пошло: за нихъ платились подати, имъ доставлялась въ число платежа одежда, обувь, при недостаткѣ и самый хлѣбъ, мясо, рыба, чай, сахаръ, масло, жиръ, кожа и проч. При этомъ товаръ отпускался какой ни попало (говорятъ, будто въ Ирбити они не смотрятъ на достоинство закупаемаго товара, а только бы подешевле); цѣны выставляютъ, очевидно, какія вздумаютъ; а крестьянъ зауcловливаютъ при этомъ для перевозокъ впередъ съ большимъ пониженіемъ цѣнъ, которыя черезъ полгода (когда придется везти), могутъ разъиграться вдвое; да кромѣ того — такъ какъ крестьянамъ при перевозкѣ нуженъ, по дорогѣ для корма лошадей, овесъ, то богачи-перевозчики снабжаютъ ихъ натурою и уже, конечно, къ большему раззоренію крестьянъ по современной цѣнѣ (обыкновенно къ зимѣ возвышающейся), а не по той какъ сами покупали весной изъ барокъ или на мѣстахъ. Тутъ же на мужиковъ и другая бѣда: какъ нарочно въ эти года выпадали въ тайгѣ огромные снѣга, почему дорога сдѣлалась плохопроѣзжею; отъ чего во-1-хъ, должно было весьма мало класть на возъ, а во-2-хъ, терялось вдвое времени и слѣдовательно крестьянинъ могъ дѣлать гораздо менѣе оборотовъ. Такимъ образомъ, забравши разъ впередъ деньги, или — какъ чаще — товаръ, крестьянинъ не можетъ выбраться изъ долгу; работа его становится не свободнымъ трудомъ, а обязаннымъ; только тяжести-то какъ будто онъ не замѣчаетъ, потому что болѣе и болѣе забираетъ, когда вздумается, товаромъ изъ кладовой богача, какъ изъ своего чулана. Такимъ образомъ легко добывая себѣ не только насущный кусокъ, но и всякіе предметы роскоши, крестьянинъ съ каждымъ годомъ все болѣе отвыкаетъ отъ трудовъ, пріучается къ безпечности и лѣности, за тѣмъ являются, какъ вѣчный спутникъ лѣности, и всѣ пороки. Этотъ образъ жизни и дѣятельности такъ уже привычнымъ сдѣлался крестьянамъ, что они боятся оказать, по дѣлу перевозокъ, и малѣйшее противорѣчіе, опасаясь лишиться кредита у „кормильцевъ!“

Такое состояніе дѣла вызвало было предположеніе о необходимости и возможности основать товарищество на акціяхъ, которымъ бы убита могла быть монополія нѣсколькихъ богачей въ дѣлѣ перевозки тяжестей на пріиски. Въ основаніе этого, предполагавшагося товарищества на акціяхъ, думали положить слѣдующе:е: „1) получить право десяти-„лѣтней привиллегіи; 2) основнымъ капиталомъ положить 10,000, раз-„дѣленныхъ на одну тысячу акцій; 3) выдавать акціонерамъ по исте-„ченіи года за исключеніемъ 20% на ликвидацію; 4) золотопромы-„шленникъ, отдавшій кладь помимо конторы акціонеровъ, долженъ пла-

„тить за каждый пудъ вдвое главной конторѣ, а такъ какъ изъ вощи-„ковъ могутъ остаться старые должники, то контора за нихъ, кому „слѣдуетъ, платитъ, а ихъ беретъ въ заработку; 5) за фуражъ, при-„пасы, товарныя и матеріальныя вещи, отпускаемыя вощикамъ изъ „своихъ запасовъ, взимаетъ контора, сверхъ таксы, утвержденной мѣст-„нымъ начальствомъ, еще 10% съ рубля“.

Но какой бы ни былъ проектъ, — по нашему мнѣнію, самое главное въ томъ, чтобъ освободить крестьянъ изъ кабалы совершенно и дать имъ новую свободу труда. Безъ достиженія этого никакой проектъ не можетъ имѣть значенія, не можетъ принести и пользы. Не видно ясно: какимъ образомъ предполагаемое товарищество достигнетъ этой кровной нужды. Не будетъ ли тутъ одной смѣны декорацій? Не смѣнится ли кукушка на ястреба?!

Остается изложить, по нашимъ понятіямъ, *причины* обѣднѣнія крестьянъ и средства, могущія поправить дѣло.

Выше показано вліяніе золотопромышленности на Енисейскій (собственно) округъ: ремесла чуть не исчезли, земледѣліе и скотоводство уменьшилось, народъ развратился и за тѣмъ попалъ почти въ кабалу. Прибавимъ еще слѣдующее. Принятіе каждаго промысла нѣсколькими лицами и въ большихъ размѣрахъ, бываетъ, очевидно, на какихъ нибудь условіяхъ. Теперь вопросъ: на какомъ основаніи гг. золотопромышленники исчертили дорогами мѣстность, можетъ быть и нужную для крестьянъ, безъ всякаго соглашенія и вознагражденія, по одному произволу? Положимъ скажутъ: дороги возникали постепенно... дороги полезны и для крестьянъ, потому что по нимъ возятъ клади. Да вѣдь и всякое дѣло, предпринимаемое сперва на обоюдныхъ соглашеніяхъ, бываетъ въ послѣдствіи общеполезнымъ; слѣдовательно это не отговорка.

Далѣе спросимъ: на какомъ основаніи гг. золотопромышленники вторглись въ тайгу, въ мѣстность звѣропромышленниковъ (крестьянъ и инородцевъ)? — на какомъ основаніи разогнали звѣрей и почти убили звѣроловство? Почему одинъ промыселъ получилъ удивительное право на уничтоженіе другаго, безъ обязательства вознаградить за то? Говорятъ: да что мы за плательщики инородческихъ недоимокъ, — пусть инородцы представятъ грамоты на право пользованія этими мѣстами. Да развѣ, спросимъ мы, право обычнаго пользованія не имѣетъ значенія и развѣ самые законы не служатъ часто письменнымъ утвержденіемъ тѣхъ же обычаевъ? да и была ли инородцамъ нужда запасаться непремѣнно грамотами, когда не было причинъ къ тому? да наконецъ и находили мы въ архивныхъ старыхъ дѣлахъ указы, прямо говорящіе: „заниматься такому-то роду тунгусовъ звѣроловствомъ по такимъ то

„мѣстамъ и никто бы имъ въ томъ не претилъ". Мы сознаемъ большую важность золотаго промысла противу звѣроловства; допускаемъ, что звѣри исподоволь установятся на другихъ мѣстахъ и Тунгусы найдутъ эти мѣста; понимаемъ, что золотопромышленники не могутъ быть постоянными плательщиками за тѣ роды тунгусовъ, которые сбиты съ мѣста, — но чѣмъ же правительство пополнитъ недоимки, вдругъ накопившіяся съ появленіемъ золотопромышленности?

Вотъ только о чемъ говоримъ мы.

За тѣмъ, откуда право разбросанныхъ по разнымъ частямъ округа и отдѣльныхъ отъ пріисковъ конторъ и резиденцій, не подчиняться мѣстному сельскому, а за тѣмъ и земскому управленіямъ? Пользуясь-же этимъ, какъ часто обижаютъ, обвѣшиваютъ и обсчитываютъ безграмотныхъ крестьянъ, доставляющихъ на эти пункты припасы!

Вотъ сколько выдвигается новыхъ административныхъ вопросовъ, а разрѣшеніе каждаго изъ нихъ будетъ вліять на благосостояніе Енисейскаго населенія.

Полагаемъ, для улучшенія быта крестьянства, слѣдующія мѣры.

Во 1-хъ: дать крестьянамъ свободный трудъ, т. е. освободить ихъ изъ подъ кабалы выкупомъ (хоть съ помощью половиннаго платежа). Говорю это, видя какъ крестьяне (если они не пьяницы), расквитавшіеся съ богатыми перевозчиками, усиливаютъ земледѣліе, торгуютъ плодами его, и, какъ чертъ ладону, боятся начинать занятія перевозкой на пріиски. По ихъ расчетамъ сумма, долженствующая употребиться правительствомъ на выкупъ, внесена бы была крестьянами въ два года ([1]).

Во 2-хъ: распространить грамоту и ремесла основаніемъ такихъ сельскихъ школъ, гдѣ бы дѣти, кромѣ грамоты, учились и разнороднымъ ремесламъ. Конечно изъ ремеслъ можно избрать такія, которыя нужнѣе по мѣстнымъ обстоятельствамъ и условіямъ, особенно для пріисковъ. А совсѣмъ другое дѣло и другая выгода — идетъ ли кто на пріиски простымъ рабочимъ или ремесленникомъ: ремесленнику другой почетъ, другая плата. Только дозволеніе наниматься на пріиски нужно предоставить міру, который лучше всѣхъ знаетъ степень возможности семейству обойтись безъ увольняемаго члена.

Въ 3-хъ: уничтожить могущество писарей, предоставивъ назначеніе ихъ выбору не гг. исправниковъ (при чемъ вѣдь можетъ случиться и торговля мѣстами), а міру. Тогда уже писарь не будетъ получать и

([1]) Это составлялось мною въ 1860 году, а въ послѣдующее время все можетъ быть и измѣнилось. Давай Богъ!

такого крайне обременительнаго для крестьянъ баснословнаго жалованья, какъ три тысячи цѣлковыхъ. Съ общимъ-же развитіемъ грамоты, найдутся и свои писаря.

Въ 4-хъ: принять самыя дѣятельныя мѣры къ распространенію хлѣбопашества въ Енисейскомъ округѣ, конечно, исключая тѣхъ мѣстъ (какъ сѣверъ волости Анциферовской), гдѣ невознаграждается трудъ земледѣльца. Тогда для крестьянъ вовсе нестрашно будетъ и возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ потому, что и они сами явятся продавцами, а не покупателями. Впрочемъ, если хлопотать объ общемъ благосостояніи всего небогатаго класса, то надобно какъ можно болѣе усилить засѣвъ и въ благодатномъ Минусинскомъ округѣ, гдѣ (вслѣдъ за уничтоженіемъ заводовъ, потреблявшихъ до 1 милліона пудовъ, съ появленіемъ безденежности у золотопромышленниковъ и съ выступленіемъ на сцену особаго класса скупщиковъ и перевозчиковъ на пріиски) продажа хлѣба невознаградила труда, и потому ограничились засѣвы. Вообще спаденіе цѣнъ до невознагражденія труда крайне губительно для самаго промысла; я отъ многихъ слышалъ, какъ бывшій Иркутскій губернаторъ Трескинъ, поддержалъ хлѣбопашество, запретивъ чрезмѣрно дешево скупать въ казну хлѣбъ.

Въ 5-хъ: положить время и границы къ выгону крестьянъ для исправленія трактовыхъ дорогъ. Не только ужь неблагонамѣренности, могущей вѣдь все превратить въ оброчную статью, даже при неосторожности гг. исправниковъ, этотъ выгонъ, для исправки дорогъ, можетъ повести къ раззоренію, отнимая у крестьянъ нужнѣйшее для хлѣбопашества и луговодства время и продерживая иногда на мѣстѣ по нѣскольку недѣль. Самое же тяжелое при этомъ — изнуреніе лошадей привозомъ гальки, или щебня.

Въ 6-хъ: назначеніе ближайшихъ къ крестьянству чиновниковъ изъ камералистовъ (спеціально изучающихъ сельско-хозяйственныя и ремесленныя науки), обстановка засѣдателей хорошими письмоводителями отъ казны, возможное дробленіе округовъ и предоставленіе какъ можно болѣе значенія общественному мнѣнію (т. е. міру), позволяемъ себѣ считать мѣрами, которыя повели бы къ благосостоянію, а гг. камералисты могли бы способствовать развитію и самихъ сельскихъ грамотоěремесленныхъ школъ.

Въ 7-хъ: производить сборъ податей не въ сентябрѣ, а уже тогда, какъ крестьянинъ въ состояніи будетъ получить что̀ нибудь за плоды лѣтнихъ трудовъ своихъ.

Въ 8-хъ: недозволять золотопромышленнымъ конторамъ расчитывать съ пріисковъ всякаго, заболѣвшаго хроническою болѣзнію, и пускать

на произволъ судьбы, увеличивая болѣе и болѣе цифру міроѣдовъ, или наполняя вдругъ безъ всякаго толку и разбору нашу Енисейскую больницу калѣками и неизлечимыми и утроивая число противу комплекта.

Въ 9-хъ: прекратить вообще преждевременную (весной вмѣсто зимы) наемку крестьянъ для перевозки тяжестей, преждевременное заусловливаніе и задаванье впередъ разными вещами и даже предметами роскоши; да и наёмку производить съ дозволенія міра, который можетъ и не дозволить, если въ семьѣ нѣтъ работниковъ и отъ того пострадаетъ главное занятіе.

Вотъ то, что мы считали, по крайнему нашему разумѣнію, нужнымъ сказать вообще.

Примѣчаніе. Заговоривъ выше объ Енисейскомъ выборномъ на Екатерининскій соборъ г. Самойловѣ, считаемъ не безъинтереснымъ, для нынѣшняго времени преобразованій, привести голосъ его о состояніи нашего духовенства и мѣрахъ обстановить его. Вѣдь скоро будетъ уже столѣтіе, какъ это было сказано.

20-го февраля, въ голосѣ, читанномъ г. депутатомъ Оленниковымъ, объяснено, что „священники на позывъ для требъ къ больнымъ не скоро приходятъ, а также берутъ за вѣнчанье по рублю и болѣе“.

На это нашъ енисейскій выборный, въ слѣдующее засѣданіе, возразилъ слѣдующее: касательно 1-го, сколько ему извѣстно, „отлагательства дѣлаются болѣе потому, что священникъ отозванъ былъ къ кому нибудь другому, да и какъ человѣкъ—самъ могъ прихворнуть“. Касательно же 2-го, мнѣніе его такъ важно (оно оправдывалось послѣдующими распоряженіями правительства), что постараюсь привести его ближе къ подлиннику: „за вѣнчанье беромое ими, таковое можетъ быть „и правда, да только почтенное собраніе не соизволитъ ли объ оныхъ „представить, что тѣ священники, *а особливо въ уѣздахъ*, своими при„хожанами со всѣмъ ли такъ, *какъ принадлежитъ, содержутся*... „Хотя отъ тѣхъ прихожанъ при выборѣ еще до священства обнадежи„ваются ругою (въ чемъ и обязуются), но когда по посвященіи, живучи „въ епархіи, не точію, чтобъ всю сполна получаютъ, но еще тѣмъ ме„нѣе, почти принуждены (по введенному обычаю), *сами по дворамъ „страническимъ порядкомъ и съ не малымъ оскорбленіемъ оную со„бирать*, а чтобъ житель самъ къ нему на дворъ привезъ, таковыхъ „очень не много бываетъ; и потому обѣ стороны входятъ въ огорченіе „и наконецъ подвергаются въ крайне предосудительныя ссоры“.

„Къ пресѣченію жъ такого, къ сожалѣнію, обстоятельства и для „чести священнической, дабы оные свою обязанность безъ поношенія и „со спокойствіемъ несли, да и прихожане не приводили бы себя въ

„предосужденіе, то высокопочтенное собраніе не соизволитъ ли слѣ-
„дующее слабое мое принять разсужденіе:

1. „Если священникъ поставленъ отъ прихожанъ на ругѣ, оную „самъ несобиралъ бы, а могли бы тоё непремѣнно старосты церковные „со всѣхъ прихожанъ каждогодно собрать и отвесть, кончая при окон„чаніи года или дважды (въ разсужденіи мѣстъ) въ году, или какъ по„ложатся сроки.

2. „Прихожане же, дабы каждый могъ, что ему надлежитъ со своего „дому, отдать, привозили бы тому старостѣ непремѣнно въ урѣченный „срокъ, о чемъ наикрѣпчайше надлежитъ подтвердить, и съ тѣмъ, что „если не привезетъ, то взыскивать по объявленію старосты сотскимъ и „десятскимъ для отдачи втрое.

3. „Если гдѣ земель для хлѣбопашества скудно или оныхъ нѣтъ, „то тогда неточію всѣмъ уѣзднымъ, но и городовымъ священни„камъ—дабы постановилася денежная и такая сумма, которая бы и съ „содержаніемъ его семейства во всей годовой пропорціи безъ недо„статка сходствовала.

4. „Если земля священнику дается, то оной достаточно, уповаю, „какъ на рожь 10, на яровое 5, а для сѣнныхъ покосовъ 5 же деся„тинъ, а буде же гдѣ той земли, а особливо по сибирскимъ губер„ніямъ, гораздо состоитъ со удовольствіемъ, то и съ прибавкою и при „томъ непремѣнно съ тѣмъ, чтобъ прихожане какъ въ ораніи, въ по„сѣвѣ, въ снятіи и въ молоченьи, такъ и въ сѣнокосѣ чинили безъ „всякой платы вспоможеніе.

5. „При тѣхъ же святыхъ церквахъ, хотя и не при всякой, бы„ваютъ дьяконы съ непремѣнными служителями (какъ дьячки и поно„мари), то и оные бы получали ругою или землями по дому безъ не„достатка и при таковомъ же отъ прихожанъ вспоможеніи, какъ выше „сказано.

6. „За всѣмъ симъ заключаю: не безъизвѣстно высокопочтенному „собранію, что пасторы лютерскаго, кальвинскаго и нѣкоторыхъ дру„гихъ исповѣданій въ какомъ находятся отъ прихожанъ и приличномъ „содержаніи и за тѣмъ почтеніи я изъяснять не буду, но только даруй „Боже, чтобъ и мы, о должномъ содержаніи и почитаніи служителей „церкви взявъ начало, согласно мною вышеизложенному, довольно и ис„правно положимъ получать священникамъ, то надѣясь на милость „Божію—они конечно не будутъ подпадать въ соблазнъ и какъ міряне, „такъ паче противники святой церкви—раскольники, не будутъ поно„сить ихъ“.

Выше говорили мы о состояніи Енисейскаго округа вообще. Остается бросить взглядъ на край Туруханскій и на отношенія къ нему сосѣдней, самой сѣверной, волости Анциферовской, собственно округа Енисейскаго.

Начну съ воспоминанья о другомъ замѣчательномъ енисейцѣ, теперь тоже умершемъ (въ 1855 году), А. А. Кобачевѣ. Этотъ умный купецъ, слыша общій и постоянный ропотъ, что Туруханскій край совершенно безполезенъ и служитъ только къ обремененію, составилъ преинтересный проектъ. Въ заглавіи этого проекта было сказано: „о содѣйствіи къ благосостоянію жителей Туруханскаго края.“ Это сочиненіе Кобачева приняло оффиціальный ходъ и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ странствованія (какъ обыкновенно бываетъ), принесло за собою почти и согласіе начальства, но, къ огорченію многихъ, г. Кобачевъ умеръ. Мысль, имъ пущенная, отозвалась въ другихъ. Такъ, купецъ Даниловъ подавалъ прошеніе о выдачѣ ему привиллегіи на пароходство по Енисею; но давать на это привиллегію нашли уже несвоевременнымъ. Такъ г. Лавровскій подавалъ проектъ о взятіи Туруханскаго края въ аренду; но время царствованія монополій, откуповъ, арендъ и т. п. миновалось, и проектъ не пошелъ въ ходъ. Благодарный, что семья Кобачева, выдала мнѣ замѣчательный проектъ, я приведу его здѣсь. Изъ него читатель увидитъ многое изъ состоянія Туруханскаго края.

„Туруханскій край, говоритъ г. Кобачевъ, по суровости климата и „тундроватому мѣстоположенію, неспособенъ къ хлѣбопашеству и ско„товодству. По этому весьма мало населенъ. За 30 лѣтъ предъ симъ, „край этотъ, будучи многолюднѣе, представлялъ и промышленность „обильнѣе, но въ продолженіи времени, уменьшаясь въ числѣ жителей, „дошелъ наконецъ до того затруднительнаго состоянія, въ какомъ на„ходится нынѣ. Чтобы поддержать въ способахъ продовольствія оби„тателей Туруханскаго края, правительство давно уже учредило въ раз„ныхъ мѣстахъ онаго хлѣбные магазины и опредѣлило при нихъ вах„теровъ, которые, отпуская жителямъ хлѣбъ, получаютъ за него уплату „тогда уже, какъ звѣриные ихъ промыслы доставятъ къ тому возмож„ность. Но какъ одно снабженіе хлѣбомъ далеко неудовлетворяетъ „всѣхъ нуждъ туземца, то онъ ищетъ пособія отъ приплывающихъ „туда, въ лѣтнее время, енисейскихъ торговцевъ, становясь въ одно и „тоже время должникомъ и казнѣ, и частнымъ лицамъ.

„По этому казенное одолженіе, не говоря уже о частномъ, неупла„чиваясь вполнѣ, возрастало болѣе и болѣе, особенно при не успѣхѣ „въ звѣроловствѣ, такъ что въ настоящее время недоимка эта, состав„ляя значительную сумму, не представляетъ къ уплатѣ въ будущемъ

„никакой благонадежности. Она должна даже еще возвышаться ежегодно, потому что многіе изъ должниковъ находятся въ такой крайности, что не только не въ силахъ заплатить долговъ своихъ, но удручаемые бѣдностью, должны еще увеличивать ихъ необходимымъ займомъ хлѣба для пропитанія семействъ. Къ тому же многіе изъ должниковъ не находятся уже въ живыхъ; имущества отъ нихъ никакого не осталось, а семейства не только платить долговъ не въ состояніи, но сами еще нуждаются въ благотворительности. Столь велика крайность въ настоящее время большей части жителей Туруханскаго края, такъ что, если бъ даже сложили съ нихъ и всю недоимку, они все-таки не могли бы, безъ посторонняго пособія, сами собою, поддерживать бытъ свой. А потому, чтобы наконецъ доставить имъ способы къ достиженію благосостоянія, необходимо слѣдуетъ принять такія мѣры, которыя бы, снабжая нуждающихся потребнымъ продовольствіемъ и не стѣсняя ихъ въ срокахъ платежа за оное,—предоставляли имъ свободу уплачивать тогда, какъ уловъ звѣря или рыбы доставитъ къ тому средства. Но таковыя мѣры возможны лишь тогда, когда бы весь тамошній край отданъ былъ въ хозяйственное распоряженіе частному лицу, которое бы дѣйствовало въ этомъ случаѣ по ближайшему усмотрѣнію. Эта мѣра избавила бы мѣстное начальство отъ тѣхъ затрудненій и попеченій о краѣ, какія по означеннымъ обстоятельствамъ необходимы, а казна сберегла бы тѣ суммы, какія по этому случаю употребляются. Движимый таковыми мыслями, я желалъ бы съ своей стороны осуществить такое предпріятіе на условіяхъ, которыя состоятъ въ слѣдующемъ:

1. „Народонаселеніе, по 9-й народной переписи, Туруханскаго края состоитъ изъ 2,669 душъ, платящихъ подати и ясаки до 7,200 р. сер. Желаю, чтобъ отдали мнѣ край въ арендное хозяйственное полное распоряженіе, срокомъ на 25 лѣтъ. Чтобы, я платилъ за то, по числу душъ, уже по послѣдней 10 народной переписи, всѣ долженствующія получаться казною выгоды.

2. „Отъ всякихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, коими мѣстные жители пользуются, предоставить пользованіе мнѣ одному преимущественно предъ всѣми другими, посторонними лицами, которые теперь по сему собственно занимаются въ Туруханскомъ краѣ. А съ отдачи мнѣ края они должны прекратить и всякое обращеніе, и торговлю съ жителями онаго.

3. „Всѣ произведенія рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, чрезъ посредство жителей Туруханскаго края пріобрѣтаемыя, должны поступать прямо лишь въ мои руки, а потому заниматься покупкою у нихъ

„всего этого вправѣ только я одинъ; всѣ же посторонніе лица тако-„ваго права имѣть не могутъ. А равно и всѣ мѣста, могущіе имѣть „въ себѣ золотосодержащія розсыпи, или другіе какіе металлы, руды „и минералы, — все это должно принадлежать собственно мнѣ, въ про-„долженіи означенныхъ 25 лѣтъ, и разработка оныхъ ни кому болѣе „принадлежать не можетъ, иначе какъ съ согласія моего и съ тѣмъ, „чтобы дѣйствія ихъ не нарушали правъ, которыя мнѣ, настоящими „условіями, будутъ предоставлены. Впрочемъ, само собою разумѣется, „что это производство должно подчиняться общимъ дѣйствующимъ за-„конамъ.

4. „Имѣя таковыя права, и съ моей стороны обязываюсь: а) обез-„печить продовольствіе всѣхъ жителей Туруханскаго края доставленіемъ „туда хлѣба и прочихъ для существованія ихъ потребностей, въ та-„комъ количествѣ, какое для нихъ нужно. Цѣна всего, отпускаемаго имъ „въ продажу—отъ меня, равно какъ и принимаемаго за то вознаграж-„денія, будетъ установляваться по моему усмотрѣнію; б) вносить въ „казну, въ положенный срокъ, всѣ подлежащія съ нихъ подати сполна „и наличными деньгами, какъ за крестьянъ и мѣщанъ, такъ и за ино-„родцевъ, производя расчетъ въ этомъ съ ними уже лично; в) для „помѣщенія запасовъ хлѣбнаго продовольствія, я долженъ принять тѣ же „самые магазины, какіе существуютъ въ разныхъ мѣстахъ края, не „платя за оныя казнѣ, равно и всѣ казенныя постройки, сколько оныхъ „окажется въ наличности.

5. „Для содѣйствія мнѣ въ подлежащихъ распоряженіяхъ, находя-„щаяся нынѣ въ Туруханскѣ казачья команда во всемъ ея составѣ, мо-„жетъ остаться тутъ же въ существующемъ порядкѣ и если потре-„буется оной содержаніе собственно отъ меня, то я готовъ доставлять тако-„вое въ установленномъ размѣрѣ. А какъ и для исполненія врачебныхъ „обязанностей долженъ находиться тамъ медикъ, то обязуюсь обезпе-„чить и его жалованіемъ, каковое онъ нынѣ получаетъ.

6. „Такъ какъ со введеніемъ означаемаго распорядка, званіе Туру-„ханскаго отдѣльнаго засѣдателя должно уже упраздниться, то всѣ жи-„тели Туруханскаго края должны считаться по состояніямъ ихъ въ вѣ-„домствѣ тѣхъ обществъ и начальствъ, къ коимъ по закону принадле-„жатъ. А потому въ случаяхъ, подвергающихъ ихъ личной отвѣтствен-„ности, они будучи преданными оной по донесенію старшихъ своихъ, „если потребованы будутъ начальствомъ, должны быть мною же достав-„лены до границы Енисейскаго округа и сданы по принадлежности. А „какъ при предполагаемомъ распорядкѣ никакихъ ни казенныхъ, ни „частныхъ исковъ съ жителями быть уже не можетъ, то въ случаѣ

„возникновенія — считать ихъ недѣйствительными. Равнымъ образомъ, „если, по распоряженію начальства, отряженъ будетъ въ Туруханскій „край, для казенной надобности, чиновникъ, то проѣздъ его туда и „обратно производиться долженъ на счетъ казны, независимо отъ меня.

7. „Еслибъ, со временемъ, число жителей Туруханскаго края, по „разнымъ физическимъ причинамъ, уменьшилось въ значительной сте-„пени, то о населеніи сего края, соотвѣтственно потребности, прави-„тельство должно, по просьбѣ моей, сдѣлать распоряженіе и такого „рода просьбы не должны оставаться безъ уваженія. А также отпу-„скать мнѣ, по требованію моему, нужное для того края количество по-„роха и свинца, буде послѣднее потребуется съ платежемъ по стоющей „казнѣ цѣнѣ, также и соли.

8. „При таковомъ распорядкѣ и устройствѣ, вся добываемая въ „Туруханскомъ краѣ рыба, будучи подъ однимъ хозяйственнымъ наблю-„деніемъ, какъ въ способахъ храненія и соленія оной на мѣстахъ, такъ „равно въ укупоркѣ посуды и доставкѣ оной въ Енисейскъ, можетъ, „безъ сомнѣнія, имѣть и лучшее качество и какъ правильно и своевре-„менно распредѣляемая для продажи, не будетъ возвышаться необыкно-„венно въ цѣнѣ (какъ это при нынѣшнемъ образѣ торговли нерѣдко „бываетъ); также нѣтъ никакого сомнѣнія, что и звѣриный промыселъ „долженъ далеко увеличиться при тѣхъ способахъ и средствахъ, какіе „будутъ жителямъ даны“.

„Енисейскъ. Сентябрь, 1853 года“.

Вѣроятно читатель обратилъ вниманіе на содержаніе Кобачевскаго проекта. Каково же должно быть, на дѣлѣ, состояніе края, о которомъ можно такъ писать оффиціально. Да, сознаемся, что положеніе края грустное: я былъ тамъ, я видѣлъ самъ. И въ тоже время никто не убѣдитъ меня, будто край не производителенъ до того, что нужно или бросить его и выселить всѣхъ оттуда, или отдать частному лицу въ арендное содержаніе. Да, никто не убѣдитъ меня; потому что въ нашъ вѣкъ уничтоженія всякой крѣпостной зависимости, отдавать въ арендное содержаніе частному лицу цѣлый край, раскинутый на тысячи верстъ, вмѣстѣ со всѣмъ народонаселеніемъ и плодами трудовъ его — это... это просто возмутительно. Что же касается до того, чтобъ бросить край и выселить всѣхъ оттуда — это, по нашему мнѣнію, такая мѣра, которая похожа на «salto mortale». Развѣ можно оффиціально и насильственно мертвить ту сторону, которую когда-то граждане Россіи покоряли, заселяли, и которою такъ дорожили?! (1).

(1) Объ этомъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Мы думаемъ, что скопленіе недоимокъ края и затруднительное положеніе его есть явленіе, не необходимо и неотразимо истекшее изъ самаго края, а только случайное и потому временное. Мертвя край и выселивъ всѣхъ изъ него, мы удовлетворимъ только лѣни и невѣжеству. Напротивъ: нужно принять мѣры къ развѣдкѣ, самой основательной развѣдкѣ, причинъ, отъ которыхъ пало благосостояніе этого края; въ тоже время вглядѣться пристальнѣе въ самую природу его и выискать всѣ средства и источники, которые дастъ онъ, и развитіе которыхъ можетъ повести къ общему довольству.

Переберемъ всѣ предметы, на сколько они извѣстны намъ.

Говорятъ: „уменьшилось количество рыбы", что̀ и повело къ уменьшенію рыбнаго промысла. Отвѣчаю: количество рыбы ни сколько не уменьшилось; а измѣнились только условія торговли ею. Съ открытіемъ въ Енисейскѣ многихъ новыхъ потребностей, и новыхъ, выгоднѣйшихъ, оборотовъ капитала, особенно въ отношеніи къ гг. золотопромышленникамъ, енисейскіе купцы стали употреблять свои капиталы на другое. А само собою разумѣется, когда меньшее число судовъ отправляется за рыбою и съ меньшимъ количествомъ народа, менѣе и уловъ рыбы. Даже измѣненіе вкуса потребителей рыбы, требующихъ отъ нея болѣе свѣжести, а съ другой стороны пониженіе цѣнъ, приплывающими туда енисейцами, на рыбу, заготовленную туземцами заранѣе, ставитъ ихъ въ необходимость пропускать лучшее время хода то того, то другаго сорта рыбы. Да, въ 1857 году, во время своей поѣздки по Туруханскому краю, я видѣлъ своими глазами рыбу, наложенную на берегу въ цѣлыя полѣнницы и безъ всякаго за нею присмотра. Слѣдовательно количество рыбы не уменьшилось.

Говорятъ: „уменьшилось количество звѣря". Вотъ это совершенно вѣрно, хотя и тутъ играетъ большую роль лѣность, развившаяся съ учрежденіемъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Что̀ послѣднее справедливо, доказываетъ одинъ, очень интересный случай: былъ годъ, когда отдѣльный засѣдатель рискнулъ выпускать менѣе хлѣба, такъ что, гдѣ выходило 300 пудъ, онъ выпустилъ только 75 и получилъ блестящіе результаты: трудолюбивѣе былъ уловъ рыбы, болѣе насушили ея на зиму, просуществовали благополучно, а промысла вели на столько удачнѣе, что внесли до 4000 руб. сер. недоимки, да представили 400 горностаевъ, не бывавшихъ вовсе въ теченіе предъидущихъ пяти лѣтъ.

Обѣдненіе края звѣремъ, на сколько оно дѣйствительно произошло, зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) достовѣрно извѣстно, что бѣлка, переплавляясь, по какой-то причинѣ, съ одной стороны Енисея на другую, потонула во множествѣ; 2) въ 1855 году завязалось даже дѣло

о выженіи звѣроловныхъ лѣсныхъ мѣстъ Туруханскаго края тунгусами Богучанскаго отдѣленія; 3) такъ какъ пожары, истребляющіе лѣса, не только лишаютъ звѣря мѣстопребыванія, но и отгоняютъ дальше и дальше, то навѣрно неостались безъ послѣдствій и огромные лѣсные пожары 1859 года, занимавшіе въ енисейскомъ округѣ тысячеверстныя пространства, такъ что отъ сухости и дымности въ воздухѣ и травы мало поднимались, и человѣку трудно дышалось, и осенью всѣ болѣзни принимали нервный характеръ; 4) опустошеніе численности инородцевъ сперва гнилою горячкою, а въ 1850 и 1851 годахъ оспою, при чемъ валялось всюду по лѣсамъ много труповъ и приманивало много хищныхъ звѣрей, въ родѣ медвѣдей, россомахъ и волковъ, отъ алчности которыхъ бѣжали дальше другіе лучшіе звѣри, болѣе нужные для торговли.

А чтобы видно было до какой степени уменьшилось, если не количество звѣря, то по крайней мѣрѣ количество улова его въ краю Туруханскомъ въ послѣднее время, приведу статистическія свѣденія за 1825 и 1826 года. Для сравненія надобно сопоставить ихъ съ числами, за послѣдніе 15 лѣтъ, заключающимися въ особой большой таблицѣ. Числа же за 1825 годъ извлечены мною изъ оффиціальнаго отчета лекаря Яроцкаго въ 1827 году, помѣщеннаго въ Казанскомъ Вѣстникѣ.

Вывезено изъ Туруханскаго края:

1. Соболей	28,000 шт.	8. Лисицъ черныхъ.	200 шт.
2. Песцовъ простыхъ .	140,000 „	9. Бѣлыхъ волковъ.	5,000 „
3. Песцовъ голубыхъ.	6,000 „	10. Медвѣдей.	6,000 „
4. Бѣлокъ до	300,000 „	11. Горностаевъ . . .	12,000 „
5. Лисицъ бѣлодушекъ	15,000 „	12. Колонковъ	7,000 „
6. Лисицъ сиводушекъ	6,000 „	13. Кротовъ	500,000 „
7. Огнёвокъ	3,000 „	14. Мамонтовой кости	250 пуд.

Говорятъ: „край бѣднѣетъ отъ уменьшенія народонаселенія“. Не отвергаю, что гнилая горячка и оспа не только повалили множество людей, но въ свое время парализовали и промышленную дѣятельность; до ловли ли звѣрей, когда инородческіе роды, съ чадомъ въ умѣ и страхомъ въ душѣ, бѣгали по лѣсамъ, какъ одичалые, бросая гибнувшихъ собратовъ и все имущество свое.

Но не вѣчны же пожары, не всегда же будутъ тонуть бѣлки и свирѣпствовать повальныя болѣзни. Это — явленія случайныя, временныя. А мы покажемъ сейчасъ сколько есть залоговъ къ улучшенію благосостоянія края.

1. Улучшить засолъ рыбы, что̀ уже и началось съ выписки въ Туруханскъ астраханскаго засольщика. Это сдѣлано начальникомъ губерніи В. К. Падалка. Зимою на 1860 годъ мы лакомились уже въ Енисейскѣ прекрасными образцами новаго засола. Изъ рукъ этого засольщика пойдутъ, навѣрное, и балыки, и паюсная икра, и, думаемъ, вытѣснятъ привозные дорогіе матеріалы.

2. Улучшить выварку соли въ Троицкомъ солеваренномъ заводѣ, откуда соль привозится до того плохая, что, по совѣсти, не должна бы въ такомъ видѣ и въ пищу употребляться. А при засолѣ рыбы — какъ много значитъ достоинство соли!

3. Обратить особенное вниманіе на открытые въ 1859 году соляные источники по р. Сѣверной, притокѣ Нижней Тунгуски. Соль эта оказалась прекрасною по моимъ разложеніямъ, сдѣланнымъ въ 1860 году. И замѣчательно, что эти ключи находятся недалеко отъ Норыльскихъ озеръ, въ которыхъ до баснословности много рыбы, самой разнообразной и даже морской; есть виды и форели и семги.

4. Обратить вниманіе на очень крупныя сельди, водящіяся въ озерахъ восточной тундры, что̀ особенно важно при открытыхъ теперь соляныхъ ключахъ по р. Сѣверной, — этотъ предметъ могъ бы составить дорогую статью промышленности и торговли.

5. Заслуживаетъ упомянуть, что въ послѣднее время, изъ подъ рукъ кропотливыхъ и расчетливыхъ скопцовъ, выходили, за Туруханскомъ, даже хорошія огородныя овощи и, къ удивленію, „ячмень“.

6. Обратить вниманіе народонаселенія на очень хорошую муку, получаемую изъ корневыхъ луковицъ „сараны“ (Lilium Martagon); также и на то, что за Туруханскомъ есть жители, давно употребляющіе оленій мохъ, какъ подспорье муки, при печеніи хлѣбовъ.

7. Внушать и наблюдать за жителями, чтобы они, вмѣсто того, чтобы бросать рыбу отъ лѣтняго и осенняго избытка, сушили бы её для зимы въ порошокъ.

8. Завести по станкамъ, лежащимъ къ сѣверу отъ Туруханска, на 600 верстъ, до Дудинки, вмѣсто собакъ, по 2 лошади на каждый станокъ. Дѣло въ томъ, что собаки съѣдаютъ хлѣба вдвое противу хозяевъ, а хлѣбъ такъ дорогъ, и изъ-за него жители или берутъ заимообразно въ казенныхъ магазинахъ съ вѣчною за то недоимкою, или платятъ очень дорого енисейскимъ торговцамъ. Между тѣмъ можно тамъ ставить по 70 копенъ сѣна. А за снабженіе лошадьми, полагая каждую не дороже 15 руб., можно въ теченіе трехъ лѣтъ получить обратно деньги, вычитая при выдачѣ прогонвъ.

9. На основаніи же вышеизложеннаго, и особенно пунктовъ 5, 6,

7 и 8, можно просить объ уничтоженіи, или по крайней мѣрѣ объ ограниченіи хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Вѣдь они обременяютъ только казну расходами, даютъ возможность вахтерамъ воровать, и развиваютъ тунеядство въ неразвитыхъ обитателяхъ.

10. Обратить вниманіе на китоловство.

11. Отмѣнить безусловное приказаніе продавать съ торговъ въ г. Енисейскѣ (въ присутствіи окружнаго управленія): одындры (шкуры среднихъ оленей), пыжи (шкурки малыхъ оленей), ровдуги (родъ замши), комысы (шкура съ ногъ) и проч., полученныя въ ясачную плату. Само собою разумѣется, что, отбросивъ мысль о злоупотребленіи, вещь дороже тамъ, гдѣ въ ней нуждаются; такъ безъ этихъ вещей нельзя жить въ Туруханскомъ краю, а въ Енисейскѣ въ нихъ нѣтъ никакой нужды. Между тѣмъ предписано отвозить въ Енисейскъ и продавать въ немъ, хотя бы то было и за безцѣнокъ.

12. Предотвратить возможность повторенія такихъ случаевъ, какъ было, говорятъ, когда-то, что медвѣди, принятые въ ясакъ, въ цѣнѣ отъ $1^1/_2$ до 3 рублей, продавались въ Енисейскѣ съ торговъ за полцѣны, тогда какъ въ Туруханскѣ давали купцы отъ 3 до 5 руб.; или какъ было, говорятъ, что мамонты, принятые въ недоимку за 7 р. 50 к., проданы въ Енисейскѣ за 2 р. с., тогда какъ отдѣльный засѣдатель самъ лично хотѣлъ взнести по 9 р. 50 к. за пудъ. Продавая такъ нерасчетливо, предписываютъ еще недополученное, противу номинальной ясачной стоимости, вписывать вновь въ недоимку.

13. Уничтожить тѣ три подвижные хлѣбные магазина, которые пребывали на Нижней Тунгускѣ по девяти мѣсяцевъ, имѣя при каждомъ по 2 вахтера и 10 рабочихъ. Вѣдь каждому изъ рабочихъ платилось по 72 р., тогда какъ одинъ засѣдатель, сказывали мнѣ, закупилъ все самъ и выдалъ, такъ что, вмѣсто 72 р., обошлось только по 32 р.

14. Уничтожить распоряженіе о непремѣнномъ взиманіи деньгами съ жителей станковъ за хлѣбъ, который могъ быть вѣдь купленъ и въ очень дорогое время; а почему же бы не дозволить взноса натурою, т. е. хлѣбомъ же, закупленнымъ жителями въ болѣе дешевое время? Вѣдь въ этомъ не было бы ущерба, а напротивъ польза: перемѣна хлѣба лежалаго на свѣжій.

15. Дозволять выборнымъ отъ каждаго станка, или лучше отъ нѣсколькихъ вмѣстѣ, плавать весною въ г. Енисейскъ для закупки хлѣба подъ берегомъ, во время сплава изъ Минусинска и Иркутска, въ это, самое дешевое время.

16. Вмѣсто обременительнаго разъѣзда г. отдѣльнаго засѣдателя по станкамъ своего Туруханскаго края, для раздачи прогоновъ, не лучше

ли разослать на станки съ почтою, гдѣ при полученіи выдавались бы и квитанціи отъ общественниковъ.

17. Внушить по станкамъ, чтобы жители ихъ не возили безъ платы прогонныхъ денегъ, не только частныхъ лицъ и скопцовъ, разъѣзжающихъ взадъ и впередъ, но и самыхъ чиновниковъ.

18. Чтобы не росли недоимки отъ произвола вахтеровъ и не взыскивалось дважды и трижды одно и тоже, должно выдать на руки каждому жителю особый билетъ, въ который былъ бы заносимъ каждый дѣлаемый имъ платежъ.

Конечно, въ то время какъ пишемъ мы эти строки, такіе факты можетъ быть неповторяются, можетъ быть указанныя нами мѣры, или что̀ нибудь еще лучше ихъ, уже приняты; но мы сказали или о томъ, что бывало когда то, или могло быть, — и вѣрно никто на насъ за то не посѣтуетъ. Выскажемъ и еще нѣсколько мыслей.

19. Какъ можно соразмѣрнѣе раздѣлить почтовую гоньбу, какъ между крестьянами, такъ и между поселенцами. А то иногда одинъ крестьянинъ, побогаче, имѣегъ по три подводы и слѣдовательно втрое противу другихъ получаетъ прогоновъ. Поселенцу же иногда и вовсе не дозволяютъ держать подводу, на томъ основаніи, что онъ не платитъ подати. Мы же думаемъ, что лучше обязать и ихъ этою пустою (въ 3 р. 50 к.) податью (чего и поселенцы желаютъ), да дозволить имъ держать подводы и даже открыть имъ для этой цѣли небольшой кредитъ сначала, а тамъ и вычесть ихъ долгъ при платежѣ прогоновъ.

20. Также устранить возможность неправильнаго дѣленія и въ отношеніи рыболовства. Приведемъ примѣръ. Осенью для ловли нельмы, на верховыхъ станкахъ, т. е. отъ Камня до Верхнеинбацка ([1]), нуженъ большой неводъ, саженъ въ 150 и въ 200, и такихъ неводовъ даже до 10; для каждаго невода требуется по 7 человѣкъ; каждый обязанъ дать свою часть сѣти и веревокъ; нельма добывается не всюду, а только на извѣстныхъ мѣстахъ, которыя она и неперемѣняетъ; при каждомъ станкѣ есть такія мѣста и вверхъ и внизъ по теченію Енисея; для ловли жители дѣлятся на артели и идутъ артель № 1 на первое мѣсто, № 2 — на второе; а на завтра мѣняются мѣстами. Казалось бы идетъ дѣло справедливо; но трудность получать коноплю и не точно опредѣленныя права поселенцовъ измѣняютъ все и люди богатые забираютъ болѣе въ свои руки. Это дѣлается такъ: поселенцовъ отстраняютъ отъ

([1]) Ниже изложены всѣ эти мѣста и разстоянія ихъ другъ отъ друга.

участія въ ловлѣ на томъ основаніи, что не платятъ подать, хотя бы они и изъявляли желаніе на то; за неимѣніемъ у кого либо конопли для приготовленія, либо поправки невода, участіе его переходитъ, на условіяхъ между ними, къ крестьянину, болѣе зажиточному, а неводовъ бываетъ на станокъ примѣрно по 3, и въ каждомъ изъ нихъ по 6 паевъ.

21. Мы выше подали мысль объ уничтоженіи хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ, которые такъ затрудняютъ правительство, такъ дорого стоятъ ему и съ учрежденіемъ которыхъ такъ увеличилась недоимка. Эта же мысль, кажется, заявлена и оффиціально и литературно бывшимъ окружнымъ Енисейскимъ начальникомъ г. Мордвиновымъ. А теперь мы прибавимъ, что напротивъ не достаетъ на станкахъ продуктовъ, гораздо болѣе важныхъ для обитателей Туруханскаго края, это — соли и конопли. Вѣдь выше мы подали мысль о командировкѣ, складчиною нѣсколькихъ станковъ, выборнаго въ г. Енисейскъ для покупки хлѣба весною, когда онъ дешевъ; почему же вмѣстѣ съ хлѣбомъ не дозволить закупъ годовой пропорціи соли и конопли?

22. А чтобы покупка конопли была въ половину дешевле, ничего не стоитъ минусинскому исправнику закупить ее тамъ и спустить по весеннему полноводью въ Енисейскъ, при чьей нибудь хлѣбной баркѣ. Вѣдь этого продукта требуется на Туруханскій край почти 1,000 пудъ. Прибывшіе въ Енисейскъ выборные развезли бы и коноплю.

23. Еще было бы чрезвычайно важно дозволеніе учредить на станкахъ не казенные, а общественные складочные магазины. Вотъ что̀ я думаю. Достовѣрно уже извѣстно, что въ верховыхъ станкахъ до Верхнеинбацка хорошо родиться могутъ, при уходѣ, картофель, морковь, рѣдька, рѣпа чрезвычайно большая, свекла. Надобно снабдить жителей хорошими сѣменами и обязать ихъ, по уборкѣ полученнныхъ овощей, сдать ихъ въ предполагаемый общественный магазинъ станка. Такіе магазины, замѣтимъ мимоходомъ, должны строиться собственными руками жителей. Также каждое семейство обязано заготовить для зимы приблизительное количество засоленой рыбы и, укупоривъ въ свою посуду, сдать въ магазинъ. Пріемъ въ магазинъ и рыбы и овощей, могутъ производиться выборными общественниками, которые должны сберегать ихъ отъ порчи, а въ полученіи выдавать росписки. Все принимаемое должно складывать въ особыя кучи для каждой семьи. Изъ того выдавать каждый мѣсяцъ по расчету, чтобы хватило на зиму, а изъ овощей осталось должное количество для посѣва. Лучше, еслибъ и огородъ былъ общій и обработывался всѣмъ станкомъ. По общему приговору долженъ

быть выборъ: кому идти на рыбную ловлю, кого оставлять тутъ, и конечно, оставлять для огорода надобно дѣтныхъ матерей, хворыхъ, старыхъ и ребятъ подрастающихъ. Для постояннаго надзора и сбереженія огорода могутъ быть выбраны, смотря по надобности, одна или двѣ женщины.

Это сказано о жителяхъ собственно станковъ. А есть вѣдь еще инородцы. Это — Остяки, бродящіе обыкновенно около станковъ и занимающіеся по преимуществу рыболовствомъ. Для нихъ, въ теченіи зимне-осеннихъ $7^1/_2$ мѣсяцевъ, тоже нуженъ хлѣбъ; а потому обязать и ихъ, по отплытіи енисейскихъ торговцевъ, для которыхъ ловятъ они рыбу, заготовить этотъ продуктъ и для себя, подобно русскимъ общественникамъ, и сдать въ тѣ же магазины. Подобная мѣра была бы важна въ другомъ отношеніи: она сцѣпила бы инородцевъ (Остяковъ) болѣе съ русскими, сдѣлала бы ихъ какъ бы общественниками и пріучила бы къ осѣдлости, тѣмъ болѣе, что Остяки считаются всѣ давно христіанами.

24. Еще, думаемъ, нужно постановить, чтобы подъ именемъ жителей, душъ, разумѣлись и женщины, потому что въ этомъ краю онѣ возятъ подводы, неводятъ и отправляютъ все, что въ другихъ мѣстахъ составляетъ принадлежность только мужчинъ. Есть такія семейства, въ которыхъ отъ 4 до 6 взрослыхъ мужчинъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ во всемъ свой пай и за тѣмъ достаточныя средства къ пропитанію. Между тѣмъ какъ есть семьи, въ которыхъ одинъ только мужчина, а остальныя все женщины; слѣдовательно, какъ же взрослымъ женщинамъ не быть пайщицами во всемъ, и главное въ рыбной ловлѣ, которою онѣ занимаются отнюдь не хуже мужчинъ. Должно также надѣлять паями вновь причисляемыхъ къ станку поселенцовъ; а равно и остающихся послѣ нихъ малолѣтнихъ сыновей, которые хотя не платятъ податей, но вѣдь отъ этого зависитъ пропитаніе матери и сестеръ (особенно пока взрослыя женщины не будутъ пайщицами). Каждому вновь поселяемому полъ-пая надобно давать тотчасъ, а полный пай по заведеніи уже снастей. Старики, неспособные къ рыболовству, могутъ сохранять свой пай, пока будутъ присылать за себя работниковъ. Такъ какъ каждый взрослый долженъ имѣть свой пай, то надобно сдѣлать ограниченіе въ паяхъ для семействъ слишкомъ многолюдныхъ. Полнымъ работникомъ надобно считать съ 18-ти лѣтняго возраста, а съ 14-ти лѣтняго только полуработникомъ.

Полагаемъ, что всѣхъ вычисленныхъ нами мѣръ было бы весьма достаточно для упроченія благосостоянія жителей Туруханскаго края, тѣмъ болѣе, что платятъ они податей только 3 р. 50 к., не несутъ

рекрутскихъ повинностей, не содержатъ волостныхъ правленій и дорого стоющихъ писарей, и проч., такъ что сѣверные станки, примыкающей къ Туруханскому краю волости Анцыферовской, особенно отъ Ярцовой до Вороговой, находятся въ несравненно худшихъ условіяхъ. Положимъ, что обѣднѣніе Анцыферовской волости, съ водвореніемъ золотопромышленности, произошло отъ общихъ причинъ, уже сказанныхъ выше; вѣдь родились прежде въ этой волости и хлѣбъ, и ленъ, и конопля, тогда какъ теперь все это брошено. Но сѣверные-то станки, съ одной стороны, не принимаютъ участія въ перевозкѣ тяжестей на промысла, а съ другой — отбываютъ всѣ повинности на общемъ основаніи; между тѣмъ какъ природа ихъ почти та же, что въ верховыхъ станкахъ Туруханскаго края. Надобно бы, полагаемъ, подумать объ ихъ облегченіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Поверхность, горы, воды, почва, грунтъ и климатъ.

Енисейскій округъ лежитъ въ бассейнѣ рѣки Енисея. Бассейнъ заключенъ (какъ сказано въ ст. Об. Сиб. Гагемейстера): „между горъ, на „почвѣ болѣе каменистой, чѣмъ ровной, болотистой, озерной и солон„чаковой; при воздухѣ сухомъ и прозрачномъ, при малости снѣга и „дождя, но при большихъ и раннихъ изморозяхъ.“ Таковъ этотъ бассейнъ въ южныхъ округахъ губерніи; но въ Енисейскомъ, если съ восточной стороны и тянутся еще горы рядами, берегъ такъ же высокъ, такое же множество рѣкъ быстро катится съ горъ въ Енисей, то на западной—горы, провожавшія эту рѣку въ южныхъ округахъ и откидывавшія на западъ рѣки, направлявшіяся было къ Енисею, изчезаютъ, или, вѣрнѣе, теряются въ плоскихъ, сырыхъ возвышенностяхъ, между которыми стоятъ непросыхающія болота, и такъ до самаго моря; слѣдовательно и климатъ, особенно въ мѣстахъ, гдѣ ни мало не тронута дремучая тайга, напротивъ, сыръ, дождей довольно, снѣговъ очень много. Да не подумаютъ, что я совершенно отвергаю мнѣніе достопочтеннаго автора. Ни мало; я указываю только на то, что видоизмѣненіе мѣстности лѣваго берега и дремучая тайга по низменностямъ въ Енисейскомъ округѣ вліяютъ на видоизмѣненіе и климата, — хотя, съ другой

стороны, это же измѣненіе было несравненно бы рѣзче, если бъ не вліяла на то общая картина бассейна. И въ самомъ дѣлѣ: бассейнъ этотъ, заключенный между горъ и въ центрѣ Сибири, не можетъ получать вѣтровъ теплыхъ и влажныхъ, во 1-хъ потому, что отъ Атлантическаго океана очень далекъ и застороненъ, кромѣ своихъ горъ, (исключая Туруханскаго края), еще уральскимъ хребтомъ; во 2-хъ—отъ сырыхъ вѣтровъ Тихаго океана, кромѣ нѣсколькихъ грядъ своихъ горъ, огражденъ отчасти Камчатскимъ полуостровомъ и грядою Курильскихъ острововъ; между тѣмъ какъ въ Охотскомъ морѣ ледъ держится (и слѣдовательно мало даетъ испареній) иногда до августа; въ 3-хъ—съ юга прикрытъ хребтомъ горъ; въ 4-хъ—на сѣверъ хотя бассейнъ и открытъ и даже покатъ къ морю, но ледовитое море мало испаряетъ и пронизываетъ чуть ли не всю ложбину бассейна до прелестныхъ минусинскихъ пастбищъ своими рѣзкими, холодными, сухими вѣтрами. Къ этому же надобно прибавить: 1) что влага при холодѣ мало держится въ воздухѣ и скоро падаетъ на землю снѣгомъ или дождемъ; 2) что, при крайне быстромъ таяніи весной, не успѣваетъ довольно образоваться испареній и все стекаетъ въ ручьи и рѣчки; 3) что изъ сихъ послѣднихъ несется въ Енисей, а онъ вливается безостановочно въ Ледовитое море, откуда уже въ испареніяхъ почти невозвращается и, вблизи его по тундрамъ такъ холодно, что влага происходящая отъ дыханья мгновенно летитъ порошинками на укатанную плотно, какъ кость, поверхность снѣга, да въ прозрачной суши воздуха величаво играетъ природа сѣверными сіяніями. Такова общая картина, но далѣе мы увидимъ ея видоизмѣненія отъ мѣстныхъ, частныхъ и даже случайныхъ условій; даже тѣ же тундры, — лѣтомъ влажно зыбучія, вліяютъ на воздухъ иначе, особенно на лѣвой сторонѣ, далеко уже къ югу потерявшей гряду горъ, смѣнившихся валунами, и слѣдовательно открытой западнымъ вѣтрамъ. Только почти 100 верстъ лѣвый берегъ Енисейскаго округа сходенъ съ Красноярскимъ, а тутъ уже горы начинаютъ исчезать. Вообще округъ болѣе гористъ чѣмъ отлогъ. Отлогости его составляютъ плоскія, сырыя возвышенности, покрытыя мѣстами непросыхающими болотами и дремучею тайгою. Юго-западная площадь, перерѣзываемая рѣкою Кемью, со впадающими многими рѣчками, вмѣщаетъ четыре волости: Казачинскую, Маклаковскую, Бѣльскую и нѣкоторую часть Анциферовской. Самыя высокія горы, состоящія изъ кристаллическихъ породъ, идутъ съ восточной стороны, сопровождая обширную рѣку Верхнюю Тунгуску, называемую въ Иркутской губерніи Ангарою, берега которой мѣстами образуютъ незначительныя, низменныя долины, и на нихъ кое-гдѣ устроены селенія. Отъ хребтовъ этихъ горъ идутъ къ сѣверо-западу гряды

флецовыхъ горъ, образуя, между болѣе или менѣе обширными ущеліями ихъ, незначительныя долины. Долины эти раздѣляются горными малыми рѣками, вытекающими изъ ключей и болотъ (никогда непросыхающихъ въ тундристой почвѣ), и объятыхъ густымъ, почти непроходимымъ лѣсомъ, именуемымъ „тайгою", чрезъ которую рѣдко когда проникаютъ солнечные лучи. Тунгузскіе хребты горъ, имѣющіе у подошвъ своихъ селенія, горделиво всходятъ на извѣстныхъ пространствахъ въ видѣ сопокъ, значительно возвышенныхъ надъ уровнемъ рѣки. Сопки эти формируютъ при подошвѣ каменистую равнину, а на самой верхушкѣ иногда имѣютъ провалъ, выполненный водою на неизмѣримую глубину, въ видѣ извращеннаго конуса. Такая сопка есть при деревнѣ *Ковѣ*, Кежемской волости. Идущія рядами къ сѣверо-западу, сплошныя массы горъ, поросшія дремучимъ лѣсомъ, богаты естественными произведеніями, заключающимися въ обиліи драгоцѣнныхъ металловъ: серебра и преимущественно золота, не говоря уже о желѣзной рудѣ, повсюду разсыпанной въ земной ихъ почвѣ; равно видны слѣды и мѣди. Золотоносныя розсыпи, гнѣздящіяся большею частію, при подошвѣ въ особенности сланцовыхъ горъ, мѣстами съ гранитомъ и кварцомъ въ валунахъ, мѣстами же въ отлогостяхъ ихъ, заставили промышленниковъ разрабатывать эти горы. Съ 1840 года тамъ, гдѣ открыто мѣсторожденіе этого металла, стали устраиваться въ тайгѣ заводы, для разработки и промывки его. При постепенныхъ открытіяхъ золота въ отлогостяхъ горъ, начиная отъ рѣки Каменки, примыкающей устьемъ къ правому берегу рѣки Тунгуски, внизъ до устья послѣдней, и уклоняясь постепенно къ сѣверо-западу до устья рѣкъ, выпавшихъ въ Енисей: Тиса и Пита, золотые пріиски раздѣлились на двѣ части или системы: А) южную, по теченію рѣки Удерсъ, впавшаго въ упомянутую рѣку Каменку, и Б) сѣверную — по направленію сказанныхъ рѣкъ Тиса и Пита. Кромѣ металловъ, въ нѣкоторыхъ горахъ по Тунгускѣ находятъ породы минералловъ и ископаемыхъ: аква-марины, сердолики, желтый топазъ, и есть даже цѣлая гора отмѣнной слюды, на правомъ берегу рѣки Тасѣевой, устьемъ своимъ павшей въ рѣку Тунгуску, близъ селенія Кандаки.

За этимъ очеркомъ перейдемъ къ почвѣ.

Грунтъ земли этого округа чрезвычайно разнообразенъ: подъ городомъ соединеніе песка съ иловатою землею, усѣянною мѣстами булыжникомъ и глиною, а черноземъ только въ огородахъ.

Въ волостяхъ, по направленію лѣваго берега рѣки Енисея, начиная отъ Красноярскаго округа внизъ до Енисейска, грунтъ земли въ низменныхъ мѣстахъ песчано-глинистый, а на возвышенностяхъ сплошной

черноземъ, какъ въ Казачинской, Маклаковской и Бѣльской волостяхъ. Потому въ этихъ мѣстностяхъ удовлетворительное хлѣбородіе, особенно въ первой изъ сказанныхъ волостей, какъ болѣе южной части округа, гдѣ постоянный черноземъ не выпахивается, и жители здѣсь довольствуются почти постояннымъ урожаемъ; но въ остальныхъ двухъ волостяхъ, гдѣ тонкое наслоеніе чернозема съ глиноземомъ, менѣе прочно хлѣбопашество и земледѣльцы должны мѣнять свои пашни на новыя, чрезъ каждое трехъ-лѣтіе.

Въ Яланской же и Анцыферовской волостяхъ, гдѣ грунтъ земли — глина съ супескомъ и иломъ, гдѣ скопище болотъ, озеръ и вѣковыхъ лѣсовъ, хлѣбородіе гораздо меньшее и оно поддерживается чрезъ удобреніе полей навозомъ. Онъ привозится изъ селеній на пашни, отдаленныя отъ нихъ на 15, 20 и даже 40 верстъ. Пашни эти называются „гари", потому что для нихъ выбираются мѣста, гдѣ до того лѣсъ выгорѣлъ, или разрушенъ бурями. Удобреніе тутъ повторяется и пашни перемѣняются почти каждое двухъ-лѣтіе. Здѣсь хлѣбопашество слишкомъ ограничено, какъ отъ неблагодарной почвы, недостатка рукъ большею частію малосемейныхъ крестьянъ, такъ и отъ суроваго климата, при раннихъ инеяхъ, замораживающихъ хлѣбные посѣвы еще въ началѣ ихъ созрѣванія. Потому яровые хлѣба на этой почвѣ не всегда доходятъ, и слѣдовательно сборъ ихъ очень скуденъ. Вслѣдствіе того жители засѣваютъ только озимую рожь, и ранніе всходы ея вознаграждаютъ трудъ земледѣльца, тогда какъ пшеницу не сѣютъ по всей Анцыферовской волости, потому что ни грунтъ земли, ни климатъ не благопріятствуютъ ея растительности.

Въ волостяхъ же Бугучанскаго отдѣленія — Кежемской и Пинчукской, вблизи береговъ рѣки Тунгуски, хлѣбъ не родится вовсе, потому что тамъ глинисто-каменистый грунтъ съ песчанымъ, рѣдко глина съ булыжникомъ, разныя породы глины красной, яблочно-зеленой, вохры, зеленовато-сѣраго песка, зеленовато-синяго лигнита, кремнезема, сплошнаго и охристаго песчаника съ глиною. Поэтому посѣвы дѣлаются по прибрежьямъ рѣчекъ, впадающихъ въ Ангару съ южной стороны, или также на горахъ, гдѣ глина удобряется навозомъ, свозимымъ изъ дворовъ. На островахъ же Ангары пользѣ запашки мѣшаютъ весеннія наводненія.

Климатъ округа, покрытаго вообще густыми лѣсами, рѣками и болотами, чрезвычайно суровъ. Здѣсь господствующее время года есть зима, продолжающаяся отъ октября до апрѣля мѣсяца. Стужа превышаетъ часто 35° по Реомюру. Средняя глубина снѣга въ лѣсахъ $2^1/_2$ аршина. Преимущественно въ февралѣ мѣсяцѣ выпадаютъ почти еже-

дневно снѣга. Глубина промерзанія простирается до 2-хъ, а на болѣе открытыхъ мѣстахъ около 3-хъ аршинъ. Въ апрѣлѣ чаще всего начинаются проталины и проявляются иногда ясные весенніе дни, въ теченіи которыхъ снѣгъ, неосаживаемый никогда оттепелями, исчезаетъ съ необыкновенною быстротою; но очень рѣдко этотъ снѣгъ сохраняетъ постепенность въ таяніи, производимомъ оттепелью и дождями, въ это время начинающими выпадать. Въ маѣ иногда снова настаютъ холода, когда снѣгъ и градъ спорятъ съ дождями; за то въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ большею частію выстаиваетъ ясная погода, и въ это самое короткое лѣто настаютъ жары. Они восходятъ до 30° по Реомюру, продолжаясь не далѣе августа мѣсяца, когда наступаютъ уже холодные, съ инеями, утренники, а въ сентябрѣ проявляется ненастная погода, которая и продолжается до заморозковъ или начала зимы въ октябрѣ мѣсяцѣ. Вообще температура въ Енисейскомъ округѣ чрезвычайно непостоянна; однакожъ въ 1842 году сентябрь и почти весь октябрь мѣсяцы были безснѣжны, и дни такъ ясны, что никто изъ старожиловъ такихъ и не упомнитъ. Но это явленія, въ здѣшнемъ климатѣ, рѣдкость. Часто въ іюнѣ мѣсяцѣ бываютъ холода, какъ 1858 года, кои мѣшаютъ произрастенію травъ, хлѣбовъ и даже огородныхъ овощей; за то когда наступятъ короткія ночи и установится теплая погода, тогда растительность быстро развивается. Заморозки осенніе, начинающіеся иногда съ 1 сентября, менѣе вредны весеннихъ, ибо растенія ихъ переносятъ — какъ бы привыкнувъ уже къ постепенности холода; только въ окрестности болотъ они иногда портятъ посѣвы овса, пшеницы и гороха, если таковые не убраны были по причинѣ лѣтнихъ, съ короткими перемежками, дождей. Огородныя сѣмена не вездѣ дозрѣваютъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, кои здѣсь считаются господствующими въ осеннее время. Обыкновенные въ этомъ округѣ вѣтры: сѣверный и восточный; при этихъ вѣтрахъ чаще стоитъ ясная погода; при южныхъ, напротивъ, и юго-западныхъ — идутъ дожди. Перемѣна вѣтра съ сѣвера на югъ, и на оборотъ, бываетъ нерѣдко и безъ всякой постепенности. Всегда послѣ дождя слѣдуетъ холодъ, потому что южный вѣтеръ смѣняется сѣвернымъ. Весною бываютъ только мѣстами, и очень рѣдко, бури, сокрушающія лѣса на значительныя пространства, какъ и было нѣкогда въ Бѣльской волости. Вообще говоря, число пасмурныхъ дней превосходитъ число ясныхъ.

Подробности же, относящіяся къ сему предмету, равно и поверхность края Туруханскаго, будутъ при изложеніи водной системы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Главная рѣка — Енисей прорѣзываетъ зигзагомъ средину населенной части Енисейскаго округа. Она идетъ отъ юго-востока на сѣверо-западъ по каменисто-песчаному грунту, съ большой быстротой. Логовина Енисея поката къ сѣверу. Правый берегъ Енисея болѣе утесистъ и на немъ немного низменныхъ отлогостей и лѣсистыхъ долинъ, съ зыбучею тундрою и никогда не просыхающими болотами. Лѣвый же берегъ большею частію не высокъ и весь теряется въ плоскихъ, сырыхъ возвышенностяхъ, на которыхъ много болотъ, обросшихъ лѣсомъ на большое разстояніе къ сѣверо-западу. Рѣка Енисей (¹), (разумѣя подъ этимъ наименованіемъ все теченіе до моря), такъ важна, что о ней и ея многочисленныхъ притокахъ надобно сказать подробно.

По изслѣдованіямъ послѣдней экспедиціи, въ которой принималъ участіе астрономъ Шварцъ, оказалось, что на территоріи китайской еще изъ озера Коссогола начинается рѣка, имѣющая сперва направленіе западное.

За тѣмъ подъ 51°44′ и 3″ сѣверной широты и 69° и 32′ восточной долготы, въ 450 верстахъ южнѣе города Минусинска, есть мѣсто пограничнаго знака, состоящаго изъ большаго деревяннаго креста съ нашей стороны и изъ наложенной въ формѣ утки кучи камней — со стороны китайской. Тутъ Енисей имѣетъ уже въ ширину до 250 саженъ и называется Кемью, что соеты и минусинскіе инородцы переводятъ словами „большая лодка“.

За тѣмъ до самаго Минусинска, рѣка протекаетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ и названіе „Енисей“ кн. Костровъ производитъ отъ испорченнаго русскими тунгузскаго слова, „Іеханесъ“, т. е. большая вода.

Въ русскихъ владѣніяхъ впадаютъ въ Енисей слѣдующія рѣки: 1) рѣчка Пограничная (съ правой стороны); 2) рѣчка Сосновая (съ лѣвой); 3, 4 и 5) рѣчки Теплая, Лиственная и Солонечная (тоже), 6) Усъ (съ правой)—первая значительная рѣка, берущая начало въ ки-

(¹) Мы все таки подъ Енисеемъ разумѣемъ всю ту рѣку, которая съ китайской границы до Ледовитаго моря протекаетъ по всему пространству Енисейской губерніи; перемѣнимъ это общепринятое названіе тогда только, когда мнѣніе, давно еще г. Черепановымъ пущенное въ литературный оборотъ, о значеніи Ангары какъ главной рѣки, — будетъ доказано научно и обстоятельно.

тайскихъ границахъ, гдѣ и кочуютъ тысячи саетовъ, находится подъ 52° 7′ и 17″ сѣверной широты, и хоть мелководна, а все таки плоты по ней плаваютъ; золота же во всей системѣ этой рѣки такъ мало, что нѣтъ и разработокъ; въ вершинахъ предполагается мѣсторожденіе каменной соли; противу устья Уса, по словамъ кн. Кострова, Енисей „шириною верста и безъ острововъ“.

Далѣе, т. е. со впаденія уже въ Енисей этой значительной рѣки, мы не будемъ упоминать мелкія рѣчушки; потому скажемъ, что съ правой же стороны одна за другой впадаютъ—Погорѣлка, Малый Тепсель, Большой Тепсель и Кызыр-сунъ (5, 6, 7 и 8); всѣ онѣ изобилуютъ мелкою рыбой.

За тѣмъ подъ 52°35′ сѣверной широты находится „Большой“ порогъ. Онъ весьма опасенъ, волны заливаются на плотъ и потому людей непривычныхъ или трусливыхъ тутъ привязываютъ къ плоту; Енисей здѣсь слабо замерзаетъ зимою.

За тѣмъ за рѣчкой (9) Березовой (обильной мелкой рыбою), находится (на 95 верстъ ниже „Большаго“) другой порогъ, поменьше, Березовый.

За тѣмъ на 40 верстъ еще ниже впадаетъ съ лѣвой стороны значительная и рыбная рѣка; она названа на картѣ г. Щечилина, 1855 года, „Большой Кинтагиръ“, а въ ст. кн. Кострова „Кандыгирь“ (10).

За тѣмъ оставивъ безъ особеннаго вниманія рѣчку Дажей (11) съ лѣвой стороны, а Глубокую и Сизую (12 и 13) съ правой, необходимо сказать, что верстъ около 25 выше еще, находится по обоимъ берегамъ Енисея мѣсторожденіе прекраснаго (какъ отзывается кн. Костровъ) бѣлаго мрамора, а также и то, что есть интересный утесъ, гдѣ находятъ такъ называемое каменное масло желтаго, бѣлаго, и синяго цвѣта.

Потомъ еще 15 верстъ Енисей идетъ тѣснясь между горъ, и за тѣмъ подъ 53° 52′ сѣверной широты и 109° восточной долготы вливается въ равнину, перекатясь черезъ одинъ изъ валуновъ, въ которые теперь начинаютъ уже разбрасываться хребты, доселѣ державшіеся опредѣленнаго направленія.

Верстъ 50 сѣвернѣе впадаетъ довольно большая рѣка (14) Оя, замѣчательная и обиліемъ рыбы, и отсутствіемъ пороговъ, и прекрасными сѣнокосными и хлѣбопахатными мѣстами по берегамъ. Еще на 50 верстъ сѣвернѣе стоитъ, при рукавѣ Енисея, городъ Минусинскъ.

Отъ Минусинска Енисей начинаетъ склоняться немного на западъ и такъ на протяженіи до 100 верстъ. На семъ пространствѣ впадаетъ въ 12 верстахъ съ лѣвой стороны большая рѣка Абаканъ (15), но она

омываетъ пространства степныя и неспособна къ судоходству, а плоты спускаются только въ большую воду.

Верстъ 37 ниже Минусинска впадаетъ въ Ен. съ прав. стор. (16) рѣка Туба, замѣчательная, во-1-хъ, обиліемъ рыбы и даже очень вкусныхъ небольшихъ сиговъ и омулей; во-2-хъ, возможностью сплавлять плоты, а барки съ трудомъ; въ-3-хъ, въ особенности золотоносностью системы ея (т. е. и по притокамъ самой Тубы и по притокамъ притоковъ ея). Туба какъ будто составляется изъ трехъ рѣкъ: съ юга Амыла, сѣвернѣе — Казыра и еще ниже — Кизыра. Изъ рѣчекъ и ключиковъ, впадающихъ въ каждый изъ этихъ 3-хъ притоковъ Тубы, отличаются золотоносностью системы рѣкъ Амыла и Казыра, но и это бо̀льшее содержаніе золота не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ пріисками Енисейскаго округа, хотя за то тайга эта отличается прекраснымъ здоровымъ климатомъ, обиліемъ травъ и хлѣба.

Здѣсь я пріостанавливаюсь, чтобы сказать нѣсколько словъ о той горной цѣпи, которая, давши золотоносныя розсыпи въ Минусинскомъ округѣ, поднимается къ лѣвымъ притокамъ Ангары. Отъ точки соединенія Абаканскихъ горъ съ Саянскими, эти послѣднія продолжаются на востокъ и пересѣкаютъ долину р. Енисея. На правой сторонѣ этой рѣки отъ нихъ отдѣляется къ с.-в. невысокая отрасль, омываемая съ ю.-в. притоками р. Усъ, впадающей въ Енисей между отрогами Саянскаго хребта. Отрасль эта становится выше въ вершинахъ Уса и тянется вдоль правой стороны Енисея, составляя золотоносный кряжъ округовъ Минусинскаго и Красноярскаго. Западный склонъ этого кряжа даетъ начало многимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Енисей. Главнѣйшія изъ нихъ: Амылъ, Казыръ и Кизыръ, образующія по соединеніи всѣхъ трехъ рѣку Тубу, за тѣмъ Сыда и Сисимъ въ Минусинскомъ округѣ, Мана—въ Красноярскомъ. Къ сѣверу отъ Амыла, и въ особенности по Казыру и Кизыру, хребетъ значительно расширяется на востокъ и идетъ къ вершинамъ лѣвыхъ притоковъ Ангары (Верхней Тунгузки). Горныя породы этой мѣстности состоятъ изъ двухъ напластованій. Одно изъ нихъ отличается краснымъ цвѣтомъ породъ, зависящимъ отъ желѣзной охры, и состоитъ изъ глинистаго сланца и песчаника, съ пропласткаии конгломерата, розоваго или бѣлаго известняка. Другое напластованіе состоитъ изъ известковатаго сѣраго глинистаго сланца, переходящаго въ известнякъ, и изъ сѣраго песчаника. По правую сторону Енисея, по Амылу, красный глинистый сланецъ составляетъ возвышенія, сосѣднія съ гранитными, а по Кизыру и Сыдѣ встрѣчаются и красный глинистый сланецъ, поднятый гранитомъ, и известковатый глинистый сланецъ, поднятый зеленымъ камнемъ. Южнѣе Минусинска, на правомъ берегу Ени-

сея, а также по рѣкѣ Бѣлому Іюсу (1), въ красномъ глинистомъ сланцѣ и песчаникѣ находятся соляные источники. На всемъ пространствѣ по рѣкѣ Амылу, отличающейся золотоносностью, господствуютъ метаморфическіе сланцы, образующіе по берегамъ Амыла крутые и вертикальные утесы, и представляющіе переходы отъ тонкослоистаго глинистаго сланца въ слюдяный и хлоритовый. Въ золотоносныхъ розсыпяхъ встрѣчается въ маломъ количествѣ зеленый камень. Почва ихъ и галька состоятъ изъ сланца и большаго количества кварца; изрѣдка встрѣчается между гальками красная и черная яшмы. Въ вершинахъ рѣкъ Амыла и Уса проходитъ хребетъ, состоящій изъ одного гранита, и отличающійся необыкновенно угловатыми очертаніями.

Будемъ продолжать теперь путь далѣе по Енисею.

Протекши эти 100 верстъ, Енисей огибаетъ село Абаканское, дѣлая поворотъ съ запада на сѣверо-востокъ и въ этомъ мѣстѣ раздѣлившись островами на части и расширяясь въ большую воду верстъ на 12, дѣлаетъ перевозъ несказанно труднымъ. Склонъ этотъ простирается до конца Минусинскаго округа и Енисей то разливается, образуя острова, по мѣстамъ ровнымъ, то сдавливается горными хребтами, опуская мелкія рѣчки, въ него текущія. Упомянемъ впадающую не далеко отъ этого поворота, справой стороны, рѣку (17) Сыду; потомъ верстъ за 50 до границы (18) рѣку Убей и верстъ за 25 рѣку (19) Сиссимъ, сдѣлавшуюся въ послѣднее время весьма интересною, потому что на ней заявлено нѣсколько пріисковъ, по слухамъ съ богатымъ содержаніемъ.

За тѣмъ Енисей вступаетъ въ округъ Ачинскій, продолжается въ немъ верстъ 100 въ томъ же направленіи и не принимаетъ въ себя ни одной рѣки, замѣчательной либо величиною, либо золотыми промыслами, потому что всѣ рѣчки съ золотосодержащими розсыпями Ачинскаго округа, лежатъ по Бѣлому, Черному и Сарала-Іюсамъ, сливающимся вмѣстѣ для составленія Чулыма, какъ одного изъ большихъ притоковъ съ правой стороны рѣки Оби.

За тѣмъ, вступивъ въ Красноярскій округъ, Енисей дѣлаетъ вдругъ поворотъ на западъ, потомъ поднимается на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ прямо на востокъ; но принявъ съ правой стороны рѣку Ману, начинаетъ слегка едва замѣтно отводить свое восточное теченіе нѣсколько къ сѣверу до самаго города Красноярска, откуда уже идетъ на сѣверо-востокъ. Впавшая тутъ рѣка Мана идетъ изъ Канскаго округа

(1) Рѣка Бѣлый Іюсъ упоминается здѣсь собственно потому, что по ней находятся соляные источники.

и имѣетъ теченія верстъ 260; по ней есть золотыя розсыпи, но съ весьма слабымъ содержаніемъ.

Противъ самаго же Красноярска впадаетъ рѣчка Кача, по которой также найдены золотыя розсыпи, но съ слабымъ содержаніемъ.

За тѣмъ до границы съ Енисейскимъ округомъ — рѣка Енисей первую половину идетъ на сѣверо-востокъ, а вторую слегка поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Въ точкѣ изгиба, съ которой онъ начинаетъ уже составлять границу между Красноярскимъ и Канскимъ округами, до самаго Енисейскаго округа, впадаетъ съ правой стороны большая рѣка Канъ; она, разнообразно изгибаясь, обтекаетъ южную половину Канскаго округа; теченіе ея считаютъ болѣе 500 верстъ; Канъ замѣчателенъ золотоносными розсыпями (хоть и съ малымъ содержаніемъ), по нѣкоторымъ изъ своихъ притоковъ.

Вступивъ въ Енисейскій округъ, рѣка эта протекаетъ сперва по волости Казачинской, имѣя направленіе почти на сѣверъ; обыкновенная ширина ея отъ 1 до 2-хъ верстъ и глубина саженъ 6, а при весеннемъ разливѣ ширина до 6 верстъ и глубина саженъ 12; о быстротѣ можно судить изъ того, что при весеннемъ разливѣ судно проплываетъ отъ 10 до 15 верстъ въ часъ, а безъ разлива около 9-ти; на всемъ протяженіи Енисея по этой волости (а именно 125 верстъ) уклонъ до 289 саженъ. Правый берегъ вообще каменистый, очень высокій, образуемый горами скалистыми; лѣвый же напротивъ песчанный и низкій, отлогій и отмелый. Значительныхъ, впадающихъ здѣсь въ Енисей рѣкъ, нѣтъ. Островъ по Енисею 9 — Ушканій, Латынцовъ, Еловой, Галановскій, Барчанской и Ханжинъ. На 30 верстъ выше села Казачинскаго, противъ деревни Порожинской, есть порогъ во всю ширину Енисея, который имѣетъ, впрочемъ, для сплава судовъ, плотовъ и барокъ два прохода, большой и малый ([1]). Сѣверо-восточный уголъ Казачинской волости

([1]) Порогъ этотъ называемый Енисейскимъ, находится отъ Красноярска въ 185 верст., а отъ Енисейска въ 133 верстахъ. У сказанной деревни на лѣвомъ берегу — его начало: въ другой дер. „Залевъ“ — живутъ вожи (лоцмана). Начинается порогъ воротами: съ правой стороны камень „гуменикъ“, а съ лѣвой опаснѣе — тамъ плита, влекущая на себя быстрымъ теченіемъ воды и тутъ безъ вожаковъ гибнутъ. Порогъ тянется верстъ на 10 и имѣетъ послѣ начала: первую на версту; за тѣмъ орлы; за тѣмъ черезъ версту „майдашный“ камень, тянущійся на полверсты и за тѣмъ частики. Ворота шириною саженъ въ 30. Въ $1/2$ часа плоты пробѣгаютъ весь порогъ: такъ быстро! Шумъ такъ великъ, что крикъ вожаковъ заглушается. Потомъ ниже этого порога есть еще небольшой порогъ, называемой „Быкъ камень“.

захватываетъ своимъ теченіемъ Верхняя Тунгуска, но ея теченіе будетъ изложено ниже. Изъ большихъ рыбъ водятся здѣсь осетры, таймени, нельма, щука, моксунъ, стерлядь, налимъ, язь и мелкая рыба, болѣе и ловящаяся въ мелкихъ рѣчкахъ, а именно: сиги, хайрюзы, окуни, ерши, пискари, тугуны. Озеръ большихъ нѣтъ, да и небольшія то большею частію болотистыя, частію вовсе безрыбныя, частію дающія немного мелкихъ карасей и ленковъ. Болотъ въ лѣсныхъ и таежныхъ мѣстахъ много; поддерживается болотистость иногда разливами Енисея и свойствомъ грунта. Мельницъ по рѣчкамъ разбросано 63. Въ этомъ южномъ углу округа (гдѣ на протяженіи около 200 верстъ, лежатъ волости Казачинская и Маклаковская) сосредоточены и населеніе и дѣятельность округа: черезъ нихъ идетъ и почтовый трактъ до шумнаго и вѣчнодвижущагося центра золотопромышленниковъ, Енисейска. Прибавлю, что въ Казачинской волости селъ 4, деревень 37; расположеніе ихъ совпадаетъ преимущественно съ почтовымъ трактомъ; по Енисею только слѣдующія: Заливская, Порожинская, Галанина, Падерина, Курбатова, Мамотова, Сполошная, Борчанская, Клоповская. Число всѣхъ домовъ (въ 1859 г.) 1283; населеніе — мужчинъ 3706 и женщинъ 3635: цифры весьма большія въ отношеніи къ пространству. Хотя Енисей идетъ въ этой волости вообще на сѣверъ, но склонъ все таки имѣетъ на востокъ и за тѣмъ дѣлаетъ вдругъ поворотъ на западъ, какъ будто для соединенія съ Верхней Тунгузкой. Въ этомъ мѣстѣ хребетъ горъ съ правой стороны удаляется отъ русла, дробится валунами и образуетъ между ними долины съ густымъ лѣсомъ, болотами и впадающими въ нихъ ручьями и рѣчками; потому въ деревняхъ — Мамотовой, Сполошой, Клоповской, Борчанской и Падериной — сильно распространены зобы. Кромѣ Верхней Тунгузки на сѣверо-востокѣ, имѣющей быть описанною далѣе, играетъ на юго-западѣ этой волости нѣкоторую роль рѣка Кемь, и на ней стоитъ 6 деревень; описана она будетъ ниже. Въ этой волости есть одна переправа карбазомъ на рѣкѣ Тасѣевой, большомъ притокѣ Ангары; тутъ путь на южную систему золотыхъ пріисковъ. Рѣчныя долины въ этой волости болѣе каменисты, песчаны и иловаты.

За тѣмъ Енисей вступаетъ въ волость Маклаковскую и идетъ къ сѣверу, сильно склоняясь на западъ; тутъ протяженіе его верстъ на 80; уклонъ его, по испытаніи 25-го апрѣля 1855 года ватерпасомъ, въ 2-хъ аршинахъ — $^1/_4$ вершка; 15 мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ въ этой волости въ Енисей, не стоитъ описывать; но значеніе ихъ очевидно, потому что ими въ разныхъ направленіяхъ пересѣкается пространство не большой Маклаковской волости, вмѣщающей однако 4

села, 21 деревню, много мельницъ, 815 домовъ и народонаселенія, по 10-й народной переписи, мужескаго пола 2,218 душъ, а женскаго 2,261 душу. Острововъ, на протяженіи этихъ 80 верстъ, по Енисею находится 8, изъ которыхъ 3 въ длину отъ 1 до $1^1/_2$ верстъ и отъ 80 до 300 саженъ въ ширину, прочіе же малы; на островахъ никакого жилья нѣтъ, отчасти покрыты они кустарникомъ, болѣе же годны для сѣнокосовъ. Переправа есть черезъ Енисей изъ деревни Каргиной (съ почтоваго тракта) въ деревню Савину для перехода на трактъ въ отдѣленіе Бугучанское; — она производится на широкихъ карбазахъ, особаго устройства, управляемыхъ обыкновенно веслами, а на мѣстахъ мелкихъ—шестами; время, употребляемое на нее различно—весной отъ $1^1/_2$ до 2 часовъ, а лѣтомъ—съ $^1/_2$ до 1 часа. Есть еще въ этой волости и другая переправа на поромѣ по канату, черезъ рѣчку Галкину, лежащую на почтовомъ трактѣ и имѣющую обыкновенно саженъ 15 ширины, а весною до 25. Описанная выше причина зобовъ продолжала дѣйствовать и въ Маклаковской волости, гдѣ жители деревень Савиной, Кононовой и отчасти Южаковой подвержены зобатости и не занимаются почти никакою промышленностію, кромѣ хлѣбопашества.

Перейдемъ къ бытовой сторонѣ этихъ волостей.

И въ Сибири, подобно Россіи, нѣтъ жизни въ народѣ безъ общиннаго элемента. Но общиннаго владѣнія землею почти нѣтъ. Свободныя одиночныя поселенія въ новой странѣ—не то, что древняя осѣдлая жизнь европейской Россіи. Да и множество земель никѣмъ не занятыхъ, не тронутыхъ, даютъ каждому отдѣльному лицу возможность дѣлать что ему угодно, на просторѣ. Урожай, доходящій до самъ 15-ти, можетъ вознаграждать свободно трудъ земледѣльца, а не ставить его въ необходимость сливать свои силы съ силами другихъ; къ тому же земля, нетребующая удобренія и дающая земледѣльцу плодъ, безъ отдыха, въ Минусинскомъ округѣ даже по 20 лѣтъ, породила обычай—основывать на произвольно взятой землѣ, особые хуторочки, (независимо отъ дома въ деревнѣ). Эти хутора называются заимками. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Минусинскаго округа, гдѣ посгустилось населеніе, начинаетъ прививаться сама собою, безъ всякаго начальственнаго принужденія, мысль объ общинномъ владѣніи землею съ слѣдующими затѣмъ передѣлами.

Нашъ Енисейскій округъ считается мало плодороднымъ, да и тутъ поля служатъ безсмѣнно по 3 и по 4 года.

Каждому человѣку интересно знать свое будущее. Только просвѣщенный положительными знаніями дѣлаетъ выводы на основаніи наукъ;

а человѣкъ „темный“ гадаетъ на основаніи суевѣрныхъ преданій. Посѣвъ великое дѣло. Скоро ли онъ будетъ?

— А что̀, Алёнча, прибирала ли нынѣ отъ курицы первыя-то яица? Которое изъ нихъ тяжелѣе? давай-ка свѣсимъ.

— Вѣстимо, другъ, прибирала! отвѣчаетъ жена и торопливо тащитъ 3 яичка. Каждое изъ нихъ завернуто въ особую тряпочку, а на тряпочкахъ проведены углемъ одна, двѣ и три черточки. Приносятъ вѣски. Весь домъ сбѣгается въ одну кучу. Старшій вѣшаетъ яица; всѣ озабоченно смотрятъ.

— Э—э! Третье-то яичко тяжелѣе всѣхъ! восклицаетъ старшій. „Быть позднему посѣву и хорошему урожаю. А впрочемъ на все вѣдь есть и воля Господня“, добавляетъ онъ нравоучительно, равно какъ и на тотъ случай, если примѣта неоправдается.

Когда же тяжелѣе всѣхъ окажется первое яичко, то посѣвъ долженъ быть ранній. И отправляется крестьянинъ осматривать всѣ свои хлѣбопахатныя орудія, и даетъ побольше корма своимъ лошадушкамъ.

Приходитъ давно жданная „Пасха“. Нѣтъ праздника, который бы встрѣчалъ крестьянинъ съ болѣе торжественно ясной, радостной физіономіей. Знаемъ мы, что есть „Рождество“ съ шумными веселыми „Святками“; но не та ему встрѣча, не тотъ полный искренній задушевно-радостный привѣтъ. Вѣдь съ Пасхою подходитъ весна, приближается время посѣвовъ, а въ этомъ-то и вся жизнь поселянина. Первые 3 дни этого праздника посвящаются молитвѣ; тутъ пьянства еще нѣтъ; одинъ за другимъ поджидаютъ священника съ Богоматерью; въ каждомъ домѣ, на столѣ подъ образомъ, лежитъ коврига хлѣба и солонка съ солью; когда священникъ окончитъ служеніе, хлѣбъ и соль хранятся, какъ драгоцѣнность, а до какого времени, сейчасъ увидимъ.

Вотъ прошла Пасха; стаиваетъ снѣгъ; крестьянинъ ѣздитъ въ поле навѣдываться—на сколько оттаяла земля и не отошелъ ли уже корешокъ травки? И, если отошелъ корешокъ, сряжаются въ поле на пашни...

Положимъ, что пашню заводятъ новую. Для того не нужно много разсуждать и просить отводовъ. Знай — выѣзжай только на широкій просторъ сибирскихъ полей и отмѣривай себѣ изъ земли, ни кѣмъ не занятой, столько какъ глазъ окинетъ, да волѣ угодно. Нужно только очертить деревья, чтобы показать другимъ, что это, дескать, моя уже собственность. Потомъ поднимаютъ „залогъ“, т. е. снимаютъ верхній слой земли. Этотъ поднятый залогъ такъ и оставляютъ до будущей весны на тотъ случай, какъ говорятъ крестьяне, чтобы онъ „изгнилъ“ Да и на будущую-то весну боронятъ и сѣютъ только люди съ достат-

комъ; потому что на этомъ „кисломъ залогѣ“ или „кисломъ парѣ“, можетъ быть хороша только солома хлѣба, а отнюдь не зерно. Для богатыхъ это ничего, а бѣдному, либо начинающему, другое дѣло: они приступаютъ къ засѣву уже на третье лѣто, да и то только овса и пшеницы; тогда какъ считаютъ не возможнымъ сѣять рожь на этой еще мягкой и рыхлой землѣ, потому, дескать, что зерно выгоритъ отъ солнца, да и не укоренится, — вѣдь корень ржи любитъ твердую землю, почему сѣять ее можно уже на слѣдующій годъ.

Пришло время сѣять. Задумали завтра отправиться въ поле. Начинаются приготовленія. Прежде всего идутъ непремѣнно въ баню и надѣваютъ чистое бѣлье; да мало того что чистое, — болѣе нравственные мужчины надѣваютъ бѣлье даже совершенно новое, съ иголочки, потому что „сѣвъ хлѣба не простое дѣло, а объ немъ вся и молитва Богу“! Съ утра приглашается священникъ и служится молебствіе. Потомъ разстилаютъ на столѣ бѣлую скатерть и кладутъ ковригу съ солонкою, что припрятаны съ Пасхи; затепливаютъ передъ образомъ свѣчи, молятся Богу; прощаются съ домашними; а если отецъ не самъ ѣдетъ, то благословляетъ дѣтей, поклонившихся ему въ ноги.

По пріѣздѣ въ поле закладываютъ лошадей; а старшій хозяинъ насыпаетъ зерно въ торбу (т. е. плетушку изъ бересты или какихъ нибудь прутиковъ), и оставляетъ ее у крыльца зимовья. Потомъ, какъ обыкновенно, всѣ присѣдаютъ рядомъ; встаютъ; молятся на всѣ 4 стороны; старшій отправляется разбрасывать жито, а другіе вспахиваютъ. Сдѣлавъ этотъ, по ихъ выраженію, начинъ (начало), возвращаются всѣ домой, гдѣ приготовленъ уже обѣдъ и собраны всѣ родные. Остается, если близко, послать за священникомъ, который долженъ благословить и хлѣбъ, и вино, и выпить съ хозяиномъ по первой рюмкѣ. Обѣдъ конченъ. Младшіе члены семьи или работники отправляются пахать какъ слѣдуетъ; а старѣйшій провожаетъ гостей, насыпаетъ въ мѣшки зерно и выѣзжаетъ сѣять. Сѣютъ различно; въ иныхъ мѣстахъ сѣютъ подъ соху; а въ другихъ на пласты, и даже потомъ пашутъ.

Посѣяли. Душа въ тревогѣ за будущее. Хозяинъ ѣздитъ часто въ поле и слѣдитъ, между прочимъ; „какъ-то почка распускается на тальникѣ? — Если красноватая — значитъ уродится пшеница; если зеленая — то лучше будетъ хлѣбъ озимый. Вотъ начинаетъ подходить время громовыхъ ударовъ: тревожно ждутъ — скоро ли? Ранній громъ считается залогомъ удачи всѣхъ произрастеній.

Потомъ хлопочутъ объ огородахъ, а около „матери Елены и царя Константина“ сѣютъ куделю. Потомъ сѣнокосъ. Но женщины въ промежутокъ между засадкой въ огородахъ и сѣнокосомъ ткутъ холсты

бѣлятъ ихъ, шьютъ бѣлье, и пр. А вотъ слѣдятъ — не играютъ ли на небѣ зорники, а какъ заиграютъ—значитъ хлѣбъ зацвѣтетъ; скоро и скоро наступитъ жатва, и заготовка пашень къ будущему году. Запоздалые сзываютъ „помочи"; при этомъ оставляютъ не сжатый уголокъ, называемый Николиной бороздкой; а передъ тѣмъ какъ уходить окончательно съ поля, хозяинъ собираетъ у всѣхъ серпы и бросаетъ на воздухъ: чьи серпы упадутъ на этотъ остатокъ, тотъ долженъ жать и на будущій годъ. За тѣмъ убираютъ поля, засѣянныя картофелемъ. Кончили и это: мужчины занимаются подготовкой мельницъ, а женщины уборкой огородовъ, и наконецъ доходитъ дѣло до кудели, которую снимаютъ съ поля, сушатъ въ баняхъ, мнутъ въ мялкахъ, треплютъ трепаломъ, чешутъ щетками и молотятъ валькомъ. Мужики между тѣмъ продолжаютъ заботы о хлѣбѣ: молотятъ, вѣютъ и свозятъ на мельницы.

Наконецъ полная осень и зима. Есть мѣстности, гдѣ въ этотъ мясоѣдъ (до половины ноября) бываетъ много свадебъ; но въ Енисейскомъ округѣ свадьбы бываютъ уже послѣ святокъ, потому что съ осени кто оканчиваетъ занятія по хлѣбу, кто собирается въ лѣса за звѣремъ, кто управляется по дому, напр. у насъ все лѣто снимаютъ съ домовъ солому, а зимою люди бѣдные хлопочутъ вмѣсто желобника (т. е. пихтоваго лѣсу, расколотаго на двое), накрыть скотскіе дворы соломою;—кто приготовляется, и потому начинаетъ перевозить тяжести на пріиска, — кто приступаетъ къ рубкѣ дровъ и себѣ и на продажу, либо перевозятъ ихъ, если есть готовыя. Словомъ, у всѣхъ работа,—отдыхать и играть свадьбы нѣкогда.

Къ Рождеству всѣ собираются къ своимъ домамъ, встрѣчаютъ праздникъ и поднимаютъ во время святокъ пиръ горой, веселье за цѣлый годъ. Веселое движеніе и въ домахъ, и на улицахъ. Даже старухи слѣзаютъ съ печей и полатей, и около тѣхъ составляются кружки, которые тѣшатся старушьими разсказами. Смотрите же.

Вотъ въ одномъ домѣ играетъ молодежъ въ „имальцы," „жмурки." Эта игра, какъ видно ихъ наименованій, состоитъ въ томъ, чтобы съ зажмуренными, или вѣрнѣе съ завязанными глазами, заставлять кого либо (по жребію) ловить (по здѣшнему искать) изъ массы бѣгающихъ кругомъ товарищей, которые,—кромѣ шороху,—даютъ знать о себѣ „жгутованьемъ," т. е. бьютъ жгутами, свитыми изъ платковъ. Наконецъ всѣ утомились, со всѣхъ градомъ льетъ потъ.

—Будемъ-те пѣть подблюдныя пѣсти! вызываетъ одна дѣвица.

—Нѣтъ—погоди! Пока бабушка не спитъ, пойдемъ-те, дружки, выспрашивать у ней разныя мудрости.

—И взаболь ([1])! Подхватываютъ всѣ. Пойдемъ-те къ бабушкѣ.

Обступили старушку. Скажи, да скажи бабушка всѣ мудрости, какія знаешь.

—Что вамъ за мудрости, бѣсенята! Пошли бы лучше поворожили каждая о себѣ. Одна бы сходила слушать подъ замокъ и зачуралась бы такъ: если замужемъ этотъ годъ буду—звоните колокола, пойте пѣсни, свистите и бейте бичами; а коли умру—тешите и рубите доски. Другая посмѣлѣе сбѣгала бы на паперть и тоже загадала бы: тутъ либо услышится вѣнчальное пѣніе, либо понесутъ покойника. Ну, и подъ окнами слушать тоже хорошо: не забыть мнѣ, заявила со вздохомъ старуха, какъ одна товарка ([2]) моя услышала подъ окномъ, что говорятъ о покойницѣ, прибѣжала въ избу такая испуганная, да черезъ недѣлю и была на столѣ, право слово, вѣдь вотъ какъ сбылось.

Лица молодыхъ слушателей подернулись блѣдностью. Ну, долго ли не на шутку робкой молоденькой дѣвушкѣ съ игривымъ воображеніемъ захворать отъ испугу, и пожалуй, умереть при деревенской безпомощности?!

А вотъ тоже, родимые мои, хорошо и въ зеркало смотрѣть,—какъ потускнѣетъ оно, да отходить станетъ, тоже видаютъ своихъ суженыхъ. Кто же боится слушать на паперти, пусть сбѣгаетъ на то мѣсто, гдѣ будетъ Іордань, также слышно бываетъ. Трусиха же пусть далеко не ходитъ, столбъ есть и недалеко: надобно къ столбу сходить взадъ пятки, и на отмашь поплескивать воду, потомъ повернуться и возвращаться домой, тоже взадъ пятки, до самой постели, и ложиться спать, не молясь Богу, тогда непремѣнно жизнь приснится.

—Да что, бабушка, ты расказываешь? Мы это и безъ тебя знаемъ. А ты мудростями подѣлись: какія примѣты бываютъ? какъ присушивать, отсушивать, болѣзнь отговаривать? Вотъ что повѣдай намъ.

—„Ну, васъ тутъ, прилипчивыя и неуемныя ([3]). Слушайте ужъ!“ И старушка начала. „Сорока сядетъ на домъ и кричитъ—быть несчастью; а если дергаетъ мохъ изъ щелей въ зимнее время — быть снѣгу безпремѣнно. Вотъ и знайте! А вотъ если вороны летятъ стаей и каркаютъ, то быть лѣтомъ дождю, а зимой снѣгу. Коли песъ проклятый воетъ и роетъ яму подъ домъ, не миновать покойника. Если съумѣете, родимые, примѣчать въ какую сторону сидятъ головами вороны, съ той стороны будетъ и вѣтеръ. На кого потянется собака, тому будетъ ко-

([1]) Въ самомъ дѣлѣ.

([2]) Подруга.

([3]) Прилагательное неуёмный—отъ гл. унимать, не унимается, (не перестава ть).

рысть. Если курицы носами поколачиваютъ, будетъ навѣрное и ясно, и морозно. Самоваръ пищитъ—гостей пророчитъ. Кошка царапается—быть пургѣ. Когда начнетъ кататься сабака, то и знай, что прекратится ясная погода. Вотъ ужъ это вѣрнехонько будетъ наводненіе, когда либо муравьи поползутъ вверхъ шестиковъ, либо утки станутъ садиться на сухой высокій берегъ. Быть болѣзнямъ на людяхъ, либо на скотѣ, если съ березъ падаетъ листъ еще зеленый, а также если осенью глухари станутъ жаться къ жилымъ мѣстамъ. Если медвѣдь долго не ложится, будетъ суровая зима. Если кукушка сядетъ на домъ, покукуетъ и улетитъ, то быть пожару; а вотъ какъ нонись у Чернова согнали ее, такъ и пожару не было: вишь, сгонять надобно ее злодѣйку! Но худо же, если и тетеря сядетъ на домъ. Я была ребенкомъ; насъ трое было на крышѣ; вдругъ изъ бору вылетѣла тетеря, да и сѣла на крышу; ну, быть бѣдѣ, сказала матка, станемъ дожидать что-то будетъ: вѣдь тетеря сѣла не на живое, не на стоячее дерево, домъ то не изъ живаго дерева, быть бѣдѣ. Говорила матка, часто задумывалась, до къ году и умерла, такъ вотъ она тетеря-то!

А вотъ еще что было на моей памяти: нашли на деревню бѣлки, видимо не видимо, да все красныя; парнямъ да дѣвчатамъ что потѣхи-то было: бѣлки шмыгаютъ по улицамъ со стороны на сторону и ребята за ними; бѣлки по заборамъ, да по угламъ домовъ, а мы, бывало, туда же цѣпимся, падаемъ, плачемъ, а все лѣземъ съ хохотомъ. Бабы ловили по вышкамъ, а мы на крышахъ; бѣлки, бывало, и въ комнаты забѣгали, какъ отворишь двери, а она и шмыгъ; веселье было; только старики сердито посматривали на насъ и все ворчали: — чему обрадовались? Это диво не передъ добромъ, будетъ тяжесть на людей, либо на скотину; такъ оно и вышло—къ петровкамъ пришелъ падежъ скота; страшное было время, все повыпадало, одни собаки всю душу вытянули — воютъ, бывало, и день, и ночь, инда сердце измираетъ. Такъ вотъ что бывало. А то и еще хуже, родимые, если.....

— Постой, бабушка! не до тебя теперь! погоди! раздалось въ толпѣ. Слышишь какъ поютъ? это идутъ со звѣздой. Пойдемъ же на встрѣчу! И вся масса, какъ одинъ человѣкъ, повернулась и быстро выбѣжала изъ избы, черезъ дворъ за ворота, только веселый звонкій хохотъ долеталъ до опустѣлой избы.

Звѣзда, которую носитъ по улицамъ веселая толпа пѣвцовъ и пѣвицъ, бываетъ аршина полтора въ поперечникѣ. Вотъ ея устройство. Первая личинка, изъ тонкой бумаги, пропитанной постнымъ масломъ, бываетъ въ полъ-аршина въ поперечникѣ. Она укрѣплена къ рогамъ, склееннымъ изъ бумаги съ двумя стѣнками, между которыхъ положены

поперечныя палочки съ двумя свѣчами. Кругомъ ободки изъ осины. Рога укрѣплены къ личинкамъ и бахромамъ, сдѣланнымъ изъ розовой сахарной бумаги. На внутренней бахромѣ, около каждаго рога, есть изъ красной бумаги родъ звѣздочекъ. Наружная личинка обведена бахромой. На этой личинкѣ изображено: корабль, носъ котораго въ родѣ змѣя, на кормѣ Полканъ богатырь, на палубѣ Добрыня, Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ; потомъ 3 церкви, солнце, мѣсяцъ и звѣзда; турецкій городъ; море, гдѣ турки въ катерахъ; на кормѣ флаги. Такая звѣзда укрѣплена на длинномъ шестѣ, съ помощью котораго звѣзду поднимаютъ высоко. Толпа пѣвцовъ и пѣвицъ поетъ:

Ахъ, какъ по морю, по морю,
Синю морю по хвалынскому (1)
Ходилъ, гулялъ соколъ корабль
Не много, не мало—12 лѣтъ.
Онъ на моряхъ не стаивалъ,
Желтыхъ песковъ не захватывалъ,
Къ кругу берегу не присовывался.
Хорошо-добро изукрашенъ былъ,
Золотыми гвоздьми уколоченъ былъ.
Еще что было на томъ на кораблѣ?
Мачты три были дубовыя,
Раенки были кленовыя,
Паруса были полотняны,
А веревочки—шелковыя,
Всѣ бесѣдки съ алымъ бархатцомъ.
Еще что было на томъ на кораблѣ?
Гдѣ глазамъ быть было вставлено
По дорогу по камушку—по яхонту;
А для хвоста была повѣшена
Дорогая лисица бурнастая;
На немъ три церкви соборныя,
На нихъ три креста серебряны.
Носомъ владѣетъ — Алеша Поповъ,
Кормой владѣетъ — Полканъ богатырь,
Палубищемъ самъ Добрынюшка,
А всѣмъ кораблемъ — Илья Муромецъ;
Подбѣгаетъ, подлетаетъ соколъ корабль
Подъ турецкій градъ.

(1) Географическая ошибка: Черное море пѣсня назвала хвалынскимъ.

Завидѣлъ, заслышалъ турецкій ханъ,
Большой Салтанъ Салтановичъ.
Взговорилъ своимъ турчанамъ:
Бѣгите-ко ребята ко синю морю;
Падайте, ребята, въ легки стружечки;
Гребите, погребайте на соколъ корабль;
Разбейте, размечите тотъ соколъ корабль;
Алешу Попова подъ мечь положите;
Полканушку въ сине море бросьте;
Добрыню подъ товаромъ задушите;
Илью Муромца только свяжите
И живаго ко мнѣ приведите.
— Заслышалъ, завидѣлъ Илья Муромецъ
И взговорилъ онъ Добрынюшкѣ:
Ужъ ты воя мой Добрынюшка!
Ты бѣги-ка ногою скорой,
Принеси тугой лукъ со стрѣлой,
Не простою стрѣлой, а каленою!
Втупорѣ ([1]) Добрыня неослушался
Принесъ лукъ тугой съ каленой стрѣлой.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Свой тугой лукъ принатягиваетъ,
Калену стрѣлу принакладываетъ,
Да и самъ стрѣлѣ приговариваетъ:
Полети-ка — моя
Калена стрѣла
Высоко, далеко по поднебесью,
Бѣлой лебедью!
Не пади ты ни на воду, ни на землю, —
Попади ты, калена стрѣла,
Подъ турецкій градъ, во зеленый садъ,
На бѣлъ шатеръ, на дубовый столъ,
Со дубоваго стола къ самому хану
На его на груди бѣлыя!
Ты пори у него груди бѣлыя,
Вынимай у него ретиво сердце,
Ретиво сердце и со печенью!

([1]) Нарѣчіе.

Тутъ и турки въ стружкахъ [1]) испугалися
Морскими струями заметалися,
И своимъ всѣмъ богамъ заклиналися,
Что закажемъ ([2]) на синемъ морѣ бывать,
Илья Муромца видать,
Ни намъ, ни дѣтямъ, ни внучатамъ,
Ни праправнучатамъ!.....

„Здравствуй хозяинъ со хозяюшкою, и со всѣми гостями съ приходящими, со всѣми щеголями со прикащиками ([3])! Хозяинъ во дому, какъ Адамъ во раю; хозяюшка во дому, что малинка во саду; малы дѣти во дому, ровно пчелки во меду! Здравствовать хозяевамъ!...“

Пѣсня звѣзды, едва заслышавшись, становилась громче и громче, толпа подходила; вотъ она и противу оконъ, старушка не выдержала не посмотрѣть въ окно, не полюбоваться веселостью молодежи. Она думала было принимать дорогихъ гостей, но не пришлось такъ, потому что звѣзда пробиралась къ дому довѣреннаго отъ откупа. Вотъ и звуки пѣсни слабѣютъ; вотъ и замираютъ они; за то бѣжитъ съ звонкимъ смѣхомъ, обратно, своя молодежь. Вбѣжали, — что разговоровъ, шутокъ, разсказовъ! Живи молодость, пока игриво такъ живется, — пой пока поется!

Пора незамѣтно другая придетъ —
И будутъ все тѣже и люди, и дни,
Да радости рѣже, все рѣже они
Мелькаютъ картиной не ясной во мглѣ —
Ужъ думка съ кручиной легла на челѣ!

Усталые, запыхавшiеся (вѣдь въ запуски бѣжали) хотятъ отдохнуть и пристаютъ опять къ старушкѣ съ просьбой — подѣлиться съ ними „мудростями“. Вотъ что значитъ — отсутствiе положительныхъ знанiй: и бредни считаются за мудрость!

Я, дитятки, больше сама ни чего не испытывала; а слыхала на своемъ вѣку отъ другихъ людей о приговорахъ и заговорахъ. Что знаю, то скажу, но за вѣрность не заручаюсь. Вотъ, чтобъ рѣпа не уродилась, злой человѣкъ будто приговариваетъ: „рѣпа мѣдна, земля желѣзна, родится мышiй хвостикъ“. Горло заболитъ, такъ тоже заго-

([1]) Стружокъ — челнокъ.
([2]) Заказать — запретить.
([3]) Въ это время съѣзжаются закупать хлѣбъ и кутятъ.

варивают и болѣзнь перестаетъ: „свѣтлыя зори, высокія горы, темные лѣса, я васъ съѣмъ и съ вѣтками, со всѣмъ — хамъ, хамъ, хамъ, хамъ! и прожую". Да мало ли ихъ есть, наговоровъ-то: и отъ безсонницы ребятамъ, и чтобъ день былъ счастливъ, и два наговора отъ зубной боли знаю, и кровь заговариваютъ, и рыбку наговоромъ заманиваютъ, много ихъ!

И старушка пересказала всѣ. Но мы, чтобъ не утомить читателей, излагаемъ въ выноскѣ ([1]). Здѣсь же скажемъ только: что это за уди-

([1]) a) *Наговоръ отъ безсонницы.*

Встану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ избу, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ востокъ подъ восточну сторону; подъ восточной стороной ходитъ матушка утренняя заря Марія, вечерняя заря Маремьяна, мать сыра земля Пелагея и сине море Елена. Я къ нимъ приду поближе, поклонюсь имъ пониже, вояси ты матушка заря утренняя Марія и вечерняя Маремьяна, приди къ нему къ рабу Божію ко младенцу, возми ты у него полунощника и щекотуна изъ бѣлаго тѣла, изъ горячей крови, изъ ретиваго сердца, изо всей плоти, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изо всего человѣческаго составу, изъ каждой жилочки, изъ каждой косточки, изъ 77-ми жилочекъ, изъ 77-ми суставчиковъ! понеси ихъ за горы высоки, за лѣса дремучи, за моря широки, за рѣки глубоки, за болота зыбучи, за грязи топучи, къ щукѣ, бѣлугѣ въ зубы; понеси ее въ сине море! щука въ морѣ, языкъ въ ротѣ, замокъ въ небѣ, а ключь въ морѣ; заткнулъ и ключь въ воду бросилъ!

(до 3-хъ разъ повторять)

b) *Утренній наговоръ въ постели еще.*

Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ востокъ подъ восточну сторону: закрой меня матушка владычица пресвятая Богородица свѣтленною своею ризою отъ колдуна, отъ колдуницы, всякаго сквернаго злодѣя, супостателя и злаго татарина.

c) *Заговоръ зубной боли.*

Дубъ въ лѣсу, луна на небѣ, камень въ морѣ; какъ эти три брата соберутся медъ и вино пить, тогда будутъ зубы болѣть.

d) *Еще заговоръ отъ зубной боли.*

Молодякъ молодой, ротъ золотой, былъ на томъ свѣтѣ, видѣлъ мертвыхъ въ гробѣ, не болятъ ли у мертвыхъ зубы? не болятъ! такъ бы у раба Божія N. не болѣли. Ротъ, зубы, замокъ и ключи въ воду брошены!

e) *Заговоръ текущей крови напр. изъ носу.*

Шла баба около моря, вела корову на ниткѣ; нитка порвалась и кровь унялась.

f) *Чтобы былъ уловъ рыбы.*

Взять свѣчу, горѣвшую на страстной недѣлѣ, во время стоянія у Христовской заутрени и окурить ею ловушку рыбную, приговаривая: сколько было въ церкви народу, столько бы въ моей ловушкѣ рыбы. Всѣ мои слова лѣпки и крѣпки! тѣмъ моимъ словамъ ротъ, зубы, замокъ, языкъ, ключъ въ море брошены.

вительно безсмысленное, содрагающее нравственное чувство христіанина, сліяніе убѣжденій и языческихъ и христіанскихъ! Рядомъ вы видите, что одинаково важныя роли играютъ и щука и Пресвятая Богородица! Тутъ выводится на сцену и какой-то божокъ щекотунъ, и окуриваніе рыбной ловушки свѣчею, горѣвшею на страстной недѣлѣ и во время Христовой пасхальной заутрени! Люди добрые, но темные! Опомнитесь: вспомните, что вы христіяне! Отдайте же все сердце ваше вѣрѣ въ Бога, а не въ языческихъ божковъ щекотуновъ и т. п.

Отправимтесь и къ довѣренному откупа. Что̀-то тамъ дѣлаютъ? Тамъ вѣдь цивилизація! Можно надѣяться, что глубже и понятіе о вѣрѣ, и менѣе остатковъ язычества? Посмотримъ.

На первый разъ — играютъ въ фанты. Всѣ усѣлись въ кружокъ, обожгли кусокъ лучины и, передавая отъ одного къ другому, ждутъ, въ чьихъ рукахъ потухнетъ обугленная часть, съ того фантъ. Передача дѣлается подъ пѣніе:

Жилъ, былъ Курилка (¹):
Ножки тоненьки,
Душа коротенька!
Не умри Курилка,
Не заставь скакати,
Не заставь плясати!

Отъ курилки перешли къ игрѣ „рублемъ". Тоже всѣ сидятъ въ кругу и передаютъ какую-нибудь монету одинъ другому; во время ударовъ руками въ тактъ пѣсни, одинъ, отыскивающій, ходитъ по срединѣ; всѣ подпѣваютъ: Пошелъ рубль, пошли два,

Пошелъ рубликъ по рукамъ!
Здѣсь рубль, тамъ два!

А вотъ и игра „войной". Стулья ставятся по среди комнаты; одинъ остается безъ стула и бѣгаетъ вкругъ сидящихъ съ крикомъ „война, война!" Потомъ всѣ встаютъ и тоже бѣгаютъ съ крикомъ „война", подъ извѣстный тактъ. Затѣмъ вдругъ крикъ перемѣняется. „Миръ, миръ!" раздается разомъ, и всѣ должны садиться на мѣста, а кто не успѣлъ, съ того фантъ.

Игра „кольцомъ" основана на томъ же, какъ и „рублемъ"; только кольцо вдѣваютъ на шнурокъ и со шнуркомъ составляютъ кругъ,

(¹) Опять не языческое ли божество?

держа его руками и перебрасывая по шнурку кольцо незамѣтно для того, кто ходитъ въ кругу и отгадываетъ.

Вонъ смотрите — повскакали всѣ съ своихъ мѣстъ и тотчасъ же сѣли на другія мѣста, точно группа голубей. Что̀ это такое? — Игра сосѣдями! Всѣ садятся по мѣстамъ; одинъ ходитъ съ вопросомъ — „довольны ли сосѣдомъ?“ За отвѣтомъ „недоволенъ“ называютъ и имя того, кого хотятъ имѣть сосѣдомъ. Такимъ образомъ двое вскакиваютъ и мѣняются мѣстами; но и спрашивающій не дремлетъ, онъ торопится занять чье нибудь мѣсто и тогда спрашивать продолжаетъ тотъ, кто останется. Общая же кутерьма бываетъ тогда, какъ иной шутникъ объявитъ недовольство всѣми.

Наскучила и „игра въ сосѣди“. Раздаются всѣмъ названія цвѣтовъ; кому—роза, кому—жасминъ. И кто-нибудь начинаетъ „охъ болитъ!“— Его спрашиваютъ — „что болитъ?“—Сердце!—По комъ?—По розѣ!— И роза въ свою очередь подхватываетъ—„охъ, болитъ!„ А если забылась и замедлила—объявляютъ плату фанта. Это называется „игра въ цвѣты“.

Еще бы хотѣлось продолжать игры; но вваливаютъ съ шумомъ до десятка масокъ. Полюбуйтесь: вотъ „бука“; у него лицо обмазано сажею, на головѣ рога, на ушахъ лохмотья, во рту папироса огнемъ внутрь рта; вотъ и настоящій чертъ — съ рогами, съ хвостомъ, весь обтянутый чорнымъ коленкоромъ; вотъ—шаманъ въ тунгузскомъ платьѣ, съ бубномъ въ рукахъ, весь обвѣшанный колокольцами, ширкупцами, формами гагары и другихъ птицъ и рыбъ; вотъ и смерть, высокая, вся въ бѣломъ, съ кускомъ свеклы вмѣсто носу, съ клыками, вырѣзанными изъ рѣпы и рѣдьки; вотъ — кто-то обшилъ себя медвѣжиной и ходитъ себѣ на четверенькахъ, присѣдая для отдыха на заднія лапы; вотъ арлекинъ, но съ маскою до того отвратительною и страшною, что смотрѣть невозможно. И остальные также наряжены. Ихъ плясъ идетъ подъ удары бубна и своеобразные свистки, писки, трески и т. под. Словомъ, какъ представляютъ дѣтскому воображенію шабашъ вѣдьмъ.

Что̀ это такое? Отвѣчаемъ: не простыя игры, не безсмысленныя шутки; это—осколки обрядностей языческаго поклоненія враждебнымъ силамъ и мрачнымъ духамъ. Изчезли вѣрованія — остались формы. Иначе — за чѣмъ бы всѣмъ подобнымъ обрядностямъ совпадать съ болѣе почитаемыми христіанскими праздниками. Нельзя было вдругъ отстать отъ привычныхъ вѣрованій: и соединили изъ формы и обрядности съ праздниками христіанскими. Въ годы слабой работы мысли, народъ довольствовался отправленіемъ внѣшности привычныхъ вѣрованій;

потомъ возобладали идеи христіанской вѣры, особенно подъ вліяніемъ множества наставительныхъ книгъ разсѣянныхъ по домамъ; обычныя формы спустились до безсмыслицы. Но за чѣмъ и теперь толпа пугливо смотритъ на наряжающихся? За чѣмъ пугаются ихъ и дѣти, и взрослые? За чѣмъ смываютъ во Іордани, въ день крещенія, съ себя чортовскую харю? За чѣмъ до сихъ поръ видятъ въ этомъ волшебство и наряжающихся называютъ „кудесниками", т. е. чародѣями? За чѣмъ?—Да, видно мало внѣшней цивилизаціи, нужны, видно, знанія положительныя. Торопитесь распространять грамотность, и вмѣсто долбни сухихъ нравоученій передавайте народу знанія положительныя, съ разъясненіемъ всѣхъ его ошибокъ.

Можно бы прослѣдить здѣсь всѣ хоровыя и подблюдныя пѣсни, но онѣ уже изложены Сахаровымъ, Гуляевымъ и другими; потому намъ пришлось бы повторять уже сказанное. Мы считаемъ болѣе добросовѣстнымъ не дѣлать напрасныхъ повтореній, и перейдемъ къ изложенію свадьбы со всѣми пѣснями и обрядами, изъ которыхъ у меня составилась цѣлая полная картина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Была глубокая осень. Я ѣхалъ по тряской дорогѣ. Комья грязи, схваченной холодомъ, давали отпоръ колесамъ экипажа, и онъ то качался со стороны на сторону, то подпрыгивалъ вверхъ, или затѣвалъ безостановочную мелкую тряску. Такая дорога тяжела всякому, а особенно путнику, обязанному по службѣ спѣшить на перекладныхъ: онъ то колотится головой направо и налѣво, то съ прыжкомъ экипажа стукается теменемъ, такъ-что искры сыплются изъ глазъ, то при дробной трескѣ едва переводитъ духъ отъ боли.

По такой-то дорогѣ я ѣхалъ изъ Енисейска. Погода стояла пасмурная. Пожелтѣлая и увядшая зелень, оголившіеся остовы березъ, между которыми кое-гдѣ подымалось дерево мрачнаго чернолѣсья, производили самое тяжелое впечатлѣніе. Утомительная ѣзда дѣлалась еще тяжелѣе отъ взгляда на окружающую природу, на которой лежала какая-то томительная мертвенность.

Прошло нѣсколько дней и ночей: все одно и то-же. Наконецъ наступило послѣднее утро моей поѣздки. Я нѣсколько ожилъ — и въ

то-же время, утомленный долгой безсонницей, вздремнулъ. Когда я черезъ нѣсколько времени открылъ глаза, природа оживилась: небо было совершенно чисто; солнце взошло и свѣтило немного искрасна; густой иней, покрывавшій всю окрестность, растаялъ, собрался въ капельки, и всѣ онѣ горѣли въ разноцвѣтныхъ огняхъ. Самый лѣсъ даже сдѣлался не такъ однообразенъ, — обозначились густые фоны хвойной зелени, и кой-гдѣ листья, уцѣлѣвшіе на березахъ, сверкали всѣми оттѣнками желтаго и краснаго цвѣта. Мнѣ стало веселѣе и самые толчки были уже не такъ чувствительны.

Скоро путь мой кончился, и я остановился въ отводной квартирѣ, въ крестьянскомъ домѣ. Не смотря на усталость, я не могъ не замѣтить какой-то особенной суетливости въ домѣ и какой-то на всемъ праздничной чистоты. Болѣе другихъ показались мнѣ озабоченными лица высокой сухощавой старушки, дородной уже зрѣлой дѣвушки и невзрачнаго парня лѣтъ двадцати-пяти. Улучивъ удобную минуту, я спросилъ у старухи: что это у васъ, бабушка, за суета такая?

— Да какъ не быть суетѣ, родимый? злодѣй, видѣлъ чай, скралъ вѣдь дѣвку-то, скралъ, батюшка!

— Какъ это, бабушка, скралъ? что это такое?

— И — и, да ты ничего видно не знаешь. Развѣ у насъ во Тоболѣ-то не бывалъ?

— Не бывалъ. Растолкуй пожалуйста.

— Да, видишь-ли что: здѣсь у васъ енисейскій-то народъ какой-то безстыжій: лѣзутъ — бывало — все со сватаньемъ сперва — отдай вишь имъ дѣвку-то сама я, да не своими-ли-то рученьками. Стыдъ-то ли не стыдъ былъ мнѣ, обругаю бывало сватовъ, да и выгоню; а дѣвка, бѣдная, все сидѣла да сидѣла — вѣдь вотъ уже тридцатый годокъ. Слава-те Господи, принесъ Отецъ небесный изъ Тобольской-то нашей губерніи, съ линіи-то, молодца; вотъ дѣвка видно приглянулась, онъ и скралъ ее, — ну, вотъ и свадебка заводится. Видѣлъ ты, чай, его: вотъ тутъ онъ былъ. Сейчасъ и сватовъ пришлетъ.

Такой разсказъ плохо варился у меня въ головѣ. Какъ это, думаю: многіе сватались, а старуха сердилась на то? Скралъ — отдаетъ, да еще Бога благодаритъ. Женихъ ужъ и укралъ невѣсту, ужъ и въ домѣ у нихъ находится, а сваты теперь только будутъ? — Я передалъ свои сомнѣнія старушкѣ. Она отвѣчала замѣтно обиженнымъ тономъ.

— Да какъ это можно, батюшка, по вашему, по-енисейскому, выдавать дѣвку, лишь бы сватья или сватъ пришелъ? Да вѣдь дѣвка-то наша родимая: что-же мы себя срамить станемъ, али дѣвку срамить? Что мы голодомъ, что-ли, ужъ сидимъ, когда дѣвку добромъ, своими

руками въ чужи люди отдадимъ; али дѣвку осрамить захочемъ, — ступай молъ вонъ, ты намъ не годна? Нѣтъ, ужъ такъ у насъ, батюшка, не водится; а пріѣхамши сюда изъ нашей стороны, тоже не хотѣла хуже-то каждаго худаго быть. А дѣвка-то жила да жила, чуть было не состарѣлась; да хорошо, что свой молодецъ подошелъ, да и скралъ дѣвку.

Послѣ такой убѣдительной рѣчи, сказанной еще обиженнымъ тономъ, я замолчалъ и думалъ только: этакая вѣдь страсть у людей къ заведеннымъ формамъ; да и какъ они крѣпко держатся ихъ! Пусть-ка попробуетъ кто-нибудь скоро отучить ихъ хоть отъ обычая *скрадывать*, когда и самый обычай, какъ видно изъ объясненій старухи, не смотря на его нелѣпость, основанъ на нравственномъ началѣ, только понимаемомъ по своему. А формалистика-то, формалистика? Невѣста уже скрадена, слѣдовательно не только родители и дѣвушка согласны, но и женихъ проживаетъ въ домѣ; а нѣтъ — начинай по формѣ, посылай свата! Пораженный такимъ страннымъ началомъ свадебнаго дѣла, я вздумалъ прослѣдить весь ходъ и всѣ формальности нашей простонародной свадьбы. Я сообщилъ свое желаніе старухѣ и просилъ ея покровительства, то есть позволенія присутствовать при всѣхъ свадебныхъ обрядахъ и получить ихъ объясненіе. Сначала она посмотрѣла на меня съ сомнѣніемъ, но какъ я говорилъ съ полной искренностью, и притомъ раза два-три повторилъ, что „мы ужъ выжили изъ своего добра, и живемъ по-нѣмецки, — а мнѣ-бы дескать и русское узнать хотѣлось, — то старушка обѣщалась посвятить меня во всѣ свадебныя тайны и посадила за занавѣску, гдѣ хранилось и секретное сокровище — невѣста.

Въ самомъ дѣлѣ мнѣ удалось прослѣдить всю эту долгую и поэтическую драму семейной жизни, обставленную символами, таинственными обрядами и пѣснями. Приводилось мнѣ видать это и въ другихъ мѣстахъ, съ отличіями болѣе или менѣе значительными. У насъ много издано свадебныхъ пѣсенъ, но, кажется, никто еще не представилъ ихъ въ полной связи, не представилъ цѣлой картины русской народной свадьбы, съ поясненіемъ смысла всѣхъ ея эпизодовъ, знаменательныхъ и трогательныхъ, полныхъ смысла и народнаго значенія. Нигдѣ старые свадебные обычаи не сохранились въ такой полнотѣ, какъ въ Сибири, а потому, знакомый хорошо съ здѣшними нравами, я рѣшаюсь сдѣлать опытъ — представить смыслъ нашей народной свадьбы въ ея обрядахъ и пѣсняхъ. Прежде всего замѣчу, что я намѣренъ прослѣдить смыслъ всѣхъ этихъ обрядовъ въ ихъ общихъ чертахъ, по тѣмъ проявленіямъ, какія замѣчаются въ семействахъ сколько нибудь порядочныхъ, безъ

тѣхъ особенностей, которыя вкрались или вслѣдствіе укоренившагося пьянства, или отъ упадка народной нравственности. Да не подумаютъ читатели, что я безусловно преклоняюсь передъ всѣми народными обычаями и въ каждомъ изъ нихъ вижу предметъ глубокаго уваженія. Не принадлежа къ числу слѣпыхъ поклонниковъ и легкомысленныхъ порицателей нашего стараго быта, я намѣренъ только раскрыть смыслъ одной изъ важныхъ сторонъ его, которая поясняетъ и характеръ нашего народа.

Кто мало-мальски всматривался въ наши народные обычаи и обряды, тотъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, что въ нихъ господствуетъ смѣшеніе христіанства съ язычествомъ. Конечно, послѣднее давно уже отжило свой вѣкъ, утратило свою жизненность, и оставленныя имъ слова произносятся уже какъ пустые звуки, безъ сознанія выражаемой ими мысли. Но не смотря на то, присутствіе его сильно еще отзывается и въ жизни, и въ обрядахъ, и въ повѣрьяхъ, и вѣрованіяхъ нашего простаго народа. Все это обусловлено, съ одной стороны, нашей исторіей, а съ другой — характеромъ славянскаго племени.

Народность славянская отличается пытливостью и наклонностью къ отысканію общихъ идей и невидимыхъ силъ. Она, въ свою очередь, прошла всѣ фазы язычества, какія проходилъ и весь древній міръ. Первоначально у насъ, какъ у индѣйцевъ, пока не ясно разсматривались явленія окружающей природы и едва понималось различіе между ними, была смутная идея о божествѣ, какъ о чемъ-то выражавшемъ внѣшнюю силу природы. За тѣмъ, по общимъ законамъ, и въ человѣкѣ, и въ народѣ вообще рѣзче начинаютъ оттѣняться предметы,—появляются понятія о пользѣ и вредѣ, о благодѣтельныхъ и пагубныхъ явленіяхъ и предметахъ,—и вотъ казавшееся однобожіе переходитъ, какъ у египтянъ, въ многобожіе, которое тѣмъ болѣе разросталось, чѣмъ съ большимъ числомъ явленій и свойствъ окружающей природы человѣкъ приходилъ въ соотношеніе,—и тогда все, чѣмъ обусловливался его бытъ и отношенія къ другимъ людямъ, составляло уже предметъ его поклоненія. Это многобожіе было, въ свою очередь, тоже чисто внѣшнее, уважавшее всякое явленіе, какъ оно представлялось, безъ пониманья таящагося въ немъ закона природы, безъ явственнаго обозначенія идеи каждаго божества. Потомъ является третій, весьма важный періодъ язычества. Это періодъ, съ котораго человѣкъ становится болѣе человѣкомъ, чѣмъ животнымъ, когда начинаетъ обозначаться мысль, и ея силою проникается внѣшность явленій, въ которыхъ видится уже проблескъ свѣта внутренняго, жизненнаго начала. Но этотъ проблескъ нѣкоторое время остается только проблескомъ безъ опредѣленнаго выраженія по-

тому, что форма не можетъ явиться пока не обозначится мысль. Наконецъ, настаетъ четвертый, послѣдній періодъ язычества: изъ всего существующаго на землѣ человѣкъ начинаетъ сознавать себя существомъ высшимъ, и у него изъ неопредѣленныхъ проблесковъ внутренняго міра — возникаютъ понятія. И для этихъ-то опредѣлившихся понятій славянинъ, подобно греку, начинаетъ создавать божества и облекаетъ ихъ высшей, благороднѣйшей формой человѣка, придавая только ей, какъ оболочкѣ божества, громадные размѣры.

Но это и конецъ развитія язычества. Сознаніе проснулось, понятія стали создаваться, и молодая мысль пошла работать, искать во всемъ внутренняго смысла, пошла все одухотворять и во всемъ видѣть силы невидимыя и таинственныя. Тутъ въ умахъ высшихъ могла уже явиться и идея единобожія христіанскаго. Этимъ-то состояніемъ язычества у славянъ можно, кромѣ ихъ мягкаго характера, объяснить отчасти и мирное водвореніе христіанства на сѣверѣ.

Но не всякій можетъ быть одаренъ полнотою высшаго развитія духовныхъ силъ. Масса не могла для идеи христіанскаго божества отрѣшиться отъ своихъ языческихъ, если не вѣрованій, то по крайней мѣрѣ формъ, проявлявшихъ эти вѣрованія, и внесенныхъ народомъ въ каждый шагъ свой, въ каждое проявленіе жизни, въ каждый составъ своего быта. Подъ этимъ-то вліяніемъ у него были уже созданы: праздники, пѣсни, пляски, игры, хороводы, всѣ обычаи домашней и общественной жизни. Нужна была сильная, самобытно-свободная, ничѣмъ не стѣсняемая работа ума для того, чтобъ подкопать окончательно эти формы и создать другія, болѣе жизненныя.

Нельзя отвергать, что такая работа у насъ и дѣйствительно началась. Умъ подъ вліяніемъ новаго начала повелъ было свою работу: основаніе школъ, составленіе Русской Правды, появленіе литературы и т. п. ясно доказываютъ, что не покоренное, а самостроившееся отечество полнаго развитія душевныхъ силъ народа, могло двинуться наряду съ западной Европой. Но не такъ судьба расположила нашу исторію: славянскія и христіанскія начала мало по малу слабѣютъ и забываются; во-первыхъ отъ вліянія принесеннаго норманами родоваго быта съ удѣльной рѣзней, ослабленіемъ силъ до неспособности противиться монголамъ и съ развившимся изъ того же родоваго начала — мѣстничествомъ; во-вторыхъ, отъ татарскаго ига, убившаго всякое умственное движеніе и внесшаго въ характеръ нашъ скрытность, хитрость и низкопоклонство. Потомъ, когда Русь освободилась отъ татарщины — духовное стремленіе ея оказалось еще не совсѣмъ убитымъ, и возрожденіе было еще возможно путемъ общенія съ другими народами; но, къ

несчастію, завистливые сосѣди загородили отъ насъ западъ и русскимъ по неволѣ вспомнилось о дорогой имъ Византіи. Но Византія была уже не та: жизнь давно замерла у нея въ однѣхъ мертвыхъ формахъ, а скоро и вовсе погасла, оставя одинъ пепелъ мертвой схоластики. И эта-то сухая и гнилая схоластика понеслась на Россію, наводнила ее, проникла во всю бытовую жизнь народа, переполнила ее отжившими формами, но не могла вырвать съ корнемъ формъ языческихъ; для этого нужна была свѣжая сила, положительныя знанія, нравственная жизненность идеи. Если нельзя выскоблить пятна чернилъ, пропитавшихъ бумагу, то какъ же было искоренить проникшее всю бытовую жизнь язычество, прежде чѣмъ умъ народа не созрѣлъ въ положительныхъ знаніяхъ! Вотъ почему у насъ не уничтожили окончательно язычества ни византійство съ его мертвымъ формализмомъ, ни нѣмечество съ его государственнымъ схоластицизмомъ табели о рангахъ, ни французжество съ его презрѣніемъ къ русскому имени и модами, этимъ послѣднимъ нашествіемъ чужой схоластики. Для истребленія его, сколько показалъ вѣковой опытъ, остается одно орудіе—грамота, развитіе ума и сообщеніе положительныхъ знаній.

Ни въ чемъ не сохранилось у насъ столько остатковъ язычества, какъ въ народныхъ свадьбахъ. До сихъ поръ у простаго народа свадьба опутана безчисленной сѣтью обрядности, сохранившеюся со временъ отдаленной древности. Это цѣлая языческая поэма, перешедшая въ жизнь народную съ множествомъ символовъ и поэтическихъ эпизодовъ. Она-то и будетъ предметомъ нашего разбора.

Съ перваго шага сватуньи ([1]) или сватовщика въ домъ невѣсты, вы уже видите языческій обычай, жалкое суевѣріе, котораго вовсе не понимаютъ и боятся нарушить, чтобъ не накликать несчастія будущей четѣ. Правду сказалъ г. Аксаковъ: привычка — зло.

И вотъ сватунья, ступая на первую ступень крыльца у дома невѣсты, уже произноситъ слѣдующее заклинанье: „Какъ твердо и крѣпко стоитъ нога моя, такъ да будетъ твердо и крѣпко слово мое; пусть будетъ оно тверже камня, лѣпче клея, острѣе ножа булатнаго; чтобъ, что̀ я думаю, то и исполнилось“. Предпославъ такое языческое заклинаніе, она крестится и входитъ въ домъ.

Таково на половину языческое, на половину христіанское начало перваго момента свадебныхъ обрядовъ: *сватовства*.

([1]) *Сватуньей* называется въ Сибири женщина, высватывающая невѣсту; *свахой* — участница свадебнаго поѣзда; *сватьей* — родственница невѣсты въ отношеніи къ семьѣ жениха, и на оборотъ.

Впрочемъ, въ Бѣльской волости есть еще и предварительныя формальности въ домѣ жениха, носящія на себѣ тоже характеръ язычества. Но онѣ употребляются только тогда, когда сватать отправляется женщина. Она наряжается какъ можетъ, и приготовившись, присѣдаетъ на минуту къ лавкѣ, потомъ встаетъ и молится образамъ. При молитвѣ сватунья берется за уголъ стола и, сдвигая его съ мѣста, приговариваетъ: „сдвину коль столечницу, сдвину и сердечную". Потомъ, проходя черезъ сѣни, она беретъ заранѣе подготовленную веревку, которою опутываютъ ноги лошадей, при выпускѣ ихъ въ поле, и подпоясывается ею съ приговоромъ: „какъ конь скороходъ въ этой веревкѣ заплетается, такъ и сердце Маши (т. е. дѣвицы, которую сватать хочетъ) заплетись". Послѣ этого она отправляется на сватанье.

Придя въ домъ невѣсты, сватунья старается переступить непремѣнно правой ногой, съ чѣмъ соединяется идея большей силы и увѣренности, потому что и правой рукѣ, и правой ногѣ, и вообще всей правой сторонѣ отдается обыкновенно предпочтеніе.

За тѣмъ перекрестясь и поздоровавшись, сватунья садится непремѣнно подъ *матицей*, какъ обыкновенно въ крестьянскихъ избахъ называются балки.

„Какъ-же родимый не подъ матицу сѣсть, толковали мнѣ на разспросы, вѣдь матица-то домъ связываетъ, — вѣдь подъ матицу не сядешь, такъ и въ семьѣ связи и ладу не будетъ. Да вотъ что еще, батюшка, — жениться станешь, такъ крѣпко сватуньѣ своей накажи, чтобъ и на лавочку-то садилась-бы продольную. А на поперечной сидѣть не ладно; Богъ съ ней съ поперечной-то: въ дому и жизнь будетъ поперечная, упрямая, несогласная."

Вотъ и усѣлась сватунья и начинаетъ разговоры сторонкой о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ: потомъ, улучивъ минуту, прямо говоритъ: „Я къ вамъ пришла не пировать, не столовать, а съ добрымъ дѣломъ, со сватаньемъ; — у васъ есть невѣста, а у меня женихъ, — станемте-ка родство заводить."

Отецъ, выслушавъ это, въ случаѣ согласія, предлагаетъ матери идти къ невѣстѣ и объясниться съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей, чтобъ не стыдить ее. Вѣдь дѣло дѣвичье! При этомъ, если и невѣста согласна, даютъ отвѣтъ сватуньѣ рѣшительно утвердительный. Если же невѣста не согласна, и родители не имѣютъ особенной причины настаивать, то обыкновенно отказываютъ обинякомъ, въ родѣ того: «Молода вѣдь, хочетъ еще побыть въ дѣвкахъ, отцу матери поработать, ума-

разума принакопить.» Это хоть и понимается за отказъ; но иная бойкая сватунья настаиваетъ:

То вѣдь не бѣда,
Что невѣста молода;
Вѣдь со добрымъ молодцомъ
Возмужаетъ подъ вѣнцомъ.

Если же и родители и невѣста согласны, но есть препятствія, то есть тяжелыя обстоятельства, напримѣръ: бѣдность, сыновья еще подростаютъ и дѣвица главная работница, тогда отвѣчаютъ прямо: „Ече вамъ угодно—ждите до проку ([1]), а тамъ, Богъ дастъ здоровья, пріѣзжайте, милости просимъ“!—Если же женихъ старикамъ очень по сердцу, а невѣста не согласна, тогда допрашиваютъ ее о причинѣ. Конечно, это бываетъ оттого, что дѣвушка выбрала другаго; тогда смыслъ ея упорнаго молчанія выражается слезами,—и слезы эти образумливаютъ наконецъ родителей. При изъявленіи же невѣстою согласія, отецъ говоритъ дочери:

Волей выбрала молодца,
Не пѣняй же послѣ на отца.

И все заканчивается тѣмъ, что сватуньѣ, въ удостовѣреніе успѣха, выдаютъ платочекъ невѣсты, съ которымъ она радостно и отправляется во свояси.

Этимъ оканчивается первое дѣйствіе семейной комедіи, называемое „сватовствомъ“.

Для втораго дѣйствія „*рукобитья*“ назначается особый день.

Это дѣйствіе то же не публичное: отецъ и мать жениха пріѣзжаютъ со сватуньей въ домъ невѣсты для рѣшительнаго удостовѣренія и личнаго удара по рукамъ, какъ обычной народной скрѣпы каждаго дѣла, потому что нарушающій послѣ этого, безъ достаточныхъ причинъ, слово, находитъ уже порицаніе во мнѣніи міра. Здѣсь женихъ еще не имѣетъ права участвовать; онъ является дѣйствующимъ лицемъ, и конечно главнымъ, въ третьемъ уже дѣйствіи, называемомъ *смотрѣньемъ*, которое заканчивается *обрученіемъ*. Со стороны жениха здѣсь никого болѣе не бываетъ. Но пустота эта восполняется самыми ближайшими родными невѣсты; напримѣръ, крестными отцомъ и матерью, да подругами, которыя пока скрыты въ другой комнатѣ и не могутъ присутствовать при совершеніи рукобитья.

([1]) То есть до того же времени будущаго года. Есть выраженіе: «на прокъ объ эту пору».

Но вотъ пріѣхали отецъ и мать жениха и сватунья; поздоровались и сѣли. Въ домѣ господствуетъ благоговѣйная тишина: на всѣхъ лицахъ видно пріятное безпокойство и отражается трепетъ сердца. Невѣста въ другой комнатѣ, среди подругъ, сидитъ задумчивая и грустная, иногда печальная, со слезами въ глазахъ. Подруги вьются около нея и утѣшаютъ.

Затепливаются свѣчи у образовъ. Всѣ присѣдаютъ на мгновеніе, встаютъ и молятся. Послѣ того оба отца ударяютъ по рукамъ, и присутствующіе приговариваютъ: „Господи благослови! въ добрый часъ!“ А сватунья или одинъ изъ самыхъ почетныхъ присутствующихъ, напримѣръ крестная мать или крестный отецъ невѣсты, разнимаютъ у нихъ руки. Это рукобитье совершается между отцами жениха и невѣсты, хотя бы свадьба и сладилась женской половиной, даже противъ воли ихъ. За тѣмъ выступаетъ изъ другой комнаты невѣста и бросается со слезами и рыданьями въ ноги своему отцу, какъ бы умоляя о пощадѣ; но онъ благословляетъ ее, цѣлуетъ въ лобъ и приговариваетъ: „ну, Богъ съ тобой! о чемъ-же ты плачешь, мое дитятко? вѣдь съ Божьяго благословенья!“ При этомъ онъ подводитъ ее къ отцу жениха, который беретъ ее за руку, потомъ руки ихъ разнимаютъ, и невѣста удаляется изъ комнаты къ подругамъ. Тамъ начинаются тяжкія рыданья, а часто одни непріятныя, отвратительныя причитанья.

Послѣ рукобитья сидятъ обыкновенно не много — выпьютъ либо по чашкѣ чаю, либо по рюмкѣ водки, и уѣзжаютъ. И такъ, это главное, основное начало свадьбы, ударъ по рукамъ, совершается тихо, чинно, при горящихъ передъ образами свѣчахъ. Нѣтъ ни шуму, ни звонкой пѣсни рѣзвыхъ подругъ, за то явственнѣе отдаются изъ другихъ комнатъ или искреннія, тихія рыданія неопытной дѣвушки-невѣсты, или грубыя крикливыя причитанія опытной дѣвы.

Проводивъ гостей, гасятъ свѣчи у образовъ: религіозная часть окончена, безмолвіе и тишина исчезаютъ, начинается говоръ и пѣсни. Эти пѣсни обыкновенно грустны и слезливы: онѣ выражаютъ и тѣ дѣйствительныя ощущенія, которыми переполнена душа невѣсты, и многія изъ типическихъ сторонъ нашей семейной жизни, сложившейся подъ разными вліяніями и историческими обстоятельствами.

Приведу нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ. Сколько мнѣ извѣстно, если у насъ и описывались народныя свадьбы, то безъ опредѣленной идеи, по одному частному примѣру, безъ знанія обрядности и безъ сознанія ея смысла,—и мы видѣли только отдѣльныя дѣйствія народной свадьбы, которыя не составляли цѣльной, полной картины. Поэтому и свадебныя пѣсни не получили еще у насъ ни должнаго распредѣленія, ни должнаго смысла.

Между тѣмъ, бывши часто на свадьбахъ и потолковавъ подробнѣе съ ихъ участниками о значеніи каждой пѣсни и каждаго обряда, легко составить полное и осмысленное понятіе обо всей этой драмѣ семейнаго быта.

Пѣніе вступившихъ въ свѣтлицу дѣвушекъ, усѣвшихся по мѣстамъ, подъ руководствомъ какой нибудь знающей распорядительницы-женщины, начинается интересною и граціозною пѣснею, гдѣ дѣвичья стыдливость не позволяетъ начать дѣла иначе, какъ разсказомъ о видѣнномъ снѣ, въ которомъ, по объясненію матери, выражается воля судьбы выходить ей замужъ. Вотъ эта пѣсня:

Сонъ дѣвицы и объясненіе его.

Какъ ночèсь-та мнѣ, мàтушка,
Мнѣ малымъ-мало спалося;
Не спалося много видѣлося.
И привидѣлся мнѣ чудный сонъ:
Какъ построена гòренка,
Что во горенкѣ кроватка,
На кровàткѣ чорный соболь,
На полу-же сѣра уточка,
По полочкамъ голуби,
По лавочкамъ ласточки,
На окошечкѣ ясѐнъ сокòлъ.
Ты дитя-ль мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Я сонъ этотъ разсужу тебѣ
Какъ построена горенка:
— То чужа тебѣ сторонушка;
На кровати чорный соболь
— Это твой свекоръ батюшка;
На полу сѣра уточка
— То свекровушка матушка;
А по полочкамъ голуби
— Это братья твои — дѐверья;
А на лавочкахъ лàсточки
— То сестрицы все золовушки;
На окошкѣ ясѐнъ сòколъ
— То твое, дитя, суженое,
Твое суженое, твое ряженое!

За тѣмъ, пояснивъ дочери, что судьба назначаетъ уже конецъ ея свободной, привольной дѣвичьей жизни, и что сонъ сулитъ ей замуже-

ство, — мать въ другой пѣснѣ заставляетъ ее (но непремѣнно заставляетъ; иного выраженія не допускаетъ дѣвичья стыдливость), по собственному сознанію, выбрать себѣ жениха изъ той толпы, въ которую пѣсня вводитъ дѣвицу. Окинувъ глазами всѣхъ, она останавливаетъ взглядъ на одномъ; сердце ударяетъ тревогу — и дѣвушка, съ нервнымъ трепетомъ и робостью, называетъ матери выбраннаго. Вотъ эта пѣсня:

На выборъ дѣвицею жениха.

Какъ у Машеньки матушка
Не добра была, не ласкова;
У Сергѣевны рȯдная —
Непривѣтливая.
Посылала ее матушка
Во сырой-ли боръ по ягодки:
Выбирай-ка себѣ, дитятко,
Изъ всѣхъ ягодокъ ты ягодку,
Изъ калины — калинушку,
Изъ малины — малинушку,
Изъ смородины — смородинку!
　　Какъ у Машеньки матушка
　　Не добра была, не ласкова;
　　У Сергѣевны родимушка
　　Непривѣтливая.
　　Посылала ее матушка
　　Во высокъ теремъ бояръ смотрѣть:
　　Выбирай-ка себѣ, дитятко,
　　Изъ князей себѣ — ты княжича,
　　Изъ бояръ себѣ бояриna;
　　Выбирай-ка себѣ сужено,
　　Удалова добра молодца.
Красна дѣвица назадъ идетъ:
Подъ ней ноги подгибаются,
Бѣлы руки опускаются,
Ясны очи закрываются,
Горьки слезы проливаются.
Вѣдь ужъ выбрала я, матушка,
Себѣ сужено и ряжено —
Свѣтъ Степана Ивановича!

Такъ какъ не только сватовство, но и рукобитье совершались, дѣвушка получила названіе невѣсты; то въ третьей пѣснѣ она и объявляетъ объ этомъ своимъ подругамъ.

Объявленіе отъ невѣсты подругамъ.

— Ахъ ты воля, ты воля батюшкина,
Ахъ ты нѣга, ты нѣга матушкина!
Я у батюшки жила — красовалася,
Я у матушки жила во всей волѣ:
По утру ранымъ-раненько не вставывала,
И я раннихъ пѣтуховъ млада не слушивала;
А умывъ руки, садилась за дубовый столъ,
Съ отцемъ, съ матушкой хлѣбъ-соль кушати,
Съ подругами думу-думати.
— А теперь, мои подруженьки,
Научите вы уму-разуму:
Оставлять-ли мнѣ свой родимый кровъ?
Отказаться-ль мнѣ отъ родителей?
Называться-ль мнѣ по чужой семьѣ?
Вы не знаете моей горести:
Ужъ какъ я млада запросватана
За незнамаго добра молодца!

За этимъ объявленіемъ слѣдуетъ естественно упрекъ подругъ, изъ вольнаго круга которыхъ она скоро должна выйти. Невѣста, съ своей стороны, конечно оправдывается. Все это выражается въ такой пѣснѣ:

Упрекъ подругъ и отвѣтъ невѣсты.

— Перелетная ты ласточка,
Сизокрылая касаточка!
Ты къ чему рано вылетываешь
Изъ своего тепла гнѣздышка,
Отъ своихъ-ли малыхъ дѣтушекъ!
Ахъ, не своей-то волею-охотою:
Со восточной со сторонушки
Потянули вѣтры буйные,
Всколебалось море синее,
Поглушило малыхъ дѣточекъ!

— Ты душа-ли, красна дѣвица,
Свѣтъ ты, Марья Ивановна,
Ты къ чему рано замужъ идешь?
— Вы голубушки, подруженьки!
Не своей волей-охотою:
Роднымъ батюшкой запросватана,
Родной матушкой запоручена!

Замѣчательно, что эта пѣсня допускаетъ ударить по рукамъ и матери, слѣдовательно, какъ бы представляетъ ей на этотъ разъ домашнее первенство.

Этотъ упрекъ подругъ, вѣроятно, возвращаетъ невѣсту къ болѣе сильному сожалѣнію о дѣвичьей жизни, — и вотъ начинаются слезы, сыплются грустные упреки на родителей.

Родителямъ невѣсты.

Ты ясно-ли красно солнышко,
Государь мой, родной батюшка!
Ты заря-ли подвосточная,
Государыня, родна матушка!
Не вставай-ка, родна матушка,
На рѣзвыя свои ноженьки;
Не вздувай-ка ты, родимая,
Изъ углей-ли огня яснаго;
Не затепливай, родимая,
Ты свѣчи-ли воску яраго
Передъ образами чудными;
Не запоручивай ты голову,
Вольну голову, дѣвью красоту!
Али я ужъ вамъ наскучила,
Ужъ гораздо напрокучила?
Много хлѣба, соли скушала,
Много квасу, пива выпила,
Износила платья цвѣтнаго,
Истоптала много чоботовъ?
Богоданный сударь — батюшка!
Ты моги-ко встать, поднятися
На рѣзвыя свои ноженьки,
Ты моги-ко дойти, доступить
До парчевой, до занавѣсы,
До кручинной красной дѣвицы!

Видно, что запоручиванье матерью выражается и въ этой пѣснѣ.

Родители не отвѣчаютъ. Тогда, вѣроятно, по сознанію, что отецъ старшій, что дѣло зависитъ болѣе отъ него, а мать можетъ быть и согласилась бы, но ждетъ рѣшенія мужа,—пѣсня невѣсты обращается исключительно къ отцу, и когда онъ остается непреклоннымъ—другая пѣсня посылаетъ ему дѣвическія укоризны. Этотъ мѣткій укоръ трогаетъ до глубины сердца. Вотъ обѣ пѣсни:

А. *Отъ невѣсты къ отцу.*

Перекатное, красно солнышко,
Ты звѣзда-ли перекатная!
Закатилась ты за облаки
Прочь отъ свѣтла, ясна мѣсяца!
Перешла ты, наша дѣвица,
Что изъ горницы во горницу,
Изъ хорошей-ли во свѣтлую!
Перешла ты—и задумалась!
Какъ задумалась, заплакала
И въ слезахъ-то слово молвила:
Государь ты мой, родной батюшка,
Невозможно-ль того сдѣлати,
Чтобъ меня замужъ невыдати?!

В. *Отъ невѣсты къ отцу.*

Въ полѣ лебедушка кликала,
Въ теремѣ Машенька пла̀кала;
Тебѣ Богъ судья, ро̀дный батюшка,
Молоду отдаешь въ чужи люди.
Остается отъ меня зеленъ садъ,—
Свянутъ цвѣтики лазоревые!
Накажу-жъ я родну батюшкѣ:
Утромъ ты вставай ранешенько,
Поливай цвѣты частешенько,
При вечерней зарѣ, утренней,
Что горючей-ли своей слезой.

Отъ родителей, которые остаются непреклонными, невѣста обращается къ подругамъ, и въ прелестной поэтической пѣснѣ выражаетъ

всю силу своего отчаянія, всю свою безнадежность, — послѣ чего сердце ея какъ бы замираетъ. По крайней мѣрѣ, послѣ этого борьба прекращается, и въ остальныхъ двухъ пѣсняхъ подруги почти покойно совѣтуютъ непреклонному отцу готовить приданое, а невѣста убѣждаетъ его разузнать точнѣе все житье-бытье своего суженаго. Приводимъ всѣ эти пѣсни:

А. *Отъ невѣсты къ подругамъ.*

Вы, голубушки мои сизыя,
Приближенныя сосѣдочки,
Мои милыя подруженьки!
Какъ пройдетъ зима студеная,
Подойдетъ-ли весна красная,
Сокатятся съ горъ бѣлы снѣги,
Нарастетъ-ли мурава трава,
Разцвѣтутъ цвѣты лазоревы,
На кустѣ созрѣетъ ягодка,
Чорна ягодка—смородинка;
Какъ пойдете вы въ чисто поле
По ту ягоду—смородину,
Принесите-ка, голубушки,
Что мою-ль-то дѣвью красоту!
А моя-то дѣвья кра́сота,
Тамъ на кустикѣ, ракитовомъ,
Привилась-ли дѣвья красота
Ко кусточку алой ленточкой.
Вы снимите дѣвью красоту
Со ракитова со кустика,
Положите во коробочку,
Принесите къ родну батюшкѣ,
Ко родимой моей матушкѣ,
Что во свѣтлую во свѣтлицу,
Во свѣтлицу—въ нову горенку,
И поставьте вы коробочку
Во свѣтлицѣ, на дубовый столъ.

В. *Ходатайство подругъ и отвѣтъ отца.*

— Не лежи ты, боберъ, у крутыхъ береговъ,
Чорная куна возлѣ быстрой рѣки!

Не сиди, свѣтъ Иванъ, во чужомъ во пиру,
Свѣтъ Иванъ, господинъ, Андреяновичъ!
Снаряжай-ка свадьбу Машиньки,
Твоей Машиньки — Ивановны!
— У меня свадьба снаряженая:
Девять печей хлѣба спечено,
Десятая печь большихъ калачей,
Девять четвертей вина насижено;
Все приданое заготовлено:
Десять городовъ съ пригородками,
Десять теремовъ съ притеремками.

С. *Отцу отъ дочери невѣсты.*

На зорѣ-то, зарѣ утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Пѣтухи поютъ ранни утренни,
Разбужаютъ они родна батюшка.
Ты ужъ встань, родимый батюшка!
Ты умойся ключевой водой,
Ключевой водой, студеною!
Ты утрись, родимый батюшка,
Тонкимъ бѣлымъ полотенчикомъ!
Помолись-ка, родный батюшка,
Богу, нашему Спасителю,
И сходи, родной ты мой,
Къ моему другу названному.
Разузнай-ка все, какъ есть оно,
Про житье-бытье, домашество.
Онъ не пьетъ-ли зелена вина?
Не играетъ-ли въ кости, въ карточки?
Не пропьетъ-ли платье цвѣтное
И мою-то дѣвью красоту?
А оттоль, родимый батюшка,
Ты зайди-ка въ церковь Божію
И узнай-ка все доподлинно:
Мнѣ какимъ вѣнцомъ вѣнчатися
И какимъ кольцомъ обручатися?

Этимъ оканчивается вечеръ. За тѣмъ наступаетъ ужинъ и сонъ; но ни одна изъ подругъ не отпускается, и всѣ ночуютъ вмѣстѣ. Что чув-

ствуетъ въ эту ночь невѣста? Сколько у нихъ будетъ еще толковъ, и долго ли продолжаться будутъ эти толки, пока утомленіе не сомкнетъ насильно ихъ вѣки? Судите сими читатели...

Третье дѣйствіе свадьбы *смотрѣнье* и за нимъ *обрученье*.

Оно бываетъ черезъ сутки и долѣе, смотря по обстоятельствамъ и произволу при каждомъ случаѣ. Изъ самыхъ названій понятно, что основаніемъ этого дѣйствія служатъ два главныхъ момента: представленіе невѣсты жениху и всей его роднѣ, а за тѣмъ мѣна колецъ. Это, по смыслу свадьбы, первое свиданіе жениха съ невѣстою. Оно, какъ и первыя два дѣйствія, происходитъ въ домѣ невѣсты. На этотъ разъ стеченіе народа бываетъ очень большое: безъ дѣвицъ, подругъ и пѣвицъ дѣлу, конечно, обойтись нельзя. Тутъ бываетъ множество родныхъ невѣсты, вся родня жениха, нѣкоторые особо званые, почетные гости, много и незваныхъ, особенно изъ молодежи, узнавшей заранѣе, что будетъ и веселье, будетъ и плясъ.

Вотъ въ дому все готово: собрались гости, столъ накрытъ бѣлой скатертью, постановлены на него пустыя тарелки и затеплены предъ иконами свѣчи. Все наготовѣ, все въ ожиданіи. Пріѣзжаютъ разомъ женихъ, его родители, его крестные отецъ и мать, и тотъ, кто сваталъ. Входятъ, молятся Богу, и послѣ привѣтствія „бесѣдовать просимъ", садятся. А между тѣмъ, кто нибудь вноситъ со стороны жениха и на счетъ его ящикъ съ лакомствами, вино, и ставитъ все за столъ, подъ образа. Потомъ, посидѣвъ немного, всѣ по знаку сватовщика встаютъ и онъ—возглашаетъ: „вотъ смотрите вы нашего жениха, Степана Ивановича, а намъ кажите-ка невѣсту свою". Выводятъ невѣсту. Но кто выводитъ? Во многихъ мѣстахъ Енисейскаго округа есть обычай, чтобы невѣсту выводила непремѣнно крестная мать, если только она жива. Здѣсь очевидно къ языческимъ обрядамъ примѣшался обычай христіанскій; въ то время, когда онъ еще имѣлъ глубокій смыслъ.

Выйдя въ горницу, невѣста раскланивается со всѣми, потомъ къ ней подходитъ женихъ, беретъ ее за руку и они оба встаютъ на одну половицу, но такъ, что къ образамъ всегда становится женихъ, а къ дверямъ невѣста. Это стоянье на одной половицѣ можно бы, пожалуй, тоже отнести къ язычеству; но по-моему въ немъ заключается важный и интересный смыслъ: стоять на одной половицѣ здѣсь тоже, что стоять въ одной линіи, въ одномъ чинѣ по табелю о рангахъ, имѣть равное значеніе; и какъ мужчина обращенъ все-таки къ образамъ, а туда садятъ обыкновенно лицо первенствующее среди гостей, поэтому ясно, что дѣйствіе это совпадаетъ съ юридическимъ выраженіемъ о предсѣдателѣ между равными членами—primus inter pares. И признаніе этого-

то относительно равноправнаго союза, подъ предсѣдательствомъ однакоже мужа, скрѣпляется клятвенною цѣпью, т. е. обрученьемъ, состоящимъ въ мѣнѣ колецъ, — этомъ внѣшнемъ зарокѣ, съ раздающимся за тѣмъ звонкимъ поцѣлуемъ, какъ зарокомъ сердечнымъ. Клятва заключена внѣшнимъ образомъ, а черезъ поцѣлуй перенесена, согрѣтая горячностью чувства, и въ сознаніе; половица становится излишнею; съ нея сходятъ, садятся на мѣста и начинается угощеніе.

Есть, впрочемъ, и другой обычай, болѣе склоняющійся къ язычеству. Поздоровавшись—женихъ беретъ невѣсту за руку, заходитъ и садится за столъ, такъ что она у него справа; за столъ же съ другой стороны заходятъ отецъ и мать жениха. Въ этотъ моментъ садятся всѣ, кто-бы ни былъ въ комнатѣ, а отецъ невѣсты зажигаетъ приготовленныя у образовъ свѣчи; за тѣмъ отодвигаютъ столъ, всѣ встаютъ съ мѣстъ и молятся образамъ. Моленье продолжается не долго, а послѣ того подается платокъ, и за четыре угла его берутся правыми руками отецъ жениха, отецъ невѣсты, самъ женихъ и сама невѣста; двое послѣднихъ сводятъ свои концы платка рука къ рукѣ и перемѣняются ими. Этимъ оканчивается обрядъ обрученья, скрѣпляемый поцѣлуемъ. Потомъ садятся на мѣста: первые заходятъ справа влѣво—отецъ и мать невѣсты въ уголъ, и за ними съ той-же руки пара сговоренныхъ; а отецъ и мать жениха съ противуположной стороны. Такъ сидятъ очень недолго, потому что родители невѣсты, занимавшіе первые мѣста, встаютъ, прощаются съ молодой четой и выходятъ въ противную сторону противъ той откуда входили, т. е. мимо родителей жениха, которые за тѣмъ гасятъ свѣчи и начинаютъ угощеніе. Откуда этотъ обычай клятвы черезъ углы платка — я опредѣлить не умѣю.

Такъ или иначе обрученье совершилось. Средства къ угощенію всегда доставляются со стороны жениха и распоряжаются при этомъ его родители, а самое угощеніе начинается тѣмъ, что женихъ разсыпаетъ на поставленные заранѣе на столъ орѣхи и другія лакомства, а отецъ его разливаетъ вино. Прежде всѣхъ приглашаются отецъ и мать невѣсты: наливаются четыре рюмки вина, и двѣ пары; родители со взаимными поздравленіями и чоканьями выпиваютъ ихъ; за тѣмъ приглашаются къ такому же угощенію и прочіе члены невѣстиной стороны въ такомъ порядкѣ — сперва крестные, потомъ дядя съ теткой, потомъ братья, и наконецъ сестры. Кончивъ угощеніе невѣстиной стороны, просятъ сватунью, которая сидитъ между тѣмъ возлѣ матери жениха.

Въ то время какъ отецъ угощаетъ всѣхъ виномъ, женихъ предлагаетъ невѣстѣ тарелки съ лакомствами, и она разноситъ ихъ своимъ по-

другамъ. Сестра же ея, и непремѣнно старшая (вѣроятно, чтобъ привыкала ко всему), разноситъ чай гостямъ жениховой стороны и прочимъ званымъ. Замѣчательно, что въ комнатѣ можетъ быть много и незваныхъ, но они только сидятъ и смотрятъ, пока не участвуя нисколько въ угощеніи. Гости званые, и особенно со стороны жениха, не могутъ обойтись безъ расходовъ, потому что обязаны по мѣрѣ возможности класть деньги въ то время, какъ получаютъ угощеніе.

По окончаніи этого угощенія, опять выступаетъ на сцену, какъ и при рукобитьи, крестная мать невѣсты, беретъ ее за руку, выводитъ изъ-за стола и уводитъ въ другую комнату, а если изба бѣдная, то въ „куть“ (гдѣ стоитъ печь). Женихъ въ это время беретъ тарелку, кладетъ на нее приготовленные имъ невѣстѣ подарки и относитъ въ сопровожденіи своей матери эти подарки къ невѣстѣ, которая принимаетъ ихъ при поцѣлуѣ.

Когда всѣ потчиванія и отдариванія кончатся, родители невѣсты, женихъ и сватунья прощаются и уѣзжаютъ, при чемъ женихъ конечно поцѣлуется съ невѣстой, которая провожаетъ его на крыльцо. Потомъ убираютъ все со стола; старшіе расходятся спать; остается одна молодежь обоего пола. Начинаются пѣсни, игры и пляски; сюда же возвращается и женихъ, даже безъ сватуньи. Въ нѣкоторыхъ селахъ отецъ и мать невѣсты, равно и ближайшіе родственники, увозятся послѣ этого къ жениху и тамъ ужинаютъ.

Такъ кончается смотрѣнье и обрученье. Если послѣ него женихъ вздумаетъ отказаться, то никакимъ судомъ и закономъ онъ уже не можетъ получить ни затраченнаго на угощенія, ни сдѣланныхъ подарковъ. Невѣста же можетъ отказаться не иначе, какъ возвративъ подарки и заплативъ за хлопоты и траты; а если не отдастъ, то осуждается мірскимъ мнѣніемъ.

Это третье дѣйствіе свадьбы, подобно предъидущему, сопровождается безпрерывнымъ пѣніемъ пѣсенъ. Только пѣсни эти носятъ совсѣмъ другой характеръ. Тутъ уже нѣтъ невиннаго отпора дѣвушки, горькихъ слезъ и тяжелой мысли, что скоро придется оставить родительскій домъ и жизнь дѣвичью, веселую и беззаботную, нѣтъ и страха неизвѣстнаго будущаго. Тутъ, напротивъ, вы видите, что спокойное примиреніе съ этой мыслью въ самомъ началѣ вечера смѣняетъ отчаяніе, которымъ дышали нѣкоторыя изъ пѣсенъ рукобитья.

Пѣсня дѣйствуетъ здѣсь весьма ловко и постепенно. Съ самаго начала она подготовляетъ невѣсту къ мысли о пріѣздѣ жениха, рисуя сцены встрѣчъ между дѣвицей и молодцомъ, которыя устроивались будто сами собою, по велѣнію судьбы. Вотъ двѣ первыя пѣсни:

1.

Заблудяща пава-павушка!
Заблудилась во темныхъ ты лѣсахъ,
Приблудила ко павлиному гнѣзду.
„Тебѣ Богъ въ помочь,
Павлинъ-сударь въ гнѣздѣ!
Выведи-ка изъ лѣсовъ
Ты—павлинъ-сударь меня!“
Взговорилъ павлинъ-сударь въ гнѣздѣ:
Тебѣ сколь, пава, не блуживать,
Сколько павушкѣ не хаживать,
А придется жить въ моемъ тебѣ гнѣздѣ,
Будешь слыть моей ты павушкою!
Заблудящая подруженка,
Заблудилася въ чужихъ ты во людяхъ,
Приблудила-ли ко бѣлу ко шатру,—
Ко удалу добру молодцу.
„Въ помочь Богъ тѣ, добрый молодецъ,
Во бѣломъ шатрѣ украшенномъ!
Удалый ты добрый молодецъ
Меня выведь изъ чужихъ, ты, изъ людей!“
Отвѣчаетъ добрый молодецъ:
Сколько дѣвицѣ не хаживать,
Молодой сколько не блуживать,
А ужъ будешь во моемъ бѣломъ шатрѣ,
Будешь слыть моей боярынею!

2.

—Соболемъ наша Маша—лѣса прошла, лѣса прошла,
Лѣса крыла—алымъ бархатомъ, алымъ бархатомъ,
По пути катила—крупнымъ жемчугомъ (¹);
Прикатила на крутой бережокъ,
Стала — на бѣлъ горючь-камешокъ,
Вскрикнула она — зычнымъ голосомъ:
„Кто-бы меня младу за рѣку перевезъ?

(¹) Каждую послѣднюю половину стиха повторять дважды, какъ показано въ двухъ первыхъ строкахъ.

Много-бы дала тому — золота,
Больше-бы того — скатна жемчугу.
Не отколи взялся — Степанъ господинъ,
Какъ Степанъ господинъ — свѣтъ Ивановичъ;
Онъ и лодочку спущаетъ во быстру рѣку;
Онъ скоро поспѣшаетъ къ нашей Машенькѣ,
Къ нашей Машенькѣ — свѣтъ Ивановнѣ.
Ужъ и чѣмъ тебя дарить, добрый молодецъ?
У меня есть — золота казна;
Добрый жемчугъ, платье цвѣтное.
— Подари лучше собой — мое сужено!
Мое сужено, мое ряжено!

Во второй изъ этихъ пѣсень упо̀минается „бѣлъ-горючь-камень". Это средство, вѣроятно, досталось нашему времени еще отъ временъ язычества, потому что оно, по смыслу народныхъ сказаній, входитъ въ число знахарскихъ снадобьевъ и употребляется во всѣхъ суевѣрно-демоническихъ заклинаніяхъ и приговорахъ. Этотъ „бѣлъ-горючь-камень Латырь" помогаетъ географическому опредѣленію упоминаемаго въ народныхъ сказаніяхъ, и особенно въ „Голубиной Книгѣ", моря-Латырь.— Это море оказывается Балтійскимъ моремъ, потому-что камень Латырь есть ничто иное, какъ бѣложолтый янтарь, горючее вещество, употреблявшееся еще у римлянъ въ качествѣ цѣлебныхъ средствъ и амулетовъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что янтарь добывается только на Балтійскомъ поморьѣ, отъ Копенгагена до Курляндіи, и на прилежащихъ островахъ; сказанье же говоритъ, что этотъ камень Латырь лежитъ „на море на океанѣ, на островѣ на Буянѣ". — Мы представили объясненіе строфы пѣсни, на основаніи ученыхъ изысканій. Что-же понимаетъ въ этой фразѣ народъ и не твердитъ-ли онъ въ ней одни пустые звуки? Въ заклинаніяхъ онъ, конечно, придаетъ имъ смыслъ, но смыслъ демоническій, и они произносятся губами, дрожащими отъ страха! Вотъ, что̀ должно искоренить образованіемъ.

Но возвратимся къ нашему разсказу.

Какъ бы въ отвѣтъ на успокоительныя слова приведенныхъ пѣсень — дѣвушка, безъ малѣйшаго отчаянія, а можетъ быть и въ видахъ удовлетворенія чувства стыдливости, дѣлаетъ слабыя попытки къ освобожденію отъ предстоящей передачи въ чужую семью, что̀ и выражается опять въ слѣдующихъ двухъ пѣсняхъ:

3.

Государь ты мой, родной батюшка!
Подступи къ столу бѣлодубову,
Засвѣти ты, родной батюшка,
Свѣчу ярку, бѣломакану;
Посмотри-же ты, мой батюшка,
То-ли ровня, что со мной сидитъ?
— Ты дитя-ли мое дитятко,
Ты душа-ли красна дѣвица:
Это ровня, что съ тобой сидитъ!
— Государь ты, мой родной батюшка,
Я сама знаю и вѣдаю,
Сама молода сдогадалася:
Говоришь ты — все обманываешь!
Моя ровня подходящая —
Вонъ въ кути, тамъ за занавѣсой,
Все души-ли красны дѣвицы,
Мои милыя подруженки.

4.

По горамъ я ходила,
Полынь-траву сѣяла,
Васильки садила.
Не отколь взялся молодецъ
На своемъ добромъ конѣ.
Онъ полынь-траву вытопталъ,
Васильки всѣ выщипалъ,
И меня младу высмотрѣлъ.
Сестра брату жаловалась:
Ахъ ты братъ, ты мой милый братъ!
Я по горкамъ ходила,
По высокимъ гуляла,
Полынь-траву сѣяла,
Васильки садила.
Не отколь взялся молодецъ
На своемъ добромъ конѣ;
Онъ полынь-траву вытопталъ,
Васильки выщипалъ,
И меня младу высмотрѣлъ.

—Ты, сестра моя милая,
Сестра, сизая голубушка,
Свѣтъ Марья Ивановна!
Я и самъ холостъ, холостъ хожу,
Самъ чужихъ сестеръ смотрю!

Но вотъ подходитъ роковой моментъ обрученья, все пришло въ движенiе и готовится къ нему. Дѣвушка по естественному чувству содрогается передъ нимъ, а пѣсня—этотъ отголосокъ всѣхъ затаенныхъ ощущенiй, передаетъ душевное состоянiе невѣсты въ слѣдующихъ словахъ:

5.

Въ городѣ перстень ковали,
Во Новѣ золотили,
У царя въ Москвѣ оцѣнили.
Кому тѣмъ перстнемъ обручаться:
Отроку съ отрочицей,
Добру молодцу со дѣвицей.
Не вставай, мой сударь батюшка,
Со дубовой съ новой лавочки, —
Не снимай, мой сударь батюшка,
Со стѣны чуднаго образа
Святу Дѣву, Матерь Божiю,
Ты не дѣлай, сударь батюшка,
Обручаньица великаго!
Вѣдь ничѣмъ тебѣ его не выкупить —
Ни рублями ста и не тысячью!
Только выкупишь ты, батюшка,
Моей дѣвичьей головушкой
Со русой косой, со трубчатой,
Со хорошей дѣвьей красотой!

Но вотъ приступаютъ къ совершенiю обряда обрученья, и новая пѣсня, проникнутая нѣжнымъ чувствомъ, опредѣляетъ его значенiе.

6.

Какъ на улицѣ, улицѣ,
На широкой на площади,
Тутъ играли, поигрывали,

Что̀ милы дружки Машеньки.
Они мало выиграли,
Они много проигрывали;
Проигрывали сестру свою,
Что̀ ни Марью-ли Ивановну.
На лугу, лугу зеленомъ,
На коврѣ, коврѣ шелковомъ,
На кругу, кругу золотенькомъ:
Тутъ играли, поигрывали
Что̀ милы братцы Машеньки.
Они мало проигрывали
Они много выигрывали:
Выиграли они милую сноху,
Что̀ ни Марью-ли Ивановну,
Родну батюшкѣ — невѣстушку,
Родной матушкѣ — замѣнушку,
Какъ милу дружку обручницу —
Обручницу, подвѣнечницу,
Подвѣнечницу, вѣковѣчницу.

Совершилось обрученье. Пѣсня на нѣкоторое время умолкаетъ и даетъ успокоиться взволнованному чувству. Потомъ, для утѣшенія дѣвицы, которой все-таки можетъ-быть грустно, она призываетъ соловушка:

7.

По саду, садочку виноградному,
По мосточку, мостику калиновому,
По лугу, зеленому ковру,
Ходили красны дѣвушки,
Поймали соловушка,
Носили на высокъ теремъ,
Садили за дубовый столъ,
Заставили пѣсни пѣть.
Ты попой, попой соловушка,
Ты потѣшь-ка красну дѣвицу,
Которая запросватана
За удала добра молодца,
За Степана за Ивановича!

А сама пѣсня идетъ далѣе, и пріучаетъ дѣвицу называть „обручника“ уже „своимъ“ суженымъ, „своимъ“ ряженымъ. Дѣвичья стыдливость сходитъ мало-по-малу съ перваго плана; она замѣняется понемногу естественно рождающимся чувствомъ влеченья дѣвушки къ добру молодцу, и личность жениха мало-по-малу заступаетъ мѣсто даже отца и матери. Все это развивается въ слѣдующихъ четырехъ пѣсняхъ:

8.

Какъ Степанъ господинъ ходитъ по двору,
Свѣтъ Ивановичъ по широкому.
Кунья шуба на немъ до полу,
Соболина шапка до верху,
Божья милость на немъ до неба,
Какъ богатство, счастье до вѣку.
Суженый смотритъ изъ пологa,
А бояре смотрятъ изъ города,
А боярыни изъ терема.
Бояре молвятъ: „чей-же такой?“
Боярыни — „чей господинъ?„
А Маша отвѣтствуетъ: — „мой дорогой“.

9.

Ты рѣка-ли, моя рѣченька,
Ты рѣка-ли, моя быстрая!
Ты рѣка-ли по лугамъ течешь,
По раздольямъ разливаешься.
У тебя-ль, у быстрой рѣченьки,
Берега были хрустальные,
А пески на нихъ жемчужные.
Тутъ стоялъ тонкій бѣлъ шатеръ;
Ужъ какъ дѣвица изъ терема
Приходила ко бѣлу шатру,
Разбужала добра молодца:
Пробудись удалой молодецъ,
Пробудися мое сужено,
Пробудися мое ряжено!
Вотъ пришла къ тебѣ я дѣвица,
Что пришла я позабавиться,

Поиграть во гусли звончаты.
Проиграла красна дѣвица
Со правой руки золотой перстень.
Не въ досаду-ль тебѣ дѣвица?
— Не въ досаду добрый молодецъ!
Проигралъ ей добрый молодецъ
Свои гусельцы звончатые.
Не въ досаду-ль тебѣ, молодецъ?
— Не въ досаду красна дѣвица!
Проиграла красна дѣвица
Что свою косу зубчатую.
Не въ досаду-ль, красна дѣвица?
— Не въ досаду, добрый молодецъ!

10.

Взвѣяли вѣтры пò полю,
Грянули веслы по мòрю,
Съ кѣмъ-то мнѣ думушку думати?
Думу думать съ роднымъ батюшкой —
Та мнѣ дума не крѣпка, не вѣрна,
Словеса тѣ не понравилися.
Взвѣяли вѣтры пò полю,
Грянули веслы пò морю.
Съ кѣмъ то мнѣ думушку думати?
Думу думать съ родной матушкой—
Та мнѣ дума не крѣпка и не вѣрна,
Словеса тѣ не понравилися.
Взвѣяли вѣтры пò полю,
Грянули веслы пò морю.
Съ кѣмъ-то мнѣ думушку думати?
Думу думать мнѣ съ Машенькой —
Та мнѣ дума и крѣпка и вѣрна,
Словеса тѣ мнѣ понравилися!

11.

Подъ горой, горой высокою,
Что кипитъ колодецъ съ золотомъ.
Красны дѣвицы расчерпываютъ:

Коя чарой, коя ковшичкомъ,
Одна Машенька цѣлымъ кубцомъ.
Кому кубецъ отдать съ золотомъ?
Отдать батюшкѣ—назадъ не взять,
Отдать матушкѣ — подавно не видать;
Какъ отдамъ кубецъ Степанушкѣ,
Какъ Степану да Ивановичу:
Тѣмъ кубцомъ съ нимъ мы село заведемъ.

По законамъ природы, человѣкъ, увлекаясь настоящимъ, невольно обращается къ своему ясному прошедшему и исполняется невольнымъ сожалѣніемъ о немъ. Такъ и невѣста, подъ конецъ вечера, какъ-бы опомнившись отъ увлеченія, видитъ, что еще вечеръ, два, и она въ чужой семьѣ, — вспоминаетъ приволье въ родномъ дому и обращается къ своимъ родителямъ съ тихослезной пѣснію. Но о чемъ-же? Пѣсня уже не проситъ освобожденія отъ замужества, не видитъ уже въ женихѣ „ворога, похитителя", — нѣтъ! она проситъ только отъ лица невѣсты, чтобъ послѣдніе дни-то родители запечатлѣли усиленной ласкою, чтобы помнился крѣпче родительскій домъ. Вотъ эта пѣсня:

12.

Полелѣй, полелѣй, мати Волга рѣка—
Полелѣй ты круты берега!
Что не долго лелѣяти;
Со весны да до осени,
До студенаго до замороза.
 Полелѣй отецъ, ты, доченьку свою!
 Что не долго вѣдь лелѣяти,
 Со четверга да до пятницы,
 А въ субботу вѣдь дѣвичь-вечеръ,
 Въ воскресеньице—разлучный день:
 Разлучатъ пташку съ гнѣздышкомъ,
 Нашу Машу съ добрымъ батюшкой!

Когда все уже кончено и не только беретъ женихъ, не только отдаютъ родители, но и сердце невѣсты потянулось къ чужому дѣлу,— пѣсня ходатайствуетъ за родныхъ невѣсты и проситъ не пренебречь ими. Она говоритъ;

13.

Соколъ летѣлъ изъ улицы,
Соколянка изъ другой,
Они вмѣстѣ солеталися,
Перьемъ сизымъ помѣнялися.
Молодецъ ѣдетъ изъ города,
А дѣвица-то изъ терема.
Они межъ собой сходилися,
Ручками бѣлыми схватилися,
Златымъ перстнемъ помѣнялися,
И въ уста поцѣловалися!
(Поющіе обращаются къ невѣстѣ).
Ты душа-ль наша соколянка,
Ты душа ли красна дѣвица!
Укажи намъ двѣ дороженьки:
Къ отцу-тестю на широкій дворъ,
Къ маткѣ-тещѣ во новы сѣни,
Къ твому сужену въ высокъ теремъ.
(Потомъ обращаются къ жениху).
Ты соколъ, сударь, соколовичъ,
Удалой нашъ доброй молодецъ!
Ты поди-ка на конюшенъ дворъ,
Тамъ отдай коня ты конюху,
Своему родиму брателку,
Молись Богу по писаному,
А поклонъ веди по учоному,
Поклонись всѣмъ на всѣ стороны,
Тестю-жъ, тещѣ наособицу,
Да примѣть свою ты суженую!

А передъ отъѣздомъ жениха пѣсня знакомитъ дѣвушку со слѣдующимъ дѣйствіемъ комедіи, съ „дѣвичникомъ“, и подготовляетъ ее къ тому времени, когда женихъ нагрянетъ уже со всей свитой, со всей дружиной своей.

14.

Какъ сидѣла я во теремѣ,
И низала я жемчужины
Что на длинную на ниточку.

Неотколь взялся ясенъ соколъ;
Онъ взмахнулъ правымъ крылышкомъ,
Онъ задѣлъ имъ за тарелочку,
За тарелочку за серебряну;
Онъ просыпалъ всѣ жемчужины,
До единаго до зернышка.
Какъ расплакалася дѣвица,
Стоючи предъ роднымъ батюшкой.
Ты не плачь-ка мое дитятко:
Сзову скоро я князей-бояръ;
Подберутъ твои жемчужины
До единаго до зернышка.

Эта подготовка выражается еще болѣе въ той пѣснѣ, при которой женихъ уже прощается, чтобы со слѣдующаго дня, какъ говорится, вырости на вершокъ: до этого времени онъ искалъ самъ, онъ еще робѣлъ, былъ въ неизвѣстности; а теперь уѣзжаетъ съ убѣжденіемъ, что дѣло скрѣплено и крѣпкими обрядами, и разгарающимся въ дѣвушкѣ чувствомъ. Справедливость этой мысли видна изъ слѣдующей прощальной пѣсни;

15.

Въ горницѣ гусли лежали,
А некому въ гусли играти.
Какъ Степана-то не случилось,
Не прилучилось Ивановича.
Онъ у ласкова тестя пируетъ,
Онъ у ласковой тещи столуетъ.
Теща-то зятя провожала,
А сама зятю наказала:
Пей, мой зять не упивайся
Пріѣдешь домой—не ломайся,
Вѣдь дитя-то мое младое,
Твоего обычая не знаетъ,
Твоего норову не вѣдаетъ.

Когда женихъ уже выйдетъ за дверь, пѣсня вызываетъ его обратно въ свѣтлицу, ко дѣвицѣ, такими восклицаніями:

16.

Эй, Степанъ, господинъ, *воротися!*
Свѣтъ Ивановичъ *воротися!*
Твоя Машенька стосковалася,
Изъ окна въ окно бросалася,—
Инда стекла приломалися!

И для большей силы послѣднее слово каждой строчки повторяется еще по три раза. Если собесѣдники развеселились, то жениха въ самомъ дѣлѣ возвращаютъ, три раза приговаривая: „трижды припѣвъ ради трехъ поцѣлуевъ".

Если *дѣвичникъ*, какъ четвертое дѣйствіе цѣльной картины свадьбы, откладывается на неопредѣленное время, то въ промежутокъ бываютъ вечеринки, на которыхъ, кромѣ плясу, поютъ и разныя пѣсни, только для того, чтобы пѣть, безъ отношенія къ дѣйствію, изъ котораго онѣ берутся.

А между тѣмъ запасаются должностными лицами свадьбы. Если отецъ и мать живы съ обѣихъ сторонъ, то нѣтъ и хлопотъ о прінсканіи особыхъ, такъ называемыхъ благословлёныхъ отцовъ и матерей, т. е. замѣну изъ старшихъ родственниковъ, или изъ постороннихъ почетныхъ лицъ. Со стороны невѣсты прінскиваютъ двухъ свахъ, одну постельницу, одного продавца косы, одного заобразника и двухъ бояръ. Со стороны жениха нужны:

1. Тысяцкій — старшее почетное лицо свиты, изъ болѣе богатыхъ лицъ, могущихъ расходывать деньги на наемъ священника, на свѣчи въ церкви и на другія издержки, даже до причудливыхъ требованій подкутившихъ поѣзжанъ.

2. Дружка — особенный знатокъ всѣхъ обрядностей въ ихъ принятой послѣдовательности. На немъ лежитъ обязанность управлять всѣмъ ходомъ свадьбы; онъ долженъ быть чѣмъ-то въ родѣ знахаря, только съ благодѣтельной стороны этого званія, то есть отвращать всякіе привороты и отговаривать приговоры злыхъ людей. Это личность чрезвычайно бойкая, а его разнообразныя неожиданныя дѣйствія и шутки должны внушать къ нему страхъ и почтеніе. Онъ считаетъ все для себя возможнымъ. Одѣтъ онъ со всѣми принадлежностями таинственнаго витязя: черезъ плечо у него берчатое полотенцо, подпоясанъ онъ бранымъ кушакомъ, на кушакѣ висятъ справа — плеть, спереди — пистолетъ, слѣва — складной ножъ.

3. Полудружье или поддружка, т. е. помощникъ дружки и ближайшій исполнитель его приказаній.

4. Сваха. Чаще у жениха и у невѣсты бываетъ по одной свахѣ, но иногда и по двѣ. Это — отчасти свидѣтельницы вѣнчанья; но болѣе нужны онѣ для ухаживанья за невѣстой, которую нельзя же одну толкнуть въ кругъ мужчинъ.

5. Четыре боярина. Они нужны въ свидѣтели вѣнчанья, и для разныхъ посылокъ, и для ѣзды съ образомъ жениха въ церковь и для другихъ порученій. Ихъ роль вообще исполнительная; но они обязаны съ одной стороны всѣмъ угождать, а съ другой — всѣхъ слушаться. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ называется старшимъ.

Наконецъ вся свита избрана; пиво наварено, вино и угощенія припасены, и медлить не за-чѣмъ. Назначается день дѣвичника.

Въ обоихъ домахъ съ утра начинается суета. У жениха рано готовы лошади. А если невѣста сирота по которомъ либо изъ родителей, то она ѣздитъ по утру на могилы и плачетъ тамъ съ сожалѣніемъ, что не можетъ получить родительскаго благословенія.

Такъ какъ большая часть свадебъ бываетъ послѣ вечерни, то и многіе изъ обрядовъ, совершающихся иногда въ теченіе утра дня дѣвичника, откладываются до утра свадьбы, какъ напримѣръ привозъ подарковъ отъ жениха и доставленіе ему приданаго.

Но баня и у жениха, а тѣмъ болѣе у невѣсты, составляетъ рѣшительную принадлежность этого дня.

Подруги не оставляютъ въ этотъ день невѣсту ни на минуту и такъ какъ имъ послѣ бани времени свободнаго не останется, то онѣ садятся за столъ до поѣздки въ баню, и поютъ слѣдующую пѣсню:

Во время обѣда подругъ.

1.

Сборы вы, сборы Машеньки,
Великіе сборы Ивановны!
Собираетъ подругъ она за дубовый столъ,
Садитъ подружекъ вокругъ стола,
А сама садится выше всѣхъ,
Головку-же клонитъ ниже всѣхъ,
И думушку думаетъ крѣпче всѣхъ.
Вы голубушки, мои подруженьки!
Придумайте вы, присовѣтуйте,
Какъ мнѣ жить во чужихъ людяхъ?
Какъ мнѣ звать свекра со свекровью?

Называть свекромъ — онъ разсердится,
Называть батюшкой — мнѣ не хочется,
Называть свекровью — разсердится,
Называть матушкой — не хочется.
Я неволей должна покоритися!
Назову-же свекра — батюшкой,
Назову свекровь я — матушкой.

Обѣдъ кончается. Невѣсту надобно готовить въ баню. Коса, до сихъ поръ составляющая постоянную принадлежность сельской дѣвушки до замужества, есть символъ дѣвичества, и разставанье съ нею, очевидно, должно предшествовать дню первой женской ночи. Потому особенно много пѣсенъ теплыхъ, искреннихъ, прелестныхъ, сохранилось и поется и до нашихъ дней съ обращеньемъ къ косѣ дѣвичьей.

Для бани косу надобно расплести, и вотъ, пока идутъ приготовленья къ этому, поютъ:

2.

Ты коса-ль, моя косанька,
Ты коса-ли, моя русая!
Тебя матушка почесывала,
Заплетала рǒдна сестрица!
Ужъ какъ мнѣ-ли тебя косанька,
Знать-то, болѣе не сплетывать,
Алой ленточки не нашивать!
Разстаюсь съ тобою косанька!
Разстаюсь со дѣвьей красотой!
Расплетутъ тебя вѣдь, косанька,
Какъ на мелкія на прядочки;
Поведутъ-ли меня, дѣвицу,
Въ баньку новую помытися.
Тамъ я смою дѣвью красоту
Ключевой водой студеною!

Московскаго биржеваго БИБЛІОТЕКА КОМИТЕТА

Каждый знаетъ, что какъ ни привыкай къ мысли о смерти когонибудь изъ близкихъ сердцу, или о разлукѣ съ ними, какъ ни знай навѣрное впередъ день и часъ этого событія; но настаетъ моментъ, событіе свершается — и вы заливаетесь слезами, въ васъ, какъ по искрѣ электрической, просыпаются всѣ воспоминанія, всѣ желанія, всѣ грезы и опасенія.

Спокойно начала было смотрѣть невѣста на замужество въ концѣ вечера рукобитья. И это болѣе или менѣе спокойное и беззаботное дѣвичье настроеніе продолжается до дѣвичника. Но наступаетъ рѣшительный день „дѣвичникъ“, подходятъ часы разлуки съ отцомъ и матерью, что̀ ростили, лелѣяли, съ привольной жизнью дѣвичьей, — съ своими привычками и беззаботностію, съ домомъ, въ которомъ сроднилась она съ каждымъ мѣстомъ, съ каждой вещью — и возобновляются слезы, слезы непритворныя и безутѣшныя!

Къ расплетанью косы приглашаются по порядку отецъ, мать, братья, сестры. Для того въ одну и ту же форму пѣсни вставляются другія воззванія.

3.

Приступи, родимый батюшка,
Ко моей-то дѣвьей красотѣ!
Расплети, родимый батюшка,
Что мою-то, мою трубчату косу,
Видно, я у васъ отнѣжилась!
Видно, я открасовалася,
Видно, я ужъ вамъ наскучила,
Видно, я вамъ напрокучила!
Награди, родимый батюшка,
Ты меня благословеньицемъ!

Невѣста сидитъ. Родственницы, одна за другой подходятъ и расплетаютъ ей косу. Но большая часть нерасплетенной косы остается подругамъ, и вотъ затягивается новая пѣсня:

4.

Приступите-ка подруженьки,
Что ко дѣвьей моей красотѣ:
Расплетите-ка, голубушки,
Что мою косу трубчату!
Разчешите-ка, подруженьки,
Что мои-то русы волосы.
Поведите-ка голубушки,
Вы меня во свѣтлу парушу (*);
Вы тамъ смойте-ка, подруженьки,
Что мою-ли дѣвью красоту!

(*) Отъ слова паръ, какъ основной принадлежности бани.

КОМИТЕТА

Коса расплетена; невѣста готова для бани; ее накрываютъ платкомъ, берутъ подъ руки и отправляются. На пути-ли впередъ, въ банѣ-ли, при возвратѣ-ли, — смотря по обстоятельствамъ, напримѣръ по погодѣ и времени года, поютъ между-прочимъ:

5.

Ужъ вы смойте-ка, подруженьки,
Ужъ мою-ли дѣвью красоту,
Со моево тѣла бѣлаго.
Какъ моя-то дѣвья красота
Въ чисто поле улетитъ она, —
Тамъ привьется, дѣвья красота,
На кусточикъ на малиновый.
Вы пойдите во чисто поле,
Принесите мою красоту
Ко родимому ко батюшкѣ!

6.

Я когда была малымъ мала,
Я когда была глупымъ глупа,
Возлѣ лавочки ходила
Въ миткалиновой рубашечкѣ,
Въ полшелковой опоясочкѣ.
Приходилъ тутъ сударь батюшка
Со работушки великой,
Со устатку со тяжелаго;
Бралъ меня родимый батюшка
На свои на руки крѣпкія.
Говорилъ тутъ сударь-батюшка:
Не отдамъ тебя я, дитятко,
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за гостя за богатаго!
Посажу тебя я, дитятко,
За парчеву, въ куть, занавѣску;
Я обвѣшу тебя дитятко,
Соболями да куницами,
Все бобрами, да лисицами.
Говорилъ родимый батюшка,

Говорилъ — и все обманывалъ.
Посадилъ меня мой батюшка
За столы-ли, за дубовые,
За скатертки шиты браныя, —
За яства-ли сладки сахарныя,
За питья-ли за медяныя;
Обсадилъ родимый батюшка
Все князьями, да боярами,
Княженецкими-ли свахами.
Ахъ, обвѣсилъ сударь батюшка,
Что печалію великою —
Все слезами да горючими!

Послѣдняя пѣсня поется, по преимуществу, для невѣсты-сироты, не имѣющей ни отца, ни матери.

Послѣ бани начинается одѣванье, наряжанье невѣсты къ пріему жениха.

И женихъ пріѣзжаетъ на дѣвичникъ уже не тѣмъ тихимъ, робкимъ человѣкомъ, который, подобно несовершеннолѣтнему или неувѣренному въ себѣ юношѣ, выглядываетъ и говоритъ изъ-за спины родителей своихъ или сватовщика, и думаетъ ихъ головою. Здѣсь, напротивъ, родителей его и не бываетъ, а ѣдетъ онъ, какъ побѣдитель, съ торжествомъ, впереди: бодрый, веселый, а за нимъ большая свита разныхъ офиціальныхъ членовъ свадьбы, родныхъ и знакомыхъ.

Такъ какъ къ пріѣзду жениха — невѣста должна быть уже готова, то и командируется сначала дружка развѣдать. Пріѣзжаетъ дружка въ полномъ блескѣ, при всѣхъ своихъ регаліяхъ въ домъ невѣсты, входитъ и, помолясь Богу, спрашиваетъ: — „какъ ваше здоровье“? ему отвѣчаютъ: — „слава Богу“! Послѣ чего онъ откланивается и уѣзжаетъ.

Вслѣдъ за нимъ отправляется въ домъ жениха съ невѣстиной стороны младшій бояринъ. Называется онъ на этотъ разъ „звàтай“. Входитъ, отдаетъ поклоны и объявляетъ: „милости присимъ со всѣми вашими гостями къ невѣстѣ на вечеринку“. Въ отвѣтъ получаетъ онъ: — „покорно благодаримъ“, — и возвращается.

Едва онъ выѣхалъ изъ воротъ, въ домѣ жениха начинается новая сцена. Такъ какъ родители жениха остаются дома, то они считаются обязанными отпустить сына не иначе, какъ послѣ молитвы и за своимъ благословеніемъ. Для этого всѣ садятся на минутку за столъ, затепливаютъ свѣчи предъ образами, выходятъ на средину комнаты и молятся. По совершеніи нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ, иногда съ

полной искренностью и теплыми слезами, — дружка возглашаетъ: „Господи, Іисусе Христе, помилуй насъ! Какъ у Бога — есть-ли у насъ, въ честномъ пиру и благодатномъ дому, у нашего князя молодаго обручника отецъ родимый и мать родимая?“. Получа въ отвѣтъ — „есть“! — онъ опять начинаетъ: „отецъ родимый и мать родимая! благословите-ка божескимъ милосердіемъ и своимъ благословеніемъ нашего князя, молодаго обручника, въ путь-дорогу ѣхать къ суженой, чтобъ потомъ завтра и сужену понять, подъ златъ вѣнецъ встать и Божій законъ въ душу принять. Благословите-же съ радостью“! — Ему отвѣчаютъ: — „Богъ благословитъ“. При этомъ родители жениха, начиная съ отца, матери и кончая крестными отцомъ и матерью, встаютъ попеременно въ передній уголъ съ образомъ въ рукахъ, женихъ дѣлаетъ на этотъ разъ три поклона до сырой земли и прикладывается къ образу, которымъ ему надъ головою дѣлаютъ крестное знаменіе. За тѣмъ всѣ присутствующіе молятся, а дружка взываетъ: „благословляй-же вся честная братія“! на что раздается общій отвѣтъ — Богъ благословитъ“. — Поѣздъ двигается.

Оставимъ-же стариковъ жениха спокойно разсуждать о значеніи вѣсовъ судьбы въ дѣлѣ счастья человѣческаго и особенно семейнаго, да скрѣплять свои сужденья подниманьемъ глазъ на иконы, у которыхъ теплятся свѣчи, такъ-какъ и въ глазахъ стариковъ видится блескъ накопляющихся понемногу слезъ, -- обратимся въ домъ невѣсты.

Какъ только женихъ показывается на дворѣ, хоръ дѣвицъ затягиваетъ уже ему привѣтную пѣсню. А пѣсня служитъ на этотъ разъ и вѣстовщицей невѣстѣ, которая, въ другой комнатѣ, въ кути, или у бѣдныхъ — просто за занавѣсой, сидитъ себѣ тревожная и плачущая. И такъ первая пѣсня извѣщаетъ о пріѣздѣ жениха.

7.

У воротъ было, у воротичекъ,
У воротъ было, у стекольчатыхъ,
У вита кольца, серебряна —
Тутъ стучитъ-брянчитъ, нашъ Степанъ сударь,
Что стучитъ-брянчитъ свѣтъ Ивановичъ.
Онъ стучитъ-брянчитъ со боярами,
Со боярами, что со княжими.
— Отпирай-ка ты, тесть, воротички!
Ты встрѣчай-ка, теща ласково!
Ты, своячина, встрѣть привѣтливо!

Вотъ онъ ко двору идетъ — поклоняется,
На крыльцо всходитъ — усмѣхается,
А во теремъ идетъ — похваляется:
Я пріѣхалъ къ вамъ не молебны пѣть,
Я пришолъ-то къ вамъ не воды святить,
Я пріѣхалъ къ вамъ по сужено,
Что по сужено, мое ряжено,
По душу-ль по красну дѣвицу,
Какъ по Марью-то Ивановну!

Отъ привѣта жениху и извѣщенья о немъ — пѣсня обращается на прибывшій за нимъ поѣздъ:

8.

На горѣ-то, на высокія
Какъ у церкви, у соборныя
Высоко поднятъ колоколъ.
Далеко-ль тотъ звонъ услышали:
Слышно съ городу на городъ,
Слышно съ терема на теремъ.
Въ терему-ли красна дѣвица,
Свѣтъ ли Машенька Ивановна,
Запросватана, запоручена
За удала добра молодца,
За Степана за Ивановича.
Вы голубушки мои, сизыя,
Вы любезныя, вы подруженьки!
Пойте, пойте мнѣ, голубушки,
Въ дѣвьей красотѣ во послѣднее:
Скоро съ вами мнѣ, подруженьки,
Въ зеленомъ саду не гуливати,
Алы ягодки не щипывати!
Со восточной, со сторонушки
Потянули вѣтры буйные,
Накатились тучи грозныя,
Налетѣли черны вороны! —

Когда вошелъ весь поѣздъ, дружка, перекрестясь, взываетъ: „господинъ хозяинъ, прикажи бесѣдовать“! и получаетъ въ отвѣтъ: „покорно просимъ по своимъ мѣстамъ и бесѣдовать съ гостями“.

Въ то время какъ весь поѣздъ заходитъ за столъ въ такомъ порядкѣ, что сперва идутъ дружка, полудружье, потомъ бояре малые — первый и второй, бояринъ большой, тысяцкій, женихъ и сваха, и всѣ усаживаются такъ, чтобъ тысяцкій пришолся въ самомъ переднемъ углу,— дѣвушки поютъ:

9.

Не стой ты, рябина, по край берегу;
Не мочи ты вѣтви во быстру рѣку;
Не летай соловьюшка одинъ во саду!
 Много и много гусей, лебедей,
 Больше-жъ того сѣрыхъ уточекъ;
 Нѣтъ лишь со мной—перепелки одной.
Не сиди, нашъ Степанъ ты одинъ за столомъ,
За столомъ-ли своимъ бѣлодубовымъ!
 Много со мною князей и бояръ,
 Больше-жъ того княженецкихъ дѣтей;
 Нѣту со мной только Маши одной,
 Моей Машеньки, свѣтъ Ивановны!

Такъ предувѣдомила пѣсня невѣсту, что за нею сейчасъ войдутъ: и вотъ трепещущая, съ замирающимъ сердцемъ, съ затаеннымъ дыханіемъ, съ разгорѣвшимися щеками — невѣста охорашивается. А дружка между тѣмъ встаетъ и восклицаетъ: „Господинъ хозяинъ! нашъ князь, молодой обручникъ, стосковался, сгоревался, что со своей княжной, молодой обручницей долго не видался! теперь желаетъ съ нею повидаться, въ сахарны уста поцѣловаться, вывести за собой, посадить съ собой за дубовый столъ, побесѣдовать“. И за тѣмъ прибавляетъ: „ну-те-ка, свашенька, ступайте съ Богомъ“!

Сваха жениха встаетъ и идетъ съ нимъ къ невѣстѣ, гдѣ онъ цѣлуетъ ее, беретъ за правую руку, ведетъ къ гостямъ и садитъ съ собою за столъ; а дѣвушки поютъ:

10.

Ахъ ты, рѣченька,
Ахъ ты, быстрая!
Ахъ, почто-же, рѣченька,
Ты не быстро бѣжишь,
Никуда ни колыхнешься,

Ни къ которому бережку,
Ни къ которой сторонушкѣ?
— Ахъ ты дѣвица, дѣвица!
Ахъ ты, дѣвица красная!
Ахъ почто-же ты, дѣвица,
Ты тихо сидишь,
Не примолвишь словечушка,
Ни съ отцомъ, ты, ни съ матерью,
Ни съ сестрами, ни съ братьями,
Ни съ своимъ милымъ суженымъ,
Ни съ своимъ милымъ ряженымъ?
Развѣ всѣ напрокучили?
Развѣ всѣ опротивѣли?

Не даромъ пѣсню называютъ сокровищницей всѣхъ завѣтныхъ ощущеній. Чѣмъ не управляетъ, не руководитъ она? И въ настоящемъ случаѣ пѣсня проникаетъ до глубины души невѣсты и пробуждаетъ въ ней дѣвичье чувство влеченья къ жениху, которое прикрыто было сожалѣньемъ о родимомъ кровѣ и робостью передъ новою незнакомою дорогою женской жизни. Послѣднія слова пѣсни „развѣ опротивѣли?“ вызываютъ невѣсту на отвѣтъ: по губамъ пробѣжитъ легкая улыбка, глаза видимо засвѣтятся, — и со вспыхнувшимъ на щекахъ румянцемъ стыдливости, она оборачиваетъ голову къ жениху. Тотъ цѣлуетъ ее, а пѣсня подхватываетъ:

11.

Какъ во каменной во палатѣ,
На тесовой да на кроватѣ,
Что не голубь со голубушкой воркуетъ:
Степанъ тутъ нашу Машеньку цѣлуетъ,
Какъ Ивановичъ Ивановну милуетъ.
— Принеситка, мила Машенька, сынка
Для потѣхи въ глупой младости,
Для замѣны намъ при старости,
Чтобъ царю онъ былъ слуга вѣрный,
А боярамъ крѣпкой думою.

Начинается угощенье, и въ этотъ вечеръ уже со стороны невѣстиныхъ родителей. А пѣсня, сдѣлавъ свое дѣло, т. е. подстрекнувъ невѣсту на сближенье съ женихомъ и освободивъ ее отъ тяжелыхъ думъ

воспоминанья о прошедшемъ и боязни будущаго, — входитъ въ разборъ отношеній между невѣстой и подругами, ощущеній жениха, соотношенья между женихомъ и невѣстой въ смыслѣ будущей семьи, прощальныхъ обращеній дѣвицы къ отцу и матери.

Такъ всякій пойметъ, что слѣдующая пѣсня выражаетъ взаимное отношенье въ этомъ моментѣ, между невѣстой и подругами.

12.

Зла измѣнница, красна дѣвица!
Ты сказала намъ, что замужъ не пойдешь
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за гостя, ни за торговаго (*);
А теперь, наша подруженька,
Ты пошла замужъ задумала
За удала, добра молодца,
За Степана, свѣтъ Ивановича!
— Не сама собой я замужъ пошла:
Отдаетъ меня сударь батюшка,
Приневоливаетъ родна матушка,
Потакаютъ люди добрые.
— Вы красуйтесь, красны дѣвицы,
Во своей-то дѣвьей красотѣ!
Ужъ какъ я открасовалася:
Не плести ужъ мнѣ русой косы,
Не носить мнѣ алой ленточки!

Но нельзя вѣдь сожалѣть объ одной невѣстѣ и одну ее оплакивать. Вѣдь и добрый молодецъ отказывается отъ своей безусловно-вольной волюшки; вѣдь и его сердце заполонено, вѣдь и онъ связывается узами семейнаго союза! И вотъ пѣсня чувствуетъ за него:

13.

Ахъ, ты, царь-ли нашъ царевичъ!
Ты король нашъ, королевичъ!
Разудалый, добрый молодецъ,
Нашъ Степанъ-ли свѣтъ Ивановичъ!

(*) Это не простой наборъ словъ, а бывшее распредѣленіе сословій.

Ты умѣлъ хорошъ родитися
И богато снарядитися!
Поносила тебя матушка
Во утробѣ девять мѣсяцевъ
Тяжелымъ-то тяжелехонько;
Во десятый породила
Во христовскую заутреню,
Какъ во первый большой благовѣстъ (*).
Обмывала тебя бабушка
Ключевой водой студеною;
Пеленала тебя бабушка
Во пеленочки полотняны,
Во свивальнички шелковые.
Сберегала тебя матушка
И отъ вѣтра, и отъ вихоря,
И отъ божіей немилости.
Не смогла только сберечь тебя
Какъ отъ ясныхъ, отъ дѣвичьихъ глазъ!

За тѣмъ пѣсня выражаетъ русскій народный взглядъ на семейное товарищество, гдѣ, не смотря на всѣ права жены-гражданки и на все полноправье жены-хозяйки, царитъ все-таки надъ домомъ первенствующая личность мужа, какъ гражданскаго дѣятеля, дающаго дому общее и основное направленіе.

14.

Во саду было, во садочкѣ,
Во зеленомъ виноградничкѣ:
Тутъ ходилъ, гулялъ молодецъ,
Нашъ Степанъ, сударь, Ивановичъ.
Онъ чесалъ-ли буйну голову,
Чеша кудри, приговаривалъ:
Ахъ, вы кудри, мои кудерцы,
Ахъ, вы кудри, мои черныя,
Прилегайте ко могучимъ плечамъ,
Ко моему лицу бѣлому,
Ко моему ко румяному.

(*) Народное повѣрье считаетъ роды въ такое время особеннымъ благословеньемъ и сулитъ новорожденному счастіе.

Привыкай-ка, красна дѣвица,
Свѣтъ Марія-ли Ивановна,
Ко моему уму разуму.
Къ обычаю молодецкому
И ко нраву княженецкому.
— Ужъ какъ мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
За досаду показалося!
Привыкать мнѣ не хотѣлося!
А ужъ, знать-то, привыкать будетъ:
Спѣси, гордости убавить,
Ума, разума прибавить;
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное!

Съ своей стороны мужъ обязанъ нести за это всѣ тяжести прокормленья дома и защиты его, что̀ выражается въ слѣдующей пѣснѣ:

15.

Ахъ ты дымка, дымка быстрая рѣка!
Протекаешь ты промежду горъ.
Черезъ ту-ли дымку быструю рѣку,
Мосты мощены калиновые,
Перекладинки-то валежныя;
И никто-то по мостамъ по тѣмъ нейдетъ,
По калиновымъ не перейдетъ.
Какъ Степанъ по мостамъ пройдетъ,
Свѣтъ Ивановичъ-ли перейдетъ;
За собою нашу Машу поведетъ,
Свѣтъ Ивановну переведетъ.
Самъ онъ дѣвушкѣ наказываетъ:
— Ахъ, ты, Машенька, не упади,
Ты, Ивановна, не упади!
— Я хоша, сударь, и упаду,
Хоша упаду, не утону:
Не схвачусь вѣдь я за батюшку,
Иль родиму свою матушку, —
За тебя, сударь, хватаюся,
За твои-то руки бѣлыя,
За твои перстни злаченые!

Такимъ образомъ пѣсня растолковала невѣстѣ и значеніе русскаго семейнаго союза, и необходимость затихнуть ея вольной волюшкѣ, ея личному произволу въ общемъ составѣ семейства, въ которое войдетъ она, и гдѣ наложатъ на нее разныя обязанности; мало того, гдѣ надъ нею, какъ и всѣмъ домомъ, будетъ первенствующее лицо мужа, который обязанъ дать общее направленіе дому. Такимъ образомъ то, чего прежде она смутно боялась, теперь передалось ея сознанію, и съ внутренней въ себѣ борьбой она обращается къ родителямъ. Слѣдуютъ три пѣсни:

16.

Къ отцу и матери.

Тебѣ Богъ судья, родной батюшка
Тебѣ Богъ судья, родна матушка!
Поневолили замужъ идти,
За удала, добра молодца.
Много хлѣба видно съѣла я?
Износила платья цвѣтнаго?
Мнѣ не годъ ужъ годовать у васъ,
Мнѣ не зиму зимовать у васъ,
Не весну мнѣ весновать у васъ;
Ночевать мнѣ одну ноченьку!
Незнать — ночьку пролежати,
Незнать — ночьку просидѣти,
Незнать — ночьку проходити,
Незнать — ночьку простояти,
Незнать — съ батькой думу думать,
Назнать — съ маткой мысли мыслить,
Незнать — съ братомъ прогуляти!

17.

Имъ же.

Кругомъ солнце обошло.
Бояре рядомъ ѣхали;
Сломили вершину рябины,
Подъ ноги конямъ бросили.
Топчите же кони вершинку!

Стой ты, рябина, безъ верху!
Батюшка, живи безъ дочери,
Безъ любимой своей Машеньки!
Кругомъ солнце обошло,
Бояре рядомъ ѣхали;
Сломили вершину рябины,
Подъ ноги конямъ бросили.
Топчите-же, кони, вершинку!
Стой ты, рябина, безъ верху!
Матушка, живи безъ дочери,
Безъ любимой своей Машеньки!

18.

Къ отцу.

Не прошу у тебя, батюшка,
Я ни злата, я ни серебра,
Ни скатна крупна жемчуга.
А ты дай мнѣ родной батюшка
Благословеніе великое,
А и съ нимъ-то ты пожалуй
Провожату вѣрну —
Родну сестрицу!

Послѣ этой выступаетъ сваха невѣсты, молится на образа, беретъ невѣсту за руку и уводитъ изъ комнаты. А въ это время пѣсня начинаетъ, по туземному выраженію, „припѣвать къ невѣстѣ“ сперва „поѣзжанъ“, начиная съ тысяцкаго, а послѣ нихъ и всѣхъ гостей разомъ. Раздается припѣвъ:

19.

Припахнись-ка, званый гость,
Федоръ, свѣтъ Игнатьевичъ,
Ко мнѣ молодешенькой
Въ куть за занавѣску,
За бѣлу браную,
Тонку полотняную.

А припѣваемое лицо наливаетъ между тѣмъ въ стаканъ пиво, кладетъ въ него деньги, приходитъ къ невѣстѣ и подаетъ ей; а та, при-

нявъ, передаетъ пиво одной изъ подругъ, а деньги принимаетъ сама и пустую чашку возвращаетъ тому, кто ее принесъ.

Но пѣсня не останавливается ни на минуту и, едва припѣвъ оконченъ, а припѣтый собирается домой, какъ пѣсня уже и за него отвѣчаетъ. Она говоритъ:

20.

По городу, по городу звоны прошли:
По терему, по терему дары понесли!
Дарили дары, дарили дары душѣ дѣвицѣ.
Прими ты дары, прими ты дары, душа дѣвица;
На наши дары, на наши дары не прогнѣвайся:
Вѣдь наши дары, вѣдь наши дары непасеные,
А свадебка-то, а свадебка-то не гаданая.

Послѣ всѣхъ припѣвается и сваха жениха, вмѣстѣ съ нимъ. И въ этомъ случаѣ, какъ въ общемъ назначенiи своемъ, сваха является посредствующимъ лицомъ между мужчинами и невѣстой, чтобы не смущалась дѣвичья стыдливость. На основанiи припѣва, сваха съ женихомъ и дары несутъ вмѣстѣ; только сваха, подобно другимъ, подноситъ ихъ въ пивѣ, а женихъ на тарелочкѣ. Сваха подаетъ первая, такъ какъ и другiя подавали; а получая подарки отъ жениха, невѣста цѣлуетъ его, — женихъ на мгновенiе присѣдаетъ къ ней на колѣни, цѣлуетъ вторично и уходитъ.

Въ большей части случаевъ на этомъ и кончается участiе жениха и невѣсты: они утомлены достаточно и отъ однихъ уже сильныхъ ощущенiй; между тѣмъ какъ завтра должны, по обычаю, проводить весь день въ постѣ и томиться ощущеньями еще болѣе сильными, въ ожиданiи вѣнчанiя и завѣтной ночи. Баня, въ которую сводили жениха и невѣсту, и вольный паръ, который способенъ такъ благотворно успокоивать нервную раздражительность, дѣйствуетъ только временно, но не имѣетъ чарующей силы совсѣмъ остановить способность нервовъ и раздражаться и утомляться. Потому-то женихъ ѣзжаетъ домой, а невѣсту укладываютъ спать. Когда женихъ начинаетъ сбираться — дѣвицы-пѣвицы спѣшатъ получить съ него за пѣсни, а потому тотчасъ же затягиваютъ, между тѣмъ какъ одна изъ болѣе бойкихъ или красивыхъ дѣвицъ наливаетъ рюмку вина и сама подноситъ жениху. Вотъ слова поющейся на этотъ случай пѣсни:

21.

Удивися ты, Степанъ нашъ, удивися,
Удивися ты, Иванычъ, удивися:
Подъ тобою ларцы вѣдь все кованые,
А ковры на ларцахъ тонкошелковые.
Въ ларцахъ много, много золотой казны лежитъ;
А казна златая все на свадьбу тебѣ,
Серебро же деньги, пѣвчимъ-дѣвицамъ,
Мѣдны же копѣйки въ богадѣленку.

Жениха провожаютъ съ тѣми же пѣснями и обрядами, какъ послѣ обрученья, а невѣсту убаюкиваютъ слѣдующею пѣсней:

22.

Не бушуйте вѣтры буйные,
Не раскачивайте звонкій колоколъ!
Не будите красну дѣвицу,
А что Марью-ли Ивановну!
Какъ вечоръ-то она долго не спала —
Ширинку шила краснымъ золотомъ,
Подарить чтобъ свекра-батюшка.
Не бушуйте вѣтры буйные,
Не раскачивайте звонкій колоколъ!
Не будите красну дѣвицу,
А что Марью ли Ивановну!
Какъ вечоръ-то она долго не спала —
Шила рубашечку полотняну
Подарить свекрови-матушкѣ.

Но нельзя же оставить пѣвицъ безъ вознагражденія. И вотъ начинается снова угощеніе гостей, — и снова пѣсни, припѣвающія гостей однихъ за другими къ хору.

23.

Пѣсня тысяцкому.

Ахъ, ты, тысяцкій воевода!
Ты поѣхалъ, сударь, воевати,

Невѣрную силу побѣждати
Не въ чужую, дальну сторону,
Но съ пушнымъ, сударь, со товаромъ,
Что со черными соболями.
Ты за то, сударь, бралъ головами,
Что со дѣвьими красотами.
Что со русыми со косами.
А, ты, слышишь ли, слышишь ли,
Сударь, тысяцкій воевода?
Тебѣ пѣсни поемъ, тебѣ честь воздаемъ!
Что именемъ тебя называемъ,
По изочеству величаемъ!

И пока тысяцкій собирается, ему прибавляютъ:

Өедоръ-свѣтъ, господинъ, не скупися,
Съ золотой казной разступися!
Тебѣ тѣмъ казны не скопити,
Башмачковъ невѣстѣ не купити;
Къ обѣднѣ пойдетъ замараетъ,
Отъ обѣдни пойдетъ — потеряетъ.

24.

Къ дружкѣ.

Ты удалый, добрый молодецъ,
Тимофей, сударь, Кондратьевичъ!
Ты охочь былъ по пирамъ ходить,
По сговорамъ, по дѣвичникамъ,
По дѣвичникамъ — вечериночкамъ!
Ты охочь былъ пѣсни слушати
Ты охочь былъ дѣвицъ дарить
Не рублями, не полтинами,
Золотыми все-бы гривнами!

За тѣмъ боярамъ поется двѣ пѣсни. Зная ихъ молодость, дѣвицы-пѣвицы въ первой пѣснѣ только подстрекаютъ ихъ самолюбіе, а во второй уже хвалятъ, за что и ожидаютъ лучшей награды.

25.

Издалече, издалече
Течетъ винной ручеечикъ,

А по винну ручеечку
Плаваетъ дивный гоголечикъ.
Но случись тутъ мимо ѣхать
Молодымъ князьямъ боярамъ;
Ручеечку они дивовались,
Гоголечку они дивовались.
А изъ терема высока
Изъ косящета окна
Засмотрѣла, закраснѣлась
Красна дѣвица душа.
Глупые бояре,
Неразумны, молодые,
И чему вы дивовались
Въ дивномъ ручеечкѣ?
Вотъ кому бъ вы дивовались —
Разудалу молодцу!
Какъ пригожъ, хорошъ онъ уродился,
Въ платье цвѣтно нарядился,
По нее младу пріѣхалъ,
Что младу красну дѣвицу!

26.

Ахъ вы соколы, соколики!
Гдѣ вы, соколы, летали?
— Мы летали на сине море.
И въ водахъ его тихихъ,
Что вы соколы видали?
— Лебедь бѣлую мы видѣли.
Что не поймали вы, соколы, ее?
— Хотя мы ее не поймали,
Сизы перья пообдергали.
Ахъ, какъ вы князья-бояре,
Молоды все удалые!
Ахъ гдѣ-то вы, бояре наши, ѣздили?
— А мы ѣздили со городу во городъ.
А тамъ — что же вы бояре наши видѣли?
— Красну видѣли дѣвицу
Во высокомъ терему,
Что разкрасную дѣвицу,

Свѣтъ ли Машеньку душу!
А почто жъ ее, бояре, вы не привезли?
— А хоть мы ее не привезли,
Косу русую ужъ расплели
И горячи слезы пролили.
— Ай-да умные бояре,
Преразумны молодые!
Размахнитесь-ка вы деньгой,
Что не мѣдной, золотой!

27.

Свахѣ жениха.

Что княжая-то наша свашенька богата,
Какъ по имени Анфиса Тимоѳевна!
Она съ гривенки на гривенку ступаетъ,
Что рублемъ она ворота отворяетъ,
А полутормя широки запираетъ,
По полтинѣ во всѣ стороны бросаетъ,
Изъ тюремъ она тюремныхъ выкупаетъ,
Изъ неволи-то невольныхъ выручаетъ,
Сиротамъ казны много даетъ,
За нее сироты Богу молятся!
Ахъ, ты, слышишь ли, княжа свашенька,
Свѣтъ Анфиса душа Тимоѳевна?
Про тя дѣвицы пѣсню пѣли,
Тя по имени называли,
По изотчеству величали.
Ты дари-ка дѣвицъ, не скупися.
Не рублемъ и не полтиной, а златой гривной!

28.

Свахѣ невѣсты.

А княжны-то нашей свашенька бѣляна,
Какъ по имени Наталья Николавна.
Что по три годы полотна бѣлила,
На синемъ морѣ полотна полоскала,

Что на камушкѣ, на сѣромъ колотила, —
Какъ ко Машенькѣ на свадьбу поспѣшала,
Ко Ивановнѣ на честну торопилась.
Ахъ ты слышишь ли, княжны сваха,
Что тебѣ мы въ честь поемъ?
Будто сыръ младой на блюдѣ,
Скатенъ жемчугъ въ ожерельѣ.
Ты дари-ка, не скупися,
Златой гривной, а не мѣдью.

Съ лицами оффиціальнаго поѣзда дѣло покончено. Теперь пѣсня обращается ко всѣмъ присутствующимъ, раздѣляя ихъ только на женатыхъ и холостыхъ. Вотъ, напримѣръ, три различныя пѣсни для женатыхъ:

29.

Какъ во полѣ деревцо,
Во чистомъ кипарисъ ростетъ!
Какъ на томъ ли на деревцѣ
Выростали двѣ вѣточки;
Какъ на тѣхъ ли вѣточкахъ
Выростали двѣ ягодки.
Ужъ какъ первая-то ягодка — Иванъ Кузьмичъ,
А втора — Анна Ивановна!

30.

То Өедоту, пѣсенка,
То ясному соколу,
Со бѣлой лебедкой
Анной Өедоровной.
Слышь-ка Өедотъ, нашъ сударь,
Слышь — Андреяновичъ!
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ.
Какъ бы бѣлый сыръ на блюдѣ,
Какъ бы сладкій медъ въ сосудѣ,
Въ саду вишенье садово,
Сладко яблоко готово.
Мы просимъ тебя не скупися,
Со златой гривной разступися!

BAYERISCHE STAATS- BIBLIOTHEK MUENCHEN

31.

На лугу, лугу,
 Уряди, дидъ, ладо, уряди!
Стояли три роты,
 Уряди, дидъ, ладо, уряди!
Три роты военны,
 Уряди, дидъ, ладо, уряди!

И такъ далѣе за каждой строчкою повторяютъ этотъ припѣвъ: „уряди, дидъ, ладо, уряди!“

Посредь роты ходитъ
Господинъ нашъ полковникъ,
Свѣтъ Иванъ Алексѣичъ;
На немъ шуба соболья,
Она крыта парчой,
Что парчой голубой.
Какъ бояре-то спросятъ —
Кто тя шубой дарилъ?
Али тесть, али теща?
Отвѣчаешь ты имъ:
Мнѣ не тесть дарилъ, не теща,
Мнѣ дарилъ самъ государь
За мою службу вѣрную,
За мою неизмѣнную!

Теперь къ слову: что это за припѣвъ, „уряди, дидъ, ладо, уряди“? Иные считаютъ всѣ подобные припѣвы за пустые мертвые звуки, за безсмысленныя прибавочныя частицы. Но такъ ли это? Не вѣрнѣе ли можно видѣть въ нихъ остатокъ язычества, языческихъ божествъ, языческихъ празднествъ? Вѣдь есть же славянская языческая миѳологія, есть въ ней и божества Дидъ и Ладо!

Потомъ пѣсня припѣваетъ холостыхъ. Приведемъ двѣ такихъ пѣсни:

32.

У воротъ вились вереюшки,
У широкихъ завивалися.
Какъ не сами онѣ вилися:
Завивали-то ихъ плотнички,
Топорами ли булатными.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MÜNCHEN

Ужъ какъ у свѣта Иванушка
Не сами-то кудри вилися,
Не сами-то завивалися;
Завивала ихъ мила сестра,
Свѣтъ Лукерья Агафоновна:
Что на всякую кудриночку
По бурмицкой по жемчужинѣ,
Самоцвѣтному по камышку!

33.

Исполать тебѣ, удалъ молодецъ,
Какъ и Петръ, сударь, Николаевичъ!
Ты умѣлъ хорошъ родитися,
Хорошо снарядитися —
Со тонка высокошенекъ,
Со бѣла кудреватенекъ.
Вѣдь пора тебѣ споженитися,
Вѣдь невѣста твоя выросла,
Дороги дары ужъ вышила.
Ахъ, ты слышишь-ли?
Мы тѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ,
По имени называемъ,
Изотчествомъ величаемъ.
Ты дари-ка дѣвицъ, не скупися,
Не полтиной, рублемъ, — златой гривною.
Коль ты станешь дарить,
Мы тя станемъ хвалить;
А не станешь дарить,
Мы тя станемъ корить.

Конечно, дѣвицы-пѣвицы большею частію остаются довольны подаркомъ; если же онъ не удовлетворителенъ, то и на тотъ случай есть у нихъ разные припѣвы. Такъ напримѣръ и за приведенной только что пѣснею можетъ послѣдовать прибавка:

Ахъ ты! самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Уши ножницами;
У тя шея бѣла —

Будто въ петлѣ была;
У тя рожа пестра —
Видно оспа трясла!

Или вотъ еще припѣвъ недовольства:

У Павлуши въ гостяхъ не бывали, не бывали,
Его меду не пивали, не пивали. —
Ужъ какъ медъ-то, что водица, что водица,
А дары-то его, что тряпица, что тряпица.

Подобныхъ припѣвовъ, особенно если изрядно подвыпьютъ, найдется довольно; но въ благонравныхъ семьяхъ стараются не затягивать дѣвичникъ и разъѣзжаются.

Наступило, наконецъ, и пятое, послѣднее дѣйствіе комедіи, или, вѣрнѣе, эпилогъ ея — наступилъ день свадьбы. Въ этотъ день все суетится, тревожится, трепещетъ. Дружка съ своими возгласами и обрядностями, дѣвицы съ своими звонкими пѣснями, выступаютъ на сцену съ восходомъ солнца и не сходятъ съ нея во весь день, даже заполночь.

Едва просыпаются въ домѣ невѣсты, какъ уже раздается пѣсня:

Вы вставайте, подруженьки,
Вы проснитеся, милыя,
И умойтесь не водою,
Не водою ключевою,
Ранней утренней росою!
Вы утритеся, подруженьки,
Шитымъ бранымъ полотеничкомъ
Помолитеся, подруженьки,
На три образа великіе:
Какъ первой-то образъ
Христу Спасителю,
Какъ второй — святой
Богородицѣ,
Третій — ангелу,
Своему хранителю.

Пока пѣсня поднимаетъ съ постелей беззаботно заспавшихся дѣвицъ-пѣвицъ, невѣста, вѣрно, давно уже бодрствуетъ, а можетъ — и всю ночь провела безъ сна. Въ домѣ жениха тоже все движется, и дружка

съ полудружьемъ одѣты еще интереснѣе и таинственнѣе: на этотъ день припасаютъ они себѣ по лошади, сколько возможно бойкой и дикой, чтобъ хорошенько покрасоваться; черезъ плечо перекидываютъ плеть и непремѣнно, для бо̀льшаго эффекта, съ рукоятью, окованной мѣдью съ разноцвѣтными узорами. Ремень на дружкѣ, пальца въ два шириною, долженъ отличаться разноцвѣтными бляхами, а для бо̀льшаго разнообразія нашиваютъ еще разноцвѣтные лоскутья. Кромѣ того, по таинственнымъ ли правиламъ колдовства, для большаго̀ ли чудачества, онъ еще нацѣпляетъ нѣсколько опоясокъ изъ бѣлыхъ платковъ и полотенцевъ.

Принарядившись такимъ образомъ, дружка отправляется къ невѣстѣ узнать: каково спала, ночевала? Пріѣзжаетъ, и, входя черезъ порогъ, произноситъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помилуй мя!“ и каждый, кто бы ни былъ въ комнатѣ, обязанъ отвѣтить: „аминь святой молитвѣ!“ — „Спасибо на добромъ словѣ, на аминѣ!“ отзывается дружка, проходитъ далѣе, молится и говоритъ: „Миръ въ домѣ живущимъ! здравствуй, господинъ хозяинъ, и со своей честной компаніей, и съ гостями приходящими!“ На это онъ получаетъ въ отвѣтъ: „милости просимъ! просимъ покорно бесѣдовать!“ присѣдаетъ на нѣсколько времени, потомъ встаетъ и приговариваетъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помилуй мя! Какъ у Бога и у васъ, во свѣтлой свѣтлицѣ, во теплой гридницѣ, въ честномъ пиру, въ благодатномъ дому, есть ли у вашей княгини, молодой обручницы, отецъ родимый и мать родимая?“ Ему отвѣчаютъ: — „есть!“ И дружка продолжаетъ: „какъ послалъ нашъ князь, молодой обручникъ, насъ, переѣзжихъ дружекъ, къ вамъ, къ вашему здоровью, и велѣлъ онъ челомъ ударить и поклонъ воздать бѣлымъ лицомъ до сырой земли, и велѣлъ нашъ князь, молодой обручникъ, у вашей княгини, молодой обручницы, про здоровье спросить, про свое доложить: а нашъ князь, молодой обручникъ, здоровъ и благополученъ; каково же и васъ Господь Богъ милуетъ?“ — Ему отвѣчаютъ: „слава тебѣ Господи!“ А дружка быстро подхватываетъ: „и мы о томъ же Господа просимъ!“ Тутъ его привѣтствуютъ словами: „просимъ бесѣдовать!“ подаютъ пивца или водочки; онъ, присѣвъ не на долго, выпиваетъ по охотѣ; потомъ встаетъ, молится, благодаритъ за угощенье, при чемъ получаетъ въ отвѣтъ: „просимъ не взыскать, почтите мало за велико!“ и уѣзжаетъ.

А пѣсня все-таки не умолкаетъ. Правда, ее перебиваетъ, ей мѣшаетъ сегодня дружка, играющій въ этотъ день роль руководителя. Но вѣдь значеніе „дружки“ вовсе не такое чистое высокое явленіе, какъ пѣсня. Пѣсня свадебная — созданіе народной фантазіи; это, если хотите, — наша

брачная эпопея, наша свадебная Гомеріада. Пѣсни, по видимому, разбросаны и раздѣльны, но на самомъ дѣлѣ онѣ, какъ видятъ читатели, связываются въ одно стройное цѣлое, выражающее всю внутреннюю жизнь этой внѣшней свадебной обрядности, всѣ присущія этому ощущенія, мысли, чувства и понятія.

Какъ создалась эта лирическая цѣпь свадебныхъ пѣсенъ? Столько ли было слагателей этой пѣсни, сколько осталось самыхъ пѣсенъ, или однимъ геніемъ создана была цѣлая свадебная поэма, которая потомъ, подъ вліяніемъ постороннихъ историческихъ обстоятельствъ, потеряла свою цѣльность и, распавшись на отдѣльныя части, представила какъ будто несвязный хаосъ отдѣльныхъ припѣвовъ? Во всякомъ случаѣ, свадебныя пѣсни составляютъ одно изъ важныхъ достояній древней жизни русскаго народа. Что касается дружки, то, по моему мнѣнію, эта фигура довольно сложная. Онъ въ одно и тоже время будто и христіанинъ, и язычникъ, и вѣрующій, и суевѣръ, и добрякъ, и буйный шалунъ, и постный монахъ, и безнравственный паяцъ. Что̀ же это такое? Это личность, созданная наплывомъ обстоятельствъ, остановившихъ развитіе нашего народа. Когда христіанство еще не вошло въ сознаніе его и мысль о язычествѣ не вполнѣ исчезла, тяжелыя историческія обстоятельства неумолимо налегали одно за другими — и остановили всякое прямое движеніе, даже прямой ходъ мыслей; знаній вновь не пріобрѣталось, старое или забывалось, или искажалось и извращалось подъ вліяніемъ болѣзненно-потрясенной мысли. Отвсюду полились несчастія; народъ усилилъ молитву — ничто не помогаетъ. И вотъ, насталъ моментъ, когда встаютъ изъ забытья языческіе о̀бразы, и раздраженная мысль начинаетъ искать злое начало, вытѣсняющее молитву; являются тѣни демоновъ, злыхъ духовъ, колдуновъ, колдуній, вѣдьмъ со всѣми ихъ чарами, приговорами, приворотами и противоядіями ихъ — отговорами, отворотами. Тутъ же создается полу-христіанскій, полуязыческій типъ дружки, какъ главнаго участника свадьбы и выступаетъ впередъ въ своей сложной личности, въ томъ видѣ, какъ онъ теперь сохранился. Онъ, по видимому, съ вѣрою молится Богу и въ то же время оглядывается, не совершаются ли злыя чары, и крѣпче сжимаетъ рукоять своей разукрашенной плети; кончивъ молитву, онъ тотчасъ же произноситъ демоническія заклинанія. Вообще пѣсня — это кивотъ народнаго духа, какъ бы ни искажалась она невѣжествомъ и лакейско-трактирной цивилизацiей; а дружка — типъ, созданный въ эпоху болѣзненнаго разстройства нашей мысли. Лекарство здѣсь, какъ мы уже сказали, одна только грамотность и положительныя знанія, безъ паркетной и трактирной образованности.

И такъ, въ самый день свадьбы пѣсня не перестаетъ бодрствовать: она старается теперь пріучать невѣсту къ мысли о новомъ характерѣ предстоящей ей жизни,—хлопочетъ ознакомить ее съ этой новой жизнью и со всѣми случающимися иногда въ семьѣ невзгодами. Она говоритъ такъ:

Санки, хоть скачки, скачки,
И привезены изъ Москвы,—
Вотъ во саночкахъ дѣвонюшка сидитъ,
На запяткахъ добрый молодецъ стоитъ.
Вотъ заѣхали въ оградушку:
Окликать онъ свою матушку:
— Выйди, матушка,
На красное крыльцо,—
Вѣрну я привезъ хозяйку,
А тебѣ служанку.
Красна дѣвица,
Разуй, разуй меня!
— Мнѣ разуть тебя не хочется,
Мое сердце не воротится,
Сердце кровью обливается!
Отвези меня ко батюшкѣ,
Ко родимой моей матушкѣ.
— Что же дѣлати у тятиньки,
У родимой твоей маменьки?
Поживи-ка, поживи-ка у меня,
Поглядика-ка, погляди-ка на меня—
На мою рѣчь поговорочку;
А походка скоро частенькая,
Поговорка—рѣчь привѣтливая!

Какъ въ концѣ ни позолотила пѣсня предстоящую невѣстѣ горькую перемѣну жизни, все же сердце дѣвушки содрогается, особенно если она сирота, и ея ощущенье сейчасъ же схватывается пѣснію:

Ты рѣка ли, моя рѣченька,
Ты рѣка ли, моя быстрая!
Ты течешь ли, не колыхнешься,
Со песками не возмутишься.
Ты душа ли, красна дѣвица,
Ахъ, ты что сидишь, задумалась?
Для чего тебѣ печалиться?
У васъ горница полна гостей.

— Вы подруженьки, голубушки!
Еще какъ-то мнѣ не думати,
Еще какъ мнѣ не печалиться?
Вижу, горенка полна гостей,
И ужъ всѣ-то гости есть, какъ есть,
Гостя самаго-то ([1]) нѣтъ какъ нѣтъ!
Нѣту гостенька любимаго—
Моего отца родимаго!
Мнѣ теперь его бы надобно!
—Государь ты, родной брателко!
Ты поди-ка къ церкви Божіей,
Ты взойди на колоколенку,
И ударь тамъ въ большой колоколъ,
Рузбуди моего батюшку!
Ты скажи, что его надобно
Къ сему часу, ко послѣднему,
Къ благословеньицу великому:
Благословить меня вѣдь некому!
Его нѣту-ти! не слышитъ онъ!
На кликъ брата—не откликнется!
Благослови жъ сиротку, брателко,
Со родимой нашей матушкой!

Мы уже показали цѣль и обряды перваго пріѣзда дружки въ домъ невѣсты. Опишемъ теперь *второй пріѣздъ*, еще болѣе обрядный, потому что при немъ привозятся подарки.

Мы видѣли, что отъѣздъ дружки не сопровождается никакою обрядностью въ домѣ жениха, потому что цѣль его не имѣла особой важности. Но второй поѣздъ — дѣло другое: на этотъ разъ, какъ сказано уже, дружка отвозитъ подарки. Тутъ важное значеніе въ томъ, что если примутъ подарки, останутся довольны и пришлютъ, въ замѣнъ, постель со всѣмъ *приданымъ*, совершеніе брака несомнѣнно и остается одинъ послѣдній моментъ: „освѣщеніе его церковью“.

И вотъ, въ домѣ жениха идетъ предварительная сцена—оффиціальное распредѣленіе чиновъ поѣзда дружкою, и женихъ при этомъ обязанъ угощать, чѣмъ онъ скрѣпляетъ признаніе ихъ въ этихъ должностяхъ и вмѣстѣ задобриваетъ и поощряетъ, чтобы молодецки и съ усердіемъ отправляли свои обязанности.

([1]) Въ смыслѣ «главнаго», т. е. котораго бы только и нужно.

По знаку дружки всѣ садятся на минуту по мѣстамъ. Дружка встаетъ первый и возглашаетъ: „Батюшка родимый, матушка родима! Умѣли вы свое чадо милое снарядить, вздумали и оженить: благословляйте же буйну голову чесать, кудри русы завивать, цвѣтно платье надѣвать. Станемъ-те княженецкій полкъ подбирать: кому быть тысяцкимъ бояриномъ большимъ, среднимъ и меньшимъ, вѣжливымъ человѣкомъ, дружкѣ съ полудружьемъ и княжими свашеньками? „На это отецъ и мать отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ!“

Получивъ благословеніе, женихъ выходитъ изъ-за стола, наливаетъ чарки зелена вина и подаетъ по чинамъ одному за другимъ. Эта-то послѣдовательная подача вина служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и выраженіемъ желанія жениха въ распредѣленіи званій, потому что онъ подачу начинаетъ, конечно, со старшаго чина, „тысяцкаго“.

При этой подачѣ дружка начинаетъ ораторствовать: „Бьетъ челомъ нашъ князь молодой, со княжова стола, княжимъ пивомъ (или медомъ)! Тысяцки надпиваютъ, больши бояре на ногахъ стоятъ, а вотъ мы-то, рѣзвы дружки, такъ по свѣтлицѣ похаживаемъ и ножки съ подходомъ, ручки съ подносомъ, языкъ съ приговоромъ, но сердце ему покорно и голова поклонна. Извольте-ка чару принять, выпить до дна и молить добра; а тѣмъ и буйну голову взвеселите, ретиво сердце обкатите, не будете кручинны; будьте-жь радостны, и отъ князя словомъ ласковымъ потѣшены!“

Во время этого приговора чарка обходитъ всѣхъ. Дружкѣ остается выѣзжать съ подарками. Но важность случая заставляетъ его придать и себѣ болѣе вѣсу. Поэтому онъ отправляется не одинъ, какъ въ первый поѣздъ, а испрашиваетъ себѣ адъютанта въ лицѣ полудружья. Это дѣлается при такомъ возгласѣ: „Родимый батюшка, родима матушка! Всѣ у нашего князя молодаго — князья и бояре, веселы и радостны по мѣстамъ сидятъ, только не веселъ, не радостенъ храбрый друженька: нѣтъ при немъ полудружья! Дайте-жъ мнѣ храбрѣйшаго изъ княженецкаго поѣзду!“ При этомъ онъ вызываетъ себѣ помощника по имени и изотчеству (*); тотъ выступаетъ, и они выходятъ вмѣстѣ.

Отправились. Лошадей гонятъ, а сами сидятъ какъ можно бодрѣе, да плетками помахиваютъ. Пріѣхали, сошли и привязали лошадей. Переступая черезъ порогъ, дружка приговариваетъ: „Скокъ черезъ порогъ, едва ноги переволокъ, мохнатый звѣрь на богатый дворъ! Вы — середина и запечина! разступитесь, разшатитесь на всѣ четыре стороны! Дайте намъ, княженецкимъ дружкамъ, легкимъ скорымъ бѣгомъ войти,

(*) Отчество.

Богу помолиться, на всѣ четыре стороны поклониться, челомъ ударить и челобитье справить бѣлымъ лицомъ до сырой земли, къ вашимъ хозяевамъ и вашей княгинѣ, молодой обручницѣ!“

Войдя, помолившись и оправившись, дружка начинаетъ: „Какъ у Бога — и у васъ во свѣтлой свѣтлицѣ, во честномъ пиру, въ благодатномъ дому, есть-ли отецъ родимый и мать родимая?“

Ему отвѣчаютъ: „есть“ и выходятъ къ нему.

Онъ продолжаетъ: „Послалъ нашъ князь, молодой обручникъ, переѣзжихъ дружекъ къ невѣстѣ и велѣлъ онъ, князь молодой, передать ей, княгинѣ своей, платье цвѣтное, соболью шубу, бѣлые чулки, сафьянны башмаки, бѣлый рыбій гребешокъ, мыльца фунтовичокъ, бѣлыя бѣлила, листовы красны румяна, чисто подставно зеркальцо и весь нарядъ подвѣнечный. Благословляй, господинъ хозяинъ, сдать платье цвѣтное подвѣнечное!“

На это дружка получаетъ въ отвѣтъ: „Богъ благословляетъ!“

— Одолжите стаканъ съ пивцомъ!

— Извольте—наливайте! отвѣчаютъ ему.

Дружка съ поддружьемъ наливаютъ и первый начинаетъ новую рѣчь: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій нашъ, помилуй насъ! Дѣвицы-пѣвицы, молодыя молодицы, дочери отецкія, жены молодецкія! разступитесь, разшатитесь на всѣ четыре стороны! меня, княжева дружку, пропустите въ куть за занавѣсу, за шиту тонку полотняну. Ножки съ подходомъ, руки съ подносомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, чара съ питьемъ, языкъ съ челобитьемъ! Чара человѣцка, принять извольте, да выкушать за здравье молодецко! Да извольте-ка принять платье цвѣтно и подвѣнечно, на себя надѣть, подъ златъ вѣнецъ стать и законъ Божій на голову понять!“

Тутъ онъ сдаетъ подарки, за тѣмъ выходитъ во свѣтлицу, присѣдаетъ на минуту, встаетъ снова и возглашаетъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Боже нашъ, помилуй насъ! Какъ у Бога и у васъ во честномъ пиру, въ благодатномъ дому, есть-ли у вашей княгини, молодой обручницы, отецъ родимый и мать родимая?“

Ему отвѣчаютъ: „есть!“

— Куда прикажете нашему князю, молодому обручнику, въ широкій дворъ, или ко красну крыльцу?

— Ко крыльцу! отвѣчаетъ отецъ невѣсты.

— Какъ будетъ нашъ князь къ вашему широкому двору подъѣзжать и у вашего широкаго крыльца колотитися, были бы у молодой обручницы и у вашего широкаго двора у воротъ — приворотники, у дверей—придверники, у сѣней присѣнники, — были бы у воротъ крѣп-

кіе сторожи, отворяли бы широкія ворота на пяту ([1]), пропущали бы нашего князя, у бѣла шатра не задерживали и со всѣмъ его княженецкимъ храбрымъ поѣздомъ. Какъ нашъ князь, молодой обручникъ, будетъ во дворъ въѣзжать, середи двора вставать, изъ дубовыхъ саней вылѣзать, добрыхъ коней взвязывать, будетъ онъ ко красну крыльцу подходить и въ кружокъ тотъ становиться, гдѣ княжимъ свахамъ сходиться, чашечками мѣняться, во уста цѣловаться; будетъ онъ всходить на крутое красное крыльцо и во новы сѣни входить, до высока терема доходить; будетъ брать за скобы булатныя, отворять широкія двери на пяту, творить молитву Іисусову; будетъ входить во высокъ теремъ, класть крестъ по писанному, кланяться по ученому на всѣ четыре стороны; будетъ заходить за столы дубовы, подъ святы иконы, гдѣ Господь Богъ повелѣвалъ, за скатерти браныя, за явства сахарныя, за питья медяныя: между тѣмъ были бы нашему князю вилки и ножечки, тарелки и ложечки, вилочки—витые черенки, шаечки—частые обручки, подносики кладкіе, блюдечки китайскія; наливальщики были бы, подавальщики и ласковые и привѣтливые; подавали бы нашему князю, молодому обручнику, со всѣмъ его дорогимъ княженецкимъ храбрымъ поѣздомъ, съ тысяцкимъ, съ большимъ бояриномъ и меньшимъ, съ дружкой, полудружьемъ, съ князьевой свахой и съ повозникомъ“.

Предваривъ такимъ образомъ обо всемъ, что будетъ и давъ почти полную программу, дружка откланивается и возвращается въ домъ жениха.

Туда же вслѣдъ за нимъ отсылаютъ сундукъ съ приданымъ, перину, подушки, одѣяло, пологъ. Везетъ все это или младшій братишка, и тогда онъ называется „*приданникомъ*“, или какая нибудь старушка, особенно бывшая повитуха ихъ дома, и называется „приданкой“ или „постельницей“. Пѣсня напутствуетъ ее такъ:

Ты труба-ли, моя трубочка!
Вoструби труба, по раннему,
Что по раннему, по утреннему!
На зарѣ-ли ранней утренней,
На разсвѣтѣ свѣта бѣлаго,

([1]) Это особое устройство воротъ, одна дверца которыхъ, составленная изъ поперечныхъ досокъ, укрѣплена на тонкомъ бревешкѣ; нижній конецъ этого бревешка вставляется въ пустоту вкопанной въ землю трубицы; эта-то трубица, на которой все движется, и называется *пятою*. Оттуда выраженіе, если кто-нибудь сильно колотился въ ворота: „экъ его! чуть ворота съ пяты не сорвалъ“.

На восходѣ солнца краснаго,—
Чтобы слышалъ свекоръ-батюшка,
Чтобы знала свекровь-матушка,
Что сноху вѣдь къ нимъ на дворъ везутъ.
Сундуки, постель въ теремъ несутъ.

А за этой пѣснью поютъ и другую:

Разливалася вода вешняя
На луга-ли на зеленые.
У Степана свѣтъ Ивановича
Ворота пріотворилися,
Что безъ вѣтру, что безъ вихоря.
Уплыли вѣдь три кораблика:
Что первый-то корабль съ краснымъ золотомъ,
А второй-то корабль съ чистымъ серебромъ,
А какъ третій корабль — съ красной дѣвицей.
Какъ не жаль намъ золотой казны,
Какъ не жаль намъ чиста серебра.
Пуще жаль намъ красну дѣвицу,
Нашу друженьку любезную,
Милу Машеньку Ивановну!
У Степана свѣтъ Ивановича
Ворота пріотворилися;
Три кораблика вотъ приплыли:
Ужъ какъ первый-то корабль съ краснымъ золотомъ,
А второй-то-ли корабль съ чистымъ серебромъ,
Что третій-то корабль съ красной дѣвицей.
Мнѣ не дорого красно золото,
Мнѣ не дорого чисто серебро:
Дорога мнѣ красна дѣвица,
Свѣтъ-ли Машенька Ивановна,
Моя суженая, моя ряженая!

Подъ напутствіемъ этихъ пѣсенъ, съ образомъ и свѣчею въ рукахъ, пріѣзжаютъ съ приданымъ къ жениху. Тамъ встрѣчаютъ гостей, дарятъ ихъ, угощаютъ работниковъ виномъ и даютъ по платку. При этомъ, если съ вещами пріѣхала женщина или старушка, то ее проводятъ, вмѣстѣ со всѣмъ приданымъ, прямо въ спальню, гдѣ она занимается приготовленіемъ брачной постели.

Когда постель приготовлена, приданка возвращается домой, а ты-

сяцкій запираетъ тотчасъ же спальню на замокъ и ключъ беретъ къ себѣ. Это брачное ложе называется *потклѣтомъ*. Такое названіе дано вѣроятно потому, что эти спальни устроиваются чаще въ сокровенныхъ мѣстахъ дома, особенно въ нижнемъ этажѣ и даже подземномъ, а нижніе этажи въ Сибири всегда называютъ „*подклѣтомъ*".

А между тѣмъ въ домѣ невѣсты пѣсня не умолкаетъ. Невѣсту одѣваютъ къ вѣнцу, и пѣсня поетъ:

Что не вьюнъ на водѣ увивается.
Какъ женихъ у воротъ убивается (1),
Ахъ ты, батюшка, тесть ты мой ласковый,
Ты отдай мое суженое!
　　Высылаютъ-ли ему копье острое.
　　Нѣтъ! не это мое суженое,
　　Нѣтъ! не это мое ряженое.
Что не вьюнъ на водѣ увивается,
То женихъ у воротъ убивается.
Ахъ ты матушка, теща ты ласковая.
Теща ласкова, привѣтливая!
Ты отдай мое суженое.
　　Высылаютъ ему ларецъ кованый.
　　Нѣтъ! не это мое суженое,
　　Нѣтъ! не это мое ряженое.
Что не вьюнъ на водѣ увивается,
То женихъ у воротъ убивается.
Ахъ ты, шуринъ ты мой, шуринъ ласковый!
Ты отдай мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое.
　　Высылаютъ ему дѣвицу,
　　Свѣтъ-ли Марью Ивановну:
　　Ахъ вотъ это мое суженое!
　　Ахъ вотъ это мое ряженое!

Какъ только одѣли невѣсту, какъ взглянула она въ зеркало и увидѣла себя готовою, взрывъ горькихъ рыданій оглашаетъ комнату. Въ немъ все: и сожалѣніе прошедшаго, и опасеніе неизвѣстнаго будущаго, и упрекъ съ послѣднею мольбой,

„И безнадежное прощанье,
Прощанье съ жизнью молодой"!

(1) Въ смыслѣ нетерпѣнія и душевной тревоги.

Это искренній и полный взрывъ мгновенно, какъ электрическая искра, передается всѣмъ присутствующимъ: течетъ тихая слеза по щекамъ отца, раздаются слезныя причитанія матери, плачутъ и всѣ подруги, сжимается сердце даже у постороннихъ присутствующихъ. А пѣсня продолжаетъ свое дѣло. Въ то время, какъ невѣста кланяется въ ноги отцу и матери, и тѣ благословляютъ ее и даютъ наставленія, пѣсня припѣваетъ:

Благослови-ка родный батюшка!
Награди меня благословеньицемъ
Отъ желаннаго сердечушка
Въ церковь Божію подъ златъ вѣнецъ!
Видно — я открасовалася!
Распрощаюсь съ дѣвьей красотой,
Съ отцомъ роднымъ, съ моей матерью!
Научика-ка, родный батюшка,
Какъ мнѣ жить въ чужихъ людяхъ?
Называть-ли свекра—батюшкой?
Почитать-ли свекровь—матушкой?
Называть-ли деверьевъ—-братьями?
Почитать золовокъ—сестрами?

Получивъ по благословенію, наставленію, крестному знаменію и поцѣлую отъ родителей, невѣста переходитъ съ прощаніемъ къ подругамъ, а пѣсня опять тутъ. Она припѣваетъ:

Вы простите меня — подруженьки,
Вы простите меня — голубушки!
Видно я открасовалася!
Поручаю вамъ дѣвью красоту:
Принуждаютъ меня съ ней разстатися,
Заставляютъ отказатися!
Ужъ мнѣ чѣмъ платить голубушки,
За труды ваши, усердіе?
Не въ моей волѣ —золота казна,
Не въ моей волѣ —дороги дары!

Прощаніе окончилось. Невѣсту садятъ за столъ; а возлѣ нея младшаго брата, либо мальчика изъ родственниковъ, продавать косу. Онъ называется „косникомъ“. Въ большей части случаевъ косникъ имѣетъ при себѣ плеть, которую держитъ обыкновенно подъ столомъ.

Младшіе бояре снуютъ взадъ и впередъ отъ жениха къ невѣстѣ

разузнавать, что дѣлается. И едва невѣста одѣнется, какъ женихъ уже увѣдомленъ о томъ, и въ его домѣ начинаются тѣже сцены прощаній и благословеній.

Тамъ присѣдаютъ на минутку за столъ и по лавкамъ, потомъ встаютъ и молятся. За тѣмъ дружка возглашаетъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій нашъ, помилую насъ! Батюшка родимый и матушка родимая! благословляйте нашего князя молодаго по сужену ѣхать, сужену понять, подъ златъ вѣнецъ встать, законъ Божій принять, златымъ перстнемъ помѣняться, въ уста сахарны поцѣловаться! Братья, сестры, дядья, тетки, кумъ, кума, весь родъ—племя, гости званы и незваны, почтены и Богомъ спасолюбовны! Благословляйте нашего князя, молодого обручника! Въ куть по лавицѣ, впередъ по скамеицѣ, за шитой занавѣсой сидятъ пѣвцы, пѣвицы, молодыя молодицы, лебеди бѣлы, малины зрѣлы, изюминныя ягодки, наливныя яблочки! Въ кути, на палатяхъ сидятъ стары, старики сопаты, горбаты, косыя заплаты, старыя старухи киловаты, маленьки ребяты—пирожные осадчики, материны опачки, урви—ковригу! сами сдогадайтесь“!

Приговоръ дружки кончается. Родители благословляютъ жениха ѣхать со всѣмъ поѣздомъ по невѣсту. Въ чемъ состоитъ самый актъ благословенія — извѣстно всякому. Отправляется третій и послѣдній поѣздъ въ домъ невѣсты.

Здѣсь я хочу сдѣлать одно замѣчаніе. На одной сельской свадьбѣ мнѣ случилось видѣть одну дикую выходку со стороны дружки. Тотчасъ послѣ начальнаго священнаго возгласа—„Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помилуй насъ!“ — дружка оборотился и плюнулъ назадъ, прошептавъ: „Тьфу пропасть! чуръ его! экъ его нелегкая вынесла не ко времени!“ — Оказалось, что поѣздъ, направляясь къ невѣстину дому, долженъ былъ поворачивать изъ воротъ влѣво; а вправо въ ту минуту проѣхалъ священникъ въ церковь, готовиться къ службѣ вечеренъ и къ вѣнчанію. Передъ нимъ-то дружка счелъ нужнымъ очураться, хотя черезъ нѣсколько времени молодые должны явиться къ тому же священнику на благословеніе и скрѣпленіе брачнаго союза. Вотъ остатокъ язычества! Впрочемъ, это суевѣріе остается и у людей цивилизованныхъ. Кто не знаетъ обычая кидать вслѣдъ за священникомъ желтыя мѣдныя булавки. Понятно, что его пугались въ то время, когда мысль колебалась между христіанскою молитвою и обращеніемъ къ языческимъ идоламъ и когда на священника смотрѣли какъ на преслѣдователя. Но это осталось и до сихъ поръ, точно также, какъ и боязнь къ понедѣльнику, называемому „чернымъ днемъ“. Первое суевѣріе осталось отъ свирѣпствовавшей у насъ во времена язычества желчной болѣзни, которая,

оставляя послѣ себя желтуху, особенно пугала нашихъ предковъ, такъ что Святославъ, въ договорѣ съ Цимисхіемъ, клялся соблюдать миръ подъ опасеніемъ пожелтѣть подобно золоту. Самое названіе золота происходитъ отъ слова желчь, по сходству въ цвѣтѣ, что можно видѣть по сравненію его съ другими славянскими нарѣчіями: такъ по-чешски желчь „zlatenice“, по-иллирійски „zlatenica“ и даже въ нашемъ священномъ писаніи (Амос. 4, 9) желчная болѣзнь названа „златеницей“. Отсюда-то пошелъ обычай кидать при встрѣчѣ съ священникомъ „желтомѣдныя“ булавки, которыя, въ чародѣйскомъ смыслѣ, предвѣщаютъ дурное своимъ остріемъ, отчего многія изъ женщинъ ни за что не подарятъ любимому мужчинѣ булавку, считая такой подарокъ знакомъ будущей ссоры. Понедѣльникъ же почитается несчастнымъ, чернымъ днемъ, кажется, потому, что въ этотъ день въ древности приносились жертвы злому языческому божеству „Чернобогу“. И такъ, дайте намъ скорѣе больше свѣта образованія, больше положительныхъ знаній!

Обращаюсь къ своему предмету. Поѣздъ подъѣзжаетъ къ воротамъ. Дружка подбѣгаетъ къ окну, постукиваетъ рукоятью плети въ стекло и взываетъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“

— Аминь! отвѣчаютъ ему.

— Спасибо на добромъ словѣ, на аминѣ! — А тотъ ли это домъ, тѣ ли хоромы нашей княгини, молодой обручницы?

Отвѣчаютъ: „тотъ!“

— Мы ѣздимъ вѣдь не оханьщики, не обманщики, не московски разсказчики, не морски рыболовники, не грозны гонцы, а ѣздимъ скорые послы, съ добрыми вѣстями, съ хорошими рѣчами, отъ нашего князя молодаго. Дайте же нашему князю молодому: дворъ широкій — на проѣздъ; новы сѣни—на проходъ! Есть ли у вашихъ воротъ приворотники, у замковъ—ключари и крѣпки сторожи?“

Отвѣчаютъ: „есть!“

Тутъ дружка подбѣгаетъ къ воротамъ и кричитъ: „Ключари—отмыкайте, приворотники—отпирайте, крѣпки сторожи — пропущайте! Коли скоро не отворите, то я скокну, ворота ваши за скобы возьму и ихъ съ крючьевъ сорву!“ Ворота отворяютъ, но, пріостанавливая ихъ будто за дѣломъ, говорятъ: „Послушай, дружка храбрый! наша княгиня молодая обручница, сегодня по утру рано встала, утренней росой умывалась и ко быстрой водѣ ходила,—тамъ она свои золоты ключи дорогой обронила, то ли въ воду утопила; такъ теперь нашей княгинѣ нельзя платья подвѣнечнаго достать и намъ не прикажете сундуки ломать, вѣдь наша княгиня не наряжена.“

Въ отвѣтъ на это женихъ даритъ приворотнику платокъ, а дружка

прибавляетъ: „Послушайте братцы-приворотники! нашъ князь молодой сегодня утромъ рано вставалъ, утренней зарей въ поле на охоту выѣзжалъ, въ синей рѣкѣ искупался и на золотые ключи онъ наткнулся; вотъ взойдетъ какъ къ вашей княгинѣ, золотые ключи передастъ, въ цвѣтно платье нарядитъ и возлѣ себя посадитъ."

Приворотникъ впускаетъ; поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ; а суетливаго распорядителя-дружку привѣтствуетъ уже веселая пѣсня:

Воротики скрыпъ, скрыпъ,
Морозъ на дворѣ,
Ай! друженька скачетъ
Совсѣмъ безъ коня.
Ахъ, здравъ-бы былъ у дружки
Князь молодой —
Будетъ вѣдь у дружки
И конь вороной!
Воротики скрыпъ, скрыпъ,
Морозъ на дворѣ.
Ай! друженька скачетъ —
Безъ сѣдла.
Ахъ, здравъ-бы былъ у дружки
Князь молодой,
Будетъ вѣдь у друженьки
Черкасско сѣдло!
Воротики скрыпъ, скрыпъ,
Морозъ на дворѣ.
Ай! друженька скачетъ —
Безъ узды!
Здоровъ-бы былъ у друженьки
Князь молодой —
Будетъ вѣдь у друженьки
Тесьмяна узда.
Воротики скрыпъ, скрыпъ,
Морозъ на дворѣ.
Ай! друженька скачетъ
Безъ плети!
Здоровъ-бы былъ у друженьки
Князь молодой, —
Будетъ вѣдь у друженьки
Шолкова плеть!

На встрѣчу поѣзду выбѣгаетъ на крыльцо невѣстина сваха. А дружка устанавливаетъ между тѣмъ полукругомъ вблизи крыльца поѣзжанъ, ставитъ сваху невѣсты противъ свахи жениха и раздѣляетъ плетью такую между ними дорогу, чтобъ онѣ равнымъ числомъ шаговъ могли выступить одна противъ другой, для обмѣна чашечками, въ которыя дружка уже успѣваетъ подлить пивца. Помѣнявшись и выпивъ пиво, свахи цѣлуются между собою, и невѣстина проситъ поѣздъ въ домъ, вводя прежде всѣхъ сваху жениха. А пѣсня уже подхватываетъ:

Я не знала, не вѣдала —
Ко мнѣ сваха пріѣхала,
Молода и ломливая,
И горда и спѣсивая.
Вотъ и ступила она — не ступя.
Слово молвила — не вымолвя!
Снаряжайся-ка ты умница,
Снаряжайся-ка разумница!
А куда мнѣ снаряжатися,
А куда мнѣ собиратися,
Отъ родимаго-ли батюшки,
Отъ родимой моей матушки,
Отъ родныхъ братьевъ, сестрицъ,
Отъ всего-ли роду-племени?
Ко другому отцу-матери,
Ко другимъ-то братьямъ сестрицамъ,
Во чужомъ-ли родѣ-племени!

Пѣсня умолкаетъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ невѣстою сидитъ косникъ, или продавецъ косы, то очевидно жениху и нельзя сѣсть къ невѣстѣ, пока ея коса, этотъ символъ дѣвичества, еще не выкуплена.

И вотъ дружка обращается съ ходатайственнымъ возгласомъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій нашъ, помилуй насъ! Богоданный батюшка, богоданная матушка! Вѣдь ужъ дали вы нашему князю молодому дворъ широкій — на пріѣздъ, новы сѣни — на приходъ, свѣтлу гридню — на обогрѣвъ; дайте же и княжое мѣсто нашему молодому князю, а мѣсто-то ведется—во переднемъ углу подъ иконами святыми. Да нѣтъ-ли, можетъ, въ княжемъ мѣстѣ и помѣстниковъ?“

— Есть видно! шутливымъ тономъ отвѣчаетъ отецъ невѣсты.

— Такъ благословите, продолжаетъ дружка, насъ, княжихъ дружекъ, бѣглыхъ, легкихъ, переѣзжихъ, золотую гривну выложить, русу косу выкупить!

— Богъ тебя благословляетъ и мы съ матерью тебя благословляемъ! отзывается отецъ невѣсты.

Косникъ держитъ плеть въ рукахъ, вѣроятно какъ знакъ силы, чтобы не заняли мѣста прежде исполненія обычнаго долга. И вотъ дружка подступаетъ къ нему, вооружившись стаканомъ пива, который подаетъ коснику, и въ тоже время сыплетъ на подносъ деньги. Косникъ встаетъ, передаетъ деньги невѣстѣ и удаляется. Но при веселой свадьбѣ шутки бываютъ неистощимы. Такъ и въ этомъ случаѣ дружка не за разъ высыпаетъ всѣ деньги, а по немногу, съ остановками, между тѣмъ какъ косникъ приподнимаетъ надъ нимъ съ угрозою плетку. Но въ благонравныхъ домахъ свадебные обряды переходятъ изъ серьезнаго въ шутливый тонъ не раньше, какъ послѣ вѣнца, а до тѣхъ поръ все идетъ грустно, робко и озабоченно.

Но коса — принадлежность дѣвства, такъ можно ли, чтобы продажа ея совершилась безъ участія пѣсни, этой сокровищницы всѣхъ искреннихъ ощущеній. И раздаются звуки:

Ты коса-ли, моя косынька!
Ты коса-ли, моя русая!
Что чесала тебя матушка,
Заплетала родна сестрица.
Ужъ какъ нынѣ тебя, косынька,
Знать-то больше ужъ не плетывать,
Съ алой ленточкой не нашивать!
Разстаюсь съ тобою, косынька,
И со дѣвьей твоей красотой!
Расплетутъ тебя, руса коса,
Что на мелкія на прядочки!

Главное дѣло сдѣлано: коса выкуплена. Дружка дѣлается смѣлѣе, приподнимаетъ плеть, помахиваетъ, брякаетъ обвѣшивающими ее погремушками и приговариваетъ: „Выходите-ка, красныя дѣвицы, полно вамъ сидѣть тутъ за столомъ, рядомъ съ невѣстой — чужое мѣсто занимать! Пора намъ заходить за дубовые столы и за бранныя скатерти.“

Дѣвушки безмолвно встаютъ; невѣста со вздохомъ говоритъ: „прощайте, подруженьки!“ А пѣсня выражаетъ ощущенья невѣсты въ эту минуту:

Не вручай ты, родный батюшка,
Мою правую рученьку!
Не пиши-ка, добрый батюшка,

Записи ты крѣпкія!
Вѣдь не выкупить ужъ рученьку
Ни ста рублями, ни тысячью!
Выкупать должна я рученьку
Своей буйною головушкой!

Невѣста, какъ давно уже получившая благословеніе, сидитъ за столомъ. По выходѣ дѣвицъ она остается одна. Къ ней тотчасъ же заходитъ женихъ и беретъ за правую руку, за нимъ входитъ тысяцкій воевода, бояринъ старшій и младшій; а съ другой стороны входитъ женихова сваха, расплетаетъ косу и садится возлѣ невѣсты, и за нею уже невѣстина сваха. Дружка съ полудружьемъ остаются на ногахъ. Это распредѣленіе по мѣстамъ дѣлается подъ звуки и указанія слѣдующей пѣсни:

Ахъ вы всѣ-ли, бояре?
Ахъ вы всѣ-ли, княжіе?
Вы, садитесь-ка бояре по мѣстамъ:
Какъ большой-то бояринъ — повыше,
Какъ меньшой-то бояринъ — пониже,
Княжая свашенька въ свое мѣсто,
Самъ-то нашъ друженька — стой на ногахъ,
Полудружье неразлучно съ нимъ,
Воевода-же тысяцкій съ самимъ женихомъ.

Усѣлись по мѣстамъ. Дружка восклицаетъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Богоданные батюшка и матушка! благословляйте скатерти раскинуть, ложки приразкласть предъ князя и княгиню молодыхъ, передъ тысяцкаго, бояръ, дружку съ полудружьемъ, передъ княжую и княгинину свашенекъ.“

Указаніе дружки исполняется. Подаютъ кушанья. Всѣ ѣдятъ и пьютъ, а женихъ и невѣста прикасаются къ кушаньямъ только для формы или, какъ здѣсь говорятъ, пригубливаютъ.

Приступая къ первому блюду съ ножемъ въ рукѣ, дружка говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Богоданные батюшка и матушка! благословляйте рушить, укроша-же — кушать!“ Отецъ и мать невѣсты разносятъ вино и угощаютъ, а дружка ускоряетъ перемѣну блюдъ воззваньями: „благословляйте рушану-кушану хлѣбъ соль со стола унести, а нерушану-некушану на столъ принести“. Блюдъ подается обыкновенно три перемѣны; закусываютъ же только изъ двухъ блюдъ, а изъ-за третьяго, только что поставятъ его, начинаются заключительныя приготовленія къ отъѣзду. Непремѣнной принадлежностью закуски бываетъ пирогъ, а третьимъ блюдомъ, по боль-

шей части, жареный гусь. И это, кажется, дѣлается не безъ умысла. Извѣстно, что въ народныхъ поговоркахъ, гусь выражаетъ идею обмана и нечистой нравственности, почему говорятъ: — „ему стыдъ ничего — какъ съ гуся вода стечетъ!" или: „у-у! каковъ гусь лапчатый! — плутъ да и только". Поэтому-то, кажется, блюдо это дружка только надрѣзываетъ, и призывая къ нему однихъ родителей невѣсты, „проситъ ихъ покорно — откушать при всей честной компаніи". Понятно, что за таинственный смыслъ заключенъ въ послѣднемъ блюдѣ, и почему одни родители невѣсты должны ѣсть гуся! Въ Кежемской же волости главное блюдо составляетъ верхняя челюсть свиной головы, убранная луковицами.

Пока идетъ это угощеніе, въ комнатѣ все движется. Невѣста даритъ поѣзжанъ, а пѣсня припѣваетъ каждаго по имени; затѣмъ поѣзжане требуютъ тарелочку и отдариваютъ сестру невѣсты или ближайшую подругу, словомъ, то лицо, которое подносило дары. Затѣмъ дарятъ пѣсенницъ.

Одновременно оканчиваются и ѣда послѣдняго блюда — гуся родителями невѣсты, и отдариванья. Всѣ садятся не надолго за столъ на свои мѣста. Наконецъ, встаетъ дружка, а за нимъ поднимаются всѣ. Дружка возглашаетъ: „Богоданные отецъ и мать! благословляйте нашего князя и съ княгиней молодой, со всѣмъ дорогимъ честнымъ поѣздомъ изъ-за дубова стола переступити, на кирпищатъ полъ ступити, къ образамъ лицомъ оборотитися, Богу Господу помолитися, а за хлѣбъ за соль челомъ ударить."

Во время этого возгласа отецъ невѣсты зажигаетъ свѣчи у образовъ. Гости молятся и благодарятъ за угощеніе; а дружка начинаетъ: „Отецъ родимый и мать родимая! какъ умѣли вы чадо свое милое кормить и поить, обувать и одѣвать, на работу посылать, — такъ могите и нашему князю, молодому обручнику, на руки сдать, чтобъ ему ее своей назвать!"

Начинаются сборы къ благословенію. Женихъ держитъ невѣсту за правую руку. А пѣсня поетъ:

Шла наша Машенька изъ-за дубова стола,
Бросила ключи на дубовый столъ:
Я тебѣ, батюшка, не ключница,
Я тебѣ, матушка, не ларечница!
Ключница я буду чужу батюшкѣ,
Ларечница буду чужой мамушкѣ!

Затѣмъ всѣ молятся, полагая не менѣе трехъ земныхъ поклоновъ. Благословеніе жениха и невѣсты родителями послѣдней совершается на общемъ основаніи, т. е. родители невѣсты, хотя благословляютъ и своимъ образомъ, но первый подходитъ все-таки женихъ, а за нимъ невѣста, и сперва къ отцу, а потомъ къ матери. Въ каждомъ случаѣ кладется по три земныхъ поклона на икону, потомъ прикладываются къ ней и цѣлуютъ руку благословлявшаго лица, который, уже передавая икону, и самъ три раза цѣлуетъ получившаго благословеніе. Все это сопровождается либо возгласами дружки, либо слѣдующими пѣснями:

Что не стукъ-то стучитъ во теремѣ,
Что не громъ-то гремитъ въ высокомъ:
Молится Богу красна дѣвица!
Благословляетъ ее сударь батюшка,
Въ церковь Божію подъ златъ вѣнецъ,
Благословляетъ и наказываетъ:
„Ты живи-ка, мое дитятко,
Во чужихъ людяхъ смирнешенько,
Держи голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Повинуйся свекру батюшкѣ,
Почитай ты свекровь матушку.“

Женихъ и весь поѣздъ просятъ: „не оставить просьбы, — пожаловать на пиръ къ князю молодому обручнику, и кто вамъ милъ и любъ — и съ тѣмъ просимъ покорно!“

Благословеніе кончилось. Начинаются сборы; а пѣсня поетъ:

Ахъ вы кони мои, кони,
Кони добрые мои!
Знать заслышали вы кони,
Что великую невзгоду:
Изъ Дуная воды не пили,
Изъ тихова не покушали.
По Дунаю-ли насадъ плыветъ,
По тихому-ли вѣтляненькій;
Подлѣ берега колымагу несетъ,
Подлѣ крута багрецовую.
Во насадѣ нашъ Степанъ сидитъ,

Въ колымагѣ Маша-дѣвица.
Какъ Степанъ-то Богу молится,
Свѣтъ Ивановичъ покланяется:
„Ахъ, создай-ка, Боже Господи,
Въ небесахъ ты тучу грозную,
Со громами-ли со страшными
И со молоньями яркими!
Сонеси ты, Боже Господи,
Что насадъ со колымагою!
Сочетай, добрый Создатель мой,
Какъ Степана млада съ Машею!

Самый же выходъ изъ комнаты, черезъ сѣни, крыльцо и дворъ до экипажа и усаживанье тамъ совершаются подъ напутствіемъ слѣдующей пѣсни:

— Вотъ отстала лебедь бѣлая
Ото стада лебединаго
И пристала та лебедушка,
Что ко стаду-ли сѣрыхъ гусей.
— Ужъ какъ стали гуси сѣрые
Что лебедушку щипати,
А лебедка какъ закикаетъ:
Ахъ вы гуси, гуси сѣрые!
Не щиплите мои перышки, —
Не сама я залетѣла къ вамъ,
Не своей волей-охотою:
Занесли вѣдь вѣтры буйные,
Забросили вихри бурные.
— Вотъ отстала красна дѣвица
Прочь отъ батюшки, отъ матушки,
Отъ своихъ сестеръ, братовьевъ.
И пристала красна дѣвица
Какъ Марья свѣтъ Ивановна,
Въ другой домъ, ко чужой семьѣ,
Ко чужой семьѣ, незнаемой.
Ее станутъ тамъ журить и бранить,
Что журить, бранить, уму учить!
— Не журите меня дѣвицу,
Не браните меня красную:
Не сама собой я къ вамъ зашла,

Не своей волей-охотою;
Занесли меня добры кони,
Что добры кони Ивановы.

Поѣздъ усаживается разнообразно, смотря по количеству экипажей и по величинѣ ихъ. У иныхъ, хоть и рѣдко, есть обычай покрывать невѣсту фатою, либо платкомъ. Впереди всегда везутъ образъ, которымъ только что благословляли. У крыльца поѣздъ долгое время стоитъ, пока дружка не приметъ всѣхъ мѣръ, предохраняющихъ отъ колдуновъ, отъ напускаемой порчи и отъ всякихъ вообще злыхъ людскихъ пожеланій. Онъ много дѣлаетъ манипуляцій, обличающихъ въ немъ и христіанина и язычника, и молится и колдуетъ, читаетъ молитвы Христу и языческія заклинанія. И читаетъ онъ это уже не гласомъ „веліимъ", а про себя, почти шопотомъ, чтобъ злые недруги не услышали и не перечитали его моленій и заклинаній своими чародѣйскими заклятьями, — и все это съ озабоченнымъ, робкимъ лицомъ, по временамъ оглядываясь на стороны. Жалкое младенчество ума! Воображеніе, работая въ широкомъ размахѣ, безъ познанія естественнаго порядка вещей, создаетъ громадные и дикіе образы, пугается, робѣетъ, трепещетъ, заклинается, чурается, молится! Вотъ дружка идетъ съ образомъ вокругъ всего поѣзда и читаетъ молитву: „да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его!", потомъ второй и третій разъ съ тою же молитвою. Но вслѣдъ за тѣмъ образъ отдается, дружка очерчиваетъ около себя кругъ, дуетъ, плюетъ въ сторону и начинаетъ, — „Встану я, рабъ Божій Захаръ, благословясь, пойду перекрестясь, умоюсь студеной ключевой водою, утрусь браннымъ полотенчикомъ". Это еще ничего; но вотъ онъ входитъ въ полный экстазъ, и вы слышите то, что ему сказать хотѣлось; онъ продолжаетъ тотъ же наговоръ: „Оболокусь я оболоками ([1]), подпояшусь красною зарею, огорожусь свѣтлымъ мѣсяцомъ, обтычусь частыми звѣздами и освѣчусь краснымъ солнышкомъ. Огражду вокругъ меня, Ивана, и дружины моей съ осмятами, тынъ желѣзный, почву стальну укладну, небо булатно, чтобъ никто не могъ прострѣлить его, отъ востока до запада, отъ сѣвера къ югу, — ни еретикъ, ни еретица, ни колдунъ, ни колдуница, ни годный, ни негодный, кто на свѣтѣ бѣломъ есть. Голова моя — коробея, а языкъ мой — замокъ."

Во время этого безмолвнаго сидѣнія въ экипажѣ, невѣста очевидно должна погрузиться въ себя, въ размышленіе о своемъ будущемъ; и

([1]) Оболокусь — одѣнусь, а въ переносномъ смыслѣ и обовьюсь; оболоки — облака.

душевное безпокойство ея конечно усиливается. Слышитъ она и молитвы дружки, и заклинанія — и съ дѣтскихъ лѣтъ знакомые воображенію ея образы колдуновъ, злыхъ людей, людей испорченныхъ ими, несчастныхъ семействъ, встаютъ передъ нею въ грозныхъ образахъ. Ею вновь овладѣваетъ отчаяніе, является чувство укоризны родителямъ за выдачу за мужъ; а пѣсня уже подхватываетъ это и передаетъ:

Ты постой-ка, постой, добрый конь,
Ты у батюшкина широка двора,
Ты у матушкина высока терема,
Какъ у братцевъ у красна крыльца,
У сестрицына у кутна окна.
Ахъ ты дай-ка ужъ наглядѣтися
Мнѣ на батюшкинъ на широкій дворъ,
Мнѣ на матушкинъ на высокъ теремъ,
Мнѣ на братцево на красно крыльцо,
На сестрицыно на кутно окно.
Увезутъ меня горьку, бѣдную,
Далекимъ-то далекошинько,
На чужу дальну сторонушку!
Ахъ ты, красное-ли мое солнышко,
Ты родимый мой сударь-батюшка!
Незакатная, непомерклая,
Ты-ли свѣтлая моя звѣздочка,
Государыня моя матушка!
Какъ знялись твои ручки бѣлыя
Расплести мою косу трубчату,
Потерять мою алу ленточку!

Наконецъ, у крыльца кончены и молитвы и заклинанія. Поѣздъ выѣзжаетъ со двора. Пѣсня провожаетъ невѣсту:

Вы метитеся-ка улицы,
Станавитесь главны городы,
Города съ пригородками,
Терема съ притеремками!
Вы несите, кони добрые,
Въ Божью церковь красну дѣвицу,
Въ церковь Божію, подъ златъ вѣнецъ!

Дружка съ полудружьемъ провожаютъ поѣздъ выстрѣлами изъ ружей. Затѣмъ они возвращаются въ комнату, поздравляютъ съ „отваломъ", выпиваютъ вина или пива и скачутъ въ догонку поѣзда.

Поѣздъ ѣдетъ быстро и чинно: образъ держится впереди на виду; головы ничѣмъ не покрыты. Догнавъ поѣздъ, дружка съ полудружьемъ, верьхами, увиваются около него, хлещутъ плетками, стрѣляютъ изъ пистолетовъ. Эти выстрѣлы и хлестанья, при звонѣ колокольчиковъ на дугахъ и ширкунцовъ подъ шеей лошадей, сливаясь вмѣстѣ, представляютъ что-то вакханически-шумное и вызываютъ на улицы толпы ротозѣевъ.

Пріѣзжаютъ въ церковь. Начинается таинство „освященія брака и молитвъ за благополучіе его“. Казалось бы сердце не только жениха и невѣсты, но и всѣхъ присутствующихъ, должно исполниться благоговѣйной молитвы за своихъ людей-братьевъ. Не тутъ-то было. Въ церкви шумъ, давка, пискъ, пересуды и проч. Невѣста думаетъ только, какъ бы ступить на подстилаемый обыкновенно платокъ правою ногою, чтобъ быть старше въ домѣ, и въ то же время хлопочетъ, чтобы не выронить изъ кармана кусочекъ корки хлѣба, который она скрыла, отправляясь подъ вѣнецъ, съ убѣжденіемъ, что если съ этимъ кусочкомъ она простоитъ подъ вѣнцомъ, то будетъ и жить въ довольствѣ. И женихъ ведетъ себя не лучше. Случается, что онъ останавливаетъ священника передъ чтеніемъ болѣе важныхъ молитвъ, или передъ мѣной кольцами, и проситъ предварительно „отчитать“. Священникъ не понимаетъ и вотъ начинаются толки о томъ, что прежніе батьки исполняли народную волю и читали сперва какія-то заклинанія отъ злыхъ людей и разныхъ, на женщинахъ бывающихъ болѣзней, подъ названіемъ родимцевъ и порчей. Такимъ образомъ воображеніе въ полной работѣ, — мысль, постигающая природу вещей, спитъ; и священныя книги не въ силахъ искоренить суевѣрныхъ убѣжденій изъ запуганныхъ натуръ. Повторяемъ, что на искорененіе этихъ суевѣрій можетъ подѣйствовать одинъ свѣтъ науки.

Вѣнчаніе кончилось. Изъ церкви отправляются въ домъ жениха. Дружка скачетъ впередъ для извѣщенія, и постукивая въ окно рукоятью плети, говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Батюшка родимый, матушка родимая! Прибылъ нашъ князь „новобрачный“, съ молодой княгиней и со всѣмъ полкомъ, честнымъ поѣздомъ, къ вамъ на широкій дворъ и приказалъ объявить вамъ нижайшій поклонъ и бить челомъ что онъ по сужену съѣздилъ, сужену понялъ, подъ златъ вѣнецъ сталъ и законъ Божій на голову получилъ! Извольте-же встрѣчать съ радостью!“

Пока дружка вычитываетъ подъ окномъ свое объявленіе, родители собираются съ образомъ, хлѣбомъ и солью встрѣчать молодыхъ, а молодые въѣзжаютъ. Дружка соскакиваетъ съ лошади, высаживаетъ мо-

лодыхъ и ведетъ ко крыльцу, на которое вышли уже родители. Тутъ совершаются благословенія, поздравленія и взаимные поцѣлуи.

Послѣ благословенія — входятъ въ домъ, молятся Богу и заходятъ за столъ, при чемъ распредѣляются такъ, какъ и прежде. Отецъ жениха проситъ бесѣдовать. Всѣ садятся. Начинается пиръ. Сперва подаютъ чару жениху, который можетъ и не пить, но съ этого момента ему по крайней мѣрѣ разрѣшается. Впрочемъ, изъ вѣжливости женихъ отвѣчаетъ: „не угодно-ли вамъ, батюшка!" и получаетъ въ отвѣтъ: — „прими, дитятко! а наше останется намъ". При этомъ отецъ беретъ другую рюмку и поздравляетъ словами: „ну, сынокъ, съ законнымъ бракомъ!" Угощеніе мало по малу обходитъ всѣхъ по чинамъ поѣзда. Потомъ подаютъ чай, а за тѣмъ кушанья, при чемъ ставятъ одну тарелку и для жениха и для невѣсты. Кушаютъ только члены поѣзда; а постороннія лица, приходящія, какъ говорятъ, „для чести новобрачныхъ", кромѣ пива не пользуются ничѣмъ, потому что имъ будетъ угощенье въ другой день, когда пріѣдутъ и невѣстины родные, до которыхъ изъ вѣжливости къ нимъ не дѣлаютъ никакого общаго пира.

Сидятъ за столомъ не долго. Изъ-за третьей „ѣствы", новобрачныхъ выводятъ на „подклѣтъ",—подобно тому, какъ изъ-за третьяго блюда, въ домѣ невѣсты, выводили подъ вѣнецъ. При подачѣ третьяго блюда дружка начинаетъ: „Родимые батюшка и матушка! Благословите божескимъ милосердіемъ, своимъ неоставленіемъ въ благословеніи, нашего князя у своей новобрачной русу косу расплести, на двое заплести, вокругъ головушки обвести и золотъ повойничекъ ([1]) надѣть. Благословляй-же на радости!"

Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ!"

Потомъ обѣ свахи встаютъ по обѣ стороны сидящей невѣсты, накидываютъ чѣмъ нибудь такъ, чтобы ихъ, а главное—невѣсты, не было видно. На столѣ горитъ свѣча. Сначала косу расплетаютъ, а потомъ заплетаютъ снова, но уже въ двѣ косы, такъ что женихова сваха заплетаетъ правую косу, а невѣстина—лѣвую, за тѣмъ косами окружаютъ голову и связываютъ, надѣваютъ повойникъ и повязываютъ платкомъ. Потомъ платокъ откидываютъ, и въ новомъ видѣ невѣста раскланивается во всѣ стороны. Во время этой обрядности поются пѣсни и съ сожалѣніемъ дѣвушки о косѣ ея, и съ ненавистью къ новому для нея наряду женскому; а между тѣмъ излагается и программа самаго дѣйствія свахъ, особенно во второй пѣснѣ. Вотъ онѣ обѣ:

([1]) Кокошникъ.

1.

Ты коса-ли, моя косынька!
Ты коса-ли, дѣвья красота!
Меня красила ты косынька
Въ ясный день передъ солнышкомъ,
Въ темну ночь предъ мѣсяцемъ!
Меня грѣла дѣвья красота
Середи зимы студеныя,
Во морозы во крещенскіе!
А теперь-ли мою косу расплетутъ,
Шелковую ленту выплетутъ,
На двѣ косыньки все разложатъ,
Повойникъ платокъ мнѣ наложатъ!
А и кто-же то?—повѣнчанный,
Со своей свахой и боярами.

2.

Сѣмена-ли мои, сѣмечки,
Сѣмена-ли мои сахарны!
Васъ немного было сѣяно —
Ужъ какъ много уродилося,
Три раздолья, три широкія!
Ты коса-ли, моя косынька!
Какъ доселева-то косыньку
Заплетала родна матушка,
Что мелкимъ она, мелькошенько;
А теперь мою косу русую
Расплетаютъ ее на-двое,
Завиваютъ округъ буйной головы,
Надѣваютъ схиму черную!
Мнѣ не снять ее, не сбросити,
Отъ вѣнца, да и до старости,
До сѣдова, бѣла волоса!
Какъ доселѣ схима черная
По дворамъ она валялася,
По подлавочью таскалася;
А теперь-то схима черная
Она мнѣ-то пригодилася,
На мою буйную головушку!

Наряжаніе окончилось. Дружка наливаетъ два стакана пива и подаетъ новобрачному, а онъ передаетъ съ поклономъ отцу и матери, которые подходятъ, берутъ стаканы и говорятъ: „Поздравляемъ, дитятко, съ законнымъ бракомъ! Дай Боже здорово жить, другъ дружку любить, насъ, стариковъ, не забывать и почитать!“ — Потомъ подаются также двѣ чарки крестнымъ отцу и матери, а затѣмъ и другимъ поѣзжанамъ.

По обнесеніи виномъ всѣхъ, дружка, извѣстными уже намъ возгласами, вызываетъ благословеніе родителей вести молодыхъ на подклѣтъ. Всѣ встаютъ и молятся. Тысяцкій идетъ отомкнуть ([1]) комнату съ брачною постелью. За нимъ дружка ведетъ двухъ малыхъ бояръ, бывшихъ „заобразниками“ ([2]), а они несутъ каждый по благословленному образу въ брачную же комнату, гдѣ и ставятъ на божницу ([3]). За тѣмъ являются свахи и выпиваютъ всѣ по чаркѣ, желая благополучія. Дружка удаляетъ всѣхъ изъ комнаты, кромѣ свахъ, которыя и помогаютъ снимать верхнюю одежду; потомъ и свахи удаляются, а дружка, послѣ словъ—„ложитесь съ Богомъ!“ уходитъ и уноситъ съ собою свѣчи.

Привычка къ неискренности выраженія чувствъ, заглушаемыхъ пустыми формами, простираетъ обрядность и далѣе: такъ въ болѣе глухихъ мѣстахъ Кежемской и Бѣльской волостей раздѣтая суженая должна встать на одно колѣно и три раза сказать: „пусти ночевать“; а женихъ, убѣждаемый этой просьбой, а можетъ быть и страстью, отвѣчаетъ: „ну, ужъ ночевать, такъ и вѣкъ коротать!“ Послѣ этого онъ схватываетъ ее въ „охапку“ и бросаетъ въ постель.

А между тѣмъ въ свѣтлицѣ идетъ пиръ горой съ разными уже шутками и прибаутками, которыя опредѣляются личнымъ характеромъ и нравственными достоинствами поѣзжанъ. Этимъ же обусловливается и оставленіе молодыхъ въ покоѣ до утра или подниманіе ихъ среди ночи, для чего дружка постукиваетъ въ двери и спрашиваетъ: „посылать-ли свахъ?“ Если онъ получитъ въ отвѣтъ „можно“, то возвращается въ свѣтлицу съ восклицаніемъ: „все въ добромъ здоровьѣ! Подите, какъ угодно, свашеньки, теперь ужъ ваше дѣло“. Онѣ идутъ, а дружка провожаетъ ихъ словами: „вы свашеньки какъ сходите, да выйдите съ радостнаго подклѣта, да на два круга и попляшите и нашу общину повеселите!“ Потомъ, обращаясь къ хозяину, онъ продолжаетъ: „а ты,

([1]) То есть снять замокъ.

([2]) То есть которые ѣздили съ образами въ рукахъ.

([3]) Полка въ переднемъ углу, на которую ставятъ образа.

господинъ хозяинъ, пожалуй мнѣ пива шайку, да хлѣба шаньгу, да флягу вина, да стаканъ съ подносомъ, да краснаго маку на закуску. Я съ радости, съ благополучья, возлѣ этой фляги—такъ и лягу! А ты, господинъ хозяинъ, берись и самъ за подносы гладкіе, ставь стаканы хрустальные и не зѣвай, а подавай всѣмъ гостямъ приходящимъ, и званымъ и незванымъ, за все у насъ доброе здоровье!“ И начинается попойка безъ всякой закуски.

На завтра рано утромъ опять сбирается весь поѣздъ. Молодыхъ отправляютъ въ баню, а провожаютъ ихъ туда дружка съ свахами. Помывшись, молодые „обряжаются“ и представляются родителямъ. А молодая подноситъ свекру и свекрови подарки своего шитья.

Если все дѣло было „въ благополучіи“, то поѣзжане отправляются, и не рѣдко даже съ доказательствами радости, къ тестю и тещѣ. Входя въ комнаты, дружка возглашаетъ: „благодаримъ, что умѣли дѣтище поить, кормить и нашего князя молодаго надѣлить: какъ изъ купѣли, такъ и подъ златъ вѣнецъ!“ Тутъ выпиваютъ по чаркѣ и приглашаютъ въ домъ къ молодому на пиръ.

Пріѣзжаютъ сваты. Ихъ встрѣчаютъ у крыльца, гдѣ молодые кланяются имъ въ ноги; а если съ ними прибыли крестные отецъ и мать молодой, то и имъ также, только начиная съ крестной матери. Тутъ же подносятъ и по первой „привѣтственной“ чаркѣ.

На этотъ разъ уже собирается къ обѣду много гостей. Родители молодой, крестный, крестная и ближайшіе родственники ея занимаютъ передовыя мѣста, на томъ основаніи, что они гости. Накрываетъ столъ скатертью сама уже молодая и употребляетъ усилія отличиться всею ласковостью и ловкостью хозяйки.

И такъ, бракъ свершился. Дальнѣйшія увеселенія не имѣютъ уже правильныхъ обрядностей и прямаго смысла. Это не что иное, какъ кутежъ, иногда съ сохраненіемъ благопристойности и здраваго смысла, иногда съ совершеннымъ отсутствіемъ того и другаго.

Представивъ такимъ образомъ полную картину русской свадьбы, со всею ея поэтически-символической обстановкой, выскажемъ теперь общія замѣчанія о ея значеніи.

Во-первыхъ, здѣсь очевидно, что язычество имѣло у насъ свою миѳологію. Оно было развито на столько, что проникло по всѣмъ составамъ быта русскаго народа.

Во-вторыхъ, христіанству пришлось бороться не съ смутнымъ, поверхностнымъ понятіемъ о какой-то высшей силѣ, а съ язычествомъ, развитымъ вполнѣ и проникшимъ уже во всю бытовую жизнь.

Далѣе, борьба христіанства съ язычествомъ была сначала весьма удачна и дѣйствовала благотворно на нравы; но историческія невзгоды, о которыхъ мы упоминали, остановили умственное развитіе молодаго народа, запугали его и заставили заключиться въ себя, и съ свободно-пытливою мыслью, и съ открытымъ проявленіемъ семейно-общественнаго быта, а оттого возникла апатія, а въ жизни умственной скрытность, подобострастіе, затворничество и прочее.

Язычество не только осталось до послѣдняго времени, на сколько не успѣло искорениться въ періодъ свободнаго развитія народа; но запуганная мысль, не находя спасенія отъ татарскаго ига даже въ молитвѣ, поддалась вліянію воображенія, и злые духи, злые люди, колдуны, вѣдьмы и т. п. недобрыя силы, группа за группою вставали изъ забытья и создавались вновь, съ безчисленными противъ нихъ, заклинаніями. И эти-то суевѣрія, эти-то языческія формы и божества наполняютъ и теперь обрядную часть не только нашихъ заговоровъ, приговоровъ, примѣтъ, гаданій, хороводовъ, но даже обрядности свадебныя, куда входитъ и таинство брака. Освободясь потомъ отъ внѣшнихъ путъ, народъ почувствовалъ, что мысль его спитъ, что ей нуженъ толчокъ и попробовалъ ознакомляться съ западомъ: но завистливые сосѣди не пустили, а призванное по старой памяти византійство не могло оказать должной помощи и принесло однѣ только безжизненныя формы, которыя прилаживались туда и сюда, но не могли зажечь свѣточа мысли, а потому и не въ состояніи были уничтожить суевѣрій. Потомъ настало и общеніе съ западомъ, но оно до сихъ поръ не проникло въ народъ, отчасти потому, что вводилось неразборчивой насильственной ломкой всѣхъ старыхъ началъ, отчасти оттого, что скользило только по поверхности и порождало въ народѣ лакейско-трактирную цивилизацію.

Наконецъ, ясно, что намъ больше всего и скорѣе всего нужны положительныя знанія, пониманіе причины вещей, свѣтъ оживляющей науки! А для того, чтобъ все это не осталось у насъ только въ кабинетѣ, будемъ изучать глубже самую природу нашей страны, духъ нашего народа, и тѣ древнеисторическія основы, которыя таятся въ глубинѣ его, какъ здоровыя сѣмена для будущаго развитія, и не станемъ пренебрегать самой пѣсней, этой сокровищницей, въ которую народъ вложилъ свои завѣтныя мысли, свои сладкія и горькія, радостныя и слезныя чувства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Приступлю теперь къ описанію единственной большой рѣки, впадающей въ Маклаковской волости въ Енисей и называемой Верхнею Тунгузкой.

Такъ какъ нѣкоторые считаютъ главною рѣкою не Енисей, то отвергаютъ и названіе Верхней Тунгузки, именующейся такъ у Енисейцевъ, отъ соединенія рѣки Ангары съ рѣкою Илимомъ. Эти „нѣкоторые" ведутъ названіе Ангары до самаго Ледовитаго моря, и Енисей считаютъ притокомъ. Не дѣлая особыхъ спеціальныхъ изысканій для рѣшенія этого вопроса, я готовъ бы назвать впаденіе одной рѣки въ другую просто соединеніемъ. Но не могу не прибавить только, чтобы спорящія стороны обратили особенное вниманіе на значеніе природою образованной для помѣщенія Енисея логовины черезъ все протяженіе Енисейской губерніи, отъ Китая до Ледовитаго моря, — вѣдь это что нибудь да значитъ?! Надобно также обратить вниманіе на то, что русло Енисея понижается постепенно на всемъ протяженіи до моря и такимъ образомъ дѣлается постепенная покатость къ морю; также и на то, что въ Минусинскомъ округѣ до 109° восточной долготы и 53°52′ сѣверной широты Енисей прокладывалъ прямую дорогу по ложбинѣ, препятствуемой горами; такъ на границѣ Туруханскаго края подмылъ шедшій черезъ логовину хребетъ и образовалъ гряду подводныхъ скалъ. Между тѣмъ какъ Ангара очевидно на всемъ ходу своемъ бьется, извивается, ищетъ хода себѣ, бросается въ разныя стороны, принимаетъ въ себя другія большія рѣки, скопляетъ огромнѣйшую массу водъ и, наконецъ, входитъ въ Енисейную логовину и соединяется съ Енисеемъ подъ 58°27′ широты, въ 65 верстахъ выше города Енисейска. Чтò съ перваго раза поразитъ путешествнника въ пользу Верхней Тунгузки, это обиліе воды ея: соединяется она подъ такимъ угломъ къ Енисею и съ такимъ обиліемъ воды, что верстъ на пять по крайней мѣрѣ, Енисею приходится течь прижатымъ къ западному берегу; тутъ рѣка версты на 4 ширины. Надобно однакожъ обратить вниманіе на то, что вода Верхней Тунгузки болѣе темная, какъ бы синяя, исчезаетъ чрезъ нѣсколько десятковъ верстъ и за тѣмъ въ Енисеѣ видимъ ту же воду, какая была выше впаденія Тунгузки; да и это пространство цвѣтъ

воды держится только у праваго берега. Замѣчательно и то, что желающіе съ Усть-Стрѣлки плыть на низъ, съ трудомъ выбиваются отъ относа преобладающимъ токомъ Енисея. Еще за Енисей: почему рыба въ Тунгузкѣ отличается отъ той, которая водится въ Енисеѣ выше и ниже впаденія въ него Тунгузки, — такъ напр., осетры и стерляди Тунгузки имѣютъ черную почти спину, а въ Енисеѣ, на всемъ протяженіи его, нѣтъ этого. Еще за Енисей: почему постоянно, десятки лѣтъ, Енисей, какъ главная рѣка, текущая по образованной природою логовинѣ, вскрывается двѣнадцатью днями ранѣе притока своего Верхней Тунгузки, и шестью днями ранѣе Тасѣевой. Теперь, на чемъ же основана мечта о значеніи Ангары?! Мы уступимъ первенство Енисея только тогда, какъ противники вырвутъ съ корнемъ каждое изъ десяти приведенныхъ нами доказательствъ. Вотъ какъ во времена моей гимназической жизни описывалось происхожденіе Ангары, — писателя можетъ быть уже не существуетъ и на свѣтѣ, но нѣсколько строкъ до сихъ поръ у меня въ памяти:

Когда силой чудотворною
Огнь подземный разорвалъ
Межъ горами степь просторную —
Хлынулъ волнами Байкалъ.

Тутъ многаго не помню, а далѣе объ Ангарѣ:

Вдоль смотрѣлъ онъ (*) изъ за горъ
И хотѣлъ залить ужъ волнами
Необъемлемый просторъ....
Но одумался, отдвинулся,
Не хотѣлъ грозой дохнуть
И на сѣверъ мощно двинулся
Отъискать къ собрату путь:
Въ море дальнее, сердитое,
Захотѣлъ онъ побывать,
.
.
Вдругъ утесъ — гора упорная
Преградила путь ему
И какъ крѣпость непокорная
Не пускала вдаль волну...

(*) Байкалъ.

Но напрягъ онъ грудь свободную,—
Съ трескомъ рушилась гора—
И по ней волной холодною
Зашумѣла Ангара!..

Въ книгахъ же — верховья Ангары описываются такъ: означается обыкновенно на картахъ съ востока Байкала рѣка, подъ именемъ верхней Ангары, считается за верховье; длина этой рѣки на 330 верстъ; потомъ она, будто, протекаетъ черезъ Байкалъ; потомъ выходитъ съ западной стороны подъ именемъ просто Ангары; на 60 верстѣ ея стоитъ городъ Иркутскъ, а отъ Иркутска до соединенія съ Енисеемъ имѣетъ еще 1,720 верстъ теченія. Ангара не имѣетъ опредѣленной луговой и нагорной стороны,—она изгибается сама и мѣняются постоянно свойства береговъ. По Ангарѣ ходятъ суда, но плаваніе соединено съ чрезвычайными затрудненіями, отъ того на всемъ протяженіи считается 64 порога (по енисейски шивера). Эти шивера начинаются отъ Братскаго острога, гдѣ Ангара имѣетъ 35 футовъ паденія на пространствѣ одной версты; да за тѣмъ на пространствѣ еще 67 верстъ пересѣкается каменными кряжами и имѣетъ на этомъ пространствѣ 21 сажень паденія. Впрочемъ, подъ именемъ шиверовъ Енисейцовъ слывутъ пороги небольшіе; три же главныхъ въ Енисейскомъ округѣ такъ и называются порогами и будутъ описаны въ своихъ мѣстахъ. Есть, кромѣ того, опасныя мѣста, называющіяся — на языкѣ туземцевъ — быками и кармакулами. Подъ первымъ словомъ разумѣются скалы, выдающіяся къ рѣчному руслу изъ материка и на нихъ, на общее горе, иногда рѣка имѣетъ направленіе въ теченіи; подъ вторымъ же — камни, лежащіе въ руслѣ рѣки и высовывающіеся къ поверхности воды. Отъ самаго Байкала до Братскаго острога плаваніе по Ангарѣ безпрепятственно. Хотя вообще правая сторона Ангары каменистѣе, но все-таки положительнаго распредѣленія, подобно Енисею, береговъ на каменный и луговой (по названію туземцевъ) у Ангары — нѣтъ. Островов считается на Ангарѣ 468, изъ которыхъ на Енисейскій округъ приходится только 150, а остальные въ Иркутской губерніи. Ширина рѣки чрезвычайно разнообразится отъ выхода изъ Байкала до впаденія въ Енисей, то расширяясь, то съуживаясь, такъ наприм. противъ Иркутска 250 саженъ и спустившись ниже у Братскаго острога только 65, далѣе по Енисейскому округу то имѣетъ ширину въ версту, то разбрасывается на протоки и вмѣщаетъ острова верстъ до 4 ширины. Теперь мы приступимъ къ послѣдовательному описанію Ангары, какъ описывали и Енисей, но опустимъ небольшую рѣку, впадающую въ Байкалъ, считающуюся за вер-

ховье Ангары и называющуюся Верхней Ангарою, тѣмъ болѣе, что она пустынна и не имѣетъ никакого особеннаго значенія, кромѣ ловли омулей, которая въ 1836 году была особенно удачна (достигла до 10 милліоновъ штукъ и привлекла съ рѣки Селенги многихъ промышленниковъ сюда), но дѣйствительно ли это еще верховье Ангары — нужно вѣдь побольше основательныхъ научныхъ доказательствъ?! Потому и начнемъ съ выхода изъ Байкала, и въ Енисейскомъ округѣ вычислимъ и всѣ деревни, потому что онѣ стоятъ большею частью на самой рѣкѣ, да и число ихъ съ разстояніемъ покажетъ размѣръ и населеніе этихъ огромнѣйшихъ и пустыннѣйшихъ волостей — Пинчугской и Кежемской.

Выступивъ изъ Байкала, Ангара принимаетъ:

Во-1-хъ, Иркутъ; онъ впадаетъ съ лѣвой стороны у Иркутска, гдѣ и имѣетъ ширину на 80 саженъ; на 73 версты поднимаясь выше отъ Иркутска имѣетъ пороги, потому не можетъ считаться удобнымъ для прохода мелкихъ судовъ, которыя, какъ и плоты, по немъ немного ходятъ; длина Иркута на 346 верстъ.

Во-2-хъ, Китой; онъ впадаетъ съ лѣвой же стороны; гораздо менѣе Иркута и все теченіе считаютъ до 260 верстъ; за то мѣстами широкъ и достигаетъ 70 саженъ; послѣ впаденія въ него рѣкъ Халмагана и Алангара дѣлается судоходнымъ.

Въ-3-хъ, Бѣлую, впадающую съ лѣвой же стороны и имѣющую теченіе на 250 верстъ.

Въ-4-хъ, Оку, впадающую съ лѣвой же стороны; она получаетъ большой притокъ Іею и имѣетъ теченіе верстъ на 700.

Въ-5-хъ, Илимъ. Эта рѣка впадаетъ уже съ правой стороны; имѣетъ теченіе верстъ на 500; по ней ходятъ свободно плоты и малыя лодки; соединившись съ этою рѣкою, Ангара вступаетъ въ Енисейскій округъ и получаетъ уже названіе „Верхней Тунгузки“.

Начиная съ верхнихъ частей Верхней Тунгузки сперва лежитъ волость Кежемская, прилегающая къ границѣ Киренскаго округа Иркутской губерніи; въ ней деревни:

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число домовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
1	Деревня *Савинская*, стоящая на верхней оконечности небольшаго острова, лежащаго среди Верхней Тунгузки	17	50	66	
2	Деревня *Привалихинская* (или Фанова), стоящая также на верхней оконечности другаго острова, лежащаго среди Тунгузки, въ 16-ти верстахъ ниже Савиной	14	33	34	
3	Деревня *Фролова*, стоящая на верхней оконечности острова Барнаулева, лежащаго среди Верхней Тунгузки, въ 20 верстахъ ниже Привалихенской . .	19	49	52	Островъ Барнаулевъ имѣетъ до 10 верстъ длины и около версты ширины, покрытъ хвойнымъ лѣсомъ; нижняя оконечность его въ весеннее полноводіе затопляется.
4	Деревня *Соколова*, стоящая на верхней оконечности острова Лиственничнаго, лежащаго среди Верхней Тунгузки, въ 16-ти верстахъ ниже острова Барнаулева	16	37	34	Островъ Лиственничный имѣетъ 6 верстъ длины и до 300 саженъ ширины, покрытъ хвойнымъ лѣсомъ и не затопляется.
5	Деревня *Усольцова*, стоящая на нижней оконечности острова, также называемаго Лиственничнымъ, лежащаго въ 12 верстахъ ниже перваго	32	89	98	
6	Деревня *Селенгина*, стоящая на верхней оконечности острова Аничкина, лежащаго въ 20 верстахъ ниже Лиственничнаго	41	141	137	Островъ Аничкинъ имѣетъ до 12 верстъ длины и 1 версту ширины и въ большія полноводія также затопляется.
7	Село *Пановское* (или Панчино) стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки при впаденіи рѣчки Еганбы, въ 12 верстахъ ниже острова Аничкина	80	261	269	
8	Деревня *Аксенова* стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки при рѣчкѣ Источной, въ 18 верстахъ отъ села Пановскаго	20	38	44	Близъ деревни Аксеновой добывается жителями Лиственничная бумага. *Смотри описаніе Лиственничной бумаги* (ниже таблицы).
9	Деревня *Верхнекежемская* (или Мозговая) стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Верхнекежемской, въ 16 вер-				

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число домовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
	стахъ ниже деревни Аксеновой.	39	86	89	
10	Село *Кежемское* стоитъ на правомъ берегу рѣки Верхней Тунгузки, при впаденіи рѣчки Кежмы, въ 12-ти верстахъ ниже деревни Верхнекежемской	173	453	444	
11	Деревня *Заимская* стоитъ на верхней оконечности острова Тургенева, лежащаго среди Верхней Тунгузки, въ 44-хъ верстахъ ниже села Кежемскаго . .	67	190	190	Островъ Тургеневъ имѣетъ 24 версты въ длину и 4 въ ширину, изобилуетъ хорошими сѣнокосами.
12	Деревня *Недокурская* стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки на рѣчкѣ Недокуркѣ, въ 20 верст. отъ деревни Заимской. . .	8	21	33	
13	Деревня *Алешкина* стоитъ на нижней оконечности того же Тургенева острова, въ 8-ми верстахъ отъ деревни Недокурской	38	79	79	
14	Деревня *Ковенская* стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки при впаденіи рѣчки Ковы, въ 36 верст. отъ дер. Алешкиной . . .	22	67	75	Близъ деревни Ковенской находится одинъ изъ трехъ главнѣйшихъ пороговъ Ангары, называемый Аплинскій. *Смотри описаніе Аплинскаго порога рѣчки Ковы.*
15	Село *Кашиношиверское* стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгуски, въ 4-хъ верстахъ отъ дер. Дворецъ.	23	64	68	Близъ села Кашиношиверскаго находился монастырь. *Смотри преданіе о монастырѣ.*
16	Деревня *Рожковская* стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки при рѣчкѣ Верхнекаменной, въ 20-ти верстахъ отъ села Кашиношиверскаго	8	27	27	
17	Деревня *Сосновская*, стоитъ на нижней оконечности острова Сосноваго, лежащаго на Верхней Тунгузкѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ деревни Рожковской	16	76	66	Островъ Сосновый имѣетъ въ длину до 10 верстъ, въ ширину отъ ½ до 1 версты.
18	Деревня *Пашенная* (или Островная) стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки, противъ рукава рѣчки Кежмы, впадающаго съ правой стороны въ Верх-				

По порядку.	Названіе селъ и деревенъ.	Число домовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
	нюю Тунгузку; въ 20-ти верстахъ отъ деревни Сосновской	9	25	21	
19	Деревня *Простихинская* стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки, при впаденіи рѣчки Сухой, въ въ 8-ми верстахъ отъ деревни Пашенной.	25	92	106	
20	Деревня *Кодинская* (или Кода̀), стоитъ на правой сторонѣ Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Кодѣ, въ 20-ти верстахъ отъ деревни Простихинской	19	37	57	
21	Деревня *Сыромолотова* (или Зарѣчная) стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки, въ 10-ти верстахъ отъ деревни Кодинской. .	8	17	20	
		694	1,932	2,008	

Итого на всемъ громаднѣйшемъ протяженіи Кежемской волости, по теченію Ангары, съ неизмѣримыми по сторонамъ пустынями, заросшими вѣковыми лѣсами и перерѣзанными въ разныхъ направленіяхъ отрогами горъ, находится только 3 села и 18 деревень, а въ нихъ 694 дома съ 1,932 человѣками мужчинъ и 2,008 женщинъ. О деревняхъ, находящихся на островахъ и въ весеннее полноводіе затопляемыхъ, слѣдовало бы позаботиться мѣстному начальству, потому что жители подвергаются отъ частыхъ наводненій раззоренію. Верхняя Тунгузка въ обыкновенное время бываетъ шириною отъ 1 до 4 верстъ, а весною до 5 верстъ. Шиверовъ въ Кежемской волости 13, изъ нихъ главныхъ 4: Медвѣжье, Горохово, Кашино и Игреньково. Переправъ черезъ Верхнюю Тунгузку 9; переправляются на большихъ лодкахъ и употребляютъ времени на переправу въ тихую погоду не менѣе одного часа. Полноводіе весеннее стоитъ дней до 20 и болѣе; вода поднимается саженъ до 4, но заливаетъ мало, потому что берега крутые и высокіе. По рѣкѣ въ этой волости ходятъ барки и особый родъ мелкихъ судовъ изъ Иркутска, называемыхъ па̀возками. Суда эти поднимаютъ отъ 2 до 6 тысячъ пудовъ, погружаются въ воду на 5 и на 6 четвертей. Число рабочихъ на каждомъ суднѣ при сплавѣ внизъ по те-

ченію человѣкъ до 12; вверхъ же по теченію никакихъ судовъ не плаваетъ. Число проходящихъ судовъ, въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ, простирается до 400. Мельницъ на Верхней Тунгузкѣ нѣтъ, а каждый изъ жителей для перемола имѣетъ у себя дома ручныя мельницы. Рыбы въ Верхней Тунгузкѣ много: изъ большихъ — стерляди, осетры, таймени, щуки и налимы; а также много разныхъ породъ мелкихъ рыбъ. Озера въ Кежемской волости хотя и есть, но небольшія и не приносящія жителямъ никакой пользы. Болотъ въ мѣстахъ таежныхъ (лѣсныхъ) много.

Примѣчаніе 1. Описаніе лиственичной бумаги.

Близъ деревни Аксеновой, стоящей одиноко, на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Источной имѣется въ лѣсу (вѣроятно отъ прежнихъ разливовъ и застоевъ воды) много разной гнили и между нею умершія лиственницы, какъ свалившіяся уже, такъ и стоящія еще, имѣютъ на мѣстѣ сердцевины особыя пластинчатыя извилины, на ощупь и по цвѣту въ родѣ замши; называются онѣ лиственичною бумагою; извивы эти соотвѣтствуютъ извивамъ бывшей сердцевины; пластъ лежитъ на пластѣ и нерѣдко извивины бываютъ до поларшина ширины; жители употребляютъ эту бумагу съ особенною пользою въ порѣзахъ и даже гнилыхъ ранахъ.

Примѣчаніе 2. Описаніе Аплинскаго порога, рѣчки Ковы и Сопки.

Въ 100 верстахъ внизъ отъ села Кежемскаго и въ 8 верстахъ выше деревни Ковенской находится одинъ изъ трехъ главнѣйшихъ пороговъ Ангары, называемый „Аплинскимъ“; порогъ этотъ лежитъ чрезъ всю рѣку на версту длиною и состоитъ изъ двухъ скатовъ, или по туземному двухъ „залавковъ“, такъ что вода съ шумомъ и брызгами, срываясь съ одного ската, бьется о другой.

Въ 8 верстахъ ниже порога, при деревнѣ Ковинской, лежащей на лѣвомъ берегу, впадаетъ въ Верхнюю Тунгузку рѣчка Кова, замѣчательная по богатству природы; по ней находятся отличныя сѣнокосныя и хлѣбопахатныя мѣста; верстъ на 200 отъ устья къ верховьямъ ея, купецъ Морозовъ нашелъ сплошно лежащій каменный уголь; тамъ же найденъ и малахитъ, но не лучшаго сорта и могущій быть годнымъ только для краски. Не смотря на хорошее мѣстоположеніе по Ковѣ, она остается незаселенною. Мѣста такъ хороши, что жители селеній,

по Тунгузкѣ расположенныхъ, устроили по Ковѣ, на разстояніи 50—60 верстъ отъ жилья, маленькіе домики, называемые зимовьями. На это вызваны они, какъ нуждающіеся въ плодоносныхъ земляхъ для сѣнокоса и преимущественно для хлѣбопашества; почему эти поселяне и проживаютъ тамъ, для работъ, сѣнокосное и жатвенное время, заготовляя все необходимое для себя и для скота. Южная мѣстность по рѣкѣ Ковѣ столь привлекательна для жителей окольныхъ по Тунгузкѣ деревень, что если бы имъ дозволило начальство туда переселиться, то въ нѣсколько дней перебрались бы съ радостію, оставивъ свои дома. Мы думаемъ, что этого нельзя допустить вдругъ, потому что запустѣютъ станціи, но все таки желаемъ, чтобы правительство воспользовалось этимъ свѣдѣніемъ нашимъ и заселило прекрасныя мѣста, если не для блага самихъ заселяемыхъ, то въ видахъ пользы всего края, потому что плодоносныя мѣста по Ковѣ, могли бы снабжать хлѣбомъ небогатый Богучанскій край.

Хребты, между которыми бьется и извивается Верхняя Тунгузка, нерѣдко возвышается отдѣльными сопками, гдѣ нѣтъ уже лѣсовъ и голыя горы завершаются чернымъ камнемъ; одна изъ таковыхъ сопокъ, вздымающаяся при устьѣ Ковы, называется Ковенскою и имѣетъ на самой вершинѣ своей провалъ, въ видѣ конуса, наполненный водою. Глубина этого провала съ водою считается неизмѣримою и стоящая въ немъ неподвижно какъ въ чашѣ, вода имѣетъ солоноватый вкусъ и сѣрнистый запахъ, чѣмъ особенно доказывается происхожденіе изъ погасшаго вулкана.

Примѣчаніе 3. Преданіе о монастырѣ.

Село Кашиношиверское стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, хотя мѣстность и не представляетъ никакихъ выгодъ. Причина его существованія открывается изъ преданій народа и свидѣтельствъ живыхъ стариковъ: прежде на этомъ мѣстѣ былъ монастырь; но онъ лѣтъ болѣе 80 назадъ сожженъ разбойниками и монахи убиты, кромѣ одного; за тѣмъ было еще небольшое братство и въ уцѣлѣвшей настоятельской кельи разрѣшено было архіепископомъ иркутскимъ Иннокентіемъ служить; потомъ и эта келья сгорѣла; братство исчезло, но Енисейскій купецъ Захаръ Толстыхъ, побуждаемый религіознымъ чувствомъ, построилъ тутъ каменную церковь, которая, кромѣ прихожанъ, поддерживается и до сихъ поръ бывшею женою Толстыхъ Аграфеною Григорьевою Басниной.

Волость Пинчугская прилегаетъ къ волости Кежемской, въ ней деревни:

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число домовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
1	Село *Чадобское* стоитъ на правой сторонѣ Верхней Тунгузки при впаденіи рѣчки Чадобецъ, въ 10-ти верстахъ отъ деревни Сыромолотовой, Кежемской волости	26	83	84	Близъ села Чадобскаго находится соляной источникъ. *Смотри описаніе солянаго источника.*
2	Деревня *Яркинская* стоитъ на рѣчкѣ Чадобецъ, на 82 верстѣ вверхъ отъ ея впаденія въ Верхнюю Тунгузку	32	116	120	
3	Деревня *Заледѣевская* стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 4-хъ верстахъ отъ села Чадобскаго	32	114	116	Близъ деревни Заледѣевской кочуетъ Ятоульскій родъ Тунгузовъ.
4	Деревня *Клименская* стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 4-хъ верстахъ отъ деревни Заледѣевской	21	83	84	
5	Деревня *Пашутинская* стоитъ на правомъ берегу верхней Тунгузки, въ 26-ти верстахъ отъ деревни Клименской.	10	31	30	
6	Деревня *Голтявинская* стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Голтявиной, въ 12-ти верстахъ отъ деревни Тишутинской	18	51	50	Близъ деревни Голтявиной находится Мурскій порогъ. *См. описаніе Мурскаго порога.* Здѣсь мы пріостановимъ описаніе деревень, лежащихъ по берегамъ Верхней Тунгузки для того, чтобы подняться вверхъ по р. Мурѣ.
7	Деревня *Бузыканова* стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Муры, на 42-й верстѣ вверхъ отъ впаденія ея въ Верхнюю Тунгузку	16	48	49	
8	Деревня *Ирбейская* (или Ирба) стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Муры, въ 15-ти верстахъ отъ деревни Бузыкановой	20	66	68	
9	Деревня *Бидейская* стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Муры, въ 30-ти верстахъ отъ дер. Ирбейской . . .	27	89	90	
10	Деревня *Червянская* стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки				

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число домовъ.	Жителей. Муж.	Жителей. Жен.	Примѣчанія.
	Муры, въ 40 верстахъ отъ деревни Бидейской	51	180	181	
11	Деревня *Надуйская* стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Муры, въ 30 верстахъ отъ деревни Червянской . . .	14	55	56	
12	Деревня *Коноваловская* стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Муры, въ 23 верстахъ отъ деревни Надуйской	16	49	48	Близъ деревни Коноваловской кочуетъ при рѣчкѣ Кошухѣ Нонудальскій родъ Тунгузовъ.
13	Деревня *Заимская* стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 24-хъ верст. отъ деревни Голтявинской	23	79	78	
14	Село *Богучанское* стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки, въ 36-ти верст. отъ деревни Заимской . .	29	95	98	
15	Деревня *Ярковая* (или Яркина) стоитъ на лѣвой сторонѣ рѣки Верхней Тунгузки, въ 24-хъ верстахъ отъ села Богучанскаго . .	21	94	96	Близъ деревни Ярковой кочуетъ 2-й Куркучирскій родъ Тунгузовъ.
16	Деревня *Пинчугская* стоитъ на лѣвой сторонѣ рѣки Верхней Тунгузки, въ 12-ти верстахъ отъ деревни Ярковой	38	123	126	
17	Деревня *Карабульская* стоитъ на рѣкѣ Карабулѣ, въ 70-ти верстахъ отъ впаденія ея въ Верхнюю Тунгузку	18	64	68	Въ вершинахъ р. Карабула приходилось видѣть крестьянамъ слѣды золота. Рѣка Карабулъ беретъ свое начало съ хребта, отдѣляющаго р. Чуну, имѣющую далѣе назваться Тасѣевою, отъ В. Тунгузки до соединенія ея съ Тасѣевою. Если засѣдателю или лекарю, находящимся въ верхнихъ деревняхъ по В. Тунгузкѣ или на Карабулѣ, надобно попасть на Чуну, то изъ деревни Гавриловской есть дорога съ перееваломъ чрезъ упомянутый сейчасъ хребетъ и волокъ этотъ считается въ 75 верстъ и кончается пріѣздомъ въ деревню Малѣевскую на р. Чунѣ. Безъ этого же, хоть и неудобнаго переѣзда, нужно было бы употребить цѣлое лѣто на проѣздъ въ селенія по верховьямъ Чуны, сперва внизъ по Тунгузкѣ, а потомъ вверхъ по Чунѣ.
18	Деревня *Гавриловская* стоитъ на рѣкѣ Карабулѣ, въ 25 верстахъ отъ деревни Карабульской. Тоже въ сторону отъ Верхней Тунгузки, на р. Карабулѣ . .	7	12	11	

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число домовъ.	Жителей. Муж.	Жителей. Жен.	Примѣчанія.
19	Деревня *Иркинѣевская* стоитъ на правой сторонѣ Верхн. Тунгузки, при впаденіи рѣчки Иркинѣевой, въ 14-ти верстахъ отъ дер. Пинчугской	48	164	167	
20	Деревня *Бѣдобинская* стоитъ на рѣчкѣ Иркинѣевой, въ 55 верстахъ отъ впаденія ея въ Верхнюю Тунгузку	23	94	98	Близъ деревни Бѣдобинской кочуетъ 3-й Куркугирскій родъ Тунгузовъ.
21	Деревня *Манзинская* стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки при рѣчкѣ Манзѣ, въ 33 верстахъ отъ дер. Иркинѣевой . . .	12	57	60	Близъ деревни Манзинской находится соляное озеро. *См. описаніе солянаго озера и ключей.*
22	Деревня *Каменская* стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки при впаденіи рѣки Каменки, въ 24 верст. отъ деревни Манзинской .	53	176	180	Близъ деревни Каменки кочуетъ, при рѣчкѣ Ендѣ, Черноусольскій родъ Тунгузовъ.
23	Деревня *Потоскуйская* стоитъ на правой сторонѣ Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Нижней Ослянкѣ, въ 33½ верстахъ отъ дер. Каменской	8	28	29	Близъ деревни Потоскуйской можетъ добываться въ большомъ количествѣ черная каменная плита.
24	Деревня *Быковская* стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 22 верст. отъ дер. Потоскуйской . .	3	10	11	
25	Деревня *Кокуйская* стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки при рѣчкѣ Кокуѣ, въ 22 верстахъ отъ деревни Быковской	11	40	41	
26	Деревня *Мотыгинская* стоитъ на правой сторонѣ Верхней Тунгузки, при рѣкѣ Рыбной, въ 30 верстахъ отъ дер. Кокуйской .	38	114	117	Въ этой деревнѣ есть кабакъ, лавочная торговля и нѣчто въ родѣ резиденцій золотопромышленниковъ, а также и хлѣботорговцевъ, особенно съ 1857 г., когда, по случаю страшной дороговизны въ Енисейскѣ, стали скупать въ южную тайгу хлѣбъ, приплавляемый по Ангарѣ изъ Иркутска. Лѣтомъ 1859 г., при путешествіи моемъ на пріиски, я видѣлъ, въ августѣ, какъ перевозили хлѣбъ на лошадяхъ, а дорога была покрыта нырками и воза или тащились кое-какъ измученными лошадь-

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число домовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
					ми, или разставлены были по сторонамъ, лошади поскакивали съ стреноженными ногами, а рабочіе лежали на землѣ у разведенныхъ огней.
27	Деревня *Зайцева* (или Коршунова и Шилгушкина) стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 7-ми верстахъ отъ деревни Матыгинской.	12	56	60	
28	Деревня *Пашенная* стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 6 верстахъ отъ дер. Зайцевой	20	55	58	
29	Деревня *Бѣльская* стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 8-ми верстахъ отъ дер. Пашенной .	11	43	42	
30	Село *Рыбинское* стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 4 верстахъ отъ деревни Бѣльской . .	51	129	132	Между селомъ Рыбинскимъ и впадающей справа рѣкой Чорной, есть утесъ, голая стѣна котораго пачкается зеленымъ купоросомъ, выступающимъ изъ щелей. По увѣренію крестьянъ, тутъ есть мѣдная руда, что и интересно бы опредѣлить шурфовкою.
31	Деревня *Денисова* стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 2-хъ верстахъ отъ села Рыбинскаго	15	56	57	
32	Деревня *Смѣтанина* стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Смѣтанкѣ, въ 8-ми верст. отъ деревни Денисовой. .	14	44	46	Деревня Смѣтанина, послѣдняя въ Пинчутской волости, лежащая по теченію Верхней Тунгузки, за тѣмъ перейдемъ на рѣку Чуну. *Смотри описаніе рѣки Чуны.*
33	Деревня *Болтурина* (или Ондрина) стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 31-й верстѣ отъ деревни Мирновой, стоящей при впаденіи р. Чукши въ Чуну.	19	84	89	
34	Деревня *Тихтамайская* (или Филькина) стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Чуны, въ 10-ти верстахъ отъ дер. Болтуриной.	15	70	72	
35	Деревня *Бунбуйская* стоитъ на лѣвой сторонѣ рѣки Чуны, при впаденіи въ нея				

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число домовъ.	Жителей. Муж.	Жителей. Жен.	Примѣчанія.
	рѣчки Бунбуя, въ 27-ми верстахъ отъ деревни Тахтамайской	17	56	60	
36	Деревня *Бѣдокская* стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Чуны, между деревнями Бунбуйской и Чунской	12	26	27	
37	Деревня *Чунская* (или Каменская) стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Чуны, между деревнями Тихтамайской и Бунбуйской	16	68	70	
38	Деревня *Неванская* (или Махначева) стоитъ при устьѣ рѣчки Неванки, впадающей съ лѣвой стороны въ рѣку Чуну, въ 20-ти верстахъ отъ дер. Чунской	18	86	90	
39	Деревня *Казицынномысская* стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Чуны, въ 12-ти верстахъ отъ дер. Неванской.	11	65	61	
40	Деревня *Выдрина* (или Савина) стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Чуны, въ 54-хъ верстахъ отъ деревни Казицынномысской	22	103	105	
41	Село *Петропавловское* стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 60 верстахъ отъ дер. Выдриной	14	60	70	60 верстъ разстоянія между ею и предъидущею деревней, замѣчательно огромными порогами, изъ которыхъ три на протяженіи 60 верстъ заставляютъ пробираться уже по берегу верхомъ на лошади, хотя смѣльчаки и проплываютъ въ маленькихъ челночкахъ.
42	Деревня *Березовская* стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 60-ти верстахъ отъ села Петропавловскаго, вверхъ по рѣкѣ Чунѣ .	14	56	58	
43	Деревня *Кондратьевская* стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 37-ми верстахъ отъ села Петропавловскаго, внизъ по теченію р. Чуны	18	63	66	
44	Деревня *Ганькинская* стоитъ на правомъ берегу р. Чуны, между селомъ Петропавловскимъ и деревн. Березовской	11	54	56	

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число домовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
45	Деревня *Кадарейская* стоитъ на правомъ берегу р. Чуны, въ 6-ти верстахъ внизъ отъ дер Кондратьевской	17	22	23	
46	Деревня *Хайская* стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 17-ти верстахъ отъ дер. Кадарейской . .	11	31	32	
47	Деревня *Малѣевская* стоитъ на правомъ берегу р. Чуны, въ 17-ти верстахъ отъ деревни Хайской. . .	14	64	66	
48	Деревня *Гавриловская* стоитъ на рѣкѣ Карабулѣ, въ 75-ти верстахъ отъ дер. Малѣевской	7	12	11	
49	Деревня *Ярковская* (или Яръ) стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 17 верстахъ отъ деревни Малѣевской, внизъ по теченію р. Чуны	16	55	56	Яръ считается послѣднею деревнею по Чунѣ; но въ сторону отъ нея есть еще деревня Ѳедина, въ 40 верстахъ и такъ близко къ р. Онѣ, что нѣкоторыми считается стоящею при этой рѣкѣ.
	Итого въ Пинчугской волости	989	3,473	3,563	
	Всего въ Кежемской и Пинчугской волостяхъ . . .	1,683	5,405	5,571	

Примѣчаніе 1. Описаніе солянаго источника на рѣкѣ Чадобецъ.

Около 2-хъ верстъ выше устья рѣчки Чадобецъ, вблизи села Чадобскаго, на правомъ берегу рѣки Тунгузки, у подошвы высокой утесистой горы есть соляной источникъ: вода его выбивается изъ подъ камней фонтанами, чрезвычайно холодна и такъ на вкусъ солона, что мѣстные жители варятъ въ ней рыбу, не употребляя уже соли; вода этого источника не только не замерзаетъ, но даже, говорятъ, разрушаетъ прибрежный ледъ, на который попадаетъ. Въ іюнѣ 1859 года вывезена была для меня въ ведерной бутыли вода этого источника имѣвшимъ командировку въ тотъ край собратомъ моимъ по службѣ почтеннымъ г. Б. Стояла она болѣе полгода, не подвергшись никакому даже ма-

лѣйшему измѣненію. Изъ 25 фунтовъ этой воды, по фильтрованіи, оказалось около полуунціи глинистаго вещества, которое при взбалтываніи съ дистиллированной водой дало осадокъ известковый, отъ двууглекислой извести, находящейся въ растворѣ, изъ котораго отъ времени и отъ прикосновенія воздуха она осаждается. Глинистое вещество есть механическая случайная примѣсь, а известковое схвачено, вѣроятно, водою съ ложа сколько нибудь известковаго. Реагенты же показали, что составныя части воды только и есть солянокислыя и сѣрнокислыя соли. Изъ 12 фунтовъ выпаривавшейся жидкости получилось 56 гранъ хлористаго натра (т. е. соли поваренной) и 38 гранъ сѣрнокислой соды (т. е. соли глауберовой). Это отдѣленіе окончательно показала кристаллизація. Собственно же реагенты показывали слѣдующее: 1) Lapis infernalis далъ бѣлый, перешедшій въ фіолетовый, осадокъ, — это означаетъ присутствіе хлористой соли. 2) Хлористый барій далъ бѣлый осадокъ сѣрнокислаго барита, — это означаетъ присутствіе сѣрнокислой соли. 3) Сѣрнистый водородъ не сдѣлалъ никакого измѣненія ни въ самой разлагавшейся водѣ, ни даже въ водѣ по прибавленіи къ ней соляной кислоты, до реакціи кислой. Такая соль защищаетъ жителей отъ зобатости, лечитъ золотуху и ревматизмы; а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ и средство солить рыбу, образовавъ предварительно, выпариваніемъ, крѣпкій разсолъ. Присовокупляю, что вышеупомянутое разрушеніе льда, вѣроятно, происходитъ отъ известковой примѣси отъ грунта.

Примѣчаніе 2. Описаніе Мурскаго порога.

Выше деревни Голтявиной 8 верстъ, впадаетъ въ Верхнюю Тунгузку, съ лѣвой стороны ея, рѣка Мура. Эта горная рѣка для впаденія въ Тунгузку, вѣроятно, пробила утесы, потому что противъ ея устья, чрезъ все теченіе Тунгузки, лежитъ самый страшный изъ всѣхъ пороговъ, называемый Мурскимъ. Онъ особенно страшенъ при маловодьи, когда вода бьется объ утесистые, каменистые берега и далеко, далеко, по крайней мѣрѣ за 10 верстъ по теченію, несется шумъ этого порога.

Примѣчаніе 3. Описаніе солянаго озера и ключей по рѣкѣ Манзѣ.

Въ 50 верстахъ вверхъ по теченію рѣчки Манзы, впадающей съ лѣвой стороны въ Верхнюю Тунгузку, находится соляной ключъ, изъ котораго въ 10 саженяхъ образовалось озеро въ $4^1/_2$ сажени длиною, 2 сажени шириною и 1 аршинъ глубиною. Въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1860 года дошло до меня свѣдѣніе о вышеупомянутыхъ соляныхъ водахъ и приняты мѣры къ полученію воды для разложеній. Вода привезена была въ 2-хъ берестенникахъ: въ одномъ вода заключалась изъ озера, въ другомъ же изъ двухъ ключиковъ, вытекающихъ изъ большой горы на лѣвой сторонѣ противу озера и отстоящихъ между собою на 50-ть саженъ. Сожалѣю, что эта доставка воды сдѣлана не совсѣмъ такъ, какъ слѣдовало. А именно: во-1-хъ, ключъ, изъ котораго образовалось озеро, гораздо менѣе самаго озера, потому и надобно было взять изъ ключа, какъ заключающаго растворъ болѣе концентрированный и осаливающаго только воду озера; между тѣмъ какъ вода взята изъ озера. Во-2-хъ, что другая вода изъ двухъ ключиковъ собрана въ одинъ берестенникъ изъ обоихъ, а вѣдь можетъ быть, что одинъ изъ нихъ заключаетъ болѣе соли, чѣмъ другой, хотя гора-то одна, слѣдовательно и составъ долженъ бы былъ быть одинаковъ. По этому надобно будетъ сдѣлать командировку для болѣе точныхъ изслѣдованій, а пока сдѣланы разложенія и того, что̀ получено. Оказались слѣдующіе результаты, добытые тѣми же реагентами, которые употреблялись при разложеніи предъидущихъ соляныхъ водъ. А именно: вода изъ озера на вкусъ слабо солона, реагенты показали присутствіе поваренной соли и какой-то сѣрнокислой соли, а выпариваніе 1 ф. разсола дало только 45 гранъ поваренной соли и 13 гранъ сѣрнокислой (по кристалламъ) магнезіи (горькой соли). Вода же изъ ключей такъ солона, что непріятно брать въ ротъ, реагенты показали тоже поваренную соль и какую-то сѣрнокислую, а выпариваніе дало изъ одного же фунта 4 драхмы и 50 гранъ повареной соли и 1 драхму и 25 гранъ сѣрнокислой (по кристаллизаціи) магнезіи. Можно предположить, что и въ ключѣ, осаливающемъ озеро, изъ котораго доставлена (ошибкою вмѣсто ключа) вода, такое же должно быть обиліе солей, какъ и въ этихъ двухъ ключахъ. Замѣчу еще, что и относительное содержаніе соли поваренной къ прочимъ солямъ въ этихъ ключахъ, равно какъ и въ Чадобскомъ, благопріятнѣе, чѣмъ въ употребляемой въ Енисейскѣ соли, потому что въ

нашей соли примѣсей почти на половину противу поваренной собственно, а въ этихъ ключахъ только четвертая часть.

Примѣчаніе 4. Описаніе рѣки Чуны.

Рѣка Чуна, большая и весьма быстрая, течетъ она почти по одному направленію съ Верхней Тунгузкой, отдѣляясь отъ послѣдней только хребтомъ горъ; пространство, ихъ раздѣляющее, до 250 верстъ. Чуна беретъ начало свое въ Нижнеудинскомъ округѣ изъ подземныхъ ключей, тундристыхъ болотъ и рѣчки Чукши. За тѣмъ получаетъ названіе рѣки Уды, съ которымъ и подходитъ къ Енисейскому округу, гдѣ въ Пинчугской волости получаетъ названіе Чуны. Тутъ течетъ она между невысокихъ, валунами идущихъ горъ, по почвѣ мѣстами песчаной, но болѣе каменистой и принимаетъ между другими рѣчками Бунбуй и Невянку. Она глубока и имѣетъ одиннадцать, неподалеку одинъ отъ другаго стоящихъ, такихъ пороговъ, что опасно плаваніе чрезъ нихъ не только въ лодкѣ, но даже на плотѣ, который можетъ разорваться ребрами выставившихся сѣровидныхъ камней. Пороги эти никѣмъ не были описаны и носятъ болѣе названія тунгузскія. Вотъ они по порядку: 1) Ашимеръ, 2) Араканъ, 3) Тюменецъ, 4) Хоняньинъ, 5) Эчекутанъ, 6) Оранъ, 7) Араканъ малый, 8) Косой, 9) Соколъ, 10) Волгинъ и 11) Дуракъ. Острововъ на рѣкѣ почти нѣтъ и всѣ деревни расположены на берегахъ. Далѣе Чуна, которая шла, съ изворотами только, почти въ одномъ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ, на 800 верстъ, соединяется съ рѣкою Оной и составляетъ уже рѣку Тасѣеву. Послѣдняя скоро поворачивается на юго-западъ для сдѣланія большаго изгиба, излучиной къ югу по сѣверо-западному углу Канскаго округа и за тѣмъ, приподнявшись на сѣверо-западъ, впадаетъ, минуя стоящую на лѣвомъ ея берегу деревню Кандаки, въ Верхнюю Тунгузку. На 12-й верстѣ отъ устья ея устроенъ черезъ Тасѣеву перевозъ на пріиски южной системы.

На Чуну никто, конечно, не ѣздитъ, кромѣ чиновниковъ. Они могутъ попасть въ селенія, на ней расположенныя, тремя путями, смотря потому, откуда отправляются. Если изъ Енисейска, то надобно, поднявшись по Ангарѣ, войти въ Тасѣеву и, поднимаясь по ней, войти въ Чуну. Но этотъ, казалось бы самый естественный, путь неудобенъ для проѣзда, ни лѣтомъ, ни зимою, потому что на 300 верстъ отъ послѣдняго селенія по Тасѣевой до первой деревни по Чунѣ мѣста незаселенныя, пустынныя, гдѣ зимою не бываетъ и слѣда дороги, а лѣтомъ не всякому захочется противъ воды тащиться 300 верстъ, не встрѣчая человѣка.

Если же чиновникъ находится въ верхнихъ селеніяхъ Пинчугской, или въ волости Кежемской, то можетъ попасть съ рѣки Муры, для чего надобно изъ послѣдней въ верховья р. Муры деревни Коноваловской пуститься тайгой въ лѣтнее время верхомъ, а въ зимнее на саняхъ; путь волокомъ длится 100 верстъ и кончается въ дер. Березовской, для того, вѣроятно, и стоящей на правомъ берегу Чуны, потому что нѣтъ другихъ причинъ, тогда какъ напротивъ ея порогъ на р. Чунѣ и нельзя перебраться на лѣвую сторону.

Примѣчаніе 5. О каменной плитѣ.

Мы видѣли, что въ двухъ верстахъ отъ дер. Потоскуйной, по теченію рѣчки Ослянки, можетъ добываться въ большомъ количествѣ черная каменная плита, весьма годная для настилки половъ. Плиту эту не надобно смѣшивать съ другою плитою по Ослянкѣ же, но гораздо выше по теченію, которая тверда только въ водѣ, а отъ вліянія воздуха распадается и слѣд. для настилки половъ не годна. Въ 1857 году р. Ослянка вошла въ оброчную статью казенной палаты, а съ нею и эта каменоломня, и находящаяся неподалеку отъ Ослянки Точильная гора, на которой можно доставать отличный матеріалъ для точилъ. Не знаю, будетъ ли выгодно пріобрѣтать плиту въ Енисейскъ; съ поступленіемъ каменоломни въ оброчную статью. Но вотъ разсчетъ, по которому было бы пріобрѣтеніе ея очень выгодно для Енисейцевъ, гдѣ такъ дорогъ даже кирпичь: доставку плиты можно произвести лѣтомъ на плотахъ по Верхней Тунгузкѣ; для этого нужно никакъ не болѣе двухъ плотовъ. Каждый плотъ изъ 40 лѣсинъ, поднимающій тяжести до 400 пуд., будетъ стоить на мѣстѣ по 20 р. с.; рабочими могутъ быть крестьяне деревни Потоскуйной человѣкъ по 4 и по 5 на плотъ, плата которымъ не болѣе 15 р. на человѣка; расходы же на добычу плиты и свозку ея къ берегу должны быть особо. Если же подрядить крестьянъ деревни Потоскуйной для добычи и доставки плиты въ Енисейскъ, то обойдется аршинъ ея не иначе, какъ по 75 к. сер. Впрочемъ, лѣтомъ 1859 года, когда мѣсто это было уже взято въ оброчную статью, за одну ломку крестьяне брали по 25 коп. сер. съ аршина.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мы видѣли въ предъидущей главѣ, что при деревнѣ Каменкѣ впала р. Каменка. На систему этой рѣки, лѣтъ 15 тому назадъ, смотрѣли и частныя лица и правительство очами, полными ожиданія. Ея система золотоносна.

Впадая въ Тунгузку съ правой стороны, Каменка на большомъ пространствѣ опускается съ сѣвера и принимаетъ на срединѣ этого теченія справа рѣчку Удоронгу. Верхняя половина ея течетъ въ направленіи съ сѣверо-востока и на мѣстѣ измѣненія направленія принимаетъ съ запада (т. е. справа же) рѣку Удерей. По имени этой рѣки и южная система золотыхъ пріисковъ называется удерейскою, хотя сюда же приходятъ вершины Татарки, впадающей прямо въ Тунгузку и вершины Пенченги, одного изъ большихъ притоковъ Пита, впадающаго въ Енисей и составляющаго главную систему сѣверной золотопромышленной тайги. Но такъ какъ мы будемъ описывать золотопромышленныя системы ниже, то здѣсь и будемъ излагать рѣчки не по раздѣленію системъ на сѣверную и южную, а по системамъ рѣкъ.

Рѣка *Удерей.* Мѣсто, гдѣ онъ беретъ свое начало (вмѣстѣ съ вершинами Пенченги и Татарской), можно назвать возвышенною (примѣрно до 1,000 футовъ надъ Тунгузкою) мѣстностью, испещренною мелкими горами въ столь различныхъ направленіяхъ, что составляется настоящій лабиринтъ: это—горное сплетеніе, въ коемъ не замѣтно никакого общаго направленія кряжей. Можно, только по направленію рѣчекъ и сухихъ логовъ, отдѣлять мелкіе хребтики, пересѣкающіеся подъ различными углами, черезъ что между ними и образуются долины, по большей части съ ключиками. Форма этихъ горокъ свойственна только наносымъ породамъ, и особенно сланцевымъ, потому что онѣ большею частію продолговатыя съ полукруглыми скатами, тогда какъ при гранитѣ бываетъ болѣе выступовъ въ родѣ башень, а при волканическихъ преобладаетъ форма сопокъ. Склоны горокъ имѣютъ паденіе то одинаковое съ обѣихъ сторонъ, что чаще при малыхъ рѣчкахъ, то одинъ скатъ съ обнаженіемъ и утесами, другой пологій, какъ по рѣчкамъ большимъ, наприм. по Удерею и по Мурожной. Всѣ горки южной системы состоятъ по преимуществу изъ глинистыхъ сланцевъ, лежа-

щихъ слоями разнообразной толщины, отъ мелкихъ тонкихъ плитокъ до весьма толстыхъ пластовъ; горы покрыты у подошвы своей наносами, происшедшими отъ разрушенія составляющихъ оныя породъ—это нижній слой, а на верху — растительнымъ слоемъ, мѣстами образовавшимся отъ разрушенія тѣхъ же породъ.

Между горками образуются мелкія долины, замѣчательныя тѣмъ, что въ нихъ залегаютъ золотыя розсыпи и протекаютъ ключи и рѣчки. Величина долинъ отъ самыхъ малыхъ, именуемыхъ „ложками", достигаетъ отъ 5 верстъ даже до 100 длиною, а шириною отъ 4 саженъ развѣ только до 300. Но можно, пожалуй, отрицать высказанную нами и длину и ширину долинъ, потому что съ боковъ безпрестанно подходятъ горки и хребты, которыми перерывается протяженіе долинъ и онѣ съуживаются. Направленіе этихъ долинъ также безконечно различно, какъ и направленіе составляющихъ ихъ хребтиковъ и горокъ. Покрыты онѣ наносами, состоящими изъ разрушенія тѣхъ же горныхъ породъ, которыя находятся въ верховьяхъ рѣчекъ, ихъ орошающихъ, и въ скатахъ горъ, которыми онѣ составляются.

Таковъ характеръ мѣстности, дающій начало тѣмъ ключикамъ, ручьямъ и рѣчкамъ, по которымъ ищетъ человѣкъ золото. Но въ этомъ лабиринтѣ сходящихся, подъ разными углами, хребтиковъ и горокъ можно различить нѣсколько главныхъ хребтовъ, съ которыхъ берутъ начало главныя рѣчки. Самую главную возвышенность, лежащую въ вершинахъ *Удерея*, *Пенчени* и *Татарки* и служащую линіею водораздѣла, нельзя назвать горою, а это только самая высокая площадь въ этой мѣстности. Съ нея и беретъ свое начало рѣка Удерей. Четвертая же рѣка южной системы — Мурожная, отдѣляется особымъ хребтикомъ и небольшой Шаулоконскій хребетъ отдѣляетъ ея вершины отъ золотоносныхъ вершинъ рѣчки Шаулокона (притока вершины Удерея).

Къ общему характеру рѣчекъ и рѣкъ этой (южной) золотоносной системы надобно прибавить: во-1-хъ, что большія рѣки и въ нижнихъ теченіяхъ своихъ имѣютъ берега утесистые, а въ верховьяхъ, равно какъ и большая часть малыхъ рѣчекъ имѣютъ одинъ берегъ съ крутымъ паденіемъ, а другой — пологій, что, впрочемъ, очень часто смѣняется между собою. Во-2-хъ, количество воды въ большихъ рѣкахъ (въ среднемъ теченіи ихъ и въ лѣтнее время) незначительно, такъ напр. ширина бываетъ отъ 10 до 40 саженъ, при глубинѣ отъ $^1/_4$ аршина до двухъ и болѣе; малыя же рѣчушки, на которыхъ работаются промыслы, бѣдны водою и большая часть ихъ бываетъ шириною отъ 2 до 3 саженъ, при такой глубинѣ, что въ засуху лѣтнюю не достаетъ у нѣкоторыхъ всей массы воды на обращеніе колеса, котораго дѣйствіе

равнялось бы шести паровымъ лошадямъ. Въ-3-хъ, паденіе рѣчекъ бываетъ довольно большое, отъ чего и теченіе ихъ очень быстро.

Приступимъ теперь къ вычисленію притоковъ Удерея, начиная съ верховьевъ: 1) 2) и 3) послѣ разныхъ, мелкихъ, безъимянныхъ ключиковъ слѣдуетъ — *Туктулаевка*, *Гурàхта* (обѣ слѣва), и *Тактиганка* (справа). 4) За тѣмъ, съ пріисками теперь работающимися — ***Большой*** и ***Малый Шаулкòны*** (справа); 5) за тѣмъ, какъ центръ пріисковъ, теперь работающихся, ***Большой***, ***Малый*** и ***Среднiй Шааргáны*** (справа). 6) За тѣмъ Шалокитъ (слѣва) и отсюда внизъ золотоносныя розсыпи лежатъ уже по рѣчкамъ, впадающимъ въ Удерей слѣва. А именно: 7) ***Малая Пескина,*** замѣчательная тѣмъ, во-1-хъ, что по ней на Спасскомъ пріискѣ глинистый сланецъ начинаетъ мѣшаться съ тальковымъ и хлоритовымъ; во-2-хъ, замѣчателенъ по ней въ геогностическомъ отношеніи Якимовскій пріискъ Рязанова. Лежитъ онъ при подошвѣ горы съ огромной и далеко простирающейся кварцовой жилой. Жила эта первобытная. Видно какъ глинистый сланецъ снесло съ нее по скату и остались выдавшіяся массы кварца. Въ этомъ мѣстѣ массы сглажены вѣтрами и имѣютъ расщелины, потому что въ оставшихся голыми массахъ кварца вода находитъ крошечныя углубленія, застаивается въ нихъ, а отъ перемѣнъ температуръ съ теплой на холодную и на оборотъ производитъ болѣе и болѣе трещины на общемъ законѣ попеременнаго сжиманія холодомъ и сушью, а растяженія — тепломъ и сыростью. Далѣе же отъ ската къ самой вершинѣ идетъ жила кварца уже прикрытою породами и растительностію. У самой подошвы этой жилы, на пріискѣ прежде уже брошенномъ, добыли въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ 8 пуд. золота на самомъ маломъ пространствѣ, слѣдовательно это уже очевидный сносъ металла. Вообще, въ этомъ мѣстѣ глинистый сланецъ пропитанъ кварцомъ, даже въ малѣйшихъ промежуткахъ, такъ что мы находили тутъ преинтересные экземпляры. Принимая же въ соображеніе этотъ фактъ и нахожденіе въ другихъ мѣстахъ, какъ глинистыхъ сланцевъ, такъ и известняка съ прожилками кварцевыми, можно допустить, что, для такого проникновенія кварцомъ вышеприведенныхъ породъ, онъ долженъ былъ непремѣнно находиться въ жидкомъ состояніи, чтобъ такъ вдвинуться въ нихъ. Интересно бы въ вышинѣ этой горы очистить кварцъ, разсѣчь гору крестообразно и на узлѣ сдѣлать шурфъ. Замѣчу еще, что сопутствующая золоту и на сѣверной и на южной системахъ венисса находится въ этой системѣ едва замѣтною и подчиненною магнитному желѣзняку и сопровождаетъ черный шлихъ, тогда какъ на сѣверной она бываетъ большими кристаллами. Интересно бы также повторить, какъ можно основательнѣе, опыты Гофмана съ толченіемъ

кварца и глинистаго сланца, при чемъ онъ изъ послѣдняго получалъ золота гораздо болѣе; да, по моему мнѣнію, такъ и должно быть уже по одному обилію въ сланцѣ глиняныхъ примазокъ, всегда обилующихъ золотомъ, по удобопроницаемости этого вещества. 8) **Большая Пескина.** 9) **Мамонъ**, побольше предъидущихъ притоковъ Удерея и замѣчателенъ, между прочимъ, тѣмъ, что на Спасскомъ пріискѣ есть свинцовая руда, идущая далеко въ гору; изъ пуда свинцоваго блеска, тутъ полученнаго, извлекается $^1/_4$ золотника серебра. Тунгузы давно знаютъ это мѣсто и по случаю большаго затрудненія получать свинецъ, даже отъ недостатка его иногда въ казнѣ, приготовляютъ для своихъ винтовокъ пульки изъ этой руды. По Мамону же пришлось прослѣдить и присутствіе сѣрнаго колчедана. Его особенно много въ сланцахъ перегорѣвшихъ: въ однихъ кускахъ видны правильныя кубическія пустоты; въ другихъ—правильные кубики сѣрнаго колчедана; въ третьихъ—разложеніе его частицами съ переходомъ въ бурый желѣзнякъ; въ четвертыхъ—остался только пепельночерный налетъ, въ пятыхъ, что всего интереснѣе, оказались въ самой толщѣ кусковъ, при расколахъ ихъ, правильныя пустоты отъ бывшихъ кубиковъ сѣрнаго колчедана, тогда какъ и признаковъ бывшаго присутствія его не осталось; въ шестыхъ, наконецъ, съ подобными пустотами попались куски сланцевъ, менѣе плотные и болѣе слоистые, въ которыхъ отчетливо былъ видѣнъ налётъ, на обѣихъ сторонахъ междуслойной спайки, отъ выпаривавшагося чрезъ эти поры сѣрнаго колчедана.

10 и 11) Съ той же, лѣвой стороны, впадаютъ въ Удерей: **Юч-дадка** и **Шалокить.** А затѣмъ 12-я большая рѣка — **Ишимба;** ея вершины подходятъ къ вершинамъ самаго Удерея, помѣщаясь между ними и вершиной Малой Пенченги, идущей на сѣверъ для впаденія въ рѣку Питъ; въ Ишимбу съ лѣвой стороны, идя съ верховьевъ, впадаютъ сперва **Тыгинъ**, потомъ **Итыкитъ** и, наконецъ, **Чилипчанда.**

13-я изъ всѣхъ же дальнѣйшихъ притоковъ Удерея до самаго впаденія его въ Каменку стоитъ упомянуть только **Арламкулъ**, впадающій слѣва.

Этимъ мы окончили не описаніе Удерейской системы пріисковъ, а только описаніе системы водъ Удерея, какъ притока рѣки Каменки.

Продолжая же далѣе путь по Верхней Тунгузкѣ мы встрѣчаемъ на правой сторонѣ впаденіе рѣки „Рыбной“.

Эта рѣка Рыбная сближается вершинами своими съ верховьемъ Шаарганова (притоковъ Удерея), слѣдовательно беретъ начало съ золотосодержащихъ мѣстъ. Въ вершинахъ ея — 1) и 2) **большая и малая Талыя.** За тѣмъ — 3) и 4) слѣва **Афонькина**, а справа

Кривляжная. Первая рѣчка, поражающая глаза ѣдущаго въ первый разъ на пріиски, есть малая Талая: въ ней вы съ удивленіемъ увидите будто вмѣсто воды течетъ жидкое сусло, до такой степени мутною уже дѣлается вода ея отъ работающихся въ верховьяхъ пріисковъ. На ней, первый по пути, находится Рождественскій пріискъ компаній Рязановыхъ, удивляющій путника оригинальностью и новизною пріисковой жизни и дѣятельности. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что, подъѣзжая, вы видите бѣлую гору, — это отличнѣйшій известнякъ, разрушающагося свойства, изъ котораго получается лучшая известь.

Послѣ Рыбной впадаетъ Тасѣева, составившаяся изъ Чуны и Оны. А именно: Чуна, которая шла, изворотами только, почти въ одномъ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ, на 800 верстъ, соединяется съ рѣкою Оной и составляетъ уже рѣку Тасѣеву, скоро поворачивающуюся на юго-западъ для сдѣланія большаго изгиба, излучиной къ югу, по сѣверо-западному углу Канскаго округа и за тѣмъ, приподнявшись на сѣверо-западъ, впадаетъ, минуя стоящую на лѣвомъ ея берегу деревню Кандаки, въ Верхнюю Тунгузку, гдѣ на 12-й верстѣ отъ устья Тасѣевой устроенъ чрезъ нее перевозъ для проѣзда на пріиски южной системы. Но Тасѣева, прежде впаденія своего, принимаетъ съ лѣвой стороны еще въ Канскомъ округѣ чрезвычайно быструю рѣку Усолку, на которой Енисейцы еще въ 1641 году открыли соляные ключи. Тотчасъ за впаденіемъ Усолки (прежде называвшейся „Манза") съ правой стороны Тасѣевой очевидна переходная формація: толстые пласты крупно-зернистаго сѣраго песчаника переслаиваются съ тонкозернистыми сланцами. Скоро пласты сланцевъ дѣлаются совершенно вертикальными, получаютъ болѣе глины и измѣняютъ цвѣтъ изъ сѣроватаго въ красный. Здѣсь, очевидно, начинается область золотоносности. Что же касается до гранита, являющагося вполнѣ между рѣками Мурожной и Татарской, то надобно полагать, что и здѣсь онъ есть, но скрытъ. Потомъ еще, слѣдуя по Тасѣевой, можно видѣть, что обнаженія скрываются и выступаетъ сѣрый песчаникъ, ломаемый на точила. За нимъ является известнякъ сѣрый безъ окаменѣлостей (что̀ тутъ рѣдкость). За тѣмъ въ Казачинской уже волости, противу деревни Кандаковой, возвышается на правомъ берегу скала изъ прекраснаго глинистаго сланца. Потомъ обнаженій не видно вовсе, и за 60 верстъ отъ устья Верхней Тунгузки, какъ и выше упомянуто, р. Тасѣева впадаетъ въ нее. Тутъ Тунгузка разлита на 6 верстъ. Устье Тасѣевой, по измѣренію г. Гофмана, находится на 106,2 парижскихъ футовъ ниже г. Красноярска.

Она (или Іона) въ верховьяхъ называется Бирюсой, а Бирюса,

какъ извѣстно, составляетъ особую золотопромышленную систему Канскаго округа, называемую Бирюсинскою, не смотря на то, что тутъ приходитъ своимъ верховьемъ и съ притоками р. Канъ. Изъ рѣкъ въ нее впадающихъ больше другихъ Хорма (самая золотоносная), Тагулъ и Пойма. Сказаннаго объ этой рѣкѣ считаемъ достаточнымъ, потому что она не принадлежитъ къ Енисейскому округу и входитъ въ Пинчугскую волость только за тѣмъ, чтобы ниже Ѳединой деревни соединиться съ Чуной для составленія Тасѣевой.

Будемъ слѣдовать далѣе по Ангарѣ.

Между селомъ Рыбниковымъ и впадающей справа рѣкой *Чорной*, съ притокомъ Расохой, есть утесъ, голая стѣна котораго пачкается зеленымъ купоросомъ, выступающимъ изъ щелей. Мнѣ не удалось при путешествіи въ южную систему осмотрѣть это мѣсто; но, по увѣренію крестьянъ, тутъ есть мѣдная руда, что и интересно бы опредѣлить разшурфовкой.

За тѣмъ съ той же стороны впадаетъ сперва ***Малая Мурожная***, а потомъ ***Большая Мурожная***, имѣющая большое значеніе въ южной системѣ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа, потому что вершины отъ вершинъ Удерейскихъ отдѣляются только небольшимъ хребтикомъ. У Большой Мурожной различаютъ 2 вершины — правую и и лѣвую (1). ***Правая*** отличается въ настоящее время, какъ подходящая къ вершинѣ Шаулокона (притока Удерея), золотоносностью: въ нее впадаетъ слѣва ***Боровая*** (2), а справа ***Талая*** (3), ***Верхняя Подголечная*** (4) и ***Нижняя Подголечная*** (5). За тѣмъ въ Мурожную впадаютъ: справа ***Чамбукли*** (6); потомъ слѣва — ***Тюрпина*** (7) и справа — ***Безъимянка*** (8). По Большой Мурожной стоитъ обратить вниманіе на слѣдующее: во-1-хъ, по Талой, въ дополнительномъ пріискѣ къ Прокопьевскому Асташова, есть самый большой на южной системѣ пластъ въ 15 аршинъ; разрѣзъ этого пласта съ самыми разноцвѣтными глинами, полосы которыхъ идутъ сверху внизъ и пересѣкаются мягкими, какъ бы мыльными на ощупь бѣляками, гдѣ и золота вовсе нѣтъ. Во-2-хъ, есть въ вершинахъ Мурожной особая цѣпь горъ, называемая „гольцомъ", или голешною съизрѣдка только поросшими лѣсомъ вершинами, отъ чего и самое названіе. Гора эта то поднимается, то падаетъ. Паденія ея и у Талой и у Верхней Подголечной. А возвышенія всѣ состоятъ изъ мелкозернистаго зеленаго камня и возвышены, по вычисленію г. Гофмана, на 1,878 футовъ надъ Красноярскомъ. Въ-3-хъ, на Мурожной на Второпавловскомъ пріискѣ комп. Бенардаки есть самородочная мѣдь, лежащая на глинѣ и сланцахъ, особенно горѣлыхъ. Въ-4-хъ, стоитъ замѣтить, что глинистый сланецъ, какъ господствующая порода, пересѣ-

кается вблизи золотоносныхъ мѣстъ зеленымъ камнемъ, который мѣстами образуетъ самостоятельные холмы, а мѣстами измѣняетъ сланецъ, образуя особый минералъ, названный „хіастолитомъ". Въ-5-хъ, на Мурожной у дороги съ южной системы на сѣверную, на пріискѣ г. Латкина, выступаетъ явственно гранитъ, тогда какъ его до сего мѣста съ юга видно не было.

За тѣмъ, послѣ впаденія съ лѣвой стороны Тасѣевой (1), впадаютъ справа одна за другой рѣчки: *Петричева*, *Шелеметева* и *Рудакова;* а послѣ нихъ большая рѣка *Татарская*. На всемъ этомъ протяженіи Верхняя Тунгузка продолжаетъ исподоволь подниматься на сѣверъ со склономъ на западъ; потомъ, принявъ Татарскую, дѣлаетъ на этомъ самомъ мѣстѣ крутой склонъ на сѣверо-западъ и подъ 58°27′ широты соединяется съ Енисеемъ.

Вершины *Татарской* сходятся къ однѣмъ высотамъ съ Пенченгою и Удереемъ. Съ вершиною Татарской сходится впадающая въ нее рѣчка *Индыглы* и, соединясь, текутъ далѣе. За тѣмъ изъ притоковъ Татарки на нижнемъ теченіи впадаютъ слѣва рѣчка *Сухая*, а справа *Никулина* и *Расоха*, черезъ которую дорога въ Климовское (2).

Выйдя изъ Пинчугской волости и принимая слѣва рѣку Тасѣеву, а справа за нею *Петричеву*, *Шелеметеву*, *Рудакову* и *Татарскую*, Верхняя Тунгузка имѣетъ длинный утесъ черносѣраго и мелкозернистаго, въ тонкихъ пластахъ, известняка, содержащаго сѣрный колчеданъ, слюдистый по слоямъ; въ немъ есть также и жилы кварцовыя и нѣтъ вовсе окаменѣлостей. Такой известнякъ, составляющій оба берега Тунгузки, прекращается за 5 верстъ до соединенія ея съ Енисеемъ. А при впаденіи около порога выказывается свѣтлый и крупнозернистый гранитъ; изъ этого гранита составляются острова; да и самый порогъ, именуемый *Стрѣльскимъ*, составляется изъ того же гранита, пересѣкающаго рѣку поперегъ; тутъ русло Верхней Тунгузки изъ 4-хъ верстъ съуживается въ 1 версту, а гранитныя скалы, частію выступающія изъ воды, частію прикрытыя ею, дѣлаютъ это мѣсто столь мелкимъ и для плаванія такъ опаснымъ, что безъ опытнаго вожака и проплыть невозможно. Порогъ Стрѣльскій (3) производитъ скорѣе пере-

(1) Это названіе дано рѣкѣ отъ кочевавшаго тутъ съ своимъ родомъ тунгузскаго князя Тассея, покорившагося послѣ 1621 года и увлекшаго примѣромъ своимъ большія массы Тунгузовъ.

(2) Резиденція золотопромышленниковъ южной системы и съ нее идетъ зимняя дорога въ тайгу, лѣтняя же еще прокладывается.

(3) Отъ чего называется и деревня Усть-Стрѣлка, служащая складомъ хлѣбныхъ запасовъ для золотопромышленниковъ южной системы.

боръ, чѣмъ водопадъ. Такъ какъ для взаимосоединенія обѣ рѣки имѣютъ выгибы на западъ, то и образовался мысъ, на которомъ стоитъ деревня Усть-Стрѣлка, служащая для хлѣботорговцевъ однимъ изъ складочныхъ пунктовъ и лежащая на 174,2 фута ниже Красноярска. На правомъ же берегу Ангары, слѣдовательно противъ Стрѣлки, является снова тотъ же известнякъ, въ который мѣстами вторгается гранитъ, а въ одномъ мѣстѣ между гранитомъ и известнякомъ есть трещина, въ которой, какъ плодъ растиранія, лежитъ землистая масса съ гальками. По соединеніи обѣихъ рѣкъ въ одну, каменистость праваго берега пріостанавливается.

Предполагая возможность золотоносности на всей правой сторонѣ Енисея, между Татаркой и Питомъ, мы будемъ упоминать и небольшія рѣчки.

Верстъ болѣе 15 отступя, около деревни Абалаковой, является гранитъ мясно-краснаго цвѣта со вкрапленіемъ роговой обманки. Далѣе черезъ 3 версты справа впадаетъ рѣчка Костылевка. Далѣе черезъ столько же верстъ слѣва рѣчка *Бурмакина*, противу которой есть не совсѣмъ безопасный для плаванія *Бурмакинъ камень*. За тѣмъ впадаютъ съ правой стороны рѣка Рудакова съ притоками Дворцовой, Черной и Бобровой. За тѣмъ рѣчка Колесникова, потомъ Каменка, потомъ Зырянка.

Къ сѣверу отъ города Енисейска вступаетъ Енисей въ волость Анцыферовскую и общее направленіе имѣетъ на сѣверъ. Теченіе его по этой волости считается на 430 верстъ. Всѣ селенія стоятъ по лѣвой сторонѣ Енисея, за исключеніемъ подгородныхъ, да основанныхъ для себя золотопромышленниками; тѣ уже на правомъ берегу. Къ подгороднымъ я отношу: *Нифантьеву* (противъ Енисейска) съ заведеніемъ компаніи Красильникова для складки припасовъ и отправки на пріиски по дорогѣ, тутъ и начинающейся, *Яркову, Ерыкалову, Ожигову. Чупрову, Ханжину, Самойлову*, *Подтесову* и *Черменину*, недалеко отъ впадающей рѣчки Черменки. Станки же идутъ по лѣвой сторонѣ. 1-й черезъ 12 верстъ отъ города—деревня *Усть-Кемская*, оставивъ на ближней къ городу половинѣ деревню *Телкину*. 2-й станокъ—деревня *Пагадаева* черезъ 27 верстъ, а въ промежуткѣ деревни: *Шадрина*, *Комаръ* и *Паршина*. Надобно также упомянуть стоящее противу Пагадаевой *Зотовское заведеніе*, могущее быть прекраснымъ мѣстомъ складки припасовъ, съ лѣта доставленныхъ туда на плотахъ; а перевозка зимою на пріиски отсюда удобна, потому что обѣ дороги, старая и новая, проходятъ на пріиски неподалеку. 3-й станокъ черезъ $12^1/_2$ верстъ—деревня *Баженова*, подходя къ которой Енисей отворачивается на востокъ и, принявъ съ

правой стороны, слѣдовательно почти противъ Баженовой, рѣку *Черную*, круто поворачиваетъ на западъ ([1]). Правый берегъ р. Черной составляетъ горная (футовъ въ 200) возвышенность, которая провожаетъ и правый берегъ Енисея по теченію. Горы эти состоятъ изъ сіенита, цвѣтъ которому сообщается большими полевошпатовыми кристаллами мяснокраснаго цвѣта. Черезъ Черную идутъ обѣ старо и новонифантьевскія дороги. 4-хъ станокъ черезъ 25 верстъ (по счету жителей) — *Анцыферовская волость* (д. Анцыферова). Почти противъ нея впадаютъ справа рѣки Кытынча и Маркова. 5 и 6 станки — деревня *Михалева* и село *Пятницкое*, на пространствѣ до 38 верстъ. Тутъ недалеко деревня *Нижне-Усть-Питская*. А потомъ справа впадаетъ рѣка Питъ, у устья которой стоитъ также деревня, служащая и мѣстомъ складки товаровъ, особенно хлѣба, на случай надобности въ лѣтней отправкѣ на пріиски. Тутъ мы остановимъ свое путешествіе по Енисею для того, чтобы прослѣдить, какъ должно, всю водную систему, знаменитаго золотоносными розсыпями, Пита. По имени этой рѣки и сѣверная система золотыхъ пріисковъ названа „Питскою", хотя вѣрнѣе бы назвать „Тейскою", потому что болѣе пріисковъ по системѣ р. Теи съ ея притоками, впадающей въ Вельму, которая вливается въ Подкаменную Тунгузку. Нѣкоторые изъ притовъ Пита, къ югу лежащихъ, наприм. Пенченги Большая и Малая, принадлежатъ къ южной системѣ, такъ что будто Питъ составляетъ границу между обѣими системами. Словомъ, хоть и можно южную систему отдѣлить отъ сѣверной слѣдующими границами: съ запада и сѣверо-запада Енисеемъ, съ юга, юго-востока и востока Средней Тунгузкой, съ сѣвера Питомъ; но такъ какъ къ югу отъ Пита много остается мѣстностей неизвѣданныхъ, то и съ южной системы идутъ съ каждымъ годомъ на сѣверъ новыя заявки пріисковъ, такъ что, можетъ быть, скоро и обѣ системы сольются, при чемъ уже раздѣленіе на системы для управленія, навѣрно, измѣнится и будетъ соотвѣтствовать системамъ рѣкъ. Сѣверной же, или Питской, системой называется теперь не водная система рѣки Пита, а все пространство, на сѣверъ отъ него лежащее, до Подкаменной Тунгузки и съ запада обрамленное Енисеемъ.

Горы Каламинскія и особо стоящая гора Чирада составляютъ центръ высотъ, дающихъ начало ручьямъ и рѣчкамъ, которые, мало по малу сливаясь между собою, составляютъ тѣ рѣки, изъ которыхъ: направившихся съ южныхъ скатовъ на югъ, составляется Питъ, впадающій въ Енисей, а изъ стекшихъ сѣверныхъ скатовъ и направившихся на сѣ-

([1]) Здѣсь спирается ледъ, что можетъ помогать появленію наводненій.

веръ — рѣка Вельма, впадающая въ Подкаменную Тунгузку. И такъ, Питъ беретъ начало свое съ южныхъ склоновъ этихъ горъ. Его составляютъ въ началѣ два главныхъ притока: болѣе съ сѣверо-запада идущая рѣка *Чиримба* и болѣе съ сѣверо-востока идущая рѣка *Вангаша*. Въ мѣсто расхожденія ихъ приходитъ съ сѣвера Енашимо (главный притокъ Теи) съ своими притоками и по преимуществу съ верховьями Калами. Чиримба считается главною противу Вангаши и, соединясь съ послѣднею, рѣка продолжаетъ среднее между ними направленіе на юго-востокъ, но сохраняетъ названіе Чиримбы до самаго впаденія въ Питъ, продолжающійся далеко на востокъ. Замѣчательно, что часть Пита, которая идетъ отъ соединенія съ Чиримбой, не входитъ въ составъ золотопромышленной системы, отчасти можетъ быть и потому, что еще не изслѣдована. По крайней мѣрѣ для гг. золопромышленниковъ, въ настоящее время, со впаденіемъ Чиримбы кончается и пріисковая Питская система, какъ будто далѣе нѣтъ уже Пита.

Опишемъ Вангашу и Чиримбу особо. Нѣсколько отступя отъ отклонившейся на востокъ вершины Вангаши, впадаетъ въ нее съ правой стороны *Актоликъ*, берущій начало тремя вершинками съ горы дѣленія водъ, какъ разъ въ срединѣ между вершинами съ сѣвера Севагликона и съ юга Калами, богатѣйшими притоками Енашимо. Потому и розсыпи по Актолику отличаются золотоносностью. По лѣвому истоку Актолика глинистый сланецъ со слюдою и толстыя жилы кварца со стекляннымъ блескомъ; по среднему — сланецъ слюдяной, а по правому и глинистый, и слюдяной; средній истокъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что у пріиска Екатерининскаго въ сланцѣ есть жила кварца, занозистаго излома, отдѣляющаяся вывѣтреннымъ сланцемъ отъ другой жилы, похожей на песчаникъ, и состоящей изъ измельченнаго воздухомъ, выступа гранита. За тѣмъ слѣва противъ Актолика впадаетъ *Олондыкòнъ*. Потомъ справа *Кококò* и *Шевандàкъ;* слѣва *Кòгня*, *Когàй*, *Мыданъ*, *Большой Количикàнъ* и *Малый Количикàнъ*.

Чиримба въ верховьяхъ своихъ, болѣе на западъ отклоненныхъ, не представляетъ ничего особеннаго. Важнѣе впадающая въ нее рѣка *Еруда*, какъ приближающаяся въ золотосодержащимъ вершинамъ Гурахты и Калами, въ нее впадаетъ съ востока рѣка *Талая*; за тѣмъ по соединеніи Еруды съ Талою впадаетъ справа (т. е. съ запада) рѣчка *Маякòнъ*.

Чиримба какъ рѣка, составившаяся уже изъ верховьевъ Чиримбы и изъ Вангаши принимаетъ въ себя: слѣва Когай, Таврикъ, Педунъ и Морокъ: Сама Чиримба и притоки собственно ея, а не Вангаши и не Еруды, золотыми розсыпями не обильна и долина ея отличается чер-

нымъ сланцемъ, переходящимъ въ свѣтлый и ноздреватый; гранита же не видно.

За тѣмъ Питъ дѣлаетъ небольшую излучину къ югу и принимаетъ въ ней, съ лѣвой стороны, р. *Горбилокъ*, текущую къ Питу съ юго-востока и принимающую: сперва *Кочѐнду* справа; потомъ слѣва Тужимо̀, съ притоками лѣвыми *Могдохдкъ*, *Ольмонакѝнъ* и *Невдкта*; за тѣмъ слѣва же *Ломанчиканъ*, а справа еще *Коченду* и *Ириптыиу*.

За тѣмъ будетъ переборъ лѣсами, да горами, да рѣчками съ сѣверной системы, съ Пита, на южную. Тутъ по лѣвому берегу Пита есть бѣлый плотный известнякъ, лежащій толстымъ слоемъ въ глинистомъ сланцѣ. Далѣе топкое болото, которымъ какъ будто отдѣляются сланцевыя горы отъ горы появившагося гранита, что̀, по вычисленію г. Гофмана, на 1033,5 фут. выше Красноярска. Гранитъ этотъ состоитъ изъ полеваго шпата свѣтложелтаго цвѣта, роговой обманки, черной слюды и бѣлаго кварца. Потомъ, приближаясь къ рѣкѣ Пенченгѣ, гранитъ исчезаетъ и по долинѣ Пенченги черный сланецъ переходитъ только въ свѣтлый, а за тѣмъ у Момона является глинистый сланецъ съ кварцевыми жилами.

Со впаденія Горбилока Питъ поворачиваетъ на западъ и, дѣлая множество разнообразныхъ извилинъ, сохраняетъ общее направленіе свое на западъ до самаго впаденія въ Енисей. Тутъ, неподалеку отъ Горбилока, съ лѣвой же стороны впадаетъ рѣка *Пенченга*. Гдѣ, на какихъ высотахъ и съ какого склона беретъ она свое начало—мы уже знаемъ изъ описанія южной системы пріисковъ (т. е. Удерейской). Составляется она изъ двухъ главныхъ вѣтвей, изъ которыхъ западная, сходящаяся съ вершинами Татарской, называется „Большой Пенченгой", а восточная, сходящаяся съ притокомъ Удерея-Ишимбой, называется „Малою Пенченгой". Провожается Пенченга, верстъ на 40, особымъ хребтомъ горъ, называемымъ „Пенченскимъ". Есть по Пенченгѣ известняки, только не разрушистые, плотные, цвѣта сѣроватаго, въ известь негодные. И Большая, и Малая Пенченги отличаются особенною шириною долинъ. Притоки: сперва Большая Пенченга принимаетъ Кочню и Бельтоганъ; потомъ, соединясь съ Малою Пенченгой, принимаетъ *Чилько* справа, *Томпо* и *Оллоноконъ* (слѣва), *Эно, Хюна* и *Рюна* (справа). Зимою 1859 г. получено мною преинтересное свѣдѣніе о томъ, что въ окрестностяхъ Ивановскаго пріиска компаніи Рязановыхъ по ключику, впадающему въ Пенченгу, Тунгузы открыли гору свинцовой руды.

По впаденіи Пенченги Питъ принимаетъ справа *Таврикъ*; слѣва *Аяхту*, справа *Понимбу*, которая вершинами сходится съ вершинами Чиримбы, слѣдовательно спускается съ сѣвера на югъ, склоняясь нѣ-

сколько на востокъ и принимаетъ въ себя слѣва *Шалокитъ* и *Кадру*, а пониже Шалокита пересѣкаетъ Понимбу старонифантьевская дорога, переходящая черезъ Чиримбу, Ерузу, Талую и вершину Калами. Потомъ тутъ принимаетъ слѣва *Кадру* съ притоками: *Нижнимъ* и *Верхнимъ Севаглікономъ*, а также *Кандышимо*, противу которой справа *Вегуду*, а за него рѣчушку *Уруми* и рѣку *Брянку*. Черезъ Вегуду в Брянку идетъ старонифантьевская дорога. Зимовье на устьѣ Брянки всегда играло роль, потому что съ него дорога поворачивала въ тайгу, тогда какъ до того шла Питомъ и правымъ его берегомъ. За тѣмъ: слѣва *Мужекъ*; справа *Алендаха*, рѣка болѣе даже Вегуды и не менѣе Понимбы; слѣва *Аганъ*; справа *Аку*; слѣва *Топканъ* и *Немчаны*; справа *Тилиптунъ*; слѣва *Малашникоръ*; справа *Малая* и *Большая Каимбы*; слѣва *Югарь* и *Хомолъ*; справа *Хомокъ*; наконецъ слѣва весьма большая рѣка „*Сухой Питъ*", вершины котораго находятся далеко на востокѣ, съ сѣвера противу вершинъ Большой Пенченги теченіе направляется съ востока на западъ и на мѣстѣ изгиба на сѣверъ, для впаденія въ сдѣланную Питомъ большую излучину на югъ, принимаетъ слѣва „Большую Огнё", а за тѣмъ „Малую Огнё". Послѣ Сухаго Пита впадаетъ въ Питъ справа: *Юлаги*, *Тынтынды*, *Курары*, *Каникичъ*, *Таврикъ* и *Ключикъ Точильный*.

Всѣ эти притоки Пита, послѣ Пенченги, до сихъ поръ не получили значенія по золотоносньмъ розсыпамъ, но въ настоящее время имѣютъ значеніе, потому что лежатъ по дорогѣ на пріиски, и безъ знанія ихъ будетъ потомъ непонятно описаніе дорогъ пріисковыхъ. А это имѣетъ теперь въ Енисейскѣ современный интересъ. Питъ же, кромѣ того, годенъ болѣе или менѣе и для лѣтней доставки припасовъ; она производится на палубныхъ лодкахъ, которыхъ съ 1854 до 1859 года ушло къ пріискамъ съ устья 500.

Будемъ опять продолжать путь по Енисею.

7-й станокъ—деревня Гурина, черезъ 25 верстъ, но, не доплывая его и нѣсколько ниже устья Пита, только съ лѣвой стороны, какъ и всѣ станки, стоитъ *Голубковское заведеніе*, также съ цѣлью складовъ. 8-й станокъ—деревня *Савина*—по почтовому разсчету черезъ $25^1/_2$ верстъ, по счету туземцевъ черезъ 40 верстъ ([1]). На срединѣ этого станка съ лѣвой же стороны впадаетъ рѣчка Половинная, а у деревни—рѣчка Савина. Съ правой же стороны, почти противъ Половинной, впадаетъ рѣка Кій, имѣющая теченія верстъ на 150; на нее обращаютъ уже вни-

([1]) Такое большое различіе зависитъ отъ того, что крестьяне считаютъ версты на береговомъ протяженіи, а не съ мыса на мысъ прямо, какъ почтовые тракты считаются, а также и не по зимней дорогѣ.

маніе нѣкоторые золотопромышленники. По правому берегу Енисея, бывшаго нѣкоторое пространство передъ тѣмъ пологимъ, является отдѣльными обломками красный и бѣлый песчаникъ. Далѣе, вверхъ по теченію, возвышаются по правому берегу мѣстами скалы, мѣстами каменные острова, называемые „кармакулами". Составомъ тѣхъ и другихъ служитъ гранитъ крупнозернистый, свѣтлосѣраго цвѣта.

9-й станокъ—деревня *Остяцкая* (черезъ 32 версты). Жители деревни Савиной и Остяцкой попеременно отправляютъ гоньбу. 10-й—деревня *Холмогорова* (черезъ 10 верстъ). 11-й — деревня *Пономарева* (черезъ 10 верстъ). 12-й — село *Назимовское* (черезъ 21$^1/_2$ версту по почтовому и 25 по счету жителей). На всемъ этомъ протяженіи впадаютъ справа рѣчки: *Холмогоровка*, *Тырынина*, *Вятка* (у которой заведеніе компаніи Лопатина и съ него идетъ особая дорога на Калами) и рѣчка *Немтиха;* а слѣва: рѣчка *Чиктоклетка*, ключь *Пропускной* и рѣчка *Варушина*.

Здѣсь мы опять пріостановимъ путь по Енисею. Противъ села Назимовскаго впадаетъ съ правой стороны большая рѣка *Тиссъ*. Слѣва Тисса, при устьѣ его, расположенъ важный въ дѣлѣ золопромышленномъ и торговомъ „*Ермакъ*". Подплывая къ станку Назимовскому, съ удивленіемъ видитъ путешественникъ, будто на правомъ берегу набросано нѣсколько дачъ. Это отъ того, что тутъ нѣтъ улицъ, а остаются пустыя мѣста, какъ бы площади, между строеніями самыми разнообразными, отъ небольшихъ кухонныхъ домиковъ до трехэтажныхъ господскихъ палатъ, отъ различныхъ навѣсовъ до огромнѣйшихъ зданій съ амбарами и сараями. Эта странная и разнообразная, невиданная нигдѣ, пестрота образовалась слѣдующимъ образомъ: мѣсто это избрано было въ самомъ началѣ, въ разгаръ золотопромышленности, центромъ, въ который сплавлялись лѣтомъ годовые запасы муки, овса и прочихъ пріисковыхъ потребностей, потомъ тутъ же скоплялось сѣно. Ермакъ сдѣлался мѣстомъ зимовки пріисковыхъ лошадей; за тѣмъ отыскались по Тиссу сѣнокосы, разобранные немедленно въ оброчныя статьи, а потомъ естественно понадобилось сосредоточить тамъ главныя конторы, что нѣкоторыми (компаніей Голубкова и Кузнецова, компаніей Пермикина) и было выполнено. Такимъ образомъ Ермакъ сдѣлался свидѣтелемъ и труда для пріобрѣтенія денегъ и разгула для разбрасыванія ихъ. Вмѣстѣ съ началомъ устройства Ермака, приступлено и къ проведенію дороги для возки кладей зимою и для ѣзды верхомъ лѣтомъ; пошла она сперва правымъ берегомъ Тисса прямо на востокъ, потомъ отъ угла, дѣлаемаго Тиссомъ (потому что вершина его, начавшись сѣвернѣе, подходитъ къ главному руслу съ сѣверо-запада), дорога идетъ

волокомъ до Наготы, притока Теи, потомъ по Наготѣ, и переправясь черезъ Тею, опять волокомъ на Енашимо. Здѣсь кстати прибавить, что изъ притоковъ Тисса замѣчательна Тайменка, довольно большая рѣка, впадающая слѣва на ближайшей къ устью 6-й части Тисса. Вышеописанная дорога называется и Ермаковскою и Голубковскою. Послѣднее названіе весьма справедливо, потому что: во-1-хъ, земля взята въ оброкъ у Назимовцовъ и положено первое основаніе Ермака въ 1840 году компаній Голубкова и Кузнецова; во-2-хъ, на первое проведеніе этой дороги въ 1840 году ассигновано изъ компаніи Голубкова 2,000 руб. сер., да въ 1841 году еще 2,000 руб., кромѣ постройки зимовьевъ. Примкнувшіе сюда же послѣ 1841 года другія компаніи могли участвовать только въ поддержаніи дороги, а не въ трудахъ и тратахъ первоначальнаго проведенія, для чего требовалось: вырубать вѣковые лѣса и строить по непроходимымъ болотамъ гати и мосты. Съ паденіемъ нѣкоторыхъ золотопромышленныхъ компаній упразднились и резиденціи ихъ, пріутихъ и шумъ жизни, — и въ послѣдніе годы Ермакъ начинаетъ переходить въ руки торговцевъ, занимающихся доставками на пріиска. Теперь тамъ слѣдующія резиденціи: 1) Главная контора только одна — наслѣдницъ Голубкова и Кузнецова. 2) Резиденціи Малявинскаго и Базилевскаго. 3) Компаніи Пашкова. 4) Компаніи Горчаковой. 5) Компаніи Паткуль. 6) Компаніи Красильникова. 7) Коновалова. 8) Резиденція компаніи Горохова, теперь въ рукахъ купца Баландина. 9) Резиденція компаніи Соловьева — въ рукахъ купца Каминера. 10) Самаго купца Каминера. Потому купцы теперь, закупивши хлѣбъ въ Минусинскѣ, сплавляютъ мимо Енисейска прямо на Ермакъ и складываютъ тамъ до зимы; а зимою отсюда ближайшая и прямая дорога на золотоносные притоки водной системы Подкаменной Тунгузки. Присутствіе тутъ болѣе образованнаго люда оставило и слѣды свои, а именно, въ то время, какъ посѣвы ржи кончаются уже селомъ Назимовскимъ, а ярицы и ячменя нѣсколько ниже деревни Вороговской, — на Ермакѣ было въ 1857 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, распахано 7 десятинъ и посѣяно овса 120 пуд., а въ августѣ сжато 6,000 сноповъ, изъ которыхъ за исключеніемъ потери при сжатіи, при молотьбѣ и вѣяніи, получено чистаго овса 900 пуд.; слѣдовательно, есть непремѣнная возможность къ разведенію тутъ овса, только крестьяне (жизнь которыхъ извратилась отъ особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ скажу въ слѣдующихъ частяхъ труда моего), врядъ ли займутся этимъ. Прибавлю еще, какъ новѣйшую вѣсть, что около устья Тисса сдѣлана заявка пріиска Асташовымъ, а по теченію Тисса и по р. Волоковой, впадающей въ него слѣва, во 100 верстахъ отъ устья Тисса будутъ отводиться 6 пріисковъ купцу Тарасову.

13-й станокъ—деревня *Сергѣева* (черезъ 20 верстъ). Здѣсь однимъ россійскимъ богатымъ крестьяниномъ, занимающимся тутъ перевозками тяжестей, сдѣланы удачныя попытки засѣвовъ овса и пшеницы. Къ сѣверу отъ этой деревни впадаетъ справа р. Гаревка, замѣчательная тѣмъ, что по ней, верстахъ въ 70 (примѣрно) отъ устья, есть пріиски съ достаточной золотоносностью г. Чечурова, да въ 1859 г. отведены два пріиска компаніи Бенардаки и одинъ—г. Абазѣ, въ 1860 же году будетъ сдѣланъ отводъ г. Богомолову. Гаревка и Тиссъ берутъ начало съ одного хребта, называемаго Гаревскимъ; по перевалѣ же черезъ хребетъ встрѣчается р. Чапа, идущая въ этомъ мѣстѣ параллельно съ хребтомъ. Жаль, что дорога къ пріискамъ проложена черезъ гористую мѣстность съ Тисса, тогда какъ необслѣдованы хорошо низовья Гаревки и еслибъ они оказались годными къ сплаву хлѣба на плотахъ или въ мелкихъ лодкахъ, это было бы прекрасно, потому что избѣжали бы страшной дороговизны зимнихъ доставокъ.

14-й станокъ черезъ 30 верстъ—деревня *Шадрина*, а въ 5 верстахъ противъ нея впала въ Енисей справа рѣка *Касъ*. 15-й черезъ 14 верстъ (по счету жителей)—деревня *Серебренникова*. 16-й черезъ 30 верстъ—село *Ярцовское* (Ярцово). Въ этомъ селѣ есть оцѣнка того, до какой степени низокъ тутъ лѣвый берегъ Енисея, особенно въ отношеніи весеннихъ подъемовъ водъ этой рѣки: въ 1800 году напоромъ льда, при большомъ весеннемъ наводненіи, снесло деревянную церковь вмѣстѣ съ колокольнею. Въ 8 верстахъ отъ этого села впадаетъ въ Енисей, съ лѣвой стороны, довольно большая рѣка *Сымъ*, по которой выходятъ только Тунгузы, Милицкаго рода и Сымскокасавской управы, на свои сугланы.

17-й черезъ 40 верстъ по счету жителей и 28 только по почтовому росписанію—деревня *Никулина*, недалеко отъ которой впадаетъ справа рѣчка *Суртиха*. Тутъ правый берегъ, бывшій передъ тѣмъ нѣкоторое пространство отложе и менѣе каменистымъ, теперь начинаетъ снова возвышаться и чѣмъ далѣе къ такъ называемому „камню“, тѣмъ болѣе спускается къ Енисею отвѣсными массами, которыя большею частію голы, мѣстами покрыты мхомъ, мѣстами изъ трещинъ ихъ выставляются тощія березы. 18-й, при такомъ видѣ береговъ, черезъ 30 верстъ, встрѣчаемъ зимовье „*Тонкое*“. 19-й черезъ 25 верстъ—деревня *Зотина*. Съ этого мѣста, Енисей начинаетъ расширяться. Противу деревни имѣются, къ правой сторонѣ, острова Еловецъ и Парусокъ съ каменистымъ грунтомъ. Въ двухъ верстахъ ниже деревни впадаетъ слѣва рѣка *Дубчесъ;* тутъ по обоимъ берегамъ есть уже каменья, но плаванію они не мѣшаютъ. За впаденіемъ Дубчесы Енисей имѣетъ ши-

рину до 3-хъ и до 4-хъ верстъ. На 10-й верстѣ впадаетъ въ Енисей слѣва рѣчка *Тагулка*, замѣчательная тѣмъ, что въ ней вода течетъ краснобураго цвѣта и не смотря на незначительность ея русла, а слѣдовательно и количества вливающейся воды, цвѣтъ ея держится у берега Енисея и исчезаетъ развѣ верстъ на 50 ниже устья; очень сожалѣю, что обстоятельства не дали мнѣ возможности осмотрѣть верховья этой рѣчушки. 20-й — за тѣмъ на 14-й верстѣ — село Дубческое (по просту Ворогово).

Здѣсь кончается волость Анцыферовская, только и имѣющая селенія по теченію рѣки Енисея. Пороговъ на немъ въ этой волости нѣтъ, кромѣ отдѣльныхъ кармакуловъ. Переправъ нѣтъ, кромѣ Кемьской. Островъ до 15, затопляемыхъ весною. На этомъ пространствѣ Енисей, для сплава судовъ и барокъ, очень удобенъ. Идутъ они съ грузомъ большею частію на Ермакъ или изъ Минусинска прямо на проходъ, или уже перехваченныя около Енисейска, къ которому скупщики не даютъ приставать, потому что въ городѣ скупъ уже не дозволятъ, пока неуничтожится потребность мелочныхъ закупокъ для текущихъ домашнихъ потребностей. Съ 1854 до 1859 года проплыло внизъ судовъ 60, барокъ 850 и лѣсныхъ плотовъ съ грузомъ 690. Есть 2 колесчатыхъ мельницы по рѣчкѣ Анцыферовкѣ. Изъ селеній только 10 стоятъ на правомъ берегу, да и то 9 ближайшихъ къ городу, а 10-е на устьѣ Питта. Остальныя 24, изъ коихъ 5 селъ, стоятъ на лѣвомъ берегу. Въ нихъ жителей считается по послѣдней ревизіи 1,576 мужчинъ и 1,660 женщинъ, не считая разночинцевъ 50 мужчинъ и 60 женщинъ, бродячихъ Тунгузовъ 148 мужчинъ и 83 женщины, осѣдлыхъ Остяковъ 9 мужчинъ и 13 женщинъ, да поселенцевъ 227 мужчинъ и 194 женщины. Всѣхъ домовъ 786. Все же остальное пространство волости, могущее вмѣстить до 5,319,750 квадратныхъ десятинъ, или 63,830 квадратныхъ верстъ, остается или съ болотами между горныхъ валуновъ (какъ по большей части пространство къ западу отъ Енисея), или на правой съ каменистыми горами и дремучими лѣсами, обитаемыми звѣрями; да тамъ и сямъ кое-гдѣ пройдетъ дикій Тунгузъ, или протащится поисковая за золотомъ партія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бытовая сторона золотыхъ пріисковъ.

Все пространство между Верхней и Средней Тунгузками составляетъ мѣсто енисейской золотопромышленности. Все это пространство покрыто дремучими лѣсами—тайгой. Природа пріисковыхъ мѣстъ представляетъ сѣть горокъ и холмиковъ, взаимно пересѣкающихся подъ самыми разнообразными углами. Между ними, кромѣ главныхъ хребтиковъ, вы не найдете никакого общаго направленія — это настоящій лабиринтъ. Съ этихъ-то горокъ и возвышеній и беретъ начало то безчисленное множество рѣчекъ и ручейковъ, которые бѣгутъ и извиваются по впадинамъ и долинкамъ.

Ручейки эти часто бываютъ такъ малы, что не видно ихъ теченія. Они пробираются подъ зыбучими мхами и валежникомъ, покрывающими все пространство и задерживающими всюду подъ собою никогда не просыхающую воду.

Земля промерзаетъ отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ, а мѣстами только до $^1/_4$ аршина.

Температура мѣняется своенравно: съ апрѣля по октябрь то опускается до 8° Р., то поднимается до + 38° Р., среди іюня, какъ лучшаго мѣсяца, бывали, въ 2 часа по полуночи, холода, которые достигали до —10° Р. и губили молодыя деревья. Зимняя температура постояннѣе; сильные холода, т. е. 40°, случаются, но непродолжительны.

Снѣга бываютъ чрезвычайно глубоки. Нерѣдко бываютъ вьюги и мятели дня по три и вообразите, какую кашу должно произвести таяніе снѣга, когда и почва-то сама тундриста.

Правда, что солнышко грѣетъ сильно и горячо; земля растаяваетъ аршина на два, но все таки остается мерзлый слой. Такъ съ весны; а осенью, напротивъ, быстро бѣгущіе ручьи не допускаютъ скораго замерзанія.

Потому во всякое время такъ много сырости въ воздухѣ отъ испареній, что, спустясь съ горы въ ложбину, вы можете возвратиться съ такимъ мокрымъ платьемъ, что его хоть выжимай.

Болотистость мѣстности такъ велика, что, свирѣпствовавшіе лѣтомъ 1859 года, пожары, распространяясь на тысячеверстныя пространства къ востоку отъ Енисея, занимали болѣе кряжи, чѣмъ логовины; мѣста болотистыя оставались нетронутыми даже и на горахъ и пожаръ, обходя болота, лежащія по сторонамъ пріисковъ, жался къ самымъ пріискамъ и угрожалъ даже имъ опасностію.

Но не вездѣ такъ глубока тайга, какъ на сѣверной системѣ. На южной она гораздо суше; въ ней пожаръ ходилъ и по долинамъ не только въ 1859 году, но и въ предъидущіе годы, такъ что во время моего путешествія, въ августѣ 1859 года, я видѣлъ, что долины начали покрываться молоденькими гибкими березками, на мѣстахъ прежде бывшаго мрачнаго и стараго и чернолѣсья (¹).

Эти-то пожары и ознакомленіе съ тайгой человѣка-искусника много устранили ея опасностей и мрачности, по крайней мѣрѣ вблизи, теперь уже разработывающихся, пріисковъ.

Такъ что лѣса около ихъ частью потерпѣли отъ пожаровъ, частью вырублены для построекъ, отопленія и паровыхъ приводовъ у механизмовъ, болота очищены и осушены и большимъ доступомъ солнца при открытости мѣстъ, и болѣе свободнымъ проникновеніемъ изсушающихъ вѣтровъ, и проведеніемъ канавъ и насыпью вблизи жилищъ — гальки.

Подлѣ новыхъ розысковъ, въ непосѣщенныхъ мѣстахъ, тайга все остается тайгой, хоть и привычнѣе уже она, хоть и знакомѣе человѣку.

Прослѣдимъ же теперь весь ходъ пріисковаго дѣла съ начала, съ наемки рабочихъ.

Рабочими на пріиски нанимаются люди разныхъ сословій и разныхъ мѣстностей. Очень сожалѣю, что у меня нѣтъ росписанія рабочихъ по сословіямъ съ сѣверной системы, куда особенно пріучены наниматься государственные крестьяне и помѣщичьи изъ россійскихъ губерній — Нижегородской (по преимуществу, такъ что и всѣ россійскіе называются Нижегородцами), Пензенской, Вятской, Самарской, Пермской. Эти крестьяне остальное время живутъ въ Енисейскѣ, составляя тамъ плотничьи артели. Они считаются самыми исправными работниками, какъ увидимъ далѣе, и нанимаются за болѣе дорогую плату особыми контрактами.

На горной же системѣ, какъ болѣе удаленной отъ Енисейска, ихъ

(¹) Лыбопытно бы прослѣдить всѣ тѣ законы, по которымъ одна порода является на мѣстѣ уничтоженія другой, такъ березнякъ быстро выростаетъ всюду на мѣстахъ сгорѣвшаго чернолѣсья.

бываетъ мало, что̀ показываютъ и цифры. Такъ въ 1859 году изъ 6,569 рабочихъ было государственныхъ крестьянъ:

губерніи	Енисейской	330
„	Томской	725
„	Иркутской	67
„	Тобольской	93
„	Нижегородской	47;

а другихъ россійскихъ губерній еще менѣе — отъ 5 до 20; помѣщичьихъ изъ Россіи было тоже понемногу, такъ что только изъ Нижегородской губерніи было самое большое число и простиралось до 150 человѣкъ, а остальныя цифры рабочихъ все были поселенцы, по преимуществу Енисейской и Иркутской губерній. Крестьянъ болѣе всѣхъ изъ Томской губерніи потому, что въ Томскѣ живетъ самый основательный золотопромышленникъ Асташовъ, приказывающій своимъ довѣреннымъ имѣть дѣло болѣе съ крестьянами, чѣмъ съ поселенцами. Поселенцевъ же болѣе изъ Иркутской губерніи, послѣ Енисейской потому, что этимъ бродячимъ господамъ удобнѣе изъ Иркутской губерніи пройти чрезъ Канскій округъ въ южную тайгу, тогда какъ Томскимъ и Тобольскимъ поселенцамъ удобнѣе проходить чрезъ Ачинскій округъ, проселочной дорогой, въ г. Енисейскъ и затѣмъ въ сѣверную систему.

Этотъ обзоръ показываетъ, изъ какихъ дальнихъ мѣстъ набираются рабочіе для золотыхъ пріисковъ. Изъ нихъ найдутся сотни даже такихъ, которые пришли изъ за 5,000 верстъ отъ роднаго очага. Изъ нихъ многіе приходятъ съ семьями и оставляютъ ихъ либо въ Енисейскѣ и въ деревняхъ, либо приводятъ и на пріиски; такъ напр. въ 1859 году, по доставленныхъ мнѣ оффиціально, съ южной системы, свѣдѣніямъ: при 6,464, живущихъ въ Сибири, мужчинъ было 576 женщинъ, при 707 россійскихъ — 35 женщинъ и при 65 разночинцахъ — 18 женъ.

Положимъ, что за жителями Россіи, въ самую глубь ея, командированные наниматели не ѣздятъ, но, не говоря о всѣхъ пунктахъ губерній: Иркутской, Енисейской, Томской и Тобольской, наниматели бываютъ, какъ мнѣ лично извѣстно, даже въ Екатеринбургѣ. А это разстояніе, какъ мы увидимъ далѣе, должно имѣть весьма важное значеніе въ критическомъ взглядѣ на содержаніе и смыслъ заключаемыхъ съ рабочими условій (договоровъ).

Извѣстно всякому, что законы всѣхъ вѣковъ и народовъ, по общему смыслу своему, имѣютъ цѣлію, въ каждомъ случаѣ, равно оградить благосостояніе всѣхъ гражданъ.

Такъ и у насъ, въ Россіи, изданы законы, и въ уставѣ гражданскомъ и въ уставѣ горномъ, относительно заключенія обязательствъ и договоровъ между нанимателями и нанимающимися для разныхъ работъ.

При критическомъ взглядѣ на содержаніе по сему предмету статей закона, ясно видна искренняя заботливость правительства о личности и правахъ между этими двумя сторонами, потому что человѣку весьма склонно стремленіе къ преобладанію надъ другимъ, изъ личныхъ выгодъ, и сильный значеніемъ гражданскимъ, либо богатствомъ, всегда возьметъ перевѣсъ.

Желающіе подробнѣе ознакомиться съ состояніемъ у насъ золотопромышленности, могутъ прочесть двѣ большихъ статьи моихъ: 1) критическій взглядъ на способы добычи золота — старые и новые, русскіе и американскіе; 2) бытовая сторона пріисковъ, какъ есть на дѣлѣ и какъ быть должна по закону, съ приведеніемъ самыхъ статей горнаго устава и законовъ общихъ.

Здѣсь же представлю только краткій, легкій очеркъ. Начну съ заключенія договоровъ.

Какъ заключаются договоры? Вполнѣ равны они для обѣихъ сторонъ, или тянутъ болѣе на одну которую нибудь? Согласны ли съ законами? и въ чемъ именно противорѣчатъ имъ? Все это тѣмъ болѣе важно, что для пріисковъ одной Енисейской системы отрывается тысячъ 27 народа отъ своихъ занятій, домовъ и семействъ, тащится изъ за нѣсколькихъ не только сотенъ, но и тысячъ верстъ.

Вотъ какъ описывалъ эту операцію найма командированный (¹) правительствомъ изслѣдователь г. Гофманъ: „посылаются повѣренные „въ селенія, соглашаютъ людей на работу, выдаютъ задатки и отбираютъ паспорты, но, не смотря на эту предосторожность, многіе изъ „нанявшихся не являются на работу; иные умерли уже, иные захворали, „иные нанялись подъ чужимъ именемъ, а потомъ за другой задатокъ „служатъ уже у другаго хозяина, отъ чего пропадаютъ значительные „задатки“.

Бѣдные золотопромышленники! подумаютъ читатели. А мы увидимъ напротивъ, что плачевныхъ явленій много, и съ перваго приступа къ найму приходится плакать рабочему.

Довѣренные золотопромышленниковъ, производящіе наймы на мѣ-

(¹) Еще въ началѣ золотопромышленности: кажется, въ 1843 году.

стахъ по волостямъ, равно и конторы золотопромышленныя, находящіяся въ Енисейскѣ или на промыслахъ, требуютъ сами себѣ паспорты и сами ихъ получаютъ.

Это распоряженіе имѣетъ результатомъ: что рабочіе съ перваго момента и на дѣлѣ, и въ сознаніи своемъ подпадаютъ болѣе власти новыхъ хозяевъ, относясь къ нимъ не столько въ смыслѣ свободно заусловленныхъ, сколько кабальныхъ, — и что при выдачѣ задатка наниматель издерживаетъ за паспортъ не 1 р. 45 к. по стоимости, а 5 р. (т. е. 3 р. 55 к. лишнихъ), при чемъ опытный рабочій самъ уже знаетъ такую выкладку, а неопытному уже объясняетъ наниматель, что, дескать, нельзя братецъ, — это такъ водится, и идетъ на писаря и на старшихъ надъ нимъ.

Не могу здѣсь не упомянуть, что на южной системѣ я встрѣтилъ однакоже компаніи, которыя принимаютъ на себя расходы волостному писарю и, къ удивленію, я не находилъ этихъ издержекъ въ расчетныхъ листахъ рабочихъ. Вообще, на южной системѣ сохраняется болѣе человѣчности въ отношеніи къ рабочимъ.

Въ началѣ договоровъ вовсе не именуются какъ должно нанимающіеся, не обозначаются виды ихъ и сроки этихъ видовъ. Чтò же за цѣль, скажите на милость, уклоняться отъ этой законной формы? Вѣдь говоритъ же г. Гофманъ, что рабочіе обманываютъ золотопромышленниковъ.

Не обозначая имени и не представляя паспорта, можно вписать послѣ кого угодно въ явочное условіе. Къ тому же сами нанимающіеся большею частію безграмотны, а личность ихъ при свидѣтельствованіи договоровъ почти никогда не повѣряется, т. е. при явкѣ договора въ волостномъ правленіи и въ земскомъ судѣ нанимающіеся не бываютъ. Слѣдовательно, соблюденіемъ закона устранились бы безпорядки и переписка съ требованіемъ о высылкѣ на пріиски такихъ, будто бы неявившихся, а договоренныхъ тогда-то лицъ, какіе либо были въ это время въ другомъ мѣстѣ верстъ за 500, либо и вовсе не существуютъ на бѣломъ свѣтѣ.

Но странно, что гг. хозяева пріисковъ не обратятъ до сихъ поръ вниманія на такія дѣйствія своихъ довѣренныхъ-нанимателей и не остановятъ ихъ; а странно то, что эти не форменные договоры идутъ за законные у разныхъ начальствъ, обыкновенно столь придирчиво взыскательныхъ. Тутъ дѣло вотъ въ чемъ: очень часто приходится нанимать такихъ лицъ, у которыхъ срокъ имѣющагося въ рукахъ вида гораздо менѣе срока наемки; тутъ нельзя бы и нанимать, а между тѣмъ

наемка происходитъ, и договоры, предъявленные гдѣ слѣдуетъ, получаютъ законную силу.

Всѣмъ извѣстно, что договоръ есть взаимное обязательство двухъ лицъ и при заключенiи договора надобно же предполагать въ наемникѣ, хоть онъ и простолюдинъ, сколько нибудь человѣческаго начала, т. е. свободно разумной воли. Вѣдь онъ понимаетъ же, сколько нибудь, къ кому онъ нанимается, т. е. человѣку какихъ свойствъ, напримѣръ: грабителю и обидчику, или добродѣтельному человѣку, — къ человѣку съ звѣрскимъ характеромъ, отъ котораго и зуба во рту не вынесешь, или къ мягкосердому, — къ скупцу, не дающему ни куска свѣжаго мяса, а ѣшь, не ѣшь одну солонину, или къ тому, кто за пищей уже не стоитъ; — въ какой мѣстности прiиски его и какъ трудна работа, — на начинающихся ли только что работаться прiискахъ, гдѣ, не говоря о безурядицѣ, и прiютиться негдѣ, или на старыхъ, правильно ведущихся прiискахъ. Словомъ, есть сотни условiй другихъ, по которымъ рабочiе, знающiе уже каждый прiискъ и каждаго хозяина въ подробности, могутъ соображать: наниматься или нѣтъ. А компанiи присвоили себѣ право по произволу передавать рабочаго куда вздумаютъ, гдѣ несчастный работникъ, противъ своей воли, очутится при такой обстановкѣ и такой работѣ, на какiя онъ ни за что бы и не согласился. Гдѣ же законное равнотяготенье договора къ наемщику и нанимателю?

Что же касается срока найма, то законъ ясно и точно ограждаетъ бѣдныхъ людей отъ произвола. А между тѣмъ однѣ компанiи нанимаютъ по 1-е декабря, отнюдь не упоминая въ договорѣ о требуемомъ въ законѣ условiи относительно зимнихъ работъ. Другiя пишутъ въ договорѣ право себѣ задерживать рабочихъ, для работъ на прiискахъ, послѣ законнаго 10 сентября и даже въ томъ случаѣ, когда наемники ни одной копѣйки не остаются должными, за то только, если они придутъ на прiиски позже должнаго срока, почему, дескать, и должны они работать число просроченныхъ дней послѣ 10-го сентября. (Какъ будто работать въ теченiи теплаго мая и въ октябрскiе морозы все равно). Третьи компанiи требуютъ отъ рабочихъ, остающихся послѣ сентября должными, чтобы долгъ былъ отработанъ или заплаченъ, не выходя съ прiисковъ. Четвертыя компанiи безцеремонно заусловливаютъ въ договорѣ, чтобы должники не имѣли права спрашивать себѣ разсчета, послѣ истеченiя срока, а оставались бы безпрекословно на прiискахъ до тѣхъ поръ, пока не отработаютъ окончательно свой долгъ. Пятыя компанiи пишутъ будто и законно, но къ концу договора отмѣчаютъ за компанiей право увольнять рабочихъ и прежде срока, когда вздумаютъ, или, какъ они выражаются „когда будетъ нужно уволить съ

удовлетворенiемъ рабочихъ только за заработанные уже дни". А шестыя компанiи къ тому же праву хозяевъ и увольнять наемниковъ, когда вздумаютъ, хоть среди операцiи, вписываютъ въ договоры, что „уволенные компанiею до срока рабочiе обязаны являться безпрекословно для отработки взятаго задатка на слѣдующiй годъ, или компанiя можетъ вытребовать его, когда будетъ ей нужно".

Что же это за смѣшенiе произвольныхъ правъ?

По неволѣ рабочимъ придетъ въ голову: наказывать могучихъ богачей по своему, т. е. бѣгать съ прiисковъ, проводить время въ праздношатательствѣ, наниматься подъ чужими видами, производить себѣ язвы, какъ средство отдѣлаться отъ тяжелой работы. Вѣдь для этой работы онъ оставляетъ мѣсто своего жительства, свой домъ, свои занятiя, семью, запасается новою одеждою, сообразно съ дальностiю пути, временемъ года и свойствами мѣстности, нанимаетъ дома другихъ работниковъ за себя, взноситъ деньгами по раскладкѣ все то, что могъ бы выполнить лично натурою, переноситъ всѣ лишенiя и опасности пути, подвергается болѣзнямъ, самой смерти и проч., и проч.

Еще вписываютъ въ договоры право себѣ разсчитывать рабочихъ когда вздумаютъ, напримѣръ среди лѣта, удовлетворивъ только за число работанныхъ дней и предоставляя себѣ потребовать его вторично, когда вздумаютъ? И не думаетъ никто, что этимъ на нѣсколько, можетъ быть, лѣтъ разрушаетъ благосостоянiе селянъ.

Эта обязательность рабочихъ увеличивается еще выдачею при наймѣ денегъ и одежды.

Въ числѣ разныхъ несообразностей, которыя случалось встрѣчать въ договорахъ, мы видали слова: „оставшiйся долгъ послѣ окончанiя срока работъ (10 сентября) или заработать, или заплатить, не выходя съ прiисковъ". Какъ же, чѣмъ же и на какихъ условiяхъ рабочiй долженъ заработывать послѣ срочнаго времени? гдѣ и когда же успѣлось заключиться новое условiе послѣ разсчета и послѣ срока, какъ требуетъ законъ? чѣмъ рабочiй долженъ заплатить деньги, не выходя съ прiисковъ, когда онъ и безъ того уже долженъ? Любопытно бы знать? Вѣдь ему предстоитъ одинъ источникъ, въ этой тяжкой пустынѣ, прiобрѣсть лично для себя секретными путями золото, да и выкупиться имъ!?

А вотъ образчикъ, какъ происходитъ наемка рабочихъ.

Одна компанiя изволила, въ предъидущую операцiю [1], очень плохо кормить рабочихъ и обидѣла при разсчетѣ, сдѣлавъ разные вычеты. Слухъ о томъ прошелъ между рабочими. На новую операцiю охотни-

[1] Глава эта составлялась изъ свѣдѣнiй 1859 года.

ковъ не явилось. Попробовали послать нанимателя. При одномъ имени компаніи рабочіе машутъ только руками, да покачиваютъ головой. Надобно было прибѣгнуть къ штукамъ. И вотъ отыскивается ловкій плутъ проидоха изъ поселенцевъ, получаетъ 10-ть цѣлковыхъ, отправляется съ ними въ кабакъ, гдѣ и показываетъ видъ кутящаго богача отъ благодѣяній компаніи. За тѣмъ набираетъ вина и отправляется къ кому нибудь въ домъ; угощаетъ, поитъ, съ прибавленіемъ можетъ быть и специй, въ родѣ бѣлены или дурмана, которыми обилуетъ сибирская флора. Опаиваетъ и ведетъ къ нанимателю; а тамъ сидитъ уже волостной писарь съ готовымъ договоромъ, куда и вписываютъ имя приведеннаго. Тутъ же выдаютъ задатокъ, и подружившійся поселенецъ, поздравляя съ полученіемъ, проситъ отподчивать за прежнюю его любезность; приходятъ они опять въ кабакъ и пошла потѣха, такъ что, когда мужикъ опомнится и отрезвится, денегъ прокучено довольно, взять для возврата негдѣ, договоръ подписанъ и явленъ. Вотъ и конецъ дѣлу — онъ рабочій той компаніи, которая плохимъ кормомъ и разными вычетами съумѣетъ возвратить выданный задатокъ. Словомъ, это ведется какъ при наемкѣ рекрутовъ, а кто же не знаетъ, что̀ тамъ бываетъ.

Мы видѣли, что компаніи заставляютъ работать послѣ срока за просроченные дни. Да была ли еще просрочка-то? Вѣдь толкомъ въ договорѣ не опредѣлено: съ какого числа считать начало срочнаго времени по договору?

Компаніи началомъ срочной работы считаютъ день явки рабочихъ на пріиски, или еще позже, т. е. день вступленія уже въ самую работу. А справедливо ли это и такъ ли должно быть?

Законодатель считаетъ срокъ службы рабочаго золотопромышленнику со дня явки между ними договора; такъ считаютъ и компаніи, но только по отношенію къ обязательствамъ рабочаго, а по отношенію къ своимъ обязательствамъ считаютъ со времени явки рабочаго и даже со вступленія его въ промысловую работу.

Въ договорахъ рабочій обязуется быть готовымъ къ отправкѣ въ путь, къ мѣсту работъ по первому требованію, а не въ извѣстный срокъ, день, часъ. Связанный такимъ условіемъ рабочій не можетъ свободно предпринять никакого другаго дѣла, не можетъ ни отлучиться изъ дома для продажи хлѣба, ни наняться въ извозъ до времени отбытія на пріиски. Онъ ждетъ — вотъ, вотъ потребуютъ.

Наконецъ, пришло извѣщеніе объ отправкѣ. Рабочіе должны тотчасъ же выбираться изъ своихъ пепелищъ и начинать пѣшеслѣдованіе, а иначе вышлетъ мѣстная власть.

Такъ какъ время явки на работу или въ контору компаніи въ договорѣ не показано, то срокъ этотъ назначается только при извѣщеніи о выходѣ съ мѣстъ и ужъ, конечно, не по обоюдному согласію, а по распоряженію компаніи.

Еслибъ въ договорѣ былъ прямо сказанъ срокъ, „къ которому рабочіе должны прибыть на мѣсто работъ или въ контору, то они знали бы, какъ распорядиться своимъ временемъ. Могли бы предпринять на мѣстѣ что нибудь для дома, — могли бы отправиться въ путь по теплому еще времени, поплотничать, напримѣръ, въ Томскѣ или въ самомъ Енисейскѣ, гдѣ такъ дороги руки, почти вдвое и втрое противу другихъ мѣстъ. Изъ Тобольской губерніи рабочіе могли бы подождать попутныхъ возовъ и отправиться съ ними въ качествѣ караульныхъ.

Вотъ наконецъ, рабочіе отправились, либо высланы въ партіи. Идутъ они мѣсяца два и три. Вы убѣждены, что это время считается въ заработокъ? — Нѣтъ! Мысль, что у рабочихъ время и трудъ можно считать за капиталъ, кажется еще странною!

Наконецъ, рабочій на пріискѣ и работаетъ; вотъ моментъ, съ котораго считаютъ его службу и выдаютъ ему деньги.

Главной пружиной, главнымъ орудіемъ къ совершенію какого нибудь дѣла, чаще всего бываютъ деньги. Такъ для лучшаго и скорѣйшаго привлеченія рабочихъ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, употребляются задатки. Такъ называется сумма, даваемая впередъ, въ моментъ найма, за ту службу, которая должна совершиться послѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Законъ опредѣляетъ, что компаніи не должны давать поселенцу въ задатокъ болѣе 7 р. 50 к., включая и подать. Между тѣмъ задатки даются не менѣе 40 р. сер. и иногда даже 50 и 60 р. Особенно велики задатки у золотопромышленниковъ, содержащихъ и винный откупъ, потому что при искусныхъ, опытныхъ нанимателяхъ задатки могутъ очень скоро возвращаться съ двойными барышами, черезъ кабаки. Слѣдовательно, тутъ не удерживаютъ ни положенные закономъ 7 р. 50 к. задатка ссыльнопоселенцамъ (1), ни положенія, чтобы задатокъ

(1) Въ законѣ не видно съ точностію: къ которому изъ двухъ разрядовъ должны относиться, въ отношеніи задатковъ, крестьяне изъ поселенцевъ, а такихъ приписанныхъ нынѣ много: правительство торопится возвращать поселенцамъ нѣкоторыя права и вписываетъ ихъ въ крестьянскій окладъ, а они отбиваются и руками и ногами отъ этой чести, сорятъ писарямъ деньги и хлопочутъ о записи въ неспособные къ крестьянскому окладу по дряхлости и болѣзни. Хорошо же, видно, гарантированы эти гражданскія права крестьянъ?!

крестьянина отнюдь не превышалъ количества всей платы по договору найма, включивъ въ то число и количество взноса податей и повинностей. Только нарушеніе закона дѣлается не прямо, а сторонкой: задатку, дескать, столько-то (сколько законъ велитъ), да взялъ такую-то одежду и такую-то обувь, да пропивши или потерявши взялъ вторично кой-что изъ того же, да на содержаніе въ дорогѣ столько-то, да особыхъ одолженій столько-то и т. под. Вотъ и наберется.

Но, послѣ сказаннаго, возникаетъ самъ собою вопросъ, чѣмъ и на чей счетъ долженъ *питаться* въ это время, до прибытія на пріискъ, рабочій, оторванный отъ своихъ занятій и лишенный возможности заработывать кусокъ хлѣба? Онъ питается безъ помощи хозяина, пробавляясь мірскимъ подаяніемъ, воровствомъ и грабежемъ.

Въ договорахъ же своихъ компаніи о пищѣ говорятъ различно. Однѣ приличнѣе всего объясняются, по этому пустому, по ихъ мнѣнію, предмету, краснорѣчивымъ молчаніемъ. Другія говорятъ, что содержаніе въ дорогѣ должно быть у рабочихъ свое, а не хозяйское. Третьи ограничиваютъ и прибавленіемъ слова: до „Енисейска". Четвертыя молчатъ и о томъ, чья должна быть пища послѣ явки уже въ Енисейскѣ (въ контору компаніи), т. е. при проходѣ отъ города къ пріискамъ. Пятыя, составляющія большинство, объясняютъ въ договорахъ, что рабочіе, во время прохода отъ Енисейска до самаго пріиска, не должны требовать никакого особаго содержанія, кромѣ какого-то „потребнаго" для нихъ количества ржаныхъ сухарей и соли. А шестыя—о, эти вписываютъ въ договоръ, чтобы и проѣздъ (до ѣзды ли рабочему, лишь бы дотащиться хоть на четверенькахъ!) и продовольствіе отъ города до пріиска должны быть на счетъ рабочаго.

Оставляю васъ, читатель, любоваться человѣколюбіемъ!

Мы сказали, что въ число задатка входитъ и задолжаніе рабочаго *одеждою и обувью.* Но что же это за вещи и для чего, для какого времени они выдаются.

Не снабжаютъ ли компаніи своихъ наемниковъ безвозмездно, по крайней мѣрѣ одеждою и обувью на дорогу? Ни-ни! Компаніи не принимаютъ на себя никогда потрату рабочимъ одежды и обуви во время пѣшеслѣдованія изъ дома на пріискъ, ни во время работъ, ни тѣмъ болѣе уже при возвратѣ съ пріиска. Однѣ изъ нихъ даже опускаютъ и обозначать въ договорѣ этотъ предметъ, — какъ пустой. Другія говорятъ кратко: „рабочіе могутъ брать вещи въ счетъ будущихъ заработковъ изъ запасовъ компаніи за установленную отъ компаніи плату"; а какія вещи, да и что это за установленная плата — видно выгоднѣе не обозначать? Третьи отличаются тѣмъ еще, что къ словамъ могутъ

брать „обувь и одежду“ прибавлено „и разныя вещи“ — (а что же это за разныя вещи? вѣрно запрещенные закономъ предметы роскоши!). Четвертыя обѣщаютъ выдавать вещи „по стоющей компаніи цѣнѣ, съ надбавкою процентовъ“ (а что это за стоющая цѣна и какіе проценты надбавляются?). Пятыя выговариваютъ себѣ право, чтобы, при потерѣ рабочимъ разсчетнаго листа, онъ безпрекословно разсчитывался по документамъ компаніи. А почему бы не предоставить ему право провѣрить запись нанимателя и доставщика и съ своею памятью, и съ памятью цѣлой артели, въ которой идетъ онъ; да вѣдь и есть законъ, повелѣвающій дѣлать запись въ листы „своевременно“ и при всей артели.

Вычисляя дѣйствія компаніи, я упомянулъ объ *артеляхъ* и считаю удобнымъ временемъ перейти къ нимъ.

Законъ требуетъ артельнаго товарищества, круговой поруки цѣлой артели за каждаго; а также свободнаго выбора артелью старосты себѣ и двухъ помощниковъ. При свободномъ же выборѣ, конечно, за артелью остается неотъемлемое, само собою вытекающее, естественное право немедленной смѣны, при негодности этихъ лицъ, и замѣны ихъ другими.

Вообразите, читатель, сколько было бы пользы и въ дѣлѣ общей нравственности рабочихъ, — и въ дѣлѣ общественнаго спокойствія, — и въ дѣлѣ сохраненія рабочихъ отъ попоекъ, обидъ и разныхъ компанейскихъ недодачь, — и отъ многочисленныхъ побѣговъ — (особенно гдѣ вводится американскій способъ), — и отъ частыхъ растравленій себѣ язвъ и дѣланія другихъ фокусовъ для обмана, — и отъ пропажи у компаніи задатковъ за бѣжавшими, больными и умершими, — еслибъ цѣлое живое тѣло товарищества, съ круговою порукою и гласнымъ судомъ, было во все время отношенія рабочихъ къ золотопромышленникамъ. Тогда бы компаніи нанимали артели, договоры заключали съ ними же, шли бы рабочіе артелями и къ работамъ на пріискахъ ставили бы тѣми же артелями, не раздробляя ихъ безъ особенной надобности и не составляя новыхъ артелей изъ членовъ разныхъ артелей, не знающихъ другъ друга, какъ должно, — и выходили бы съ пріисковъ тѣми же артелями.

Золотопромышленники очень хорошо понимаютъ значеніе артели, какъ цѣлаго живаго тѣла, имѣющаго общій голосъ за каждаго члена, и въ неважныхъ дѣлахъ самоуправляющагося.

Компаніи не только сильно хлопочутъ разъединить эту естественную цѣльность, но даже имъ не нравится и та коллегіальность, по ко-

торой артельная расправа уподобляется учрежденію сельскихъ расправъ въ Россіи.

При ловко составленныхъ договорахъ, остается за компаніею или довѣреннымъ ея, право для всевозможныхъ своеволій и извѣстны случаи, гдѣ довѣренные сѣкли въ такихъ случаяхъ, которые либо не заслуживали никакого наказанія, либо подлежали уже судебнымъ разбирательствамъ.

Знаютъ и сами компаніи, до какой степени благодѣтельны настоящія артели съ ихъ круговою порукою. Съ этимъ познакомили ихъ нижегородцы, которые, при наступленіи уже лѣтняго времени, а слѣдовательно и всѣхъ пріисковыхъ работъ, являются иногда артелями на пріиски и предлагаютъ свои услуги въ работу — цѣлою артелью, непремѣнно, и съ круговою порукою. Они заключаютъ особые договоры, всею артелью, выпрашиваютъ, правда, значительную плату противу нанятыхъ пьяными раздѣльно по человѣку; но за то и выполняютъ неимовѣрныя работы, требуя только одного — пищи, такъ что съѣдаютъ иногда каждый фунта по 3 чернаго хлѣба въ обѣдъ. Эти рабочіе артелями, заключившіе законные и разумные договоры, не дадутъ уже себя ни въ обманъ, ни въ обиду, но они, по сознанію умныхъ изъ управляющихъ, приносятъ дѣлу несравненно больше пользы: задатковъ они не берутъ вовсе, или весьма малые, бѣглецовъ между ними не бываетъ, мнимо-больныхъ и растравляющихъ язвы тоже, а за настоящихъ больныхъ или умершихъ артель или заработываетъ или платитъ ту часть задатка, который отъ него останется незаработаннымъ. Они обязуются вскрыть одну сажень торфа въ сутки двумя человѣками при помощи одной лошади, получаютъ за то, по условію, отъ 70 к. сер., даже до 1 р. Но если вскроютъ болѣе того, то разсчитывается по условію, какъ будто подрядились за вскрышу сажени получать три цѣлковыхъ. Въ праздники же и дни табельные получаютъ они по 3 р. за все уже количество произведенныхъ работъ, а не за одни излишки. Такимъ образомъ, не будучи подъ гнетомъ мысли, что они обмануты, обижены, уже въ долгу, они работаютъ не какъ нибудь, лишь бы день за днемъ коротать, а, напротивъ, со всевозможнымъ усердіемъ, выработываютъ всегда болѣе противу данной сажени, потому и заработываютъ каждодневно болѣе другихъ. Послѣ операціи, въ итогѣ, цѣнность ихъ заработковъ бываетъ всегда вдвое противу прочихъ рабочихъ. За то, они уже не дозволяютъ ни поздно сгонять себя съ работы, ни рано выгонять, ни умышленно увеличивать отводимыя мѣста, ни передергивать мѣтки и проч.

Вотъ при такихъ-то артельныхъ работахъ, веденныхъ безобидно,

гдѣ не отдыхаютъ ни въ ночь, ни въ табель, ни въ воскресный день, добровольно, свободно, по разумной сознательности мы становимся противъ г. Цвѣтолюбова ([1]), какъ бы безусловно называющаго египетскимъ притѣсненіемъ всякую праздничную работу.

Считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, „гдѣ должны *помѣщаться* рабочіе"?

([1]) Приведу выборку изъ документовъ, которая покажетъ, какъ относятся къ артели золотопромышленныя компаніи.

1. Артелямъ предоставляется право выбора только помощниковъ, которыхъ и называютъ „выборными".

2. Право же назначать „старосту артельнаго" компаніи предоставляютъ своему произволу.

3. Право наказывать рабочихъ предоставляютъ, по договорамъ, одному старостѣ (лицу, выбранному компаніей).

4. А выборные должны дѣлать въ артеляхъ разбирательство.

5. И въ случаѣ понаровки выборныхъ артельнымъ рабочимъ, г. староста, какъ поставленный компаніей, долженъ, если предоставленная ему мѣра наказанія не будетъ достигать цѣли, обо всѣхъ, ему непослушныхъ, вести особый журналъ, который, по системѣ шпіонства, вѣроятно, долженъ представлять горному исправнику.

6. Компаніи не производятъ наемки рабочихъ артелями (въ смыслѣ не случайно вписанныхъ въ одинъ договоръ нѣсколькихъ человѣкъ, а въ смыслѣ живаго цѣлаго тѣла).

7. Не включаютъ въ договоръ обязанности составлять изъ рабочихъ для путеслѣдованія „артели" въ смыслѣ статей закона.

8. А если составились артели сами собою, и безъ договора о нихъ, то предоставляютъ себѣ право разрушать, непремѣнно, ихъ на пріискѣ, для составленія новыхъ артелей, по усмотрѣнію лично хозяина; тогда какъ, напротивъ, желательно, чтобы хозяинъ пользовался для работъ артелями, составленными самими рабочими, въ которыхъ изучены уже качества каждаго члена.

9. Потому не видно въ договорахъ требованія выходить рабочимъ съ пріисковъ тоже артелями.

10. Не включаютъ въ договорѣ о своевременной, слѣдовательно тотчасъ по выдачѣ, записи вещей и денегъ въ разсчетный листъ рабочаго, да и при цѣлой артели.

11. Другія же компаніи не только просто условливаютъ, но выговариваютъ для себя даже право вписывать въ разсчетный листъ выдачу по окончаніи мѣсяца, чѣмъ уже уничтожается значеніе артели, какъ свидѣтеля, и въ случаѣ потери разсчетнаго листа компанія можетъ по своимъ документамъ показать какую угодно выдачу.

12. Въ этихъ-то, конечно, видахъ пользы, компаніи не вписываютъ въ договоры и того, что рабочіе должны, при разсчетѣ послѣ работы, возвращать въ компанію разсчетные свои листы въ такомъ лишь случаѣ, когда они довольны правдивостію разсчета. А правдивъ онъ или нѣтъ — могутъ показывать цѣлыя артели, при которыхъ должны бы дѣлаться и всѣ записи.

Здѣсь мы будемъ имѣть въ виду только опредѣленные, уже отведенные пріиски, на которыхъ предполагается начать или уже начались работы.

Въ большей части договоровъ: или вовсе не упоминается объ этомъ, какъ будто это пустяки, какъ будто рабочему здоровѣе и пріятнѣе, послѣ тяжкихъ работъ, лежать и въ дождь, и въ вѣтеръ на открытомъ просторѣ; или возлагаютъ эти постройки на рабочихъ; либо даже и прибавляютъ еще пренаивныя слова „въ свободное отъ хозяйскихъ работъ время", какъ будто можетъ быть свободное время отъ пріисковыхъ работъ!

На дѣлѣ же существуетъ собственно два случая: либо пріискъ уже старый, работающійся нѣсколько лѣтъ, гдѣ есть достаточно помѣщенія и хозяину, и всѣмъ служащимъ, и всѣмъ рабочимъ, такъ что и топора брать не надо; либо пріискъ совершенно новый и тогда надобно все строить.

Въ 1-мъ случаѣ такъ бы и сказать, что всякое помѣщеніе уже готово.

Во 2-мъ случаѣ: строить „въ свободное время отъ пріисковыхъ работъ" положительно невозможно.

Потому, для веденія построекъ, рабочіе должны быть совершенно свободны отъ пріисковыхъ работъ. Но тутъ возникаетъ немаловажный вопросъ: будетъ ли это время считаться началомъ пріисковыхъ работъ, а слѣдовательно и началомъ платы? Вѣдь мы видѣли уже, что 2 и 3 мѣсяца со дня наемки, до вступленія въ работу, не считаются компаніями и пропадаютъ безъ всякой платы, — почему же не допустить теперь, что и время, хоть цѣлое лѣто, употребленное частью рабочихъ на возведеніе разныхъ помѣщеній на пріискѣ тоже не будетъ зачтено въ работу?!

Компаніи еще дѣлаютъ различіе между постройками для рабочихъ лично и постройками остальныхъ помѣщеній. Онѣ доказываютъ, что рабочіе для своего помѣщенія должны, очевидно, перемѣняясь десятокъ за десяткомъ, строить безвозмездно. При этомъ дѣлается вычетъ платежа за эти, будто бы нерабочіе, дни; тогда какъ тѣмъ изъ рабочихъ, которые окажутся хорошими плотниками и будутъ употреблены на возведеніе хорошихъ хозяйскихъ помѣщеній, бываетъ платежъ поденно. Мы очень хорошо понимаемъ, что въ тайгѣ, въ нежиломъ мѣстѣ, нѣтъ ничего естественнѣе производить постройки самимъ рабочимъ; но думаемъ, что надобно вознаграждать ихъ за всякую работу на пріискахъ, наравкѣ съ тѣмъ, что получается обыкновенно.

Прежде, при началѣ развитія золотопромышленности, эти помѣще-

нія не только для рабочихъ, но и для управляющихъ срубались наскоро, кое-какъ. Отъ того — тѣснота, темнота и нечистота въ нихъ способствовали развитію болѣзней, особенно цынги.

Избушки, собственно для рабочихъ назначенныя, устроивались ими самими, во время сбора на пріиски, въ мартѣ мѣсяцѣ. Для того на голой землѣ, безъ половъ, срубались стѣны избушки отъ 2 до 3 саженъ длины, отъ $1^1/_2$ до 2 ширины и не болѣе $2^1/_2$ аршинъ вышины. Лѣсъ употреблялся безъ разбора, что ближе подъ рукой. Потолокъ съ отверстіемъ. Внутри избушки въ одномъ углу черная печь, безъ трубы, состоящая изъ груды камней, съ помѣщеніемъ для дровъ. Во время топки такой печи, дымъ не можетъ выходить весь въ отверстіе на потолкѣ и по крайней мѣрѣ верхнія $^2/_3$ избушки полны дыма. Около стѣнъ сдѣланы нары, а въ нихъ съ каждой изъ 3-хъ досокъ по окошку въ $^1/_4$ вышины и $^2/_4$ длины. Если припомнимъ грунтъ земли, — время, когда они строились, — да прибавимъ, что въ каждой изъ такихъ избушекъ жило столько, какъ могло помѣститься, — что тутъ же высушивали свою вымокшую на работѣ одежду и наполняли воздухъ какъ прѣлымъ отъ нея запахомъ, такъ и испареньями постоянно разгоряченнаго, въ тяжелыхъ работахъ, тѣла, то и можно заключить, что едва ли эти избушки не хуже якутскихъ зимниковъ и самоѣдскихъ чумовъ: тамъ хоть свѣту Божьяго меньше, да есть по крайней мѣрѣ полъ, а огонь, разводимый среди чумовъ, очищаетъ воздухъ.

Съ 1852 года, стараніемъ горнаго исправника сѣверной системы Сорокина, стали устраивать, вмѣсто избушекъ, постоянныя большія казармы. Онѣ хороши уже своею обширностію, хотя устройство и не завидно, потому что, сберегая лѣтнее время для работъ, строютъ казармы зимой, либо весной, на мерзлой землѣ; да и такъ какъ полъ въ нихъ только по срединѣ, а у стѣнъ подъ нарами нѣтъ его, то въ теплое время земля оттаиваетъ и испаренія наполняютъ казарму. Кромѣ того, воздухъ портится и отъ многолюдства, не смотря на обширность казармы: вѣдь въ ней нары сдѣланы въ 2 ряда и народу вмѣщается человѣкъ до 200.

Какъ бы то ни было, между казармами и прежними избушками большая разница и заведеніе ихъ нельзя не считать въ числѣ обстоятельствъ, ослабившихъ развитіе цынги и другихъ болѣзней. Впрочемъ, на южной системѣ мнѣ пришлось видѣть оба устройства, но каждое въ другомъ, по моему мнѣнію, лучшемъ видѣ: тамъ есть мелкія избушки, но и съ поломъ, и съ хорошею русскою печью; тамъ и казармы не такъ громадны, съ однимъ только рядомъ наръ, да съ поломъ и подъ ними.

Прослѣдимъ теперь весь ходъ жизни и дѣятельности на самыхъ пріискахъ.

Начнемъ съ открытія новыхъ пріисковъ. Это начало пріисковаго дѣла поразило и г. Гофмана на столько, что онъ говоритъ много въ пользу рабочихъ. Приведемъ нѣсколько словъ: „партіи, удаленныя на сотни верстъ отъ человѣческаго жилья (т. е. слѣдовательно и работающихся пріисковъ), принуждены всѣ жизненные припасы, состоящіе изъ сушеныхъ и соленыхъ веществъ, имѣть при себѣ. Ночлегъ на сыромъ мху, частые дожди, шурфовка въ болотахъ, заставляютъ оставаться постоянно въ мокромъ платьѣ. Къ этому присоединяется угнетающая здоровье работа при рытьѣ шурфовъ; потому что, при углубленіи на нѣсколько футовъ, шурфъ наполняется водою, для выкачиванія которой должны постоянно работать нѣсколько насосовъ, а рабочіе должны стоять глубоко въ водѣ и въ грязи, углубляя шурфъ до самой почвы, чтобы увѣриться, что пройденъ весь золотоносный пластъ. Принявъ во вниманіе, какъ часто эти шурфы бываютъ безплодны, по неволѣ приходишь въ удивленіе людскому терпѣнію. Представьте себѣ, что въ этомъ положеніи застигаетъ партію внезапно наступившая зима съ ея глубокими снѣгами: бѣдствіе людей доходитъ до высшей степени; холодъ и недостатокъ подножнаго корма губитъ лошадей; тогда, бросивъ всѣ запасы, берутъ на маленькіе сани только самый необходимый провіантъ, который и везутъ сами люди, блуждающіе даже иногда по цѣлымъ недѣлямъ въ снѣгу для отысканія жилаго мѣста. Даже суровая сибирская зима не удерживаетъ отъ посылки партій въ тайгу; только снаряжаютъ ихъ иначе. Эти зимнія партіи посылаются обыкновенно для подробнѣйшаго изслѣдованія открытій, сдѣланныхъ уже лѣтомъ, на мѣстахъ болотистыхъ, гдѣ въ лѣтнее время одолѣваетъ вода, а зимою нѣтъ ея; крѣпко замерзшую землю пробиваютъ топорами и ломами, а добытые пески оттаиваютъ и промываютъ теплою водою. Послѣ такой тягостной работы днемъ, въ который рабочіе неизбѣжно подвергнутся сырости, они должны проводить еще ночь на снѣгу, въ шалашахъ изъ еловыхъ вѣтвей. Истинно надобно имѣть желѣзное здоровье Сибиряковъ, чтобы переносить подобные труды, жертвою которыхъ не мало же и падаетъ ихъ.“

Къ такому отзыву г. Гофмана надобно сдѣлать нѣсколько замѣчаній, потому что не все же теперь такъ, какъ было въ сороковыхъ годахъ.

Во-1-хъ, нынѣ партіи такъ не блуждаютъ, потому что мѣстности хорошо уже извѣстны, да и рабочіе привыкли узнавать страны свѣта по наклону древесныхъ вѣтвей, по выступленію на югъ сѣры на корѣ

и т. п., а пріиски разбросаны теперь во всѣ стороны, почему и лѣтнія партіи не отходятъ почти такъ далеко, чтобы замерзать.

Во-2-хъ, зимнія партіи посылаютъ нынѣ не только для развѣдокъ, но и для розысковъ, снабдивъ лыжами, нартами и тунгузскою одеждой. Доказано уже опытомъ, что воды нѣтъ, для развѣдокъ, только на мѣстахъ открытыхъ и выгорѣвшихъ, тогда какъ въ глубокой тайгѣ земля промерзаетъ только на 2 аршина, какъ говорилъ уже я, а глубже опять вода.

Въ-3-хъ, нынѣ партіи иногда берутъ съ собою готовые бульоны, прессованную капусту и мясные порошки, только все это выписывается изъ Россіи и необыкновенно дорого. А хорошо бы предпріимчивому и умному человѣку пріѣхать къ намъ въ Енисейскъ, да и заняться этимъ дѣломъ: былъ бы страшный расходъ такихъ припасовъ, еслибъ возможно низки были цѣны.

Въ-4-хъ, вода дѣйствительно и теперь одолѣваетъ при лѣтней шурфовкѣ, даже вблизи жилыхъ мѣстъ, гдѣ мхи и почва еще не высушены. Такъ, напримѣръ, на Енашимо никакая откачка не помогаетъ; почему и дѣлаютъ разрѣзныя канавы, только не при летучихъ партіяхъ, а уже при настоящей развѣдкѣ, когда положено употребить на одномъ мѣстѣ цѣлое лѣто. Въ концахъ этихъ канавъ дѣлаютъ резервуары, гдѣ и ставятъ откачивающія машины. Водооткачки эти всѣхъ сортовъ — недостаточны. Деревянныя помпы хотя тѣмъ хороши, что каждый можетъ ихъ сдѣлать. Нынѣ ввели большія водооткачки, которыя ставятъ неподвижно, а дѣйствуютъ уже рукавами, дающими возможность передвиженія. Даже вывезенныя туда водооткачки изъ гутта-перчи неудобны: при малѣйшей неосторожности портятся, потому что всосавшійся съ водою эфель протираетъ ихъ стѣнки. Лучше бы ввести тутъ примѣненіе Архимедова винта, что, конечно, требуетъ умѣнія примѣнить. Въ статьѣ своей о способахъ выработки золота, помѣщенной въ журналѣ „Промышленность“, я привелъ описаніе и съ чертежемъ даже одной водооткачки, изобрѣтенной въ Олекминской тайгѣ крестьяниномъ и состоящей въ употребленіи непрерывно движущихся, поднимающихся и опускающихся, кожаныхъ черпаковъ. Если же шурфа надобно пробивать въ самомъ руслѣ рѣчекъ, то выбираютъ мелкое мѣсто; вырубаютъ 2 бревна саженъ по 6-ти длины, что называютъ „стрѣлы“; чрезъ рѣчку (ниже по теченію) перекидываютъ сперва небольшой мостъ на козлахъ; потомъ бревна вводятъ въ воду, и такъ, чтобы они одними расходящимися концами упирались въ кобылки, а другіе соединяютъ между собою; со стороны подъ бревна набиваютъ хворостъ и останавливаютъ стокъ воды; потомъ вставляютъ между бревенъ срубъ, окла-

дываютъ его мохомъ и породами, а при шурфовкѣ и выбрасываемымъ матеріаломъ.

Еслибъ понадобилось ударить шурфы вблизи берега значительной рѣчки; выбираютъ отмелое мѣсто съ большой быстриной, чтобъ вода сильнѣе ударялась, а за тѣмъ отражалась. Вотъ на этомъ-то мѣстѣ и ставятъ такую же стрѣлу съ употребленіемъ числа бревенъ по мѣрѣ надобности; направленіе этой стрѣлы наискось противъ теченія воды.

Въ-4-хъ замѣчу, что болѣе всего обилуетъ водою и препятствуетъ шурфовкѣ не торфъ, какъ бы онъ ни былъ болотистъ, а особый не толстый пластъ, примѣрно до аршина, состоящій изъ чистой гальки и называемый „рѣчникъ".

Шурфы показали достаточное, смотря по мѣстности, содержаніе золота и дѣло этой бродячей, подвергающейся всѣмъ случайностямъ, партіи тѣмъ окончилось.

Затѣмъ слѣдуетъ формальная процедура отвода пріисковъ, что изложено мною въ № 5 „Промышленности".

Пріискъ отведенъ. Начинаются работы. Скажемъ теперь о нихъ.

Было счастливое время въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда рабочіе выносили огромныя деньги. Насквозь, какъ говорится, прохваченные удалью, они хорошо вознаграждались за перенесеніе страшныхъ препятствій и губительнаго вліянія вѣтровъ, сырости, голода и холода негостепріимной, неизвѣданной, мрачной тайги, въ которой только соболь скакалъ по деревьямъ отъ преслѣдованія Тунгуза, столь же дикаго, какъ онъ самъ. Правъ г. Гофманъ: нужна была особенная охота къ молодечеству, чтобы выполнять все, что̀ приходилось.

Въ сибирскомъ простонародьи вспыхнулъ будто духъ отцевъ, покорившихъ Сибирь и водворившихъ въ ней гражданственность. Не удивительно, что и по выходѣ изъ тайги, съ той же удалью, хватались они вполнѣ за всѣ удовольствія, которыхъ въ тайгѣ были лишены вовсе. И что̀ же? денегъ много: подкладывай пятитки [1]) подъ ноги,—вишь идти грязно; выкатывай вино бочками, — что̀ мы за вершошники; пей ребята за здоровье наше,—сколько душа хочетъ! И не только роспивалось простое вино, а подавай намъ господскаго! И вотъ ловкіе плуты, или чаще плутихи, подъ именемъ господскаго довольствовали сперва крѣпкимъ спиртомъ, что̀ и роспивалось съ приговоромъ „ай да господа, забористое"! Послѣ же, при состояніи почти безчувствія, этимъ молодцамъ въ новыхъ армякахъ, красныхъ рубахахъ, новыхъ кушакахъ, съ обвязанными на крестъ груди шалями, подавалось либо горское за

(1) Такъ назывались ассигнаціи въ 5 рублей.

шампанское, услаждая едва видящіе глаза летящими въ потолокъ пробками, либо спиртъ, настоянный какими нибудь одуряющими снадобьями. Этимъ кончался кутежъ, потому что кончались и деньги. А рабочій отправлялся вновь къ наемкѣ, получалъ задатокъ и снова „показывалъ виды"!

Въ это время (1843 г.) г. Гофманъ могъ дѣйствительно находить, что 90°/o было, въ числѣ рабочихъ, поселенцевъ, а также и то, будто несправедливо сѣтовали, что золотопромышленность роняетъ хлѣбопашество, потому, дескать, что поселенцы не пахари, что денегъ выносится съ пріисковъ много и цѣны на хлѣбъ поднимаются сильно. Теперь не то; и на сколько развила золотопромышленность хлѣбопашество, особенно въ Енисейскомъ округѣ, мы видѣли уже въ первой главѣ.

Г. Гофманъ писалъ, что мелочная плата простому рабочему 12 р., но если требовалось искусство, то и до 60 р. Каждому наемщику назначалось тогда въ контрактѣ подробное количество его ежедневной работы, опредѣляемое числомъ тачекъ въ 3 пуда вѣсомъ каждая. Часть рабочихъ должна была нагружать опредѣленное число тачекъ, другая часть перевезти, а третья — промыть. Число тачекъ на одного человѣка полагалось отъ 100 до 120. Урокъ оканчивали рабочіе обыкновенно за полдень, или даже часамъ къ 3-мъ. Въ остальное же время дня, равно и въ праздничные дни, шла работа, называвшаяся „*старательской*". При этомъ платилось съ добытаго золота по 3 р. съ золотника на пріискахъ, бѣдныхъ содержаніемъ золота и по 2 р.—на богатыхъ. Этимъ, по мнѣнію Гофмана, устранялась потеря золота, потому что взятое при урочной работѣ, возвращалось тѣмъ же воромъ при старательской. Каждый вечеръ происходила расплата за полученное стараніемъ золото и въ присутствіи артели записывалось тотчасъ же въ разсчетный листъ. Людямъ же смышленымъ и вообще занятымъ цѣлый день другою работою, давали, въ качествѣ награжденія, иногда хорошія мѣста для старательскихъ работъ. Но во времена же Гофмана стали вводить на нѣкоторыхъ промыслахъ новый способъ заработки, по 25 р. за каждую сажень вскрыши, которую снимутъ и отвезутъ въ свободное время. Это стараніе уже не можетъ, конечно, представить столько счастливыхъ случаевъ, какъ при нападеніи, во время старанія, на гнѣздо золота; но за то вѣрнѣе, потому что не зависитъ уже отъ счастія попасть на хорошее мѣсто. Такое стараніе по нынѣшнему называется „*платою задѣльною*". И такъ, мы видимъ, что еще во времена Гофмана положено было основаніе способовъ вознагражденія, существующихъ и нынѣ, т. е. урочной и старательско-задѣльной платы.

Старательская работа съ золотника золота теперь почти вывелась. Но мы видимъ, что такое вознагражденіе рабочихъ было и полюбовно-правомѣрнѣе и законнѣе.

Нынѣ къ работамъ компаніи относятся различно. Однѣ пишутъ о срокѣ работъ съ 5 часа утра до 8 вечера не какъ о должайшемъ, а какъ о кратчайшемъ; потому и нечего удивляться, что въ другихъ договорахъ о срокѣ можно встрѣтить оговорку: „если работы продлятся и долѣе, рабочіе не должны быть въ претензіи“ (еще иностранное словцо,— должно быть мягче смыслъ при немъ!). Третьи же прибавляютъ, что нѣтъ времени, въ которое бы рабочіе могли отозваться отъ работы въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, напр. для потушенія пожаровъ (съ этимъ мы согласны!), устройства водопроводовъ, отлива воды, укрѣпленія либо стропилъ, либо плотинъ. (Ну, это вѣдь не совсѣмъ безотлагательные случаи? а если и считать ихъ безотлагательными, то надобно же класть въ часы работъ и на завтра изъ дня вычесть, т. е. напр. если они проработали при укрѣпленіи плотины всю ночь, то надобно изъ дня завтра дать имъ часовъ 5 на сонъ, а день считать все-таки рабочимъ днемъ, потому что за него въ работѣ была ночь). Четвертыя прибавляютъ къ этимъ разнымъ нетерпящимъ, по ихъ мнѣнію, отлагательства работамъ, слова и проч., и проч.

О, это крошечное слово и *проч.* слишкомъ вѣско: съ нимъ все равно, что черкесу съ шашкой, вольная волюшка компаніи. Вздумалось напр., потѣшить управляющему своихъ гостей фейерверкомъ и пѣснями— дѣлай рабочіе, — эта работа нетерпящая отлагательства; понадобилось управляющему садъ очистить и деревьевъ посадить — рабочіе послѣ ужина должны заняться этимъ и проч., и проч.

Однѣ компаніи во все рабочее время исключаютъ $2^1/_2$ часа на обѣдъ и отдыхъ. Другія часъ на обѣдъ, $^1/_2$ часа на ужинъ. Третьи съ конца іюня по 1 августа даютъ полтора же часа, а въ остальное время только часъ. Четвертыя ничего не опредѣляютъ (да оно ближе и прямѣе по крайней мѣрѣ!) и отдѣлываются какой нибудь общей, ничего не говорящей, фразой въ родѣ: „какъ заведено уже“, „какъ ведется порядокъ“ и т. п.

Такая работа, по времени, по количеству часовъ, называется теперь „*безурочной*“.

Но она нигдѣ на дѣлѣ не существуетъ самобытно, отдѣльно на пріискѣ, одна, а всегда перемѣшана съ работами „*урочными*“. Тоже видимъ и въ договорахъ. Въ нихъ перемѣшаны толки обо всѣхъ видахъ работъ и одно съ другимъ никакъ не вяжется: толковать о количествѣ часовъ въ сутки, задавать въ то же время непремѣнное вы-

полненіе уроковъ, которые ранѣе срока не отработаешь, значитъ тѣшить только рабочихъ, если договоръ ими читается,—либо забавляться самому нанимателю искусствомъ хитросплетеній.

Переходимъ къ изложенію работъ *„урочныхъ“*. Эти урочныя работы считаются компаніонами болѣе выгодными и для себя, и для рабочихъ, потому, дескать, что мы знаемъ на сколько ежедневно выработывается, не становясь въ зависимость отъ прихоти и лѣни рабочихъ, а рабочіе за то, кончивъ урокъ свой, могутъ продолжать работу и долѣе, за что (т. е. за свое стараніе) могутъ получать еще особую отъ положенія урочнаго плату. Это бы, пожалуй, и не дурно: только приходится ли когда нибудь рабочимъ кончить урокъ, чтобъ поработать и сверхъурочно—не думаемъ, потому что уроки большіе сами по себѣ, да еще иногда передвигаютъ мѣтки и проч.

Эти ежедневные уроки въ разныхъ компаніяхъ различны. Однѣ на вскрышу 1 куб. саж. торфа условливаютъ ставить 2 челов. и 1 лошадь, либо 4 челов. безъ лошадей; на добычу же песковъ, въ томъ же количествѣ, съ вывозкою къ машинѣ, промывкою, уборкою и эфеля и гальки въ особые отвалы—не болѣе 3 челов. съ помощію лошадей.

Другія компаніи на вскрышу куб. саж. торфа-ли, песку ли, все равно, кладутъ по 5 челов. безъ лошадей, либо на 2 саж. по 5 челов. съ 2-мя лошадьми, а у машины промывку и развозку должны сдѣлать другіе люди. Третьи приговариваютъ, чтобы, сверхъ урочной работы, столько-то таратаекъ песка было вывезено на промывку, съ платою по 10 к. за каждую.

Вы видите, что тяжелы и самыя, только что приведенныя нами условія, а сколько еще таится тутъ тягостей отъ того, что не договорено. Такъ, въ одномъ случаѣ не сказано: „съ помощью сколькихъ лошадей“; въ другомъ (да и нигдѣ впрочемъ) „какъ далеко отвозить шурфъ!“ Въ третьемъ „какъ далеко машина отстоитъ отъ забоя песковъ“? Въ четвертомъ „какъ далеко отъ машины лежатъ отвалы гальки и эфеля“? Въ пятомъ не сказано „сколько людей собственно при машинѣ“? Ну, а что если земля еще мерзла? все тѣ же развѣ уроки?!

Этотъ предметъ: „о мерзлости земли“ такъ важенъ, что не мѣшало бы постановить между этими двумя сторонами—угнетающей и угнетенной—прямо норму, болѣе которой не имѣли бы права требовать отъ рабочихъ разработки мерзлаго грунта.

Да къ тому же въ договорахъ почти никогда не упоминается, приняты ли всѣ, требуемыя закономъ, мѣры предосторожности при зимнихъ промывкахъ.

И такъ, прежняя работа по урокамъ, съ опредѣленіемъ ихъ количествомъ тачекъ, была ближе и къ опредѣленію платы рабочимъ. Вмѣсто прежней старательской рабы, съ платою за каждый представленный золотникъ золота, теперь, какъ выше уже сказали, выступила плата съ количества обработанной земли, почему и плата называется уже не старательскою, а „*задѣльной*“.

И вотъ тутъ-то опять новый и рѣзкій случай своеволія компаній. Одна компанія говоритъ, что количество задѣльный платы опредѣляется доброю (будто бы?!) волею рабочихъ, т. е. зависитъ отъ количества обработанной земли въ праздники ли, въ будни ли сверхъ положенія. Кажется, что сказано удовлетворительно. Удовлетворительно сдѣлана и раскладка платежа, а именно: по 80 к. двумъ человѣкамъ при лошади съ 1 куб. саж. торфа, и по 1 р. 20 к. съ куб. саж. песка съ вывозкой и развозкой гальки и эфеля. Эта же плата въ праздничные дни выдается удвоенною. И хорошо бы на этомъ остановиться. Но есть и другая сторона медали. Законъ, дозволяющій рабочимъ обязывать хозяина давать или нѣтъ старательскія работы, перевертывается силою какихъ-то чаръ и даетъ право хозяевамъ обязывать или нѣтъ рабочихъ старательскими работами. Очевидно, компанія всегда обязываетъ ихъ и даже прибавляетъ, чтобы старательскія работы, во всѣ праздники, производились въ томъ же самомъ составѣ (1) и порядкѣ, какъ идутъ въ будни, а за уклончивость или недоработку платятъ компаніи убытка по 50 коп. за часъ, по 2 руб. за полдня и по 3 руб. за цѣлый день. На счетъ же убѣжавшаго нанимаютъ съ надбавкою въ цѣнѣ, что все онъ долженъ и выслужить послѣ, по требованію компаніи, и имущество его на мѣстѣ жительства должно подвергаться описи за долгъ.

Я не настаиваю, чтобы во всѣ праздники не было на пріискахъ работъ: дней-то вѣдь всего не болѣе 100, а за вычетомъ праздниковъ останется очень немного; но надобно же или предоставить волѣ рабочихъ, или давать плату бо̀льшую, съ тѣмъ, чтобъ болѣе одного праздника въ недѣлю не считалось. Словомъ нужно употребить всѣ мѣры къ безобидности хозяевъ и къ ненарушенію свободной воли рабочихъ.

Другія компаніи назначаютъ за мѣсяцъ плату рабочимъ по 3 р., кромѣ розыскныхъ и развѣдочныхъ, которымъ вдвое. Вотъ и все. На старательскихъ же работахъ платится по 85 коп. съ представленнаго золотника изъ промытыхъ песковъ и по 3 р. за вскрытіе куб. саж. торфа. Старательскія работы на волю рабочихъ. Но, во-1-хъ, для долж-

(1) Слѣдовательно, требуемыя закономъ артели не признаются?!

никовъ изъ рабочихъ старательская работа (праздничная) дѣлается уже обязательною вполнѣ; во-2-хъ, со всѣхъ вообще рабочихъ изъ назначенной старательской платы вычитается за употребленныхъ на то хозяйскихъ (а своихъ имѣть не позволяютъ!) лошадей, считая лошадь за человѣка; и въ-3-хъ, мастеровой, получающій обыкновенно особую большую плату, не долженъ противиться, если онъ, по волѣ хозяина, перемѣщенъ будетъ въ чернорабочіе, на общую ихъ плату. Вотъ измѣненіе и самаго договора! И, замѣтьте: ни въ одномъ изъ договоровъ не назначается общая сумма платы рабочимъ (болѣе которой не должны быть, по закону, выдаваемы задатки), чтобы давать задатокъ при наемкѣ, какой вздумаютъ!..

Не помню, встрѣчалъ ли я хоть въ одномъ договорѣ о томъ, какъ должны вестись работы, т. е. уступами или просто, потому что тутъ огромная разница въ затратѣ людей, и въ потерѣ времени, и въ количествѣ платежа рабочимъ, такъ что въ то время какъ безъ уступовъ вскрыли бы 15 саж., съ уступами только 10; или, когда для вскрытія одной куб. саж. безъ уступовъ довольно бы трехъ человѣкъ, съ уступами надобно 5.

По дѣлу же отъисканія самороднаго золота и прочихъ драгоцѣнностей многія компаніи выговариваютъ себѣ право получать ихъ, съ тѣмъ, чтобы рабочіе не требовали себѣ никакой награды, предоставляя это вполнѣ благоусмотрѣнію хозяевъ; да въ то же время ограждаютъ себя отъ хищничества очень ловко системою взаимнаго шпіонства, что̀ вставляютъ и въ договоры.

Особый видъ работъ составляли еще *о̀рты*, которыя были чрезвычайно изнурительны и очень много способствовали развитію простудъ, цынги и водянокъ. Подъ о̀ртами разумѣлись работы, которыя велись не сверху правильными уступами, а образовывали углубленія въ видѣ колодцевъ или подпольевъ, со слѣдующими въ стороны пещерами. Сырость, отсутствіе чистаго воздуха и солнечнаго свѣта сопутствовали эти работы, свѣтъ же въ о̀ртахъ отъ сильныхъ свѣчъ не только никого и ничего не оживлялъ, но испускаемыми безпрестанно углеродными газами увеличивалъ только испорченность воздуха. Эти работы теперь не употребляются уже.

Имъ подобны работы „*ночныя*“, разнящіяся только слабѣйшею степенью вліянія и отсутствіемъ столь удушливой атмосферы. *Американскій способъ*, при очень большихъ работахъ, способствуетъ тоже образованію насыпей съ боковъ, что̀ уподобляется о̀ртамъ и также вліяетъ отсутствіемъ свѣта и продуваемости вѣтрами.

Конечно, для этихъ 3-хъ видовъ работъ должны быть постановляемы

особыя условія, которыя бы защищались или опровергались и статьями закона.

Познакомившись съ работами, скажемъ о томъ, въ *чьей одеждѣ* и *чѣмъ питаются* въ то время рабочіе.

Не давая одежды, компаніи выговариваютъ себѣ въ договорахъ „строжайшее запрещеніе рабочимъ вносить съ собою излишекъ вещей и „перепродавать товарищамъ. Эта же передача отъ одного къ другому „запрещается и для такихъ вещей, которыя не съ собой принесены, „а взяты въ счетъ изъ кладовой компаніи“. Ну, а еслибъ дозволено было рабочимъ приносить съ собой вещи и для себя и даже, въ случаѣ излишка, для продажи, тогда компаніи не нужно бы было хлопотать о слишкомъ большихъ запасахъ, а имѣть пришлось бы только на крайній случай, для помощи неимущимъ изъ рабочихъ.

Изъ принесенія рабочими запасныхъ вещей никому не можетъ быть вреда, потому что нѣтъ ни вина, ни картъ, ни свободнаго времени. Вотъ другое дѣло, какъ описываетъ г. Цвѣтолюбовъ въ „Амурѣ“, „когда заведутъ сами же компаніи или ихъ управляющіе, харчевни съ продажею вина, въ видахъ скупа золота, тогда, конечно, можетъ быть проматываніе“. Но вѣдь наша цѣль—говорить о злоупотребленіяхъ общихъ, не скрываемыхъ компаніями ни отъ кого, а не о тѣхъ, вѣроятно частныхъ случаяхъ, которые описываетъ г. Цвѣтолюбовъ, когда дуютъ на площади плетьми, по уголовному суду, рабочаго иногда за то, что онъ былъ слугой у торговавшаго золотомъ компаніона или управляющаго, который, конечно, остается невредимымъ по правилу „не пойманъ—не воръ; да и не тотъ воръ, который воруетъ, а который попадается съ краденымъ“.

Чтобы вынести какую нибудь копейку съ мучительныхъ работъ, а не все отдавать компаніи, рабочіе хлопочутъ, какъ можно менѣе занимать въ кладовыхъ одежды и обуви. Отъ того носятъ по нѣскольку недѣль одну и ту же рубашку, которая до того успѣваетъ пропитаться и веществами отъ тѣла, и дегтемъ, пылью, грязью и пр., что уподобляется плотной, непромокаемой матеріи. Очевидно, что такое бѣлье должно запирать, и безъ того уже отъ нечистоты засоренныя, поры въ кожѣ, а слѣдовательно останавливать испарину и благодѣтельную мѣну съ оживляющимъ чистымъ воздухомъ. Этой неопрятности рабочихъ способствуютъ, нѣкоторые изъ управляющихъ пріисками, такой спекуляціей: на пріиски запрещенъ ввозъ предметовъ роскоши, а между тѣмъ отпускъ холста на бѣлье невыгоденъ, почему и скупаютъ для

рабочихъ гнилой ситецъ, который скоро распадается на рубашкѣ и заставляетъ купить еще, и т. д.

Въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ мною отъ горнаго исправника южной системы, сказано, что рабочимъ даютъ еще отдыхи для починокъ платья и обуви поочередно и по усмотрѣнію промысловыхъ правленій.

Видѣвъ вообще на южной системѣ много человѣчности въ обращеніи управленій съ рабочими и потому готовый вполнѣ вѣрить дѣйствительности существованія отдыха и даже особо для починокъ, я все таки не могу забыть одного обстоятельства, произведшаго на меня много разнообразныхъ впечатлѣній:

Ѣздило насъ четверо осматривать мѣстности по рѣкѣ Мамону, а также и пріиски г. Лавровскаго, работавшіеся по новому способу. Тутъ одному изъ насъ, по обязанности его, пришлось разбирать жалобы на работы новымъ способомъ, а потому мы замѣшкались и возвращались на пріискъ, гдѣ жили, очень поздно. Надъ землею раскинулась давно уже темная, претемная ночь начинавшейся осени. Вотъ охладѣлъ воздухъ и сырость стала опускаться на землю и смачивать насъ. Мы съежились и крѣпче окутались верхней одеждой, потому что несносная сырость пробиралась къ каждой точкѣ. Природы не было видно и предметъ для разговоровъ скрылся отъ глазъ. Мы стали не говорливы. Пара лошадей, осторожно переступая съ ноги на ногу, тащила насъ на длинной и широкой долгушѣ, мы то спускались съ какого нибудь холмика въ болѣе сырую логовину, то поднимались изъ нея снова на холмикъ, какъ вдругъ съ вершины одной горки я пораженъ былъ преинтереснымъ видомъ: на всемъ широкомъ просторѣ долины, въ которую намъ предстояло опуститься среди общей темноты, играли, колыхаемые вѣтромъ, мелкіе огоньки, точно звѣздочки, да такъ много, много ихъ, — то огни большіе, точно восходящее солнце. Пораженный вдругъ этой неожиданной картиной, я не понялъ ея значенія, а потому спросилъ — что̀ это значитъ? Особенно интересно было видѣть, какъ эти мелкія звѣздочки передвигались съ мѣста на мѣсто и то пересѣкали ходъ одна другой, то мѣнялись мѣстами. Интересъ картины довершился тѣмъ, что по сторонамъ качались въ воздухѣ огни большими узкими конусами, которые то выпрямлялись снизу вверхъ верхушкою, то извивались отъ вѣтра разнообразной змѣйкой. „Это — разрѣзъ пріиска; видите, еще работы не кончены", отвѣчалъ одинъ изъ спутниковъ. Я промолчалъ. Вотъ мы и въ долинѣ; подъѣхали къ мѣсту промывки; всѣ сошли съ экипажа; одинъ изъ спутниковъ спросилъ, что̀ значитъ такая поздняя работа? Двое закурили сигары, а я

посмотрѣлъ на часы—былъ уже 11-й часъ! „Наткнулись на ребровикъ, вотъ и замѣшкались!“ отвѣчалъ управляющій пріискомъ. Отвѣтъ, по видимому, всѣхъ удовлетворилъ и лошади потащились далѣе осторожной ступью. Врядъ ли только отвѣтъ этотъ удовлетворилъ рабочихъ, но они промолчали! Поднимаясь на слѣдующую горку, я долго любовался этой картиной: мелкіе огоньки фонарей, по прежнему, передвигались часто съ мѣста на мѣсто, большіе огни костровъ то слабѣли, то разгорались отъ подкладыванія древесныхъ вѣтвей, и огромныя пластины бересты, свитыя въ концѣ и надѣтыя на вершины деревьевъ, по прежнему, качались отъ вѣтра и длинный конусъ ихъ огня то выпрямлялся, то изгибался разнообразной змѣйкой.

Предметъ о пищѣ на пріискахъ есть единственный, противъ котораго, и по совѣсти и по закону, почти нечего сказать. Конечно, я говорю вообще, что обидѣть рабочихъ пищею не въ модѣ, не принято, а потому вступиться можетъ за плохую пищу и пріисковая полиція.

Но достаточная пища вовсе не составляетъ исключительности современнаго положенія дѣла. Такъ было и съ начала сороковыхъ годовъ, о чемъ находимъ свидѣтельство и у г. Гофмана. Онъ говоритъ: „кормятъ очень хорошо; каждый рабочій получаетъ въ день по 1 ф. свѣжаго, либо соленаго мяса; а во время поста по стольку же рыбы; крупъ и капусты отпускается столько, чтобы были хорошія щи; свѣжаго хлѣба безъ вѣса, а сколько съѣдятъ; квасу сколько выпьютъ; выборные отъ артелей находятся при отпускѣ мяса и проч.

Въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ отъ горнаго исправника южной системы значится:

	Число рабочихъ.	Продовольствіе.		
Въ 1856 году . . .	9,558	233,650	пудовъ	ржаной муки
		9,847	„	пшеничной муки
		58,131	„	говядины
		13,388	„	крупы ячневой
		8,134	„	соли
„ 1857 „	9,470	261,475	„	муки ржаной
		10,101	„	„ пшеничной
		63,692	„	говядины
		15,208	„	крупы ячневой
		8,338	„	соли

	Число рабочихъ.	Продовольствіе.		
Въ 1858 году . . .	7,236	184,645	пудовъ	ржаной муки
		8,403	„	пшеничной муки
		53,742	„	говядины
		12,752	„	крупы ячневой
		7,338	„	соли
„ 1859 „	6,569	189,759	„	ржаной муки
		8,078	„	пшеничной муки
		53,993	„	говядины
		12,938	„	крупы ячневой
		6,501	„	соли

Въ тѣхъ же свѣдѣніяхъ значится: 1) что каждому работнику отпускается въ пищу ржанаго хлѣба безъ ограниченія; мяса отъ 1 до 2 фунтовъ; крупъ $^1/_4$ ф. въ сутки; соли 3 ф. въ мѣсяцъ; сверхъ того, въ артельныхъ кухняхъ приготовляется 3 раза въ недѣлю гречневая или ячневая каша. 2) Больные питаются по порціямъ, назначеннымъ по свойству болѣзни: супъ выдается или съ мясомъ, или съ пшеннымъ хлѣбомъ, или какая нибудь жидкая кашица изъ крупъ гречневыхъ, либо ячневыхъ, или кисель.

Цѣны, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, припасамъ, свозившимся на южную систему, были въ покупкѣ, въ операцію 1858 — 1859 года, слѣдующія:

		за пудъ.
Мука ржаная	отъ 1 р. 30 коп.	до 1 р. 50 к.
„ пшеничная	„ 1 „ 80 „	до 2 „ — „
Крупа.	„ 1 „ 70 „	до 2 „ — „
Соль	„ 1 „ 25 „	до 1 „ 50 „
Мясо	„ 1 „ 80 „	до 2 „ 10 „

Изъ договоровъ же, заключаемыхъ компаньонами сѣверной системы, видно, что они прогрессисты въ расчетливости, ушли далеко и отъ временъ г. Гофмана, когда давался квасъ въ волю, кто сколько выпьетъ, а капусты и крупы по стольку, чтобъ вышли хорошіе щи, да при развѣскѣ повѣряли выборные отъ рабочихъ.

Такъ, на сѣверной системѣ одна компанія пишетъ въ договорѣ: мяса или солонины по 1 ф. на человѣка; крупы для щей и въ праздники доля каши $^1/_4$ ф. на рабочаго; соли же и хлѣба, сколько съѣдятъ, но

съ тѣмъ, чтобы растащившій хлѣбъ, безъ толка, платилъ компаніи за убытокъ по стоющей цѣнѣ. Другая компанія добрѣе: не угрожаетъ взыскомъ за убытокъ съ брошеннаго хлѣба, а обѣщаетъ ежедневно имѣть квасъ и давать для каши по 1 ф. сала на мѣсяцъ. Третья—еще добрѣе: обѣщаетъ давать по 1 ф. мяса, но за выдѣленіемъ костей, а это огромная разница! Четвертая — обѣщаетъ съ 1 іюля давать не солонину, а уже свѣжее мясо отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ ф. мастеровымъ и по 1 ф. (безъ костей) рабочимъ; по $^1/_4$ ф. на каждаго крупы, къ тому же, при нѣкоторой убавкѣ крупы, будетъ капуста, а лѣтомъ всякая зелень, и особенно съ весны черемша, да и щи вариться, дескать, будутъ съ квасомъ; кромѣ того, каша съ саломъ 2 раза въ недѣлю.

Еще, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, на нѣкоторыхъ пріискахъ сами компаніи даютъ рабочимъ чай. Но ни въ свѣдѣніяхъ горнаго исправника южной системы, ни въ договорахъ компаній сѣверной системы не упомянуто, вѣроятно потому, что компаніи не хотятъ обязываться, а даютъ единственно по своему разсчету и убѣжденію въ выгодѣ. Это дѣлается такъ: два раза въ сутки (въ 7 часовъ утра и въ 4 часа послѣ полудня) варятъ въ котлѣ чай, разсчитывая въ варку до $1^1/_2$ золотниковъ (1) на человѣка. Прежде чай готовили рабочіе свой, не получая для него отъ хозяевъ, по положенію, хлѣба; почему и таскали отъ обѣда и ужина по цѣлой даже ковригѣ, прятали, портили и на половину бросали не съѣвши. Теперь же компаніи, приготовляющія свой чай, даютъ по $^1/_4$ ковриги хлѣба на человѣка за каждый изъ четырехъ „присѣстовъ“ (чай, обѣдъ, чай и ужинъ); рабочій чувствуетъ себя довольнымъ, сытымъ и не имѣетъ ни малѣйшей надобности таскать, по прежнему, хлѣбъ.

Впрочемъ, говоря откровенно, на такую милость, по видимому, для рабочихъ, компанія подвинута собственнымъ разсчетомъ: хлѣбъ съ 1857 года страшно вздорожалъ, а чай остался въ той же цѣнѣ; выше приведены примѣрно цифры стоимости хлѣба, но вѣдь это на мѣстахъ, а что̀ же стоитъ онъ съ доставкою на пріискъ—почти вдвое! Слѣдовательно, какъ же не выгодно для компаніи поить рабочихъ чаемъ, удѣляя по 3 золотника въ сутки (въ два чая) на человѣка, чѣмъ терять на каждаго напрасно по полуковригѣ можетъ быть съ каждаго: при такомъ дорогомъ хлѣбѣ $^1/_2$ ковриги вполнѣ стоитъ 3 золотниковъ чаю.

Мы видѣли негостепріимную природу тайги и трудность работъ, и изнуреніе отъ ихъ продолжительности, и дороговизну одѣянія, и

(1) Чай, конечно, кирпичный, или, какъ называютъ въ Сибири, карымскій.

постоянную сырость на мѣстѣ работъ, и невозможность, по договорамъ, оставить ихъ ни въ дождь, ни въ грозу, ни въ грязь, и недостаточность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устройства помѣщеній: все это должно влiять на *здоровье* и разстраивать его. Потому *болѣзней* много и болѣзней, гибельныхъ для жизни. Потому и мы перейдемъ къ вопросу о *леченіи*.

Замѣчу, что въ этомъ случаѣ, имѣя въ рукахъ отчеты нѣкоторыхъ больницъ, я отнюдь не приведу числовыхъ данныхъ о болѣзняхъ. А почему? сейчасъ увидимъ.

Пріисковыя больницы имѣютъ весьма хорошій видъ, а для тайги и лечащихся въ больницѣ только рабочихъ, нѣкоторыя даже слишкомъ роскошны: хорошій домикъ, построенный правильно, съ корридоромъ; на окнахъ шторы, на кроватяхъ чистыя принадлежности; въ аптекѣ много медикаментовъ, такъ что фельдшера воруютъ, не будучи замѣчены; можетъ быть, порядочная и пища.

Но этимъ все и кончается. Такъ какъ больницы пріисковыя не поручены мѣстному врачебному надзору, то для глаза чиновъ немедицинскихъ онѣ прекрасны. Въ какой же степени выполняютъ цѣль, беру смѣлость судить я, и какъ очевидецъ, и какъ лицо, на служебной дѣятельности котораго это очень отзывалось.

Нѣтъ надобности уже доказывать, что больница есть такого рода заведеніе, гдѣ лечатъ больныхъ, съ цѣлью выздоровленія ихъ. Слѣдовательно, и достоинство больницы должно мѣряться степенью приносимой пользы, чтобы была изба „хоть не красна углами, а красна пирогами“.

Золотопромышленники же и ихъ управляющіе, особенно сѣверной системы, смотрятъ на больницы съ особенной, коммерческой, точки зрѣнія: они говорятъ, что наши пріисковыя больницы основываются только для первоначальнаго пособія и для легкихъ или экстренныхъ случаевъ. Положимъ, что это отчасти справедливо; но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, что можно выгонять на просторъ тайги всѣхъ трудно и затяжно-больныхъ, и надобно основать гдѣ нибудь въ болѣе жиломъ мѣстѣ, или даже въ городѣ, общую лечебницу, куда бы свозить ихъ. А то при каждомъ хроническомъ случаѣ: цынги, хроническаго ревматизма, водянки, завала, хроническаго слизистаго катарра, чахотки и т. п., рабочихъ разсчитываютъ, съ означеніемъ въ разсчетныхъ листахъ „разсчитанъ за болѣзнью; остался долженъ столько-то рублей; почему по выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операцію будущаго года“.

Безъ всякаго призрѣнія, безъ подводы, отправляется себѣ больной

пѣшкомъ по таежной глуши,—подвергается всѣмъ перемѣнамъ суровой погоды, — его мочитъ въ дождь и сверху, и снизу, — вѣтра пронизываютъ насквозь его дырявую одежонку, — жуетъ онъ кой-какъ данные ему на дорогу ржаные сухари. И вотъ, смотрите: одинъ, въ конвульсіяхъ, умираетъ на дорогѣ еще въ границахъ пріисковъ и предается землѣ съ вѣдома пріисковой полиціи, жильцами сосѣдняго зимовья. Другаго смерть застигаетъ гдѣ нибудь, на зимовьѣ и, жарясь отъ боли на печи, прерываетъ онъ своими оханьями да глубокими вздохами тишину одинокой хижины; говорю одинокой, потому что живутъ чаще безъ семействъ и въ ночное время можетъ вторить стону его развѣ сказочникъ-котъ своимъ мурлыканьемъ, да храпъ зимовника, да изрѣдка, съ просонья, тявканье собаки, когда приснится ей какая нибудь изъ дневныхъ сценъ. Третій протащится всю тайгу, умрётъ гдѣ нибудь вблизи дороги у разведеннаго огонька, разогрѣвая себѣ на сошкахъ въ котелочкѣ воду для питья, въ Анциферовской уже волости и составитъ предметъ судебно-врачебнаго осмотра для окружнаго врача. Четвертый дотаскивается до Енисейска, и, не успѣвъ явиться ни въ полицію, ни на квартиру, засыпаетъ тихимъ и вѣчнымъ сномъ, отъ чахотки, гдѣ нибудь въ уютномъ уголку у забора, какъ случалось мнѣ видать. Пятый препровождается въ городскую больницу и — горько смотрѣть—оборванный, безъ преувеличенія, до лоскутьевъ, замаранный грязью, пылью, даже до того, что нельзя узнать лика человѣческаго, особенно при потухшемъ, почти безжизненномъ взглядѣ, и только бѣлки глазъ, поворачивающихся то одной, то другой стороной, обличаютъ въ немъ живаго человѣка, тѣмъ болѣе, что другіе уже не говорятъ ни слова отъ муки и отчаянія, только поводятъ глазами, умоляя оставить ихъ въ покоѣ и засыпаютъ черезъ часъ, два и три по прибытіи въ больницу.

Вотъ такими-то больными наполняется наша енисейская больница и число больныхъ въ ней достигаетъ втрое противу комплекта.

Извѣстно и изъ закона, и по здравому смыслу, что пріемомъ больныхъ распоряжается врачъ и, согласно смыслу, съ которымъ учреждено заведеніе, долженъ принимать только лицъ, подлежащихъ леченію и которымъ можетъ быть оказана помощь; за тѣмъ Приказъ, руководясь закономъ, предписываетъ не принимать лицъ, не подлежащихъ пріему и не пополнять заведенія сверхъ комплекта, обѣщая подвергнуть взысканію за недослугу вещей. Но что̀ же дѣлать врачу въ настоящемъ случаѣ, если нѣтъ ни богадѣльни, ни дома неизлечимыхъ, если компаніи не хотятъ давать пріютъ и на сутки на своихъ подворьяхъ, если у самихъ больныхъ нѣтъ ни копѣйки за душой и никакой домохозяинъ не

пустить переночевать, если имъ остается лежать на улицахъ и полиція, поднимая ихъ, руководится однимъ правиломъ: „свозить къ больницѣ, выкладывать тамъ на крыльцо и уѣзжать“.

Спрашиваю, что̀ дѣлать тогда врачу? Принимать, и по совѣсти, и чтобъ не подвергнуться отвѣтственности за смерть людей на крыльцѣ больницы, безъ пріюта и помощи. По крайней мѣрѣ такъ дѣлалъ я, подвергая себя отвѣтственности и за недослугу бѣлья, которое, при двойномъ и тройномъ комплектѣ больныхъ, должно служить почти безсмѣнно, и за большую цифру умиравшихъ въ больницѣ Приказа, противу выздоровѣвшихъ, и за недостаточность сохраненія порядка и чистоты, когда и число кроватей, и прислуга, и посуда, положены были сперва на 25, а потомъ, по моему ходатайству, на 30 больныхъ, а случалось ихъ и по 85 человѣкъ.

Очевиднѣе будетъ въ цифрахъ. Такъ по счету за нѣсколько мѣсяцевъ оказалось:

Въ *больницѣ Приказа:*

Изъ 79 съ острыми болѣзнями умерло 5
— 160 съ хроническими умерло 26.

Въ *больницѣ же острога*, кромѣ легкихъ случаевъ, пользованныхъ въ самомъ острогѣ: изъ 160 съ острыми болѣзнями и 17 съ хроническими, умерло только 3 человѣка, тогда какъ извѣстно, что въ больницѣ Приказа средствъ почти въ 10 разъ болѣе, чѣмъ въ острожной!..

Въ этихъ 34 умершихъ только четвертая часть была изъ Енисейской губерніи, а прочіе — поселенцы другихъ губерній Сибири, и крестьяне изъ Россіи. А что всѣ они принадлежатъ золотопромышленнымъ компаніямъ и то слѣдуютъ на пріиски, то изгнаны съ нихъ, видно изъ цифръ, выбранныхъ за нѣсколько мѣсяцевъ 1856 года, откуда видно, что, напримѣръ: изъ 66 поселенцевъ было 31 Енисейской губерніи (а не округа только, для котораго и существуетъ собственнно въ Енисейскѣ больница) и 35 другихъ губерній; изъ 60 крестьянъ и мѣщанъ — 48 было изъ другихъ губерній Сибири и Россіи, а 12 енисейскихъ, да и то не округа, а цѣлой губерніи.

Въ числѣ умершихъ было много и калекъ, для которыхъ у насъ нѣтъ богадѣльни, и неизлечимо хворыхъ, для которыхъ учрежденія существуютъ только по своду законовъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ были изъ поселенцевъ, тогда какъ до сихъ поръ нѣтъ для нихъ до-

мовъ призрѣнія, что̀ есть въ сводѣ законовъ и на что̀ составился уже огромный экономическій поселенческій капиталъ.

Пробовано было и чувство человѣколюбія въ золотопромышленникахъ. Но оно оказалось прикрытымъ непроницаемой броней и отвѣтомъ, на оффиціальное предложеніе помочь выходу изъ этого состоянія, была „ссылка на взносъ, дѣлающійся въ поселенческій капиталъ", хоть большая часть изуродовавшихся вовсе не поселенцы. А вѣдь ничего бы не стоило для всѣхъ компаній сѣверной системы давать ежегодно копѣйки по 2 съ каждаго фунта золота.

Еще нѣсколько словъ о медицинской части на пріискахъ. При больницахъ имѣется по фельдшеру и есть врачи, которые завѣдываютъ обыкновенно множествомъ больницъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ, на разныхъ пріискахъ и у разныхъ хозяевъ. Они же пишутъ свидѣтельства рабочимъ о болѣзняхъ ихъ. Они же вскрываютъ трупы въ судебно-медицинскихъ случаяхъ и такимъ образомъ дѣлаются судьями тѣхъ хозяевъ, у которыхъ сами нанялись служить. Это и неестественно и смѣшно. Пора бы назначить врача отъ правительства для дѣлъ судебно-медицинскихъ на пріискахъ. Свидѣтельства рабочимъ о болѣзни пишутся чуть ли не сотнями, и это очень благодѣтельная для нихъ мѣра. Скажу серьезно: вздумай только пріисковая полиція схватить всѣхъ такихъ рабочихъ, живущихъ безъ документовъ, по милости неповоротливыхъ и жадныхъ писарей, а пріисковые врачи пусть только откажутся удостовѣрять въ болѣзненности такихъ лицъ, то и работы на пріискахъ нужно будетъ, пожалуй, пріостановить, и помѣщенія въ острогѣ не достанетъ, и рука палача устанетъ отъ взмахиванія плетьми! ([1]).

А что̀ это за фельдшера, которымъ поручаются пріисковыя больницы?

Одинъ полякъ-котоликъ, сосланный за кражу и т. п., и объявившій себя годнымъ въ фельдшера за знаніе нѣсколькихъ латинскихъ словъ и умѣніе читать по латинѣ.

Другой, хоть и изъ отставныхъ дѣльныхъ фельдщеровъ, но тянетъ горькую и выпиваетъ всѣ спирты и тинктуры.

Третій, изъ аптекарскихъ помощниковъ и если знаетъ пріемъ лекарствъ, но ему темны анатомія, наука о переломахъ, перевязкахъ и т. п., что̀ особенно нужно на пріискахъ.

А четвертый не только этихъ наукъ, такъ и пріема лекарствъ знать

([1]) Вѣдь никто, а особенно поселенцы, не могутъ проживать безъ вида. Поселенцы, получаютъ плети за отлучку безъ вида съ мѣста жительства за какой-нибудь десятокъ верстъ.

не можетъ, какъ зубной врачъ; но за слово „врачъ“ онъ даже можетъ предпочитаться другимъ.

Пятый... Ну, да большею частію все въ этомъ же родѣ.

Теперь вы видите, что участь и жизнь рабочихъ не удовлетворительно обстановлены и въ медицинскомъ отношеніи. Да прибавьте къ тому еще, что въ договорахъ сами компаніи вписываютъ разныя тяжелыя условія. Однѣ, за время болѣзни, вычитаютъ изъ жалованья. Другія оставляютъ за то отработывать послѣ срочнаго времени. Третьи съ притворно больныхъ взыскиваютъ за содержаніе и леченіе, вычитаютъ изъ жалованья, либо кладутъ за каждый, пропущенный день, по 90 коп. сер. Четвертыя принимаютъ на свой счетъ только содержаніе и леченіе въ самыхъ кратковременныхъ болѣзняхъ, а въ болѣзняхъ длительныхъ (напр. за мѣсяцъ) все относятъ уже на счетъ рабочихъ, которые и должны послѣ заработывать; да, кромѣ того, и тѣ и другіе должны отработать и за потерянное время. А пятыя со всѣхъ больныхъ, безъ исключенія, взыскиваютъ за леченіе, заставляя безусловно покориться въ исчисленіи издержекъ.

Послѣ всего этого, удивительно ли, что рабочіе и бѣгутъ съ пріисковъ, и уродуютъ себя умышленно болѣзнями.

Замѣчено однакожъ, что побѣги бываютъ оттуда, гдѣ болѣе стѣсненій, или гдѣ труднѣе работы. Тамъ же, гдѣ нѣтъ ни американскаго способа, ни ночныхъ и ортовыхъ работъ, пища хороша, обмановъ въ увеличиваніи уроковъ нѣтъ, работы ведутся правильно, почва обсушена и проч., бѣглыхъ бываетъ гораздо менѣе.

Цифры показываютъ, что большая часть бѣглыхъ принадлежитъ къ поселенцамъ. Такъ, по свѣдѣніямъ горнаго исправника южной системы:

Въ 1856 г. изъ 9,558 чел. бѣжало 67 разн. сословій, кромѣ поселенцевъ, и 336 поселенц.
» 1857 » » 9,472 » » 33 » » » » » 133 »
» 1858 » » 7,236 » » 33 » » » » » 124 »
» 1859 » » 6,569 » » 52 » » » » » 126 »

Причину бѣгства поселенцевъ, противу другихъ, можно находить отчасти въ большой склонности ихъ къ распутству и страсти къ вину, безъ чего ими овладѣваетъ скука, а постоянный и напряженный трудъ, смѣнившій лѣнь и вольное скитальчество, должны естественно увеличивать невыносимость скуки. Но болѣе очевидная причина бѣгства поселенцевъ въ выдачѣ имъ большихъ задатковъ, а забравшись, рабочіе не видятъ цѣли въ работѣ и не разсчитываютъ на выслугу денегъ, сколько бы ни трудиться.

Такъ работаютъ, одѣваются, ѣдятъ, пьютъ, лечатся и бѣгаютъ съ пріисковъ рабочіе. Наконецъ, приходитъ время *выхода*. Съ 8 сентября начинается разсчетъ и кончается 12 числа.

Ни у одного изъ пробовавшихъ писать объ этомъ предметѣ такъ ярко не выставлена картина выхода рабочихъ, какъ въ ст. г. Цвѣтолюбова (въ Амурѣ). Только видно, что воображеніе его слишкомъ расходилось и мѣстами набрасывалъ онъ слишкомъ уже густыя краски, несообразныя съ тономъ общей картины, отъ чего и всю картину могутъ счесть за вымыселъ. Такъ напр., рабочіе, по полученіи разсчета, будто *„вылетали изъ конторы подобно молніи“;* а мы такъ не можемъ допустить подобной быстроты! Или у г. Цвѣтолюбова рабочіе съ нетерпѣніемъ рвались къ жилымъ мѣстамъ *„по колѣна въ снѣгу, чрезъ высочайшія горы“*; а мы такъ не допускаемъ ни снѣгъ по колѣна, ни высочайшихъ горъ, особенно по дорогѣ изъ южной тайги, хотя и знаемъ, что около 15 сентября выпадалъ дѣйствительно небольшой снѣжокъ постоянно. Или еще: *„рабочій кладетъ въ котомку нѣсколько ломтей хлѣба и стремглавъ бѣжитъ съ пріиска“;* а мы такъ знаемъ, что ему не даютъ ломтя хлѣба, а сухари, да и бѣжать стремглавъ не дозволяютъ, потому что выводятъ систематично партіями при значительномъ числѣ надзирающихъ лицъ.

Но оставимъ въ сторонѣ эти и другія несообразности, какъ плодъ увлеченія разыгравшагося воображенія и приведемъ все таки отрывокъ изъ упомянутой статьи.

„При выходѣ съ пріисковъ,—говоритъ—авторъ, не чувствуетъ рабочій „ни холода, ни голода, ни усталости: впереди ждетъ его и теплый „уголъ, и бездна вина, и всевозможныя безумныя удовольствія. Но не „одни рабочіе хлопочутъ и спѣшатъ. На встрѣчу имъ летятъ также „(ну, хоть и не летятъ, а просто ѣдутъ торопливо и того довольно!) „ревизоры и повѣренные откупа. Огромные запасы посуды наполняются „бѣшеной влагой (отъ чего же бѣшеной-то? вѣдь пусть бы она пузырилась и играла, какъ шампанское, можно бы и бѣшеной назвать, „а то сивуху, да еще и съ водой по поламъ, за что ужъ удостоивать „звонкимъ эпитетомъ: „бѣшеной“?!), и ждутъ не дождутся жрецы откупа, когда привалятъ къ нимъ ватаги пріисчиковъ. Это—сѣнокосъ откупа; это его давно желанное время. Не спятъ также купцы уѣздныхъ „городовъ. Все, что залежалось у нихъ и начало уже тлѣть, укладывается на телѣги и везется въ главные пункты выхода рабочихъ. Тамъ „устроиваются въ домахъ крестьянъ лавки и товары располагаются на „нихъ. Мелкіе плутишки, поселенцы и крестьяне, наполнивъ баклаги „виномъ, разбавленнымъ еще разъ чистой водицей, тоже спѣшатъ на

„встрѣчу рабочимъ, зная, что эти измученные бѣдняки будутъ имъ платить по 50 коп. сер. за чайную чашку отвратительной бурдомаги. „Наконецъ, и наступило 15, 16 и 17 числа... кабаки стали наполняться „народомъ... и пошла потѣха... Разгульная натура, стѣсняемая всевоз„можными лишеніями въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вырывается „на просторъ... Полюбуйтесь, какъ ловко сидѣлецъ и подносчикъ удов„летворяютъ многочисленнымъ требованіямъ посѣтителей, какіе изрѣдка „бросаютъ многозначительные взгляды другъ на друга, и какъ выдер„гивается изъ подъ заставки посуда съ виномъ, мошеннически добытымъ „и разбавленнымъ самимъ сидѣльцемъ, какъ бумажныя деньги, пода„ваемыя пьянымъ покупателемъ, принимаютъ видъ низшаго достоинства. „Смотрите: вотъ черный высокій мужикъ подноситъ кулакъ со сжатой „въ немъ ассигнаціей къ носу сидѣльца, приговаривая: „дай въ морду „тресну тебя и сдачи не надо! чтȏ уклоняешься, вѣдь ревизоромъ сдѣ„лаютъ послѣ и самъ драться будешь“... Толпы рабочихъ быстро при„бываютъ!.. Они изъ оборванныхъ полушубковъ, распоротыхъ и про„дырявленныхъ шараваръ, съ жалкими подобіями шапокъ и сапогъ, „перерядились уже въ суконные и верблюжьи азямы, въ красныя ру„бахи, плисовые шаровары, заправленные въ новые кунгурскіе сапоги; „на головахъ новыя на бекрень шапки, а у пьянаго такъ и заброшен„ныя на затылокъ; на груди крестообразно переведенныя и завязанныя „за спиной бумажныя и шерстяныя крестьянскія шали; у рѣдкаго нѣтъ „подъ мышкой и краснаго товара, накупленнаго, вѣрно, для семей, или „такъ, чтобы купить, потому что ловко просятъ купить... Смотрите: „съ гармоніей въ рукахъ, съ распахнутыми полами, выступаетъ мо„лодой парень предъ стоящихъ на улицѣ дѣвицъ и молодицъ; онъ играетъ „сперва тихо, выбивая тактъ вытянутой впередъ ногой... мало по малу „изъ протяжныхъ аккордовъ переходитъ въ болѣе скорые... толпа увели„чивается — и вотъ изъ среди ея вывертывается тщедушный, ряборожій „мужичекъ и пускается въ пляску... толпа разступается... ноги, руки, го„лова — все легко и дико изгибается... ноги чуть не забрасываются на „плечи... онъ входитъ въ паѳосъ до того, что ничего не видитъ и не слы„шитъ... а только прикрикиваетъ: „жги, жги, жги! говори!“

„Такъ проходитъ день... а ночью новыя возмущающія душу сцены... „тамъ ловкая содержательница рабочихъ, какая нибудь „кривушка“ „подноситъ настойку съ бѣленой, чтобъ лучше обобрать... тамъ... да „много тамъ бываетъ: наприм. нѣсколько лѣтъ тому назадъ квартаљ„ный надзиратель въ теченіи мѣсяца могъ набивать цѣлые амбары са„погами, бродиями, азямами и другимъ хламомъ, содраннымъ съ заби„раемыхъ по улицамъ пьяныхъ мужиковъ... Единственнымъ же сред-

„ствомъ къ прекращенію всего зла г. Цвѣтолюбовъ считаетъ закры-„тіе кабаковъ".

Сцены, описанныя г. Цвѣтолюбовымъ, можетъ быть правдоподобны, потому что я слыхалъ, какъ въ деревнѣ Усть-Тунгузкѣ бывало прежде по 80 человѣкъ торгующихъ, безъ всякихъ свидѣтельствъ, торговлю начинали не иначе, какъ подачей предварительно покупателю стаканчика настоечки и т. д.; а потомъ конечно и брали, что̀ хотѣли. Слышалъ, что одинъ господинъ разсчитывалъ въ Енисейскѣ рабочихъ не иначе, какъ выдавая имъ деньги въ форточку окна, при чемъ платилъ, говорятъ, только треть!

Намъ неизвѣстно, принимаются ли на сѣверной системѣ какія нибудь правительственныя мѣры противъ этого раззоренія рабочихъ въ нѣсколько дней? Не слышно что̀-то.

На южной же я самъ, въ 1859 году, былъ свидѣтелемъ весьма добрыхъ попытокъ.

Извѣстно, что самое лучшее средство къ удержанію человѣка отъ привычныхъ пороковъ — это измѣнить его умственное направленіе, его вгляды на жизнь и предметы, вдохнуть въ душу его начала нравственности. Вотъ этимъ-то отчасти и пользовались тамъ. На южной системѣ имѣются 2 церкви: одна, на Спасскомъ пріискѣ компаніи Мясникова, походная, которой приходъ составляютъ пріиски, расположенные по рѣчкамъ Пескиной, малому и большому Шааргану; она разбирается и укладывается вся въ небольшой сундучекъ, довольно просторна и всѣ образа сдѣланы по пунцовому бархату, что̀ весьма красиво. Другая церковь постоянная, на другомъ Спасскомъ пріискѣ, во имя Преображенія Господня, приходъ которой составляютъ пріиски по рѣкамъ: Мурожная, Удерей и Шаулловонъ. При этихъ церквахъ 2 священника, одинъ дьяконъ и 1 дьячекъ. Вотъ къ этому-то орудію и обратился горный исправникъ: недѣли за $2^1/_2$ до выхода рабочихъ, онъ, съ согласія гг. золотопромышленниковъ, распорядился служить на пріискахъ, попеременно на одномъ за другимъ, въ походной церкви литургіи, напутственные молебны и за тѣмъ дѣлалъ священникъ увѣщанія рабочимъ, безъ высокопарности, простымъ разговорнымъ языкомъ, о вредѣ пьянства и о необходимости и пользѣ воздержанія: а за тѣмъ и самъ исправникъ начиналъ съ рабочими бесѣду о томъ же, но уже другимъ языкомъ: онъ, какъ чиновникъ самъ рисовалъ весь вредъ отъ пьянства для ихъ хозяйствъ, ихъ домашне-семейнаго благосостоянія, дѣйствовалъ на ихъ самолюбіе, представляя всѣ тѣ одурачиванія и насмѣшки, какія дѣлаютъ надъ ними, и всѣ отвратительныя и ужасающія картины обирательствъ ихъ въ Рыбной и другихъ мѣстахъ, гдѣ проходить будутъ, также о

наклонности человѣка въ пьяномъ видѣ къ преступленіямъ, о слѣдующихъ за тѣмъ ужасахъ торговой казни, ссылки въ каторгу и проч. Мнѣ все это чрезвычайно понравилось: вотъ, если бы это сдѣлано было не разъ, а заведены бы были по утрамъ въ воскресенье, такъ называемыя воскресныя бесѣды, чтобы толкованіемъ нравственныхъ религіозныхъ основъ, объясненіемъ обязанностей человѣка-христіанина размягчались грубыя сердца, при настроеніи и самой мысли, за отсутствіемъ всякихъ познаній, къ одному развратному молодечеству. Да тутъ же объяснялись бы многія дурныя стороны бытовой ихъ жизни и выставлялись бы проще, ярче, нагляднѣе тѣ экономическія условія, и то умѣнье жить, при которыхъ возможно и счастіе, и спокойствіе, и вообще семейно-общественное благосостояніе каждаго изъ нихъ. О, какъ это было бы хорошо! Вѣдь человѣку, какъ бы онъ ни отступалъ отъ нормальной жизни и правильныхъ нравственныхъ понятій о ней, все таки присуще чувствованіе добра, хоть и смутное, но способное развиваться подъ наитіемъ постояннаго напоминанія и картиннаго, удобопонятнаго выставленія исходовъ его. Воспріятіе этого надежнѣе, если въ тоже время не заставляютъ всему вѣрить только на слово, а скрѣпляютъ это, вкладывая въ умъ этихъ темныхъ людей (какъ сами себя называютъ), точныя, положительныя познанія наукъ и явленій природы.

Какъ бы то ни было, а откупъ очень и очень почувствовалъ существованіе этихъ бесѣдъ и увѣщеваній послѣ литургіи, хотя на постепенное ослабленіе барышей откупа въ Енисейскомъ округѣ вліяло отчасти и уменьшеніе денегъ вообще.

На ограниченіе же пьянства въ многочисленномъ классѣ разныхъ пріисковыхъ служащихъ, обыкновенно прокучивающихъ осенью въ Енисейскѣ все нажитое въ лѣто трудомъ, могло бы имѣть большое вліяніе заведеніе въ г. Енисейскѣ общества трезвости. Къ сожалѣнію, проектъ этого общества отправился постепенно по начальствамъ и по послѣднимъ свѣдѣніямъ уже лѣтомъ не 1859, а 1860 года, объявлено было учредителямъ, что онъ представленъ въ министерство. А сколько пользы принесло бы это общество (конечно, если только въ основахъ его нѣтъ какой нибудь особой частной задней мысли), потому что для лучшаго привлеченья молодежи хорошо бы имъ включить въ проектъ и намѣреніе основать, одновременно съ открытіемъ общества, библіотеку для чтенія на мѣстѣ, и даже для выдачи по записямъ на домà, вполнѣ безвозмездно.

Прибавлю здѣсь къ слову, что и вообще енисейское общество начинаетъ сознавать себя и проявляться человѣчно; 1) такъ оно выра-

зилось протестами противъ надбавки здѣсь цѣнъ на вино; 2) основаніемъ женской школы; 3) приговоромъ о желаніи составить общественный банкъ, и т. п.

Рабочіе выходятъ по *дорогамъ*. Достоинство дорогъ съ пріисковъ къ жилымъ мѣстамъ не только обусловливаетъ здоровость рабочихъ, во время выхода, но и при входѣ на пріиски и при перевозкѣ тяжестей лѣтомъ и зимою. Дороги вліяютъ на быстроту и скорость сообщеній, и на всѣ хозяйственно-торговыя дѣла пріисковъ.

Вѣдь не за горами то время, тотъ случай, когда, по описанію г. Цвѣтолюбова: „сотни рабочихъ возвращались съ пріисковъ, сбились „съ дороги и чѣмъ далѣе шли эти несчастные, тѣмъ глубже и глубже „уходили въ безконечные лѣса. Обувь и одежда изорваны, усталые „члены требуютъ отдыха, а желудокъ громко вопіетъ о пищѣ. Все „съѣдено и оборвано. Съ деньгами въ карманахъ, но безъ пищи и обуви, „напрасно силились бѣдняки выйти на дорогу, найти хоть какой нибудь „пріютъ или человѣческое жилище; небо, лѣсъ, да неизмѣримыя про„странства, болѣе ничего не было предъ ними. Много сотенъ верстъ „исходили они, ноги едва уже передвигаются, а между тѣмъ нѣтъ и „признака жилья! Еще два дня — и голодная смерть со всей своей „ужасающей картиной развернулась передъ несчастными. На лицѣ нѣтъ „уже надежды, уста громко произносятъ проклятія, а древесная кора „и земля уже не принимаются желудкомъ“.

Мы хотя и думаемъ, что теперь не можетъ быть подобнаго случая, но тѣмъ не менѣе такой урокъ долженъ быть навсегда памятенъ, и пора, давно пора, желать прекрасныхъ дорогъ на пріиски и такъ сильно, какъ желаетъ голодный насущнаго хлѣба. Вѣдь теперь выпускаютъ рабочихъ партіями, да и не выпускаютъ, а сопровождаютъ ихъ. Такъ напримѣръ, съ южной системы идутъ двѣ дороги: Матыгинская на сѣверо-западъ къ селу Рыбному и Климовская на село Усть-тунгузкое. Партіи провожаются казачьимъ отрядомъ при урядникахъ до жилыхъ мѣстъ; при томъ бываютъ и промысловые фельдшера: за пріисковой границей фельдшера свободны, а казачьи отряды провожаютъ рабочихъ однихъ до деревни Ингашъ Канскаго округа чрезъ Тасѣевскую волость, а другихъ до деревни Симоновой Ачинскаго округа по Староачинскому тракту. Эти команды подчиняются инструкціямъ мѣстной земской полиціи. Сосѣднимъ же земскимъ судамъ и участковымъ засѣдателямъ сообщаетъ пріисковое управленіе о томъ, чтобы въ селеніяхъ, гдѣ есть рѣки, были заготовлены перевозы, чтобъ къ перевозу рабочихъ

допускали по запискамъ мѣстныхъ засѣдателей, или старшинъ, чтобы съѣстные припасы продавались по цѣнамъ умѣреннымъ, торговцы виномъ были бы устранены, а главное, чтобъ не допускали учрежденія кабаковъ ближе 50 верстъ, которые стоятъ себѣ, не обращая вниманія на переписи, чтобъ не пропускали ввозъ и торговлю виномъ въ границахъ таёжныхъ.

Выше упомянуты двѣ дороги. Матыгинская устроена давнымъ давно и всегда удовлетворительно экипажная; она тянется на 62 версты, считая отъ деревни Матыгиной до пріиска Петропавловскаго. Климовская на 120 верстъ, считая отъ деревни Кардиной до пріиска Прокопьевскаго; зимою она можетъ быть и экипажною, но лѣтомъ только верховая, такъ что съ 1859 года только стали устроивать ее и въ лѣто провели, для ѣзды на экипажахъ, 22 версты. Между пріисками же всюду прекрасныя дороги, которыя исправляются самими компаніями послѣ весенняго разлива водъ, а зимою поддерживается возможность проѣзда особо отдѣленными отъ каждой компаніи рабочими, число которыхъ зависитъ отъ числа команды. Желательно, чтобъ поскорѣе провелась и дорога Климовская. Это будетъ чрезвычайно важно: можетъ образоваться вблизи на берегу Енисея новое складочное мѣсто хлѣба, въ родѣ сѣвернаго Ермака, чтобы зимою можно было перевозить по этой дорогѣ на пріиски припасы. Помогай Богъ! Устроивайтесь.

Съ сѣверной же системы дорогъ много, да толку, кажется, въ нихъ мало. Вотъ какія главныя дороги: Старонифантьевская, Новонифантьевская, Ермаковская, Рязановская (или Усть-Питская) и Лопатинская (или Покровская).

Изъ за первыхъ двухъ дорогъ столько было ссоръ и вздоровъ, что разсказывать и языкъ не воротится; смѣшно и грустно смотрѣть, какъ эти гг. управляющіе составляютъ партіи, не слушаютъ другъ друга, подъѣдаютъ взаимно всякое доброе начинаніе и разрознивая общее дѣло, толкутся, суетятся безъ всякаго смысла. Относительно дорогъ я вполнѣ согласенъ съ словами Юрія Волкова; приведу же ихъ: „какое обиліе „путей, подумаешь! какая роскошь сообщенія — пять дорогъ, читатель! „это мечта. Всѣ дороги допускаютъ проѣздъ только зимой; а лѣтомъ „можно пробраться лишь верхомъ съ опасностію сломить себѣ шею. „Несмѣтныя суммы уже стоятъ дороги; много потрачено на нихъ и въ „дѣйствительности; но все это особнякомъ, въ розсыпную, а не съобща, „не разомъ, безъ толку, такъ что у американцевъ на тѣ суммы была „бы давно желѣзная дорога. Плохія дороги причиною тому, что люди „идутъ на пріиски цѣлыя недѣли, что лѣтомъ невозможенъ подвозъ при„пасовъ, такъ что года два назадъ съ невѣроятными усиліями удалось

„провезти нѣсколько сотъ пудовъ хлѣба съ резиденціи, по Питу, на „промысла. Оттого-то осенью, при выгонѣ съ пріисковъ лошадей, труппы „ихъ десятками, даже сотнями остаются въ невылазной грязи; отъ того „поѣздка лѣтомъ въ тайгу требуетъ большаго количества людей и „лошадей.“

Нужно бы, въ заключеніе, разсмотрѣть самыя обстоятельства, обусловливающія успѣхъ пріисковаго дѣла. Но объ этомъ сказано уже въ статьѣ г. Каблукова въ „Вѣстникѣ Промышленности“. Потому здѣсь я скажу только о томъ, что невѣрно, по моему мнѣнію, въ статьѣ Каблукова и на что надобно смотрѣть съ другой стороны.

Во-1-хъ, г. Каблуковъ весьма справедливо замѣчалъ, что необходимо своевременное поступленіе капиталовъ въ распоряженіе мѣстныхъ пріисковыхъ управленій. Но, къ сожалѣнію, онъ мало ознакомился съ мѣстными обстоятельствами дѣла, либо повѣрилъ на слово какому нибудь разскащику. Такъ напр.: а) онъ увѣрялъ, будто лучшіе работники, тотчасъ по выходѣ съ пріисковъ, нанимаются вновь, почему и излишня разсылка приказчиковъ; но, во-1-хъ, мы выше уже сказали, что билеты даются на сроки, по окончаніи которыхъ или рабочіе возвращаются на мѣсто, или приказчикъ долженъ скакать на мѣсто для выправокъ тѣхъ билетовъ, а во-2-хъ, если дѣйствительно есть Нижегороды, не отказывающіеся отъ скорыхъ наемокъ вновь, — если онѣ будутъ очень уже выгодны, — то большая часть нанимающихся, вскорѣ по выходѣ съ пріисковъ, принадлежитъ къ разряду самыхъ плохихъ работниковъ, поселенцевъ и самыхъ горькихъ пьяницъ, которые, безъ одежды, безъ пищи и съ жаждой опохмѣлиться, спѣшатъ наняться вновь за какой бы то ни было задатокъ. б) Онъ увѣряетъ, что деньги въ мѣстныхъ управленіяхъ нужны въ августѣ, потому будто, что въ концѣ августа можно лучше и выгоднѣе закупить припасы. Нѣтъ, г. Каблуковъ, этого уже никакъ нельзя. У насъ Енисейскій округъ такъ бѣденъ хлѣбородствомъ, что для пріисковъ не даетъ ровно ничего, а намъ приплавляютъ изъ округовъ — немного изъ Красноярскаго, немного изъ Иркутскаго, а больше всего изъ Минусинскаго. Это дѣлается тотчасъ по вскрытіи рѣкъ: такъ вотъ время скупа! Я говорю какъ лицо, жившее на мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, и разница въ цѣнахъ между мѣсяцемъ августомъ или сентябремъ и весеннимъ приплывомъ бываетъ такъ велика, что въ 1857 году ржаная мука, съ 30 коп. весеннихъ, поднялась осенью до 1 руб. и даже 1 руб. 20 коп. Слѣдовательно, какъ же конецъ-то августа можетъ быть временемъ лучшаго скупа. Впрочемъ, можетъ быть, г. Каблуковъ не думалъ уже о закупѣ прямомъ изъ первыхъ рукъ, а обратилъ свое вниманіе прямо на скупщиковъ-купцевъ, продающихъ хлѣбъ въ компанію уже съ перевоз-

кою на пріиски вмѣстѣ, а въ концѣ августа скупивши все, они еще не заподряжались въ компаніи и амбары полны у всѣхъ, — но и это ошибочно, потому что они обработываютъ свои дѣла чуть не разомъ, при наступленіи уже зимняго пути, т. е. выждавъ и установленія цѣнъ, и степень удобства дороги, и стоимость возчиковъ, зависящую отъ урожаевъ и безденежья крестьянъ.

Во-2-хъ, авторъ хлопочетъ о сѣнокосахъ по островамъ рѣкъ Теи и Енашимъ. Правда, стоитъ обратить вниманіе на ту огромную роль, которую играетъ сѣно въ цѣнности продажи и доставки припасовъ на пріиски, оно чуть не удвоиваетъ цѣны. Но, г. Каблуковъ! тайга, особенно сѣверная, о которой вы, по преимуществу, и говорите, еще такъ и обширна и дика, лѣсиста, тундриста, бездорожна, что предположеніе о полной замѣнѣ дорогаго перевозочнаго сѣна мѣстнымъ, таежнымъ, можетъ принадлежать къ категоріи сладкихъ грезъ, которыхъ у насъ на Руси такъ много. Прибавлю, что если дѣйствительно есть сѣнокосы, то они разбросаны тамъ и сямъ мелкими клочками. Вѣдь не разгонять же во всѣ стороны лошадей, необходимыхъ безпрерывно на мѣстѣ, не разганивать же людей для сѣнокосовъ и перевозокъ, когда они наняты для добычи золота, руки ихъ лѣтомъ такъ дороги, а времени для работъ такъ мало, — не затѣять же, наконецъ, египетскую работу просѣкъ по тайгѣ и устройства повсюду дорогъ для этихъ перевозокъ сѣна, съ какого нибудь дальняго островка, къ тому или другому пріиску. Вотъ другое дѣло, когда есть сѣнокосныя мѣста возлѣ бока, въ такихъ случаяхъ можно пользоваться и указаніемъ г. Каблукова.

Въ-3-хъ, г. Каблуковъ совершенно справедливо говоритъ о необходимости въ болѣе удобное время свозить припасы поближе къ пріискамъ и образовывать складочныя мѣста; да какъ же ему неизвѣстно, что такія мѣста давнымъ давно и есть уже, а именно на Ермакѣ, Усть-Брянкѣ, Усть-Стрѣлкѣ?! Странно! А вотъ, что̀ дѣйствительно должно замѣтить: эти складочныя мѣста состоятъ теперь въ рукахъ купцевъ, а не золотопромышленниковъ, и это будетъ до тѣхъ поръ, пока компаніи не будутъ имѣть всегда запасныя деньги, чтобы во время скупать самимъ всѣ запасы и подготовлять ихъ на мѣста, гдѣ слѣдуетъ, своевременно.

Въ-4-хъ, на сколько мы согласны съ авторомъ о необходимости золотопромышленникамъ имѣть всегда свободный запасный капиталъ, на столько не согласны съ его мыслью, будто компаніи Мошарова, Горохова и нѣкоторыхъ другихъ пали именно отъ недостатка свободнаго капитала. Неправда: они пали, во-1-хъ, отъ того, что люди сами не занимались дѣломъ, да и не понимали его: во-2-хъ, отъ того, что хотѣли жить

какъ баснословный Крезъ; въ-3-хъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія о денежныхъ операціяхъ, принимали деньги всѣхъ постороннихъ людей къ себѣ какъ бы въ банкъ, съ цѣлію захватывать болѣе и болѣе пріисковъ, отнюдь не думая довольствоваться разработкою имѣемыхъ,—они думали, что земля такъ сплошь и завалена золотомъ! Вообще же говоря, конечно, золотопромышленность требуетъ не только наличнаго капитала, для настоящихъ оборотовъ своихъ, но и капитала запаснаго, обезпечивающаго и другія операціи. И въ самомъ дѣлѣ, какъ было вести дѣла, особенно въ прежнее время, до разрѣшенія получать деньги подъ золото изъ Барнаула и даже Приказа Общественнаго Призрѣнія, когда полученіе денегъ, за добытое золото, нужно было ожидать около года. Кромѣ того, компаніямъ надобно помнить, что не тотъ пріискъ выгоденъ, въ которомъ много золота, а тотъ, который приноситъ пользу; между тѣмъ у насъ, весьма часто и теперь, хотятъ размахнуться дѣломъ, не имѣя на то достаточныхъ средствъ; отъ того входятъ въ зависимость богатыхъ доставщиковъ, кредитуются за огромнѣйшіе проценты; такъ что пріискъ, обогащая постороннихъ людей, оставляетъ своего хозяина при однихъ долгахъ. Совсѣмъ другое дѣло, если начинать умѣренно, исподволь, взвѣшивая свои средства, и разработку каждаго пріиска увеличивать его же средствами, отнюдь не употребляя эти деньги на другіе пріиски, пока не получится уже такая польза, которая дастъ полное право метать свободныя суммы и по сторонамъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Слѣдя золотоносныя системы, мы прошли молчаніемъ двѣ волости— Бѣльскую и Яланскую, лежащія къ западу отъ Енисея. Тутъ же и городъ Енисейскъ.

Эти двѣ волости, хотя значительно болѣе Казачинской, но не могутъ сравниваться, по обширности, съ остальными частями округа. Онѣ занимаютъ (Бѣльская южнѣе Яланской) тотъ уголъ, который къ югу отъ волости Анцыферовской остается до границы округа Ачинскаго, Енисейской губерніи и до Нарымскаго уѣзда, губерніи Томской. О системѣ водъ въ нихъ достаточно сказать слѣдующее.

Главная рѣка Кемь, впадающая въ Енисей, въ Анцыферовской волости, въ 12 верстахъ ниже г. Енисейска. Она беретъ свое начало въ Красноярскомъ округѣ изъ подземныхъ ключей и болотъ. Потомъ въ Казачинской во-

лости Енисейскаго озера увеличивается впадающими въ нее рѣчками. Войдя въ Бѣльскую, Кемь уже играетъ важную роль, потому что всѣ воды этой волости, въ восточной половинѣ ея, принадлежатъ системѣ этой рѣки Кеми, а въ западной р. Кети, притоку Оби, замѣчательною тѣмъ, что на притокахъ ея стоитъ много деревень, и тѣмъ, что до 1850 года по ней сплавлялся свинецъ для заводовъ города Барнаула, а въ прошломъ столѣтіи сплавлялись желѣзныя издѣлія изъ Енисейска либо Кетью, провезя сперва въ 76 верстъ волокъ, либо Чулымомъ, для снабженія Барнаула и даже Тобольска. Фарватеръ Кети не защищенъ высокими горами, а потому, при весеннемъ полноводьи, она разливается на большія пространства и затопляетъ всѣ низменности окололежащей, ровной и лѣсистой, мѣстности.

Но возвратимся къ притоку Енисея—Кеми. Она принимаетъ рѣки: Тыю, Рыбную, Тихановскую и Бѣлую. Изъ нихъ болѣе другихъ замѣчательна р. Тыя, какъ пересѣкающая старую трактовую, а нынѣ „Ачинскую" дорогу и разливающаяся весною съ 6 саженъ на $^1/_2$ версты, при быстромъ теченіи; почему въ маѣ мѣсяцѣ на ней есть переправа на карбазѣ, тогда какъ въ остальное время довольствуются мостомъ, какъ на остальныхъ трехъ рѣчкахъ. Но, подобно Тыѣ, разливаются и 3 другихъ рѣчки и сама Кемь, которая, вмѣсто обыкновенныхъ 15 и 20 саженъ, бываетъ весною отъ 100 до 400 и тогда переплавляются по ней уже не на паромахъ по канату, а на карбазахъ веслами. Результатомъ этихъ разлитій остаются въ логахъ топи и заливныя болота нерѣдко вблизи селеній. Теченіе Кеми отличается необыкновенными извилинами, отъ чего образуется множество заливовъ.

Такова же Кемь и въ волости Яланской, а потому я не буду распространяться. Скажу только, что она соединяется узкою протокой съ съ цѣлебнымъ озеромъ Плодбищенскимъ, о которомъ будетъ ниже.

Къ судоходству Кемь не способна равно въ обѣихъ волостяхъ. На водахъ обѣихъ волостей нѣтъ вовсе пороговъ и нѣтъ замѣчательныхъ острововъ. Въ Бѣльской волости 23 мукомольныхъ мельницы дѣйствуютъ во все время года, кромѣ весенняго разлива; въ Яланской же только двѣ мельницы на рѣчкѣ Песчанкѣ, устроенныя крестьянами, съ платежемъ оброка. Изъ этихъ мельницъ: двупоставная дѣйствуетъ съ іюня по ноябрь, а другая, однопоставная, во все время года. Онѣ едва удовлетворяютъ трудамъ жителей. Большихъ озеръ нѣтъ. Болота большею частью отъ рѣчныхъ разливовъ, но есть небольшія и отъ почвы, которыхъ мохъ употребляется жителями для домовъ.

Рыбы въ водахъ обѣихъ волостей слѣдующія: таймени, налимы, щуки, язи, подъязики, хайрюзы, окуни, сороги, ельцы, ерши и пискари.

Въ Бѣльской волости, южной въ сравненіи съ Яланскою, имѣется 3 села и 14 деревень съ 818 домами и по счисленію 1859 года ([3]), 1,922 мужчинами, да 1,889 женщинами. Въ Яланской же 20 деревень (изъ нихъ одно село) съ 556 домами при 1,366 мужчинахъ и 1,456 женщинахъ.

Къ тому надобно прибавить, что разливы рѣкъ съ Яланской и Бѣльской волостяхъ зависятъ и отъ общей отлогости всего лѣваго берега Енисея, такъ что, при большихъ весеннихъ наводненіяхъ, Енисей, выступивъ изъ береговъ, и самъ заливаетъ на весьма большое пространство всѣ низменныя мѣста, вмѣстѣ съ прибрежными селеніями и заваливаетъ наноснымъ пескомъ.

Такъ какъ г. Енисейскъ стоитъ на рубежѣ между Яланской и тянущейся отъ нея къ сѣверу Анцыферовской, то поговоримъ теперь о немъ.

Городъ Енисейскъ.

Городъ Енисейскъ стоитъ на лѣвомъ низменномъ (западномъ) берегу рѣки Енисея. Основанъ въ 1618 году боярскимъ сыномъ Петромъ Албычевымъ и тобольскимъ стрѣлецкимъ сотникомъ Рукинымъ, построившими на мѣстѣ нынѣшняго Енисейска нѣсколько домовъ съ палисидомъ и тремя стрѣльницами, что и назвали Енисейскимъ острогомъ. Въ 1678 году Енисейскій острогъ переименованъ въ уѣздный городъ.

Мѣстоположеніе Енисейска нельзя назвать удобнымъ, потому что въ окрестностяхъ его находится много болотъ и маленькихъ озеръ, къ тому же въ весенній разливъ водъ онъ затопляется. Весною 1857 года мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ разлива системы водъ Енисея. Я опишу здѣсь наводненіе на столько, чтобы можно было судить о причинахъ его появленія и всѣхъ сопутствующихъ обстоятельствахъ, изъ чего можно бы сдѣлать сужденіе и о всѣхъ преждебывшихъ наводненіяхъ. За долго до наступленія весны 1857 г. старожилы утверждали уже, что будетъ потопъ. А на вопросъ — почему? Пресерьезно отвѣчали: „да развѣ у васъ мыши не поднялись въ верхніе этажи? Природа вѣдь имъ подсказываетъ!“ А я видѣлъ только, что дѣйствительно зима была крайне снѣжная и снѣгъ всюду лежалъ весьма глубокимъ слоемъ, такъ что среднею мѣрой можно положить на три аршина. Потомъ стало подходить время весны, а холода стояли по зимнему: это заставляло предполагать возможность разлива. Наконецъ, пришолъ май, а

(¹) Свѣдѣнія всѣ получались мною и оффиціально.

природа не тронула своей зимней бѣлой оболочки. Тогда уже общій говоръ: „быть сильной оттепели вдругъ", заставалъ многихъ, съ увѣренностію въ разливѣ, принять мѣры предосторожности. И въ самомъ дѣлѣ, 4-го мая сдѣлалась столь сильная оттепель, что 6-го пошевелился, 9-го пошелъ было явственно на Енисеѣ ледъ, а съ 11-го начался уже окончательный взломъ и густо поплыли огромныя массы. Къ 16-му числу Енисей совершенно очистился ото льда; только вода, сильно поднявшаяся, не сбывала. Къ утру 17-го понесся уже по правому берегу Енисея темный, почти синій, ледъ Тунгузки; слѣдовательно, при позднемъ вскрытіи Енисея въ этотъ годъ, подошло и вскрытіе Тунгузки съ ея притоками и особенно Тасѣевой ([1]). Къ 8 часамъ утра подъемъ воды былъ на $4^{1}/_{2}$ аршина и русла рѣчекъ, болота и овраги города были уже полны. За тѣмъ вода пріостановилась; но въ ночь на 18-е подоспѣлъ проходъ Тасѣевой, результатомъ чего и было наводненіе, длившееся 19, 20 и 21 числа. Впрочемъ, 21-го вода начала уже сбывать и сошла вполнѣ къ 27-му. Затоплена была половина города, а именно: въ 1-й части изъ 480 домовъ — 382, а во 2-й, гдѣ гора, изъ 462 — 130 домовъ. Вода возвысилась противъ обыкновеннаго уровня на 4 сажени, а противу полноводья на 2. Такимъ образомъ, причинами наводненія можно считать: 1) глубокіе снѣга, 2) до мая стоявшіе холода, 3) наступившія вдругъ оттепели, 4) совпаденіе полой воды со снѣговою, 5) совпаденіе вскрытія и Енисея, всегда вскрывающагося ранѣе, и Ангары, и Тасѣевой. Впрочемъ, кромѣ этихъ причинъ, можетъ быть и обмелѣніе Енисея, имѣющее результатомъ запоръ льда, особенно въ такихъ мелкихъ и узкихъ мѣстахъ, какъ у деревни Баженовой въ Анцыферовской волости, или какъ въ Камнѣ (мѣсто это описано будетъ ниже). Случаевъ подобныхъ наводненій, въ теченіе 60-ти лѣтъ, было 11-ть, а именно: въ 1800, 1823, 1824, 1836, 1837, 1839, 1841, 1846, 1848, 1853 и 1857. Изъ нихъ самое ужасное наводненіе, покрывавшее весь городъ, было въ 1800 году. Въ 1846 и 1848 самыя высокія только мѣста оставались непокрытыми. А въ 1857 году наводненіе менѣе предъидущихъ, но побольше остальныхъ. О томъ, какъ оградить можно городъ отъ этихъ наводненій, скажу особо. А теперь приведу таблицу съ 1790 по 1820 г. включительно о вскрытіи Енисея, а съ 1821 по 1859 подробнѣе о вскрытіи и замерзаніи этой рѣки.

([1]) Обыкновенно же Тасѣева проходитъ послѣ Енисея черезъ 6-ть, а Верхняя Тунгузка черезъ 12 дней.

ТАБЛИЦА О ВСКРЫТІИ РѢКИ ЕНИСЕЯ ВЪ 31-ЛѢТН. ПЕРІОДЪ.

ГОДЫ.	ЛЕДЪ ИМѢЛЪ ДВИЖЕНІЕ.		ГОДЫ.	ЛЕДЪ ИМѢЛЪ ДВИЖЕНІЕ.	
	Въ апрѣлѣ.	Въ маѣ.		Въ апрѣлѣ.	Въ маѣ.
1790 . . .	29	—	1806 . . .	30	—
1791 . . .	27	—	1807 . . .	13	—
1792 . . .	20	—	1808 . . .	—	2
1793 . . .	—	6	1809 . . .	—	—
1794 . . .	—	—	1810 . . .	—	—
1795 . . .	—	—	1811 . . .	—	—
1679 . . .	—	—	1812 . . .	—	—
1797 . . .	—	2	1813 . . .	—	—
1798 . . .	25	—	1814 . . .	—	1
1799 . . .	—	3	1815 . . .	—	—
1800 . . .	21	—	1816 . . .	28	—
1801 . . .	16	—	1817 . . .	14	—
1802 . . .	16	—	1818 . . .	30	—
1803 . . .	—	—	1819 . . .	—	—
1804 . . .	—	—	1820 . . .	10	—
1805 . . .	—	1			

ТАБЛИЦА О ВСКРЫТІИ РѢКИ ЕНИСЕЯ И ПОКРЫТІИ ЕЯ ЛЬДОМЪ СЪ 1821 ПО 1860 ГОДЪ ПРИ ГОРОДѢ ЕНИСЕЙСКѢ.

Годы.	РѢКА ВСКРЫЛАСЬ.						РѢКА ПОКРЫЛАСЬ.			Рѣка была покрыта льдомъ.
	Въ апрѣлѣ.				Въ маѣ.		Въ октябрѣ.	Въ ноябрѣ.		
	Отъ 10 по 20 число.		Отъ 21 по 30 число.		Отъ 1 по 10 число.		Отъ 21 по 31 число.	Отъ 1 по 10 число.	Отъ 11 по 20 число.	Число дней.
	Первый ходъ.	Изломало ледъ.	Первый ходъ.	Изломало ледъ.	Первый ходъ.	Изломало ледъ.				
1821 . .	15	—	—	25	—	—	—	5	—	—
1822 . .	17	—	—	29	—	—	—	—	—	176
1823 . .	18	20	—	—	—	—	—	—	—	—
1824 . .	—	—	24	26	—	—	—	—	—	—
1825 . .	—	—	28	—	—	1	—	—	—	—
1826 . .	10	11	—	—	—	—	—	8	—	—
1827 . .	—	—	27	28	—	—	—	—	20	171
1828 . .	—	—	29	—	—	3	—	6	—	165
1829 . .	—	—	26	—	—	4	—	4	—	179
1830 . .	—	—	27	28	—	—	—	—	14	175
1831 . .	—	—	29	30	—	—	27	—	—	166
1832 . .	—	—	25	26	—	—	—	9	—	182
1833 . .	—	—	—	—	2	3	25	—	—	175
1834 . .	—	—	22	22	—	—	—	—	16	179
1835 . .	15	18	—	—	—	—	26	—	—	153
1836 . .	—	—	—	—	1	3	—	2	—	189
1837 . .	—	—	—	—	2	2	—	10	—	181
1838 . .	—	—	29	—	—	1	31	—	—	172
1839 . .	—	—	—	—	2	2	—	2	—	183
1840 . .	17	18	—	—	—	—	21	—	—	168
1841 . .	—	—	—	—	1	1	—	10	—	193
1842 . .	17	20	—	—	—	—	30	—	—	160
1843 . .	14	15	—	—	—	—	—	8	—	167
1844 . .	—	—	22	25	—	—	—	4 и 7	—	168
1845 . .	—	—	25	—	—	1	—	4	—	175
1846 . .	—	—	27	27	—	—	28	—	—	174
1847 . .	—	—	24	25	—	—	—	—	13	180
1848 . .	—	—	—	—	5	6	—	—	17	175
1849 . .	—	—	24	28	—	—	—	8	—	162
1850 . .	—	—	24	26	—	—	27	—	—	169
1851 . .	—	—	29	30	—	—	—	1	—	185
1852 . .	—	—	21	22	—	—	—	1	—	172
1853 . .	—	—	—	—	5	6	29	—	—	189
1854 . .	14	16	—	—	—	—	—	—	11	156
1855 . .	17	20	—	—	—	—	—	8	—	163
1856 . .	—	—	21	съ 27 на 28	—	—	—	—	11	169
1857 . .	—	—	—	—	6	11	—	—	—	—
1858 . .	20	22	—	—	—	—	—	на 10	—	163
1859 . .	9	12	—	—	—	—	—	—	на 15	148

Почва окрестностей Енисейска весьма богата желѣзными составными частями. Желѣзняка здѣсь такъ много, что болота, съ юга города лежащія, покрыты всегда желѣзною ржавчиной; а на сѣверъ по р. Кеми есть даже желѣзныя горы. Руды эти различны и самыхъ лучшихъ достоинствъ. Жаль, что въ настоящее время, когда такъ много требуется желѣза для золотопромышленниковъ, нѣтъ капитальнаго и предпріимчиваго человѣка, который бы взялся за этотъ предметъ и давалъ бы лучшія желѣзныя издѣлія, чѣмъ тѣ, которыя привозятся издалека чрезъ всю Сибирь, съ Урала. Предпріятіе это, если бы и не могло сравняться съ золотопромышленностію, не всегда, впрочемъ, блистательною по своимъ результатамъ, но во всякомъ случаѣ принесло бы несомнѣнную прибыль.

Странно, какъ посмотришь, какой водоворотъ въ мірѣ: одно начинаетъ процвѣтать, а другое падаетъ, въ одномъ бѣжимъ далеко впередъ, а многое, также весьма полезное, забываемъ. Говорю это къ тому, что въ прошломъ столѣтіи бывала въ Енисейскѣ, съ конца іюля до конца августа, ярмарка, на которой сосредоточивались товары Китая, Россіи и частію западной Европы; а въ числѣ товаровъ, которыми отличался самъ Енисейскъ, пушнина и желѣзныя издѣлія занимали первую роль, тогда какъ юфть, замша, тонкія нитки, вышиванья золотомъ и шелкомъ и ичиги (особый родъ сапоговъ) слѣдовали уже за ними. По свѣдѣніямъ изъ бумагъ выборнаго отъ Енисейска на Екатерининскій сборъ г. Самойлова, видно, что желѣзными енисейскими издѣліями снабжался весь край Иркутскій, возили также укладъ въ Томскъ, Кузнецкъ, Колыванскій заводъ и въ крѣпость Семипалатинскую. Здѣшнія желѣзныя издѣлія не теряли значенія своего и въ XIX столѣтіи, такъ въ 1820 году въ одинъ Иркутскій край вывезено въ разныхъ подѣлкахъ до 6,000 пудовъ. Съ 1830 по 1840 годъ производство желѣзныхъ издѣлій не уменьшилось, хотя приготовленіе матеріаловъ въ цѣнѣ возвысилось, руда покупалась по 25 коп. за пудъ. Въ эти годы выработывалось ежегодно: сошниковъ до 12,000 паръ, уклада до 19,000 пуд., топоровъ до 35,000 штукъ и разныхъ издѣлій до 12,000 пудовъ, а всего до 30,000 пудовъ. Съ 40-хъ же годовъ, съ появленіемъ золотопромышленности, раззорившей и развратившей крестьянъ и мѣщанъ енисейскихъ, желѣзное производство стало такъ быстро упадать, что съ 50-хъ годовъ здѣшнія желѣзныя издѣлія никуда уже не отправляются и только массивный желѣзный иконостасъ, поставленный купцомъ Кореневымъ въ церкви при женскомъ монастырѣ, служитъ еще памятникомъ изсякшей промышленности. Вотъ это-то обиліе въ почвѣ желѣзняка послужило основаніемъ появленію минеральныхъ желѣзныхъ ключей.

Одинъ изъ такихъ ключей, лежащій на болотистой почвѣ у южной части самаго города, изслѣдованъ мною въ 1857 году химически. Самый процессъ изслѣдованія здѣсь повторять не буду; онъ изложенъ былъ въ Московской медицинской газетѣ. Скажу только: во-1-хъ, что въ томъ же году вода эта доставлялась въ С.-Петербургское Вольное Экономическое Общество, гдѣ оказалась бѣдною твердыми частями (изъ 16 унцій 4 грана), состоящими болѣе всего изъ углекислой извести съ небольшимъ количествомъ натра и магнезіи, были также слѣды кремнезема и глинозема, и окись желѣза, образовавшаяся тутъ уже изъ находящейся въ свѣжей водѣ углекислой закиси желѣза; слѣдовательно, главная цѣлебная часть есть углекислая закись желѣза и хоть есть слѣды сѣрной кислоты и хлора, но главное—всѣ соединенія углекислыя. Реагенціи, сдѣланныя мною, показали, во-1-хъ, *закись желѣза* опредѣлилась настойкой чернильныхъ орѣшковъ, сѣрноводородокислымъ сѣрнистымъ аммоніемъ, желѣзистосинеродистымъ каліемъ и желѣзистосинеродным каліемъ; во-2-хъ, *углекислая известь* — фосфорнокислымъ и щавелевокислымъ аммоніакомъ; въ-3-хъ, *углекислыя соли вообще*— уксуснокислымъ свинцомъ; въ-4-хъ, *небольшое количество хлора* — азотнокислымъ серебромъ. Слѣдовательно, въ общихъ чертахъ разложеніе и мною сдѣланное, и химиками петербургскими дало одни и тѣ же результаты. Только, какъ мнѣ извѣстно, вода, для отсылки въ С.-Петербургъ, была взята еще въ то время, какъ она сочилась только изъ ключа, а самый ключъ не былъ вскрытъ и не былъ изолированъ отъ стоковъ дождевой и другихъ влагъ съ окололежащей мѣстности, потому что я, вмѣсто небольшой ямы съ полубочьемъ, сдѣлалъ глубокій колодезь, при чемъ, дойдя до почвы и вынувъ корни деревьевъ, открылъ нѣсколько бьющихъ вверхъ ключиковъ и одинъ большой, подходящій къ колодцу почти перпендикулярно съ боку и бьющій въ яму съ юговосточной стороны. Къ сожалѣнію, ключъ этотъ стоитъ на низменномъ мѣстѣ, такъ что наводненіе 1857 года уничтожило и канавы и загородь, которыми обведенъ былъ источникъ и всю надземную часть сруба съ крышею и навѣсомъ, которыми защишенъ онъ былъ отъ стоковъ и дождей. А очень жаль, что нельзя ничего тутъ устроить, тогда какъ вода этого источника оказалась полезною, по моимъ наблюденіямъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) купанье въ этой водѣ, разводимой теплою, отъ невозможности выносить ея неестественно чрезмѣрнаго холода, укрѣпляетъ людей и золотушныхъ и нервныхъ; 2) примочка изъ нея заживляетъ золотушныя язвы и 3) сводитъ мокнущіе лишаи; 4) язвы гнилыя, ихорозныя, скорбутическія принимаютъ лучшій видъ и начинается заживленіе. Прибавлю ко всему этому, что пьющіе воду изъ

золотоушныхъ, нервныхъ и цынготныхъ, не получаютъ ни разстройства пищеваренія, ни запора; вода переносится пищеварительными органами легко, а люди видимо крѣпнутъ и свѣжѣютъ; вблизи живущіе граждане употребляютъ ее на чай и въ пищу. На подобный же желѣзистый ключъ наткнулись при рытьѣ колодца среди города, въ высокой горной части его, еще до моего пріѣзда въ Енисейскъ; вода эта оказалась крѣпче предъидущей, грубовата и употребленію въ пищу не соотвѣтствовала.

Такое присутствіе въ почвѣ желѣзняка, съ минеральными желѣзистыми ключами, весьма важно, потому что, какъ сказано выше, Енисейскъ стоитъ среди болотъ, и климатъ его не завиденъ. Это вызывало на мѣры. Потому, еще до прибытія моего въ Енисейскъ, былъ составленъ, по устройству города, планъ. Я читалъ этотъ планъ и нахожу его несостоятельнымъ въ томъ, что польза для здоровья, предполагаемая тамъ отъ прибавленія нѣсколькихъ кварталовъ и снесенія нѣсколькихъ зданій, не осуществится, пока не исчезнутъ влажность и удушливость въ воздухѣ, пока не сдѣлаются сухими и здоровыми самые вѣтры, продувающіе городъ. А этого быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока не уничтожится причина болѣзней, т. е. сырость, удушливость и вредность воздуха, пока грунтъ и обстановка города останутся тѣ же, пока болота внутри самаго города и въ его соприлежащихъ окрестностяхъ останутся гнить по прежнему и пока не выполнятся многія требованія медицинской полиціи. Такимъ образомъ, по моему крайнему разумѣнію, при этой планировкѣ города должны быть приняты, въ видахъ истинной пользы для здоровья жителей, слѣдующія обстоятельства:

1. Перенести западное кладбище далѣе по тракту на холмъ, отдѣляемый гатью и сырою логовиной, чрезъ которую затекаетъ вода при разливахъ Енисея. Тутъ сама природа дѣлаетъ жителямъ предѣлъ далѣе строиться; а между тѣмъ чрезъ это получится возможностъ образовать къ кладбищу (назначенному къ переносу) правильный кварталъ, который и теперь уже послѣ 1854 года подвинулся къ кладбищу.

2. Въ южной части города у кузницъ остается свободнымъ пространство для 10 кварталовъ, составляющее отъ сѣвера къ югу (въ этомъ мѣстѣ) поляну, спускающуюся все ниже и ниже, переходящую за тѣмъ въ болото и разрѣшающуюся уже Секретарскимъ озеромъ, у кораго холмъ; слѣдовательно, у кузницъ на пустое пространство низкое, влажное и могущее быть затопленнымъ, городъ можетъ задаваться только огородами, какъ теперь уже и начинаетъ, а кварталовъ располагать неудобно и для построекъ, и для здоровья обитателей впредь до измѣненія свойствъ мѣстности, т. е. если на пространствѣ всей окрестности,

примѣрно около полуверсты, вырубятся кустарники, поддерживающіе влажность почвы и обиліе воды и если за тѣмъ произведутъ этой окрестности осушку, при чемъ считаю нужнымъ присовокупить, что возможность и удача этого доказывается 1838 годомъ, когда на юго-западной сторонѣ города, между имъ и деревней Горской, 2 озерка образовавшіяся отъ стока изъ болотъ, соединены были канавою какъ между собою, такъ и съ рѣчкой Пестеревкой, чрезъ что сдѣлалась такая осушка, что начинали ѣздить.

3. Самый большой вредъ для здоровья зависитъ отъ двухъ пустотъ внутри города, кои, составляя настоящія болота, должны быть уничтожены прежде всего, а это уничтоженіе сдѣлать не трудно: первое болѣе сѣверное болото легко соединится небольшой канавкой съ тѣмъ ручейкомъ (по мѣстному названію, тогда какъ въ планѣ названъ оврагомъ), который, пройдя мимо Троицкой церкви, входитъ въ рѣчку Мельничную, повыше втораго моста; къ западу же канаву надобно провести черезъ все болото къ кладбищу (уничтожаемому); такимъ образомъ, все содержимое болота, а въ случаѣ и разлитіе Енисея, затекающаго вышесказаннымъ путемъ, будетъ опускаться канавой и оврагомъ (по мѣстному ручейкомъ) въ рѣчку Мельничную; что же касается до втораго болота, болѣе южнаго, то оно уничтожится канавами продольною и двумя поперечными, которыя бы соединяли ее съ продольною канавою перваго, болѣе сѣвернаго болота. При такомъ выполненіи и мѣстность пустою не останется, а частію застроится, частію займется огородами и здорово будетъ жителямъ.

4. Хотя нѣкоторые заводы и перенесены изъ города по Ачинскому тракту мимо западнаго кладбища къ бойнямъ, но осталось мѣсто на юго-западѣ города, занимаемое мыловарней, салотопней и даже кожевенными заводами, а какъ заведенія эти и неумѣстны и вредны для здоровья, то и должны быть также перенесены къ бойнямъ.

5. Здоровье жителей требуетъ также назначенія за чертою города особыхъ ямъ и овраговъ для своза разныхъ нечистотъ и то въ сторонѣ отъ направленія дорогъ и господствующихъ вѣтровъ, а мѣсто для помѣщенія ихъ опредѣлится, когда приведется въ исполненіе предположенная мною и требуемая здоровостью жителей планировка города.

Количество земли, занимаемое городомъ съ выгонами и лугами, пристирается до 3,012 десятинъ 600 квадратныхъ саженъ.

Число жителей города до 5,735 человѣкъ, т. е. 3,060 мужчинъ и 2,675 женщинъ.

Городъ Енисейскъ, по строенію, одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ Сибири. Онъ имѣетъ каменныя: присутственныя мѣста, больницу,

казарму, училище, гостиный дворъ и довольно частныхъ домовъ. Гостиный дворъ съ 114 лавками. Деревянныхъ домовъ до 1,100. Красоту города составляютъ два монастыря (мужской и женскій) и 6 церквей приходскихъ. Мужской монастырь называется Спасскимъ; онъ основанъ въ 1642 году при архіепископѣ Герасимѣ; къ этому монастырю были приписаны: 400 душъ крестьянъ, солеваренный заводъ, мельницы и прочія угодья; но съ 1767 года при немъ оставлены только: мельница, рыбная ловля и сѣнные покосы; по окладу, онъ причисленъ къ 3 классу. Женскій монастырь называется Христорождественскимъ; основанъ въ 1664 году, имѣетъ свои сѣнные покосы; по окладу тоже въ 3 классѣ. Въ 1829 году, на сумму 4,000 рублей, пожалованную Императоромъ Николаемъ, обнесенъ монастырь каменною оградою съ башнями, что̀ придало ему величественный видъ. Вообще церкви и монастыри въ Енисейскѣ довольно богаты: въ нихъ есть пудовъ 40 серебра.

О жителяхъ Енисейска вотъ что говоритъ въ своемъ обозрѣніи знатокъ Сибири г. Словцовъ: „соблюденіе наружныхъ обрядовъ, періо-„дическое покаяніе съ причащеніемъ Св. Таинъ, и упованіе на заслугу „Христову, безъ исправленія самой жизни, считаются у нихъ спаси-„тельными путями къ царствію Божію. Пожалѣемъ о характерѣ заблуж-„деній, нерѣдкихъ въ нашемъ вѣкѣ, и наверстаемъ порицаемую чув-„ственность взглядомъ на христіанскую жизнь слободъ, изстари засе-„ленныхъ крестьянами, а не посельщиками. Тамъ имя Божіе произно-„сится старшими семейства съ благоговѣніемъ съ утра до вечера. Мно-„гократно бывали мы свидѣтелями, съ какою чинностію, тишиною си-„дятъ за хлѣбомъ-солью, съ какимъ благодареніемъ встаютъ изъ за-„стола и съ какою богобоязливостію поднимаются падшія крупицы хлѣба, „почитаемаго за даръ Божій; видали, какъ, во время грозы, по ночамъ, „теплятъ свѣчи предъ иконами и молятся цѣлыми семьями; а хлѣбо-„сольство сибирскихъ селеній — черта уже историческая.“

Хотя нельзя не сознаться, что таковыя основы были у Енисейцевъ въ тѣ годы, когда городъ процвѣталъ не отъ случайной находки золота, а прочно отъ неутомимаго трудолюбія жителей и развитія всевозможныхъ ремеслъ, какъ показываютъ статистическія данныя старыхъ отчетовъ. Теперь же всѣ основательныя занятія брошены и ремесла перешли въ руки кой-какихъ прибылыхъ лицъ, которыя берутъ огромныя деньги, а сдѣлать ничего, какъ должно, не умѣютъ. Енисейцы же, т. е. большая часть мѣщанъ, занимаются рыбнымъ промысломъ и плаваютъ для засола рыбы, нанимаясь на купеческія суда, въ Туруханскъ. Это одно только старое занятіе; ибо появившаяся золотопромышленность, наложивъ уничтожающую руку свою на всѣ ремесла, открыла

занятія перевозкой тяжестей на пріиски (что обогащаетъ только нѣсколькихъ богачей и губитъ здоровье бѣдныхъ наемщиковъ), да показала дешевый, хотя и непрочный, способъ пріобрѣтенія черезъ разнаго рода обирательства, а именно: въ прежнія времена пріисковые рабочіе, по выходѣ изъ тайги, не только выставляли бочки съ виномъ, но бросали деньги и ходили по ассигнаціямъ; теперь же хотя этого и нѣтъ, а берутъ ужасныя деньги съ рабочихъ за дозволеніе пріюта и за харчевое, да наровятъ подпоить съ прибавочкой бѣлены или подобнаго, чтобъ можно было обобрать деньги. При такомъ направленіи развитіе праздношатательства, пьянства и разврата необходимо: весьма не рѣдкость, что здѣсь дѣвушки съ 14 лѣтъ знаютъ вино и готовы на все; неизбѣжнымъ же слѣдствіемъ такой жизни служитъ большое развитіе болѣзни (syphilis), тѣмъ болѣе, что здѣсь нѣтъ публичныхъ домовъ и все дѣлается украдкой. А когда вздумалось, напримѣръ, засѣдателю Анцыферовской волости построже взглянуть на этотъ важный предметъ, то въ спискѣ явилось 230 такихъ промышленныхъ личностей. Вообще жители Енисейска, прожившіе все время тихо въ своемъ уголкѣ, недовѣрчиво принимаютъ нѣкоторыя нововведенія: такъ, въ 1855 году, когда, по случаю открывшейся скарлатины, я ходатайствовалъ объ учрежденіи выгона скота, находились лица, недовольные этимъ и считавшіе болѣе сподручнымъ отпускать скотину на произволъ. До сихъ поръ мѣщане съ крайнимъ трудомъ соглашаются на оспопрививаніе, а ужъ сами никогда не обращаются съ просьбой объ оспопрививаніи и гг. оспенники должны странствовать по порядку изъ дома въ домъ; о вознагражденіи за оспопрививаніе нѣтъ и рѣчи, потому и выборъ въ оспенники, какъ невыгодный, считаютъ обидою. Быть понятымъ чуждаются до такой степени, что одинъ мѣщанинъ, лѣтъ 26-ти, привезенный осенью къ анатомическому театру полицейскимъ чиновникомъ, пустился бѣжать черезъ грязь, черезъ болота, потерялъ фуражку, калоши, простудился, получилъ нервную горячку и умеръ. На аптеку и врача смотрятъ съ особымъ предубѣжденіемъ и охотнѣе ввѣряются шарлатанамъ, которые употребляютъ понятныя имъ способы леченія; но слѣдствіемъ этого леченія бываетъ еще большее разстройство здоровья отъ питья въ винѣ сулемы, куренія отъ простуды киноварью и другихъ подобныхъ продѣлокъ. Но подождемъ: все, вѣрно, скоро передѣлается отъ пріобрѣтенія положительныхъ знаній. Добрыхъ качествъ въ Енисейцахъ много: нужны только знанія и знанія точныхъ наукъ. Такъ съ радостію привѣтствуемъ основаніе въ Енисейскѣ въ послѣдніе годы женской школы.

О состояніи же вообще учебной части скажу слѣдующее: въ 1790

году въ Енисейскѣ открыто народное училище. А ранѣе дѣти здѣшнихъ мѣщанъ и купцовъ учились грамотѣ у дьячковъ и въ женскомъ монастырѣ. Это ученіе ограничивалось чтеніемъ гражданскихъ и церковныхъ книгъ и заучиваніемъ наизустъ псалтыря. Въ 1828 году училище переименовано изъ народнаго въ приходское. Въ первые годы число учищихся было весьма незначительно: отъ 15 до 40 человѣкъ. Потомъ постепенно увеличивалось и дошло до 100 человѣкъ, почему и открыто было другое приходское училище. Теперь въ Енисейскѣ: 1 уѣздное, 2 приходскихъ и 1 женское училища.

Что же бы еще сказать о жителяхъ и препровожденіи ихъ времени: игръ особенныхъ, кромѣ общеизвѣстныхъ, нѣтъ; бывающіе лѣтомъ шесть шинковъ, какъ народныя увеселенія и гулянья, тоже общеизвѣстны.

Интересно упомянуть, что изъ 5 крестныхъ ходовъ въ городѣ, одинъ (8 іюля) бываетъ изъ собора въ честь Великоустюжскаго чудотворца Прокопія. Какъ это обстоятельство, такъ воспоминанія стариковъ и подписи подъ многими иконами въ церквахъ, доказываютъ, что Енисейскъ заселенъ по преимуществу Великоустюжанами. Иконы эти писаны въ Великомъ Устюгѣ и доставлены оттуда. Такихъ иконъ 4 въ одной Троицкой церкви: Троицы и Богоматери по сторонамъ царскихъ вратъ; на правомъ клиросѣ Вознесенія Господня; на лѣвомъ—Великоустюжскихъ чудотворцевъ Прокопія и Василія. Въ воспоминаніе встрѣчи этихъ иконъ бываетъ 23 апрѣля изъ Троицкой церкви крестный ходъ.

Жители Енисейска, какъ и вообще жители небольшихъ городовъ, за неимѣніемъ въ городѣ никакихъ увеселеній, свободное отъ занятій время любятъ проводить за картами. Для наблюденія за постепеннымъ развитіемъ этого удовольствія, выпишу за нѣсколько лѣтъ итоги суммъ, вырученныхъ за продажу картъ.

Въ 1846 году		396 р.	— к
„ 1847 „		480 „	
„ 1848 „		643 „	80 „
„ 1849 „		622 „	20 „
„ 1856 „		1,140 „	40 „

Впрочемъ, картами болѣе занимаются люди пріѣзжіе для золотопромышленности и чиновники. Коренные же Енисейцы болѣе думаютъ о своей промышленности, а на обязанности женщинъ лежитъ лѣтомъ огородничество. Огороды въ городѣ находятся почти при каждомъ домѣ; землю въ огородахъ удобряютъ только подъ огурцы, капусту и та-

бакъ; прочіе же овощи земля производитъ безъ удобренія. Неизбѣжную принадлежность здѣшняго хозяйства составляютъ: капуста, свекла, рѣдька, брюква, морковь, огурцы и картофель. Капусту сѣютъ сперва въ разсадникѣ въ хорошо удобренной землѣ. Когда растеніе достигнетъ надлежащей величины, что̀ обыкновенно бываетъ около Троицына дня, тогда его вынимаютъ и пересаживаютъ въ гряды. Капуста снимается съ грядъ обыкновенно во второй половинѣ сентября. Рубка капусты производится по̀мочами, то есть въ назначенный день приглашаются родственники, знакомые и сосѣдки, по большой части дѣвицы. Одѣвшись въ лучшія платья, собираются въ назначенное мѣсто и принимаются за рубку капусты. Этихъ дней ждутъ: тутъ веселье, тутъ слышатся пѣсни и рѣзвый хохотъ. По окончаніи рубки, хозяева капусты дѣлаютъ угощеніе.

Свеклу, рѣдьку, рѣпу и морковь садятъ прямо въ гряды сѣмянами; брюквы садятъ очень мало.

Огурцы садятъ двухъ родовъ: обыкновенные и китайскіе; послѣдніе невкусны, и разводятся только для рѣдкости. Огуречныя сѣмяна мочатъ сперва въ тряпкѣ, намоченной сокомъ, и когда они пустятъ ростки, высаживаютъ на хорошо удобренныя гряды и первое время ежедневно поливаютъ. Самое большое производство огурцовъ, съ лучшимъ засоломъ ихъ, бываетъ близъ Енисейска, въ принадлежавшемъ казнѣ, а теперь упраздненномъ, Каменскомъ винокуренномъ заводѣ, откуда и привозятъ ихъ на продажу мало по малу въ теченіи зимы и даже до весны, въ Енисейскъ.

Картофель здѣсь разводится въ довольно большомъ количествѣ. Жители Енисейска никогда не чуждались картофеля. Опытъ указалъ имъ, что лучшій картофель разсыпчатый, родится на песчаномъ или глинистомъ грунтѣ, на черноземѣ же бываетъ мелокъ и водянистъ. Его садятъ прямо въ гряды корнями и только при недостаткѣ разрѣзываютъ на куски. Огребанія или окучиванія картофеля здѣсь не употребляютъ. Картофель вынимаютъ изъ земли поздно осенью, когда снимутъ уже всѣ прочіе овощи. Урожай его бываетъ самъ-пятъ и болѣе. Хранятъ во время зимы въ ямахъ, устроиваемыхъ подъ домами.

Уходъ за огородными овощами требуетъ вообще много хлопотъ о поддержаніи ихъ жизни, между тѣмъ какъ по всей Восточной Сибири, отъ снѣговъ сѣвера до жгучихъ степей Забайкальскихъ, привольно и приманчиво для глаза раскинуты цвѣты большіе, густожелтые (жаркіе), фіолетовые и красные съ формою бокаловъ, либо завитковъ. Цвѣтки эти, или вѣрнѣе все растеніе называется *сарани*, *саранки*. Удѣлъ возраста дѣтскаго привлекаться одною наружностью, безъ сознанія идеи,

безъ знанія особенностей и достоинствъ внутренняго міра, привелъ здѣсь простолюдиновъ къ узнанію питательности этого растенія.

Растеніе это изъ фамиліи Liliaciae. Въ пищу идти могутъ Lilium Lavriacum, tenuifolium и Martagon; Hemerocallis же flava (именуемая волчьей сараной) въ пищу нейдетъ. Покажу коротенько особенности употребляемыхъ въ пищу саранъ: 1-й видъ отличается цвѣтами, въ родѣ бокала, длиною вершка въ $1^1/_2$ и въ діаметрѣ верхняго конца въ вершокъ; растетъ на толстоватомъ стеблѣ, вышиною около аршина, съ листиками по стеблю продолговатыми элипсовидными яркозеленаго цвѣта; цвѣтокъ съ 6-ю темнопунцовыми тычинками и пестикомъ составляетъ на рукѣ красноватую пыль, луковица бѣлаго цвѣта бываетъ въ длину $^3/_4$ вершка и въ діаметрѣ $^1/_2$ вершка, формы острообразной, и прикрыта сверху желтобѣловатой пленкой, вкуса сладкаго мучнистаго; растетъ большею частію на сухихъ полянахъ; 2-й видъ также имѣетъ цвѣтъ яркопунцовый, но не большой, котораго листочки перегибаются назадъ, завиваются и называются по просту „барашками", стебель проволоковидный около $^1/_2$ аршина и безъ пушка, луковица менѣе чѣмъ 1-го вида; растетъ на скатахъ и у подошвы горъ; 3-й видъ называется обыкновенно сѣрымъ, ибо бываетъ испещренъ крапинами и также завиткомъ, отличается луковицей, весьма большой и желтоватой. Растеніе это употребляется въ пищу съ большимъ удовольствіемъ и разнобразно населеніемъ русскимъ, свѣдавшимъ, вѣроятно, либо отъ инородцевъ, либо отъ мышей. Послѣднія очень любятъ это растеніе и запасаютъ на зиму въ погреба (какъ говорятъ обыкновенно), т. е. въ выдѣланныя глубокія мѣста, тогда какъ кругомъ норы; но бѣдныя нерѣдко бываютъ обираемы сосѣдями-людьми. Инородцы высушиваютъ луковицы, растираютъ въ муку и, то варятъ съ просомъ, то пекутъ въ золѣ лепешки. Русскіе употребляютъ: 1) въ соусъ разнообразно: или какъ спаржу съ обливомъ сабаіона или какъ артишоки съ масломъ жареные, или въ гарниръ (въ числѣ прочаго) или цѣльные, сваривши съ кисленькимъ соусомъ, или, сваривъ, какъ картофель растираютъ и прибавляютъ понемногу, на вкусъ, сливокъ, масла и соли. 2) Въ кисель слѣдующимъ образомъ: луковицы обчищаютъ, сушатъ въ вольной печи, трутъ не небольшихъ и мелкозубчатыхъ теркахъ (въ $2^3/_4$ вершка длиною и $1^1/_2$ вер. шир.) въ родѣ (только менѣе) употребляемыхъ для приготовленія картофельной муки; просѣваютъ въ обыкновенное сито, при чемъ мука проходитъ, а другія части остаются, наливаютъ водой, либо молокомъ и кипятятъ до 4 или 5 разъ (впрочемъ, на молокѣ гуще и пріятнѣе), когда же скипитъ, то опять откидываютъ на сито и процѣживаютъ, потомъ опять варятъ,

безпрерывно помѣшивая, при чемъ дѣлается гуще и гуще и получается кисель. Присовокуплю, что при варкѣ съ молокомъ не должно солить; а съ водою, при кипѣніи послѣдней, подсыпаютъ соль понемногу, безпрерывно помѣшивая, впрочемъ считаютъ лучше, прежде прибавки муки, воду посолить, примѣрно на 6-ть стакановъ воды полчайной ложки соли, ѣдятъ это либо съ хлѣбомъ, либо безъ онаго, смотря по привычкѣ. 3) Весьма вкусная каша изъ саранъ съ тыквой дѣлается такъ: сарану очищаютъ и варятъ въ водѣ, за тѣмъ откидываютъ на сито, чтобъ стекла вода, потомъ когда нѣсколько подсохнетъ, должно тереть ложкой; при чемъ сквозь сито протирается мякоть, потомъ прибавляютъ сюда въ такомъ же видѣ тыкву, а зимой картофель, и разводятъ молокомъ, а потомъ прибавляютъ пшена, ѣдятъ съ масломъ. 4) Русское простонародіе и инородцы считаютъ муку изъ саранъ весьма полезною въ грудныхъ болѣзняхъ и даже, по ихъ словамъ, въ чахоткѣ; такъ или нѣтъ, они по крайней мѣрѣ съ увѣренностію употребляютъ.

Вообще интересно бы сдѣлать разложеніе хорошихъ экземпляровъ этихъ луковицъ, для узнанія количества каждаго ингредіента, степени питательности и возможности замѣнить сколько нибудь саранами расхворавшійся картофель, особенно въ нашемъ бѣдномъ Туруханскомъ краѣ.

Прибавлю здѣсь и результаты разложеній мною воды Плотбищенскаго озера.

Въ 17 верстахъ отъ города Енисейска, въ волости Яланской, есть озеро называемое Плотбищенскимъ. Когда-то давно, до пріѣзда моего въ 1855 году въ Енисейскъ, дошло до свѣдѣнія господина начальника губерніи, что озеро это оказываетъ купающимся въ немъ цѣлебное дѣйствіе. Сдѣлано было изслѣдованіе этого озера, изъ котораго вывели заключеніе, что вода въ немъ желѣзистаго свойства. Такое заключеніе казалось естественнымъ для толпы, потому что верстахъ въ 8-ми отъ озера есть горы изъ желѣзняка. Вода эта съ пріѣзда моего въ Енисейскъ постоянно занимала меня: она лечитъ раны и язвы на людяхъ и лошадяхъ, вылечиваетъ золотуху, сводитъ лишаи, останавливаетъ начавшіеся образовываться нарывы, напримѣръ грудницы и тому подобныя. Потому не разъ въ предъидущіе 4 года посылалъ я за этою водою съ цѣлью разложеній; но не оказывалось никакихъ минеральныхъ составныхъ частей, что относилось каждый разъ, или къ неумѣнію взять воду въ надлежащемъ мѣстѣ, или къ дождямъ, или весною къ залитію озера водою р. Кеми, въ которую, напротивъ, течетъ вода изъ озера въ остальное время года.

Наконецъ, въ прошломъ 1860 году, я рѣшился добиться толку.

Потому въ 1-й разъ взяли воду въ концѣ мая, искали желѣза въ какомъ нибудь соединеніи, и, не найдя ничего, рѣшили, что озеро залито Кемьскою водою. Во 2-й разъ 19-го іюня взяли воду подалѣе отъ берега въ чрезмѣрно холодной ямѣ, къ которой подплыли въ челнокѣ и ведро погрузили ко дну, чтобы получить воду самыхъ, предполагаемыхъ, цѣлебныхъ ключей. Въ этой водѣ Лакмусова бумага осталась безъ измѣненія; разные реагенты не оказали присутствія какой либо соли; испареніе не оказало никакого явственнаго осадка, кромѣ желтоватыхъ мелкихъ пластинокъ, какъ бываетъ отъ высушеннаго клея, только безъ такой клейкости. Получивъ и тутъ неудачу, оставалось предположить цѣлебность озера отъ началъ неминеральныхъ. Почему и взята вода въ 3-й разъ. Это уже было въ послѣднихъ числахъ іюля, когда въ Кеми упала вода такъ, что теченіе изъ озера въ Кемь было очевидно. Мѣстомъ, гдѣ именно взять воду, избрана не глубокая яма, а ближе къ берегу, гдѣ купаются обыкновенно лечащіеся.—Но и въ этой водѣ опять таки ничего не открыто реагентами. Почему воду раздѣлили на двѣ части: одну употребили на выпариваніе, а другую для стоянія долгое время въ обыкновенной температурѣ.—При выпариваніи въ фунтовой выпаривательной чашкѣ (за неимѣніемъ большой), продолжавшемся 20 дней (по 1 фунту на сутки), оказался желтоватокоричневый осадокъ, расположенный мелкими крошками, не измѣнившійся отъ реагентовъ, на огнѣ давшій запахъ, какъ бы отъ клея. Въ стоялой же водѣ (около мѣсяца) образовался наверху слизистый слой, въ палецъ толщиною, въ ведерной бутыли и значительно поболѣе двухъ унцій мѣрою; гнилостнаго же запаха нѣтъ. Такимъ образомъ, вода эта оказалась не минерально-цѣлебною, а органически-цѣлебною. Цѣлебность должна быть не отъ инфузорій со слизистымъ ихъ началомъ, подобно озеру Подбанному (въ Туруханскѣ), а отъ слизи растительной.

Конечно, цѣлебности воды должна споспѣшествовать и углекислота, доказывающая свое присутствіе какъ особенно освѣжающимъ вкусомъ, такъ и признаками шипѣнія отъ влитія соляной кислоты, если пробу дѣлать на мѣстѣ, гдѣ озеро. Для неопровержимаго доказательства этой мысли, взяли въ 4-й разъ уже самое ложе близъ берега, а такъ же и землю съ берега: тутъ не оказалось тоже ни желѣза и ничего особенно цѣлебнаго, а только илъ; глины же и песка понемногу. И такъ, мечты не только о желѣзѣ, но и о какихъ либо другихъ минеральныхъ составахъ исчезли совершенно; а съ тѣмъ вмѣстѣ доказывается мысль, высказанная мною и при описаніи Подбаннаго озера въ г. Туруханскѣ, что воды получаютъ цѣлебныя свойства и отъ органическихъ составныхъ частей.

Говоря о г. Енисейскѣ и его окрестности, нѣтъ никакой возможности умолчать о состояніи общественнаго благоустройства и призрѣнія, о медицинской части, о полиціи и т. под. О состояніи заведеній Приказа Общественнаго Призрѣнія мы уже говорили въ главѣ о бытовой сторонѣ золотыхъ пріисковъ. Къ медицинской же и полицейской частямъ съ ихъ взаимноотношеніемъ перейдемъ сейчасъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Положеніе уѣзднаго врача и отношеніе его къ полиціи. Очеркъ состоянія той и другой части.

Правильны ли отношенія уѣздныхъ врачей къ полиціямъ?

Понятна каждому та важность медицинской части, которую она имѣетъ въ числѣ звеньевъ общественнаго тѣла. Она распадается на двѣ сферы: къ одной принадлежитъ вся личная дѣятельность врача-практика по отношенію къ каждому гражданину въ отдѣльности, къ другой — дѣятельность врача-чиновника, гдѣ пріемлются мѣры, предупреждающія и пресѣкающія вредъ болѣе общественный, чѣмъ единично личный, гдѣ отъ каждаго слова врача ожидаютъ попеченій объ общей здоровости и заботъ, предупреждающихъ возможность вреда здоровью гражданъ.

На первомъ полѣ дѣятельности врачъ, въ Россіи, самостоятеленъ: при современномъ и спеціально-медицинскомъ и обще-университетскомъ образованіи, съ высшимъ понятіемъ о добрѣ, о долгѣ и обязанностяхъ гражданина, съ болѣе развитымъ понятіемъ о чести, онъ можетъ приносить посильную пользу общественникамъ, лишь бы они сами спокойнѣе и разумнѣе смотрѣли на добросовѣстный скромный трудъ, а не увлекались заѣзжими авантюристами, съ ихъ угодливостями, самохвальствами и бранью всѣхъ собратовъ.

Второе поле дѣятельности еще важнѣе: при немъ каждая мѣра, каждое слово и степень исполненія его имѣютъ уже отношеніе не къ отдѣльному лицу, а къ цѣлому обществу, и, если жалко каждаго, гибнущаго отъ невозможности ли помочь, или отъ нежеланія и злой воли врача,—то какова же должна быть забота правительства, и какъ громка

должна быть жалоба, если вредъ получаетъ цѣлое общество и гибнутъ люди десятками?!

Къ сожалѣнію, при нашей секретности и застѣнности всѣхъ полицейскихъ и судебныхъ производствъ многое возмутительное прикрывается канцелярскою тайной, скрыто отъ глазъ, пониманія и сознанія общества, и развѣ только изрѣдка и то сначала происшествія носится надъ нимъ въ качествѣ туманной молвы, которая и произносится только шопотомъ (чтобъ не услышали и не потянули къ слѣдствію), потомъ считается за пустяки съ приговоромъ „людская молва—морская волна! непостоянна“, или „языкъ безъ кости — вертится какъ хочетъ!“ и, наконецъ, умолкаетъ совсѣмъ. Обыкновенно не хотятъ будто понимать, что, кромѣ убійствъ явныхъ, есть много скрытыхъ. При послѣднихъ — ни на дѣлѣ, ни въ воображеніи — никто не подходитъ къ вамъ съ ножемъ въ рукѣ и яростью дерзкаго человѣка, напротивъ, тутъ незамѣтно для толпы вымучатъ васъ, вытянутъ сокъ и кровь и потомъ уже, какъ мумію, спустятъ въ могилу. Толпа поражается всегда картиной, выставленной вдругъ, неожиданно: она считаетъ убійствомъ, охаетъ, ахаетъ и сбѣгается смотрѣть, когда зарѣзанъ человѣкъ, и въ тоже время не видитъ и безмолвствуетъ, когда, напримѣръ, какой нибудь поселенецъ-практикантъ такъ подкуритъ человѣка киноварью и напоитъ сулемой, что онъ едва садится въ постели съ выраженіемъ ртутнаго худосочія и черезъ мѣсяцъ отъ него умираетъ.

Множество можно привести подобныхъ примѣровъ, но мы говоримъ это къ тому, какой смыслъ должны бы имѣть предметы медицинской полиціи, изложенные въ Св. Зак., тогда какъ при нынѣшнемъ, зависимомъ и отъ полиціи и отъ всѣхъ губернскихъ властей, положеніи медиковъ, статьи написаны во многихъ случаяхъ для того будто только, чтобъ красоваться въ печати.

Мнѣ скажутъ: кто же знаетъ все это, кто же выяснитъ, кромѣ самихъ врачей?! А вы думаете это такъ легко?! Если хотите — скажу рѣшительнѣе: это во многихъ случаяхъ просто невозможно. Мы оставимъ здѣсь въ сторонѣ личныя качества и самихъ дѣятелей-врачей: въ многочисленной семьѣ могутъ быть и между ними особые господа, которыхъ весьма хорошо характеризуетъ эпитетъ, произносимый имъ же въ честь, „человѣкъ уживчивый“. Но это исключеніе, а мы говоримъ вообще. Я сказалъ: иногда невозможно. Да! и невозможно; потому что главнымъ дѣятелемъ всюду является младшій рангъ врачей, слѣдовательно, вы не забудьте, что надъ нимъ есть и свое начальство, и начальство мѣстнаго управленія, и начальство всѣхъ губернскихъ вла-

стей, словомъ, столько начальствъ, что и не перечтешь; не забудьте, что, при жалобѣ его на квартальнаго, удостовѣреніе производитъ старшій другъ его—частный, — при жалобѣ на частнаго, старшій братъ его городничій; не забудьте, что у насъ секретность, застѣнность, гдѣ, что хотятъ, то и дѣлаютъ, не обращая вниманія на безмолвно стоящее зерцало; что у насъ, наконецъ, безсмысленны и повальные обыски, потому что они никогда не являются, особенно въ городахъ, выраженіемъ мнѣнія квартала,—это вѣдь одно названіе; живаго квартала нѣтъ, члены его не составляютъ цѣлаго, они не сбираются, они разъединены; съ обыскнымъ актомъ съѣздитъ изъ дома въ домъ квартальный, покажетъ, какъ должно отозваться; въ случаѣ же противорѣчія, быстро спроситъ: „а чѣмъ докажете? доказчику первый кнутъ!" и опускается рука и пишетъ она тоже, что написали и предъидущіе, отчасти, можетъ быть, и навербованные друзья полиціи. Не думайте, чтобъ это восклицаніе было безсильно въ уѣздномъ городѣ, гдѣ вѣдь нѣтъ старшихъ: оно, я вамъ доложу, такъ же пугаетъ, какъ петровское „слово и дѣло!"—но какъ бы тамъ ни было, а мы рѣшаемся высказаться, конечно въ общихъ, никого лично не касающихся, случаяхъ. И такъ къ дѣлу.

Подъ именемъ уѣздныхъ врачей я буду разумѣть здѣсь неизвѣстную должность, названную такъ въ Св. Зак., да и у насъ, въ Сибири, лицо, отправляющее такую должность, называется врачемъ окружнымъ; а всѣхъ врачей, служащихъ въ уѣздныхъ городахъ.

„Дѣло въ дѣлѣ", говоритъ народъ. Это совершенно справедливо. Чтò въ словахъ и печатаніяхъ, если это тѣмъ и кончается? Чтò въ мысли и теоріи, хоть и блестящей, если она непримѣнима къ дѣлу, или только не исполняется? Мы, вообще, въ кабинетахъ хорошо разсуждаемъ, но нуженъ и плодотворенъ только опытъ, фактъ, повѣрка и исполненіе на дѣлѣ.

Долгое время думало правительство, что полиціи земская и городская, назначенныя блюсти въ жизни общественной исполненіе идеи правды и существующихъ законовъ, хороши; но, наконецъ, разубѣдилось, почему и издало постановленіе объ особыхъ судебныхъ слѣдователяхъ, которыми бы повѣрялись самостоятельно слѣдствія, производимыя полиціями.

Главнымъ требованіемъ отъ этихъ судебныхъ слѣдователей правительство положило: высшее образованіе и познанія юридическія въ теоріи и въ опытѣ. А этимъ оно показало, что въ обычныхъ членахъ полиціи оно не видитъ вовсе этихъ качествъ.

Да, ихъ и дѣйствительно нѣтъ: нѣтъ опыта, потому что они не выбираются изъ общественниковъ, знающихъ свои болѣзни: нужды и потребности, нѣтъ теоріи.

Вотъ кто случается, а на основаніи закона даже оффиціально и проявляется, блюстителемъ правды и законности, преслѣдователемъ и открывателемъ всѣхъ проступковъ и преступленій, производителемъ, наконецъ, тѣхъ слѣдствій, того краеугольнаго камня въ каждомъ дѣлѣ, на которомъ основываются мнѣнія и рѣшенія не только судовъ, палатъ, но и самаго Сената. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь не возмутительно ли это? Если нѣтъ возможности пока предоставить должности полицейскихъ, лицамъ высшаго образованія, то по крайней мѣрѣ отдать бы ихъ самимъ общественникамъ, которыхъ выборные были бы полны знанія жизни и страха предъ обществомъ, въ которое возвращались бы по выслугѣ лѣтъ и которое могло бы смѣнять ихъ, да и здравый смыслъ и добросовѣстность нерѣдко лучше всякаго статьевѣдѣнія.

Впрочемъ, какъ, отъ чего и почему это такъ, намъ не мѣсто здѣсь дѣлать разслѣдованіе: тотъ узнаетъ причины болѣзни, кому нужно лечить ее. Упомянули это мы къ тому, что рядомъ съ такими-то личностями стоитъ, даже въ уровень съ ними, а на самомъ дѣлѣ даже въ зависимости отъ нихъ, медикъ (не только тотъ медикъ, который когда-то кой-какъ учился только трупы рѣзать), а медикъ молодой, съ образованіемъ высшимъ университетскимъ общимъ и юридическимъ (независимо отъ медицинскаго).

Правительство давно уже имѣло бы въ немъ (медикѣ) то контролирующее каждый шагъ полиціи (особенно въ уголовныхъ дѣлахъ) лицо, которое оно думаетъ найти теперь въ особыхъ судебныхъ слѣдователяхъ, еслибъ только уѣздные врачи стояли свободно и независимо, и имѣли право на нѣкоторую самодѣятельность. А то каждый теперь, опираясь на ст. закона „медикъ за неявку, по требованію, подлежитъ суду“, дѣлаетъ съ медикомъ что̀ угодно и угрожаетъ на каждомъ шагу подвергнуть отвѣтственности. Губернскія мѣста могутъ отдавать его подъ судъ за мнѣніе, если оно не согласно съ слѣдствіемъ подобной (какъ сказано выше) полиціи. Его, какъ угодно, можетъ затереть, если захочетъ, инспекторъ врачебной управы, какъ начальникъ аттестующій и какъ личность, на которую иногда возлагаются надежды полиціи и у которой отъ великовластія (лично, т. е. въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не признается коллегіальность учрежденіи врачебной управы) и отъ секретности, застѣнности при томъ всѣхъ резолюцій, могутъ, пожалуй, проявиться и чиновничьи замашки. Его можетъ пере-

водить, назначать и увольнять губернаторъ. А если къ тому же читатель проведетъ непрерывную цѣпь отъ производителей слѣдствій къ судамъ и особенно къ губернскому правленію, совѣтники котораго большею частію бываютъ изъ бывшихъ городничихъ и исправниковъ, то и пойметъ, какъ оцѣпленъ, какъ связанъ уѣздный медикъ въ искреннемъ выраженіи своихъ самостоятельныхъ мнѣній. Но это сказано вообще, перейдемъ къ частностямъ.

Возьмемъ медика городоваго. Въ городѣ 6,000 или 7,000 жителей, да 25,000 народа бродитъ взадъ и впередъ, мимо него, въ качествѣ пріисковыхъ рабочихъ. Въ городѣ онъ одинъ, а окружной далеко, гдѣ нибудь въ округѣ. Слѣдовательно, на немъ лежитъ здоровость всѣхъ жителей и всѣ медико-полицейскія и судебно-медицинскія дѣла, да и не въ городѣ только, а если что важное случилось въ округѣ не въ той сторонѣ, гдѣ окружной врачъ находится, то командируется и въ округъ. Въ городѣ, конечно, больница, да изъ трехъ еще отдѣленій: приказа, военнаго и арестантскаго. Онъ же обязанъ завѣдывать всѣми отдѣленіями и даже безплатно, потому что такъ предписано начальствомъ. Слѣдовательно, онъ же и аптекарь всѣхъ трехъ аптекъ и обязанъ по нимъ отчетностью. А больныхъ бываетъ человѣкъ по 80. И это вѣрно; тогда какъ по закону на каждые 50 человѣкъ долженъ быть даже особый ординаторъ, а если сверхъ 50 человѣкъ, то можно приглашать въ помощь или городоваго, или вольнопрактикующаго; аптекарь же и старшій врачъ, засѣдающій предсѣдателемъ конторы и членомъ совѣта больницы, долженъ быть еще особымъ лицемъ. А здѣсь, вопреки закона, на все онъ одинъ, съ обязанностію все выполнить въ наилучшемъ видѣ, особенно если нѣтъ, чѣмъ благодарствовать милости инспектора, когда попадаетъ, случайно, на эту должность какой нибудь искатель на Руси пріятныхъ приключеній. И бываетъ это именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ начальникъ губерніи смотритъ на лицо инспектора, какъ на врачебную управу. Онъ все управленіе видитъ въ лице инспектора, а не сознаетъ силу и смыслъ коллегіальности этого учрежденія, гдѣ никто не имѣетъ двухъ голосовъ и инспекторъ есть только первый между равными (primus inter pares). А то въ такихъ губерніяхъ, членовъ управы третируютъ не какъ членовъ управленія, не какъ спеціалистовъ, имѣющихъ, каждый по своей части, даже преимущественную силу въ голосѣ, а какъ лицъ приставленныхъ къ управѣ будто для разсылокъ туда и сюда. Эти разсылки могутъ дѣлаться совершенно произвольно, въ случаѣ противорѣчія члена и неудовольствія къ нему инспектора, или исключительно по волѣ губернатора. Тогда какъ надобно, осмѣливаемся мы думать, строжайше постановить, чтобы замѣны врачей про-

изводились другъ другомъ, руководствуясь сосѣдствомъ округовъ, или службою ихъ въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ городовымъ, либо больничнымъ вмѣсто окружнаго; за тѣмъ, если и тѣ средства истощены, должно командировать одного изъ врачей губернскаго города, т. е. либо уѣзднаго, или городоваго, либо больничнаго и, думаю, даже по преимуществу двухъ послѣднихъ, обязанности которыхъ легко можетъ отправить который либо изъ членовъ управы, не покидая и своего поста въ управѣ. А то весьма часто отсылаютъ члена управы отправлять обязанность какого либо дальняго изъ врачей уѣздныхъ; тогда какъ служащіе въ губернскомъ городѣ врачи — больничный, городовой и окружной остаются на своихъ мѣстахъ и даже засѣдаютъ (и особенно чаще больничный, какъ состоящій въ 8 классѣ) во врачебной управѣ. Да почему же младшіе могутъ отправлять обязанность старшихъ, да еще и спеціалистовъ, державшихъ для того особые экзамены; а будто операторъ и акушеръ уже не съумѣютъ управиться на должностяхъ больничнаго и городоваго врачей?! Конечно, при словѣ спеціалистъ, можетъ случиться у кого нибудь улыбка, потому что бываютъ, напримѣръ, акушеры, чуждающіеся всякаго акушерствованія; но вѣдь мы говоримъ вообще, а не объ исключеніяхъ, — говоримъ о правахъ общихъ, которыя въ членахъ управы часто совершенно уничтожаются, и губернскій ветеринаръ (обязанный присутствовать только въ случаяхъ сужденія о дѣлахъ ветеринарныхъ, въ качествѣ приглашаемаго члена) въ иныхъ управахъ засѣдаетъ себѣ какъ членъ постоянный и даже во всякое время, а не только за откомандировкою куда нибудь настоящаго члена?!

И такъ, болѣзнь наша въ томъ, что не обстановлены, какъ должно, крѣпко, права каждаго члена управы и что каждый уѣздный врачъ, не имѣетъ должной самостоятельности въ дѣйствіяхъ, отъ неясности опредѣленія правъ и обязанностей! По нашему скромному мнѣнію, благосостояніе медицинской части въ губерніяхъ, а съ нею и правильность всѣхъ медико-полицейскихъ и судебно-медицинскихъ дѣлъ, будетъ только тогда, какъ признана будетъ ея *полная самостоятельность и независимость отъ мѣстнаго управленія* (особенно при нынѣшнемъ складѣ онаго), т. е. чтобы врачебныя управы получали бы безконечное число указовъ отъ каждаго секретаря губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, — чтобы они руководствовались наукой, а не сильной волей сильнаго на мѣстѣ, — чтобы не могли губернскія правленія и губернскіе суды, не имѣющіе понятія о медицинской части, предавать врачебной управы подъ слѣдствіе и судъ за мнѣнія ихъ, — чтобы предоставлено было мѣстнымъ медикамъ право черезъ мѣстныя управы, а управамъ

прямо уже отъ себя, требовать отъ губернскаго правленія измѣненія тѣхъ изъ мѣръ, которыя окажутся несогласными съ попеченіемъ о народномъ здравіи, — чтобы и самыя управы были не шутя, т. е. на дѣлѣ, учрежденіемъ коллегіальнымъ, а для того надобно, чтобы члены управы не аттестовались, какъ иногда бываетъ, ихъ старшимъ сотоварищемъ-инспекторомъ (если онъ особенно въ силѣ у губернатора), степень ихъ пользы и учености можетъ видѣть медицинскій департаментъ изъ подаваемыхъ голосовъ, — чтобы ихъ не гоняли, когда вздумаютъ, по всей губерніи, оставляя на мѣстахъ въ губернскомъ городѣ врачей и больничнаго, и городоваго и окружнаго, — чтобы, если своевременно, и самыя управы были гласнымъ присутствіемъ.

Но мы обо всѣхъ этихъ отношеніяхъ сказали такъ, мимоходомъ, мы приступимъ вѣдь къ описанію дѣятельности городоваго врача. Прослѣдимъ же день его.

Раннимъ утромъ онъ проснулся. Его помощи ожидаютъ толпы бѣдныхъ больныхъ. Въ бесѣдахъ съ ними онъ выпиваетъ стаканъ чаю и выѣзжаетъ въ больницу часу въ осьмомъ. Больныхъ тамъ, примѣрно, человѣкъ 60: надобно обойти ихъ всѣхъ, потолковать, подіагносцировать, сдѣлать должныя записи въ 60 скорбныхъ листахъ, да еще почище, а то инспекторъ, при посѣщеніи, можетъ отобрать листы, менѣе чисто написанные, да и представить губернатору, при доносѣ о нерачительности къ службѣ. Потомъ присматриваетъ, исправно ли сдѣланы перевязки, выдаетъ лекарства для составленія по рецептамъ и присматриваетъ за фельдшеромъ, потому что одинъ одинешенекъ фельдшеръ и для всѣхъ перевязокъ, и для аптеки, и иногда (за неприсылкою городоваго) для города, того и гляди сдѣлаетъ кое-какъ. Такъ прошло полтора часа, а медикъ въ 10 долженъ, по повѣсткѣ безъ объясненія цѣли (къ чему его посвящать въ канцелярскія тайны?!) прибыть въ окружной судъ. Что дѣлать? поручаетъ фельдшеру додѣлывать прописанныя лекарства и вносить дневной расходъ медикаментовъ, а самъ отправляется въ контору больницы, хоть подписать наготовленныя бумаги, что̀ онъ долженъ исполнить, какъ предсѣдатель конторы. Но бумаги нужно прочесть; а онѣ безграмотны—нужно исправить. А вотъ и отчетности о расходѣ суммъ и различныя вѣдомости по счетной части, вѣдь нужно же хоть, для примѣра, одну, двѣ статьи, провѣрить; нужно взглянуть и въ статью прихода кассовой книги, когда подписывать приходится бумагу съ увѣдомленіемъ, о полученіи такой-то и такой-то суммы, — и взглянуть въ правдивую книгу, которой веденіе иногда пріостанавливается, потому что полиціи не желательно по цѣлой недѣлѣ присылать о такомъ больномъ бумаги и документовъ, котораго

нельзя было не принять и безъ всякихъ бумагъ по тяжести его болѣзни. Вотъ и 10 часовъ, слѣдовательно врачъ опоздалъ нѣсколько въ окружной судъ, тѣмъ болѣе, что нужно проѣхать три четверти города. Онъ торопится и многое не досматриваетъ въ книгахъ и бумагахъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ солдатъ изъ острога съ объявленіемъ отъ г. смотрителя, что въ кандальной заболѣлъ важный преступникъ, либо притворяется только, съ цѣлью попасть въ больницу и бѣжать, что сдѣлать нѣтъ ничего легче, потому что дневной караулъ уничтоженъ. Медикъ останавливается въ раздумьѣ—что дѣлать? И, сообразивъ, что если, сверхъ всякаго ожиданія, кандальный не притворяется и умретъ въ тѣ $1^1/_2$ или 2 часа, которые нужны на посѣщеніе окружнаго суда и возвратъ въ эту сторону къ острогу, медикъ рѣшается ѣхать сперва въ острогъ. Выѣзжаетъ изъ воротъ,—ему на встрѣчу солдатъ, который окликаетъ и суетъ въ руку бумагу: это повѣстка отъ военнаго командира о явкѣ къ 10 часамъ въ казарму и тоже безъ объясненія цѣли; но врачъ спрашиваетъ перо съ чернилами и тутъ же въ экипажѣ дѣлаетъ надпись: «отозванный уже въ это время въ судебное мѣсто, буду имѣть честь прибыть въ 4 часа послѣ полудни». А что случилось въ казармѣ? спросите вы. Отвѣчаю: вчера медикъ замѣтилъ, что нѣтъ надзора за караульными (по ночамъ у арестантскихъ палатъ) солдатами, что они почиваютъ себѣ у арестантовъ на кроватяхъ; а сегодня прапорщикъ, исправляющій должность мѣстнаго командира, уже доказываетъ свою власть надъ медикомъ, требуя его пересвидѣтельствовать всѣхъ солдатъ въ ихъ здоровости. Медикъ исполняетъ свое дѣло, назначаетъ одного съ прилипчивой сыпью въ больницу, о чемъ пишетъ и оффиціальную бумагу, прибавляя свое мнѣніе, что подобное свидѣтельствованіе надобно бы производить не въ 4 года разъ, а черезъ каждыя 2 недѣли; но не только это остается безъ вниманія, даже не присылается въ больницу и солдатъ съ прилипчивой сыпью, — за чѣмъ шутку превращать въ серьезное? На медика же, за неявку въ назначенное время, командиръ посылаетъ доносъ, въ нерачительности къ службѣ, въ баталіонъ; а окружной судъ дѣлаетъ постановленіе о несостоявшемся въ тотъ часъ свидѣтельствѣ арестанта въ лѣтахъ и пріобщаетъ его къ уголовному дѣлу, за что судъ можетъ сдѣлать и замѣчаніе.

Кончивъ дѣло въ острогѣ, врачъ ѣдетъ въ судъ. Въ одной улицѣ его останавливаетъ десятникъ изъ 2-й частной управы съ просьбою прибыть въ 10 часовъ къ освидѣтельствованію въ знакахъ казни двухъ бродягъ. Въ другой улицѣ окликаетъ пискливымъ голосомъ мальчуганъ изъ думы и подаетъ къ подпису нѣсколько журналовъ по совѣту

больницы. Вы съ удивленіемъ спросите меня: да развѣ совѣтъ бываетъ на улицѣ. Нѣтъ, отвѣчаю, онъ нигдѣ не сбирается, кромѣ развѣ перваго числа, а журналы составляются секретаремъ думы подъ вліяніемъ окружнаго начальника, либо городскаго главы, смотря по обстоятельствамъ. Врачъ беретъ бумаги себѣ, для просмотра на дому, и проѣзжаетъ все таки въ судъ, но тамъ уже объявляютъ, что опоздалъ, хотя другихъ членовъ приглашаемыхъ, какъ то: городничаго и стряпчаго, тоже еще не было. Но они, впрочемъ, и не бываютъ почти никогда; зачѣмъ безпокоиться; пусть медикъ ѣздитъ всюду и пишетъ, а мы, дескать, если сочтемъ нужнымъ утвердить — подпишемся, а то такъ и не подпишемся, пусть свидѣтельство будетъ не форменнымъ, а слѣдовательно и недѣйствительнымъ. Но въ прихожей окружнаго суда медика ожидаетъ уже разсыльный изъ земскаго суда. Оказывается, что въ земскій судъ представили изъ волости 8 человѣкъ бродягъ, называющихъ себя бѣжавшими съ пріисковыхъ работъ крестьянами и поселенцами; но, прежде приступа къ справкамъ, заведена уже искони формальность требовать медика къ освидѣтельствованію ихъ въ знакахъ торговой казни. Смотритъ медикъ и пишетъ 8 свидѣтельствъ. Но на 6 свидѣтельствѣ входитъ въ присутствіе дежурный изъ общей городовой управы и подаетъ повѣстку прибыть въ 12 часу для бытія при торговой казни двухъ преступниковъ.

Разрываемый такимъ образомъ во всѣ стороны, врачъ заѣзжаетъ къ ближайшему у присутственныхъ мѣстъ больному и кучеру приказываетъ скакать во весь опоръ въ больницу за фельдшеромъ, спиртомъ нюхательнымъ и проч. принадлежностями, безъ которыхъ будетъ безсмыслицею и самое присутствованіе. Здѣсь преинтересно замѣтить: во-1-хъ, что клейменіе преступниковъ ниже локтя и на лопаткѣ производитъ непремѣнно фельдшеръ, а за болѣзнію его и самъ врачъ, тогда какъ есть же для того заплечный мастеръ, который выбирается уже изъ самыхъ безчеловѣчныхъ личностей. Но, видите ли, онъ, какъ артистъ дѣла, употребляется только для клейменія на лицѣ, а подобныя же упражненія, надъ менѣе важными частями, производить должны члены медицинской части. Во-2-хъ, городничій и стряпчій присутствуютъ только при болѣе важныхъ случаяхъ, чѣмъ уже гарантируется болѣе или менѣе и самое исполненіе казни и возраженіе о чемъ либо врача, тогда какъ безъ того квартальный или частный могутъ сдѣлать, особенно при наказаніи въ стѣнахъ, рѣшительно все, что имъ вздумается. Въ-3-хъ, къ медикамъ даже и не присылаются разные циркуляры, напр. относительно мастерства клейменія, они получаются только въ общей управѣ и у стряпчаго,

Московскаго ... Библіотека

а этихъ-то лицъ и не бываетъ при клейменіи; тогда какъ (сказано въ циркулярахъ) присутствующіе при клейменіи лица подвергаются подсудности за неясное постановленіе клеймъ. Кто же, вопросъ, пойдетъ подъ судъ? Одинъ медикъ? потому что городничій и стряпчій будутъ оправдываться тѣмъ, что не были, а квартальные и частные мало думаютъ объ этихъ пустякахъ, о подсудностяхъ? Въ-4-хъ, есть даже предписаніе забинтовывать и печатать мѣста клейменія, но на чей счетъ это дѣлать? былъ возбужденъ врачемъ вопросъ, который и кончился только тѣмъ, что Приказъ Общественнаго Призрѣнія не дозволилъ дѣлать это изъ своей собственности при больницѣ. А на чей счетъ дѣлать? такъ и осталось безъ отвѣта; дѣлать же долженъ медикъ, слѣдовательно, очевидно, на свой счетъ!!...

Эта процедура явки всѣхъ чиновъ, или чаще нѣкоторыхъ, въ общую управу, увѣщанія священника, веденіе преступника по улицамъ, чтеніе приговора и проч., и проч., протягиваютъ время часовъ до 2-хъ. Слѣдовательно, утро прошло, а вы не посѣтили ни одного больнаго, вы разсчитываете теперь начать разъѣзды, но у вашего экипажа ждутъ уже десятникъ и отставной солдатъ. Первый подаетъ изъ 1-й частной управы двѣ повѣстки: одну по дѣлу освидѣтельствованія скота и другую объ освидѣтельствованіи женщины-мѣщанки, получившей пощечину. Для перваго дѣла вы должны ѣхать за городъ верстъ за 5, за 6, потому что скотныхъ дворовъ не имѣется, а ближе подогнать на безкормныя мѣста нельзя—скотъ замретъ. Вотъ до 4-хъ то часовъ время и исчезаетъ. По второй вы тоже должны ѣхать, хоть и впередъ знаете, что свидѣтельствованіе излишне, потому что видѣли уже сотни случаевъ, гдѣ нарочно подстрекаютъ въ подачѣ прошеній для того, что бы были случаи мирить съ полученіемъ возмездія за хлопоты. Въ рукахъ отставнаго солдата вы тоже видите повѣстку: это приглашеніе въ 12 часовъ въ окружное управленіе для освидѣтельствованія представленныхъ изъ какой нибудь волости 40 человѣкъ неспособныхъ къ записи въ крестьянскій окладъ. Но не удивляйтесь, что въ 2 часа по полудни васъ приглашаютъ къ 12 часамъ утра того же дня! Это ничего, потому что нерѣдко къ такимъ мелочамъ члены общаго управленія не являются, подписываютъ послѣ.

Положимъ, что медикъ съ площади отправляется прямо къ гурту, оттуда возвращается не ранѣе 4-хъ часовъ; мимоѣздомъ схватываетъ дома для утоленія голода кусокъ чего нибудь и спѣшитъ, по данной утромъ подпискѣ, въ казарму. Возвращается оттуда прямо въ часть, чтобы ѣхать съ членомъ полиціи къ осмотру страдающей щеки, но надобно подождать, потому что члены полиціи почиваютъ. Пока ихъ

разбудятъ, да и встанутъ ли еще, отговариваясь, что приглашеніе было въ теченіе утра; а вамъ подаютъ повѣстку о прибытіи къ освидѣтельствованію соленой рыбы. Положимъ, что членъ полиціи всталъ; съ нимъ вы съѣздили къ женщинѣ и прибыли къ рыбѣ, которой иногда можетъ быть до 1,000 лагуновъ. Сколько на осмотръ нужно времени? Вотъ день и поглощенъ до вечера. Когда же посѣщать больныхъ, когда думать о нихъ, справляться, прочитывать то и другое, когда слѣдить за наукой? когда?! Слышу возражаютъ, что я выбралъ самый хлопотливый день. Неправда! Это день самый легкій, самый свободный. Вѣдь въ теченіи его нѣтъ ни одного вскрытія трупа, которыхъ иногда взрѣзывать приходится и по 2, на что нужно со всѣми приготовленіями не менѣе 4 часовъ. Да потомъ вѣдь нужно составлять свидѣтельства. Вѣдь и медико-полицейскій случай приведенъ въ тотъ день только одинъ, тогда какъ ихъ можетъ быть десятокъ: тамъ плюха, тамъ пьяный, тамъ бѣлая горячка, тамъ упалъ съ высоты—нужно отваживаться, тамъ другой угорѣлъ въ банѣ, тамъ укусила собака и т. п. Вѣдь я не упомянулъ ни объ одной бумагѣ присутственныхъ мѣстъ объ освидѣтельствованіи неявившагося на службу канцеляриста, или о леченіи дѣйствительно захворавшаго. Не упомянулъ о бумагахъ изъ духовнаго вѣдомства о томъ же. Иногда и въ другую сторону приходится верстъ за 5 съѣздить къ другому гурту. Нужно и бойни посѣтить. Нужно пересвидѣтельствовать дѣвицъ. Иногда бродягъ-то, кромѣ Земскаго Суда наловятъ и въ обѣихъ частяхъ. То пригласятъ въ общую управу свидѣтельствовать въ годности къ арестантскимъ ротамъ; то въ частяхъ и въ Земскомъ Судѣ требуютъ у медика отвѣта о лѣтахъ арестанта, предлагаютъ сличить примѣты со статейными списками и другими бумагами, а также опредѣлить, можетъ ли вынести наказаніе. То требуютъ свидѣтельствовать помѣшаннаго; либо лицо, представляющееся глухимъ. Словомъ, найдутся еще десятки случаевъ. Даже лошадь, сдѣлавшись негодною для пожарной, заставляетъ Думу приглашать городоваго медика къ освидѣтельствованію ее. Вотъ тутъ и повертишься, и похлопочешь, какъ бы выполнить все, хоть бы даже и не пообѣдать порядкомъ. Вы тутъ видите только суету, движеніе, а вѣдь по каждому случаю надобно писать отвѣты, заводить дѣла, входящій и исходящій журналы, вѣдь приходится имѣть свою канцелярію.

Но и такая лихорадочная дѣятельность была бы пріятна, если бъ она могла быть плодотворною, могла приносить плоды. А, къ сожалѣнію и огорченію, того-то и нѣтъ: око видитъ, да зубъ нейметъ, зналъ бы какъ сдѣлать, да не даютъ хода, видимо прикрываютъ или портятъ дѣло. Чтобы сказанное не было фразами, перейду къ частному разбору

разныхъ предметовъ вѣдѣнія по медико-полицейской и судебно-медицинской части.

1. Начнемъ хоть съ поднятія трупа: умеръ ли человѣкъ скоропостижно гдѣ въ домѣ, случайно ли замѣченъ кѣмъ нибудь трупъ на улицѣ, бѣгутъ съ объявленіемъ въ полицію; а изъ полиціи десятникъ ѣдетъ верхомъ, или бѣжитъ за городовымъ медикомъ. Хоть въ законѣ и сказано „хорошо, если будетъ и врачъ“, но отказаться отъ прибытія къ поднятію, по занятію, напр. больнымъ, нельзя; потому что членамъ, бывшимъ при поднятіи, не трудно составить актецъ, что были, дескать, признаки жизни, да лекарь не явился, къ подачѣ помощи, — и бѣда! Говорю „не трудно“ и именно въ городѣ по слѣдующимъ причинамъ:

а) Въ округѣ трупъ поднимается: головой, старшиной, сотскими, десятскими и съ нѣсколькими общественниками еще. Это начальство выбрано изъ міра и, выслуживъ года, само возвращается въ міръ, хоть они, по складу нашихъ учрежденій, и зависятъ, во время службы, болѣе отъ засѣдателя и исправника, чѣмъ отъ міра, но все же побаиваются и послѣдняго. Слѣдовательно, и выходитъ, что трупъ поднимается общественниками, почти міромъ, у котораго не только очень уже рѣдко можетъ случиться побудительная причина къ какому нибудь несправедливому описанію найденнаго, но и другіе-то врядъ ли могутъ что нибудь скрыть, потому что члены общины слѣдятъ другъ за другомъ и знаютъ очень хорошо, что̀ у кого дѣлается и что̀ можетъ сдѣлаться. Конечно, слова мои могутъ показаться нѣсколько идеализирующими дѣйствительность, если не прибавить, что правленіе міра самостоятельно только до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ земская полиція, потому что тогда могутъ въ понятые набрать пьяныхъ мірянъ, за которыхъ и подпишется какой нибудь поселенецъ. Словомъ, можетъ произойти то, что по часту бываетъ въ городѣ. У иного частнаго или квартальнаго есть уже такіе привиллегированные, при части, понятые, изъ мѣщанъ конечно, у которыхъ ни кола, ни двора и которымъ рѣшительно все равно, что̀ подписать, лишь была бы рюмка водки. Вотъ такими-то личностями гарантируется справедливость акта поднятія, какъ и нѣкоторыхъ другихъ полицейскихъ актовъ. Потому и желательно, чтобы произошло осмысленіе кварталовъ, какъ тѣлъ живыхъ, при чемъ общественники выберутъ, конечно, изъ среды себя такихъ уже присутствующихъ, которые будутъ и видѣть, и мыслить, и говорить, и писать.

б) При поднятіи труповъ, исключая развѣ особенно явныхъ убійствъ, не бываетъ почти никогда ни городничаго, ни стряпчаго, которые бы и личнымъ присутствіемъ, и подписомъ своимъ должны были гарантировать справедливость всего того, что̀ тутъ и дѣлается, и пишется.

Самый „актъ поднятія“ называется обыкновенно наружнымъ осмотромъ, какъ будто это одно и тоже. Содержаніе этого акта, особенно если трупъ найденъ ночью, составляется большею частію послѣ, на дому, на память какимъ нибудь писаремъ, и состоитъ въ условно правильномъ обозначеніи: какъ лежали конечности трупа, да во что̀ одѣтъ онъ, въ заключеніе же не забываютъ прибавить, что знаковъ насилія на тѣлѣ нѣтъ. Тогда какъ главное-то акта поднятія, что уже навсегда за тѣмъ исчезнетъ и назадъ не вернется,—это описаніе подробное и точное мѣстности, гдѣ найденъ трупъ и всей окружающей его обстановки, равно и особенностей самой его одежды, напр. помарокъ, большею частію опускается.

Теперь спрашивается: какую роль при этомъ, кромѣ намѣренія подать пособіе, долженъ играть врачъ?! По нашему же крайнему убѣжденію, законъ, въ которомъ разъясненія въ наличности не имѣется, долженъ: или ограничить дѣло врача рѣшеніемъ вопроса, живъ или мертвъ найденный, и въ первомъ случаѣ подачею помощи, или обязать присутствовать при этомъ городничаго, или по крайней мѣрѣ всегда стряпчаго, и писать въ актѣ все, что врачъ, какъ „свѣдущій“, будетъ диктовать, потому что и въ положеніи трупа и въ выраженіи лица его, и т. п., могутъ быть такія мелкія, но важныя, особенности, которыя, пройдя безъ вниманія у людей темныхъ въ физіологіи и патологіи, могли бы вести къ опредѣленію значенія даннаго случая. Самый актъ должно бы составлять тутъ на мѣстѣ, въ присутствіи всѣхъ — и полиціи, и стряпчаго, и понятыхъ и утвердить тутъ же общимъ подписомъ. Желательно, чтобы и понятыми были люди и хорошіе, и грамотные, не изъ привиллегированныхъ полиціею, а изъ сосѣднихъ къ мѣсту случая домовъ.

Къ этой привычкѣ, составлять актъ поднятія кой-какъ, прибавимъ, что на трупы натыкаются чаще по ночамъ, а потому и осмотръ дѣлается во тьмѣ ночной, когда, конечно, никто ничего основательно не разсмотритъ; а трупъ берутъ и отвозятъ въ больницу. Желательно, чтобы въ такихъ случаяхъ ставили караулъ до утра, до разсвѣта, когда можетъ быть сдѣлано описаніе уже основательное. Да и есть условія въ природѣ, напр. холодъ градусовъ въ 35, которыя могутъ такъ измѣнить явленія, что при оттаяніи и вскрытіи трупа могутъ открыться не ожидавшіеся вовсе знаки; а такое разнорѣчіе можетъ подать поводъ людямъ, не знающимъ отношеній между даннымъ агентомъ природы и тканями нашего тѣла, къ произвольнымъ толкованіямъ и скороспѣшнымъ отдачамъ подъ судъ, если часть медицинская будетъ поставлена въ полную отъ нихъ зависимость. Положимъ, написали актъ на мѣстѣ. Что̀ же далѣе дѣлаютъ съ трупомъ? Всѣ разъѣзжаются и расходятся, кромѣ

десятниковъ, которые вступаютъ въ полное распоряженіе, тащутъ его волоча по землѣ, колотятъ головой о пороги и проч., взваливаютъ какъ попало въ телѣгу, или зимою въ дровни, при этомъ иногда и уронятъ, а отъ всего этого, особенно если трупъ не остылъ совершенно, могутъ быть маскирующіе знаки. При трупѣ остается и его одежда, тоже въ распоряженіи десятниковъ, которые везутъ трупъ черезъ городъ на больничный дворъ и могутъ въ это время сдѣлать что̀ угодно, напр. если трупъ младенца мать-убійца завернула въ попыхахъ въ свой платокъ, то, опомнившись она можетъ вѣдь за нѣсколько гривенъ на шкаликъ и замѣнить его другимъ, который уже не составитъ на нее улику. Не такъ ли?

Допустимъ, что безъ особыхъ приключеній довезенъ трупъ до больничнаго двора. Если смотрителя нѣтъ дома, вызываютъ десятники больничнаго служителя, поселенца, и, втащивъ съ его помощію трупъ въ анатомическій театръ (¹), оставляютъ пока на попеченіе этого поселенца. За тѣмъ, когда нибудь, дня черезъ два, является въ контору больницы, изъ соотвѣтственной части, бумага о препровожденіи этого трупа, а если случай сомнителенъ, то полицейская часть позволяетъ себѣ написать о храненіи трупа бумагу, вмѣсто конторы больницы, къ врачу лично. Знаете, ловушечка!

Если анатомическій театръ больницы и состоитъ въ вѣдѣніи смотрителя оной, какъ завѣдывающаго хозяйственною частью, то справедливо ли не имѣть въ городѣ особаго для судебнаго трупа помѣщенія, — справедливо ли мѣшать его съ умершими въ больницѣ, къ которымъ нельзя же воспретить и явку родныхъ, и чтеніе надъ ними обычныхъ молитвословій, слѣдовательно, справедливо ли обязывать смотрителя больницы храненіемъ и за тѣмъ, конечно, отвѣтственностію за смытіе какой нибудь помарки съ тѣла, за подмѣну чего нибудь изъ платья и даже за сдѣланіе такого новаго знака, который будетъ осложнять и маскировать случай? Почему же трупъ со всѣми при немъ вещами, впредь до вскрытія, не остается на попеченіи той именно полиціи, за ея замкомъ и печатью, которая производитъ и все слѣдствіе?! Чѣмъ объяснить это, кромѣ желанія сваливать все съ себя на другихъ, какъ съ больной головы на здоровую?!

А еслибъ сочли нужнымъ, чтобы трупъ предварительно, въ лѣтнее время, попортился, то стоитъ не дать врачу особой пригласительной, въ такой-то часъ, ко вскрытію бумаги или повѣстки; на случай же возникновенія вопроса найдутъ себѣ оправданіе, а врачу же завиненіе

(¹) Такъ называютъ какую нибудь полуразрушенную избушку, въ которую выносятъ больничные трупы.

въ томъ, что въ бумагѣ, при которой трупъ препровожденъ въ контору больницы, послѣ слова „хранить“ прибавлено „и по вскрытіи въ свое время похоронить“. Здѣсь слова „въ свое время“ будутъ называть достаточными къ обозначенію времени, когда врачъ долженъ былъ позаботиться о вскрытіи, потому что въ законѣ есть статья, означающая ранѣе какого времени вскрывать нельзя. Не знать же бумаги въ конторѣ врачъ, дескать, не могъ, потому что, хотя онъ дѣлаетъ вскрытія и ведетъ особыя дѣла по должности городоваго врача, но вѣдь онъ же состоитъ и предсѣдателемъ больничной конторы. Замѣчательно, что такихъ штукъ не можетъ быть съ врачемъ окружнымъ, гдѣ трупъ съ перваго раза поступаетъ въ вѣдѣніе и храненіе земской, или сельской власти, да и въ Сибири во многихъ мѣстахъ есть особые, при каждой деревнѣ, примѣрно въ полуверстѣ отъ нея, для произведенія вскрытій домики съ погребомъ для храненія труповъ. И самый актъ вскрытія сподручнѣе производится въ округѣ, потому что мужички не только не прячутся отъ вскрываемаго за двери, но и пособляютъ и попилить, и перевернуть трупъ, между тѣмъ какъ въ городѣ все это должны дѣлать фельдшеръ съ врачемъ, а понятые и не подойдутъ. Далѣе въ законѣ точно не опредѣлено „кто распоряжается похоронами“. По здравому смыслу казалось бы рѣшеніе: „похоронить немедленно трупъ, или онъ нуженъ еще для сличенія примѣтъ, либо для уликъ и т. п. обстоятельствъ, смотря по случаю“, есть дѣло полиціи, но она въ сомнительныхъ случаяхъ иногда относится къ врачу съ бумагою подобнаго, напримѣръ, содержанія: „распорядиться о похоронахъ, если въ трупѣ нѣтъ болѣе надобности“. Неужели это законно?

Въ законѣ также не опредѣлено: можетъ ли врачъ требовать составленія акта въ каждомъ случаѣ, къ которому онъ былъ приглашенъ? И если полиція сочтетъ болѣе выгоднымъ опустить составленіе акта, то будетъ ли, вмѣстѣ съ полиціею, отвѣчать и врачъ, или даже не предоставлено ли ей обычаемъ свернуть и вину всю на голову врача? Вообще врачъ подъ двумя взысканіями: медицинское начальство взыскиваетъ за то, почему, будучи свѣдущимъ человѣкомъ, не указалъ, а губернское начальство то и дѣло дѣлаетъ замѣчанія за превышеніе власти.

А мало ли бываетъ подобныхъ случаевъ. Скажу хоть что нибудь для примѣра: положимъ убійца рубилъ шашкою другаго, но помѣшали нанести безусловно смертельную рану и человѣкъ выздоровѣлъ. Потому, для правильнаго сужденія въ судѣ о степени виновности важно знать подробное описаніе нанесенныхъ ранъ на тѣлѣ и прорубовъ на одеждѣ, да и какой именно одеждѣ, а также важно имѣть постановле-

ніе о состояніи тогда умственныхъ способностей убійцы, а обо всемъ этомъ ни полиція, ни стряпчій не позаботились, отъ чего осталась возможность будущимъ изворотамъ. Кто же виноватъ? Неужели и тутъ врачъ, а вѣдь чего добраго, потому что въ законѣ не опредѣлена степень его дѣятельности въ подобныхъ случаяхъ, да и наоборотъ, не будетъ ли ему, за вмѣшательство въ подобномъ случаѣ, какъ бы за превышеніе власти, строжайшаго выговора отъ губернскаго начальства.

А почему же бы закону не постановить на всѣ такіе случаи, гдѣ одновременно, кромѣ полиціи и понятыхъ, должны присутствовать стряпчій и медикъ, о составленіи какъ бы временной коммисіи, въ которой бы медикъ имѣлъ уже голосъ рѣшительный и каждое неудовлетвореніе его требованія вписывалось бы въ составляемый при томъ, тутъ же на мѣстѣ, актъ. Приведу возможность другаго случая. Пригласила полиція врача къ поднятію отравленныхъ. Врачъ оказалъ помощь и спасъ людей; а акта никакого не было составлено, да и дѣла въ полиціи не завелось по этому предмету. Кто виноватъ? Неужели и тутъ врачъ, стоящій теперь въ чисто пассивномъ состояніи: отвѣчать только на вопросъ, отнюдь не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія и дѣйствія.

Пойдемъ далѣе. Трупъ вскрытъ; протоколъ при этомъ составленъ; остается составленіе свидѣтельства. Вотъ тутъ возникаетъ опять много вопросовъ. Напримѣръ: кто долженъ хранить тѣ банки съ разными внутренностями, которыя оставлены, за печатями, отъ трупа. По здравому смыслу — эта драгоцѣнность должна поступить въ руки слѣдователя, у котораго все и дѣло, а что̀ вы станете дѣлать, если полиція пишетъ вамъ (т. е. медику) бумагу, обязывая его хранить впредь до востребованія? Въ законѣ, дескать, прямой статьи нѣтъ; а между тѣмъ, въ случаѣ какой либо порчи, хоть отъ мышей, медикъ рискуетъ идти подъ слѣдствіе.

Другой примѣръ: случаются должности медиковъ, при которыхъ не имѣется инструментовъ для вскрытія дѣтскихъ труповъ, которые взрѣзываются, по нуждѣ, чѣмъ нибудь и какъ нибудь. За что̀ же медикъ виноватъ, если свидѣтельство (и даже протоколъ) не заключаютъ всѣхъ тѣхъ тонкостей, особенно въ пробахъ, которыя требуются закономъ? Или еще: медикъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ ни казенныхъ, ни по дальности мѣстъ и бѣдности и своихъ къ опредѣленію кровяныхъ пятенъ; а отъ него требуютъ и за неисполненіе кладутъ темное пятно на степень его добросовѣстности въ дѣлѣ.

Есть въ XIII т. Св. Зак. статья, дающая какъ будто медику право, въ видахъ точнаго составленія свидѣтельства, спрашивать на мѣстѣ лицъ, и просматривать дѣло, и видѣть всѣ, прикосновенныя къ дѣлу,

вещи; а по минованіи надобности съ перенумеровкой и за печатями возвращать. Но эта же статья полиціею понимается по своему. На основаніи ея слѣдователь доставляетъ только медику предварительныя свѣденія въ двухъ, трехъ словахъ, да и то полуграмотныхъ, и въ нихъ, конечно, главную роль играетъ описаніе цвѣта и ткани одежды, бывшей на трупѣ. Но, во-1-хъ, спросить медику, въ присутствіи слѣдователя же, лицъ, знающихъ объ обстоятельствахъ событія, не позволяютъ; между тѣмъ какъ подобными вопросами можно было рѣшать значеніе многихъ данныхъ: такъ напримѣръ, человѣкъ умеръ, говорятъ, скоропостижно, но прибавляютъ, онъ улегся было спать, а между тѣмъ въ мозгу найдено изліяніе крови. Отъ чего же это изліяніе? Что здѣсь: смерть отъ давленія кровью или она есть только продуктъ сотрясенія? А какъ важно утвердительно сказать, было ли сотрясеніе?! Но для подобнаго рѣшенія нужно до мелочей и въ должной научной постепенности выспросить отъ окружавшихъ умиравшаго всѣ припадки и явленія, которыми сопровождались и сонъ, и смерть; а медику этого не позволяютъ.

Наконецъ, послѣднее и важнѣйшее обстоятельство. Законъ и наука говорятъ, что судебное свидѣтельство медика, какъ документъ, рѣшающій участь и случая, и лицъ, долженъ быть основываемъ, со всевозможною осмотрительностью, на всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Между тѣмъ какъ, на дѣлѣ, полиція довольствуется только вышеупомянутымъ безтолковымъ извлеченіемъ такъ называемыхъ предварительныхъ свѣдѣній; а о дѣлѣ, обо всемъ слѣдствіи, не можетъ быть и рѣчи: какъ можно судебнаго врача посвящать въ канцелярскія тайны судебнаго слѣдствія? (которое по часту вовсе и не производится, пока не получится отъ врача свидѣтельство, на тотъ случай, чтобы, заручаясь уже имъ, направить дѣло какъ должно, по маслу, безъ зазубринокъ). Такъ, говорю, не видя слѣдствія, врачъ основывается на одномъ протоколѣ и поневолѣ допускаетъ предположенія и разсужденія, за что получаетъ замѣчаніе отъ врачебной управы, потому что свидѣтельство такое неудобно и не согласно со смысломъ статьи, гдѣ сказано, что оно должно быть кратко и точно; а такъ какъ, не видя всѣхъ результатовъ слѣдствія, этого условія выполнить нельзя, то и обходятся безъ замѣчаній только тѣ мудрые врачи, у которыхъ каждый трупъ (исключая явно насильственной смерти) умираетъ отъ апоплексіи. Мнѣ скажутъ: хотя и можно открывать судебному врачу тѣ канцелярскія тайны, которыя извѣстны отбирающему показанія писакѣ неопредѣленнаго званія, то нельзя медлить выдачею свидѣтельства до окончанія слѣдствія, потому что иногда свидѣтельство даетъ новый толчекъ слѣдствію. Отвѣчаю: если такъ, то

пусть будетъ дозволено выдавать сперва не точное и рѣшительное въ нѣсколькихъ словахъ мнѣніе, а разсужденіе, которое бы давало только толчекъ слѣдствію, но не составляло опредѣленія рѣшительнаго, которое все-таки будетъ тогда только справедливо, когда, по закончаніи слѣдствія, все дѣло будетъ дано врачу для прочтенія и соображеній. Я не могу забыть справедливыхъ словъ знаменитаго Энгеля; онъ, разбирая одинаковость явленій отъ разныхъ причинъ, заключилъ, что, *„если требованіе объясненія причины явленія, безъ сообщенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, оправдывается невѣжествомъ то какъ же дерзки тѣ врачи, которые осмѣливаются давать въ такихъ темныхъ случаяхъ рѣшительные отвѣты!“*

Я бы этимъ и закончилъ разборъ прикосновенія врача съ полиціей на этомъ важнѣйшемъ пунктѣ, еслибъ не пришлось спросить: чему слѣдовать и чего слушаться? Въ Сводѣ Законовъ изд. 1857 г. говорится, чтобы изъ свидѣтельства, въ двухъ экземплярахъ написаннаго, одинъ экземпляръ отсылался къ дѣлу, а другой въ врачебную управу со скрѣпой слѣдователя; тогда какъ мѣстное распоряженіе, давно существующее, повелѣваетъ и подлинный и копію, съ приложеніемъ печати медика, передавать слѣдователю, который, скрѣпивъ своею подписью, представитъ уже самъ въ врачебную управу, если сочтетъ это нужнымъ?

2. Подобнымъ же образомъ относится полиція и къ врачу, и къ истинѣ во всѣхъ прочихъ судебно-медицинскихъ дѣлахъ, которыя бываютъ тоже отнюдь не пустяками, какъ вопросъ объ изнасилованіи, и нанесенія увѣчья и т. под. Между тѣмъ и тутъ требуютъ, не сообщая врачу дѣла, да иногда не производя впередъ и слѣдствія, не только описанія знака ушиба, но и отвѣта о томъ, и чѣмъ произведенъ онъ, и какъ и какова могла быть степень опасности важному органу, либо самой жизни, при чемъ долженъ быть подведенъ и пунктъ изъ статьи, раздѣляющей роды насилія и постановляющей по каждому наказаніе. Очевидно, врачъ можетъ дать только одни предположенія, утвердительное же мнѣніе только тогда, какъ узнаетъ все событіе и получитъ вопросъ обратный, т. е. могъ ли такой знакъ, какъ своевременно описанъ онъ, быть плодомъ значущагося въ дѣлѣ рода насилія! Это будетъ другое дѣло и отвѣтъ можетъ быть прочный. Я не могу при этомъ не вспомнить двухъ случаевъ изъ жизни одного врача. 1) Совершено было въ домѣ убійство всѣхъ жильцовъ (4 человѣкъ); случай встревожилъ полицію, почему къ акту поднятія прибыли и городничій и стряпчій, а врачу сдѣлали милость, т. е. дозволили продиктовать актъ. При диктовкѣ этого акта врачъ обратилъ вниманіе рѣшительно на всѣ обстоя-

тельства и на степень теплоты въ печи съ означеніемъ съ какого времени могла сохраняться (по свойству печи и количеству пепла и угля) такая теплота, и на качество вещества сидѣвшихъ въ печи пироговъ то же съ опредѣленіемъ времени, съ какого они попали въ печь, и на качество крошекъ, валявшихся по столу, и на ведро воды непремѣнно вблизи самовара, у котораго нѣсколько пріоткрыта крышка, да и онъ пустъ, и на мѣшалку, приготовленную для коровы и проч., и проч., словомъ, опредѣлилъ и день и часъ совершенія преступленія, результатомъ чего было быстрое открытіе виновниковъ. 2) Въ другомъ случаѣ то же дозволено было врачу продиктовать часть медицинскую, т. е. самые знаки при поднятіи трупа женщины, изсѣченной по всему тѣлу широкимъ ремнемъ съ мѣдными толстыми бляхами, при чемъ врачъ при свѣжести ударовъ (тогда какъ при вскрытіи чрезъ нѣсколько дней все было слито въ общую, много потерявшую въ подробностяхъ формъ знаковъ, синебагровую поверхность), опредѣлилъ направленіе ударовъ, откуда и съ какой стороны они падали, да и которые знаки въ лежачемъ и которые въ стоячемъ положеніи убитой, такъ что при такомъ описаніи, особенно съ подробнымъ обозначеніемъ другихъ знаковъ въ комнатѣ, а именно на диванѣ какъ садилась и какъ ложилась несчастная, на двери, какъ хваталась она и проч. (оказалось бы неправдоподобнымъ, еслибъ полиціи вздумалось сдѣлать послѣдующіе выводы, будто бы она не убита, а умерла отъ пьянства, потому что, по показанію убійцы и его друзей, она была пьяна, встала и упала, а онъ сѣкъ ее уже безчувственную). Такъ вотъ что значитъ осмысленіе всѣхъ подобныхъ актовъ тѣмъ, если, кромѣ полиціи, будутъ хорошіе граждане, и городничій и стряпчій, а врачу будетъ предоставлено описывать все; словомъ, когда будетъ что нибудь въ родѣ временнаго присутствія, въ которомъ врачъ былъ бы, если не предсѣдатель, то по крайней мѣрѣ старшій членъ.

Тогда какъ теперь вотъ какъ относятся къ врачу: выдавать свидѣтельства о состояніи здоровья, напр. если кого нибудь поколотили, не допуская до тѣхъ поръ, пока не потребуетъ свидѣтельства полиція, врачъ не имѣетъ права. А между тѣмъ бывало (вѣдь вы за шутку сочтете, а я честью увѣряю и имѣю факты), что отъ медика требовала полиція подобнаго освидѣтельствованія спустя годъ послѣ избитія и подачи прошенія объ освидѣтельствованіи и производствѣ слѣдствія. Да и это неожиданное движеніе дано было дѣлу, потому что на мѣсто пріѣзжалъ губернаторъ и обиженный жаловался ему на медленность производства слѣдствій, которое годъ и не начиналось. А чтобы довершить удивленіе ваше, какъ безцеремонно полиція относится къ

свидѣтельствамъ медика и какими пустяками считаетъ ихъ, прибавлю за достовѣрное о слѣдующихъ, слышанныхъ мною, обстоятельствахъ: а) къ свидѣтельствованію дѣвицы, по подозрѣнію въ дѣтоубійствѣ, приглашали медика, не означая ни званія, ни имени и фамиліи ея, такъ что освидѣтельствуешь напр. Анну Лаврову, а напишутъ Настасью Иванову, а вѣдь гдѣ рука, тамъ и голова; b) также не означая лица, требовали освидѣтельствовать женщину въ умопомѣшательствѣ; с) устраняли врача отъ свидѣтельства женщинъ по дѣтоубійствамъ, считая достаточнымъ замѣнять его бабкою, на томъ основаніи, что это ея спеціальность и что дозволено въ законѣ приглашать въ такомъ случаѣ и бабку, конечно какъ помощницу медика, который все таки и есть присяжное лицо, и есть судебный врачъ; но видите ли, бабку легче вѣдь держать въ рукахъ, чѣмъ медика, ее можно, напр., помѣстить на такую отводную квартирку, съ которой она убѣжитъ чрезъ нѣсколько дней!...

Довольно о предметахъ судебно-медицинскихъ, уголовныхъ, перейдемъ къ медико-полицейскимъ.

3. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ, по предмету охраненія народнаго здравія, устройство публичныхъ домовъ и свидѣтельствованіе представительницъ ихъ. Основаніе публичныхъ домовъ есть прекраснѣйшая мѣра въ охраненіи народнаго здравія. Только, къ сожалѣнію, объ учрежденіи такихъ домовъ наши уѣздныя полиціи не заботятся и предпочитаютъ допускать развратъ скрытный, разсѣянный по всему городу. Дозволеніе этихъ домовъ и наставленіе объ устройствѣ ихъ допускаются особыми скрытными правительственными циркулярами, тогда какъ въ Св. Зак. этого не имѣется и даже предоставляется полиціи преслѣдовать посѣтителей подобныхъ заведеній. А это имѣетъ результатомъ составленіе доходной статьи для полиціи и возможность заведенія дѣлъ, на основаніи Св. Зак. Кому же пріятно быть тасканнымъ по судамъ и осужденнымъ на покаяніе за развратъ: и молчитъ онъ, когда обворуютъ его, молчитъ, когда заразится болѣзнью!.. Изъ этихъ домовъ и врачъ получаетъ жалованье, за посѣщеніе и освидѣтельствованіе дѣвицъ тутъ, на дому, безъ требованія въ больницу. Это бы ничего, полученіе за визиты дѣло обыкновенное, но то худо, что мнѣ приходилось видѣть, какъ оскорблялись содержательницы такихъ домовъ, когда врачъ неуклонно являлся два раза въ недѣлю и не оставлялъ ни одной безъ самаго основательнаго осмотра. Слѣдовательно если оскорблять за строгое исполненіе долга, то силлогизмъ будетъ вѣренъ, если мы допустимъ, что бываетъ когда нибудь и гдѣ нибудь иначе. Что же касается до высылки на свидѣтельство дѣтей веселья, живущихъ (какъ въ уѣздныхъ городахъ всегда и бываетъ) не въ общихъ домахъ, а тамъ и сямъ

одиночно, то не только наставленія министерскихъ циркуляровъ не исполняются въ точности, даже иногда и списковъ не бываетъ по полугоду, а извѣщенія медика о неявившихся, посылаемыя каждую недѣлю, или вовсе не исполняются, или, для очистки бумаги, либо для шутки, исполняются чрезъ годъ и позже! Я не шучу, — есть факты.

При такихъ условіяхъ нечего удивляться, если срамная болѣзнь продолжаетъ существовать и укоризна общественниковъ падаетъ на ничѣмъ не виновнаго медика. Можетъ быть, иные улыбнутся при словахъ „общественная укоризна". Но уѣздному медику остаются одно утѣшеніе и одна награда въ „общественномъ мнѣніи". Вѣдь вы посудите! каждый человѣкъ имѣетъ право возвышаться въ службѣ, подниматься въ должностяхъ, чинахъ и орденахъ; а медикъ, болѣе другихъ образованный и получившій университетское развитіе, долженъ на всю жизнь носить узкую обшивку 9 класса и не возвышаться далѣе коллежскаго ассесора, а объ орденахъ для гражданскихъ уѣздныхъ медиковъ нѣтъ и рѣчи. И такъ: чтоже остается медику, кромѣ общественнаго мнѣнія?!

4. Да и не въ этомъ только случаѣ взыскательно общественное мнѣніе къ врачу. Воняетъ ли падалью отъ рыбныхъ рядовъ, разбили ли кого лошади, испугавшіяся разставленныхъ и разложенныхъ на улицахъ, по землѣ, мясныхъ тушъ и бычачьихъ головъ съ рогами, продаются ли не свѣжіе продукты на базарѣ, варятъ ли въ трактирахъ супы изъ пропащихъ курицъ и готовятъ чай въ нелуженыхъ грязныхъ, непромытыхъ самоварахъ, поддѣльныя ли вина выдаютъ изъ погребковъ вмѣсто настоящихъ: общество ропщетъ непремѣнно на мѣстнаго медика; оно расчитываетъ видѣть въ немъ блюстителя, голосъ котораго, какъ специалиста, долженъ быть тотчасъ исполняемъ. Каждому общественнику вѣдь не втолкуешь, что нѣтъ въ законѣ статьи, которая бы предоставляла медику право приглашать, по каждому предмету, касающемуся народнаго здравія, членовъ полиціи, которые бы, за неявку въ назначенное время, также подвергались отвѣтственности, какъ подвергаетъ законъ врача; не втолкуешь, что такъ какъ всѣ подобныя статьи доставляютъ полиціи доходы, то даже щекотливо и затрогивать ихъ, потому что тотчасъ наживешь вражду и молву о придирчивости и притѣсненіяхъ. Потому оно такъ и идетъ, что ни винные погребки, ни трактиры и харчевни не подвергнутся ни разу осмотру,—это не въ модѣ, не принято, хоть въ Св. Закон. и написано. Тоже ропщетъ общество за продажу по лавкамъ ядовъ, напр. сулемы, разныхъ купоросовъ и т. д., равно и за распространеніе вредныхъ лекарей-шарлатановъ. Но чѣмъ же виноватъ медикъ, если лавки тоже не свидѣтель-

ствуются; если о шарлатанахъ пиши не пиши, а полиція даетъ отзывъ, что ей пока ничего неизвѣстно; если даже извѣщеніе медика о появленіи въ числѣ паціентовъ его такого лица NN, который отравленъ, при леченіи, ртутными препаратами и долженъ умереть отъ ртутнаго худосочія, остается безъ всякаго вниманія, хотя больной и дѣйствительно умираетъ. Что̀ же, говорю, дѣлать медику? Остается одно: терпѣть и ожидать, пока передѣлается полицейская часть съ корня, пока предоставится врачебной части болѣе независимая и самостоятельная дѣятельность, пока точно опредѣлятся права и обязанности врачей при каждомъ соприкосновеніи ихъ со всемогущей полиціей, пока яснѣе опредѣлится каждый случай (напримѣръ, хотя по вопросу, ускользнувшему при изложеніи замѣтки, о томъ, при всѣхъ ли экзекуціяхъ, хотя бы и розгами въ стѣнахъ полиціи, долженъ присутствовать врачъ, или только при казни на площадяхъ?), пока не дано будетъ права медику отказываться отъ исполненія чего либо, если не соблюдены всѣ правила, всѣ формы, напр. не прибыли всѣ лица, обязанныя присутствовать, а если, напротивъ, сдѣлаетъ дѣло безъ соблюденія формъ, то не попадаетъ ли подъ слѣдствіе? И ждать бы можно, да дождемся ли?!

Прибавимъ еще, хотя два странныхъ, не естественныхъ положенія медика. Во-1-хъ, едва выходитъ онъ изъ университета, поступаетъ въ уѣздные медики и первый дебютъ непремѣнно освидѣтельствованіе какого нибудь бродяги въ знакахъ клейменія и торговой казни. Этихъ свидѣтельствъ обыкновенно приходится въ Сибири писать болѣе, чѣмъ по всѣмъ другимъ предметамъ. Врачъ и сталъ въ тупикъ: онъ объясняетъ, какъ совѣстливый человѣкъ, въ присутствіи суда, куда прибылъ, что онъ еще и не видывалъ какъ наказываютъ, а слѣдовательно не имѣетъ ровно никакого понятія, а во всѣхъ наукахъ, которыя проходилъ онъ, этого предмета не значится въ книгахъ, да и не касался ни одинъ профессоръ. Но ему заявляютъ, что обязаны написать свидѣтельство и подписаться, а уже знаете или не знаете,—это другое дѣло. На первый разъ мы, дескать, скажемъ вамъ, что должно писать, а къ слѣдующему вы извольте разузнать, гдѣ и какъ хотите. Что̀ дѣлать врачу? Начинаетъ развѣдывать отъ полицейскихъ, да отъ бывалыхъ солдатъ, да и арестантовъ и палача нельзя обойти. Словомъ, начинаются служебныя знакомства! По нашему же скромному мнѣнію, ларчикъ могъ открыться очень просто: стоило бы только студентовъ послѣдняго курса медицины прикомандировывать къ подобнымъ практическимъ занятіямъ, а кромѣ того можно бы издать руководство и наставленія обо всѣхъ этихъ практическихъ хитросплетеніяхъ, равно какъ и о мѣстахъ, гдѣ должно ставить клейма и какъ управляться съ ними, да и что такое,

наконецъ, самыя клейма? Впрочемъ, мы допускаемъ это ученіе только какъ крайнюю мѣру, а прежде всего предложимъ вопросъ: соотвѣтствуетъ ли это сколько нибудь назначенію, призванію врача — помогать страждущему человѣчеству?! А вѣдь большая часть дня его жизни на подобныя занятія, доступныя, не менѣе его, и заплечному мастеру, и всѣмъ старымъ служакамъ полицейской части. А медицинская наука и страждущее человѣчество, что съ ними?! Они ждутъ тѣхъ роковыхъ минутъ, которыя, по счастію, останутся отъ подобной дѣятельности, потому что въ Св. Зак. сказано: „въ свободное отъ служебныхъ занятій время врачъ можетъ заниматься частною практикой“, хотя въ другой статьѣ, въ свою очередь, прибавлено, что „за неявку къ больному подлежитъ законной отвѣтственности, судя по послѣдствіямъ“. Какъ и разумѣть, и соглашать все это?! Во-2-хъ, до окончанія курса въ университетѣ и полученія разныхъ дипломовъ, слыхалъ медикъ иногда слова: скопецъ, скопчиха и имѣетъ кой-какія смутныя понятія о томъ, какой смыслъ лежитъ въ этихъ словахъ. Но вдругъ его приглашаетъ полиція свидѣтельствовать въ оскопленіи и рѣшать участь людей, называемыхъ и оскопителями, и оскопленными. На чемъ, вопросъ, онъ долженъ основываться, чѣмъ руководиться, особенно послѣ того, какъ хитрые операторы этой секты выдумали, именно для женщинъ, такіе новые интересные способы, о которыхъ прежде и не слыхивали?! Конечно, не мѣсто здѣсь, въ литературной статьѣ, описывать это; мы говоримъ только къ тому, что не мѣшало бы издать объ этомъ наставленія съ точнымъ описаніямъ и всѣхъ интересныхъ хиругическихъ операцій. А то былъ, напримѣръ, такой случай: два врача, служившіе случайно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ много скопцевъ и гдѣ они даже цѣлыми партіями поступали на леченіе, слѣдовательно, гдѣ врачи могли обозрѣть всѣ виды оскопленія, — такъ, говорю, два врача написали, по требованію полиціи, актъ съ обозначеніемъ своей опытности и наглядности въ этомъ предметѣ, а инспекторъ управы ихъ спрашиваетъ „гдѣ то сочиненіе, которымъ руководились они“.

Мы изложили все не для сплетенъ, не для того, чтобы оскорбить кого нибудь, всякій видитъ, что и нѣтъ тутъ ни того, ни другаго, а показали въ фактахъ наши общественныя нужды и болѣзни. Мы знаемъ, что правительство рвется къ перемѣнамъ и улучшеніямъ, но, чтобы плодотворнѣе была самая умная теорія, ей нужны факты, нужно знать о примѣненіи къ дѣлу. Вотъ эти-то факты, или, вѣрнѣе, тысячную долю ихъ, мы и имѣли намѣреніе представить для соображеній.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На сѣверъ отъ села *Дубческаго (Ворогово)* все неизмѣренное и неизвѣданное до сихъ поръ пространство между Тобольской губерніей съ запада, Якутской областью съ востока и Ледовитымъ моремъ съ сѣвера называется Туруханскимъ отдѣленіемъ Енисейскаго округа. Описывать край этотъ съ различныхъ сторонъ будемъ мы въ слѣдующихъ частяхъ труда нашего; здѣсь же изложимъ только все, что относиться будетъ къ описанію водной системы рѣки Енисея.

Природою положена и естественная граница отъ Анцыферовской волости: это—такъ называемый камень. Составился онъ слѣдующимъ образомъ: съ востока на западъ пересѣкъ природную логовину Енисея, тянущуюся съ Китайской границы до Ледовитаго моря, каменистый хребетъ; подойдя къ нему, Енисей долго бился, сильно расширился, образовалъ множество протокъ и островов, а гора все таки пала и дала въ разныхъ направленіяхъ и разными грудами лежащіе камни. Гдѣ они идутъ мелкимъ переборомъ чуть не черезъ всю рѣку и глазъ издали видитъ поперечную пѣнящуюся полосу отъ всплесковъ воды о мелкія выдающіяся верхушки, гдѣ огромные острова стоятъ одиночно, съ вѣковыми лѣсами и съ скалистыми, какъ бы обрубленными, недоступными судну, берегами; гдѣ лежитъ огромная плита въ глуби и надъ нею незыблемая, какъ бы заманивающая къ себѣ, гладь; гдѣ безостановочно, вѣчно, безустанно вертится вода, бросая мѣстами вверхъ сѣдые всплески,—тутъ мель съ глубокими жерлами. Словомъ, разнообразіе удивительно. Прежде прорыва самаго хребта, Енисей, какъ видно, долго бился: ширина его тутъ верстъ 15; однихъ островов образовалось до 70; протокъ множество; разныхъ формъ и значеній подводные камни разбросаны всюду; съ 18 до 19 версты отъ села Вороговскаго есть „Ножовый мысъ", т. е. скала, выдавшаяся справа до половины Енисея и столь опасная, что ночью не рѣшаются плавать даже и знатоки мѣстности. На 26-й верстѣ замѣчателенъ островъ „Дядя", окруженный огромными подводными камнями, такъ что судну подойти невозможно; рядомъ съ Дядей островъ „Яндыгинъ", не отличающійся особенною опасностью; не доплывая только 4-хъ верстъ до деревни Осиновой, есть на правой сторонѣ большая гора, именуемая „Красною", каменныя скалы которой дѣйствительно красноватаго цвѣта.

Наконецъ, черезъ 38 верстъ отъ села Вороговскаго, достигаемъ перваго, самаго верхняго по Туруханскому краю, *станка Осиновскаго.* Невольный страхъ бралъ меня приставать къ Осиновскому: время было бурное. Оставивъ большую крытую лодку, на которой совершалось путешествіе, у острова, я долженъ былъ пересѣсть съ фельдшеромъ въ небольшую лодочку. Лодочкой управляли 2 дѣвочки и мальчикъ лѣтъ 15-ти. Мелкіе камни лежатъ тутъ и торчатъ изъ подъ воды верхушками; вода сильно билась объ нихъ вѣтромъ и вспѣнивалась въ сѣдые гребни, среди которыхъ то выставлялись, то прятались черныя верхушки камней, — лодка, при ловкости управляющихъ его, ныряла, какъ утка, въ разныя стороны, пробираясь межъ камнями, — волны качали ее съ боку на бокъ и поднимали вверхъ то носъ, то корму; словомъ, съ замирающимъ сердцемъ ждалъ я, что вотъ-вотъ разобьется о верхушки камней, вотъ-вотъ захлеснется навсегда холодною волной. Но спокойныя и улыбающіяся личики юныхъ гребцовъ ослабляли страхъ, давая надежду доплыть благополучно. Плаваніе черезъ весь станокъ шло болѣе по срединѣ, а станокъ Осиновскій стоитъ на каменной сторонѣ, потому что на польской [1] въ этомъ мѣстѣ, межъ безчисленныхъ острововъ, очень мелкіе протоки.

2-й станокъ, черезъ 39 верстъ отъ Осиновскаго, деревня Подкаменная Тунгузка. Плаваніе черезъ этотъ станокъ идетъ по правой, каменной сторонѣ, потому что хребетъ, подмытый когда-то Енисеемъ и рухнувшій, разсыпался у лѣвой стороны какими-то разнообразными переборами, не оставивъ вовсе воротъ. На 3-й верстѣ есть *порогъ.* На 4-й очень опасное *подпорожье.* Па 5-й верстѣ порогъ. На 6-й четыре очепка: 2 на правой сторонѣ и 2 на лѣвой, состоящіе изъ каменистыхъ мелей съ глубокими жерлами, гдѣ вода чрезвычайно быстра и крутится въ родѣ пучинъ. На 9-й съ одной правой стороны начались большія каменныя скалы. На 12-й начались каменные утесы, которыми Енисей очень съуживается. За тѣмъ съ правой стороны выдается изъ материка въ русло Енисея огромная каменная скала, равная сосѣднимъ горамъ вышиною и называемая „быкъ"; она — самое опасное мѣсто, потому что Енисей имѣетъ на нее теченіе и стремленіе воды тутъ очень сильно. За тѣмъ, черезъ 2 версты, стоятъ одинъ неподалеку отъ другаго 3 острова. Первый *корабликъ,*—это скала, выдающаяся изъ средины рѣки, вышиною чуть не съ прибрежныя горы; между правымъ берегомъ и корабликомъ проплываютъ суда. 2-й *барочка:* стоитъ лѣвѣе и нѣсколько ниже кораблика; *протока* между ними называется

(1) Польская, луговая или наволошная отъ словъ поле, лугъ и волокъ.

„дырочкой“. 3-й островъ, болѣе предъидущихъ величиною, называется „*монастырскимъ*“; протока, между барочкой и имъ, называется „монастырской“; а между монастырскимъ и лѣвымъ берегомъ называется „узкою“. Всѣ эти острова каменные. Здѣсь оба берега каменные и лѣвый, около котораго совершенно прохода нѣтъ, замѣчателенъ тѣмъ, что тутъ много ямъ и водоворотовъ, да и самый берегъ нависъ скалами надъ водою. Эти горы съ обѣихъ сторонъ длятся верстъ на 15. Быстрота тутъ такъ велика, что 7 верстъ дѣлаютъ въ 10 минутъ. Не только лодки, но и суда идутъ тутъ греблями, чтобъ не затянуло на корабликъ: проходъ вѣдь только и есть между корабликомъ и правымъ берегомъ, а лѣвѣе, особенно у нависшихъ скалъ лѣваго берега, такой шумъ, что дѣлается страшно,—вода то закручивается внизъ увалами, то горами бросается вверхъ.

За Монастырскимъ островомъ всѣ ужасы кончаются и нѣсколько далѣе его, только съ противоположной правой стороны, мирно вноситъ воду свою въ Енисей небольшая рѣка „*Глотиха*“. Она замѣчательна тѣмъ, что, лѣтъ 15 тому назадъ, по ней противу монастырскаго озера была золотопріисковая партія г. Крылова. За тѣмъ ничего особеннаго не представилось и, окончивъ 30 верстъ, прибыли мы въ станокъ „Подкаменную Тунгузку“. При немъ впадаетъ въ Енисей вторая Тунгузка, называемая „среднею“ или „подкаменною“. Такъ какъ эта рѣка еще болѣе знаменита современнымъ значеніемъ своимъ для общества и государства, чѣмъ описанная уже нами Тунгузка Верхняя, то мы и пріостановимъ теперь свой путь по Енисею для описанія, по возможности, всей водной системы одного изъ знаменитыхъ притоковъ Енисея.

Средняя Тунгузка едва ли менѣе уже описанной нами Тунгузки Верхней; потому что если Средняя Тунгузка и не беретъ начала своего отъ Байкала, а значительно сѣвернѣе, уже подъ 55°, изъ хребта, служащаго водораздѣломъ между системами и ея, и Лены черезъ Кутусъ Игодою, и Верхней Тунгузки черезъ Илимъ съ притоками его: то вѣдь она впадаетъ въ Енисей сѣвернѣе Тунгузки почти на 580 верстъ, а эта цифра составляетъ почти третью часть всего теченія Верхней Тунгузки отъ Байкала до впаденія въ Енисей (1,720). Источники ея отъ источниковъ Куты и верхнихъ притоковъ Илима находятся почти въ 10 верстахъ. Эта совершенно пустынная, кромѣ южныхъ своихъ притоковъ, рѣка окаймлена горами, покрытыми дремучимъ вѣковымъ лѣсомъ. Теперь по ней нѣтъ никакого сообщенія; но въ старину, не смотря на ея порожистость, роль ея была значительна, по ней плавали съ сѣвера Иркутской губерніи; да и не забыто еще время, какъ по ней былъ

доставляемъ хлѣбъ. Слѣдовательно, нельзя отрицать, что съ увеличеніемъ народонаселенія, или съ подачею золотопромышленности на сѣверъ, закипитъ на этой рѣкѣ жизнь и заходятъ пароходы, тогда роль ея будетъ важна. Въ ходѣ своемъ она поднимается сперва на сѣверъ; потомъ при этомъ подниманіи — рѣка все болѣе и болѣе склоняется на западъ и, вступивъ въ Енисейскій округъ, общее направленіе имѣетъ почти на западъ. Такъ какъ на самой Средней Тунгузкѣ нѣтъ никакихъ поселеній, то мы и позволимъ себѣ опустить притоки, идущіе по пустымъ глушамъ, а начнемъ съ Вельмы. По Тунгузкѣ же бродитъ только дикій, какъ нетронутые лѣса, *по Подкаменкѣ*, Чапогирско-чельзяскій и Подкаменскій родъ Тунгузовъ и выходитъ на сугланъ въ станокъ „Подкаменная Тунгузка". Названіе свое деревня эта получила отъ того, что она первая и весьма скоро встрѣчается, послѣ того какъ, плывя на низъ, оставляемъ за собою страшный, по общепринятому выраженію, „камень". По Средней Тунгузкѣ есть много мѣстъ и глубокихъ и тихихъ, много плесовъ тинисто-песчанныхъ; а все это имѣетъ результатомъ обиліе рыбы, особенно (какъ извѣстно) стерлядей и чировъ. Въ такихъ мѣстахъ рыбы такъ много, что съ берега можно любоваться игрою множества разнообразныхъ породъ. Это сказанное обиліе было причиною того, что одинъ изъ енисейскихъ гражданъ взялъ, по слухамъ, примѣрно извѣстное пространство по теченію рѣки на 10 лѣтъ въ аренду и ничего не съумѣлъ найти. Такія отдачи, очевидно, вредятъ развитію дѣла, потому что другіе, предпріимчивые и болѣе ловкіе, люди не пустятся въ розыски и изслѣдованія; а дѣло стоитъ да стоитъ безъ развитія.

Теченіе Средней Тунгузки отъ впаденія въ нее рѣки Вельме до устья снято въ 1859 г. лейтенантомъ Скарятинымъ и провѣрено въ 1860 г. лейтенантомъ Житковымъ. Вершина же, называемая Тунгузами *Коконге*, не представляетъ общаго интереса. Цѣль изслѣдованій Скарятина и Житкова была мысль объ учрежденіи пароходства для доставленія водою припасовъ на пріиски сѣверной системы. Первый изъ нихъ проплылъ, на особой плоскодонной лодкѣ, изъ Енисейска чрезъ Среднюю Тунгузку въ Вельме и Тею; а второй, наоборотъ, съ пріисковъ возвратился тѣмъ же путемъ. По ихъ изслѣдованіямъ, Средняя Тунгузка, считая уже отъ соединенія Коконге и Вельме, весьма судоходна. Теченіе ея довольно тихое, такъ что средняя быстрота до 3 верстъ, а послѣ пороговъ и до двухъ верстъ (считая отъ пороговъ къ устью). На Средней Тунгузкѣ (плывя отъ Вельме внизъ по теченію) есть на 20-й верстѣ порогъ; тянется онъ около двухъ верстъ; быстрота теченія тутъ сперва $7^1/_2$, а потомъ 8 и болѣе верстъ въ часъ. За тѣмъ, плывя далѣе внизъ, встрѣчаютъ другой

порогъ, на 26 верстѣ отъ устья Вельме; находится онъ на протяженіи $4^1/_2$ верстъ; быстрота теченія сперва 11 верстъ въ часъ, а потомъ 9, 7, 5 и 4 версты. За тѣмъ, не доплывая 100 верстъ до устья, путешественникъ встрѣчаетъ рѣзкіе изгибы рѣки, а мѣсто это называется „гранитными столбами", что и дѣйствительно, удивительная игра природы—прекрасный гранитъ уложенъ столбами. Все теченіе Средней Тунгузки, отъ впаденія Вельме до Енисея, не болѣе 240 верстъ; а о всемъ дальнѣйшемъ протяженіи въ верховьяхъ нѣтъ до сихъ поръ ни измѣреній, ни разслѣдованій точныхъ.

Все значеніе Средней Тунгузки, для современнаго развитія промышленности, заключается въ одномъ изъ низовыхъ уже ея притоковъ, а именно съ лѣвой стороны, съ юга впадающей, большой рѣкѣ Вельме. Она впадаетъ верстъ 240 отступя отъ устья. Беретъ начало далеко на востокъ отъ круга сѣверной системы золотыхъ енисейскихъ пріисковъ, состоящаго изъ мѣстности, испещренной взаимносходящимися, подъ разными углами, и цѣлыми хребтиками, и мелкими горами; за этимъ кругомъ на востокъ идутъ огромныя болотистыя мѣста, покрытыя дремучей тайгой; это пространство хорошо не извѣдано; извѣстно только, что вершины Вельме, равно какъ и Пита берутъ тамъ изъ болотныхъ ключей свое начало, только вершины Вельме находятся значительно далѣе на востокъ, чѣмъ Пита. Поднимаясь съ юго-востока на сѣверо-западъ для впаденія въ Подкаменную Тунгузку—Вельме принимаетъ не имѣющія пока значенія рѣчки: слѣва—*Еренчину*, *Курабу*, и рѣку *Корбу (иначе называемую лѣвой вершиной Вельме)* съ притоками, слѣва, *Мехчина*, *Амдундака*, *Кандики*, *Илднусакичъ*, *Данмка* и *Дуселиндаконъ;* а справа—*Ваовиду*, *Ягоду* и *Куримбу*. Наконецъ, съ лѣвой стороны вливается въ нее большая рѣка—*Тея*, подходящая съ юга, или вѣрнѣе съ юго-запада къ ней.

Вершины Вельме не измѣрены и не обслѣдованы. А отъ Теи до устья, по измѣреніямъ гг. лейтенантовъ, 216 верстъ. Средняя быстрота теченія до 4 верстъ; слѣдовательно, гораздо быстрѣе Средней Тунгузки. Г. Житковъ называетъ эту рѣку судоходною; онъ нашелъ по ней золотоносную розсыпь и сдѣлалъ заявку.

Тея, довольно большой притокъ рѣки Вельмы, беретъ начало свое вблизи вершинъ большаго притока съ правой стороны рѣки Пита—Алиндахи, такъ что вершины Алиндахи заключаются какъ бы въ срединѣ между двумя вершинами Теи—*Курепой* (съ запада) и *Тырыдой* (съ востока). Для впаденія въ Вельме протекаетъ она на сѣверъ или

вѣрнѣе нѣсколько на сѣверо-востокъ. Изъ притоковъ ея, слѣдуетъ упомянуть слѣдующіе: 1) *Немчана*, съ правой стороны, небольшая рѣчка, впадающая скоро по соединеніи Тырыды и Курепы. 2) *Нагота*, слѣва, стоющая уже названія рѣки, съ большимъ притокомъ Чуволгой, но безъ золота; вершины ея недалеко отъ вышесказанной излучины Тисса, съ которой онъ измѣнилъ совершенно свое направленіе. 3) *Огнё-малая*— съ правой стороны. 4) *Нойба*, слѣва, изъ двухъ вершинъ—правой и лѣвой. Теченіе Теи отъ впаденія въ нее притока Енашимо до устья, по сообщенію мнѣ г. Житкова, 150 верстъ. Средняя быстрота около 6 верстъ въ часъ, а именно отъ $4^1/_2$ до 8 верстъ. Это—рѣка горная; она мѣняется отъ дождей; съ прибылью воды увеличивается и быстрота теченія. Г. Житковъ называетъ и Тею способной къ судоходству; но мы позволяемъ себѣ думать, что онъ увлекся, въ рѣшеніи этого вопроса, бывшимъ весною 1860 года большеводьемъ. Тея крайне извилиста и то сжимается скалами въ узкую полоску, то расширяется, потому и глубина ея мѣряется то аршинами, то вершками. 5) *Енашимо*, довольно большая рѣка и богатѣйшая по золотоносности, впадаетъ въ Тею съ правой стороны. Она составляется изъ очень многихъ рѣчекъ и конечными вершинами своими—Калами и Севагликономъ—стекаетъ съ тѣхъ же высотъ, какъ и конечная вершина Вангаши (притока Пита). Эта линія дѣленія обѣихъ важнѣйшихъ золотоносныхъ системъ есть умѣренно высокая, горная цѣпь, простирающаяся съ SW на NO. Источники на NW текущей сперва Калами и на W текущаго Севагликона— лежатъ на западномъ склонѣ этихъ водораздѣльныхъ высотъ, тогда какъ Октоликъ выходитъ напротивъ съ восточнаго склона и течетъ на О. По присоединеніи, къ поднимавшейся на сѣверъ *Калами*, *Севагликона*, пришедшаго справа, т. е. съ востока, впадаетъ тотчасъ же слѣва рѣчка Гурахта. Затѣмъ *Калами*, поднимаясь съ юго-запада къ сѣверо-востоку впала справа въ *Енашимо*. Эта послѣдняя рѣка не дала слѣва ни одного значительнаго притока, а справа одинъ за другимъ впадаютъ, идя все ниже: 1) *Дюбкошъ* съ притокомъ *Чубкошъ*, 2) *Огнё*, 3) *Олленоконъ*, 4) *Верхній Колличиканъ*, 5) *Нижній Колличиканъ*. Потомъ эта знаменитая рѣка Енашимо, по системѣ которой самыя богатѣйшія розсыпи золота, впадаетъ въ рѣку Тею.

Описавъ знаменитую Енашимо, пойдемъ далѣе по Теѣ. Ниже принимаетъ она слѣва, 6) *Мадуру* и 7) 8) *двѣ Пормы*, а справа — 9) большую рѣку „*Іочимо*", составляющуюся изъ *Епчины*, идущей съ юго-востока, и *Немуни*, идущей для соединенія съ юго-запада; вершины Немуни подходятъ къ вершинамъ Вангаши (богатый притокъ Пита) и Дытына (притокъ Енашимо); а въ нее впадаетъ слѣва, т. е. со стороны

Енашимо рѣчки „Дулижма“ и „Кото“. Рѣка Іочимо съ 1859 г. обратила на себя вниманіе золотопромышленниковъ и у устья заявленъ Григорьевымъ богатѣйшій александровскій пріискъ. Хребетъ же горный, провожающій Іочимо, замѣчателенъ хорошими соляными источниками, которые извѣстны пока частно, а можетъ быть скоро кто нибудь заявитъ. Важность ихъ несомнѣнна и въ хозяйственномъ отношеніи: какъ для засоловъ на пріискахъ, такъ и для имѣющей развиться рыбопромышленности по Подкаменной Тунгузкѣ, при слишкомъ плохой соли Троицкаго завода.

За тѣмъ подъ конецъ, послѣ соединенія съ Іочимо, Тея идетъ прямо съ юга на сѣверъ и впадаетъ въ Вельме. Притоки Вельме не обитаемы и мало извѣстны; только стоитъ упомянуть о большомъ, съ лѣвой стороны, притокѣ *Ча́па*, который своими вершинами и въ особенности притоками, близъ вершинъ — *Читаса́номъ* съ *Безъимянкой* и *Коко*, приходится недалеко отъ лѣваго берега самой Теи, а *Алманаканомъ* и *Дюбкошемъ* подходитъ къ *Нойбѣ* и *Чувасиѣ* (притокамъ Теи); мѣстности эти хотя и не обслѣдованы хорошо, но Чингасанъ даетъ надежду на толстый золотоносный пластъ.

Были поиски партій г. Бутакова въ 1856 году изъ Енисея въ самую Вельме; но не нашли ничего. Болѣе же надеждъ подала впадающая въ Вельме рѣка *Туба*, въ которой трудно только добираться до почвы, отъ множества жерлъ воды. Такимъ образомъ, знаменитая теперь своими притоками Вельме окончилась.

Отъ впаденія Вельме теченіе Средней Тунгузки считается еще на 300 верстъ и изъ рѣчекъ, впадающихъ на этомъ пространствѣ, стоитъ упомянуть *Лебяжью* (а по другимъ — Лебедеву), въ которой въ 1856 году, мимоходомъ попробовавъ, нашли золотину изъ двухъ ведръ песка; Лебяжья впадаетъ въ 30 верстахъ отъ устья Средней Тунгузки въ Енисей.

Тѣмъ и окончили мы описаніе знаменитой золотыми розсыпями водной сисмемы Средней Тунгузки. Для единства въ изложеніи географіи, мы воздержались отъ замѣчаній геогностическихъ. Почему и бросимъ теперь на всю систему общій геогностическій взглядъ.

Какой кругъ этой системы, чѣмъ составляется онъ и гдѣ линія дѣленія — нами уже сказано выше. Приступимъ къ описанію долинъ и начнемъ съ юга.

Отъ впаденія Калами въ Енашимо до устьевъ Гурахты и Севагликона господствуетъ измѣненный глинистый сланецъ; онъ образовался, вѣроятно, постепенно изъ гнейса, въ который противу устья онъ и переходитъ. Гнейсъ не такъ слоеватъ, какъ глинистый сланецъ; но все-

таки дѣлится на слои, потверже и посвѣтлѣе, а устья Гурахты и Севагликона лежатъ почти одно противу другаго и соединяются у Викторовскаго пріиска. Отсюда дорога черезъ гору дѣленія водъ къ промысламъ на Калами. Оказалось, что западный (т. е. Каламійскій) склонъ этой горы состоитъ изъ измѣненнаго глинистаго сланца; поднимаясь къ вершинѣ, можно встрѣтить кварцъ плотный, зеленосѣрый и мелкозернистый; а на самой вершинѣ глинистый сланецъ переслоенъ съ слюдянымъ, что̀ и длится до самыхъ истоковъ Калами. Въ этомъ мѣстѣ лежитъ направленная на юго-востокъ горная цѣпь, отдѣленная отъ горы дѣленія водъ плоскою долиной. Это послѣдняя горная цѣпь состоитъ изъ слюдистаго глинистаго сланца, содержащаго очень много вениссы. На сѣверо-западъ, въ гору дѣленія водъ, глинистый сланецъ пересѣкается толстыми жилами бѣлаго кварца. Примѣси же вениссы такъ много на сѣверной системѣ, что магнитный песокъ, который остается съ золотомъ на вашгердѣ, бываетъ уже цвѣта не чернаго, а красновато-бураго, тогда какъ на южной системѣ венисса, вообще говоря, находится въ скрытомъ состояніи и подчинена магнитному желѣзняку. Геогностическое свойство долины по Севагликону, вытекшему съ западнаго склона горы дѣленія водъ (такъ что главный ея источникъ лежитъ въ одной верстѣ противу главнаго источника Октолика), составляетъ то глинистый, то слюдяной. За тѣмъ горы, отдѣляющія отъ Севагликона Дытынъ, состоятъ изъ чистаго глинистаго сланца. Уже на Огнѣ къ глинистымъ сланцамъ примыкаетъ известнякъ, котораго постелью служитъ опять глинистый сланецъ, а сверхъ известняковъ лежатъ песчаники. Сланцы приподняты вѣроятно гранито-сіенитами, потому что куски самаго гранита часто попадаются въ розсыпяхъ; да, кромѣ того, участіе въ приподнятіи вышесказанныхъ толщъ даже гранитовъ жильныхъ, доказываетъ нахожденіе въ большомъ количествѣ вениссы и цирконовъ. У Викторовскаго пріиска есть большія глыбы гранита; на Калами есть также цѣлыя гранитныя горы и виденъ, изъ подъ наносной земли, гранитъ цвѣта красно-сѣраго, состоящій изъ бѣло-сѣраго кварца, черной слюды и мясно-краснаго полеваго шпата; эта-то гора и отбрасываетъ воды съ южнаго склона черезъ Чиримбу въ Питъ, а съ сѣвернаго черезъ Гурахту въ Енашимо. Глинистые сланцы встрѣчаются пронизанными и жилами кварца; разрушеніе этихъ породъ образовало розсыпи; нѣкоторыя розсыпи начинаются съ самыхъ вершинъ горъ и продолжаются въ долины. По угловатымъ кускамъ кварцевъ, сланцевъ, бурыхъ желѣзняковъ и прочихъ породъ можно полагать, что нѣкоторыя розсыпи лежатъ на мѣстахъ своего образованія. Но чему обязаны розсыпи образованіемъ своимъ? Можетъ быть, когда нибудь из-

слѣдуются основательно главныя вершины розсыпей и окажется коренное мѣсторожденіе. Можно думать, что такое мѣсто будетъ уже неимовѣрно богато содержаніемъ золота; вѣдь открылись же сами собою громадные запасы золота въ нѣдрахъ горы глинистаго сланца, когда она обрушилась. Это было въ Америкѣ, на берегу озера Титикака.

Полагаемъ достаточнымъ этого общаго очерка, потому что общая характеристика мѣстностей золотоносныхъ сдѣлана уже при описаніи водъ южной системы пріисковъ. Здѣсь можно прибавить только то, что сѣверная система отличается и бо̀льшимъ содержаніемъ въ розсыпяхъ золота, и громадностію рѣкъ въ сравненіи съ рѣчушками системы Удерейской, и потому такимъ обиліемъ воды, которое не только даетъ возможность примѣнять различные способы промывки (на южной и непримѣнимые), но даже иногда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезмѣрнымъ излишкомъ вода препятствуетъ работамъ, крайне затрудняетъ ихъ, осложняетъ и вводитъ въ убытки.

Теперь слѣдовало бы продолжать путь по Енисею, но я приведу въ слѣдующей главѣ жизнь въ Бахтѣ и составленную тамъ главу о каторгѣ и острогахъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Остроги и каторжные.

I.

При поѣздкѣ по Туруханскому краю заосеневалъ я на станкѣ Бахтинскомъ. Онъ состоялъ изъ четырехъ дворовъ, заселенныхъ ссыльными. Большіе снѣга и раннія пурги такъ засыпали станокъ, что невозможно было переходить изъ избы въ избу, безъ усиленной расчистки. Въ небольшой комнаткѣ, нагрѣвавшейся желѣзной печью, можно было задохнуться, живя безвыходно четыре недѣли. Пурги и зловѣщій вой вѣтра смѣнялись по временамъ не менѣе зловѣщей тишиною, — вѣдь и тамъ, какъ на морѣ, полная тишь предвѣщаетъ бурю.

И памятенъ мнѣ одинъ день подобнаго затишья въ природѣ. Въ моей скромной комнаткѣ была тоже полная тишина. Только перо моего фельдшера, трудившагося надъ какой-то перепиской, придавало еще болѣе однообразія этому безмолвію. Мнѣ кажется, безъ этого скрипѣнья

тишь моего угла не была такъ грустна. Можетъ быть, тогда что нибуть долетало бы до моего уха: услышалъ бы я и хрустѣнье снѣга отъ переступившей, гдѣ нибудь за избушкой, съ ноги на ногу коровы, уставшей жевать неподвижно свою жвачку; услышалъ бы и тихій голосъ собаки, которая, утомясь лежать въ одномъ положеніи, приподнимала морду, и ничего не видя, кромѣ безпредѣльной скатерти снѣга, протяжно зѣвала отъ скуки и потомъ опять засыпала, уткнувъ голову между переднихъ лапъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ дней, когда ни мокрый верховикъ, ни сухой и рѣжущій сиверъ не безпокоили природу, и она, какъ бы измученная безпрерывной борьбою, тяжело отдыхала, и даже искры, летающія при большомъ морозѣ и тишинѣ, не двигались въ воздухѣ.

Въ такую-то минуту неожиданно раздавшійся визгъ заставилъ меня невольно вздрогнуть. Визгъ этотъ повторился, и затѣмъ въ избѣ и въ сѣняхъ сильно хлопнули двери, пущенныя на произволъ собственной тяжести. Послышались крики и повторились у другихъ домовъ. Я рѣзко окликнулъ фельдшера, который, углубясь въ свою работу, не слыхалъ, кажется, ни визга на улицѣ, ни стука дверьми. Онъ вышелъ узнать, что случилось. Я терялся въ догадкахъ: каждая минута приносила какое нибудь предположеніе, которое вмѣстѣ съ нею и уносилось, смѣняясь новымъ. То представлялся мнѣ пожаръ, и я уже воображалъ, что отъ нашихъ избушекъ не останется и воспоминанія, то казалось, что пожаловалъ медвѣдь, который могъ надѣлать не меньше вреда, прежде успокоенія на чьей нибудь ловко всаженной рогатинѣ, то, наконецъ, мерещился мнѣ пріѣздъ отдѣльнаго засѣдателя, либо смотрителя участка...

Фельдшеръ мой не возвращался, а между тѣмъ изъ окна я видѣлъ призраки общаго смятенія: вонъ скачетъ мужикъ, взвалившись на большепузую лошаденку и что-то кричитъ; вонъ баба съ груднымъ ребенкомъ едва бѣжитъ и тоже кричитъ что то голосомъ, перехватывающимся отъ усталости; далѣе мальчишка лѣтъ пяти, бѣжавшій во всю ребячью прыть, съ уставленными куда-то впередъ и вдаль глазенками, попалъ въ сугробъ и, барахтаясь въ немъ, реветъ на разные голоса. Что̀ это такое? Я не утерпѣлъ и вышелъ на крыльцо. Мнѣ представилось еще бо̀льшее движеніе.

У крыльца стояла толпа; женщина въ шубенкѣ съ ребенкомъ у груди, другая безъ ребенка, ребенокъ лѣтъ трехъ въ одной рубашенкѣ, два мужика—одинъ съ топоромъ, другой съ рогатиной, и всѣ спрашиваютъ озабоченно: гдѣ, какой, откуда выбѣгалъ, куда убѣжалъ? Нельзя было розобрать, кто кого спрашиваетъ и кто кому отвѣчаетъ; женщина разсказы-

вала видомъ знатока и вдругъ сама обращалась съ вопросомъ къ сосѣдкѣ. Не надѣясь добиться толка, я хотѣлъ уже возвратиться въ избу, какъ вывернувшаяся изъ-за амбарушки, въ одномъ платьѣ, дѣвушка лѣтъ шестнадцати и спрыгнувшій съ крыши дома въ сугробъ мальчикъ, мой пріятель, разомъ крикнули: „тетушка! быкъ-то съ той стороны выбѣжалъ, да и опять въ лѣсъ ушелъ; да дикій такой, тетушка, голову-то поднялъ такъ, будто нюхаетъ что̀!“ Я подалъ голосъ, пріятель подбѣжалъ ко мнѣ и объяснилъ въ чемъ дѣло. Оказалось, что у отправившагося въ это лѣто ([1]), съ поисковой партіей, на рѣку Бахту, довѣреннаго г. Бенардаки, потерялся въ лѣсу быкъ, и владѣлецъ его, въ благодарность жителямъ этого станка за ихъ угодливость при проходѣ партіи, позволилъ имъ поймать и убить быка. Ну, это не страшно, подумалъ я и пошелъ въ избу, тѣмъ болѣе, что холодъ уже начиналъ прохватывать меня. Но усидѣть въ комнатѣ я, однако, не могъ: жизнь, какъ бы странно ни проявлялась она, все-таки тянула къ себѣ. Въ окно, выходившее въ ту сторону, гдѣ разыгрывалась сцена, не видно было ничего: нижнюю половину его заложила съ улицы подушкой добрая хозяйка, заботившаяся о сбереженіи моей городской, а слѣдовательно изнѣженной, натуры, а верхняя половина еще не успѣла оттаять и бывшая утромъ пурга забила ее снѣгомъ съ пескомъ и землею. Другое окно выходило на противоположную сторону станка; въ него видно было только, какъ пробѣжала женщина съ ребенкомъ, прикрывъ его полой дырявой овчинной шубенки, да протащился мальчишка лѣтъ четырехъ въ одной рубашенкѣ, но съ отцовскими рукавицами на рукахъ, и крѣпко прижималъ ихъ къ животу, чтобъ онѣ не потерялись.

Я одѣлся потеплѣе и опять вышелъ. На первомъ планѣ красовались лошади, нескладныя, но бойкія и порядочно отжирѣвшія въ лѣсной волѣ, куда пускаютъ ихъ на цѣлое лѣто. Мужики суетились. Одинъ, сидя на лошади, кричалъ торопливо: „ахъ топоръ-то, топоръ-то!“; другой прочищалъ только-что полученную винтовку; третій разсматривалъ рогатину, приговаривая: „ахъ, ты, Господи! чего жъ я буду дѣлать — и тупа, и заржавѣла такъ, что ни во что не влѣзетъ!“

— Ахъ, ты, голова! раздался крикъ въ толпѣ, да ты только скачи, да кричи сильнѣе, а какъ повстрѣчаешь — пали черезъ кулакъ, либо бей гнилушкой! Ну, пошелъ!

И при послѣднихъ словахъ такъ заукали на лошадь, что она понесла во всю прыть.

— Зачѣмъ же вы смѣялись надъ нимъ? спросилъ я окружающихъ.

([1]) 1857 года.

— Да какъ же, помилуйте! чево жъ онъ за лежобокъ такой, что никакой исправности не имѣетъ; рогатинка кой-какъ завелась, да и та, глянь-те-ка, какъ и тупа, и перержавѣла; какъ онъ Бога-то не боится, а вѣдь изъ крестьянъ!...

Четверо ускакало въ лѣсъ. Пока взрослые смотрѣли имъ въ слѣдъ, мальчишки уже начали споръ: кто убьетъ быка. Голоса раздѣлились. Скоро вмѣшались въ споръ женщины, потомъ забасили и мужики. Слышались фразы: „почитай-что дядя Михей! вишь какой онъ хмурый! ни слова не баитъ, по молчанкѣ все, а ужъ рука не дрогнетъ!“

— Ну, нѣтъ, братъ, отвѣчалъ кто-то, у Сидорыча, знашь какая винтовка! чудо!

— Ну, нѣтъ, ребята, подхватывалъ третій: ужъ если кому судьба прикажетъ, такъ непремѣнно старшему кузнецову сыну — молодчина, живой, верткой, да и смѣлостью-то Богъ не обдѣлилъ.

— Онъ, онъ! заголосили женщины.

— Почитай-что онъ! утвердили мужики; дядя Михей старъ.

И все умолкло. Кто сталъ изъ-подъ руки смотрѣть вдаль, хотя не видалъ ничего, кромѣ снѣжныхъ бугровъ, посеребренныхъ лучами солнца и нарядно оттѣнявшихся отъ общей матовой бѣлизны, да того же снѣга, висѣвшаго массами нá вѣтвяхъ чернолѣсья, въ мрачной зелени котораго солнечные лучи разводили самыя живыя и яркія краски. Мужикъ смотрѣлъ, а другіе, молча, переминали ногами. Ребятишки выступали другъ противъ друга и на борьбу, и на кулачный бой. Женщины обратили, наконецъ, вниманіе на своихъ грудныхъ дѣтей, которые или уснули, или пріумолкли, утомленные безполезнымъ крикомъ. Словомъ, все занялось собою, все будто углубилось въ себя, какъ вдругъ кто-то изъ толпы проговорилъ: „а вѣдь не поймаютъ быка!“

— Отчего жъ бы нѣтъ? отозвался голосъ.

— Да гдѣ, братцы, вѣдь ноги-то у быка длиннѣе!

— Отчего длиннѣе? Ты примѣряй сáмъ себѣ въ умѣ-то ногу лошадиную вонъ съ коровьей!

— Ну, нѣтъ, братцы, стоялъ на своемъ начавшій разговоръ мужикъ: — это коровья, а то — бычья!

— Такъ что же, чтò бычья!

— А какъ, чтò бычья? вѣдь онъ матёрый, пріискательскій, ну, знамо, у него и ноги дольше!

— Охъ, ты, пріискательскій, отозвался одинъ острякъ: пріискательская, видно, голова твоя! Не замайте его, братцы, пускай несетъ!

Раздался общій хохотъ. Срѣзанный мужикъ отошелъ въ сторону, повторяя себѣ подъ носъ: „полагай, что длиннѣе! аль и въ правду не длиннѣе?“

Въ лѣсу между тѣмъ шла работа, и догадки толпы почти оправдались. Первый наткнулся на быка молодой и бойкій сынъ кузнеца, и зная, что лошадь испугается выстрѣла и можно даромъ потерять пулю, слезъ съ лошади, но не успѣлъ онъ уставить винтовку, какъ быкъ уже налетѣлъ на него, сшибъ его съ ногъ и пронесся далѣе. Затѣмъ его встрѣтилъ Сидорычъ и выстрѣлилъ, но неудачно, и быкъ пробѣжалъ дальше. Между тѣмъ проворный сынъ кузнеца оправился, подскакалъ, сдѣлалъ выстрѣлъ уже съ лошади, и яркая кровь залила бѣлое пятно шкуры. Быкъ пошелъ потише, потряхиваясь. Тутъ опять далъ выстрѣлъ старый дядя Михей, за нимъ опять выстрѣлилъ сынъ кузнеца, и, наконецъ, быка добили оба мужичка сильными ударами топора по лбу.

Дровни были уже привезены изъ дома дяди Михея и быкъ отвезенъ въ его домъ, гдѣ и произведенъ дѣлежъ. Странное вліяніе имѣетъ здѣсь этотъ дядя Михей! Онъ и не коренной старожилъ, а поселенный, и не такъ ловокъ, какъ бойкій на дѣло и слово кузнецъ, и значеніемъ такимъ не пользуется, какъ старшина, мужикъ рослый и съ длинной бородой, а между тѣмъ нѣтъ старше дяди Михея на станкѣ, нѣтъ крѣпче его слова и полновѣснѣе его приговора.

Но и этотъ дядя Михей преклонялъ почтительно голову предъ бабушкой Ольхиной, составлявшей предметъ удивленія и догадокъ не одного Бахтинскаго станка! Покоряясь любопытству, я съ самаго пріѣзда употребилъ всю ловкость на то, чтобы сблизиться со старушкой и вызнать ея прошлое. Наконецъ, удалось познакомиться съ нею.

Въ небольшомъ домикѣ ея все было чисто и уютно. Въ первый визитъ мой я засталъ въ домѣ трехъ сиротъ, воспитанныхъ хозяйкою. Мужчина, лѣтъ тридцати, поправлялъ неводъ, жена его, красивая женщина лѣтъ на пять помоложе, ставила самоваръ, а дѣвушка лѣтъ тринадцати шила рубашку. Во второй комнатѣ стояла постель хозяйки, и подъ бѣднымъ ситцевымъ покрываломъ я увидѣлъ чистую холщевую простыню. При входѣ моемъ старушка встала съ извиненіями, что не встрѣтила гостя. Ей было уже лѣтъ семьдесятъ; спина у нея нѣсколько уже погнулась, волосы покрылись просѣдью. Но быстрый, ястребиный взглядъ ея большихъ сѣроголубыхъ глазъ, большой нѣсколько вздернутый носъ, на бѣлой, тонкой кожѣ лба глубокій шрамъ, въ вершокъ длиною, и, наконецъ, твердая походка—все это придавало ея маленькому росту какую-то особенную силу. Знакомство мое съ Ольхиной мало по малу завязалось: старушка не отказывалась отъ моего повар-

скаго ([1]) стола и сама, ни мало не стѣсняясь, кормила своей незатѣйливой стряпнею. Улучивъ время, я спросилъ объ ея прошедшемъ. Ни мало не смутясь, она разсказала мнѣ всю жизнь свою, съ поселенія на этотъ станокъ: какъ старикъ-покойникъ прибылъ на этотъ станокъ годомъ раньше и срубилъ домикъ; какъ, поселясь черезъ годъ на тотъ же станокъ, она вошла въ домъ въ качествѣ хозяйки, а черезъ два года ихъ жизни начальство дозволило и повѣнчать ихъ; какъ дѣтьми Богъ ихъ не надѣлялъ, почему они долгомъ жизни своей поставили воспитывать сиротъ; какъ ея молодость и ловкость, по здѣшнему темному краю, въ обращеніи съ проплывающими енисейскими купцами, и умѣнье кому вычистить бѣлье, или что нибудь сшить, кому выпечь булки и приготовить кушанье, и занять бесѣдой, сдружили съ ихъ домомъ пріѣзжающихъ, отчего они порядочно наживались, и домъ ихъ былъ, хоть и по деревенски, полною чашей. Словомъ, много разсказала мнѣ Ольхина всякой всячины. Но когда неудовлетворенный этимъ, я спросилъ ее о прежней жизни съ самаго дѣтства, старушка нахмурилась и только сказала: „да, я, конечно, не здѣшняя, я изъ Россіи; а что было, то уже давно прошло, да и быльемъ поросло!"

Я сообщилъ о безплодности своихъ развѣдокъ дядѣ Михею, который былъ особенно друженъ съ Ольхиной. Но онъ объяснилъ, что много уже хлопоталъ, чтобъ заставить Ольхину разговориться, и все напрасно; а отъ старичка, который былъ не такъ крѣпокъ, слышалъ по секрету, что онъ былъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, а она дочь одного священника,—что была-то она красавица, хотя и онъ не дуренъ,—что они другъ другу полюбились, а отецъ насильно выдалъ ее за богатаго старика, который билъ и тиранилъ ее, —что хотя и держали ее, какъ птичку въ клѣткѣ, однако разъ они свидѣлись, и онъ поклялся хотя съ чортомъ побрататься, а ужъ освободить. Однажды, будто, одѣлся онъ въ кучерское платье, да и усѣлся на козлы, когда нужно было переѣхалъ старому мужу съ молодой женой въ сосѣднее помѣстье. И на бѣду вишь стараго мужа разбили лошади, а ихъ, не смотря на то, осудили въ Сибирь, куда они пришли въ разныхъ партіяхъ и въ разныя мѣста, бывали и въ бѣгахъ, розыскивая другъ друга, да подъ именемъ непомнящихъ родства и поселились, наконецъ, въ этомъ станкѣ. „Вотъ что разсказывалъ старичекъ мнѣ подъ крѣпкимъ секретомъ, прибавилъ Михей, при чемъ и я ему свои грѣхи повѣдалъ; а славные они оба, и умные и честные люди; лучше ихъ по всему краю не бывало! Ей Богу—такъ".

([1]) Человѣкъ при мнѣ былъ и поваръ.

Мнѣ было тяжело отъ этого разсказа. Не смотря на то, что представлялся хорошій случай выспросить дядю Михея и объ немъ самомъ, у меня не хватило духу. Въ головѣ бродили разныя мысли. Отчего же не сосланъ отецъ, поступившій такъ безнравственно, думалъ я: онъ виноватъ и противу закона природы, насилуя то, надъ чѣмъ ему не даны права, т. е. самую жизнь человѣка, виноватъ и противу закона совѣсти, и противу закона гражданскаго! Почему же остался гражданиномъ мужъ-тиранъ, а также и священникъ, который, можетъ быть, свѣнчалъ потомъ не одну подобную свадьбу?

Войдя въ довѣріе къ бабушкѣ Ольхиной, я прямо сказалъ ей, что узналъ уже болѣе или менѣе ея прошедшее отъ того, съ кѣмъ былъ друженъ ея старикъ и потому, чтобъ не тревожить ея души тяжкими воспоминаніями, я даю слово никогда ее о томъ не спрашивать. Она посмотрѣла на меня внимательно и какъ будто съ недовѣріемъ. Я выдержалъ взглядъ и промолчалъ. Спустя нѣсколько времени, я просилъ ее разсказать о судьбѣ дяди Михея, замѣтивъ ей, что не спрашиваю его самаго потому только, чтобъ не возбудить въ немъ мучительно тяжелыхъ воспоминаній. Старушка согласилась сообщить мнѣ, что знала, о прежней жизни поселенца, но только въ нѣсколькихъ словахъ, отзываясь, что ей тяжелы подробности и чужаго горя.

—Онъ былъ,—начала она,—крѣпостной человѣкъ графа А., способный, грамотный, и слылъ за умнаго и честнаго человѣка по селу. Было ему уже тридцать лѣтъ, какъ вступила въ возрастъ его родная сетра. Утренняя зорька, да и только,—такъ была хороша она! Черезъ ихъ село, какъ и вездѣ по Россіи, разъѣзжалъ съ товаромъ торговецъ. Былъ онъ купеческій сынокъ, съ умомъ да и видомъ молодецъ. Сильно приглянулась ему дѣвка, подолгу онъ заглядывался на нее, а она ничего — и видитъ, да не видитъ, умна была! Купчику это и больше понравилось и онъ объявилъ, что хочетъ жениться, не смотря на то, что крѣпостная. Вѣдь крѣпостная тотъ же человѣкъ, прибавилъ онъ. Сходилъ Матвѣй, это вѣдь настоящее его имя, къ барину и сталъ просить позволенія. Тотъ было и ничего, да подоткнулъ дьяволъ камердинера доложить, что дѣвушка молъ... Ну, что разсказывать дальше: извѣстно, чѣмъ кончались такія дѣла... Больше не спрашивайте меня, заключила Ольхина, говорить не могу, духъ занимаетъ, разумѣется Матвѣй сталъ преступникомъ и сосланъ Сибирь за то, что чести своей не далъ на поруганіе!

Изъ послѣднихъ словъ и гнѣва, сверкнувшаго въ большихъ глазахъ Ольхиной, я видѣлъ, что, при разсказѣ, невольно ей вспомнилось и ея былое, и минувшія надежды, и гибель по прихоти двухъ сумасбродовъ.

II.

Бесѣды съ Ольхиной и дядей Михеемъ навели меня на мысль изучать бытъ каторжноострожной жизни. Нѣсколько лѣтъ уже я обращался съ арестантами и видѣлъ разнохарактерныя личности этихъ несчастныхъ, въ самыхъ различныхъ проявленіяхъ. Я зналъ ихъ какъ посѣтитель, членъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, и какъ докторъ полицейскій, обязанный присутствовать при наказаніяхъ, и, наконецъ, какъ судебный врачъ, безъ котораго не обойдется уголовное дѣло.

Часто припоминаю я своихъ несчастныхъ знакомцевъ. Между ними не было примѣчательныхъ личностей, какъ напримѣръ извѣстный всей и памятный всей Сибири, отъ Тобольска до Нерчинска, Цезикъ, котораго мастерская рука, изъ простой глины, за неимѣніемъ лучшаго матеріала, лѣпила группы и вазы, приводившія въ восторгъ знатоковъ. Но видѣлъ я не мало такихъ случаевъ, которые выходятъ изъ ряда злодѣйствъ и поражаютъ чудовищными противорѣчіями человѣческой природы, видѣлъ и то, что считается обыкновеннымъ, но можетъ быть поражаетъ еще болѣе.

Какъ теперь вижу одного преступника изъ евреевъ. Столкнулся я съ нимъ въ первый разъ въ острогѣ на свидѣтельствованіи его лица, по подозрѣнію въ штемпелевыхъ знакахъ, чѣмъ можетъ обусловливаться численность подсудностей и, слѣдовательно, степень присуждаемаго наказанія. Онъ относился ко мнѣ насмѣшливо и дерзко, какъ будто я не службу отправлялъ, а тѣшился надъ нимъ. Сперва я даже испугался: онъ почти подбѣжалъ ко мнѣ; его подергивало; углы губъ и ноздри то сокращались, то распускались, вѣки мигали, въ рукахъ, которыми онъ размахивалъ, дергало почти каждый суставъ, на ногахъ онъ не стоялъ спокойно ни минуты, а мялся и подпрыгивалъ. „Не думайте, сказалъ онъ, что у меня клейма на лицѣ! Я знаю, что ихъ не бывало! Смотрите: вѣдь намъ все ни почемъ!“ Но когда я вглядѣлся въ него, то понялъ, что онъ изъ трусовъ, которые любятъ тѣшить себя мнимой храбростью, пока ихъ не осадятъ. Я выдержалъ себя спокойно. Прошло съ полгода; ему присуждено было наказаніе кнутомъ и назначенъ день исполненія приговора. Но подсудимый назвался больнымъ, почему и назначено формальное освидѣтельствованіе. Являюсь я въ присутствіе: онъ лежитъ на полу, блѣдный какъ полотно, со впалыми щеками и короткимъ дыханіемъ; но я нашелъ, что онъ былъ совершенно здоровъ. Его повезли на площадь, гдѣ толпился праздный народъ и стояла команда. Что происходило во мнѣ во время наказанія, трудно передать словами: помню только, какъ тяжело было дышать мнѣ. Но вотъ раздается гро-

могласно: „послѣдній!“ Палачъ бросается снять наказаннаго. „Прочь! вскрикиваетъ преступникъ: теперь не нужна помощь!“ Онъ бодро всталъ самъ и, уставя на меня свои черные глаза, прибавилъ: „вонъ благодѣтель! небось весело ему, а я такъ въ вѣкъ не забуду такого веселія!“ Во мнѣ сильно сжалось сердце; мнѣ было отвратительно гадко, я едва дошелъ до экипажа.

Помню другой случай. На улицѣ, у крыльца одной изъ полицейскихъ частей, билась женщина какъ бы въ припадкѣ падучей болѣзни. Ее подняли десятники и внесли въ прихожую. Мало по малу больная очнулась. Первое слово ея была просьба представить ее къ городничему. По счастію, онъ заѣхалъ самъ; больную представили и, упавъ на колѣни, она объяснила, что шла на золотые пріиски, и съ нею случилось горе — украли мѣшечекъ съ вещами и съ паспортомъ, и что отъ испуга съ нею приключилась какая-то болѣзнь у крыльца части, куда шла она объявить о покражѣ. Какъ ни много въ этомъ городѣ безпаспортныхъ и бродягъ, но особенность настоящаго случая, опасеніе, что пожалуй женщина умретъ, если не приласкать ее, избитое лицо и искусанныя руки, — все это вмѣстѣ заставляло отправить безпаспортную, вмѣсто острога, въ больницу. Тутъ я и встрѣтился съ нею. Это была женщина лѣтъ тридцати, высокая ростомъ, бѣлокурая, подъ глазами рѣзко выдавались линіи страстности, но въ глазахъ замѣтны были робость и подозрительность. Такъ какъ въ перепискѣ съ медицинской частію полиція много не думаетъ, то и не было видно причины, по которой больная была прислана на испытаніе. Это легко могло быть по какому нибудь важному гражданскому случаю. Поэтому, у насъ приняты были всѣ мѣры наблюденія, чтобъ не могло ускользнуть ни одно движеніе больной. Скоро явилось подозрѣніе о притворствѣ. Я намекнулъ объ этомъ больной, она оскорбилась и упорно стояла на своемъ. Это вызвало на положительныя мѣры, и вотъ, среди одного изъ припадковъ, неожиданно и быстро сдѣлали ей легкій уколъ тонкою иглою подъ ноготь большаго пальца ноги: больная съ крикомъ и бранью вскочила. Дѣло было ясно. Что же за причина ея притворства? Вотъ какъ объяснялась женщина черезъ часъ съ фельдшеромъ: „Богъ судья вашему доктору! вѣдь я не преступница какая; я ужъ теперь, все равно, должна сказать всю правду: я господская, бѣжала изъ села отыскивать своего мужа; вотъ уже годъ брожу по Сибири, розыскала гдѣ причисленъ онъ, къ кому и въ какой партіи ушелъ на пріиски; да вотъ и хотѣла въ вашемъ городѣ дождаться выхода рабочихъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ и хоть еще разъ въ жизни посмотрѣть на него“.

— Да зачѣмъ же онъ въ Сибири? спросилъ фельдшеръ.

— А вотъ видите ли: былъ онъ на селѣ старшимъ выборнымъ; баринъ самъ уѣхалъ и оставилъ управляющаго нѣмца. Настоящій звѣрь былъ этотъ нѣмецъ, — такъ и взъѣлся на православныхъ. Мужъ мой вступился, да цѣлымъ міромъ, въ одинъ голосъ, а міръ, извѣстно, великъ человѣкъ! И пошла потѣха. Управляющій, вѣстимо, сталъ потише, да только мужа-то смѣнилъ, а тамъ и въ рекрута не въ очередь. Онъ изъ рекрутства-то бѣжалъ къ вамъ, въ Сибирь, показался бродягой, вынесъ немножко, да и причисленъ въ волость.

— Ахъ, ты глупая, замѣтилъ наивно фельдшеръ: — зачѣмъ же ты это разсказываешь! покажись непомнящей родства, вотъ и поселишься навсегда въ Сибири, а повремени и сама въ ту же волость попадешь и будете жить припѣваючи!

При этихъ словахъ лицо женщины оживилось, глаза заблистали и сквозь ссадины на лицѣ просвѣтило въ ней что-то доброе и пріятное. Она повалилась фельдшеру въ ноги съ просьбою молчать о разсказѣ.

Можетъ быть, инымъ покажется, что я показываю людей идеальныхъ, мучениковъ за правду и честь, но я не виноватъ, если подобные случаи встрѣчаются безпрестанно, обличая наши общественныя несообразности. Не виноватъ я, если представлю теперь другаго рода личность, у которой порокъ и развратъ вошли въ привычку, сжились съ натурою, сдѣлались ея плотью и кровью. Разъ поступилъ въ больницу старичонка лѣтъ пятидесяти, небольшой ростомъ, сухощавый, со впалыми щеками и глазами. Лице у него было испещрено глубокими морщинами и рѣзко выдавшимися линіями, отъ угловъ глазъ и рта; видно было, что эта натура не щадила сердца и что въ ней когда-то бурно кипѣли страсти. Волосы у него были прямые и индѣ стоящіе клочьями, а кое гдѣ падали на лицо, взглядъ казался беззаботнымъ и равнодушнымъ, какъ будто говорилъ вамъ: „я знать не хочу ничего; что захочу, то и сдѣлаю!“ Старикъ былъ поселенецъ, успѣвшій совершить какое-то преступленіе лѣтъ тридцать назадъ. Пробывъ казенное количество въ каторгѣ, онъ потомъ женился на бойкой, молодой поселянкѣ, ревновалъ ее, билъ и въ четыре года уложилъ, какъ говорится въ могилу. У него остались три дочери, изъ которыхъ старшей было съ небольшимъ три года. Росли онѣ при немъ, ничего не дѣлали, ничему не учились, ѣли хлѣбъ съ водой, а если и того не оставалось отъ отца, отправлялись голосить подъ окнами, и гдѣ кормили сиротъ обѣдомъ, гдѣ поили чаемъ, гдѣ награждали булками, либо какими нибудь обносками. Отецъ ни о чемъ не заботился. Девяти лѣтъ старшая пошла няньчиться къ кому-то съ ребенкомъ; какъ дѣвчонка расторопная и безотвѣтная, она прожила на мѣстѣ два года, жила бы и болѣе, еслибъ не понадо-

било за чѣмъ-то отцу взять ее?!! На мѣсто ея поступила вторая сестра, но черезъ годъ и ту потребовалъ отецъ, а взамѣнъ привелъ третью дочь. Старшихъ между тѣмъ старикъ держалъ строго, никуда не отпускалъ и запрещалъ съ угрозами всякое знакомство и разговоры съ посторонними. О третьей дочери онъ какъ бы забылъ и прибралъ ее къ рукамъ тогда уже, какъ ей минуло тринадцать лѣтъ. Между тѣмъ она поразвилась въ доброй семьѣ и получила кой-какія понятія о долгѣ и обязанностяхъ. Тутъ обнаружилось злодѣйство: отецъ погубилъ дочерей, хотя послѣдняя сдѣлалась жертвою только тогда, какъ была избита и изсѣчена. Дѣло вышло наружу; улики были на лицо, началось уголовное дѣло. Старикъ, предчувствуя приближеніе расплаты, попросился изъ острога въ больницу и пытался увѣрить, что у него чахотка, разсчитывая на свою худобу и значительный хроническій кашель. Но попытка не удалась и онъ былъ приговоренъ къ наказанію.

Наканунѣ потребовали свѣдѣніе изъ больничной конторы: можетъ ли быть онъ выписанъ и наказанъ. Чрезъ писца это дошло до него, и, при входѣ моемъ въ палату, онъ съ тѣмъ же нагло-беззаботнымъ видомъ спросилъ меня „зачѣмъ нужна вамъ моя казнь?“ Мнѣ было любопытно, какъ этотъ странный человѣкъ проведетъ время до самаго наказанія. Къ общему удивленію, онъ ни въ чемъ не измѣнился, даже и не заговаривалъ о своемъ дѣлѣ. Съ тѣмъ же беззаботнымъ и наглымъ видомъ онъ велъ себя и въ полиціи, и при чтеніи рѣшенія на площади. Это выраженіе сохранилось и во все время страданій его и леченія; и при выходѣ изъ больницы, онъ не сказалъ даже никому изъ товарищей ни слова благодарности за то, что они за нимъ ухаживали. Черезъ нѣсколько дней, отправленъ онъ былъ въ партіи на заводы, и скоро всѣ забыли старика, даже его несчастныя дочери, которыя въ домѣ веселія заливали виномъ просыпавшуюся иногда совѣсть! Но проходитъ годъ, и вдругъ однажды, при посѣщеніи больницы, я съ удивленіемъ увидѣлъ его на кровати, крайне исхудалаго, въ лихорадочномъ пароксизмѣ. Вы вѣрно замѣчали, что душевный порывъ одного человѣка часто отзывается и въ другомъ. Такъ и теперь; я съ изумленіемъ спросилъ: какими судьбами ты опять здѣсь?

— Да бѣжалъ изъ завода долгъ заплатить, отвѣчалъ онъ; прошелъ тысячи верстъ, былъ уже у забора того дома, гдѣ живутъ мои злодѣйки, и схватили! Но имъ это не пройдетъ: вѣдь на отца пошли!—Но довольно. Злодѣй выздоровѣлъ, опять наказанъ и сосланъ. Каково убѣжденіе этого человѣка въ величіи правъ отца!

Приведу еще случай. Пріѣзжаю я однажды въ больницу, и при встрѣчѣ смотритель и фельдшеръ объяснили мнѣ, что приведенъ изъ

острога недавно поступившій въ него и называющійся больнымъ старовѣръ, который взятъ по подозрѣнію въ проповѣдываніи новаго ученія. — Интересный человѣкъ, заключили они: говоритъ, какъ бисеромъ нижетъ! Войдя, послѣ такого предупрежденія, въ арестантскую палату, и видя два новыя лица, я обратился къ одному изъ нихъ, который былъ въ длиннополомъ нанковомъ сюртукѣ, съ глубокомысленнымъ взглядомъ. „Не ты ли проповѣдникъ изъ старовѣровъ! чѣмъ же боленъ?“ Вмѣсто отвѣта о болѣзни онъ повелъ длинную рѣчь, которую я выслушалъ съ терпѣніемъ и вниманіемъ и передаю, на сколько могу припомнить. „Послушайте, г. докторъ, началъ онъ: я вижу, вы человѣкъ молодой и образованный, — вѣдь нынѣ студенты медицины не около труповъ только сидятъ и выходятъ уже людьми, а не ходячими рецептами, какъ бывало. Какъ же вамъ-то не грѣхъ отнестись ко мнѣ такъ насмѣшливо? Развѣ насмѣшку только заслуживаетъ, въ нынѣшній вѣкъ, человѣкъ, имѣющій свою мысль, свое убѣжденіе?“ Я молчалъ.— „Думали ли вы, продолжалъ онъ, что̀ такое старовѣрство, въ чемъ его проявленія, въ чемъ сила его существованія? Я буду говорить съ вами безъ предубѣжденій, безъ поклона пустой внѣшности, какъ проповѣдую толпѣ. До моихъ личныхъ убѣжденій я не коснусь...“

Но довольно объ этихъ одиночныхъ личностяхъ. Теперь перейдемъ въ острогъ; тамъ мы встрѣтимъ ихъ въ массѣ и въ ихъ настоящей сферѣ.

III.

Если вамъ случалось въѣзжать въ уѣздный городъ на казенной тройкѣ, то, вѣроятно, вы замѣчали гдѣ нибудь на краю, вблизи лѣса, массу зданій, которыя отдѣлены отъ всего, какъ зачумленныя, и выставляютъ только однѣ верхушки крышъ изъ-за высокаго частокола. Это не тонкій деревенскій частоколъ; онъ сдѣланъ изъ прямыхъ и ровныхъ бревенъ, крѣпко вкопанныхъ въ землю и заостренныхъ наверху кольями. Приближаясь къ переднему фасу, вы видите, что впереди красуется гауптвахта, а у самаго входа стоитъ бѣлосѣраго цвѣта полосатая будка, и предъ нею взадъ и впередъ, на пространствѣ нѣсколькихъ шаговъ, мѣрно движется часовой. Если вы будете подъѣзжать къ острогу, какъ имѣющій право входа, напримѣръ какъ медикъ, и въ узаконенное время, то есть не ранѣе семи часовъ утра и не позже семи вечера, то часовой у дверей вскрикиваетъ хриплымъ голосомъ: „дежурнаго!“ Тоже подхватываетъ другой часовой далѣе, и минуты черезъ двѣ вы слышете какъ-будто звонъ цѣпей, оглядываетесь и видите, что бѣжитъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, дежур-

ный, а у него въ рукахъ на желѣзномъ кольцѣ качаются, бьются другъ о друга и звенятъ огромные ключи. Вотъ дежурный у двери, стукнулъ огромнымъ замкомъ, кулака въ два величиною, раздался раздражающій скрежетъ ключа, и дверь отворилась. Но, чтобы войти во дворъ, вы должны перелѣзать черезъ порогъ почти въ аршинъ вышиною.

Дворъ выметенъ чисто и усыпанъ пескомъ, нигдѣ ни травинки. Передъ вами главное зданіе, съ бѣлыми и грязноглиняными обмазками, поддерживаемое десяткомъ столбовъ. Направо отъ него — небольшое зданіе кухни; въ немъ печь, два огромныхъ котла въ плитѣ, нѣсколько кадокъ, лавки, столъ, на которомъ, когда ни войдите, лежитъ хлѣбъ, и тутъ же въ стѣнѣ на цѣпи ножъ. Если нужно рѣзать хлѣбъ, дежурный солдатъ, у котораго хранится ключъ, отмыкаетъ ножъ. Въ кухнѣ постоянно бываютъ два лица, выбранныя арестантами и называемыя хлѣбопекомъ и кашеваромъ. На печи по часту прогрѣвается кто нибудь изъ простудившихся, а по утру сходится въ кухню, по привычкѣ, а отчасти за водой, много народа. Тутъ — шумъ, гамъ, давка, брань, остроты сливаются въ что-то вакхическое. Съ лѣвой стороны главнаго дома — другое небольшое зданіе съ баней и другими мелкими принадлежностями. Затѣмъ вы видите такимъ же частоколомъ отгороженный другой дворъ и опять такую же дверь со ржавымъ замкомъ и высокимъ порогомъ. Тотъ же дежурный солдатъ отмыкаетъ ее, и вы проходите мимо оконъ кандальной комнаты. Въ лѣтнее время, при открытыхъ окнахъ, вашъ слухъ поражается одновременнымъ бряцаньемъ десятка цѣпей, и дикимъ разнотоннымъ хохотомъ, и выносящеюся сквозь этотъ безобразный шумъ крѣпкою русскою бранью. Пройдя это мѣсто, вы входите на второй дворъ, гдѣ становится какъ то легче и и отраднѣе: на первомъ планѣ вамъ представляется развѣшенное на веревкахъ и жердочкахъ бѣлье, какъ знакъ обыкновенной людской дѣятельности, а затѣмъ слышится или тихій разговоръ, или звонкій смѣхъ женскихъ голосовъ. Вы въ женской арестантской: преступницъ обыкновенно немного, не болѣе десятаго процента противъ мужчинъ; здѣсь, если хотите, много разврата, но нѣтъ поражающаго звѣрства; тутъ болѣе всего видны бродяги, будто непомнящія родства, а на дѣлѣ бѣжавшія либо за любовникомъ, либо отъ пьянаго мужа; затѣмъ кого ни спросите, все сидятъ по кражѣ, по пріему воровскихъ вещей, да по подозрѣнію въ беременности и умерщвленіи плода. Разъ только встрѣтилъ я звѣрскую убійцу любовника, но и тутъ дѣйствовала не одна же она, а съ другимъ, новымъ любовникомъ. Помню дѣвушку, которая содержалась полтора года за намѣреніе отравиться отъ несчастной любви, но полюбила видно кого нибудь снова, потому что

на рукахъ ея было уже дитя острога. Помню еще образчикъ странной. почти безумной привязанности матери къ ребенку: это была бродяга лѣтъ уже сорока, съ хорошенькимъ двугодовалымъ ребенкомъ, котораго она, не смотря ни на какія убѣжденія въ невозможности вскормить и воспитать честно, ни за что не рѣшалась отдать на руки добраго семейства. — Но пойдемъ въ главное зданіе.

Положимъ, что мы входимъ въ острогъ въ 9 часовъ утра въ воскресенье. На крыльцѣ въ этотъ день нѣтъ обыкновенной толпы арестантовъ. Едва отопрутъ дверь въ корридоръ — васъ обдаетъ запахомъ ладана, и слышится церковная служба. За неимѣніемъ свободной комнаты, въ корридорѣ поставлены два-три образа, сдѣланы къ нимъ занавѣсы, и тутъ идетъ богослуженіе. Корридоръ полонъ народа. Сами арестанты поютъ. Сколько разнообразныхъ лицъ! У стѣны, пріютившись одиноко, молится сѣдой старикъ, то поднимая глаза къ небу, то усердно дѣлая земные поклоны; а около него смѣются и ломаются три молодыхъ парня. Далѣе въ толпѣ — кто стоитъ равнодушно скрестивъ на груди руки, а большая часть ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной толпы сельскихъ прихожанъ. Но вонъ у другой стѣны стоитъ нѣсколько кандальныхъ, окруженные солдатами; они, нахмурясь, водятъ глазами по толпѣ, другіе шепчутся, а иные поникли въ какой-то думѣ.

На молитвѣ бываетъ развѣ треть арестантовъ; прочіе остаются по палатамъ, безучастные къ службѣ. Евреи и магометане не ходятъ вовсе, изъ поляковъ и лютеранъ идетъ иной изъ любопытства; кандальные и простые арестанты предпочитаютъ соснуть или отзываются болѣзнью.

Служеніе окончилось. Всѣ разошлись. Вы идете по палатамъ и входите въ пересыльную. Здѣсь помѣщаются люди, не подлежащіе наказаніямъ, которыхъ слѣдуетъ переслать въ другія мѣста. Отчего же ихъ такъ много и куда ихъ будутъ пересылать? спросите вы. Дѣло очень просто. Одни изъ нихъ бѣжали съ пріисковыхъ работъ, пойманы, подлежатъ отправкѣ назадъ и сидятъ уже два мѣсяца, на счетъ золотопромышленника, за невысылкою съ пріисковъ казаковъ для конвоя: другіе — схвачены у домашняго очага и высылаются по этапамъ на пріиски для отработки стараго долга; иные же сидятъ какъ будто для того, что ихъ хотятъ развратить въ этой академіи безнравственности, зачерствить ихъ душу, сдѣлать равнодушными къ пороку. Знаете ли, кто послѣдніе? Это — разнообразные калеки, частію изъ крестьянъ русскихъ губерній, изуродованные на частныхъ золотыхъ промыслахъ, потомъ вытолкнутые съ пріисковъ на волю Божію, безъ денегъ, безъ подводъ, только съ нѣсколькими фунтами сухарей. И не погибли эти люди въ тяжкой глуши только потому, что проѣзжающіе извощики изъ со-

страданія перевезли ихъ съ зимовья на зимовье до перваго селенія, гдѣ благодѣтельная сельская полиція собирала и свозила ихъ въ городъ. Но что̀ дѣлать съ ними въ городѣ? На компанейскій дворъ ихъ не пускаютъ, на квартиру никто не принимаетъ, богадѣльни еще не заведены, остается спрятать въ острогъ, потомъ съ первой пересылочной партіей отправить дальше до слѣдующаго города, и такъ далѣе.

Вотъ небольшая комнатка, извѣстная въ острогѣ подъ названіемъ дворянской. Въ числѣ трехъ арестантовъ мы невольно останавливаемся на одномъ молодомъ, бѣлокуромъ и румяномъ господинѣ, въ приличномъ фасонистомъ пальто. Это человѣкъ, которому никакъ не могутъ втолковать, за что считаютъ его преступникомъ. Его обвиняютъ въ поддѣлкѣ десяти крестьянамъ фальшивыхъ отсрочныхъ свидѣтельствъ; а онъ увѣряетъ, что ему должно бы еще выразить благодарность за намѣреніе спасти отъ острога, наказанія и развращенія десять честныхъ человѣкъ, которые не были бродягами, не сдѣлали ни малѣйшаго проступка, выслали во время свои виды на перемѣну, взяли законную отсрочку и получили съ почты квитанціи въ высылкѣ старыхъ паспортовъ и денегъ, но почему-то въ семь мѣсяцевъ еще не получили никакого отвѣта. Чѣмъ же виноваты эти люди, что волостной писарь, не ублаготворенный должно быть лично, медлитъ высылкою паспортовъ, разсчитывая, что если они сами не захотятъ тащиться за три тысячи верстъ въ волость, то вышлютъ ему подарокъ! Бѣдняковъ этихъ, прибавляетъ не признающій за собою вины господинъ, выслали, по окончаніи шестимѣсячнаго срока, съ квартиры, имъ пришлось пробиваться кой-какъ дневною работой и спать подъ открытымъ небомъ, а въ дождь подъ лодками, на берегу рѣки; такъ, я сжалился, да и выдалъ имъ на шесть мѣсяцевъ отсрочныя свидѣтельства, съ чѣмъ они жили бы себѣ тихо и честно, пока жадный и остающійся всегда безнаказаннымъ писарь выслалъ бы имъ, наконецъ, документы. — Такъ вѣдь нѣтъ, нужно было схватить людей, засадить ихъ, да и меня съ ними, — вѣдь не полицію же я хотѣлъ обманывать, а только трусливыхъ хозяевъ квартиръ, да и не плутамъ же, не бродягамъ какимъ нибудь я выдалъ документы, а людямъ ни въ чемъ не замѣченнымъ!

Вотъ большая комната для незначительныхъ преступниковъ. Десятокъ мужичковъ стоятъ здѣсь какъ-то робко, особою кучкой и при появленіи нашемъ низко кланяются. Какія у нихъ тихія, добрыя лица! Тутъ же и цыганъ, и еврей, и татаринъ — все больше содержатся по воровству. Здѣсь виденъ и старовѣръ, слывущій первымъ ростовщикомъ между арестантами, содержатель картъ и костей, который по средамъ

и пятницамъ питается только булкой съ водою. Вонъ и сѣдой старикъ, который такъ усердно молился.

— За что ты, дѣдушка? съ участіемъ спрашиваете вы.

— Что разсказывать, батюшка... Пусть говорятъ другіе, всякій теперь знаетъ мое дѣло. Хоть бы ужъ провалиться мнѣ со свѣта божьяго скорѣе, чѣмъ сидѣть въ этомъ омутѣ!

Вопросъ очевидно раздражилъ старика, и вы отходите, чтобъ не продолжать тяжелаго разговора. Но случай интересуетъ васъ, и вы собираете справки. Дѣло простое. Понравилась, видите ли частному приставу у старика лошадь. Старикъ пріѣхалъ, кажется, изъ Саратовской губерніи, работалъ на пріискахъ, скопилъ небольшую копѣйку, купилъ лошадокъ и сталъ было заниматься перевозкой товаровъ. „Отдай, старикъ, мнѣ лошадь", заявилъ частный. Не могу, батюшка! — „Да вѣдь она похожа на одну краденую, о которой вчера подано объявленіе". — Не могу, батюшка, стоялъ на своемъ старикъ. — „Ну, какъ знаешь", дополнилъ тотъ и уѣхалъ. — Часа черезъ два лошадь была уже въ части, а со старика снимались показанія: какъ его зовутъ и какого вѣроисповѣданія! Переночевалъ старичекъ на грязныхъ нарахъ, въ сырой канурѣ, называемой чижовкой и сибиркой, а на завтра его приняли глухія стѣны городскаго острога. Прощай дѣятельность, и маленькое хозяйство! Чтобъ запутать дѣло, указали на какого-то свидѣтеля, дворянина Нефина, и какъ его не было на лицо, то и пошли въ разныя стороны справки. И вотъ идетъ уже шестой мѣсяцъ: старикъ сидитъ и ждетъ конца дѣла. Наконецъ, въ другой части розыскалась и украденная лошадь, дошли даже слухи, что искомый дворянинъ и не выѣзжалъ, а въ справочномъ билетикѣ у старика по дѣлу значится, что оно не оканчивается за неполученіемъ отъ горнаго исправника отвѣта по вопросу о дворянинѣ Нефинѣ". Отвѣта и дѣйствительно нѣтъ еще въ дѣлѣ; стало быть, ни стряпчій и никто не можетъ освободить арестанта. И сиди старикъ, пока придетъ охота письмоводителю исправника сдѣлать очистку этой бумагѣ! Впередъ будешь умнѣе, передъ начальствомъ вѣжливѣе и учтивѣе! Конечно, частный ничего не получитъ, но за то впередъ другимъ внушеніе.

Настоящій случай невольно вызываетъ вопросъ: что̀ же такое полиція, для чего существуетъ она и въ чемъ ея назначеніе? Конечно, я говорю объ уѣздной полиціи, предполагая, что не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ это уже не такъ. Отчего же эта часть у насъ въ такомъ печальномъ состояніи? Одни писатели объясняютъ такое грустное явленіе взяточничествомъ, которое будто бы тѣсно срослось со всѣмъ нашимъ бытомъ, проникло въ нашу кровь. Но вѣдь въ

медицинѣ пришелъ же съ Вирховымъ періодъ локализированія каждой болѣзни, отнюдь безъ предварительнаго измѣненія крови! Какъ же вы отступаете на этотъ разъ отъ модной теоріи! Во-вторыхъ, нѣтъ ничего легче и нѣтъ ничего туманнѣе, какъ дѣлать такія общія обвиненія. Еслибъ это было справедливо, то отчего же самыми ловкими взяточниками у насъ являются нѣмцы? Дѣло не въ крови русской, которую пора уже избавить отъ такого позорнаго нареканія. Другіе всю вину сваливаютъ на общество и съ самоувѣренностію восклицаютъ: наше общество незрѣло; оно не проникнуто уваженіемъ къ самому себѣ, ни къ закону, а потому и не оказываетъ уваженія къ полицейскимъ чиновникамъ, и заставляетъ проявляться тѣмъ, что они и есть. И это опять новое обобщеніе, такая же ссылка на виновность нашей крови.

Мы думаемъ иначе. Намъ кажется, что проявленіе общества, какъ и всего на землѣ, зависитъ отъ окружающей обстановки, отъ того, пожалуй, воздуха, которымъ приходится дышать, отъ того грунта, по которому нужно ходить; и если грунтъ этотъ вязокъ, то человѣкъ во всякомъ случаѣ долженъ погружаться въ него, каковъ бы ни былъ составъ его крови! Откуда же въ обществѣ можетъ явиться понятіе объ общественномъ самоуваженіи, когда всѣ полицейскія лица, эти охранители правды и благосостоянія, падаютъ откуда-то нежданно, негаданно, по капризу или разсчету какого-нибудь начальника отдѣленія, а не исходятъ изъ самаго общества, по его выборамъ. Пока кварталы въ городахъ, какъ и церковные приходы, не составятъ живыхъ тѣлъ, съ правомъ гласныхъ собраній, съ правомъ заботы о своихъ нуждахъ и потребностяхъ, съ правомъ выбора изъ среды себя полицейскихъ чиновниковъ, и проч., словомъ съ правомъ заботы и охраненія себя,— до тѣхъ поръ члены общества будутъ походить на улитокъ въ раковинахъ, для которыхъ *общій* интересъ и не мыслимъ. Слѣдовательно, не въ обществѣ, а въ учрежденіяхъ лежитъ первая причина этого общественнаго зла.

Вторая причина тоже отнюдь не въ крови нашей, а въ томъ, что на должность полицейскаго, такъ уже сложенную, какъ она на дѣлѣ есть, только и можетъ идти человѣкъ на все готовый. Что̀ долженъ онъ ѣсть и пить, во что̀ одѣваться, особенно при частыхъ обрывахъ и ожогахъ платья на пожарахъ,—на чемъ разъѣзжать по городу безустанно въ теченіе дня и ночи (и конечно если невозможно верхомъ на палочкѣ, то нужны двѣ лошади); чѣмъ кормить лошадей, кучера, жену и дѣтей блюстителю городскаго квартала, когда онъ получаетъ рублей 15 въ мѣсяцъ въ такомъ городѣ, гдѣ пудъ ржаной муки стоитъ болѣе рубля! При такой обстановкѣ нѣтъ физической возможности даже су-

ществовать; а между тѣмъ человѣку слѣдуетъ позаботиться и о будущемъ, чтобы не бросить семью на произволъ судьбы, и не идти подъ старость подъ чужія окна. Я указалъ на матеріальную сторону; но, при исполненіи долга службы съ безпристрастіемъ, остается еще сторона нравственная: человѣкъ этотъ, для энергическаго противоборства злу, долженъ имѣть нравственную силу, видѣть во всемъ и со всѣхъ сторонъ нравственную поддержку. А гдѣ и въ чемъ она? Развѣ въ лицѣ городничаго, готоваго по произволу вытолкать его въ шею? Удивительно ли, что на эти должности идутъ только люди на все готовые, изъ кантонистовъ или канцелярскихъ чиновниковъ, изгнанныхъ уже со службы за какую нибудь непригодную штучку, въ родѣ, напримѣръ, похищенія изъ дѣла какой нибудь бумаги? Не удивляйтесь, что они на каждомъ шагу проявляются такъ, что въ обществѣ всѣ ихъ не любятъ, хотя и боятся. Не удивляйтесь, что возмутительно заглянуть въ присутствіе частныхъ управъ: тамъ квартальный и частный только вертятся, а допросные пункты отбираются и пишутся какимъ нибудь вольнонаемнымъ писцомъ,—слѣдовательно, вся закладка дѣла, иногда даже участь людей и самая жизнь ихъ, находится въ рукахъ какого нибудь плута, не рѣдко изъ поселенцевъ, оторваннаго отъ общества и готоваго на все безъ разбора. Вотъ, кто рѣшаетъ судьбу людей! Можетъ ли быть, что нибудь неестественнѣе и извращеннѣе подобнаго положенія!

Скажите же послѣ этого, неужели русское общество или русская кровь виноваты въ томъ, что наши квартальные не проявляются подобно англійскимъ полицейскимъ чиновникамъ, которые ведутъ себя такъ безукоризненно, что въ нихъ дѣйствительно олицетворяется сама правда, и отъ палочки въ ихъ рукахъ магически вѣетъ самимъ закономъ. Но то другое дѣло: они выбраны обществомъ, имъ общество довѣрило и поручило свое благосостояніе, за словомъ выборнаго стоитъ все общество и слово противу общества. За негодность онъ смѣняется обществомъ, а при честномъ окончаніи службы становится тѣмъ же общественникомъ, ни въ чемъ не нуждается и хорошо обезпеченъ матеріально. Вотъ въ чемъ залоги высокаго состоянія и нравственнаго значенія англійской полиціи. Удивительно ли, что, вмѣсто страха, основаннаго на уваженіи, предъ блюстителемъ закона въ Англіи, у насъ люди бѣдные, и главное не вліятельные, трепещутъ полиціи, посылая ей шепотомъ проклятія, а сильные міра сего помыкаютъ полицейскими хуже своихъ лакеевъ и не только не опасаются ихъ законной силы, но еще готовы погубить ихъ по своей прихоти. Что городъ, то норовъ. Жизнь народа и развитіе его проявляются такъ или иначе отъ свойствъ занимаемой имъ территоріи, отъ воздуха, которымъ дышетъ

онъ, отъ его историческаго прошедшаго и всего духа его учрежденій. Мы нѣсколько отвлеклись отъ нашего острога, но безъ этого отступленія, можетъ быть, нѣкоторые изъ нашихъ разсказовъ показались бы неправдоподобными.

Перейдемъ въ другую комнату, гдѣ помѣщаются настоящіе бродяги. Вотъ съ какимъ-то мышинымъ взглядомъ, полнымъ и робости и наглости, выглядываетъ на васъ изъ за спины другаго невзрачный мужичекъ. „Что-то знакомое лицо,—я тебя гдѣ то видалъ?“ спрашиваю я.— „Э, батюшка, какъ же знать-то меня, я непомнящій родства; а видать-то меня, какъ, поди, не видать: вѣдь я пять лѣтъ пробивался въ вашемъ-то городѣ, съ годъ у частнаго за кучера ѣздилъ, года съ полтора на посылкахъ вертѣлся, а вотъ какъ не угодилъ и негоденъ сталъ, и бродягой обличился. Что будешь дѣлать—инаго-то ничего не подѣлаешь!“

А вотъ и еще нѣсколько знакомыхъ медику: вотъ молодой парень, очевидно изъ крестьянъ, который такими озлобленными и укоряющими глазами посмотрѣлъ на васъ, когда, по освидѣтельствованіи его, вы объявили, что „подвергаемъ казни не былъ, а имѣющіеся значки, на которые ссылается онъ, произошли вѣроятно отъ вередовъ: слѣдовательно, онъ не можетъ быть поселенцемъ изъ каторжныхъ, котораго именемъ онъ креститъ себя“.

Дѣло въ томъ, что онъ изъ крѣпостныхъ,—пришелъ, по оброку, въ Сибирь, на золотые пріиски, и понравилась ему Сибирь, захотѣлось пожить вольнымъ человѣкомъ. Вотъ онъ уничтожилъ документъ и предъявилъ себя бродягою, да еще подъ именемъ каторжнаго. Справки не подтвердятъ его показаній, а онъ будетъ стоять на своемъ; ну и осудится, какъ бродяга, а за тѣмъ будетъ зачисленъ въ сибирскую волость.

Вотъ и другой знакомецъ, съ выраженіемъ насмѣшливой наглости въ лицѣ, озлобившійся на медика за то, что называлъ себя помѣщичьимъ человѣкомъ, котораго управляющій сѣкъ, дескать, розгами по спинѣ со связанными руками, между тѣмъ какъ на спинѣ его видны слѣды плетей и шпицрутеновъ, и стало быть это одинъ изъ бѣжавшихъ съ каторги. Вотъ старичокъ хилый, кашляющій, немудренькій, представленный съ пріисковъ, куда онъ попытался, по найму вѣроятно, прійти вмѣсто другаго хорошаго работника, подъ его именемъ и съ его видомъ.

Пойдемте далѣе. Вотъ стоитъ какъ-то неуклюже высокій мужчина съ длинными прямыми волосами; голова его подалась какъ-то впередъ, а нижняя губа отвисла, выраженіе лица показываетъ тупость и въ то-

же время желаніе показать какую-то важность. Онъ изъ семинаристовъ. Его сильно сѣкли за неспособность и, наконецъ, исключили за возраженіе, когда надоѣло прописывать ему березовую кашу. Съ горя, безъ отца, безъ матери, круглый сирота, сталъ онъ сильно прохаживаться по чаркѣ; подъ пьяную руку и съ голода стянулъ что-то, и потомъ, испугавшись дознанія, пустился дышать вольнымъ воздухомъ бродяги. А вотъ и другая личность, которая силится обратить на себя вниманіе, поправляетъ бѣлокурые волосы, гладитъ и крутитъ рыжеватый усъ, то заложитъ руку за бортъ сюртука, то выставитъ впередъ ногу. Вы рѣшаетесь потѣшить молодчика и спрашиваете о его здоровьѣ. Онъ радъ случаю: съ театральною развязностью и бойкостью фата выступаетъ онъ впередъ, расшаркивается передъ вами, отвѣчаетъ на вопросъ изъявленіемъ благодарности за любезность, на французскомъ языкѣ проситъ помощи и въ доказательство силъ своего духа подаетъ вамъ стихотвореніе. Но прежде чѣмъ приведу доказательство его высокаго поэтическаго вдохновенія, позвольте познакомить васъ съ самою личностью. Въ одно утро говорятъ мнѣ, что преступникъ Грондзевскій желаетъ видѣть меня. Я велю просить. Влетаетъ въ комнату съ хлыстикомъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, бѣлокурый, румяный, и съ привѣтствіемъ на исковерканномъ французскомъ языкѣ, подаетъ письмо, гдѣ вы читаете, что „слава вашей высокой мудрости, вашего искуства и вашего человѣколюбія далеко уже носится за предѣлами Россіи“, послѣ чего сочинитель проситъ взять его на поруки и дать ему денегъ на заведеніе живописной мастерской. Озадаченный этимъ, я обѣщаю справиться о немъ и кончаю бесѣду. Но къ удивленію, разъѣзжая по городу, въ качествѣ медика, я нахожу домахъ въ девяти, совсѣмъ у разныхъ личностей, письма того же содержанія. Черезъ нѣсколько дней встрѣчаю этого господина въ аптекѣ, гдѣ онъ закупаетъ разные дешевые медикаменты и при этомъ подаетъ уже руку съ свободной развязностью стараго пріятеля. Видно, это не только живописецъ, но и докторъ-практикантъ, думаю я. Проходитъ еще нѣсколько дней — и я узнаю, что Грондзевскій захваченъ въ воровствѣ и, вмѣсто поруки, посаженъ въ острогъ. Черезъ сутки онъ является уже въ больницѣ съ предъявленіемъ самыхъ разнообразныхъ страданій, которыя всѣ, за исключеніемъ пальпитаціи сердца, очевидно притворныя. Я принялъ его и началъ лечить, а черезъ нѣсколько дней получилъ жалобу отъ смотрителя, что Грондзевскій, съ помощью служителей, открылъ въ больницѣ что-то въ родѣ харчевни. Въ то же время до пятидесяти записокъ разлетѣлось по городу съ просьбами о помощи несчастному дворянину, сыну генерала, который былъ запрягаемъ на Аландскихъ островахъ, вмѣсто быка, въ особо-

устроенныя для того сохи, и при распахиваніи земли былъ наказываемъ немилосердно бичами. Благодаря русскому желанію помочь „несчастному“, находились люди, которые присылали ему вещи и деньги. Теперь только, ознакомивъ васъ достаточно съ такою интересною личностью, приведу въ подлинникѣ и самые стихи его.

Вотъ они:

Рѣчь узника.

Мнѣ весьма трудно было рѣшиться
Описать вамъ сей гнусный край,
Гдѣ все на свѣтѣ худое длится,
Гдѣ обитаетъ позоръ и брань;
Тамъ, гдѣ не сіяютъ небесныя блага,
Гдѣ многихъ кровь льется струями,
Гдѣ существуетъ адская отвага,
Я хожу тамъ трудными стезями!...

О, Боже правый! мнѣ не забыть,
Когда въ собраніяхъ столицъ,
Старалось меня развеселить
Общество милыхъ дѣвицъ,
Съ коими время дѣлилъ
И часто лобызалъ ихъ;
Въ душѣ своей я тогда мнилъ,
Что меня любятъ болѣе другихъ!...

Но оставимъ на время эту душную среду и отложимъ посѣщеніе остальныхъ комнатъ острога до другого раза.

IV.

Выходя изъ острога я чувствовалъ себя утомленнымъ. Кажется, я не работалъ ни тѣломъ ни головою, а ужъ въ самой атмосферѣ острога есть что-то давящее. Мнѣ захотѣлось пройтись къ лѣсу, который, отъ болотистой почвы, начинался камышемъ и кустарниками. Солнце еще было не очень высоко. Небо было чисто синее, вѣтерокъ разносилъ свѣжую прохладу. Иду. Въ кустахъ пестрѣетъ множество цвѣтовъ, на которыхъ только что высыхаютъ капельки росы. Въ сторонѣ прыгнулъ и затрещалъ кузнечикъ. На встрѣчу мнѣ проползъ изукрашенный цвѣтными полосками пушистый червякъ. Неподалеку, въ кустахъ запѣла

малиновка. Вотъ и ласточка порхнула мимо меня, чуть не касаясь земли, быстро юркнула вверхъ.

Куда ни взгляни, всюду жизнь въ природѣ, жизнь привольная, свободная, съ самостоятельной дѣятельностью. Какая противоположность съ острогомъ! Не знаю какъ, только невольно, вспомнилось мнѣ нѣсколько строкъ поэта, помѣщенныхъ въ Русской Бесѣдѣ:

Богъ далъ природѣ изобилье
И бѣгъ струящимся рѣкамъ,
Онъ далъ движенье облакамъ,
Землѣ цвѣты, а птицамъ крылья.
За чѣмъ пѣвца живую рѣчь
Сковалъ ты заповѣдью трудной?

Эта противоположность жизни, по ея назначенію, съ жизнью въ острогѣ, навела меня на грустныя мысли. Безъ сомнѣнія, вредный членъ общества долженъ быть удаленъ отъ него, долженъ за умышленное зло подвергнуться и взысканію; но неужели это право общества должно проявиться въ такой формѣ, и въ такой удушливой средѣ? Сколько людей бываютъ преступными „случайно", при прекрасной нравственности? Сколько попадаетъ на путь преступленія и невинно, по капризу и изъ причудъ полицейскихъ, какъ тотъ бѣдный старикъ? Памятенъ мнѣ еще случай. Въ одной волости крестьяне вздумали повѣрить писаря и степень законности сборовъ, при чемъ оказалось, что съ нихъ берутъ подать втрое. Крестьяне потребовали смѣны писаря и производства слѣдствія, а прибывшій на мѣсто исправникъ набилъ на зачинщиковъ колодки, да и запряталъ ихъ въ острогъ за волненіе. Сколько же попадаетъ людей случайно преступныхъ и даже невинныхъ, а между тѣмъ ихъ садятъ въ вертепъ, въ которомъ сливается все гадкое и возмущающее, всѣ сливки общественной безнравственности. Омутъ этотъ имѣетъ свой строй, свой характеръ; онъ не терпитъ ничего выдающагося изъ уровня. Сколько сыплется здѣсь насмѣшекъ и ругательствъ на личность нравственную, которая, попавъ въ эту среду, не ладитъ съ общимъ строемъ. Но идетъ день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, (извѣстно какъ быстро рѣшаются дѣла въ нашихъ секретныхъ застѣнкахъ!), и человѣкъ невольно свыкается съ нравами этого мѣста: чудовищное мало по малу начинаетъ казаться ему обыкновеннымъ, нервная система начинаетъ спокойно воспринимать тѣ впечатлѣнія, которыя прежде раздражали ее, рождается новый складъ мыслей, многое изъ прежняго нравственнаго дѣлается смѣшнымъ и объясняется только отсутствіемъ опыта, незнаніемъ жизни,—

человѣкъ какъ будто перерождается и выходитъ полнымъ житейскаго опыта, съ философскимъ взглядомъ на естественность каждаго поступка и съ готовностью, при случаѣ, на всякую безнравственность. Да, все это вѣрно: разсчитывая выдержать и исправить въ острогахъ десятки негодяевъ, въ тоже время заражаютъ ихъ тлетворнымъ дыханіемъ сотни другихъ людей, не погрязшихъ въ порокѣ. Я вспомнилъ при этихъ размышленіяхъ слова одного умнаго человѣка. Давая своей дочери разнообразное развитіе и предоставляя читать все, конечно при должныхъ поясненіяхъ, онъ говорилъ о романахъ Поль-де-Кока: „Я не запрещаю тебѣ читать (насильственный запретъ не въ моей методѣ), но предупреждаю, что чтеніемъ ихъ испортишь себѣ вкусъ, зачерствишь тонкость нравственнаго чувства и любви къ изящному“.

И такъ, самое гадкое и тлетворное въ нашихъ острогахъ есть невольное сообщество. Въ нынѣшнее время преобразованій, намъ предстоитъ обратить вниманіе и на это. Я думалъ бы, что въ основаніе подобныхъ заведеній для заключенія и удаленія отъ общества вредныхъ членовъ и даже подозрѣваемыхъ во вредѣ, должны быть положены два начала: отстраненіе сообщничества и возможная раздѣльность заключаемыхъ; а за тѣмъ занятіе ихъ трудомъ, но не насильственнымъ, отъ котораго они бѣгутъ и который не столько тяжелъ, сколько противенъ имъ, а трудомъ по собственному выбору и по склонностямъ. Въ острогахъ бываетъ множество людей способныхъ къ разнымъ мастерствамъ и рукодѣльямъ; за что же пропадаютъ напрасно ихъ знанія и время и за что общество теряетъ пользу, которую получало бы отъ труда и способностей арестантовъ? Уѣздные города не то, что столицы, тамъ иногда не найдешь и порядочнаго кузнеца, а о хорошемъ сапожникѣ и говорить нечего. Вѣдь пользуются же по временамъ и въ тихомолку трудами арестантовъ нѣкоторые изъ властвующихъ лицъ, — чѣмъ же они счастливѣе прочихъ, не властвующихъ гражданъ. Да и зачѣмъ труду проявляться въ тихомолку? Работая, что каждый любитъ и знаетъ, арестантъ былъ бы преданъ душою труду; онъ зналъ бы, что результатомъ труда будетъ пріобрѣтеніе, котораго часть могла бы идти, если онъ хочетъ, на улучшеніе его пищи, напримѣръ на чай и сахаръ, а прочее оставалось бы для будущаго, сулило бы ему возможность начать по выходѣ изъ острога, честный трудъ. Но это давно уже знаютъ въ Европѣ. Я не вѣрю, по опыту, преувеличеннымъ толкамъ нѣкоторыхъ господъ, будто у острожниковъ не можетъ быть и мысли объ исправленіи, о желаніи повести иную честную жизнь, пользоваться плодами не запретными. Исправленіе возможно, особенно при томъ видѣ преобразованія остроговъ, о которомъ мы сказали. Только бездѣйствіе и

праздность, насильственная работа и отсутствіе въ дальнѣйшей перспективѣ жизни какой либо поддержки, — развиваютъ въ человѣкѣ рвеніе къ свободѣ дикой, безцѣльной, бродячей, съ мыслью о лишеніи, съ планами грабежей!...

Въ этихъ мысляхъ прошелъ я больницу и очутился у солянаго магазина. Тутъ готовилась мнѣ встрѣча со старымъ знакомымъ, управляющимъ казеннымъ солянымъ заводомъ, который приплывалъ въ нашъ городъ для сдачи соли. Послѣ первыхъ привѣтствій я спросилъ: кто тотъ прилично одѣтый господинъ, который говорилъ съ нимъ, стоя безъ шапки?

— Это личность довольно загадочная, отвѣчалъ управляющій: — если хотите, разскажу о немъ кое-что, хоть всего и не знаю.

— Пожалуйста!

— Онъ изъ дворянъ, началъ мой знакомый, и двадцатипяти лѣтъ пріѣхалъ на должность въ одинъ изъ дальнихъ сибирскихъ городовъ. Съ петлицы его фрака не сходила какая-то наслѣдственная медаль. Былъ онъ не дуренъ собой, бѣлокуръ, съ курчавыми волосами. Вскорѣ по вступленіи въ должность онъ ознакомился со всѣми и влюбился въ дѣвицу изъ одного бѣднаго, тоже дворянскаго семейства. Дѣвушка была хороша собою: высокая ростомъ, статная, съ прекрасной таліей, нѣжнымъ румянцемъ сквозь бѣлую тонкую кожу, съ большими голубыми глазами подъ тонкими черными бровями; густыя пряди черныхъ волосъ лежали на головѣ скромно, безъ украшеній. Въ ея взглядѣ были—спокойствіе, свобода и чистая тишина; нравственное чувство до того тонко и высоко, что къ ней шли слова Лермонтова: она не создана для міра и міръ не созданъ для нея! Въ характерѣ ея была мечтательность и экзальтація: ей нравились больше всего сочиненія, гдѣ выставлялись страдальцы за правду или какіе нибудь мученики, и она читала и перечитывала ихъ.

Вотъ въ эту-то дѣвицу и влюбился Струмиллъ (такъ звали этого человѣка). Онъ сдѣлалъ предложеніе. Поддалась ли дѣвушка первому слову любви, или видѣла желаніе родителей, бѣдность большой семьи и отсутствіе въ городѣ жениховъ, только она дала слово. Но безотчетно она какъ-то боялась своего жениха, а маленькій братъ ея, ребенокъ лѣтъ трехъ, чувствовалъ даже къ Струмиллу какое-то отвращеніе, и узнавъ, что онъ возьметъ сестру изъ дома, возненавидѣлъ его такъ, что началъ дѣлать ему разныя дерзости. Ни убѣжденія, ни наказанія — ничто не дѣйствовало на ребенка. Онъ не терпѣлъ Струмилла.

Наконецъ, молодые люди были обвѣнчаны. Жизнь ихъ пошла не

дурно—мужъ любилъ жену, но съ первыхъ же дней сталъ безъ причинъ ревновать ее, и эта ревность съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе, безумнѣе и настойчивѣе. Онъ ревновалъ ее ко всѣмъ и ко всему.

Въ кабинетѣ Струмилла висѣли рядомъ отлично отточенный длинный и широкій кинжалъ и небольшой портретъ какой-то женской головки. На этотъ портретъ онъ всякій разъ смотрѣлъ, какъ передъ нимъ не было жены, и порывисто ходилъ тогда по комнатѣ. Жена ни слова не говорила, хотя въ ней безотчетно замирало сердце, особенно послѣ того, когда она нашла на головѣ мужа, между густыхъ волосъ, два глубокихъ шрама, — слѣды просѣковъ.

Прошло около полгода семейной жизни. Подходила пасха. Молодая женщина говѣла и причащалась въ четвергъ послѣдней недѣли. Жители небольшаго городка не упустили случая перебывать съ поздравленіями и особенно любовались въ этотъ день молодой женщиной. А въ полночь на пятницу Струмиллъ явился съ окровавленными руками въ полицію съ объявленіемъ, что убилъ жену. Его задержали, поѣхали на слѣдствіе. Оказалось, что спальня, гдѣ былъ и рабочій кабинетъ мужа, залита вся кровью, и съ тихимъ выраженіемъ въ лицѣ лежалъ на полу трупъ молодой женщины. Спрошенные люди показали, что слышали, среди полной тишины, отчаянный крикъ: „что ты дѣлаешь, другъ мой! Боже!“ за тѣмъ храпъ и болѣе ничего.

Начались допросы. Струмиллъ показалъ, что онъ очень любилъ жену, что ему представилось, будто онъ умираетъ, а она послѣ него останется на землѣ и скоро выйдетъ за другаго; тутъ ему пришла мысль владѣть ею всегда и въ жизни, и послѣ смерти. Я схватилъ, говорилъ онъ, со стѣны кинжалъ, подошелъ къ кровати, и при мысли, что это милое разгорѣвшееся на подушкахъ личико достанется другому, нанесъ ей самъ не знаю сколько ранъ.

Трупъ убитой былъ перенеснъ въ домъ родной семьи. Тамъ ходили всѣ какъ тѣни, будто не сознавая ясно, что дѣлается. Между тѣмъ судебномедицинская коммисія описала восемь ранъ и по бокамъ, и по горлу, изъ которыхъ послѣдняя прошла сзади противъ сердца, послѣ чего умиравшая упала и пробила угломъ сундука косицу. При вскрытіи трупа, въ немъ нашли зародышъ четырехъ мѣсяцевъ.

Послѣднее обстоятельство еще болѣе поразило убійцу. Мучительно было смотрѣть, говорилъ очевидецъ, какъ онъ, пожелавъ проститься съ тѣломъ, бросился къ нему, плакалъ до истерики, и испросивъ позволеніе проводить покойницу, могъ передвигать ноги только съ помощью двухъ солдатъ. Убитую хоронили въ самый день Пасхи.

Судъ, за убійство двухъ, осудилъ его на лишеніе всѣхъ правъ и долгую каторгу. Что же это такое? Убійство въ припадкѣ помѣшательства со слѣдующимъ за тѣмъ чистосердечнымъ раскаяніемъ, или все, слѣдующее за убійствомъ, была маска для смягченія карающаго суда? Какъ думаете?

Я промолчалъ.

Но вотъ что доложу вамъ, продолжалъ управляющій: Струмиллъ писалъ десятки писемъ къ роднымъ покойницы, увѣряя въ своей любви къ ней и умоляя, чтобы они простили его въ душѣ. Между тѣмъ чиновнику, женатому на младшей сестрѣ покойной, пришлось служить въ городѣ, неподалеку отъ того завода, гдѣ былъ Струмиллъ. Преступникъ былъ уже не въ работѣ, а при канцеляріи управляющаго, по этому онъ нашелъ случай отлучиться въ городъ, явился въ присутствіе, вызвалъ своего родственника, упалъ передъ нимъ на колѣни и просилъ дозволенія видѣть его жену. Тотъ испугался и отвѣчалъ только: „извините меня, это не отъ меня зависитъ, а отъ нея!“ Струмиллъ отыскалъ квартиру его, явился къ сестрѣ бывшей жены своей и на колѣняхъ умолялъ простить его. Неужели это было неискреннее раскаяніе? Прибавлю, что на заводѣ всѣ женщины боятся Струмилла болѣе всѣхъ каторжниковъ, даже самыхъ безчеловѣчныхъ. Особенно онъ сталъ страшенъ по одному случаю: какъ человѣкъ не глупый и услужливый, онъ выработываетъ себѣ копѣйку и живетъ порядочно; ему понравилась дѣвушка, дочь рабочаго, и онъ сманилъ ее къ себѣ въ домъ, обѣщая жениться. Не прошло недѣли страшно-ревнивыхъ и опьянительно-страстныхъ отношеній, какъ она была уже у него подъ ножемъ и только случайно вошедшіе люди успѣли предупредить убійство. Во вниманіе къ порядочной жизни въ заводѣ, дѣло не было пущено въ ходъ; но съ тѣхъ поръ женщины рѣшительно боятся его. Я послѣ спрашивалъ, закончилъ управляющій, за что хотѣлъ онъ зарѣзать дѣвушку? „Не знаю ничего, отвѣчалъ онъ, кромѣ того, что увлекся ею, хотя жениться и не думалъ, потому что далъ себѣ слово не жениться“. Что же это за личность?

Тутъ дошли мы до моей квартиры. Здѣсь меня ожидало еще интересное событіе: ко мнѣ съ таинственно озабоченнымъ видомъ подходитъ кучеръ и говоритъ: не погубите, батюшка, дайте впередъ за мѣсяцъ жалованье, надобно брату въ Т. острогъ послать, зашалилъ да и баста, — „ты братъ, говоритъ, скопилъ деньгу, да откупился отъ помѣщика, а мнѣ откупиться нечѣмъ, въ Сибири же у васъ живутъ люди вольные, — я, дескать, и пошелъ бродяжить, и показался непомнящимъ родства и получу, знамо, причисленіе здѣсь, въ Сибири, въ волость,

и буду свободный человѣкъ". Не погубите же, батюшка, дайте впередъ жалованье, надобно шалуну въ острогъ послать черезъ одного благодѣтеля.

Такой случай, конечно, покажется вамъ страннымъ, но въ Сибири къ нимъ уже привыкли и нисколько не удивляются.

V.

Мы показали уже, какого рода люди населяютъ наши остроги. Но откуда же они? По лѣсамъ и лугамъ Сибири бродитъ множество людей оборванныхъ, съ лицами суровыми, а иногда и съ синими точками на лбу и щекахъ, выражающими роковыя буквы К. А. Т. Люди эти, называемые „прохожими" и „гульными", проводятъ лѣтнее время на работахъ, и по городамъ на пилкѣ лѣса и тому подобныхъ поденщинахъ, гдѣ не спрашиваютъ видовъ на прожитіе; но больше они помогаютъ крестьянамъ убираться съ пашнями и покосами: вѣдь въ Сибири засѣвай и коси сколько хочешь, да и урожаи случаются самъ-пятнадцать, а поля не отдыхаютъ иногда года по три и по четыре даже въ Енисейскомъ округѣ. При такомъ обиліи пашенъ и луговъ рукъ для управы мало, почему эти беззаботные, „гульные" люди становятся очень пригодными. Между ними и поселянами большая дружба. Поселяне не только не боятся ихъ, но жалѣютъ и ставятъ къ ночи на окна, либо на завалинку у дома—квасъ, молоко, съ изрѣзаннымъ въ ломти караваемъ хлѣба. Прохожій пробирается ночью черезъ деревню, утоляетъ голодъ и жажду сколько хочетъ, и еще оставляетъ для другихъ. Безъ особенныхъ случаевъ, напримѣръ розысковъ по убійству, поселяне ихъ не трогаютъ, и они свободно подходятъ, спрашивая: — „Нѣтъ ли работы". — „Ступай въ кладовую, говорятъ имъ, да выбирай по рукѣ литовку и серпъ". Такіе работники стоютъ очень дешево: имъ не нужно денегъ; они рады, когда могутъ поѣсть да попариться въ хорошей банѣ. Въ платежъ имъ даютъ всякое старье, кому — бѣлье, кому — сапоги, а кому къ осени — и оборванный полушубокъ. Но подходитъ суровая зима, гульные люди выкапываютъ для себя землянки, но и въ нихъ холодно и голодно, и идутъ они къ полицейскимъ лицамъ и мѣстамъ предъявить о своемъ бродяжествѣ. И вотъ ихъ препровождаютъ въ душные остроги на готовую хлѣбъ и соль: гульный человѣкъ доволенъ, онъ сытъ, ему тепло, а слѣдствіе да справки протянутся навѣрно всю зиму.

Хоть ѣда и тепло въ острогахъ не завидны, но все же тамъ не умрешь отъ холода и голода, какъ въ землянкѣ. Въ острогахъ пола-

гается по $6^3/_4$ коп. сер. на человѣка въ сутки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сумма эта выдается на руки самимъ арестантамъ, которые выбираютъ изъ среды себя старосту, ввѣряютъ ему деньги, назначаютъ, какъ распорядиться ими; и староста, выбираемый обыкновенно изъ срочныхъ или пересыльныхъ, маловажныхъ преступниковъ, отправляется за покупками съ сопровожденіи казака или солдата, смотря потому, кто стоитъ въ городѣ. Но въ большей части остроговъ, по распоряженію экспедиціи о ссыльныхъ, выдача денегъ на руки арестантамъ, для произвольныхъ покупокъ черезъ старосту, а откомандировки казака для сопровожденія его совсѣмъ прекращены, и заготовленіе всего перешло въ руки смотрителя. Въ послѣднемъ случаѣ арестантъ получаетъ въ сутки по $2^1/_2$ фунта печенаго хлѣба и по $^1/_4$ фунта мяса. Супъ съ такимъ ограниченнымъ количествомъ мяса, особенно если и крупы такъ мало, что можно считать зернышки, а капусты и вовсе нѣтъ, называется на языкѣ острожниковъ „шури-мури“. Подаянія, привозимыя крестьянами и мѣщанами почти каждый разъ, когда нужно бываетъ помянуть кого нибудь изъ умершихъ родныхъ, состоятъ въ чаѣ, сахарѣ, булкахъ и мясѣ, а постомъ — въ рыбѣ. Въ такомъ случаѣ отпускается уже по $^1/_2$ фунта и болѣе мяса на каждаго человѣка. Чай и сахаръ тоже, конечно, доставляетъ арестантамъ много пользы и удовольствія, только мнѣ нерѣдко приходилось слыхать ропотъ, что начальство запрещаетъ готовить чай, потому что для этого требуется большой расходъ на дрова. Дрова расходуются въ острогахъ не одинаково, смотря по числу печей, но обыкновенно бываютъ сосновыя и осиновыя, а такъ какъ зданіе рѣдко бываетъ безъ щелей, то въ немъ тепла большею частію немного. Положеніе же начинать въ больницахъ и острогахъ топку печей не ранѣе 15 сентября часто ведетъ къ простудамъ и болѣзнямъ даже въ Енисейскѣ, а о Туруханскѣ и говорить нечего, — тамъ арестанты и больные только что не мерзнутъ. Бани при острогахъ топятъ одинъ разъ въ двѣ недѣли. Воду какъ для бани, такъ и для пищи возятъ на пожарныхъ лошадяхъ, а гдѣ есть тюремные комитеты, тамъ съ найма на деньги директоровъ.

Бритье половины головы вдоль черепа, либо поперегъ гораздо больше измѣняетъ физіономію человѣка, чѣмъ его особенный нарядъ. Случалось, что сегодня видишь человѣка на волѣ, а завтра въ острогѣ не узнаешь его, и все дѣло въ бритой полуголовѣ, потому что онъ еще не перемѣнилъ костюма. Въ уѣздныхъ городахъ парадности меньше, и арестантамъ дозволяется носить свое платье. Арестантская одежда заготовляется непремѣнно въ губернскихъ городахъ экспедиціями о ссыльныхъ. Все присланное изъ экспедиціи дѣлается

обязательнымъ въ уѣздахъ безъ разсужденій и сравненій съ образцами: противу старшихъ разсуждать невѣжливо, да и безплодно. Арестанты должны получать: рубашку и подбрючники, чарки, шапку изъ овчины и азямъ съ четыреугольной заплатой на спинѣ. Эти азямы бываютъ либо изъ чернаго крестьянскаго сукна, либо изъ сѣраго, или изъ того и другаго вмѣстѣ, или какъ бываетъ иногда, изъ какой-то особой просвѣчивающей матеріи съ клеймомъ какого нибудь россійскаго города по тракту! Кромѣ того, для зимы выдаются арестантамъ брюки крестьянскаго сукна и шуба изъ овчины.

Хотя въ тѣхъ изъ остроговъ, гдѣ суточныя деньги не выдаются арестантамъ, доставляются значительныя подаянія черезъ смотрителя, однако деньги не раздаютъ на руки арестантамъ, а опускаютъ въ особую кружку, мелкія же подаянія, какъ напримѣръ булки и калачи, благотворители разносятъ сами по палатамъ. И странно видѣть, какъ относятся къ подаянію, и особенно бѣднаго человѣка, эти грубые, черствые люди, лишенные, кажется, всѣхъ добрыхъ человѣческихъ чувствъ! Какъ сильно для русской натуры обаяніе истинной благотворительности, то есть скромной, дѣлаемой не для одного вида. Заболѣлъ ли кто у русскаго простаго человѣка, насталъ ли день поминокъ, родинъ, крестинъ: онъ немедленно спѣшитъ съ подаяніемъ, иногда отъ послѣднихъ крохъ своихъ, не только бѣднымъ, протягивающимъ руку, но и всѣмъ несчастнымъ, лишеннымъ свободы силою обстоятельствъ. И съ простодушной благодарностью принимаютъ его даръ не только нищіе, протягивающіе руку, но и острожные преступники, такъ огрубѣвшіе въ порокѣ. Видно, нравственное чувство только глохнетъ, но не уничтожается въ человѣкѣ. Оно загоняется въ самые дальніе и темные углы сердца; но не исчезаетъ совершенно, и иногда пробуждается въ самомъ отчаянномъ извергѣ. Потому-то на лицахъ арестантовъ, при полученіи скромнаго подаянія, наблюдатель видитъ рѣзкія измѣненія: всѣ изгибы, выражающіе у кого озлобленіе, у кого насмѣшку, какъ бы надъ всѣмъ міромъ, у кого беззаботную наглость, сглаживаются на лицахъ, сбѣгаютъ съ нихъ; настаетъ какъ будто моментъ душевной тиши, мира, и они дѣлятъ поданное совершенно поровну. Но только кончится эта раздача, и каждый вступаетъ въ свою роль, снова лица принимаютъ свое выраженіе, снова большая часть изъ нихъ готова обкрадывать другъ друга.

Я упомянулъ о кружкѣ. Она бываетъ обыкновенно деревянная, окованная желѣзомъ, и прибивается къ столбу у воротъ острога; на ней видна надпись: „для улучшенія пищи арестантовъ". Во всѣхъ острогахъ, гдѣ нѣтъ комитета о тюрьмахъ, или гдѣ члены ровно ни-

чего не дѣлаютъ, эта кружка называется арестантами „волшебною“, и деньги изъ нея вынимаетъ 1-го числа смотритель, между тѣмъ какъ при другой обстановкѣ присутствуютъ при выниманіи денегъ директоры комитета. Въ эту кружку опускаютъ и деньги, отбираемыя у арестантовъ при обыскахъ во время смѣны карауловъ. Подобныя же кружки ставятъ и на кладбищахъ, вблизи караульныхъ домиковъ; только народъ какъ-то не податливъ для кружекъ, вслѣдствіе, кажется, недовѣрія въ настоящее употребленіе этихъ суммъ.

Въ такихъ-то острогахъ, гдѣ ничего не дается арестантамъ на руки, они принимаютъ и свои мѣры. Кромѣ обыкновеннаго „арестантскаго старосты“, обязаннаго распредѣлять людей на домашнія работы, вести имъ очереди и предстательствовать о нѣкоторыхъ ихъ мелочныхъ нуждахъ, выбирается обыкновенно и другой староста, уже тайный, неизвѣстный оффиціально начальству. Впрочемъ, иногда обѣ эти должности соединяются въ одномъ лицѣ, если арестанты полюбятъ его и довѣрятся ему. Тотчасъ по выборѣ онъ получетъ въ свои руки особую „арестантскую“ сумму. Она составляется такимъ образомъ, что каждый, поступающій въ эту „палочную академію“ (какъ называютъ арестанты острогъ), обязанъ сдѣлать денежный взносъ и притомъ такъ, что отъ пересыльнаго получается 15 копѣекъ, отъ поселенца 30, а отъ чиновныхъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ по 1 р. 60 коп. сер. Сумма эта идетъ: во-первыхъ, одному избранному хлѣбопеку, который завѣдуетъ печеніемъ хлѣба, съ жалованьемъ около 1 руб. 20 коп. въ мѣсяцъ, и съ обязанностью печь хлѣбы легче и вкуснѣе; во-вторыхъ, для разныхъ увеселеній и развлеченій, о которыхъ скажу впослѣдствіи.

Кромѣ того, у арестантовъ есть еще одинъ староста, который называется „жиганскимъ“; это — живой, веселый, разбитной малый, готовый на все; онъ держитъ книгу, въ которую вписываетъ всѣхъ проигравшихся въ пухъ; и записанные у него получаютъ, въ насмѣшку, названіе „жигановъ“ и слывутъ подъ такимъ прозвищемъ, пока не отыграются. Наконецъ, третья доля идетъ на палача. Палачъ, называемый въ законѣ „заплечнымъ мастеромъ“, считается для арестантовъ особенно привиллегированною личностью: передъ нимъ снимаютъ шапки и самые непокорные; его иначе не называютъ, какъ по имени и отчеству. Выбирается онъ изъ важныхъ преступниковъ, слѣдовавшихъ послѣ казни въ каторжную работу. Нужны или особенная жесткость въ человѣкѣ, или тупость и равнодушіе, чтобы согласиться на эту обязанность, и многіе предпочитаютъ идти въ каторгу, чѣмъ сдѣлаться палачемъ. И это очень естественно: съ какой стороны ни взгляните на ссылаемаго въ каторгу преступника: если онъ сознаетъ свою вину, то готовъ

бываетъ выстрадать, вынести наказаніе какъ возмездіе, и по истеченіи узаконенныхъ лѣтъ пользоваться свободною жизнью хлѣбопашца; если онъ изъ привычныхъ бродягъ и порядочныхъ негодяевъ, то расчитываетъ, при первомъ случаѣ, бѣжать изъ каторги и пользоваться опять свободой, чѣмъ принимать до смерти гнусную обязанность; если же онъ записной, какъ говорится, разбойникъ, наслаждающійся, какъ артистъ, и мракомъ лѣса съ каркающими воронами, и блескомъ ножа со стонами умирающихъ, то онъ не можетъ сознавать правоты наказанія и, слѣдовательно, не считаетъ несправедливымъ бить своихъ собратовъ.

Изъ показанной нами секретной арестантской суммы палачъ получаетъ или опредѣленное мѣсячное жалованье, или примѣрно копѣекъ по 50 сер. за каждаго наказаннаго. Въ послѣднемъ случаѣ палачъ точно такъ же скучаетъ и ропщетъ, если мало наказываемыхъ, какъ аптекарь или расчетливый медикъ-практикантъ, особенно изъ наѣзжихъ иностранцевъ, когда въ краѣ долго нѣтъ эпидемическихъ болѣзней. Конечно, мы говоримъ это не о цѣломъ сословіи медиковъ, въ которомъ много людей почтенныхъ, но — въ семьѣ не безъ урода.

Кромѣ такихъ опредѣленныхъ выдачъ, палачу, живущему обыкновенно не въ острогѣ, а при гауптвахтѣ, удѣляется часть изъ каждаго подаянія арестантамъ, какъ-то: булки, чай, сахаръ. За тѣмъ ему опредѣляется частица изъ тѣхъ денегъ, которыя набрасываетъ на одежду наказываемаго народная толпа, окружающая мѣсто наказанія иногда въ числѣ сотни человѣкъ и болѣе. Наконецъ, палачъ бываетъ по нѣскольку разъ въ годъ имянинникомъ. Сообщеніе объ имянинахъ приходитъ черезъ котораго нибудь изъ караульныхъ служивыхъ къ арестантскому старостѣ, а отъ него вѣсть уже несется по палатамъ. „Бѣдность!“ кричитъ староста при входѣ въ палату, при чемъ всѣ умолкаютъ и слушаютъ: „мастеръ имянинникъ! согласны-ли?“ — „Дать!“ слышится въ отвѣтъ, и одинъ изъ старыхъ острожныхъ беретъ у старосты изъ общей суммы около рубля и какъ нибудь изловчается передать палачу, хоть сквозь частоколъ. А если кому нибудь скоро предстоитъ выдержать тяжелое наказаніе, то одинъ изъ старыхъ, извѣстныхъ уже преступниковъ идетъ съ какою нибудь посудой, называемой на этотъ разъ „имянинной кружкой“, за сборомъ по усердію, сообщая объ имянинахъ палача и о предстоящемъ наказаніи такому-то. Полученный такимъ образомъ сборъ называется подаркомъ „почтенныхъ старожиловъ“. Тутъ дѣйствуетъ подстрекательная система! Хвастовство и тщеславіе первая пружина въ острогѣ ко всему, не только худому, но и хорошему. Я знаю такого рода достовѣрный фактъ. По особымъ обстоятельствамъ

нужно было однажды всю массу арестантовъ перевести изъ одного завода въ другой. Это возложено было на управителя. Что дѣлать? Какъ привести ихъ, чтобы народъ не разбѣжался. А за исправную доставку, безъ сомнѣнія, будетъ награда. И вотъ, едва только партія вышла въ поле, какъ управляющій остановилъ ее и крикнулъ: „Стой, ребята! Докажите, что вы люди, что и съ вами можно быть человѣкомъ, а не собакой: я хочу снять съ васъ кандалы ручныя и ножныя, хочу дать вамъ полную волю, поручить васъ круговой порукѣ. Даете-ли вы мнѣ слово, что никто изъ васъ не бѣжитъ до тѣхъ поръ, пока не сдамъ васъ въ заводѣ?“ — „Изволь!“ гаркнули всѣ въ одинъ голосъ. Онъ тотчасъ распорядился немедленно всѣхъ расковать и въ заключеніе прибавилъ: „ну, ребята! я въ вашихъ рукахъ, дѣлайте со мной что хотите, не любъ я вамъ — лучше сейчасъ голову долой, чѣмъ потомъ за побѣгъ вашъ всю жизнь оставаться подъ судомъ!“ — „Не бойся!“ сказали арестанты, „не выдадимъ“! — И дѣйствительно, все кончилось благополучно, партія вполнѣ пришла на мѣсто, и управляющій получилъ орденъ.

Я забылъ сказать, что заявленіе арестантамъ объ имянинахъ палача дѣлаетъ не всегда староста, а иногда это исполняютъ и „десятники“. Такъ называются особые выборные отъ каждой палаты, которые наблюдаютъ въ нихъ за чистотою и порядкомъ, и, кромѣ того, бываетъ еще одинъ „выборный десятникъ по кухнѣ“?

VI.

Жизнь въ каждомъ острогѣ распадается на двѣ сферы: одна обязанная, оффиціальная, среди надзоровъ, заботъ, разныхъ посѣщеній и т. п.; другая внутренняя, собственно острожная, не вынужденная, а невольно выбивающаяся изъ свойствъ и особенностей каждаго представителя этой „палочной академіи“. Первая жизнь длится весь день, вторая всю ночь, начиная съ семи часовъ вечера. О первой мы скажемъ въ короткихъ словахъ.

Часовъ въ семь арестанты встаютъ. Около этого времени начинается впускъ въ острогъ постороннихъ лицъ, а съ восьми, послѣ смѣны караула и переклички, арестанты и караульные приготовляются къ пѣшему слѣдованію въ тѣ полицейскія и судебныя мѣста, изъ которыхъ получены требовательныя повѣстки: кого къ допросу, кого къ очнымъ ставкамъ, кого къ наказанію, кого къ освидѣтельствованію и т. д. Еще съ семи часовъ начинается въ острогѣ лихорадочная суетливость, шумъ, гамъ, оклики, брань, свистъ. Но это далеко не то, что начинается съ седь-

маго часа вечера; теперь не достаетъ еще жизни и стройности, всѣ бѣгутъ въ кухню поплескаться водою, при чемъ, конечно, слышатся взаимныя шутки, привѣтствія, разсказы о снахъ и т. п., затѣмъ открывается суета для повѣрки и переклички, и, наконецъ, выклики для отсылокъ. Въ праздникъ, если требованія куда нибудь арестантовъ рѣдки, начинаются приготовленія къ священной службѣ: въ углу корридора зажигаются передъ образами свѣчки, курится ладонъ, слышатся пробы голосовъ и даже иногда цѣлые спѣвы какихъ нибудь молитвъ; потомъ является священникъ, пріѣзжаетъ даже нѣсколько постороннихъ лицъ, идетъ служба въ родѣ часовъ, а затѣмъ начинается посѣщеніе гостями палатъ и раздача подаяній... Такъ проходитъ время до полудня; тутъ опять перекличка и обѣдъ, и затѣмъ дѣлается посвободнѣе, по крайней мѣрѣ начинается подготовка, и разные сговоры къ вечерней и ночной дѣятельности. Въ будни служенія, конечно, не бываетъ; но часовъ до двухъ идетъ безпрерывная тревога: то ждутъ медика, то пріѣдетъ стряпчій, то директоръ комитета, наблюдающій за ходомъ дѣлъ, то кто нибудь изъ полицейскихъ, а иногда, особенно перваго числа, и самъ городничій, либо начальникъ округа. Тутъ никому нельзя развернуться, все „будь на чику", какъ говорятъ арестанты.

Въ промежуточное время до двухъ часовъ, свободное отъ всѣхъ оффиціальныхъ тревогъ, рѣдко приступаютъ къ какому нибудь дѣлу, а развѣ только поговариваютъ о прошломъ и будущемъ. Въ кандальной идетъ рѣчь, каково-то будетъ наказаніе преступнику, уведенному сегодня изъ острога.

Въ другихъ же комнатахъ неважныхъ бродягъ и преступниковъ — гдѣ крѣпко спятъ, готовясь къ ночной потѣхѣ, — гдѣ учатъ неопытнаго и признавшагося преступника всѣмъ изворотамъ запирательства, — гдѣ читаютъ духовныя книги, данныя священникомъ, либо выписанныя комитетомъ, — гдѣ, наконецъ, учатся грамотѣ, которой примѣненіе будетъ зависѣть отъ направленія, случая и обстоятельствъ. Вонъ въ углу комнаты старичекъ тянетъ на распѣвъ свои наставленія о превосходствѣ староверства, поглаживаетъ свою остроконечную бородку, взводитъ глазу кверху и тяжело вздыхаетъ при своихъ доказательствахъ. Онъ ведетъ рѣчь не громко, чтобъ не услышалъ церковный староста, который терпѣть не можетъ его разглагольствованій. Его слушаютъ двое: одинъ въ простотѣ души увлекся его мягкими ласками; а другой особенно разсчитываетъ на то, что у старовѣра есть чай и сахаръ. Вонъ съ десятокъ острожниковъ сидятъ на крыльцѣ и въ беззаботной бесѣдѣ острятъ другъ надъ другомъ. Въ углу двора бродитъ уединенно, понуривъ голову и нахмуривъ брови, арестантъ, котораго зовутъ „не-

людимомъ“. А вотъ въ комнату приведенъ новый арестантъ. Товарищи оглядываютъ его съ ногъ до головы и первымъ долгомъ справляются, бывалъ ли онъ прежде въ острогѣ, слушался ли вмѣсто матери „шкуры барабанной“, и судя по одеждѣ и обстоятельствамъ дѣла, стараются угадать есть ли у новичка деньги. Слушаться барабанной шкуры — значитъ лишиться правъ состоянія съ наказаніемъ или безъ наказанія. Средства вновь приведеннаго угадываютъ больше всего по предложенію купить ночное мѣсто на нарахъ. При этомъ бывалые стараются конечно „околпачить“ его, т. е. обмануть, продавая мѣсто какъ можно дороже. Вообще надобно замѣтить, что если комната полна народомъ, то мѣста на ночь обыкновенно продаются, и стоимость ихъ отъ двухъ копѣекъ доходитъ иногда до цѣлковаго. Продавшій свое мѣсто долженъ уже послѣ того спать на полу. Такая важная статья само собою заставляетъ обнаруживать денежныя средства. Въ такомъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ, новичка или оставляютъ безъ вниманія, или оказываютъ ему всевозможныя любезности и даже нерѣдко угощаютъ его чаемъ. Черезъ нѣсколько дней такого любезнаго ухаживанія, новому арестанту предлагаютъ играть въ карты или въ кости, просятъ одолжить въ долгъ, а если онъ не поддается ни на какую ловушку, то рѣшаютъ съиграть съ нимъ вечеромъ „свадьбу“, а что это такое — читатели увидятъ дальше.

VII.

Когда обѣдъ и дневный окликъ кончатся и пробьетъ два часа, то послѣ этого никто изъ начальства уже не пріѣдетъ. Въ арестантскихъ дѣлается свободнѣе и развязнѣе. Теперь пойдемъ въ кандальную и посмотримъ, что тамъ дѣлается. Вотъ точное описаніе того, что я лично видѣлъ и слышалъ:

— Что ты крючишься, старая корга! Кого надуть хочешь, развѣ новичковъ, а мы, братъ, видали виды, не боялись ни плетей, ни кнута,— говорилъ громко и отрывисто, разгуливая по палатѣ, средняго роста кандальный, съ клеймами на лицѣ, другому такому же арестанту, который, поджавъ животъ, сидѣлъ въ углу на нарахъ. Видъ его былъ не привлекателенъ: на большой головѣ его торчали стоймя длинные волосы; на широкомъ лицѣ рѣзко виднѣлись роковыя К. А. Т., и толстыя губы слегка дрожали. Онъ завтра долженъ идти къ наказанію, и только что приведенъ изъ больницы, гдѣ пробылъ шесть мѣсяцевъ съ притворной болѣзнью. Воспользовавшись геморроемъ, онъ проводилъ цѣлые дни подтянувъ животъ и увѣрялъ, что его замучили спазмы; а

между тѣмъ прокалывалъ булавками десна и въ носу, показывая это медику, какъ слѣды кровохарканья.

Рѣчь каторжника многихъ затронула. Иные арестанты гнѣвно изъ подлобья посмотрѣли на самохвала. Самъ мнимый больной не выдержалъ эпитета старая корга, бодро соскочилъ съ наръ, при чемъ оказалось, что это свѣжій человѣкъ, полный силъ и здоровья. Онъ, нахмуря брови, посмотрѣлъ на каторжнаго и махнулъ рукою съ негодованіемъ. Молодой преступникъ, красивый брюнетъ, съ курчавыми волосами, круглымъ лицомъ, большими черными глазами и веселымъ выраженіемъ лица, тоже всталъ на ноги, гремя кандалами:

— Что расхвастался! началъ онъ, новички, да новички! для чего обижать! Иной новичекъ и васъ всѣхъ за поясъ заткнетъ!

— А ты что, Трынкинъ! отозвался небольшой арестантъ, съ бѣлымъ румянымъ и беззаботнымъ лицомъ: что ваше дѣло? задушили дѣвочку... экая важность! А вотъ у насъ — такъ четверо въ минуту!

— Эхъ ты, поросенокъ! возразилъ Трынкинъ. Не ты бы говорилъ, да не я бы слышалъ! Было дѣло, да не твое. Тебя, какъ барана на веревкѣ, вонъ кто привелъ.

При этомъ Трынкинъ указалъ на небольшаго плечистаго каторжника, который сидѣлъ угрюмо, погрузясь въ какія-то думы. Это былъ Екатеринбургскій мѣщанинъ, Мотовъ, старовѣръ, занимавшійся въ нашей сторонѣ кой-какими торговыми оборотами. Не фартило мнѣ (т. е. несчастливило), сказалъ онъ въ показаніяхъ, а хотѣлось поскорѣе зашибить копѣйку. Вотъ и рѣшилъ онъ воспользоваться деньгами одного бездѣтнаго старика. Исподволь слѣдилъ онъ за ходомъ его денегъ, а мысль свою передалъ племяннику, доброму и пустому малому, который, какъ говорится, плясалъ всегда подъ дудку своего дяди. Этотъ племянникъ тотъ самый арестантъ, надъ которымъ смѣялся Трынкинъ. Совершенное ими убійство было удивительно. Дядя предварительно ознакомился со старикомъ и даже такъ поддѣлался къ нему, что вмѣстѣ съ племянникомъ провелъ у него вечеръ. Одинъ гость видѣлъ, какъ они утѣшали старика карточными фокусами, но физіономіи ихъ были такъ странны и зловѣщи, глаза бѣгали такъ боязливо и озлобленно, что онъ, какъ говорилъ потомъ, ушелъ съ недобрымъ предчувствіемъ. На завтра утромъ, среди бѣлаго дня, когда звонили къ ранней обѣдни, они явились къ старику, какъ гости, торговать кожи; позвонили, и когда имъ отперли, незамѣтно заложили за собою ворота; поздоровались съ хозяиномъ и просили его показать товаръ. Хозяинъ пошелъ въ кладовую, они за нимъ; только скрыпнулъ ключъ въ замкѣ, какъ пятифунтовая гиря, на

крѣпкомъ ремнѣ пущенная съ размаху, размозжила ему черепъ, и крѣпкій старикъ упалъ за-мертво. Прикрывъ кожами платье, на которое попали брызги крови, они отправились въ нижній этажъ, гдѣ застали за работою двухъ старушекъ и одну дѣвушку. Всѣ три сидѣли въ одной небольшой комнатѣ. Увидя знакомыхъ уже гостей, онѣ продолжали беззаботно свое дѣло, но двѣ гири такъ быстро попали имъ въ головы, что женщины умерли на мѣстѣ, а дѣвушка не успѣла даже разжать руки, въ которой такъ и осталась сжатою иголка.

Теперь понятно, какъ отъ обстоятельствъ и отъ побудительныхъ причинъ къ убійствамъ слагается характеръ каторжниковъ. У Мотова была опредѣленная цѣль, достиженіе которой обѣщало ему богатство, а съ нимъ, по его понятію, счастіе и довольную будущность. Ему не удались его планы, онъ схваченъ и сидитъ въ острогѣ; не удивительно, что онъ молчаливъ, грустенъ и озлобленъ: у него была цѣль, хоть и гнусная, но все же цѣль.

Можно ли въ то же время удивляться беззаботному равнодушію Перфильева: его натура такъ мелка и тупа, что жалко было смотрѣть на тупое равнодушіе, съ какимъ онъ высказывалъ правду на допросахъ, съ какимъ встрѣтилъ наказаніе и сошелъ съ лобнаго мѣста! Мотовъ же былъ озлобленъ до сумасшествія и страшенъ; перемѣна въ немъ была до такой степени искренняя и непритворна, что даже кандальники, любящіе насмѣшками и бранью сводить все подъ одинъ общій аккордъ, и которыхъ тщеславіе и зависть не терпятъ ничего выходящаго изъ уровня, даже они какъ-то пріутихли, не трогали Мотова и только наблюдательно на него посматривали. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ него выйдетъ самый озлобленный разбойникъ! Напротивъ, несчастный Перфильевъ всегда останется подъ вліяніемъ сильныхъ характеровъ и подъ обаяніемъ ихъ будетъ готовъ помочь всякому преступленію, особенно если съумѣютъ ему насулить лучшее будущее. Что касается до Трынкина, то онъ могъ бы исправиться развѣ на Кавказѣ: онъ вовсе не золъ въ душѣ, не особенно корыстолюбивъ, наконецъ не тупъ, не безхарактеренъ; но страсть рисоваться и склонность къ размашистости и молодечеству всегда дадутъ возможность ловкимъ и хитрымъ злодѣямъ привлечь его къ себѣ въ сообщество. Стоитъ подстрекнуть его молодечество, и онъ какъ человѣкъ съ idée fixe, пойдетъ на все. Можно съ увѣренностію сказать, что его не остановитъ и кроткій видъ матери съ младенцемъ у груди; онъ убьетъ его не какъ злодѣй, изъ за крови или денегъ, а какъ поэтъ въ своемъ родѣ. Вотъ какъ различны преступники, какъ разнохарактерны ихъ первыя побужденія и слѣдующія за тѣмъ настроенія и взгляды, а слѣдовательно, какъ различны должны

быть и наказанія, и мѣры къ исправленію: это своего рода болѣзненныя состоянія: нужно быть психологомъ и мыслящимъ врачемъ, чтобы правильно понимать и мѣтко исцѣлять ихъ.

Вотъ и еще два образчика. На нарахъ сидитъ то задумываясь, то посматривая по сторонамъ, то прислушиваясь къ разговорамъ, кандальникъ, лѣтъ сорока, высокій ростомъ, сухощавый, съ простой, открытой, даже доброй физіономіей, какихъ много встрѣтите вы ежедневно, прогуливаясь по улицамъ. Онъ нисколько не строптивъ, не порывистъ, безъ всякой наклонности къ молодечеству, но и не тупъ, словомъ, человѣкъ, какихъ много. А между тѣмъ преступленіе страшно и безчеловѣчно: онъ такъ изсѣкъ женщину, что у нея положительно не осталось на тѣлѣ цѣлаго мѣста, и даже были признаки, что онъ билъ ее и мертвую. Что же это такое? Звѣрство! скажете вы. Нѣтъ: тутъ были другіе двигатели. Онъ былъ ея любовникомъ, хотѣлъ забрать въ руки ея состояніе, ревновалъ ее, и оба вмѣстѣ сильно пьянствовали. Отъ всего этого онъ рѣшительно не помнилъ себя, и не зналъ, что дѣлалъ при совершеніи преступленія. И теперь, просидѣвъ три недѣли въ острогѣ, онъ внимательно слушаетъ наставленія другихъ о томъ, какъ бы ему подойти въ категорію случайныхъ, а не умышленныхъ преступниковъ. Но всмотритесь въ лицо его: онъ еще не уяснилъ себѣ того, что̀ совершилъ, въ немъ видна то легкая задумчивость, то какъ будто спокойствіе; но это не спокойствіе звѣря-человѣка или идіота, а печать неяснаго пониманія того, что̀ съ нимъ дѣлается.

Вотъ и другая личность. Пичкинъ малый веселый и хвастунъ до нельзя; за то ужъ и достается ему,—и насмѣшки, и брань, и толчки сыплятся на него безпрестанно. Ему это нипочемъ. Въ другой компаніи, какъ говорятъ арестанты, онъ игралъ бы важную роль, имѣлъ вліяніе даже увлекать другихъ; но тутъ „утерли ему носъ", говорятъ кандальники, до того, что онъ выполняетъ шутовскую роль. Пичкинъ изъ кантонистовъ. Оторванный съ дѣтства отъ семьи, онъ не испытывалъ того тепла, которымъ размягчается и согрѣвается сердце, котораго прекрасные образчики видитъ ребенокъ во всѣхъ отношеніяхъ между членами семейства. Съ дѣтства попалъ онъ въ кантонисты, гдѣ безнравственность и плутовство возведены на степень академическаго совершенства, гдѣ, вмѣсто сердечнаго тепла, ожесточаютъ вамъ душу насмѣшками, гдѣ наставленія передаются въ формѣ зуботычинъ и розогъ, и окончательно черствятъ всякаго человѣка. Мелкій отъ природы, Пичкинъ выработался подъ такими вліяніями въ натуру подлую, готовую на всякій развратъ: начавъ съ плутовства и кражи, онъ перешелъ черезъ бродяжество и грабежи къ убійству; а сдѣлавшись разъ убійцею, онъ пошелъ уже не

останавливаясь по этой дорогѣ. Пичкинъ, обыкновенно надоѣдающій кандальнымъ, иногда бываетъ даже полезенъ: нельзя, чтобъ когда нибудь въ минуту общаго молчанія, особенно въ темную ночь, когда вѣтеръ воетъ по трубамъ, не поднимались изъ забытья и не грозили изъ гробовъ несчастныя жертвы; не даромъ же арестанты кричатъ по ночамъ и вскакиваютъ съ испуганными лицами. Въ такія-то недобрыя минуты Пичкинъ забавляетъ компанію разными фокусами. „Не диви только насъ, а толкуй, какъ оно есть", заявляютъ ему арестанты.

И Пичкинъ начинаетъ показывать фокусы, которымъ Богъ знаетъ гдѣ научился, и всякій разъ передъ началомъ какъ будто поколачиваетъ волшебной палочкой, приговаривая: „шассъ-массъ, фокусъ-мокусъ, фицъ-мицъ, ниманицъ, танта сама штукъ, тылько на иншій манеръ; аллонъ-маширъ, аллонъ-маширъ". Чтобъ дать понятіе о его продѣлкахъ я разскажу два-три фокуса его.

— А что ребята, кто хочетъ воды? говоритъ Пичкинъ. Я вамъ дамъ ее изъ ножа, изъ какого хотите, хоть отъ самаго царя столовый ножикъ принесите, нашей вѣдь волшебной линіи все покоряется!

Кандальные даютъ ему ножъ, что никогда не переводится въ острогѣ. Фокусникъ сгибаетъ руку съ той стороны, гдѣ осталась у него невыбритою голова, ставитъ ее локтемъ внизъ и велитъ охотникамъ водить по его подкожнымъ жиламъ. Между тѣмъ ножъ у него въ той же рукѣ и держится такимъ образомъ, что рукоять скрыта у ладони, острее выходитъ у мизинца, и всѣ остальные пальцы растопырены. Пока ему водятъ рукой по венамъ, Пичкинъ быстро и незамѣтно вынимаетъ изъ завитка волосъ надъ ухомъ кусочекъ смоченный водою губки, придерживаетъ его у ладони однимъ пальцемъ, и выдѣлывая рукою узоры, льетъ понемногу воду съ конца самаго ножа.

Какъ этотъ фокусъ, такъ и прочіе основаны на интересномъ развитіи мышицъ ладони и ручной кисти, такъ что каждая мышица могла совершать свои физіологическія отправленія отдѣльно и независимо отъ другихъ. Это, конечно, не рѣдкость. Если мы не можемъ обыкновенно согнуть котораго нибудь пальца, исключая большаго, безъ того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не согнулись болѣе или менѣе и другіе, то, съ другой стороны, бываютъ люди, развивающіе не только ручныя мышцы, но даже мышицы ушной раковины въ такой степени, что она можетъ двигаться у нихъ, какъ у нѣкоторыхъ животныхъ, по произволу. Не удивительно по этому, что арестантъ на развитіи своихъ ручныхъ мышцъ основалъ такую потѣху.

Но не всѣ фокусы Пичкина основаны были на этомъ развитіи от-

теперь и вызываютъ на сцену не одного майдальщика, но и образнаго старосту.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели подумаютъ, что я описываю какой нибудь идеальный острогъ, гдѣ есть и служеніе, и чтеніе книгъ, и ученіе грамотѣ, и даже духовныя книги. Дѣйствительно, это бываетъ не во всѣхъ уѣздныхъ городахъ; да и тамъ, гдѣ я видѣлъ служеніе и духовные журналы, это началось очень недавно, съ основаніемъ тюремнаго комитета. Но чтобы не составить какого нибудь неточнаго понятія о высокомъ значеніи этого комитета, я скажу о немъ нѣсколько словъ.

Въ уѣздныхъ городахъ существованіе совѣта попеченія о тюрьмахъ пока еще рѣдкость. Если кому и придетъ добрая мысль завести такое учрежденіе, такъ со дня оффиціальнаго начала проходитъ обыкновенно лѣтъ по 5 и 6, пока, наконецъ, выйдетъ утвержденіе и дозволятъ открыть его. Такъ, въ одномъ городѣ утвержденіе комитета вышло уже тогда, какъ человѣка три или четыре изъ лучшихъ людей, избранныхъ директорами и желавшихъ жертвовать на это дѣло, отправились на тотъ свѣтъ. Но положимъ, что комитетъ откроется. Учрежденіе это является коллегіальнымъ, по большой части только на бумагѣ, а на дѣлѣ не только нѣтъ совѣщательности, но иногда и собраній-то не бываетъ, а такъ себѣ — начальникъ съ директоромъ-экономомъ составляютъ журналы, да и разсылаютъ на дома къ подпису нѣкоторыхъ директоровъ, конечно болѣе богатыхъ. Оно лучше: во-первыхъ, къ чему безпокоиться сборомъ на совѣщаніе, а во вторыхъ, черезъ это поддерживается миръ и тишина въ обществѣ, особенно же между начальствующими и гражданами; вѣдь извѣстно, что начальникъ у насъ не изъ числа гражданъ, а особенное лицо, которому возразить, значитъ сдѣлать личную обиду! И пойдутъ крюки да подкрюки. А какъ дома-то подписываешь, такъ и не смотришь толкомъ — что именно, и душа не возмущается, и въ ссору не войдешь и притѣсненій впередъ не получишь!

„Сюда, майдальщикъ!“ раздается крикъ въ концѣ палаты. „И сюда!“ подхватываютъ въ другихъ концахъ. Майдальщикъ хлопочетъ достать изъ разныхъ дыръ и щелокъ три колоды картъ. Конечно, карты не новыя, а истертыя; но и за нихъ майдальщикъ платитъ около пятидесяти коп. сер. Поэтому его вознаграждаютъ при игрѣ, такъ что онъ можетъ получить въ одну ночь отъ одного до двухъ рублей съ колоды. Это дѣлается такъ, что съ каждаго кона или игры откладываютъ за карты копѣекъ по двадцати. Отъ двухъ до четырехъ человѣкъ играютъ одною колодой. Игра идетъ чаще въ „три листика“, а иногда въ „едну“, гдѣ

дѣло въ числѣ очковъ, такъ что тутъ считается, смотря по уговору, либо за одинъ очокъ, либо за 14, тогда какъ король всегда 13, дама 12 и валетъ 11. Во время игры у дверей ставится всегда часовой изъ арестантовъ, который, съ приближеніемъ проснувшагося караульнаго солдата или казака, подаетъ сигналъ крикомъ: „вода!“ При этомъ играющіе прилегаютъ, какъ будто спятъ, и ждутъ, пока раздастся другая повѣстка „вали!“ За караулъ платится отъ 5 до 10 коп. сер. по складчинѣ играющихъ.

Во время этихъ занятій — иные спятъ, другіе молятся, третьи разсказываютъ другъ другу о своихъ похожденіяхъ.

IX.

Перейдемъ теперь въ ту комнату, гдѣ содержатся бродяги. Тутъ идетъ назидательная бесѣда.

— Эхъ, ты, глупый! говоритъ одинъ арестантъ, живой и по видимому бывалый, другому, который недавно поступилъ въ острогъ. И одного-то пустаго клейшка Б. вытравить не съумѣлъ! Ну, кто станетъ нынѣ мушки ставить со жженой известью, да выжигать купоросной кислотой: тутъ и бѣлизна остается, и шрамы большіе бываютъ! Тебя не свидѣтельствовали? Ну, такъ ступай скорѣй въ больницу; тамъ есть служитель, Иваномъ зовутъ, цеховой поселенецъ, лихачъ парень, не хуже фельдшера все знаетъ. Ты скажи ему, чтобы онъ нарвалъ тебѣ высоконькую травку на длинныхъ ножкахъ съ желтенькими цвѣточками (1); тутъ ее подъ окнами много; онъ тебѣ за гривну нарветъ и передастъ. Караула дневнаго нѣтъ, — дѣлай что хочешь, вѣдь смотритель съ фельдшеромъ не станутъ на караулѣ стоять, у нихъ свои дѣла. Въ дверяхъ есть окно, въ него видно къ арестантамъ, ну да и ты не зѣвай! Такъ этому-то самому служителю дай денегъ и спроси у него сперва кипятку, что ни есть крѣпкаго изъ подъ ключа. А травка тоже, чтобъ готова была. Вотъ ты кипяткомъ руку-то и обвари, а травкой приложи тотчасъ. Держать долго эту травку, братецъ ты мой, не пригодно: а такъ примѣрно съ полчаса подожди, пока начнется боль сильная, рука покраснѣетъ и огонь побѣжитъ по ней. Ну, вотъ тогда сними травку и спосылай того друга-цеховаго за творогомъ, да творогомъ-то и прикладывай, если ужъ рука больно вспухнетъ. Дѣло-то обойдется и безъ бѣлыхъ пятенъ, а такъ знаешь ровно, да гладко будетъ, — съ малолѣтства, молъ, обварили!

(1) Ranunculus acris, отлично помогающая въ ревматизмахъ вмѣсто мушекъ.

—А какъ, братикъ, больнымъ-то мнѣ сдѣлаться? Видалъ я, пожалуй, какъ одному сводили ногу въ колѣнѣ, а другому сушили; да ну ихъ съ этимъ. Послѣ не скоро оправишься. А какъ бы такъ поскорѣе: чтобы вздумалъ — захворалъ, а вздумалъ и выздоровѣлъ. Я бы ужъ тебя еще поблагодарствовалъ: знамо дѣло, кто же даромъ научаетъ.

— Изволь, братецъ! За этимъ дѣло не станетъ! Здѣсь я тебѣ лихоманку открою; а тамъ въ больницѣ, подъ исходъ лихоманки, ты самъ уже сдѣлай опухоль въ щекахъ, только для того надо иголку. Ей, ребята! У кого есть „прошка" ([1])? Дайте ему близъ хлебательной ([2]) ложки: онъ завтра какъ проснется и выпьетъ съ водой. А лекарю говори — что будешь чувствовать: знамо ты будешь слабъ, голова будетъ болѣть и вокругомъ идти, сердце ([3]) болѣть будетъ, тошнота, блѣдность, жилки биться станутъ чаще. Такъ ты и пролежишь нѣсколько дней, и дѣло тѣмъ временемъ обдѣлаешь. А потомъ, чтобъ рука какъ должно поджила, ты понадѣлай иглой-то проколы свнутри щеки, пока хруснетъ, да только смотри сквозь кожу не проходи, а тамъ и зажми носъ и ротъ, да и надувай въ щеку-то. Паръ-то отъ этого самаго сквозь щелки и войдетъ подъ кожу, да такъ раздуетъ, что коли захочешь, она покраснѣетъ, ровно при рожѣ. Эта, братъ, болѣзнь и лечится скоро; проколи только кожу, да выпусти паръ-то, вотъ и щека опадетъ, будетъ какъ есть здоровая.

— Спасибо, братъ! такъ и будетъ! Знатокъ же ты!

— Э-э! толи мы знаемъ: бѣльмо нужно — бѣльмо будетъ; и слѣпыхъ дѣлаемъ, и килу приставляемъ, и ноги корчимъ! Да ты вѣдь самъ видалъ корчи-то, разскажи-ка, може по иному.

— Вотъ, други, какъ въ первой-то меня схватили, по подозрѣнію въ воровствѣ, только право слово вздорно, ну и посадили съ настоящими ворами. Вотъ одному и вышло рѣшеніе, кромѣ наказанія, идти въ арестантскія роты. А туда страхъ какъ не хотѣлось ему. Разъ ночью, какъ караульные притихли — помогай други, говоритъ. И встало нѣсколько человѣкъ, да и пошла эта операція: кто ногу держитъ, кто придерживаетъ колѣно, кто въ иглу свиную щетину вдергиваетъ. Какъ приготовились, постянули подъ колѣномъ кожу въ складки, захватили жилы, продѣли сквозь все иголку со щетиной, а опосля иглу вынули, щетина-то осталась въ жилахъ, а снаружи ея и не видно, какъ не бывало! Я диву дался! Ну ногу, вѣстимо, и свело;

([1]) Нюхательный табакъ.

([2]) Столовой.

([3]) Подъ ложкою.

ходилъ на костыляхъ. А потомъ черезъ три года встрѣчаю его въ лѣсу: такой-же гульный. Да какъ же нога-то, говорю, распрямилась! Распарилъ говоритъ. Вотъ что. Ну, а высушить-то ногу отъ колѣна внизъ еще проще: старымъ шелковымъ, либо саржевымъ платкомъ перетянутъ ногу надъ колѣномъ, да и помачиваютъ, самъ чай знаешь...

— Такъ-то оно такъ! возразилъ первый бродяга. Да я другое знаю; да ужъ такое средствіе, что всякій лекарь повѣритъ, потому что будетъ и жаръ и все, какъ быть болѣзни. На мѣсто щетины-то, какъ ты говорилъ, надобно взять нитку изъ дерева, вотъ-что называютъ волчьимъ лыкомъ; какъ продѣнешь ее, да кончикъ чуть-чутъ и оставишь, чтобы было за что послѣ вытянуть, потому что лыко-то даетъ красноту и жаръ, стало быть долго оставлять-то его въ тѣлѣ не приводится.

— Такъ-то дѣльнѣе! замѣтили слушатели. Ну, а какъ же ты дѣлаешь глухихъ, грыжныхъ, слѣпыхъ? Растолкуй братъ, а мы тебѣ за это по пятачку съ рыла соберемъ; согласны, ребята?

— Согласны! отозвались со всѣхъ сторонъ. И пошли сборы, взаимныя заниманія и съ залогами вещей, и съ поручительствами. Наконецъ, собрали цѣлковый.

Старый бродяга началъ.

— Ладно, что знаю — всѣмъ подѣлюсь, ребята. Только слушать, не зѣвать, два раза одного слова не выпущу! Вотъ, если кому изъ васъ, братики, придется послѣ согрѣшить что, да свидѣтели будутъ, которыхъ потомъ и узнавать придется и на очныя ставки становиться — вы, братики, притворитесь тогда съ перваго раза слѣпыми, да и шабашъ! Надобно достать только вытяжки сонной одури отъ ссыльныхъ, а ихъ вѣдь какъ нерѣзаныхъ собакъ въ здѣшней сторонкѣ. Мудренаго нѣтъ! Вотъ ты ее знай подпускай въ глазъ, зрачки-то разширятся, а ты выставь глаза немного кверху, да и ходи такъ, — не вижу молъ ровнешенько ничего! А когда будете, ребята, гулять по частому лѣсу, понабирайте въ дуплахъ, что червякъ проточилъ, этакой порошокъ: его если вдувать въ глаза, то дѣлаются бѣльма, а опосля того и проходятъ. Коли хошь глухимъ прикинуться, надобно класть въ ухо кашицу изъ травянаго сока, изъ меда, да изъ кусочка гнилаго сыра; а эта вещь понемногу вытекаетъ изъ уха, и цвѣтомъ и вонью, какъ есть въ болѣзни. А вѣдь глухимъ прикинуться знатная штука, особливо если въ то же время знаешь, какъ дурака изъ себя представить: ничего на допросахъ не добьются. Грыжу тоже видалъ я какъ дѣлывали: глотаетъ знаешь серебро, да въ то время и натуживается, и прыгаетъ, а послѣ выйдетъ — ничего! А вотъ слыхалъ еще, будто славная грыжа дѣ-

лается, если выпить столовую ложку толченаго стручковаго перца, смѣшавши съ сахаромъ. Съ грыжей ни наказать, ни въ роты послать нельзя; а не нужна она стала, такъ, говорятъ, нужно пить по утрамъ натощакъ по столовой ложкѣ сока изъ рѣпчатаго лука, и пройдетъ. Ну, вотъ вамъ и все, братики! заключилъ разскащикъ.

— Спасибо, спасибо! заговорили со всѣхъ сторонъ признательные ученики своему наставнику.

X.

Войдемъ отсюда въ палату пересыльныхъ. Кого только нѣтъ въ ней! Тутъ и крестьяне, пересылаемые на пріиски, и выгнанные съ пріисковъ калѣки, и всевозможные плуты поселенцы, бывавшіе когда-то въ военной службѣ, въ каторгѣ, прошедшіе сквозь огонь и воду, и только что выдержавшіе наказаніе, и помѣшанные, подлежащіе къ пересылкѣ въ губернскій городъ.

Вотъ въ сторонѣ плачетъ мужикъ съ добрымъ, симпатичнымъ лицомъ. Это крестьянинъ Тобольской губерніи. Его схватили за какой-то пяти рублевый долгъ золотопромышленной компаніи, въ то весеннее время, когда онъ готовился съ семьею засѣвать хлѣбъ. Сколько времени пропало въ прослѣдованіи партіи, черезъ три тысячи верстъ, и вотъ уже близъ мѣсяца сидитъ онъ въ пересыльной комнатѣ острога въ томительномъ ожиданіи—когда-то пріисковая полиція вышлетъ казаковъ, которые должны препроводить ихъ на пріиски, по таежнымъ дорогамъ. Ничего бы еще, что, состоя должнымъ 5 руб., крестьянинъ нанялъ для работъ своихъ поселенца за 20 руб., ничего что и тащился онъ въ партіи столько тысячъ верстъ; но бѣдняку тяжело больше отъ того, что заперли его въ эту душную конуру, въ это скопище гадостей и злодѣяній, что томится онъ безъ всякаго дѣла цѣлый мѣсяцъ, тогда какъ давно отработалъ бы долгъ и подоспѣлъ еще домой ко времени страды и уборки хлѣба. И плачетъ бѣднякъ крестьянинъ, не обращая вниманія на сыплющіяся на него насмѣшки, такъ онъ сосредоточенъ и мыслью и сердцемъ на своемъ горѣ, на себѣ, на семьѣ своей, на своемъ домѣ и работахъ.

— Что ты такъ расхнюнился! говоритъ ему арестантъ лѣтъ 45, у котораго кисть руки разбита молотомъ на каторгѣ, чтобъ избавиться отъ работъ. Лицо у него продолговатое, глаза желтосѣрые на выкатѣ, а на щекахъ и лбу виднѣется нѣсколько синеватыхъ точекъ отъ неудачно вытравленныхъ клеймъ.—Эй, малый! хочешь, отколдую тебя отъ тоски?

Крестьянинъ не отвѣчалъ. Но такой любопытный вызовъ завязалъ разговоръ. Со всѣхъ сторонъ послышались и просьбы подѣлиться знаніями, и подстрекающія насмѣшки надъ его похвальбой. Если просьбы *бывалый* и оставилъ бы безъ вниманія, за то насмѣшки дѣйствуютъ непремѣнно.

— Что вы толкуете — не умѣю! отозвался онъ. Да я не только эти пустяки, я все знаю: и отсушить, и присушить — все наше бывалое дѣло! Э-э-эхъ, братцы! Какъ въ прежніе-то молодые годы не сидѣлось мнѣ на каторгѣ, да бѣгивалъ я не разъ и проводилъ годы въ странствіяхъ (*): проводишь, бывало, либо ночь, либо день, либо недѣльку, мѣсяцъ, либо и зимушку всю на крестьянскихъ заимкахъ (**). Тутъ не только колдовать, а и блинки стряпать приходилось. А до блинковъ-то этихъ (т. е. фальшивыхъ бумажекъ), есть-таки въ Сибири охотники. А бабье сибирское — и дѣвки, и женщины — куда какія охотницы до колдовства. И кормятъ и грѣютъ, бывало, только кого приворожи, присуши, кого испорти, кого полечи, кого отговори и отсуши. А у насъ, вѣстимо, ни въ чемъ отказу нѣтъ: изволь, голубушка, корми только, да денегъ давай, — а ей для вѣрности, для убѣжденія, выставишь на показъ и пузыречки разные, и приворотную косточку. Ахъ, ребята, что это за косточка — чудо! Называется она „женидухомъ“. Ну, не шутка вѣдь, у кого есть такая косточка! Нужно поймать лягушку большую, посадить въ новый горшокъ и какъ можно крѣпче закупорить его, послѣ того надо сдѣлать на днѣ горшка небольшую дырочку, и въ самую полночь, когда живетъ и играетъ вся нечистая сила, закопать этотъ горшокъ въ муравейникъ. А какъ черезъ три дня вынешь этотъ самый горшокъ изъ муравейника, то въ немъ отъ лягушки-то и останутся только двѣ косточки: одна тутъ есть похожа на грабли, а другая будто точно вилы. А лягушекъ надобно стараться ловить въ то время, какъ они смыкаются, чтобы получить по парѣ: одна пара значитъ мужская, а другая женская. Одну пару, вѣстимо, бережешь про мужчинъ, а другую про бабъ. Самую же присушку и отсушку дѣлаешь вотъ такъ: чтобы присушить, даешь грабельки и велишь задѣть ими того, кого нужно; а если надоѣлъ, надо бросить, ну даешь вилы, чтобы оттолкнуться. Въ этомъ вся и штука. А что — хороша?

— Когда не хороша! отозвалась большая часть артели, слушавшая внимательно разсказщика.

— Да и это ребята, сказка не сказка, а сказка еще впереди! за-

(*) Такъ называютъ арестанты „бродяжество.“

(**) То есть загородныхъ домикахъ, какіе бываютъ у крестьянъ при пашняхъ.

явилъ расхваставшійся бывалый. Это ли еще дѣлывали! Придетъ, бывало, смачная баба съ парнемъ молодымъ, молодцомъ любовничкомъ: полюбились, дескать, батюшка, а мужъ и злой, и ревнивый такой, какъ смола горючая не отстаетъ; душу его губить не могу я, пусть себѣ живетъ, а вотъ какъ бы ослѣпить, чтобъ не видѣлъ ничего; не могите ли, батюшка, гульной человѣкъ? И повалятся оба, бывало, въ ноги. Ну, знамо, скажешь какъ не знаю; заломишь цѣну, сторгуешься, да и велишь принести съ мужниной головы, изъ самаго темечка, волосокъ. Какъ придетъ баба съ волоскомъ; при ней же поймаешь лягушку, вдѣнешь волосокъ въ иголку, да и пропустишь иглу-то съ волоскомъ лягушкѣ сквозь глаза, да такъ и пустишь ее въ воду; вотъ съ той же самой минуты долженъ и мужъ то у бабы слѣпнуть.

— Ахъ, ты, диковина какая! отзывались съ разныхъ сторонъ, покачивая головами.

— Не перебивайте рѣчи, экіе необразованные! восклицаетъ повелительно бывалый. Слушайте, пока говорятъ! Меня и пуля, бывало, не брала ребята: вотъ что! Нужно только для того кусочикъ артусу положить въ ружье и беречь при себѣ: и пока онъ съ тобой, никакая пуля не возьметъ!

— Ой-ой, страхъ какой! правда ли ужъ? Не хвастливо ли то мѣсто, гдѣ онъ сидитъ? послышались отзывы изъ массы арестантовъ; а между тѣмъ въ душѣ у нихъ были и страхъ, и вѣра.

Да, можно повѣрить „бывалому“, что женщины прибѣгали къ нему въ своихъ житейскихъ требахъ, и что онъ помогалъ имъ. И удивительно ли, что такъ поступаютъ крестьянки, когда и въ мѣщанскомъ, и въ купеческомъ, и даже въ нашемъ цивилизованномъ на европейскій ладъ кругу, мы видимъ тоже самое: масса суевѣрій вездѣ давитъ и душитъ русскую женщину. А отчего это? Мы уже говорили, въ сочиненіи о значеніи женщины, что Русь раздѣлена на два раскола, „староверства“ и „западной иноземщины“. И послѣдній болѣе безжизненъ, чѣмъ первый, потому что петровскій переломъ, не смотря на всю его крутость, произвелъ только хаотическую полуобразованность, и ратуя противъ формы, противъ бытовой внѣшности, не разрушилъ самыхъ началъ устарѣлой жизни и не замѣнилъ ихъ другими, новыми началами, болѣе прочными, болѣе разумными. По этому, то цивилизованное общество наше продолжаетъ рости на педагогической системѣ давно воспѣтаго Миллера Красовскаго: оно продолжаетъ жить и дѣйствовать болѣе по модамъ и временнымъ теоріямъ, чѣмъ по началамъ общечеловѣческимъ. И въ такой то средѣ, гдѣ нѣтъ ни строгаго чувства законности, ни прочнаго гражданскаго устройства, гдѣ и мужчины не

пріучаютъ себя къ положительному труду, а пробавляются почасту дармоѣдствомъ, можетъ ли женщина стать выше и оторваться отъ всѣхъ наслѣдственныхъ суевѣрій? Вѣдь для того нужно и пріобрѣтеніе положительныхъ знаній, и избраніе прочной гражданской дѣятельности; а можетъ ли это быть, пока мужчины не сойдутъ съ подмостокъ, не примутся за основательный трудъ, за прочныя научныя работы?! Но мы уклонились отъ разсказа.

— Ну, довольно, ребята! закончилъ „бывалый". Спроси-ка лучше Иванова—какъ онъ съ Любашей-то своей разстанется? Что, братъ, болитъ поди сердце-то,—вѣдь и первое число скоро, уйдешь въ вѣчную разлуку,—и палата ужъ не та, нѣтъ дырки въ стѣнѣ, и поговорить съ Любашей нельзя, нельзя и ясный глазокъ ея увидѣть. Плохо, думаю, братецъ!

Чтобъ этотъ вопросъ былъ понятенъ, надобно сказать, что въ самомъ дѣлѣ арестанты, то съ помощью щелей и провертываемыхъ въ стѣнахъ дыръ, то во время сбора на богомолье или въ больницѣ сводятъ знакомства съ арестантками. Конечно, тутъ и караулъ пользуется посильными подарками. Что касается до арестантки, то она уже постоянно получаетъ отъ возлюбленнаго чай, сахаръ и проч. Эти связи, начинаясь такъ-себѣ, иногда скрѣпляются чувствомъ, и въ нихъ бываютъ даже случаи буйной ревности.

Съ помощью караульныхъ устраиваются не только любовныя интрижки, но получаются и карты, табакъ, и вино. Что касается до денегъ, то лишь бы добрый караулъ впустилъ новичка съ деньгами, либо самъ передалъ деньги старому арестанту отъ его знакомыхъ и родныхъ; а ужъ въ комнатѣ съумѣютъ припрятать такъ, что не только три раза обыскивай при перекличкахъ, а хоть десять, — и тогда ничего не найдутъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ смотритель, изъ чувства ли сожалѣнія, изъ необходимости ли купить женѣ башмаки и ребенку на рубашку (при маломъ жалованьи), служитъ посредникомъ въ передачѣ денегъ. Иному смотрителю удѣляютъ и изъ большаго куша карточной игры, даютъ и за дозволеніе написать просьбу, и за хлопоты по дѣльцу. Ну, а бѣда — какъ иной смотритель встрѣтится построже: онъ въ тягость и себѣ, и людямъ.

— А ты что сморщился, Епишка? обратился тотъ же „бывалый" къ арестанту, только-что приведенному изъ подъ наказанія. Стоило ли ложиться изъ за оборваннаго полушубка! Стоило воровать такую дрянь? Дѣлать, такъ дѣлать, чтобы было за что растягиватья! А мы тебѣ, дряни этакой, приготовили и булочки, и чаю, и сахара. Смотри-ка, вонъ съ тобою же сегодня держалъ плети, а какимъ молодцомъ погу-

правленія мышцъ, въ нѣкоторыхъ продѣлкахъ его были совсѣмъ другія уловки.

— А не хотите ли, братцы, вскрикиваетъ Пичкинъ, чтобъ наперстокъ поплясалъ въ стаканѣ? Могу и это!

И дѣйствительно, онъ вынимаетъ небольшой и чрезвычайно тонкій наперстокъ, подаетъ его товарищамъ осмотрѣть и принимаетъ отъ нихъ уже не пальцами, а только ногтями, чтобы публика болѣе имѣла уваженія къ фокусу, и не заподозрила артиста въ какомъ нибудь фальшѣ. Между тѣмъ въ томъ-то и штука, чтобы взять ногтями, а не пальцами: къ ногтю прикрѣпленъ у него кусочекъ бѣлаго воска, величиной съ булавочную головку, который онъ ловко передаетъ на внутреннюю поверхность наперстка, а къ нему также ловко прилѣпляетъ тонкій волосокъ изъ женской косы, другой конецъ котораго придерживается съ помощью воска же ногтемъ на другой рукѣ. Наперстокъ опущенъ въ стаканъ.

— Не пляшетъ, братцы, экое горе: музыку нужно; экая сила, подумаешь, въ музыкѣ-то! заявлаетъ Пичкинъ и начинаетъ наигрывать трели губами и поколачивать пальцами. А это-то и нужно было: движеніе пальцевъ заставляетъ тотчасъ же и наперстокъ прыгать въ стаканѣ.

Такимъ образомъ кантонистъ нерѣдко по цѣлымъ часамъ потѣшалъ всѣхъ кандальныхъ.

VIII.

Заглянемъ теперь въ палату, гдѣ мы видѣли уже новичка, церковнаго старосту и старовѣра.

Палата уже на замкахъ, половина 8-го часа вечера. Начинается то, что арестанты называли сыграть свадьбу съ старикомъ. Общее веселье увлекаетъ всѣхъ. Шутки, прыганье, бѣганье, хохотъ, пѣсни и сказки перемѣшиваются съ разсказами о воровствахъ уже совершенныхъ, о планахъ впередъ, о томъ, гдѣ живутъ пріемщицы краденнаго, съ прозвищами кривушки, хромушки и т. п. Толпа все болѣе и болѣе группируется около новичка, который исподоволь и самъ начинаетъ принимать участіе въ ея веселье, желаетъ тоже показать, что и онъ „не лыкомъ шитъ“, тоже, дескать, молодецъ. Пользуясь такой минутой, кто нибудь предлагаетъ общую увеселительную игру, въ которой и новичекъ могъ бы принять участіе. Какое вниманіе, подумаешь!

— Какую бы общую? Да развѣ свадьбу, други, начинаетъ одинъ?

— И подлинно, что свадьбу! подхватываютъ другіе.

Общимъ голосомъ новичка выбираютъ въ женихи, какого нибудь арестанта помоложе и покрасивѣе — въ невѣсты; а третій, самый дюжій, предлагаетъ услуги быть „конемъ-скоробѣжкой“. Начинается съ того, что жениху предлагаютъ ѣхать — посмотрѣть невѣсту, понравится ли она? Его усаживаютъ на шею коня-скоробѣжки такъ, чтобы ноги свѣшивались впередъ, а конь придерживаетъ ихъ руками, такъ что упасть кажется невозможно. Какъ только жениха усадятъ, всѣ кричатъ и укаютъ на коня; онъ въ испугѣ начинаетъ бѣситься, храпѣть, скакать и сбивать сѣдока. Добрые товарищи кричатъ: „держись, поможемъ!“ подбѣгаютъ сдержать лошадь, а между тѣмъ шарятъ у жениха въ карманахъ и опоражниваютъ ихъ. Бѣдняку нельзя спрыгнуть, конь крѣпко держитъ ему ноги, руки тоже не свободны, потому что сѣдокъ держится за голову скакуна. Но еслибъ онъ и догадался, что его грабятъ, то среди общаго содома, хохота, уканія и криковъ, его голосъ не дошелъ бы до караула; да неизвѣстно на кого и жаловаться, потому что вокругъ вертѣлись десятки людей, а ему было не до того, чтобы разсматривать другихъ. Содомъ продолжается.

— Отпустите душу на покаяніе, братцы! слышится въ шумѣ. Всѣмъ подѣлюсь! вотъ издохнуть мнѣ, если вру.

Довольно! цѣль свадьбы достигнута, и она кончается.

— Ну-ну-ну! раздалось со всѣхъ сторонъ. Теперь вашъ чередъ — майдальщикъ и образной староста! выступайте-ка!

Титуломъ „майдальщика“ пользуется какой нибудь плутъ арестантъ. Онъ бываетъ обыкновенно и ростовщикъ. Для этого нуженъ не столько капиталъ, какъ ловкость и расчетливость; нужно, чтобы каждая копѣйка родила грошъ: сходить куда — дай копѣйку, подать что — дай другую, а то, пожалуй, и мѣсто продамъ на ночь, и нѣсколько своихъ копѣекъ отдамъ въ ростъ. Такіе люди умѣютъ доставать и хранить карты, иногда по нѣскольку колодъ.

Образнымъ старостой называется арестантъ, слывущій у начальства подъ именемъ церковнаго старосты. Онъ выбирается тоже арестантами. Ему поручается продажа свѣчь и наблюденіе за чистотою священнаго уголка. Личность эта бываетъ, конечно, изъ грамотныхъ, знатоковъ молитвъ и церковнаго пѣнія. Теперешній староста охотникъ и до словопреній, такъ что его побаивается и самъ старовѣръ. Образныхъ старостъ арестанты часто смѣняютъ: отъ нихъ требуютъ, съ одной стороны, чтобы отнюдь не воровали и не употребляли въ свою пользу свѣчныхъ денегъ, съ другой же — сумма, хранящаяся въ ихъ рукахъ, должна исполнять роль общественнаго банка, и, въ случаѣ нужды, поддерживать игру въ карты и кости. Вотъ почему

теперь и вызываютъ на сцену не одного майдальщика, но и образнаго старосту.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели подумаютъ, что я описываю какой нибудь идеальный острогъ, гдѣ есть и служеніе, и чтеніе книгъ, и ученіе грамотѣ, и даже духовныя книги. Дѣйствительно, это бываетъ не во всѣхъ уѣздныхъ городахъ; да и тамъ, гдѣ я видѣлъ служеніе и духовные журналы, это началось очень недавно, съ основаніемъ тюремнаго комитета. Но чтобы не составить какого нибудь неточнаго понятія о высокомъ значеніи этого комитета, я скажу о немъ нѣсколько словъ.

Въ уѣздныхъ городахъ существованіе совѣта попеченія о тюрьмахъ пока еще рѣдкость. Если кому и придетъ добрая мысль завести такое учрежденіе, такъ со дня оффиціальнаго начала проходитъ обыкновенно лѣтъ по 5 и 6, пока, наконецъ, выйдетъ утвержденіе и дозволятъ открыть его. Такъ, въ одномъ городѣ утвержденіе комитета вышло уже тогда, какъ человѣка три или четыре изъ лучшихъ людей, избранныхъ директорами и желавшихъ жертвовать на это дѣло, отправились на тотъ свѣтъ. Но положимъ, что комитетъ откроется. Учрежденіе это является коллегіальнымъ, по большой части только на бумагѣ, а на дѣлѣ не только нѣтъ совѣщательности, но иногда и собраній-то не бываетъ, а такъ себѣ — начальникъ съ директоромъ-экономомъ составляютъ журналы, да и разсылаютъ на дома къ подписи нѣкоторыхъ директоровъ, конечно болѣе богатыхъ. Оно лучше: во-первыхъ, къ чему безпокоиться сборомъ на совѣщаніе, а во вторыхъ, черезъ это поддерживается миръ и тишина въ обществѣ, особенно же между начальствующими и гражданами; вѣдь извѣстно, что начальникъ у насъ не изъ числа гражданъ, а особенное лицо, которому возразить, значитъ сдѣлать личную обиду! И пойдутъ крюки да подкрюки. А какъ дома-то подписываешь, такъ и не смотришь толкомъ — что именно, и душа не возмущается, и въ ссору не войдешь и притѣсненій впередъ не получишь!

„Сюда, майдальщикъ!“ раздается крикъ въ концѣ палаты. „И сюда!“ подхватываютъ въ другихъ концахъ. Майдальщикъ хлопочетъ достать изъ разныхъ дыръ и щелокъ три колоды картъ. Конечно, карты не новыя, а истертыя; но и за нихъ майдальщикъ платитъ около пятидесяти коп. сер. Поэтому его вознаграждаютъ при игрѣ, такъ что онъ можетъ получить въ одну ночь отъ одного до двухъ рублей съ колоды. Это дѣлается такъ, что съ каждаго кона или игры откладываютъ за карты копѣекъ по двадцати. Отъ двухъ до четырехъ человѣкъ играютъ одною колодой. Игра идетъ чаще въ „три листка“, а иногда въ „едну“, гдѣ

дѣло въ числѣ очковъ, такъ что тутъ считается, смотря по уговору, либо за одинъ очокъ, либо за 14, тогда какъ король всегда 13, дама 12 и валетъ 11. Во время игры у дверей ставится всегда часовой изъ арестантовъ, который, съ приближенiемъ проснувшагося караульнаго солдата или казака, подаетъ сигналъ крикомъ: „вода!“ При этомъ играющiе прилегаютъ, какъ будто спятъ, и ждутъ, пока раздастся другая повѣстка „вали!“ За караулъ платится отъ 5 до 10 коп. сер. по складчинѣ играющихъ.

Во время этихъ занятiй — иные спятъ, другiе молятся, третьи разсказываютъ другъ другу о своихъ похожденiяхъ.

IX.

Перейдемъ теперь въ ту комнату, гдѣ содержатся бродяги. Тутъ идетъ назидательная бесѣда.

— Эхъ, ты, глупый! говоритъ одинъ арестантъ, живой и по видимому бывалый, другому, который недавно поступилъ въ острогъ. И одного-то пустаго клейшка Б. вытравить не съумѣлъ! Ну, кто станетъ нынѣ мушки ставить со жженой известью, да выжигать купоросной кислотой: тутъ и бѣлизна остается, и шрамы большiе бываютъ! Тебя не свидѣтельствовали? Ну, такъ ступай скорѣй въ больницу; тамъ есть служитель, Иваномъ зовутъ, цеховой поселенецъ, лихачъ парень, не хуже фельдшера все знаетъ. Ты скажи ему, чтобы онъ нарвалъ тебѣ высоконькую травку на длинныхъ ножкахъ съ желтенькими цвѣточками (¹); тутъ ее подъ окнами много; онъ тебѣ за гривну нарветъ и передастъ. Караула дневнаго нѣтъ, — дѣлай что хочешь, вѣдь смотритель съ фельдшеромъ не станутъ на караулѣ стоять, у нихъ свои дѣла. Въ дверяхъ есть окно, въ него видно къ арестантамъ, ну да и ты не зѣвай! Такъ этому-то самому служителю дай денегъ и спроси у него сперва кипятку, что ни есть крѣпкаго изъ подъ ключа. А травка тоже, чтобъ готова была. Вотъ ты кипяткомъ руку-то и обвари, а травкой приложи тотчасъ. Держать долго эту травку, братецъ ты мой, не пригодно: а такъ примѣрно съ полчаса подожди, пока начнется боль сильная, рука покраснѣетъ и огонь побѣжитъ по ней. Ну, вотъ тогда сними травку и спосылай того друга-цеховаго за творогомъ, да творогомъ-то и прикладывай, если ужъ рука больно вспухнетъ. Дѣло-то обойдется и безъ бѣлыхъ пятенъ, а такъ знаешь ровно, да гладко будетъ, — съ малолѣтства, молъ, обварили!

(¹) Ranunculus acris, отлично помогающая въ ревматизмахъ вмѣсто мушекъ.

—А какъ, братикъ, больнымъ-то мнѣ сдѣлаться? Видалъ я, пожалуй, какъ одному сводили ногу въ колѣнѣ, а другому сушили; да ну ихъ съ этимъ. Послѣ не скоро оправишься. А какъ бы такъ поскорѣе: чтобы вздумалъ — захворалъ, а вздумалъ и выздоровѣлъ. Я бы ужъ тебя еще поблагодарствовалъ: знамо дѣло, кто же даромъ научаетъ.

— Изволь, братецъ! За этимъ дѣло не станетъ! Здѣсь я тебѣ лихоманку открою; а тамъ въ больницѣ, подъ исходъ лихоманки, ты самъ уже сдѣлай опухоль въ щекахъ, только для того надо иголку. Ей, ребята! У кого есть „прошка" ([1])? Дайте ему близъ хлебательной ([2]) ложки: онъ завтра какъ проснется и выпьетъ съ водой. А лекарю говори — что будешь чувствовать: знамо ты будешь слабъ, голова будетъ болѣть и вокругомъ идти, сердце ([3]) болѣть будетъ, тошнота, блѣдность, жилки биться станутъ чаще. Такъ ты и пролежишь нѣсколько дней, и дѣло тѣмъ временемъ обдѣлаешь. А потомъ, чтобъ рука какъ должно поджила, ты понадѣлай иглой-то проколы свнутри щеки, пока хруснетъ, да только смотри сквозь кожу не проходи, а тамъ и зажми носъ и ротъ, да и надувай въ щеку-то. Паръ-то отъ этого самаго сквозь щелки и войдетъ подъ кожу, да такъ раздуетъ, что коли захочешь, она покраснѣетъ, ровно при рожѣ. Эта, братъ, болѣзнь и лечится скоро; проколи только кожу, да выпусти паръ-то, вотъ и щека опадетъ, будетъ какъ есть здоровая.

— Спасибо, братъ! такъ и будетъ! Знатокъ же ты!

— Э-э! толи мы знаемъ: бѣльмо нужно — бѣльмо будетъ; и слѣпыхъ дѣлаемъ, и килу приставляемъ, и ноги корчимъ! Да ты вѣдь самъ видалъ корчи-то, разскажи-ка, може по иному.

— Вотъ, други, какъ въ первой-то меня схватили, по подозрѣнію въ воровствѣ, только право слово вздорно, ну и посадили съ настоящими ворами. Вотъ одному и вышло рѣшеніе, кромѣ наказанія, идти въ арестантскія роты. А туда страхъ какъ не хотѣлось ему. Разъ ночью, какъ караульные притихли — помогай други, говоритъ. И встало нѣсколько человѣкъ, да и пошла эта операція: кто ногу держитъ, кто придерживаетъ колѣно, кто въ иглу свиную щетину вдергиваетъ. Какъ приготовились, постянули подъ колѣномъ кожу въ складки, захватили жилы, продѣли сквозь все иголку со щетиной, а опосля иглу вынули, щетина-то осталась въ жилахъ, а снаружи ея и не видно, какъ не бывало! Я диву дался! Ну ногу, вѣстимо, и свело;

([1]) Нюхательный табакъ.

([2]) Столовой.

([3]) Подъ ложкою.

ходилъ на костыляхъ. А потомъ черезъ три года встрѣчаю его въ лѣсу: такой-же гульный. Да какъ же нога-то, говорю, распрямилась! Распарилъ говоритъ. Вотъ что. Ну, а высушить-то ногу отъ колѣна внизъ еще проще: старымъ шелковымъ, либо саржевымъ платкомъ перетянутъ ногу надъ колѣномъ, да и помачиваютъ, самъ чай знаешь...

— Такъ-то оно такъ! возразилъ первый бродяга. Да я другое знаю; да ужъ такое средствіе, что всякій лекарь повѣритъ, потому что будетъ и жаръ и все, какъ быть болѣзни. На мѣсто щетины-то, какъ ты говорилъ, надобно взять нитку изъ дерева, вотъ-что называютъ волчьимъ лыкомъ; какъ продѣнешь ее, да кончикъ чуть-чуть и оставишь, чтобы было за что послѣ вытянуть, потому что лыко-то даетъ красноту и жаръ, стало быть долго оставлять-то его въ тѣлѣ не приводится.

— Такъ-то дѣльнѣе! замѣтили слушатели. Ну, а какъ же ты дѣлаешь глухихъ, грыжныхъ, слѣпыхъ? Растолкуй братъ, а мы тебѣ за это по пятачку съ рыла соберемъ; согласны, ребята?

— Согласны! отозвались со всѣхъ сторонъ. И пошли сборы, взаимныя заниманія и съ залогами вещей, и съ поручительствами. Наконецъ, собрали цѣлковый.

Старый бродяга началъ.

— Ладно, что знаю — всѣмъ подѣлюсь, ребята. Только слушать, не зѣвать, два раза одного слова не выпущу! Вотъ, если кому изъ васъ, братики, придется послѣ согрѣшить что, да свидѣтели будутъ, которыхъ потомъ и узнавать придется и на очныя ставки становиться -- вы, братики, притворитесь тогда съ перваго раза слѣпыми, да и шабашъ! Надобно достать только вытяжки сонной одури отъ ссыльныхъ, а ихъ вѣдь какъ нерѣзаныхъ собакъ въ здѣшней сторонкѣ. Мудренаго нѣтъ! Вотъ ты ее знай подпускай въ глазъ, зрачки-то разширятся, а ты выставь глаза немного кверху, да и ходи такъ, — не вижу молъ ровнешенько ничего! А когда будете, ребята, гулять по частому лѣсу, понабирайте въ дуплахъ, что червякъ проточилъ, этакой порошокъ: его если вдувать въ глаза, то дѣлаются бѣльма, а опосля того и проходятъ. Коли хошь глухимъ прикинуться, надобно класть въ ухо кашицу изъ травянаго сока, изъ меда, да изъ кусочка гнилаго сыра; а эта вещь понемногу вытекаетъ изъ уха, и цвѣтомъ и вонью, какъ есть въ болѣзни. А вѣдь глухимъ прикинуться знатная штука, особливо если въ то же время знаешь, какъ дурака изъ себя представить: ничего на допросахъ не добьются. Грыжу тоже видалъ я какъ дѣлывали: глотаетъ знаешь серебро, да въ то время и натуживается, и прыгаетъ, а послѣ выйдетъ — ничего! А вотъ слыхалъ еще, будто славная грыжа дѣ-

лается, если выпить столовую ложку толченаго стручковаго перца, смѣшавши съ сахаромъ. Съ грыжей ни наказать, ни въ роты послать нельзя; а не нужна она стала, такъ, говорятъ, нужно пить по утрамъ натощакъ по столовой ложкѣ сока изъ рѣпчатаго лука, и пройдетъ. Ну, вотъ вамъ и все, братики! заключилъ разскащикъ.

— Спасибо, спасибо! заговорили со всѣхъ сторонъ признательные ученики своему наставнику.

X.

Войдемъ отсюда въ палату пересыльныхъ. Кого только нѣтъ въ ней! Тутъ и крестьяне, пересылаемые на пріиски, и выгнанные съ пріисковъ калѣки, и всевозможные плуты поселенцы, бывавшіе когда-то въ военной службѣ, въ каторгѣ, прошедшіе сквозь огонь и воду, и только что выдержавшіе наказаніе, и помѣшанные, подлежащіе къ пересылкѣ въ губернскій городъ.

Вотъ въ сторонѣ плачетъ мужикъ съ добрымъ, симпатичнымъ лицомъ. Это крестьянинъ Тобольской губерніи. Его схватили за какой-то пяти рублевый долгъ золотопромышленной компаніи, въ то весеннее время, когда онъ готовился съ семьею засѣвать хлѣбъ. Сколько времени пропало въ прослѣдованіи партіи, черезъ три тысячи верстъ, и вотъ уже близъ мѣсяца сидитъ онъ въ пересыльной комнатѣ острога въ томительномъ ожиданіи—когда-то пріисковая полиція вышлетъ казаковъ, которые должны препроводить ихъ на пріиски, по таежнымъ дорогамъ. Ничего бы еще, что, состоя должнымъ 5 руб., крестьянинъ нанялъ для работъ своихъ поселенца за 20 руб., ничего что и тащился онъ въ партіи столько тысячъ верстъ; но бѣдняку тяжело больше отъ того, что заперли его въ эту душную конуру, въ это скопище гадостей и злодѣяній, что томится онъ безъ всякаго дѣла цѣлый мѣсяцъ, тогда какъ давно отработалъ бы долгъ и подоспѣлъ еще домой ко времени страды и уборки хлѣба. И плачетъ бѣднякъ крестьянинъ, не обращая вниманія на сыплющіяся на него насмѣшки, такъ онъ сосредоточенъ и мыслью и сердцемъ на своемъ горѣ, на себѣ, на семьѣ своей, на своемъ домѣ и работахъ.

— Что ты такъ расхнюнился! говоритъ ему арестантъ лѣтъ 45, у котораго кисть руки разбита молотомъ на каторгѣ, чтобъ избавиться отъ работъ. Лицо у него продолговатое, глаза желтосѣрые на выкатѣ, а на щекахъ и лбу виднѣется нѣсколько синеватыхъ точекъ отъ неудачно вытравленныхъ клеймъ. — Эй, малый! хочешь, отколдую тебя отъ тоски?

Крестьянинъ не отвѣчалъ. Но такой любопытный вызовъ завязалъ разговоръ. Со всѣхъ сторонъ послышались и просьбы подѣлиться знаніями, и подстрекающія насмѣшки надъ его похвальбой. Если просьбы *бывалый* и оставилъ бы безъ вниманія, за то насмѣшки дѣйствуютъ непремѣнно.

— Что вы толкуете—не умѣю! отозвался онъ. Да я не только эти пустяки, я все знаю: и отсушить, и присушить—все наше бывалое дѣло! Э-э-эхъ, братцы! Какъ въ прежніе-то молодые годы не сидѣлось мнѣ на каторгѣ, да бѣгивалъ я не разъ и проводилъ годы въ странствіяхъ (*): проводишь, бывало, либо ночь, либо день, либо недѣльку, мѣсяцъ, либо и зимушку всю на крестьянскихъ заимкахъ (**). Тутъ не только колдовать, а и блинки стряпать приходилось. А до блинковъ-то этихъ (т. е. фальшивыхъ бумажекъ), есть-таки въ Сибири охотники. А бабье сибирское—и дѣвки, и женщины—куда какія охотницы до колдовства. И кормятъ и грѣютъ, бывало, только кого приворожи, присуши, кого испорти, кого полечи, кого отговори и отсуши. А у насъ, вѣстимо, ни въ чемъ отказу нѣтъ: изволь, голубушка, корми только, да денегъ давай,—а ей для вѣрности, для убѣжденія, выставишь на показъ и пузыречки разные, и приворотную косточку. Ахъ, ребята, что это за косточка—чудо! Называется она „женидухомъ“. Ну, не шутка вѣдь, у кого есть такая косточка! Нужно поймать лягушку большую, посадить въ новый горшокъ и какъ можно крѣпче закупорить его, послѣ того надо сдѣлать на днѣ горшка небольшую дырочку, и въ самую полночь, когда живетъ и играетъ вся нечистая сила, закопать этотъ горшокъ въ муравейникъ. А какъ черезъ три дня вынешь этотъ самый горшокъ изъ муравейника, то въ немъ отъ лягушки-то и останутся только двѣ косточки: одна тутъ есть похожа на грабли, а другая будто точно вилы. А лягушекъ надобно стараться ловить въ то время, какъ они смыкаются, чтобы получить по парѣ: одна пара значитъ мужская, а другая женская. Одну пару, вѣстимо, бережешь про мужчинъ, а другую про бабъ. Самую же присушку и отсушку дѣлаешь вотъ такъ: чтобы присушить, даешь грабельки и велишь задѣть ими того, кого нужно; а если надоѣлъ, надо бросить, ну даешь вилы, чтобы оттолкнуться. Въ этомъ вся и штука. А что — хороша?

— Когда не хороша! отозвалась большая часть артели, слушавшая внимательно разскащика.

— Да и это ребята, сказка не сказка, а сказка еще впереди! за-

(*) Такъ называютъ арестанты „бродяжество.“

(**) То есть загородныхъ домикахъ, какіе бываютъ у крестьянъ при пашняхъ.

явилъ расхваставшійся бывалый. Это ли еще дѣлывали! Придетъ, бывало, смачная баба съ парнемъ молодымъ, молодцомъ любовничкомъ: полюбились, дескать, батюшка, а мужъ и злой, и ревнивый такой, какъ смола горючая не отстаетъ; душу его губить не могу я, пусть себѣ живетъ, а вотъ какъ бы ослѣпить, чтобъ не видѣлъ ничего; не могите ли, батюшка, гульной человѣкъ? И повалятся оба, бывало, въ ноги. Ну, знамо, скажешь какъ не знаю; заломишь цѣну, сторгуешься, да и велишь принести съ мужниной головы, изъ самаго темечка, волосокъ. Какъ придетъ баба съ волоскомъ; при ней же поймаешь лягушку, вдѣнешь волосокъ въ иголку, да и пропустишь иглу-то съ волоскомъ лягушкѣ сквозь глаза, да такъ и пустишь ее въ воду; вотъ съ той же самой минуты долженъ и мужъ то у бабы слѣпнуть.

— Ахъ, ты, диковина какая! отзывались съ разныхъ сторонъ, покачивая головами.

— Не перебивайте рѣчи, экіе необразованные! восклицаетъ повелительно бывалый. Слушайте, пока говорятъ! Меня и пуля, бывало, не брала ребята: вотъ что! Нужно только для того кусочикъ артусу положить въ ружье и беречь при себѣ: и пока онъ съ тобой, никакая пуля не возьметъ!

— Ой-ой, страхъ какой! правда ли ужъ? Не хвастливо ли то мѣсто, гдѣ онъ сидитъ? послышались отзывы изъ массы арестантовъ; а между тѣмъ въ душѣ у нихъ были и страхъ, и вѣра.

Да, можно повѣрить „бывалому“, что женщины прибѣгали къ нему въ своихъ житейскихъ требахъ, и что онъ помогалъ имъ. И удивительно ли, что такъ поступаютъ крестьянки, когда и въ мѣщанскомъ, и въ купеческомъ, и даже въ нашемъ цивилизованномъ на европейскій ладъ кругу, мы видимъ тоже самое: масса суевѣрій вездѣ давитъ и душитъ русскую женщину. А отчего это? Мы уже говорили, въ сочиненіи о значеніи женщины, что Русь раздѣлена на два раскола, „староверства“ и „западной иноземщины“. И послѣдній болѣе безжизненъ, чѣмъ первый, потому что петровскій переломъ, не смотря на всю его крутость, произвелъ только хаотическую полуобразованность, и ратуя противъ формы, противъ бытовой внѣшности, не разрушилъ самыхъ началъ устарѣлой жизни и не замѣнилъ ихъ другими, новыми началами, болѣе прочными, болѣе разумными. По этому, то цивилизованное общество наше продолжаетъ рости на педагогической системѣ давно воспѣтаго Миллера Красовскаго: оно продолжаетъ жить и дѣйствовать болѣе по модамъ и временнымъ теоріямъ, чѣмъ по началамъ общечеловѣческимъ. И въ такой то средѣ, гдѣ нѣтъ ни строгаго чувства законности, ни прочнаго гражданскаго устройства, гдѣ и мужчины не

пріучають себя къ положительному труду, а пробавляются почасту дармоѣдствомъ, можетъ ли женщина стать выше и оторваться отъ всѣхъ наслѣдственныхъ суевѣрій? Вѣдь для того нужно и пріобрѣтеніе положительныхъ знаній, и избраніе прочной гражданской дѣятельности; а можетъ ли это быть, пока мужчины не сойдутъ съ подмостокъ, не примутся за основательный трудъ, за прочныя научныя работы?! Но мы уклонились отъ разсказа.

— Ну, довольно, ребята! закончилъ „бывалый“. Спроси-ка лучше Иванова—какъ онъ съ Любашей-то своей разстанется? Что, братъ, болитъ поди сердце-то,—вѣдь и первое число скоро, уйдешь въ вѣчную разлуку,—и палата ужъ не та, нѣтъ дырки въ стѣнѣ, и поговорить съ Любашей нельзя, нельзя и ясный глазокъ ея увидѣть. Плохо, думаю, братецъ!

Чтобъ этотъ вопросъ былъ понятенъ, надобно сказать, что въ самомъ дѣлѣ арестанты, то съ помощью щелей и провертываемыхъ въ стѣнахъ дыръ, то во время сбора на богомолье или въ больницѣ сводятъ знакомства съ арестантками. Конечно, тутъ и караулъ пользуется посильными подарками. Что касается до арестантки, то она уже постоянно получаетъ отъ возлюбленнаго чай, сахаръ и проч. Эти связи, начинаясь такъ-себѣ, иногда скрѣпляются чувствомъ, и въ нихъ бываютъ даже случаи буйной ревности.

Съ помощью караульныхъ устраиваются не только любовныя интрижки, но получаются и карты, табакъ, и вино. Что касается до денегъ, то лишь бы добрый караулъ впустилъ новичка съ деньгами, либо самъ передалъ деньги старому арестанту отъ его знакомыхъ и родныхъ; а ужъ въ комнатѣ съумѣютъ припрятать такъ, что не только три раза обыскивай при перекличкахъ, а хоть десять, — и тогда ничего не найдутъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ смотритель, изъ чувства ли сожалѣнія, изъ необходимости ли купить женѣ башмаки и ребенку на рубашку (при маломъ жалованьи), служитъ посредникомъ въ передачѣ денегъ. Иному смотрителю удѣляютъ и изъ большаго куша карточной игры, даютъ и за дозволеніе написать просьбу, и за хлопоты по дѣльцу. Ну, а бѣда — какъ иной смотритель встрѣтится построже: онъ въ тягость и себѣ, и людямъ.

— А ты что сморщился, Епишка? обратился тотъ же „бывалый“ къ арестанту, только-что приведенному изъ подъ наказанія. Стоило ли ложиться изъ за оборваннаго полушубка! Стоило воровать такую дрянь? Дѣлать, такъ дѣлать, чтобы было за что растягиватья! А мы тебѣ, дряни этакой, приготовили и булочки, и чаю, и сахара. Смотри-ка, вонъ съ тобою же сегодня держалъ плети, а какимъ молодцомъ погу-

ливаетъ, да знаю что и думаетъ онъ; у него на умѣ ужъ бродятъ планы, какъ кому отплатить, и какъ и гдѣ поживиться послѣ. Такъ вѣдь? заключилъ „бывалый“.

Не прошло минуты, какъ онъ обратился съ вопросомъ къ арестанту, который, во время всѣхъ разсказовъ и переговоровъ, работалъ себѣ что-то очень прилежно, усѣвшись въ дальній отъ двери уголъ за спинами товарищей: „ну, кончилъ ли, Максимовъ, дорогой человѣкъ“?

— Кончилъ, братцы! отозвался Максимовъ.

— Ай да молодецъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Оказывается, что во все это время Максимовъ занимался приготовленіемъ юлокъ и игральныхъ костей. Матеріаломъ для этого служатъ болѣе толстыя кости, попадающіяся въ вываренной говядинѣ. Распиливаніе кости на части производится съ помощью скрученой суровой нитки, постоянно смачиваемой въ растворѣ золы и березовыхъ углей. Когда этой ниткой начинаютъ пилить кость, то кто-нибудь понемногу подливаетъ щелокъ на нитку.

Кости готовы. За нихъ заплатится, какъ и за карты, съ кону. У дверей всталъ караульный, игра началась. Деньги прибываютъ въ ходъ. И пошли приговоры: что ни упадетъ косточка, то и приговоръ. Чаще слышатся: „лебедь“ — ляжъ 9; „лебеди съ пудомъ“ значитъ 11; „чеква“ — 4; „пѣтушки“ — 5, и т. п.

Играютъ и „гульные“, и „мрачные“, и „несчастные“ люди. Играйте! въ этомъ мы не противъ васъ: мы понимаемъ, что значитъ мучительная тоска, когда человѣкъ оторванъ отъ самобытнаго труда. Кости здѣсь ваша отрада. Но придетъ ли время, когда вы не будете преждевременно зарывать въ землю кости людей, когда смягчатся ваши сердца, умъ просвѣтится познаніемъ и уваженіемъ къ ближнему, — когда выйдетъ наружу и заговоритъ совѣсть, спрятанная теперь въ глубокомъ тайникѣ души вашей.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Разсмотрѣвъ системы золотоносныхъ розсыпей притока Енисея, Средней Тунгузки, мы возвратимся продолжать путь по Енисею въ громаднѣйшій и неизмѣренный еще край Туруханскій, гдѣ только и жизни что по берегу Енисея, а въ стороны бродятъ: южнѣе — уродливый и глуповатый Остякъ, сѣвернѣе — бойкій Тунгузъ, а по тундрамъ племена мрачной Самояди.

Изъ станка Подкаменной Тунгузки черезъ 34 версты станокъ *Сумарокова.* Стоитъ, по исключенію, на лѣвой (польской) сторонѣ, потому что въ этомъ мѣстѣ на каменной возвышенности прервалась и осталась мѣстность съ лѣсами, болотами и озерами, тогда какъ на лѣвой сторонѣ (гдѣ стоитъ Сумароково) берегъ возвысился и стоитъ островокъ съ весьма хорошимъ уловомъ рыбы. 4) Черезъ 30 верстъ—*Ко́мсо* тоже на лѣвой, потому что на правой въ этомъ мѣстѣ поднимается чрезмѣрно высокій хребетъ. Впрочемъ, проплывающія суда держатся той и другой стороны, смотря по вѣтру. 5) Черезъ 33 версты—*Цензелево*, или *Инзырево*, или *Лебедь*—тоже на лѣвой, потому что продолжается та же каменно-песчаная гора; но суда тутъ держатся болѣе каменной стороны. 6) Черезъ 20 верстъ *Мирный*, или *Духоборы*; это уже на каменной сторонѣ; гора понизилась; живутъ богатые сектаторы духоборы. 7) Черезъ 10 верстъ „*Бахта*“ на каменной сторонѣ, при впаденіи большой рѣки Бахты справа. Эта рѣка очень большая, хотя и значительно менѣе Подкаменной Тунгузки. По ней нѣтъ никакихъ жилищъ; она извѣстна только Тунгузамъ. Съ помощью этихъ вожаковъ, въ 1857 году, посѣтилъ Бахту съ большой золотопріисковой партіей г. Митрополовъ. Онъ тамъ и зимовалъ, обстроившись домикомъ. Только поиски его были не совсѣмъ удачны, потому что посланный имъ въ Туруханскъ приказчикъ за парками, сотурами и проч. зимней одеждой, а также за покупкою оленей, съ которыми можно бы было предпринять путеслѣдованіе по тайгамъ, заблудился вмѣстѣ съ вожакомъ Тунгузомъ и, вмѣсто выхода на Малую Бахту, какъ притокъ Большой, идущую въ нее съ сѣверо-востока, попалъ на Енисей, которымъ нужно было идти до устья Бахты и снова по ней подниматься. Ничего особеннаго и г. Митрополовъ также не нашелъ.

8) Отъ Бахты до *Новоселовскаго (*или *Каменки)*, на каменной 24 версты; въ немъ имѣется казенный хлѣбный магазинъ. 9) и 10) За тѣмъ *Чулково* (или *Сургутъ*) черезъ 20 верстъ и *Назарово* (или *Бородино*) черезъ 26 верстъ стоятъ на польской сторонѣ, потому что на каменной (правой) въ этомъ мѣстѣ низменность и болотистый логъ, тогда какъ на лѣвой возвышеніе. 11) Черезъ 9 верстъ Духоборы или Искупъ на каменной, за которой уже все, до самаго Туруханска, на этой правой сторонѣ. Черезъ 16 верстъ слѣдуетъ 12) село Верхне-Инбацкое; стоитъ при впаденіи тутъ въ Енисей небольшой рѣки Инбакъ; имѣетъ каменную церковь, пристань и складочный магазинъ; служитъ сугланнымъ мѣстомъ и жительствомъ смотрителя Верхнеинбацкаго участка. Тутъ же съ противной стороны (слѣва) впадаетъ въ Енисей довольно большая рѣка *Елогуй.* По изслѣдованіямъ гг. Давыдова и Берестова мы

узнаемъ слѣдующее объ этой рѣкѣ: 1) Елогуй впадаетъ многими устьями; они всѣ мелководны; на 70 верстъ разстоянія было мелководье и низкіе позатопленные берега съ тальникомъ и ельникомъ; за тѣмъ берега возвышены, съ густымъ сосновымъ лѣсомъ, но нѣтъ сѣнокосовъ, рыбы мало и мелкихъ породъ, изъ многихъ мелкихъ рѣчекъ, подходящихъ съ обѣихъ сторонъ, значительна одна Кокса, впадающая на 100 верстѣ отъ устья съ лѣвой стороны. 2) На 316 верстѣ, собственно Елогуй какъ будто оканчивается и тутъ сливаются между собою двѣ рѣки: *Кола* и *Безъимянка*. Первая изъ нихъ южнѣе, — подходитъ вершиною къ верховьямъ Сыма, имѣетъ до 200 верстъ теченія, она тиха и извилиста, беретъ начало изъ тундръ и имѣетъ по берегамъ своимъ мелкій лѣсъ и болота. 3) Безъимянка сѣвернѣе, но менѣе, выходитъ тоже изъ тундръ. 4) Притокъ „Кокса", хоть течетъ и съ сѣверозапада, но вершины его все-таки далеко отдѣлены отъ вершинъ Таза болотистою мѣстностью, такъ что и попасть съ Елогуя на Тазъ нельзя. 5) Верховья Елогуя не очень далеки отъ верховьевъ Ваха, притока Оби, чѣмъ воспользуются когда нибудь для сообщеній. Вотъ и все значеніе Елогуя, къ заселенію почти не годнаго.

13) 14) и 15) Черезъ 20 верстъ станокъ Алинскій, черезъ 24 — Кангатовскій, черезъ 30 — Пескинскій или Зыряновскій. 16) 17) и 18) Потомъ черезъ 24 версты, пропустивъ на половинѣ станка „Духоборы", встрѣчаемъ Нижнеинбацкъ, при рѣчкѣ „*второй Инбакъ*". За тѣмъ черезъ 20 верстъ Фатьяновское, — черезъ 20 же верстъ Ямское или Верещагинское. Оно стоитъ, какъ и всѣ, до Туруханска, зимовья, на каменной же, но противу него неподалеку впадаетъ съ лѣвой (западной) стороны рѣка Пакулиха, которая была не обслѣдована Давыдовымъ и Берестовымъ въ 1819 году и оказалась имѣющею значеніе со многихъ сторонъ. Во-1-хъ, берега ея на всемъ протяженіи, почти 400 верстъ, то низменные съ изрядными сѣнокосами, то высокіе съ большимъ строевымъ сосновымъ и кедровымъ лѣсомъ и обиліемъ звѣрей; а на 200 верстѣ снизу оказались шивера и за ними такая быстрота, что употребленъ въ дѣло бичевникъ. Во-2-хъ, гдѣ беретъ свое начала рѣка Пакулиха, изъ озера Ненюльто, мѣста вокругъ хорошія, возвышенныя и лѣсистыя и такъ какъ около этихъ мѣстъ живутъ Остяки, которые должны Богъ вѣсть куда таскаться къ магазинамъ, то не мѣшало бы по этой рѣкѣ сдѣлать поселенія и, около озера *Ненюльто*, основать хлѣбный запасный магазинъ. Въ-3-хъ, это мѣсто важно и тѣмъ, что, переправясь чрезъ озеро Ненюльто (обильное бѣлою рыбою и по мѣстамъ съ каменистыми берегами), гг. Давыдовъ и Берестовъ перетащили лодку волокомъ 2 версты и очутились въ другомъ озерѣ *Некультонъ*, отъ котораго, подъ

63° широты и 103 долготы, беретъ начало рѣка Тазъ. Жаль, что на это не обращено до сихъ поръ вниманіе правительства, а какой это важный путь сообщенія со всѣмъ стоящимъ особнякомъ западнымъ угломъ края Туруханскаго, съ которымъ и сообщеніе теперь только зимою черезъ тундры. Въ-4-хъ, этимъ путемъ воспользовался, уже въ 1858 году, довѣренный купца Вѣтошева для розысканія золота и хотя за большой водой въ грунтѣ и за недостаткомъ откачивающихъ и другихъ орудій положительныхъ опредѣленій содержанія золота не сдѣлано, но золото все-таки есть. По всему теченію Пакулихи еловый, березовый, пихтовый, сосновый и лиственичный лѣса весьма рослы. Въ-5-хъ, по теченію Пакулихи, какъ мѣстности болѣе западной, а слѣдовательно и болѣе теплой, можетъ быть — по моему мнѣнію — и болѣе произрастеній и средствъ къ существованію; потому что считали до сихъ поръ край Туруханскій неспособнымъ ни къ какой произрастительности — совершенно несправедливо, что доказали въ 1859 году скопцы, у которыхъ родились въ станкѣ Нижнеинбацкомъ не только капуста, картофель, рѣпа и рѣдька, но даже огурцы и ячмень. Слѣдовательно, видно дѣло только мастера боится.

За тѣмъ, такъ какъ до Троицкаго монастыря, по теченію Енисея съ его системою, вообще ничего особенно не представляется на протяженіи 190 верстъ, то я и скажу только, что тутъ стоитъ 10 зимовьевъ и всѣ на каменной сторонѣ; о мѣстахъ же большаго или меньшаго улова рыбы будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Потому перехожу прямо къ впаденію въ Енисей значительной и огромной рѣки „Нижней Тунгузки“, называемой иначе „Монастырскою“.

Для видимости прилагаю таблицу Верхнеинбацкаго участка.

	При какомъ урочищѣ.	Разстояніе отъ Енисейска.	Отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Жителей.	
					Мужч.	Женщ.
Въ Верхнеинбатскомъ участкѣ.						
Станки:						
Осиновскій	Выше описано положеніе.	427	657	8	33	24
Подкаменно-тунгузскій		467	617	14	37	36
Сумароковскій.		500	551	5	21	26
Инзыревскій		566	518	6	23	23
Мирный		586	498	4	20	17
Бахтинскій		606	478	5	25	27
Новоселовскій		632	452	6	15	17

	При какомъ урочищѣ.	Разстояніе отъ Енисейска.	Отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Жителей.	
					Мужч.	Женщ.
Чулковскій	Выше описано положеніе.	652	432	6	24	23
Бородинскій		682	402	4	20	10
Искупной		691	393	22	67	59
Село Верхнеинбирское		707	377	12	36	25
Алинскій		730	354	4	17	18
Кангатовскій		754	330	6	26	16
Пескинскій		784	300	5	18	9
Гилевскій		796	289	2	3	3
Нижнеинбатскій		807	275	4	14	19
Ямской		849	235	5	24	14
Фатьяновскій		829	255	4	14	19
Баклановскій		872	212	4	13	11
Новочерноостровскій		892	192	3	12	6
Песковскій		909	175	3	16	8
Пупковскій		929	155	6	14	12
Баишинскій		949	135	4	18	12
Новозалѣсинскій		972	112	5	25	13
Костинскій		989	95	8	36	16
Мельничный		1,007	77	9	30	19
Мироѣдинскій		1,029	55	5	24	31
Село Монастырское		1,054	30	12	36	26
Жители и число ихъ:	Выше описано положеніе.					
Всѣхъ вообще, т. е. русскихъ и инородцевъ		—	—	—	1,251	1,021
Въ этомъ числѣ состоитъ:						
Бѣлаго духовенства		—	—	—	4	8
Монашествующаго		—	—	—	4	—
Казаковъ		—	—	—	8	15
Крестьянъ		—	—	—	468	342
Поселенцевъ		—	—	—	218	205
Инородческихъ родовъ: Нижнечумскаго тунгузскаго съ присоединеніемъ къ оному 1-го лѣтняго		—	—	—	36	33
Нижнеинбатскаго остяцкаго		—	—	—	157	146
Подкаменно-тунгузскаго остяцкаго (съ Тунгузами р. Елагуя)		—	—	—	51	26
Верхнеинбатскаго остяцкаго		—	—	—	305	246

Нижняя Тунгузка беретъ начало свое далеко въ Якутской области, съ тѣхъ плоскихъ возвышенностей, которыя прилегаютъ къ лѣвому берегу рѣки Лены. Глубже и судоходнѣе дѣлается она по впаденіи въ нее довольно большой рѣки Непы. Теченіе ея такъ велико, что верстъ на 1,200 почти, ежегодно, поднимались на лодкахъ, съ хлѣбомъ, изъ Туруханска, казаки; слѣдовательно, такъ велико теченіе ея еще въ границахъ округа Енисейскаго, а сколько еще остается до верховьевъ?!

Такъ какъ по ней есть нѣсколько урочищъ, наиболѣе посѣщаемыхъ бродячими Тунгузами, то казаки отправлялись каждогодно, въ августѣ мѣсяцѣ, изъ Монастырскаго станка вверхъ по теченію, на трехпалубныхъ лодкахъ. Замерзающая рано Тунгузка не позволяла имъ возвращаться въ тотъ же годъ водою; они зимовали гдѣ случалось и возвращались, по проходѣ льда, уже не ранѣе іюня; впрочемъ, это кажущееся мученіе казаковъ весьма для нихъ и лестно, и выгодно; они не только богатѣли сами, пріобрѣтая за ничто дорогую пушнину, но имѣли чѣмъ и поддерживать значеніе свое у властей, такъ что и до сихъ поръ всѣ должности смотрителей при хлѣбныхъ магазинахъ въ рукахъ не бѣдныхъ чиновниковъ, а зажиточныхъ казаковъ *Въ 1849 году* отъ компаніи Горохова была, по лѣвому берегу Тунгузки, верстахъ въ 90 отъ устья, золотопоисковая партія; единственнымъ плодомъ этой партіи осталось мѣсто верстъ на 100 выжженнаго отличнѣйшаго лѣса; трудно вѣрить результатамъ этой партіи, потому что приказчикъ, какъ всѣ туземцы единогласно утверждаютъ, извлекалъ свои выгоды, занимаясь не поискомъ золота, а скупомъ пушнины у инородцевъ. Около этого мѣста впадаетъ слѣва въ Нижнюю Тунгузку небольшая рѣка „Сухая Тунгузка". Лѣтъ семь тому назадъ, предпринималъ поиски золота по Тунгузкѣ купецъ Вѣтошевъ; но, по неопытности, перетерпѣлъ много несчастій и вынесъ мало результатовъ. Въ сообщенныхъ имъ мнѣ свѣдѣніяхъ я нашелъ слѣдующее: во-1-хъ, Нижняя Тунгузка чрезвычайно быстра, течетъ, какъ горная рѣка, между скалистыхъ береговъ; большихъ рѣкъ въ нее не впадаетъ, а все горные же ключики и рѣчки, отъ чего происходитъ необыкновенное въ большихъ рѣкахъ явленіе чуть ли не ежедневной убыли и прибыли воды, что обусловливается съ весны таяніемъ снѣговъ въ горахъ, а потомъ появленіемъ и остановкой дождей. Во-2-хъ, она очевидно проложила русло свое, разрушивъ мѣстами и каменистыя горы; все русло ея испещрено часто встрѣчающимися „корчагами" ([1]), т. е. глубокими ямами, съ каменьями на днѣ, между которыми есть, вѣроятно, еще провалы, потому что какое нибудь свѣжее дерево, напримѣръ большая зеленая сосна, подплывъ къ корчагѣ, вдругъ удергивается въ нее, исчезаетъ на долго (отъ 10 и 15 минутъ до $^1/_2$ часа) и выныриваетъ уже, скоро и сильно выбрасываясь, голою, ободранною, истертою. Главная, самая страшная и опасная корчага при впаденіи Нижней Тунгузки въ Енисей: были несчастные случаи удергиванія цѣлой лодки съ сѣдоками. Въ-3-хъ, отплывши верстъ уже 300 вверхъ встрѣчается первый и главный порогъ; тутъ

([1]) Туземное названіе пучинъ.

надобно пройти самой срединой; опасность такъ велика, что лодка пудъ въ 500 провожается 40 казаками. Затѣмъ есть еще 2 порога, но тѣ уже безопасны. Въ-4-хъ, самая же главная опасность ни въ порогахъ, ни въ корчагахъ; мѣста пороговъ извѣстны, вертящуюся пучину корчаги можно видѣть: но бѣда въ томъ, что берега имѣютъ много скалъ, сильно выдающихся въ русло рѣки, а вода въ рѣкѣ прибываетъ своенравно и неожиданно, такъ что въ ночь, по наблюденіямъ г. Вѣтошева, поднималась отъ $^1/_2$ до 3-хъ аршинъ. Бывало, говоритъ онъ, встанешь къ ночи спокойно якоремъ въ тихое, вдавшееся въ берегъ мѣсто, за мысокъ; вдругъ съ вечера дождь и къ утру уже хлещетъ вода по направленію къ лодкѣ, крутится и рветъ ее съ якоря, это, видите ли, вода прибыла на столько, что скала, бывшая надъ водою аршина $1^1/_2$ или 2 и слѣдовательно безопасная, оказывается теперь въ водѣ и называется страшнымъ для пловцовъ именемъ „быка", т. е. выдавшейся въ воду скалы, въ которую бьетъ съ силою вода и, отскакивая, крутится и рветъ лодку съ якоря. Бывало, говоритъ, и такъ, что лодка, сорванная этой силою воды съ якоря (съ канатовъ, толщиною въ руку полнаго человѣка), удерживалась далѣе внизъ за этимъ быкомъ отъ какой нибудь не толстой веревки, привязанной за что нибудь на берегу. А быстра Нижняя Тунгузка такъ, что казаки, обратно возвращаясь, проплывали 1,200 верстъ дней въ 6 или 5. Въ-5-хъ, горы болѣе известковы, при томъ такъ, что снаружи топоръ не беретъ, а внутри известнякъ рыхлый, также есть сланецъ и кварцъ; при шурфовкахъ попадались куски кварца съ прожилками золота. Въ-6-хъ, верстъ 200 отступя отъ устья, Вѣтошевъ встрѣчалъ на лѣв. берегу, верстахъ въ 12 отъ берега, на рѣчкѣ Безъимянной, много и въ большихъ кускахъ валявшагося графита. Что эти слова г. Вѣтошева справедливы—доказалось лѣтомъ 1859 года, потому что посланная г. Бернардаки партія открыла два огромныхъ мѣстонахожденія, въ горахъ, графита; только образцы, видѣнные много въ Енисейскѣ, были не лучшаго сорта, потому что одинъ графитъ слишкомъ твердъ и грубъ, а другой весьма мягокъ и марокъ до того, что помарка не стирается. Главное мѣсто въ 400 верстахъ отъ устья и залегаетъ графитъ на довольно пологомъ откосѣ берега, отступя 7 саженъ отъ воды и распространяясь вдоль берега на 150 саженъ; ширина пласта саженъ до 40. Но вѣроятно есть и лучшіе сорты. Дай Богъ, чтобы розыски по краю Туруханскому увѣнчивались успѣхами: по крайней мѣрѣ поддержится и разовьется край, тогда заходятъ, можетъ быть, по Енисею и пароходы. Въ-7-хъ, по Нижней Тунгузкѣ хотя пихтовникъ и малъ, но сосняк большой, строевой. Тунгузка эта важна еще въ томъ отношеніи, что,

въ случаѣ надобности, можетъ быть скоро доставленъ хлѣбъ на лодкахъ изъ Якутской области. И жаль, что этимъ не пользуются до сихъ поръ. Прибавлено еще къ описанію Н. Тунгузки слѣдующее: во-1-хъ, по ней въ изобиліи находится слюда; во-2-хъ, есть асбестъ; въ-3-хъ, близъ притока ея, р. „Сѣверной“, впадающей справа, есть соляные ключи, давно извѣстные инородцамъ, а открытые опредѣленно засѣдателемъ Третьяковымъ, который получалъ въ каждую минуту до 12 ведеръ воды, а изъ каждаго ведра до 4-хъ лотовъ поваренной соли. Такъ какъ ключи эти могутъ быть благодѣтельны не только для Туруханскаго края, но и для всего Енисейскаго округа, то я и отнесся къ г. засѣдателю о высылкѣ этой воды и соли ко мнѣ для химическихъ испытаній. Соль получена отъ окружнаго начальника превосходно бѣлая, чистая, вкусная. Вотъ результаты разложеній: въ одной драхмѣ соли около 47 гранъ поваренной и 14 гранъ глауберовой; acetus plumbi, aq. calcis, barit. muriat. давали бѣлый осадокъ (т. е. plumb. sulph., calxsulph., barit. sulph.), слѣдовательно оказали присутствіе сѣрнокисной соли, которой кристаллы дали сѣрнокислый натрій (соль глауберову); присутствіе же солянокислой соли (т. е. поваренной) оказалось, кромѣ кристаллизаціи, съ помощью argenti nitrici, который далъ бѣлый осадокъ, свободно растворившійся in ammonio liquido. Черезъ 10, непоименованныхъ станковъ, и 11-й Монастырскій (гдѣ поразительно высится Троицкій монастырь, господствуя надъ всѣми окрестностями, на крутомъ утесѣ), надобно переплыть рѣку на лѣвую сторону, чтобъ черезъ 30 верстъ прибыть въ городъ Туруханскъ. Стоитъ онъ на острову въ устьѣ рѣки *Туруханa*. Это быстрая рѣка, текущая по тундрамъ, гдѣ только зыби да болота, къ поселеніямъ неспособна; почему хоть она и беретъ начало съ запада притоками своими: Блудной, Волочанской и Большой Болхой съ Покатской, и не очень далеко отъ притоковъ правой стороны рѣки Таза, особенно Парабоки и Кудосеи, но сообщенія этимъ путемъ невозможны. По Турухану есть слѣды желѣзной руды. Начало этой рѣки далеко на сѣверѣ, подъ одними градусами съ началомъ Тазовской губы, изъ озера Турухана; впадающія рѣчки частію исчислены, частію видны на картѣ. Мѣсто устья Турухана, гдѣ и островъ съ городомъ, находится подъ 65°55′ сѣверной широты и 105°18′ восточной долготы. Островъ, на которомъ стоитъ онъ, тундристый, покрытый тальникомъ, лозникомъ, тощими березками и соснами. Покоряя мѣстность за мѣстностью казаки основывали остроги и въ 1609 году понадобилось основать Туруханскъ именно на этомъ острову въ такой мѣстности, которая была бы на первый разъ, пока силы слабы, скрыта отъ непріятелей. Къ несчастію, по минованіи и этой надобности и

этихъ выгодъ, острогъ переименовали въ городъ въ 1672 году и оставили на этомъ мѣстѣ, самомъ скучномъ, глухомъ и нездоровомъ. Весна въ немъ открывается не ранѣе конца мая, а съ іюня начинаетъ пробиваться травка и распускаются тальники. Лѣтомъ страшные жары не уничтожаютъ грязей, а только вся эта тундра прѣетъ и воздухъ наполняется вредными испареніями, развивающими цынгу. Въ іюлѣ то термометръ поднимается до 30°, то выпадаетъ снѣгъ; грозы и дожди безпрерывны. Днемъ милліоны мошекъ, а ночью комаровъ не даютъ покою. Въ жары пересыхаютъ протоки, окружающіе городъ, и за водой надобно ѣздить версты за 4. Зимою, въ началѣ ноября, Туруханскъ покрытъ уже такими сугробами снѣга, что нельзя переходить изъ дома въ домъ иначе, какъ по вѣхамъ, да и между ними почти ежедневно разгребаютъ снѣгъ. И съ этакой-то вреднѣйшей мѣстности не перенесутъ городъ хоть въ станокъ Монастырскій: удивительно! Вѣдь, кромѣ вреда здоровью всѣхъ, затрудненія отъ недостатка лѣтомъ воды туземцамъ и отъ невозможности пристать къ городу торговымъ суднамъ для явки властямъ, ничего другаго мѣстность эта не представляетъ; а между тѣмъ никто и не думаетъ убрать его, видно такъ при дѣдушкѣ бывало — нельзя иначе?! Изъ водъ, среди самаго Туруханска, оказалось цѣлебнымъ одно озерко: его цѣлительностію пользовался еще въ 20-хъ годахъ докторъ Яроцкій; потомъ оно было забыто; въ бытность въ Туруханскѣ я обратилъ на озеро вниманіе мѣстнаго медика и получилъ результаты его наблюденій. Называется озерко это „Подбаннымъ“ и „Вшивымъ“. Лежитъ оно на полуденной сторонѣ у подошвы обрыва пониже гостиннаго двора, величиною не болѣе 3-хъ саженъ, глубиною аршина 4, съ водой чистой, прозрачной, при небольшой желтизнѣ, мягкой, безвкусной, пріятной для питья, со вкусомъ обволакивающимъ, негніющей ни въ какое время и не принимающей никакого запаха. Озеро это не имѣетъ никакой рыбы, а содержитъ много мелкихъ насѣкомыхъ, состоящихъ на взглядъ изъ пузыря и за тѣмъ повертывающейся на шейкѣ головки, снующихъ безпрестанно въ водѣ, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, не выходящихъ ни на поверхность воды, ни на берегъ, живущихъ одинаково и въ трескучіе морозы и въ жестокіе жары и ни мало не исчезающихъ отъ залитія озера при разливѣ рѣкъ. Лекарь г. Яроцкій, анализируя воду по способу Лавуазье, нашелъ по ея выпаркѣ остатокъ изъ клейковатаго вещества, берущаго (по его мнѣнію) начало отъ этихъ насѣкомыхъ, которыхъ пузырь наполненъ именно клейковатою жидкостію. Въ 1827 году г. лекарь Яроцкій писалъ о многихъ случаяхъ пользы отъ этой воды на скотѣ

и людяхъ, именно: во-1-хъ, когда домашній скотъ, пившій эту воду, былъ отгоняемъ на рѣчную и ключевую, начиналъ худо ѣсть, терялъ веселость, получалъ чесотку и мокнущія язвы на ногахъ, особенно около копытъ, что̀ все исчезало, когда возвратили скотъ къ Подбанному озеру; во-2-хъ, жители, страдавшіе разными сыпями, употребляли воду и внутрь и снаружи, и излечивались; въ-3-хъ, излечивались разныя страданія, имѣвшія основу въ скрытіи испарины, потому что употребленіе этой воды возвращало испарину; въ-4-хъ, разныя желудочныя страданія: сженіе подъ ложечкой, безъаппетитность, невареніе желудка и проч излечивались при легкомъ поносѣ. Вообще обнаруженіе дѣйствія этой воды состоитъ въ испаринѣ, легкомъ поносѣ и высыпи на кожу въ родѣ ко̀рьной. Замѣчательный случай разсказываетъ г. Яроцкій изъ своей практики: одна малодая полнокровная женщина жаловалась на несносную боль подъ ложечкой, общій жаръ, одышку, головокруженіе, рвоту и безсонницу. Врачъ относилъ это или къ засоренію желудка или къ глистамъ; употреблять никакого лекарства внутрь было нельзя по причинѣ рвоты до спазмъ и эпилепсіи; такъ прошло 5 дней; на 6-й день г. Яроцкій сталъ поить ее водой изъ этого озера, припадки начали облегчаться и ночью былъ сонъ. На другой день выпито 12 стакановъ, было шесть послабленій и рвота унялась, черезъ день все тѣло осыпалось мелкою красноватою сыпью и походило на розовый бархатъ; черезъ недѣлю исчезла и сыпь, а больная уже ранѣе чувствовала себя здоровою. Изъ всего этого г. Яроцкій заключаетъ, что не однѣ минеральныя воды спасительны, но есть воды, дѣлающіяся спасительными и отъ живущаго въ нихъ царства животнаго. Въ бытность его тамъ, увозили воду въ Енисейскъ и одинъ старикъ, выпользовавшійся ею въ молодости отъ чахотки, для поддержанія здоровья, пилъ ее по стакану ежедневно. Мѣстный медикъ въ 1858 г. сообщилъ мнѣ, что дѣйствительно вода этого озера цѣлебна и нѣкоторые случаи даже особенно замѣчательны; такъ напримѣръ: дѣвочка лѣтъ 4-хъ была по всему тѣлу, включая и голову, покрыта лишайно-золотушными струпьями и болѣе года длившееся противозолотушное леченіе не помогло, тогда какъ, при остановкѣ другихъ средствъ и употребленіи внутрь и снаружи этой воды, все сошло и только краснота свидѣтельствовала о бывшемъ страданіи; или вотъ другой случай: женщина 33 лѣтъ, рослая, полнокровная, страдавшая ранѣе сифилисомъ и недавно имѣвшая старыя бѣли, остановленныя знахарками, пришла къ врачу съ мелкою красною сыпью, покрывавшею все тѣло, кромы головы; зудъ, при этой сыпи, былъ такъ великъ, что больная лишилась сна, легкій перебѣгающій общій жаръ, запоръ на низъ и безъаппетитность сопутствовали бо-

лѣзни; чрезъ $1^1/_2$ недѣли методическаго леченія водою по способу, изложенному у Яроцкаго, всѣ вычисленные припадки прошли.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

О шаманствѣ вообще. Шаманъ — какъ кудесникъ, жрецъ, врачъ. Взглядъ на шаманство со стороны медицинской.

Вообще по всей полосѣ, соотвѣтствующей городу Туруханску, теченію Нижней Тунгузки и главному мѣсту обитанія Тунгузовъ, ростетъ лѣсъ изъ сосенъ, кедровъ, пихтъ, елей, березъ, рябинъ, ольхи, черемухъ и тальниковъ. Преобладаютъ въ этихъ лѣсахъ сосна, ель и лиственъ. Это такъ называемый хвойный лѣсъ, зеленѣющій круглый годъ. Стволы тонкіе, сухіе и высокіе. Сухіе, узкіе, иглистые листья (хвои) унизываютъ вѣтви и только у листвени отпадаютъ на зиму. При непроизводительной почвѣ, продолжительной зимѣ, краткомъ лѣтѣ, при дняхъ, смѣняемыхъ холодными ночами, хвойныя деревья стоятъ себѣ одиночными особняками: здѣсь нѣтъ тѣхъ вьюновъ-тунеядцевъ, не проникаемыхъ древовидныхъ тростниковъ, которые, выростая вблизи тропиковъ межъ толстыхъ деревьевъ и извиваясь между ними, образуютъ непроницаемую чащу; здѣсь развѣ только березки своевольно покажутся среди однообразнаго чернолѣсья и изъ продуктовъ его же разложенія. Оттого дикій Тунгузъ свободно гонится за звѣремъ, пробираясь межъ деревьевъ. Мало того: Тунгузъ съ жадностію вдыхаетъ освѣжающій цѣлебный бальзамическій ароматъ чернолѣсья. Это не тѣ ядовитыя растенія юга, подъ тѣнью которыхъ усталый путникъ, пріютясь на отдыхъ, можетъ уснуть навсегда. И вѣтеръ болѣе или менѣе свободно гуляетъ среди нашего чернолѣсья и сушитъ влагу, задержавшуюся въ нападавшей хвоѣ; тогда какъ всегда влажная съ гніющими породами почва тропическихъ лѣсовъ заражаетъ воздухъ вредными испареніями. Наблюдайте постепенно и вы увидите, что лѣсъ этой полосы, съ каждымъ шагомъ къ сѣверу, ростетъ все медленнѣе, и медленнѣе: зной короткаго лѣта вызываетъ только новые побѣги изъ ствола, будучи не въ силахъ образовать новый слой древесины; лѣса этой полосы живутъ по долгу и только лѣтъ въ 200 получитъ дерево пол-

аршина въ поперечникѣ. Поднимитесь еще глубже къ сѣверу и вы видите, что у инаго дерева не хватило силы развитія и засохла уже вершина; а другое, какъ бы изъ самохраненія повело развитіе свое не вверхъ, въ холодъ воздуха, а въ стороны и раскинуло отъ себя, горизонтально по землѣ, отростки, такіе же большіе, какъ самый стволъ; въ третьемъ мѣстѣ вы видите, что дерево отъ дерева крайне далеко ростетъ, чтобы былъ больше кругъ почвы, изъ которой корни должны вбирать питательные соки. И за тѣмъ вдругъ конецъ деревьямъ: начинается только сплошной кустарникъ, что̀ и составляетъ переходъ къ тундрѣ.

Кромѣ лѣсовъ, въ этой полосѣ ростутъ морошка, княженика, черника, клюква, малина, брусника, черная и красная смородина, бѣлена, полынь, ирь, одуванчикъ, донникъ, шаровидные цвѣточки, кокушкины слезы, чернобыльникъ, двулистка, конопельникъ, бѣлокопытникъ, бѣлая крапива, рогатый чистотѣлъ, хрѣнъ, болотная петрушка, мокрица, луговой дягиль, ревень, большой омегъ, ранункулъ болотный, репейникъ, малый болдырьянъ, завязный корень, песій языкъ, змѣй трава, совика трава, чемерица блѣдноцвѣтная, дикая вѣтреница, водяной лапушникъ, богородская трава, звѣробой, пастушья сумка. Изъ огородныхъ: хрѣнъ, дикій чеснокъ, лукъ, щавель, рѣдька, капуста кочанная, морковь, рѣпа, мелкій картофель. Трава всѣхъ этихъ растеній бываетъ чрезвычайно высока, но плоды мало созрѣваютъ. Изъ ягодъ созрѣваютъ клюква и брусника, и иной годъ морошка. Ростъ травы такъ быстръ, что въ двѣ первыхъ недѣли достигаютъ онѣ роста человѣка. По разсказамъ старожиловъ, созрѣваютъ тамъ черезъ каждыя 10 лѣтъ рябина, малина, клубника и др. Различіе между днемъ и ночью бываетъ таково, что отъ 30° R. опускается термометръ до 6°, отъ чего и гибнутъ произрастенія. Замѣчательно, что, не смотря на страшный лѣтній жаръ, земля не растаяваетъ болѣе $1^1/_2$ аршина. Дожди лѣтомъ рѣдки и сопровождаются страшными громами. Съ половины августа дѣлается холодъ и появляются дожди, либо снѣгъ. Съ декабря до $^1/_2$ января дни бываютъ въ теченіи 2-хъ часовъ, да и то въ родѣ преходящаго разсвѣта. Глубина выпадающихъ снѣговъ бываетъ болѣе 4-хъ аршинъ. Вѣтры бываютъ все болѣе сѣверные: они поднимаютъ и носятъ снѣгъ, затемняя свѣтъ и это называется бураномъ; а если во время такого вѣтра идетъ снѣгъ— это называется пургой.

Среди этой природы, и величественной, и пугающей, весьма естественно было работать воображенію темныхъ, необразованныхъ людей и поддерживаться шаманству между Тунгузами.

Было въ Азіи древнее, темное время, когда еще и буддизма не

было, а христіанство и въ воздухѣ не носилось, когда господствовало одно „шаманство“ по всей, особенно восточной и сѣверной, Азіи. Сами Монголы, или, вѣрнѣе, высшее сословіе ихъ, предавшись буддизму, питали отвращеніе къ своимъ старинымъ обычаямъ и повѣрьямъ; но народъ, какъ и всюду эта масса, не слѣдующая за моднымъ и не оставляющая стараго, пока не пріобрѣтетъ положительныхъ познаній и пониманія его негодности, не отвыкалъ отъ шаманства до того, что проповѣдники буддизма придумали весьма хитрую штуку: они старались всѣ обрядности и праздники шаманства, эти внѣшнія формы, которыхъ народъ особенно и держится, обратить въ проявленія того же буддизма. Ламы собирали изъ устъ народа шаманскія молитвы и распространяли ихъ въ средѣ его съ измѣненіемъ и прибавкою новыхъ правилъ по буддизму. Вообще дѣйствовали весьма сходно съ современной католической пропагандой въ отношеніи восточной вѣры. Результатомъ такихъ дѣйствій ламъ было составленіе цѣлыхъ книгъ, особыхъ шаманобуддійскихъ, которыя есть и до сихъ поръ.

И такъ, шаманство есть древняя религія Монголовъ. Подъ этимъ именемъ вѣра эта извѣстна всюду въ Европѣ. Въ Азіи же она носитъ два другихъ названія: Въ Китаѣ, по сообщенію о. Іоакинфа, называется „пляскою передъ духами“, а буддисты заклеймили ее „черною вѣрою“, т. е. грубою, не просвѣщенною.

Человѣкъ, какъ сильная духомъ, самобытно, индивидуально живущая единица, какъ, по выраженію многихъ, міръ въ маломъ видѣ, вращается среди внѣшней природы, его отвсюду, со всѣхъ сторонъ обхватывающей. Такимъ образомъ, все развитіе его идетъ подъ вліяніемъ внѣшней природы и самобытнаго, своеобразнаго домостроительства.

Потому источникомъ каждаго развитія, а слѣдовательно и развитія вѣры, являются тѣ же двѣ силы, т. е. внѣшній міръ—природа и внутренній міръ—духъ человѣка.

Великій Гумбольдтъ справедливо говоритъ: „то, что у нѣсколькихъ лицъ съ сильными способностями является зачаткомъ философіи природы, у цѣлой массы бываетъ произведеніемъ инстинктивной воспріимчивости. Въ глубинѣ этого-то тайнаго чувства возникаетъ первое побужденіе къ обожанію, боготворенію“.

Изъ вліяній природы и дѣятельности духа — внѣшняя природа, конечно, болѣе дѣйствуетъ на человѣка, въ періодъ его младенчества, его духовной спячки. И вотъ у Монголовъ высшимъ представителемъ всѣхъ силъ природы является *небо*, этотъ величавый, голубой куполъ. Это—высшее божество черной вѣры, это—верховный источникъ жизни. Жизнь же и проявляется и поддерживается землею — и *земля* является

вторымъ божествомъ шаманства. Но вѣдь и небо, и земля дѣйствуютъ на человѣка своими *частными особенностями* и явленіями: на небѣ жгучее и рѣзко-свѣтящее солнце, — то появляются, то исчезаютъ, съ мерцающимъ свѣтомъ, звѣзды, — на небѣ растетъ и гуляетъ мѣсяцъ, — въ небѣ плаваютъ облака, раздается грохотъ грома, зажигаются и играютъ молніи; на землѣ тамъ течетъ рѣка, то вскрываясь и разливаясь, то замерзая, — тамъ вздымается гора съ мрачно-каркающими птицами, а изъ за нее вырываются рѣзкіе вѣтры. И вотъ человѣкъ, удивленный и испуганный, боготворитъ и всѣ эти явленія видимой природы. Конечно, умнѣйшіе изъ шаманистовъ за голубымъ небомъ, вліяющимъ на воздушныя явленія и производительность земли, чуяли другое, вѣчное небо, управляющее всѣмъ міромъ, дѣлами человѣка, и составляющее источникъ добра, такъ что громъ означалъ уже проявленіе злаго, нечистаго начала. Умный же Чингисъ рѣшился даже религію употребить въ свою пользу, для достиженія личныхъ цѣлей: такъ какъ небо называлось Хормузда, то онъ называлъ себя сыномъ Хормузды и въ соотвѣтствіе девяти добрыхъ геніевъ неба у него было 9 воеводъ и 9 бунчуковъ на знамени. Да и, кромѣ Чингиса, были другіе случаи: такъ какъ небо, обладая всемогущею волею, можетъ дѣлать чудеса, то и удивительно ли, что Таншихай, основатель могущества племени Сяньби, могъ родиться изъ упавшей съ неба градинки.

Но вотъ взглянулъ человѣкъ внутрь себя и увидѣлъ другую силу, это — *духъ человѣка*: явились *тэнгріи*, боги второстепенные, происходящіе отъ верховнаго вѣчнаго неба; это геніи, представляющіе разныя страсти, способности и вообще силы нашей душевнодуховной природы; они вѣчны, какъ вѣчно небо; они — орудія его воли, силы, нужныя для проявленія его цѣлей; какъ управители надъ шаманистами, они являются представителями и ходатаями за нихъ предъ вѣчнымъ небомъ. За тѣмъ идея о безсмертіи души, не покидавшая человѣка во всѣ вѣка, во всѣхъ мѣстахъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія, составила почитаніе душъ умершихъ людей, отличившихся особенно либо добромъ, либо зломъ; отсюда раздѣленіе на добрыхъ и злыхъ духовъ, отсюда же и понятіе о будущемъ, въ той жизни, возмездіи, такъ что добрые живутъ въ свѣтѣ и покоѣ, а злые остаются въ срединѣ и потому блуждаютъ надъ землею. Это почитаніе началось обычаемъ, въ минуты душевныхъ тревогъ о потерянномъ человѣкѣ, садить за столъ фигуру того человѣка и ставить передъ нимъ первыя блюда. Называютъ этихъ боговъ обыкновенно *Онгонами*, но если подъ этимъ словомъ разумѣть только идола, т. е. внѣшнее изображеніе, то есть и другое слово, выражающее ихъ внутренній смыслъ; это — по бурятски — эжинъ. Опредѣленіе —

чьей душѣ быть онгономъ—дѣлаетъ шаманъ, видя передъ тѣмъ, конечно, особое видѣніе и слыша особое повелѣніе. Злые духи шаманистовъ имѣютъ значительное сходство съ ὀбразами, носящимися въ воображеніи суевѣрныхъ русскихъ: смотрите — вонъ безобразные духи являются въ видѣ привидѣній; вонъ души утопленниковъ живутъ въ водахъ, выходятъ на берегъ, принимаютъ видъ человѣка и животныхъ и сманиваютъ неопытныхъ съ собою въ воду, какъ наши русалки и водяные; вонъ душа погибшаго въ лѣсу принимаетъ форму человѣка, зажигаетъ ложные огни, встрѣчается съ путникомъ, откликается ему, заводитъ разговоръ и уводитъ его за собою въ трущобу, какъ наши лѣшіе; вонъ злой духъ летаетъ въ воздухѣ, пугаетъ людей, внушаетъ имъ страсти и разноситъ болѣзни; вонъ духи злые разносятъ предвѣстія несчастій и бѣдъ, являясь въ формѣ птицъ, какъ для русскихъ сорока. Потому въ числѣ леканòвъ, т. е. деревянныхъ божковъ, встрѣчаемъ и у Тунгузовъ орла, ворона, коршуна, сову, гагару, змѣю и даже нѣкоторыхъ изъ рыбъ. Главою всего зла считается у Тунгузовъ *дьяволъ*, извѣстный подъ именемъ *шайтана*. Не отъ слова ли это шетанъ (обманщикъ), какъ названъ богъ зла въ книгѣ Зендавесты.

Говоря выше о боготвореніи видимыхъ явленій природы, я забылъ упомянуть объ *огнѣ*. Шаманисты воздаютъ почитаніе и огню, считая его произведеніемъ раздѣленія земли отъ неба, чѣмъ и далось начало всему сущему, такъ что небо (начало мужеское) стало давать всему жизнь, а земля (какъ начало женское) предметную, видимую форму. Небо — батюшка, земля — матушка, не есть ли, если не убѣжденіе, то, по крайней мѣрѣ, любимая фраза нашего простонародія?! Боготвореніе огня выступило изъ Персіи: тамъ онъ считался источникомъ жизни, онъ, говоря словами Банзарова, оживлялъ всѣ твари, онъ — душа человѣка, источникъ его и энергіи и душевныхъ способностей. Но шаманисты, у которыхъ было уже небо, очевидно не могли имѣть объ огнѣ такого высокаго понятія. Но онѣ для нихъ, какъ мы видимъ теперь у Туруханскихъ инородцевъ, важны и до сихъ поръ. Огонь есть святилище, безъ котораго не мыслимо жилище. На огонь нельзя замахиваться острымъ орудіемъ, нельзя втыкать въ огонь ножъ, даже нельзя вынимать мяса изъ котла, пока не потухнетъ подъ нимъ огонь. За неуваженіе къ огню слѣдуютъ, конечно, наказанія: такъ и болѣзни многія, и пожаръ считаютъ плодомъ разгнѣваннаго бога огня. Потому очищаютъ огнемъ вещи, пронося между двухъ огней; между нихъ проводятъ для очищенія и животныхъ; огнемъ очищаютъ чумъ послѣ покойника; огнемъ очищается послѣ родовъ женщина: черезъ него проводили преж-

де иноземныхъ пословъ, являвшихся, конечно, съ погаными, хитрыми, нечистыми мыслями; огню приносятся жертвы изъ пищи.

Божества создались. И сынамъ неба, какъ и всѣмъ народамъ, понадобились люди какъ бы въ посредники, учителя для вновь прибывающихъ членовъ религіи. Плодомъ этого требованія выступили шаманы. Первое появленіе ихъ теряется въ сѣдой древности, а печатно они извѣстны стали съ VI вѣка по Р. Х.

Не можетъ быть народа, среди котораго не появились бы натуры съ болѣе полнымъ развитіемъ душевнодуховныхъ силъ, натуры съ наклонностью къ работѣ мыслію, и проникновенію причинъ вещей, къ мистичности, къ чудесному, — натуры съ сильнымъ воображеніемъ, съ наблюдательностью и за тѣмъ съ пониманіемъ смысла нѣкоторыхъ силъ и явленій природы. Изъ такихъ-то сильныхъ личностей, при особой нервности въ физической природѣ, выступаютъ настоящіе шаманы. Потому между Остяками, этими вялыми, маловоспріимчивыми натурами, шаманство было развито слабѣе, чѣмъ у другихъ инородцевъ, хоть шарлатановъ, самозванцевъ-шамановъ было довольно и у нихъ. Вялые по натурѣ, полные невѣжды, безъ способности къ наблюдательности, а слѣдовательно и безъ всякихъ знаній смысла видимыхъ явленій, шаманы Остяковъ могутъ болѣе шарлатанить, чѣмъ шаманить и имѣть власть надъ своими собратами, хотя сами, можетъ быть, получаютъ и убѣжденіе въ своихъ силахъ, какъ бываетъ со всѣми лгунами, въ воображеніи которыхъ ложь начинаетъ перерождаться въ дѣйствительность, въ убѣжденіе.

Къ настоящему же шаманству человѣкъ имѣетъ невольное, какъ бы врожденное, влеченіе. Не допустивъ этого, чѣмъ же объяснимъ мы отсутствіе въ этихъ племенахъ лицъ, которыя бы выступали изъ обыкновеннаго уровня? Вотъ такія-то личности, въ слѣдствіе ихъ обстановки, и могутъ проявляться только въ шаманствѣ; когда же войдетъ и къ нимъ свѣтъ наукъ и искусствъ, они же будутъ проявляться иначе. Припомните пьесу Пушкина „Галубъ“ и пьесу Лермонтова „Мцыри“. Какія неудовлетворенныя, но вышедшія изъ общаго уровня, натуры представлены тамъ и какъ мучатся, какъ томятся онѣ? И будущій шаманъ съ дѣтства отличается отъ другихъ: онъ къ чему-то рвется, чего-то ищетъ, о чемъ-то тоскуетъ. Неудовлетворенный въ той жалкой, душной, сдавленной средѣ, онъ чуждается родства и наполняетъ родительскій домъ стенаньями. Хорошо еще, что невѣжды-собраты не гонятъ его, а начинаютъ относиться къ нему съ почтеніемъ, балуютъ и лелѣютъ его, какъ свою надежду: при такихъ условіяхъ складывается характеръ болѣе сильный, смѣлый, настойчивый, разъигрывается на про-

сторѣ сила воли человѣка, только направленная (за неимѣніемъ и закрытіемъ другихъ сферъ) къ мистичности, религіозности, — онъ поступаетъ въ ученики шамана и начинаетъ изучать таинственность его дѣйствій, заклинаній, молитвъ и манипуляцій.

Религія въ жизни каждаго народа, особенно въ его младенчествѣ, стоитъ на первомъ планѣ; потому мы и взглянемъ на шамана прежде всего, какъ на жреца. Какъ жрецъ, онъ знаетъ волю боговъ, совершаетъ жертвоприношенія, знаетъ обряды и молитвы каждому изъ божествъ и идоловъ. Жертвоприношенія ихъ раздѣляются на постоянныя и случайныя. Первыя бываютъ по случаю общихъ главныхъ праздниковъ, которыхъ три: первый (весенній), когда земля одѣвается зеленью и стада дѣлаютъ свой приплодъ; второй — лѣтній, и третій — осенній, какъ благодарственный за все добро отъ лѣта и за приплодъ оленей; съ него начинается новый годъ, случайныя жертвоприношенія бываютъ при каждомъ началѣ предпріятія, при болѣзняхъ, набѣгѣ волковъ, грозахъ и т. п.

Каковъ бы ни былъ человѣкъ, но если онъ не въ умопомѣшательствѣ, жизнь ему дороже всего. Потому шаманы поддерживаютъ и значеніе и существованіе свое, даже у инородцевъ, числящихся христіанами, много и искусствомъ своего врачеванія, — слѣдовательно какъ лекаря. Призываемый къ больному, онъ долго не соглашается. Наконецъ, является. Нѣсколько дней не ѣстъ, не пьетъ, не говоритъ, сидитъ молча, получаетъ болѣе и болѣе таинственно-мрачный колоритъ и ждетъ, пока снидетъ на него вдохновеніе. Чуя въ себѣ приливъ чародѣйственныхъ силъ, шаманъ съ вечера кладетъ себѣ въ голову отказъ (1) и ножъ; онъ видитъ, будто во снѣ, и то и то; на основаніи видѣннаго приказываетъ заготовить изъ гнилья или коры разныхъ боговъ чекановъ и въ углубленія на мѣстахъ глазъ вставляетъ имъ корольки синяго, либо желтаго цвѣта. Если же вдохновеніе на него не сходитъ долго, то Тунгузы начинаютъ помогать ему, пѣть, кричать, бить въ ладоши и скакать, совершенно въ родѣ нашихъ жалкихъ скопцовъ. Почувствовавъ экстазъ, шаманъ ударяетъ въ бубенъ и встаетъ. Потомъ приказываетъ разгрести снѣгъ, загородить отъ вѣтра вѣтвями и подготовить мѣсто для раскладыванія огня. Вокругъ этого мѣста онъ кладетъ разную рыбу, сдѣланную изъ дерева, а противу больнаго вѣшаетъ фигуру въ родѣ голубя. Съ тѣмъ вмѣстѣ, приказываетъ убить оленя, либо двухъ для жертвы. Прежде жертвоприношенія самъ шаманъ будто произноситъ присягу: онъ увѣряетъ въ искренней чистотѣ своихъ обращеній и кля-

(1) Въ родѣ рогатины.

нется въ самыхъ потрясающихъ выраженіяхъ. Стрѣла и лукъ служатъ основаніемъ клятвъ. Слушайте: шаманъ говоритъ, — если я виноватъ передъ тобою, то пусть душа вылетаетъ изъ тѣла моего такъ, какъ эта стрѣла отъ тетивы лука (и слова свои онъ скрѣпляетъ троекратнымъ поцѣлуемъ стрѣлы), а если я не праведенъ, то пусть не всходитъ болѣе мое сѣмя. Послѣ клятвъ начинаетъ подготовку къ жертвоприношенію: приведеннаго оленя ставятъ головой на западъ; шаманъ становится сзади и тоже головою на западъ; онъ начинаетъ сперва упрашивать о продленіи жизни больнаго, умноженіи семьи, избавленіи отъ болѣзней и заканчиваетъ воззваніемъ: „пусть просьбы мои быстрѣе „быстрой воды, скорѣе скорой стрѣлы! воззри же правымъ твоимъ „окомъ, да обоняютъ твои ноздри мою назначенную жертву! прими!“ И съ этимъ словомъ производитъ закланіе при пылающимъ кострѣ. Потомъ возвращается въ чумъ, беретъ бубенъ, садится и воспѣваетъ. Первый гимнъ относится къ огню: „ты, быстро-распространяемый, въ „красномъ одѣяньи въ синее небо поднимаешься, а оттуда, отрываясь, „на землю опускаешься; въ бѣломъ пламени игрище твое; ты хозяинъ „этому очагу! Когда я буду ȯрбой (¹) ударять, ты приди ко мнѣ и „содѣйствуй“. (Дается видъ, будто въ самомъ дѣлѣ кто приходитъ). Второй гимнъ съ воззваніями къ бывшимъ шаманамъ. Потомъ: „придите „вы на плечо мое свѣжія тучи! придите крѣпкія силы, какъ куча ла„сточекъ на плечо мое! Могучій беркутъ задѣнь правое плечо мое „чорнымъ крыломъ своимъ!“ При воззваніяхъ къ мѣсяцу, между прочимъ, говорится: „ты имѣешь 12 ступеней; на 13-мъ небѣ твое игри„ще; ты слѣдомъ за солнцемъ ходишь“. Призвавъ всѣхъ на помощь, онъ ввѣряетъ себя ихъ вниманію и проситъ, чтобы, когда онъ предстанетъ предъ верховное существо, предстательствовали они за него.

Послѣ этихъ воззваній шаманъ требуетъ сосудъ и складываетъ въ него дары. Вотъ онъ кланяется во всѣ углы, огню и проч. и взываетъ, чтобъ подхватывали и несли они дары къ верховному существу. И дары будто дѣйствительно схватываются и шаманъ, выбѣжавъ изъ чума, кричитъ напутственно „несите!“ За тѣмъ чудится ему, что и онъ несется туда же, вотъ прилетѣлъ, вотъ ломаетъ крѣпость, окружающую недоступное божество; такихъ стѣнъ одна за другою 12; за послѣднею представляется ему адъ, мѣсто страданій людскихъ за гробомъ. За тѣмъ его не пускаютъ уже: туда не входятъ съ ногами, не взлетаютъ съ крыльями! Но шаманъ дѣлаетъ возліянія, исчисляетъ заслуги своихъ предковъ—и дорога открыта съ тремя узкими проходами, гдѣ по жер-

(1) Магическая палочка въ рукахъ шамана.

дочкамъ проводятъ въ мытарство: тутъ шаманъ и сзываетъ разныя силы на помощь, и кривляется, давая видъ, что спотыкается, прыгаетъ и проч., и охаетъ за мучащихся. Наконецъ, онъ близъ Хана, на него лаютъ псы защитники,—и шаманъ передразниваетъ ихъ. Достигнувъ такимъ образомъ Бога-хана, какъ цѣли, шаманъ обнимается съ бубномъ, называетъ его своею женою и уговариваетъ пожить съ собою. Потомъ обращается съ вопросами о томъ—кто виновникъ болѣзни: да слышитъ правое ухо; да чувствуетъ правая подошва! Бездверная черная изба отворяй двери и входи! Не дадутъ ли языку моему свободу, зачѣмъ пришелъ—получили? Потомъ обращается къ своимъ силамъ, имѣющимъ глаза, какъ зарницы, попытать узнать не отъ нечистыхъ ли животныхъ, имѣющихъ въ кишкахъ ржавчину, приключилась болѣзнь? А у больнаго, дескать, изъ очей текутъ слезы; глаза болятъ безъ печали; губы и ноздри высохли, сердце сокрушилось!

Если шаманство производится надъ только что пойманнымъ живымъ тайменемъ, то мясо рыбы съѣдаютъ, а на деревѣ вырѣзываетъ шаманъ подобіе оной. Если съ оленемъ, то мясо съѣдается; ухо, либо голову, вѣшаетъ онъ около больнаго; а кишки, либо бѣлку вѣшаетъ на дерево въ жертву. Шкура съ оленя растягивается около больнаго. Если болятъ ноги, то шкура съ ногъ оленя снимается такъ, чтобы можно было надѣть на ноги человѣка. Свѣжею кровью обмазываются болящія части и за тѣмъ эту кровь шаманъ слизываетъ. По больной ногѣ поколачиваетъ шаманъ тою палкой, обтянутой желѣзнымъ листомъ, которою бьетъ въ бубенъ. Когда болятъ не ноги, а другія части, то на болящемъ мѣстѣ дѣлаетъ крестъ кровью и кровь за тѣмъ слизываетъ. Кости ногъ оленя разбиваетъ, вынимаетъ костный мозгъ и имъ смазываетъ больныя части, а остатки съѣдаются пособниками-подпѣвальщиками. Особенно много способовъ леченія у Юраковъ. У нихъ шаманы лечатъ дуновеніемъ. А если не удалось, то кладутъ больнаго на оленью постель лицемъ вверхъ и шаманъ, распростертыми пальцами обѣихъ рукъ, начинаетъ водить прямолинейно съ ногъ до головы, наблюдая, чтобъ поверхности кожи касаться только кончиками пальцевъ. Но обо всѣхъ способахъ леченія будетъ подробнѣе въ главѣ объ Юракахъ, у которыхъ и болѣе наклонности лечиться, и разнообразнѣе средства.

Взглянемъ теперь на шамана, какъ на кудесника.

Путешественникъ Врангель сказалъ: „истинный шаманъ есть, безъ сомнѣнія, замѣчательное психологическое явленіе“. Но въ наше интересное время сильнаго хода впередъ изученія естественно-медицинскихъ наукъ нельзя все сваливать въ туманную область психологіи: много уже

явленій взято изъ этой области и получило, болѣе или менѣе отчетливо, объясненіе физіологическое и патологическое. Бывало всѣ роды ненормальнаго проявленія сферы душевнодуховной считались явленіями психическими, тогда какъ теперь имъ найдено объясненіе въ какомъ нибудь болѣзненномъ состояніи матеріальной природы человѣка. Такъ и шамана мы назовемъ замѣчательнымъ явленіемъ, но не психическимъ, а физіологическимъ и патологическимъ. Конечно, мы имѣемъ здѣсь въ виду шамановъ истинныхъ, настоящихъ, а не тѣхъ шарлатановъ, которые и между дикарями, подобно модному просвѣщенному люду, пускаютъ только пыль въ глаза, поддѣлываясь подъ ладъ истинныхъ явленій.

А нѣтъ ничего сподручнѣе обманывать толпу, шарлатаня въ шаманствѣ, потому что оно подходитъ вполнѣ подъ тотъ рядъ явленій странныхъ и чудесныхъ, къ которому принадлежатъ всѣ чудеса натуральной магіи, прорицанія пиѳій, животный магнетизмъ, вѣщіе сны, кликушество, имярячество, икотство и порча вообще, со всѣми проявленіями колдовства: вѣдь во всѣхъ этихъ случаяхъ суевѣріе толпы не можетъ обойтись безъ сверхъ естественныхъ силъ и особенно злаго духа, дьявола. Чѣмъ больше страхъ, тѣмъ больше вѣра: суевѣрный дрожитъ отъ страха и ничто не выбьетъ изъ его воображенія темнаго лика демона, скрывающагося за всѣми, названными нами сейчасъ, явленіями. И эта сила вѣры, это разстройство умопредставленій, это разстройство и раздраженіе нервовъ, это измѣненіе, наконецъ, за тѣмъ и всѣхъ физіологическихъ отправленій разныхъ органовъ нашего тѣла, — вели на западѣ Европы народъ тысячами на инквизиціонные костры. И что же? костеръ пылаетъ, а въ толпѣ-то, смотрите, разстроиваются, при этомъ страшномъ зрѣлищѣ, нервы и отправленія органовъ въ сотняхъ зрителей и между ними готовятся, созрѣваютъ новыя жертвы для отуманенныхъ фанатизмомъ головъ папъ и пламени, не насыщаемаго ничѣмъ и никогда.

Честь и великая заслуга медицины въ томъ, что она съ своими наблюденіями вмѣшалась въ это дѣло, и перевела въ болѣзнь многое изъ того, что̀ считалось умышленнымъ преступленіемъ. Она погасила ужасное пламя костровъ, она выгнала много демоновъ изъ страдальцевъ; но, къ сожалѣнію, она не имѣетъ еще достаточно данныхъ, силы и средствъ, чтобы и предотвратить появленіе такихъ страдальцевъ, которые до сихъ поръ, по больницамъ и съумасшедшимъ домамъ, увѣряютъ, что въ нихъ дьяволъ, что они подписали съ нимъ договоръ своею кровью въ продажѣ души, что онъ надѣляетъ ихъ открытіями тайнъ преисподней, что онъ переноситъ ихъ по воздуху въ адъ и проч., и проч.

Физіологія показала, что съ человѣкомъ бываютъ преинтересныя явленія галлюцинацій и иллюзій. Первыя правильно представляютъ намъ несуществующіе предметы; вторыя налагаютъ извращенную форму на тѣ предметы, которые дѣйствительно есть. И не одно только зрѣніе можетъ быть проводникомъ галлюцинацій, а всѣ 5 чувствъ нашихъ: я зналъ въ своей практикѣ одну очень умную даму, только весьма воспріимчивую и нервную, которая предъ истерическимъ пароксизмомъ часто получала рѣзкое чувство отъ перца, порошкомъ котораго будто посыпана вся слизистая оболочка языка и зѣва.

Физіологія и патологія показали, что нервная система, раздѣляясь на 3 части: мозгъ головной (страданія котораго даютъ начало разнаго рода помѣшательствамъ, бредамъ, галлюцинаціямъ): мозгъ продолговатый и спинной (отъ страданій котораго зависятъ какъ съ одной стороны параличи, такъ съ другой всѣ сильно двигательныя, конвульсивныя болѣзни) и мозгъ узловатый, ганглiозный, управляющій по преимуществу всею плото-производительною жизнію и дающій начало разнымъ мѣстнымъ спазмамъ и проч., такъ, говорю, нервная система можетъ приходить въ неправильное отправленіе отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и не только физическихъ и химическихъ, но и нравственныхъ. А разъ, два, три повторившееся явленіе того и гляди сдѣлается обычнымъ, привычнымъ. И вотъ смотрите:

Тамъ вы видите, что мозгъ усталъ работать, нужно вдохнуть побольше воздуха и дать толчекъ кровообращенію, и человѣкъ зѣвнулъ: зѣвота свершается подъ управленіемъ извѣстныхъ нервовъ; повторилась она нѣсколько разъ и, какъ явленіе нервное, передается нервамъ собесѣдниковъ зѣваки и пошла круговая. Вонъ заикается мальчикъ; шалунъ товарищъ усиливается передразнивать его, пріучаетъ нервы, управляющіе извѣстными мышцами органовъ говора, дѣйствовать неправильно и противъ воли усвоиваетъ себѣ икоту. Вотъ гувернантка, вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ ея жизни, потрясавшихъ и такъ и сякъ нервную систему, истощившихъ и раздражившихъ блуждающій и симпатическій нервы, часто стала подвергаться истерикамъ; а нервная по сложенію, изнѣженная и слабая по воспитанію, дѣвушка, ея питомица, ежедневно присутствуетъ при этомъ и конечно болѣе или менѣе сострадаетъ, дѣлается кандидаткой и первый толчекъ, особенно на сердце, дѣлаетъ и ее навсегда истеричною. Смотрите далѣе: въ 1848 году въ Парижѣ въ одной изъ мастерскихъ, вѣроятно, отъ духоты, утомленія, простуды и при нервности натуры, да какомъ нибудь толчкѣ, одна изъ 400 работницъ заболѣла судорогами и потерею сознанія; черезъ 2 часа было уже такихъ больныхъ 30, а на другой день еще

45; начальство удалило всѣхъ заболѣвшихъ, очистило воздухъ и проч., и ни одна не захварывала болѣе: вотъ какова сила нервнаго подражанія, нервной передаточности, когда есть, конечно, въ самыхъ натурахъ окружающихъ лицъ, и особенно женщинъ, наклонность къ такой воспріимчивости. Смотрите далѣе, къ какой удивительной періодичности способны такія нервныя страданія и какъ на ихъ появленія дѣйствуетъ какой нибудь или предметъ, или день, вызывающій воспоминаніе, чувство трепетнаго ожиданія, чувство суевѣрнаго страха и т. под.; въ 1857 году описано, что въ Бретани, въ одной деревнѣ, около Троицына дня и 15-го августа всѣ дѣвицы подвергаются болѣзненнымъ разнообразнымъ конвульсіямъ съ воплями и истеченіемъ пѣны изо рта, и судороги эти проходятъ послѣ того, какъ онѣ сходятъ и приложатся къ образу Ронсіерской Богоматери; дѣло въ томъ, что эти дѣвицы переняли припадки отъ одной больной, которую, для смѣха, передразнивали; изъ умышленно производимыхъ припадки сдѣлались и невольными; а теперь повторяются въ извѣстные именно дни отъ страха, съ которымъ онѣ томительно поджидаютъ эти дни; лечатся же образомъ Богоматери вслѣдствіе силы вѣры, силы убѣжденія, совершенно успокоивающей раздраженные нервы. Не то ли же и съ нашими кликушами, между которыми есть, конечно, и притворщицы, но есть много и дѣйствительныхъ страдалицъ, которыхъ болѣзнь совпадаетъ съ нервностью натуръ, съ тяжкими условіями жизни,—условіями, потрясавшими жизненную, нервно-воспріимчивую натуру? не совпадаетъ ли эта, чисто истерическая, болѣзнь съ суевѣрнымъ убѣжденіемъ, что въ нее вселился дьяволъ, что дьяволъ боится образовъ, церкви и особенно херувимской пѣсни, что въ это самое время дьяволъ особенно потрясаетъ и коверкаетъ обхваченнаго имъ человѣка? И вотъ тревожно подходитъ больная къ церкви, боязливо, трепеща за появленіе ужаснаго припадка, начинаетъ молиться, тревога болѣе и болѣе усиливается, переходитъ въ страхъ и содраганіе, что̀ и кончается переломнымъ припадкомъ при началѣ таинственной и страшной, для суевѣрно настроеннаго ума и воображенія, херувимской пѣсни. Такъ что болѣзнь эта должна уже назваться *истерической демономаніей*. Читатель спроситъ: да отъ чего же при болѣзни, если это нервная болѣзнь, кричитъ человѣкъ неестественными голосами и голосами довольно опредѣлительно принадлежащими разнымъ звѣрямъ и птицамъ? Въ московскомъ потребникѣ 1630 г. такъ объяснялось это явленіе: „и есть же ина̀ злая волхвованія, яже и велицей Россіи, ово убо звѣрски рыкати творятъ, яко же медвѣдь и волкъ і инъ скотски всяко и птически гласы и песьими мучитися“. Но нынѣ пора уже не приписывать волхвованію того, что ясно по наукамъ по-

ложительнымъ. Приступъ такой болѣзни начинается приливомъ крови къ головѣ и сердцу, вслѣдствіе занятія первой тревожною мыслію, а послѣдняго отъ раздраженія нервовъ чувствомъ страха; за тѣмъ головокруженіе, тяжесть головы, безсонница, звонъ въ ушахъ, сердцебіеніе и чувство стѣсненія груди; иногда бываютъ раздутія живота вѣтрами, бурчаніе въ немъ, трепетаніе подъ ложечкой (pulsatio epigastrica) и чувство подкатыванія подъ нее. Послѣдніе припадки удостовѣряютъ уже больную о поселившемся въ ней дьяволѣ. Наконецъ, спазмотическая дѣятельность раздраженныхъ нервовъ усиливается до того, что животъ сильно то поднимается, то опускается, сдавливается грудь и измѣняются отправленія, а за тѣмъ преемственно пошли работать и мышицы, управляющія произведеніемъ голоса: и вотъ полились одинъ за другимъ такіе звуки, которые человѣкъ, въ нормальномъ состояніи, можетъ производить только умышленно и усиленно, а толпа думаетъ, что это потѣшается дьяволъ; потомъ судороги усиливаются и обхватываютъ все тѣло; иногда онѣ прекращаются (клоническія) и больная вытягивается и какъ бы деревенѣетъ (столбнякъ); иногда же сила судорожности временно пріостанавливается и даетъ время проявляться бреду и экстазу, какъ результатамъ ненормальной дѣятельности головнаго мозга: и въ глазахъ толпы больная пророчествуетъ, тогда какъ всѣ звуки есть только результатъ дѣятельности мышицъ подъ вліяніемъ раздраженныхъ нервовъ; это—судорожное сокращеніе и растягиваніе мышицъ; и если оба эти момента идутъ въ поперемѣнной послѣдовательности, то судороги имѣютъ обыкновенную клоническую форму; при чрезвычайной краткости переходнаго момента и возможномъ убыстреніи одной судороги за другою глазъ видитъ только трясеніе, а если, на оборотъ, онѣ очень продолжительны и одна за другою слѣдуютъ черезъ большой промежутокъ, то судороги называются тоническими, а бываютъ даже и сведенія членовъ и столбнякъ.

Чтобы читатели яснѣе видѣли, „какъ создаются такія странныя болѣзни", приведу случаи изъ моей практики. Въ числѣ домовъ, которыми завѣдывалъ я въ городѣ Е., были и почтенные еврейскіе дома; въ одномъ изъ такихъ въ хозяевахъ, т. е. и мужѣ и женѣ, я видѣлъ довольно ясный взглядъ на вещи и недовѣріе ко многимъ изъ суевѣрій. Разъ пріѣзжаю я; хозяева очень озабоченно расказываютъ мнѣ, что съ одной золотопромышленной резиденціи внѣ города привезли къ нимъ больную родственницу; но болѣзнь ея до такой степени странна, что имъ подобнаго никогда не случалось видѣть и вѣроятно, дескать, приняла она такую форму отъ лекарствъ сельскихъ знатоковъ. Сама же больная убѣждена, что ее испортили недобрые люди и что

внутри ея поселилась лягушка, которая тамъ и прыгаетъ и издаетъ странные звуки; мы было засмѣялись сперва такому разсказу, но, къ удивленію нашему, дѣйствительно ощущаемъ движеніе и слышимъ какіе-то звуки. Я просилъ позволенія видѣть больную и хозяева вошли со мною безъ предварительнаго извѣщенія больной, потому что она не вѣритъ, что такая болѣзнь можетъ подлежать пособію медика. Первѣе всего я показалъ видъ живѣйшаго сочувствія ея страданіямъ, заставилъ больную видѣть во мнѣ не медика, а только человѣка, исполненнаго участія. Этимъ вызвалъ я больную на подробный довѣрчивый разсказъ, о заболѣваніи, въ послѣдовательности. Изъ всего разсказа, переплетеннаго картинами болѣзненно раздраженнаго воображенія, я могъ положительно заключить, что больная, полгода назадъ, страдала сильными припадками общаго блуждающаго ревматизма. А въ настоящую минуту женщина эта, изъ красивой и довольно полной, превратилась въ кожу и кости, истощена до нельзя, едва двигается, смотритъ болѣзненно и робко, ничего почти не ѣстъ, не пьетъ, потому что лягушка не принимаетъ, да ее и въ самомъ дѣлѣ тошнитъ. Больная пожелала, чтобъ я, изъ любопытства, ощупалъ интересные прыжки лягушки. Я сперва съ участіемъ исполнилъ ея предложеніе и потомъ вдругъ захохоталъ. Этотъ умышленный и рѣзкій хохотъ поразилъ окружающихъ, чего мнѣ и нужно было. Да какъ же вамъ не стыдно, началъ я, говорить такія нелѣпости: откуда и какъ можетъ попасть къ вамъ лягушка,—ея нѣтъ и признаковъ! Затѣмъ начались споры, горячіе споры, больная на словахъ не вѣрила мнѣ, но глаза блестѣли яснѣе, въ нихъ свѣтилась полунадежда. Я рѣшился подкрѣпить свои увѣренія фактами. Такъ какъ болѣзнь внутренностей относилъ я къ процессу холодно лихорадочному, ревматическому, то и назначилъ соотвѣтственное леченіе, о которомъ скажу ниже. Теперь же ощупывалъ я: во-1-хъ твердости отъ засореній; во-2-хъ, развитіе газовъ; въ-3-хъ, спазмодическое попеременное сокращеніе кишекъ, при чемъ гонялись съ мѣста на мѣсто газы и, натыкаясь на жидкости, производили образованіе пузырей и разнотонные звуки бурчанія; въ-4-хъ, быстрое судорожное сокращеніе въ мышицахъ передней стѣнки живота, отъ чего подъ рукою былъ родъ трепетанія; въ-5-хъ, сильную и учащенную пульсацію брюшной аорты, что̀ и считалось больною за движеніе лягушки болѣе всего; въ-6-хъ, клоническія судороги, перебираясь по кишкамъ вверхъ, достигали желудка, грудобрюшной преграды и пищепріемника, переходили въ тоническія и оставляли тяжелое ощущеніе будто что̀ либо легло подъ сердце. Чтобъ доказать всю нелѣпость заблужденія больной, я обѣщалъ ей управлять лягушкою по произволу, а именно садить ее

то болѣе къ правому, то къ лѣвому боку, заставлять прыгать подъ ритмъ ударовъ пульса въ рукѣ и т. под.: для того наклонялъ больную болѣе на который либо бокъ, чтобъ образовать менѣе тонкую стѣнку для ощупыванія аорты и, раздвигая кишки, наводилъ пальцы, потомъ клалъ одну руку хозяйки на аорту, другую жъ на пульсъ въ рукѣ, а хозяина заставлялъ прилечь ухомъ на грудь и диктовать въ слухъ удары сердца. Всѣ эти штуки поставили ихъ въ тупикъ и увѣрили, даже отчасти больную, въ зависимости припадковъ отъ болѣзни и въ возможности леченія. Больная скоро поправилась: я поставилъ ей двѣ мушки: небольшую на животъ и поболѣе надъ поясницей; внутрь сперва далъ разрушающія пилюли съ прибавленіемъ каломеля, а потомъ хлоровую воду съ лавровишневой пополамъ въ алтейномъ декоктѣ. Вотъ и судите теперь о порчахъ и лягушкахъ. Или вотъ еще случай: одинъ почтенный господинъ, полный блондинъ, съ блѣднобѣлесоватой и тонкой кожей, нѣсколько ожирѣлый геморроидалистъ, нервнаго темперамента, съ наклонностью къ мечтательности и мистицизму, былъ прежде подверженъ, хотя и рѣдко, запою, подъ конецъ котораго онъ скакалъ, плясалъ, кривлялся, вертѣлся до того быстро и разнообразно, что въ четверть часа онъ могъ бы избиться до смерти, почему его держали сутки двои человѣкъ до 10; говорилъ онъ и полную безсвязицу и съ не существующими лицами до такой степени быстро, что въ здоровомъ состояніи человѣкъ и 10 минутъ не въ состояніи бы былъ продергать языкомъ, а у него длилось это отъ сутокъ до 2-хъ; за невозможностью изгибаться всѣмъ составомъ тѣла и конечностями, онъ работалъ только пальцами рукъ и такъ быстро, что они только мелькали передъ глазами; замѣчательно, что, попавъ въ мои паціенты, онъ болѣе не имѣлъ ни запоя, являющагося нерѣдко отъ необходимости дать циркуляцію позастоявшейся гдѣ нибудь крови, ни этихъ нервныхъ припадковъ, потому что при малѣйшемъ ощущеніи въ груди, либо въ головѣ, либо въ животѣ, которое бы ему показалось страннымъ и вызывало чувство тоскливости и недовольства, онъ обращался уже къ моимъ совѣтамъ, я діогносцировалъ и иногда назначенія отвлекающихъ на поясницу, да совершеннаго запрета употреблять недѣли 2 чай, бывало достаточно для облегченія и предотвращенія отъ будущаго.

Послѣ всего сказаннаго удивительно ли, что нѣкоторые изъ шамановъ приходятъ въ самомъ дѣлѣ въ особый родъ конвульсивныхъ страданій, оттѣненныхъ еще настроеніемъ умственнымъ, въ родѣ демономаніи. Такимъ образомъ, шаманство истинное есть болѣзнь; шаманство при-

творное — есть шарлатанство; а убѣжденіе толпы о побратайствѣ шамана съ дьяволомъ есть жалкое и нелѣпое заблужденіе.

Прибавленіе къ конвульсивной болѣзни шамана демономаніи совершенно совпадаетъ съ тѣми заклинаніями и воззваніями къ духамъ, о которыхъ привели мы выше: это есть убѣжденіе и не одной только толпы, а самаго шамана; онъ видитъ обманъ зрѣнія, слышитъ обманъ слуха, имѣетъ дѣло съ галлюцинаціями, но съ убѣжденіемъ въ дѣйствительности раскланивается съ несуществующимъ и разговариваетъ съ нимъ Спросите послѣ шамана — онъ будетъ увѣрять, да онъ и убѣжденъ, что имѣлъ дѣло съ разными духами.

Но власть шамановъ надъ толпой основывается и на шарлатанствѣ, на искусствѣ фокусовъ. Иногда фокусы не хуже европейскихъ. Такъ, напримѣръ, русскій мореплаватель говоритъ, что видѣлъ на Чукотскомъ носу шамана, который, „сбросилъ съ себя кохлянку, обнажился до „пояса, взялъ гладкій камень, пошепталъ надъ нимъ, далъ мнѣ его въ „руку, потомъ взялъ у меня, положилъ между своихъ ладоней, повелъ „одною вверхъ другой — и камень исчезъ; потомъ онъ показалъ желвакъ подъ локтемъ, будто тутъ остановился камень; потомъ перевелъ „желвакъ въ бокъ, вырѣзалъ оттуда камень и объявилъ, что все будетъ „благополучно“. Тогда удивленный мореплаватель подарилъ этому шаману ножикъ, и шаманъ продолжилъ свой фокусъ: онъ сталъ рѣзать свой языкъ и видно было, какъ ротъ наполнялся будто кровью; отрѣзанный языкъ показалъ присутствующимъ въ рукѣ, но далѣе фокусъ не пошелъ. Но не для всѣхъ же фокусовъ нужна подготовка въ родѣ, напр., обтянутія живота упругою берестою для того, чтобъ позволить другому бить по топору, приставленному на животъ. А есть фокусы, дѣлающіеся уже потому, что человѣкъ пришелъ въ то болѣзненное состояніе и разгоряченія всего тѣла, и раздраженіе нервовъ, и усиленія мышечной сократительности, при которомъ дѣлается естественнымъ то, что въ здоровомъ состояніи невозможно. Выше, говоря о своемъ паціентѣ, я сказалъ, что 10 человѣкъ должны были, перемѣняясь, держать его двои сутокъ: судите, какова же должна быть сила мышечной сократительности, чтобы въ теченіи двухъ сутокъ выдерживать противодѣйствіе 10 человѣкъ перемѣняющихся?! Послѣ того удивительно ли, что истинный шаманъ, мрачный и таинственно задумчивый, начинаетъ, подъ крики и скачки другихъ окружающихъ, мало по малу раздражаться: онъ встаетъ, бьетъ въ бубенъ, начинаетъ прыгать, кривлять глазами, ртомъ, руками, кружиться, разнообразно изгибаться, его животъ, грудь и шея болѣе и болѣе двигаются, поднимаются и опускаются, — вотъ моментъ испусканія дикихъ звуковъ, въ родѣ звѣрей и птицъ, изображеніями которыхъ обвѣшана

его одежда, — вотъ время того конвульсивнаго напряженія, при которомъ онъ можетъ взваливать себѣ на плечо и носить жертвеннаго оленя, разгрызать зубами камень, — вотъ время того разгоряченія тѣла, напряженія нервовъ и выдѣленія обильной испарины, противодѣйствующей вліянію жары, при чемъ онъ можетъ хватать горячіе угли, опускать въ кипятокъ руки и т. п. А что подобное явленіе, какъ бы противу обыкновенной физико-химической природы, возможно—доказано наблюденіями всѣхъ врачей, что, напримѣръ, съумасшедшій можетъ принимать гранъ по 6 рвотнаго камня за разъ безъ признаковъ дѣйствія, тогда какъ для того же человѣка въ нормальномъ состояніи довольно и $^1/_4$ грана.

Вообще, кромѣ шарлатанизма, находящаго въ шаманствѣ широкое поле среди темныхъ, ничего не знающихъ людей глубокаго сѣвера, являются дѣйствительно люди, отличающіеся отъ природы и съ малолѣтства: сухощавое сложеніе, бѣлесоватоблѣдное лицо, нервный темпераментъ, глаза выразительные, полные внутренней жизни, лицо съ выраженіемъ озабоченнымъ, сосредоточеннымъ на чемъ-то, какъ бы недовольнымъ и тоскующимъ, воображеніе сильное, мечтательность съ наклонностью къ мистицизму, впечатлительность и раздражительность къ малѣйшимъ агентамъ изъ всего окружающаго,—вотъ особенности, которыя съ дѣтства оттѣняютъ будущаго шамана. Не та ли это натура, которая въ нашихъ ежедневныхъ медицинскихъ наблюденіяхъ располагается, и особенно межъ женщинъ, къ истерикамъ, падучей болѣзни, пляски св. Витта, и т. п. нервнымъ страданіямъ, къ которымъ подходитъ и кликушество (hysteria cum demonomania) и икотство (гортанная хорея)?! За тѣмъ припомните упомянутую уже нами способность нервовъ воспринимать нервныя впечатлѣнія и подражать: какъ считаемый будущимъ шаманомъ уже поступаетъ подъ науку предшественниковъ, изучаетъ заклинанія, пѣсни, молитвы, внѣшнія обрядности и т. п. и, присутствуя при всѣхъ шаманствахъ, онъ получаетъ еще большее разстройство нервовъ, точно такъ, какъ передается между женщинами истеричность. Потомъ обратите вниманіе на обычай передъ шаманствомъ уединяться, поститься цѣлые дни, не спать, принимать сильно дѣйствующія на нервы средства въ родѣ бака и мухомора, да еще обычай окружающихъ вскрикивать, подпрыгивать и т. п., — и вы поймете, что весьма естественно такой натурѣ проявиться болѣзненно со всѣми шаманскими прыжками, криками и галлюцинаціями. Вы поймете, что за этимъ мучительнымъ болѣзненнымъ напряженіемъ всего организма должно послѣдовать полное ослабленіе, упадокъ силъ, въ родѣ оцѣпенѣнія, что длится полчаса и болѣе, пока окружающіе не начнутъ будить; а грубая толпа убѣждена, что въ это

время душа шамана сходитъ въ пропасть и сообщается съ духами. Потому, замѣтивъ пробужденіе, они спѣшатъ осыпать шамана вопросами, какъ вѣщаго пророка, о будущемъ, о предстоящихъ ловахъ и т. п., и онъ, съ пылающимъ еще лицомъ, дрожащими членами и глазами, устремленными неподвижно вдаль, приходитъ нѣсколько въ себя, ударяетъ въ бубень и даетъ отвѣты. Все, что скажетъ при этомъ не шарлатанъ, а настоящій больной, т. е. шаманъ, онъ скажетъ съ полнымъ убѣжденіемъ: это, положимъ, его бредъ, его сонъ, его галлюцинаціи, его иллюзіи; но онъ убѣжденъ въ нихъ. Да, если среди насъ человѣку съ болѣзненно раздраженнымъ воображеніемъ и съ погруженіемъ на одну идею, представляется и то и другое, если подъ вліяніемъ хлороформа видятъ блаженство рая, если пьяные разговариваютъ съ чертями и чувствуютъ, какъ тѣ щиплютъ ихъ тѣло, то удивительно ли, что больной шаманъ говоритъ съ убѣжденіемъ? удивительно ли, что слова его относятся, такъ или иначе, къ дѣлаемымъ вопросамъ? вѣдь міръ идей и желаній этихъ людей слишкомъ тѣсенъ, а шаманъ между ними натура высшая отъ рожденія и болѣе развитая кой-какими познаніями и наблюденіемъ надъ явленіями окружающей природы?! Припомните еще, что каждый животный организмъ живетъ и развивается среди общихъ явленій природы, въ непремѣнной съ ними связи, въ постоянной зависимости отъ нихъ, и эта-то связь и зависимость тѣмъ крѣпче и сильнѣе, чѣмъ ниже степень развитія организма и въ то время, какъ мыслящій человѣкъ создаетъ барометры и термометры, птицы сами по себѣ предчувствуютъ болѣе сильныя изъ явленій и принимаютъ мѣры защиты своего матеріяльнаго бытія. Припомните, что и человѣкъ во снѣ, когда отдыхаетъ онъ и отъ умственной и отъ физической работы, когда идетъ въ немъ работа органическаго домостроительства, когда работаютъ нервы гангліозной системы, дѣлается впечатлительнѣе къ агентамъ общей окружающей природы. Потому удивительно ли, если болѣзненно впечатлительная и раздраженная натура шамана испытываетъ вліянія извѣстныхъ силъ природы и тогда, какъ для другихъ онѣ еще какъ бы не существуютъ. Вотъ въ чемъ лежитъ основаніе предузнаній истиннаго шамана, имѣющей начаться грозы и т. п., чѣмъ уже окончательно убѣждается толпа въ его будто вѣщемъ, пророческомъ словѣ, въ его знакомствѣ съ дьяволомъ. Приведу въ заключеніе слова извѣстнаго доктора Кленке: „есть люди, которые вблизи нѣкоторыхъ „благородныхъ камней, породъ деревъ, подземныхъ слоевъ каменнаго „угля, металловъ, приходятъ въ нѣкоторое страданіе“... и далѣе онъ прибавляетъ: „перемѣны электрическаго, магнитнаго состоянія нѣкото„рыхъ субстанцій, иннервація другихъ недѣлимыхъ и проч., земли и

„силъ внѣшнихъ, подлежащихъ вліянію его, дѣйствія теплоты, электро-„химическое состояніе производятъ измѣненія въ нервахъ чувства кожи „и въ человѣкѣ, такъ или иначе, измѣняются чувствованія и желанія“.

Сознавая своеобразность своего мнѣнія объ истинномъ шаманствѣ, какъ болѣзни, я умышленно въ подтвержденіе окончилъ словами извѣстнаго ученаго. Но вотъ что̀ интересно и въ тоже время темно: наука не дала еще отвѣта — гдѣ граница вліяній внѣшней природы на организмъ человѣка? гдѣ предѣлъ впечатлительности и раздражительности нервной системы и происходящихъ за тѣмъ проявленій, кажущихся чудесными, сверхестественными? О, если бъ наука могла разрѣшить это! Тогда можно бы было привѣтствовать людей-собратовъ словами: нѣтъ болѣе суевѣрій!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О туруханскихъ скопцахъ.

> Обличеніе — единственное орудіе противу всякаго безразсуднаго увлеченія.

Послѣ шаманства нѣтъ ничего естественнѣе, какъ перейти къ описанію скопческой секты: сколько потому, что и та, и другая, равно, составляютъ принадлежность описываемой мною полосы, столько же и по сходству нѣкоторыхъ обрядностей, хотя, конечно, отвратительная сущность скопческой секты ниже всякаго шаманства, т. е. даже нынѣшняго, которое сдавлено и проявляется уже въ жалкой формѣ, доживая послѣднія минуты.

Отъ востока, отъ зари,
Отъ Сіона — крутой горы,
Не златая труба трубитъ,
То — отецъ нашъ скоро будетъ!
Отъ страдовъ освободится,
Изъ неволи прикатится!

О, драгой нашъ орелъ златый —
Гость нашъ, батюшка богатый!
Свѣтъ по келейкѣ онъ ходитъ,
Свой небесный глазъ возводитъ,
Ручки къ небу воздымаетъ,
Благодать съ неба принимаетъ
О, нашъ райскій соловей,
Прилети къ намъ поскорѣй!
Безъ тебя, нашъ государь,
Въ нашихъ зеленыхъ садахъ
Нѣту радости у насъ,
Котора была при васъ!
Мы на Питеръ сердцемъ взглянемъ, —
Весь глаголъ, привѣтъ вспомянемъ,
Помянемъ, ти, государь!
Мы на Муромъ поворотимъ,
Знать батюшку не воротимъ!
Жалкая ты, наша плоть,
Занялася суетой;
Гдѣ жъ духъ чистый пресвятой?
Я слечу съ неба съ трубой —
Вѣковать буду съ тобой,
Спрошу всѣхъ, по одному,
У кого, что̀ есть въ дому,
А пророкамъ, пѣвчимъ людямъ,
Особливый будетъ судъ,
У кого не чистъ сосудъ!
Поживите жъ въ чистотѣ,
Во небесной красотѣ!
Пожалѣйте жъ, мои други,
Мой спасительный законъ!
Я вамъ, батюшка, знакомъ?
Честь и слава!
Честь, держава!

Что̀ это за безсмыслица? подумаете вы. Что за наборъ словъ? Нѣтъ, это не наборъ словъ, а раскольничья пѣсня, въ которой есть свой смыслъ, не понятный, пока не познакомишься съ вѣрованіями и обрядностями скопцовъ. Секта эта и во внѣшнемъ проявленіи своемъ представляетъ вредную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гнусную смѣсь старовѣрчества, языческаго шаманства и народныхъ пѣсенъ и плясокъ.

Чтобы дать понятіе объ этой дикой сектѣ, необходимо разсмотрѣть: 1) причины, которыми вызвана она, 2) время и средства ея распространенія, 3) религіозныя ея основы, 4) отношеніе къ язычеству и народности, 5) обрядность и 6) вліяніе ея на физическую и нравственную природу человѣка.

Секта эта, какъ теперь извѣстно, чисто мистико-пантеистическая. Но откуда же было явиться у русскаго народа мистичности? Вѣдь многіе изъ нашихъ писателей и ученыхъ думаютъ, что русскій человѣкъ никогда, даже въ дни язычества, не имѣлъ наклонности къ миѳическому творчеству. Они опираются на то, что нѣтъ письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ о нашей славянской миѳологіи ([1]). Но разбирая русскую свадьбу и преданія Остяковъ ([2]), мы уже доказывали необходимость открывать историческія истины вездѣ въ памятникахъ старины, въ устахъ народа, въ обычаяхъ его бытовой жизни. Что касается до обычаевъ и повѣрьевъ, напримѣръ при родинахъ, поминкахъ, при наступленіи солнцеворота, весны, лѣта, осени, зимы, при началѣ каждаго дѣла — сборѣ въ дорогу, куплѣ, продажѣ, стройкѣ дома, паханьи, посѣвѣ, жатьѣ и т. п. — смыслъ всѣхъ ихъ давно потерялся, а между тѣмъ они продолжаютъ держаться, какъ остатокъ языческой миѳологіи и будутъ держаться, до тѣхъ поръ, пока развитіе ума положительными научными знаніями не выяснитъ всю ихъ нелѣпость. Но еще болѣе доказательствъ миѳической производительности того періода мы находимъ въ сказаніяхъ „словесныхъ“: сюда относятся всѣ лики выглядывающихъ изъ тумана лѣшихъ, водяныхъ, домовыхъ, русалокъ, кикиморъ, вѣдьмъ, ягихъ-бабъ, змѣевъ-горыничей, жаръ-птицъ, таинственнаго бѣлъ-горючъ-камня-алатыря и многое другое, истертое уже въ порошокъ, или разбитое въ обломки. Но прислушайтесь болѣе, и вы найдете цѣлый рядъ „стиховъ народныхъ“, поющихся болѣе „нищей братіей“ и составляющихъ предметъ то забавъ молодежи, то благоговѣйныхъ распѣваній старости. Изъ нихъ болѣе всего замѣчателенъ „Стихъ о голубиной книгѣ“. Въ этихъ стихахъ языческая миѳологія силилась удержаться среди всеобщаго водворенія христіанскихъ идей; потому они представляютъ странную смѣсь. Вотъ въ этой-то мистично-

([1]) Мы понимаемъ подъ „миѳомъ“ всякую фантастическую оболочку первобытныхъ вѣрованій, мыслей и мудрованія; тогда какъ подъ „сагой“ разумѣется всякая „былина“, переданная народомъ въ словѣ, т. е. всякое сказаніе, сказка (не въ опошленномъ смыслѣ выдумки, а въ смыслѣ народномъ, какъ напримѣръ „ревизская сказка“).

([2]) Свѣточь 1861, кн. II и VII.

сти, въ существованіи подобныхъ народныхъ стиховъ и лежитъ одна изъ основъ, изъ которой могло привиться у насъ скопчество. Другою если не основой, то хоть поддержкой, было ознакомленіе нашего простонародья съ послѣдователями шаманства и ихъ вѣрованіями. Третьею было, конечно, евнушество, развитое въ Римѣ и существовавшее въ Византіи, какъ средство къ безслѣдному удовлетворенію сладострастія.

Но гдѣ же зародилась мысль о составленіи у насъ такой секты? Чисто ли русскимъ произведеніемъ должно считать ее, или чужая мысль и чужое дѣло облечены только въ нашу форму и какъ можно ближайшую къ народу? Нѣтъ ли въ появленіи этой секты политическихъ цѣлей, тѣмъ болѣе, что Селивановъ, основатель ея, явился во времена пугачевщины и сидѣлъ въ одномъ острогѣ съ Пугачевымъ въ Казани. Нельзя ли считать этого дѣломъ іезуитства, подобно тому, какъ оно усиливается развивать у насъ и другія старовѣрческія секты? Вотъ вопросы, которые подлежатъ разбору и рѣшенію людей, занимающихся у насъ изученіемъ отечественной исторіи.

Секта скопческая развилась, сколько извѣстно, изъ старовѣрчества и въ особенности изъ хлыстовщины. Селивановъ съ однимъ товарищемъ своимъ порѣшили на одномъ изъ хлыстовскихъ радѣній, что какъ ни хороши обрядности хлыстовщины, но свальный грѣхъ ея противенъ слову и жизни Христа, а потому надобно пресѣчь зло въ самомъ источникѣ, на основаніи словъ Христа: „аще око десное соблажняетъ тя, изми е и верзи отъ себе“. Это было, кажется, въ 1752 году. За тѣмъ Селивановъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Иркутскую губернію, гдѣ и началъ свои проповѣди о скопческой вѣрѣ, присоединивъ къ ней, для привлеченія народа, нѣкоторыя событія, въ родѣ того, что онъ Императоръ Петръ III-й, отецъ Императора Павла.

Надобно удивляться, какъ эти два основателя секты могли явиться въ Петербургѣ, за тѣмъ сидѣли въ одной изъ финляндскихъ крѣпостей, гдѣ одинъ изъ нихъ и умеръ; а другой, Селивановъ, переселяется въ Петербургъ и начинаетъ проживать въ немъ на порукахъ нѣкоторыхъ важныхъ особъ. Тутъ развилась и секта его, проникая даже въ монастыри. Селивановъ искусно умѣлъ скрывать ея пантеизмъ и всѣ политическія основы. Онъ скрывалъ и то, что окровавленная рубашка, въ которой онъ былъ сѣченъ кнутомъ, составляетъ предметъ религіознаго почитанія его послѣдователей. У скопцовъ сочиненъ цѣлый томъ страдъ, т. е. описанія его страданій. Страды эти, мѣстами со всею силой народнаго русскаго слова, описываютъ страданія Селиванова, равно и всю жизнь его въ Иркутскѣ. Сектанты ловко умѣли выставлять на показъ одни только воспѣванія жизни и страданій чистыхъ людей на

земли, а также и всю мистическую сторону, подъ ладъ общему въ то время мистическому настроенію. Это было ранѣе двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія, съ которыхъ и масонство, и весь мистицизмъ перестаетъ быть у насъ преобладающимъ настроеніемъ. Селивановъ попадается въ Суздальскій монастырь, гдѣ и умираетъ, говорятъ, не покаявшись: такъ сильно было въ немъ желаніе удержать существованіе своей секты, желаніе, взлелѣянное столькими десятками лѣтъ прежняго успѣха. Говорятъ, онъ прожилъ болѣе ста лѣтъ.

Кромѣ этихъ двухъ фанатиковъ, въ главѣ секты была еще одна женщина, называвшаяся, кромѣ обыкновеннаго имени, богородицею. Она тоже много способствовала къ развитію секты.

Такъ какъ скопческая секта ([1]) зародилась среди хлыстовъ, да въ нее перешли и всѣ ихъ радѣнія и обрядности, то я скажу нѣсколько словъ и о хлыстовщинѣ, описанной уже въ „Православномъ Собесѣдникѣ“. Богъ-отецъ, живущій въ свѣтѣ неприступномъ, сходилъ, по мнѣнію сектантовъ, однажды на землю для основанія вѣры и жилъ въ лицѣ Данiила Филипповича. Это было такъ: когда грѣшники слишкомъ размножились и грѣхи стали очень тяжкими, люди праведные стали подымать руки къ небу и взывать: „Господи, Господи! явися къ намъ либо въ образѣ, либо въ крестѣ, чтобы намъ было чему молиться“. И вотъ, по словамъ скопческихъ пѣсенъ, на огненныхъ облакахъ, въ пламенной колесницѣ, съ сонмомъ ангеловъ, сошелъ Господь съ неба на землю и родился въ стародубской сторонѣ. Это было въ 1645 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Возродился онъ, въ лицѣ Данiила Филипповича, который, по розыскамъ правительства, оказался крестьяниномъ Муромскаго уѣзда Владимiрской губерніи. Богъ-отецъ, видите ли, явился въ лицѣ его для того, чтобы явить народу Христа. Рожденіе ихъ Христа, въ лицѣ Ивана Суслова, опутано таинственностію: такъ, есть преданіе, что Сусловъ родился, какъ чудо, отъ столѣтней старушки; священникъ не хотѣлъ крестить ребенка и никто не хотѣлъ быть его воспріемнымъ отцомъ; тогда старикъ началъ кланяться объ этомъ всѣмъ встрѣчнымъ. Вдругъ изъ толпы вышелъ одинъ, который самъ и крестилъ, и воспринималъ младенца, тогда какъ священникъ, бывшій въ это время въ церкви, очутился какими-то силами на паперти. Сусловъ жилъ и странствовалъ всюду съ дѣвицей, которую называлъ

([1]) Я изучалъ эту секту въ Туруханскомъ краю. Это мѣсто ссылки. Къ 1860 году сектантовъ было въ Туруханскомъ краю около 300 человѣкъ. Большею частію они сосланы изъ Петербургской губерніи и принадлежатъ къ лютеранамъ-чухонцамъ. Съ весны 1860 года они стали выселяться въ Якутскую область, на Алданъ и Маю.

своею матерью, избранною для него Богомъ, почему народная толпа величала ее богородицею. Онъ подобралъ къ себѣ какихъ-то двѣнадцать молодцевъ, которые назывались апостолами. Проповѣдуя хорошія правила противу воровства, но вмѣстѣ гнусныя въ видахъ сладострастія, онъ старался скрыть начало своей секты, почему и требовалъ отъ послѣдователей, чтобы они какъ можно болѣе усилили соблюденіе внѣшнихъ формальностей православной церкви. Потомъ слѣдуютъ новыя таинственности: будто Сусловъ въ 1658 году былъ схваченъ и распятъ въ Москвѣ у Спасскихъ воротъ, за тѣмъ воскресъ, вторично схваченъ; но тогда бояринъ Морозовъ рѣшительно отказался отъ снятія съ такого лица допросовъ; это не помѣшало впрочемъ Суслову, въ воображеніи скопцевъ, умерсть и воскреснуть вторично. Поэтому и поетъ пѣсенка:

Ужъ какъ по морю, по морю,
По синему морю (міръ житейскій),
По житейскому, по хвалынскому,
Плыли, выплывали гости „корабельщики",
Изъ данныхъ городовъ, израильскихъ родовъ.
Приплывали гости
Къ Іерусалиму граду — каменной Москвѣ.
Приходили они къ земляной тюрьмѣ:
Стали они караульщиковъ опрашивати:
„Ой, вы гой еси, караульщики!
Что у васъ это за темницы стоятъ?
Что въ темницахъ за невольники сидятъ?
Прочто бьете ихъ вы, — прочто мучаете?
Что на нихъ пытаете? чего спрашиваете?"
Тутъ отвѣтъ держатъ караульщики:
„Ахъ, вы братцы, карабельщики!
Ихъ про вѣру бьютъ, Божью истинную,
На нихъ спрашиваютъ самаго Бога Христа".
Стали гости межъ собою оглядываться,
Золотой казной стали складываться,
Выкупать стали, выручать,
И на волю выпущать.

Не удивительно послѣ того, что Сусловъ могъ воскресать три раза! Деньги великое дѣло! Да и бояринъ Морозовъ, пожалуй, могъ при нихъ отказываться отъ произведенія допросовъ: вѣдь подсовывалъ же онъ царю Алексѣю подписывать бумаги, хотя и въ частныхъ случаяхъ, но такія, которыя вели къ укрѣпленію крѣпостнаго права.

Въ третій же разъ не казнили Суслова потому, что царица разрѣшилась сыномъ Петромъ, и роды, по предсказанію одной старицы, могли быть благополучны въ такомъ только случаѣ, если заключенный въ темницу Сусловъ будетъ выпущенъ. Слово старицы-вѣщуньи было, безъ сомнѣнія выполнено. Мы сказали „безъ сомнѣнія", потому что и въ тѣ годы, и въ наше время, у женщинъ суевѣріе сильнѣе: вѣдь петровская реформа переломала только внѣшность, — изъ шушуновъ переодѣла въ нѣмецкія и французскія моды, но не дала прочной идеи; а одно только умственно-нравственное развитіе и положительныя познанія могутъ освободить нашу женщину отъ суевѣрій и предразсудковъ, въ какой бы формѣ они ни являлись — въ старой или новой, въ восточной или западной! Выпущенный изъ тюрьмы, Сусловъ зажилъ въ Москвѣ благополучно, такъ что и Данила Филипповичъ, свѣдавъ о томъ, пріѣхалъ въ Москву туда же. . О, тогда:

Не два солнышка сокаталися,
А два гостя ликовалися,
Гость Данила, свѣтъ Филипповичъ,
Гость Иванъ, сударь Тимофѣевичъ.
Въ одно мѣсто они сходилися
И другъ другу поклонилися.

Потомъ въ 1700 году Данило умеръ, а въ 1716 г. скончался Иванъ Сусловъ, и тѣло его погребено въ Москвѣ, у Николы на драчахъ.

Перейдемъ къ сторонѣ догматической. Сомнительно, чтобы хлысты и скопцы признавали одного Бога. Правда, въ ихъ пѣсняхъ видны намеки о какой-то троичности божества, но такъ же, какъ являлись Богъ-отецъ и Богъ-сынъ въ лицахъ Данилы и Ивана. Такъ, напримѣръ, они поютъ:

Агница-то, мати Варвара прекрасна,
Въ троицѣ три Бога познала! (¹)
Возглаголетъ сыну Христу сама мати:
Дражайшій ты, свѣтъ мой, Сынъ Божій,
Изобранъ со седьмаго неба свѣтъ созданный,
Саваоѳомъ свѣтъ созданный.

Но основное ихъ убѣжденіе состоитъ въ томъ, что если Христосъ могъ явиться видимо, то и каждый избранный можетъ также явиться ихъ обществу. Потому они, напримѣръ, и поютъ:

(¹) Св. Варвара познала и чтила Единаго Бога въ трехъ Лицахъ, а не три Бога въ Троицѣ.

А какъ я тебѣ, сударикъ,
Загадаю шесть загадокъ,
А какъ я Богъ завладаю
Всѣ загадки отгадаю!
Ну, поди же порадѣй,
Живымъ Богомъ завладѣй!
Вотъ пошелъ онъ порадѣлъ,
Живымъ Богомъ завладѣлъ.

Такія внѣшности хлыстовщины приняты и большею частію скопцовъ, тогда какъ г. Щаповъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ перемѣшалъ хлыстовъ со скопцами. И на основаніи словъ Священнаго Писанія, и подобно убѣжденію шаманистовъ (какъ замѣчено мною въ другой главѣ) скопцы думаютъ, что, при помощи различныхъ скачковъ, бѣганій, плясокъ и истязаній до утомленія (что называется на ихъ языкѣ „таинственною смертью“), они могутъ доходить до состоянія „таинственнаго воскресенія“. — Они убѣждаютъ, что Адамъ былъ Богъ, потому что въ поэмѣ Мильтона „Потеряный Рай“ написано: на вопросъ Адама къ Рафаилу „какъ ты входишь плотію на небеса“,—Рафаилъ отвѣтилъ: „тобою устроены небеса и тобою взяты мои тѣлеса“. Кромѣ того, сектанты называютъ Адама и „Христомъ“.

У этихъ сектантовъ нѣтъ совсѣмъ образовъ, но есть свой крестъ съ распятымъ человѣкомъ. Есть и евангеліе, писанное красными буквами, съ портретомъ распятаго скопца. Я говорю „скопца“, потому что лицу придано скопческое выраженіе, раздвоены волосы на головѣ и подрѣзаны въ кружокъ. Евангеліе ихъ можно читать только обратно, то есть съ конца строкъ. Креста они или не дѣлаютъ вовсе, или кладутъ по старовѣрчески, или обѣими руками. Церковной іерархіи секта не признаетъ, духовенство православныхъ отвергаетъ и даже глумится надъ нимъ. Вотъ что поютъ они: между прочимъ:

На страстной было недѣлѣ
За Христомъ гнались іудеи,
Они гнались, не догнали,
Да и взять его не взяли,
Только ризу оборвали.

Тутъ Іуда на базаръ
Пошелъ хлѣба покупать,
И сталъ думать да гадать,
Захотѣлъ Христа продать

И пошелъ къ архiереямъ!
Не хотитель, архiереи,
Я хочу Христа продать?
И они въ мигъ взрадовались,
Ко Iудушкѣ бросались:
Ахъ, Iуда искорьотскiй!
Сколько злата тѣ, казны?
Дайте тридцать рублей злата —
Оставайсяжъ мѣсто свято!
— Какъ же намъ Его узнать?
— Буду я кого лобзать:
Вы того прямо берите,
На распятiе тащите!

Мы привели эту пѣсню въ доказательство ихъ нерасположенiя къ священству. Содержанiе ея надобно относить не къ евангельскому сказанiю о продажѣ Iисуса Христа Iудою: она относится къ каждому скопцу и къ каждой измѣнѣ. Вообще сектанты крѣпко скрываютъ основы своихъ священнодѣйствiй: они застращены такъ, что въ ихъ воображенiи носится постоянно какой-то страшный призракъ кары, за нарушенiе обѣщанной тайны. Скопцы говорятъ, что въ клятвѣ произносится три такихъ таинственныхъ слова, послѣ которыхъ нѣтъ никакой возможности открыть истину. Извѣстно также, что они разстрѣливаютъ портреты отступниковъ. Что касается до того, что пантеистичность перемѣшивается у нихъ съ какимъ-то понятiемъ о божествѣ, мы приведемъ еще стишекъ:

Рай, ты мой рай,
Блаженный мой рай!
Во тебѣ, рай, красно солнце!
Оно рай весь освѣщаетъ,
Отнюдь грѣшныхъ не пущаетъ;
Тамъ стоитъ вѣдь престолъ Божiй,
Вокругъ служатъ пречистыя силы,
Они машутъ крылами,
Сами веселятся,
Духомъ просвѣтятся,
Святымъ разблажатся!

Въ этомъ стихѣ Святой Духъ является какъ будто третьимъ лицемъ Св. Троицы; тогда какъ въ другихъ пѣсняхъ третьимъ лицомъ выставляется

„мати“. Дѣло, по нашему мнѣнію, въ томъ, что какъ эти пѣсни поются во время радѣній со скачками и прыжками, гдѣ предводительствуютъ пророки и пророчицы, то и надобно принимать, что скопцы вовсе не признаютъ ни единаго Бога, ни троичности его, а просто, какъ пантеисты, убѣждены, что каждый изъ нихъ можетъ дойти до состоянія божества. Въ статьѣ о шаманствѣ я говорилъ о томъ убѣжденномъ въ себѣ и болѣзненно-нервозномъ существѣ, которое подвергается всѣмъ родамъ галлюцинацій и иллюзій, спазмъ, приливовъ и конвульсій, и доходитъ до состоянія умопомѣшательства, когда ему не существующее кажется существующимъ; точно такъ и эти „люди Божіи“, при настроеніи всѣхъ присутствующихъ и при собственномъ увлеченіи, легко могутъ подчиниться такому же небывалому ощущенію, которое они и принимаютъ за сошествіе на нихъ Св. Духа и за превращеніе ихъ самихъ въ божество, что пѣсня выражаетъ словами — „Богомъ завладаю“.

Таинствъ церкви скопцы не признаютъ: брака у нихъ, конечно, нѣтъ; крещеніе они осмѣиваютъ, называя его только воднымъ, тогда какъ надобно каждому сдѣлать и духовное крещеніе, т. е. принять участіе въ ихъ собраніяхъ и радѣніяхъ, къ которымъ, конечно, не допустятъ до поступленія физически въ ихъ секту. Причастіе они тоже отвергаютъ, употребляя квасъ съ калачемъ, которые и находятся на столѣ, въ комнатѣ, во все время радѣній. Сектанты считаютъ скопцомъ и самаго Христа на томъ основаніи, что онъ былъ обрѣзанъ, по еврейскому обычаю, и въ пѣсни херувимской, вмѣсто „тайно образующе“, они читаютъ и поютъ: „тайно обрѣзующе“. Такимъ образомъ, главная и самая гнусная особенность ихъ секты состоитъ въ томъ, чтобы бѣжать отъ борьбы со страстями, при чемъ только и можетъ возвышаться человѣкъ. Въ этомъ они опираются на слова Христа: „и суть скопцы, иже скопиша себя царствія ради небеснаго“. Они даютъ этимъ словамъ матеріальное значеніе, забывая, что при такомъ пониманіи словъ Писанія, они должны остаться и безъ глазъ, и безъ рукъ; потому что тамъ прямо есть фразы: „аще око десное соблазняетъ тя изми е“, или „аще рука десная соблазняетъ тя — усѣцы ю и верзи отъ себе“.

Между тѣмъ они же не хотятъ знать другихъ изреченій, которыми все это уже разъяснено: напримѣръ, посланіе къ Ефесс. 5, 3; къ Колос. 3, 5; въ кормчей книгѣ въ первой части правила апостоловъ 8, 24, 23, 22; въ толкованіи Іоанна Златоустаго на евангеліе Матѳея, бесѣды 62; въ полномъ собраніи писаній Златоустаго изд. Монтфокона, томъ 6, стр. 258; также въ писаніяхъ Василія Великаго, томъ 4, стр. отъ 845 до 847.

Я не привожу этихъ мѣстъ въ своей не богословской, а литературной замѣткѣ; любопытствующіе могутъ найти ихъ по указанію.

Но этимъ не ограничивается основаніе секты.

Вотъ еще нѣсколько основныхъ правилъ, безъ которыхъ нельзя быть ея членомъ. Она требуетъ: бѣгать всякаго веселія, не участвовать ни въ какихъ народныхъ игрищахъ, отказаться совершенно отъ православной вѣры, слѣдовательно отъ праздниковъ нашихъ, отъ постовъ и отъ церковныхъ молитвъ, бранить священно-дѣйствующихъ, и не признавать образовъ. Самое же вредное для православія правило сектантовъ, съ помощію котораго они увлекаютъ несвѣдущихъ и распространяютъ свое ученіе, состоитъ въ томъ, чтобы, для обмана и насмѣшки, ходить какъ можно чаще въ православныя церкви, показывать самый заботливый видъ о богомольности, кланяться болѣе и чаще иконамъ, подходить подъ благословеніе священно-дѣйствующихъ, принимать причастіе и ѣсть просфоры. Ловкіе сектанты понимаютъ, что единственное и лучшее средство къ распространенію ихъ секты состоитъ въ видимомъ общеніи съ православною церковію; только въ церквахъ они могутъ встрѣчать стеченіе народа, показывать самый отшельническій видъ христіанскаго благочестія, внушать къ себѣ состраданіе, вызывать сочувствіе, заводить знакомство и за тѣмъ исподоволь увлекать.

Мѣсто, гдѣ совершаются таинства сектантовъ, называется у нихъ „домомъ Божіимъ“, а все собраніе — „кораблемъ“. Главные шаманы ихъ бываютъ либо мужчины, либо женщины и называются: пророкъ и пророчица, кормщикъ и кормщица, корабельщикъ и корабельщица, архангелъ и богородица. Прочіе всѣ носятъ прозвища: „зеленаго винограда“, „бѣлыхъ лебедей“, „Христова стада“, „мелкихъ лодочекъ“, „людей Божіихъ“, а между собою именуются „братьями и сестрами“. Такъ они поютъ:

Плыветъ по сладимъ-рѣкѣ царскій корабль,
Вокругъ корабля мелки лодочки,
Вѣрные царскіе дѣтушки —
Пловцы, бѣльцы, стрѣльцы, донскіе казаки,
Воины заграничные, слуги вѣрные.

Или:

Братья, сестры духовные,
Духовные, Богомъ полюбовные,
Святымъ Духомъ избранные,
Сыномъ Божіимъ порожденные.

Добиваясь разными скачками и прыжками, подъ пѣніе пѣсенъ, схожденія Святаго Духа и вселенія божества въ каждаго изъ нихъ, скопцы увѣряютъ простыхъ, темныхъ, туповатыхъ и корыстолюбивыхъ людей, будто подъ конецъ моленія выскакиваетъ изъ воды мальчикъ въ бѣлой рубашкѣ и раздаетъ достойнымъ изъ нихъ щедрою рукою богатства. Они прибавляютъ, что въ этомъ-то и состоитъ причина ихъ богатства, а не въ пустой молвѣ, будто у нихъ въ Питерѣ есть богачи-мѣнялы, какъ главные пророки, которые поддерживаютъ далеко усланныхъ братьевъ высылкою денегъ. Однакожъ въ Туруханскомъ краю скрыть большихъ присылокъ денегъ и въ самомъ дѣлѣ было невозможно, и это разглашалось скопцами на томъ предположеніи, будто получающій деньги плохо дѣлитъ и много оставляетъ въ свою пользу.

Перейду теперь къ тому, какъ у сектантовъ совершаютъ разныя „радѣнія". Они раздѣляются на 1) „простыя бесѣды", въ которыхъ участвуютъ всѣ члены секты и даже приглашаются православные; 2) „обыкновенныя моленья или радѣнья", совершающіяся только при тѣхъ, въ искренней преданности которыхъ не сомнѣваются; 3) „главныя годовыя", выборъ для которыхъ еще строже, и 4) „радѣнья чрезвычайныя".

Обыкновенныя радѣнія подраздѣляются еще по виду совершенія ихъ: на хороводныя, круговыя, корабельныя или давидовскія и крестныя.

Простыя бесѣды можно считать продолженіемъ той ловушки для простяковъ изъ православныхъ, которую начинаютъ они въ церкви своимъ лживымъ внѣшнимъ благочестіемъ и уваженіемъ къ молитвѣ и святынѣ. Онѣ назначаются въ обыкновенные храмовые наши праздники и начинаются выступленіемъ на сцену пророка, который подъ пѣніе толпы:

Духъ въ пророкѣ разблажился:
Читаетъ онъ книгу евангелъ,
А за правымъ плечемъ его ангелъ!

начинаетъ, подобно шаману, юродствовать, кричать, скакать, кривляться, до ослабленія и бреда. При этомъ ложно объясняется, что всѣ такія сильныя движенія въ пророкѣ зависѣли отъ дѣйствія въ немъ духа Божія. Послѣ этого онъ, какъ бы въ бреду, начинаетъ лепетать почти безсвязно; но раболѣпная толпа прислушивается къ таинственнымъ звукамъ и, схватывая отдѣльныя слова и фразы, выясняетъ ихъ работою собственной мысли въ цѣлое и придаетъ имъ особенный предсказательный смыслъ. Впрочемъ, въ этомъ безсвязномъ, по видимому, бормотаньи, раздаются чаще и слышнѣе укоры православнымъ въ нечестіи, усовѣщанія

бросить видимую церковь и прилѣпиться къ невидимой, духовной — и сыплется брань на нашихъ священнодѣйствующихъ. За тѣмъ начинаются самыя бесѣды, клонящіяся къ самоотверженію, физическому цѣломудрію, воздержанію отъ вина, отъ брани, отъ игръ и забавъ народныхъ. Наконецъ, читаютъ писанія св. отцовъ, поютъ церковныя пѣсни и стихи объ Іоасафѣ царевичѣ, объ Іосифѣ прекрасномъ и т. п.

Собранія обыкновенныя бываютъ наканунѣ нашихъ праздниковъ, чтобы менѣе были замѣчены православными и чтобы, послѣ утомительной ночи, можно было свободно проспать праздникъ. Потому-то и ходятъ они по пятницамъ въ бани. Вотъ наступилъ вечеръ субботы, скопцы собрались, усѣлись, съ раздѣленіемъ половъ, мужчины направо, женщины налѣво; впереди сидятъ пророкъ и пророчица и начинаютъ пѣть псалмы и читать писанія, какъ въ простыхъ бесѣдахъ. Пѣніе ихъ какое-то особенное, протяжное, завывное и отвратительное. Это продолжается часа четыре до самой полночи. Съ этого момента, въ который, по убѣжденію нашего простонародья, сильна всякая нечистая сила, начинается радѣніе. Смотрите: какая идетъ суета! Каждый вывязываетъ изъ принесеннаго съ собою узелка какія-то бѣлыя чистыя вещи, а у кого нѣтъ — тому выдаетъ изъ своей кладовой пророчица; каждый снимаетъ торопливо свою одежду, натягиваетъ сперва длинные чулки, потомъ широкія бѣлыя рубашки съ длинными рукавами, въ родѣ употребляемыхъ для сумасшедшихъ, беретъ въ руки по бѣлому платку и обвязываетъ полотенцемъ голову со лба, такъ, чтобы узелъ приходился на затылкѣ. „Что значитъ такая одежда"? спрашивалъ я въ Туруханскомъ краю у тѣхъ изъ скопцовъ, которые, попавъ въ секту безъ расположенія, ведутъ разгульную жизнь и напиваются до пьяна. „Да сказываютъ, отвѣчали они, будто съ Ивана Тимоѳѣевича православные съ живаго содрали было кожу, а дѣвицы обвили его бѣлымъ полотенцемъ, которое въ одну минуту къ тѣлу приросло и кожей сдѣлалось. Такъ вотъ въ память этого и надѣваютъ все бѣлое". Впрочемъ, это нужно считать и символическимъ знакомъ чистоты ихъ душъ во время радѣнія. Полотенца на лбу нужны какъ мягкая подкладка при поклонахъ лбомъ на полъ, а платки за тѣмъ, чтобы утирать съ лица льющійся ручьями потъ. Вотъ сектанты одѣлись, усѣлись и затянули напѣвомъ протяжно плаксивымъ, близкимъ къ простонародным русскимъ пѣснямъ:

Святый Боже, святый крѣпкій,
Святый безсмертный,
Помилуй насъ!

Эти слова повторяются три раза. За ними воззванія:

Дай намъ Господи, Іисуса Христа,
Дай намъ, сударь, Сына Божія,
И помилуй насъ, сударь!
Сошли намъ Духа утѣшителя!

Вотъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ и *накатывается* вѣроятно духъ безумія, потому что они вскакиваютъ и начинаютъ скакать подъ самый скорый и веселый напѣвъ одной изъ своихъ пѣсней:

Ай у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому,
И со ангелами,
Со архангелами!

За ними соскакиваетъ съ мѣстъ еще нѣсколько охотниковъ, и раздѣлившись на мужчинъ и женщинъ, начинаютъ танцы, въ тактъ *роспѣвцовъ*, т. е. пѣсенъ, хоромъ которыхъ собственно руководятъ оставшіеся для того братья и сестры. Танцы этихъ обыкновенныхъ радѣній бываютъ четырехъ видовъ, называемыхъ „радѣньями“: круговое радѣнье, хороводное, корабельное и крестное. Для „хороводнаго“, которымъ и начинается дѣло, составляются два круга, какъ въ пляскѣ „осьмерка“, и кругъ мужчинъ становится внутрь круга женскаго, наружнаго. Поютъ:

Веселится весь соборъ,
Катитъ къ нимъ соколъ,
Полный Духъ, сударь, святой!

Веселость и скачки свои сектанты основываютъ тоже на нѣкоторыхъ фразахъ, выхваченныхъ изъ священнаго писанія. Гдѣ они успѣютъ обстроиться, тамъ заводятъ большія картины, которыя и выставляются при радѣньи. Такъ одна картина изображаетъ кругъ ангеловъ, въ кругѣ же самъ Христосъ съ овцою въ рукахъ; подъ картиною значится: „обрѣтохъ погибшую овцу“. По краямъ этой картины изображены евангелисты и апостолы съ разными музыкальными инструментами въ рукахъ, а надпись гласитъ: „ликовствованіе“.

Подъ пѣніе и въ тактъ его круги начинаютъ двигаться одинъ около другаго. Тактъ пѣнія начинаетъ мало по малу ускоряться и доходитъ до того, что радѣющіе должны бѣгать. Наконецъ, они набѣгались, устали и пріостановились вздохнуть. Этимъ и оканчивается радѣніе хороводное.

Вздохнувъ немного, они начинаютъ другое радѣніе — *круговое*. Для него тоже составляются круги, но каждый „зеленый вертоградъ“ вертится одинъ, около самого себя, на своемъ мѣстѣ. При этомъ наблюдается, чтобы мужчины кружились въ правую сторону, а женщины въ лѣвую. Пѣніе идетъ своимъ порядкомъ, ускоряясь все болѣе и болѣе, при чемъ въ тактъ его вертится и весь составляющій круги „зеленый вертоградъ“; при этомъ дѣло доходитъ до такой скорости, что слышенъ только шумъ и раздувавшіяся рубахи стоятъ какъ столбы, а лицъ уже распознать невозможно. Въ срединѣ внутренняго мужскаго круга, радѣютъ особнякомъ пророкъ и пророчица, которые, вдохновляясь или, вѣрнѣе, одуряясь болѣе и болѣе, ускоряютъ тактъ пѣнія и прикрикиваютъ: „эй, плетей не жалѣйте! эй марѳу не щадите!“ А всѣ подхватываютъ:

Ай вы, нуте-ка, други, порадѣйте-ка!
И вы въ батюшки, сударя, въ земномъ саду.
Ай милость его Божья, благодать его святая!

Сектанты вертятся; съ нихъ градомъ льетъ потъ, и они торопятся утираться своими бѣлыми платками. Наконецъ, вся одежда смокла. Радѣльщики останавливаются и выжимаютъ бѣлье, а пѣсня пріостанавливается въ теченіи. Въ этой пляскѣ видно разительное сходство съ праздниками турецкихъ дервишей мевлеви.

Сектанты выжали бѣлье и тѣмъ временемъ вздохнули. И опять за радѣніе, но уже круговое; теперь начинается радѣніе *корабельное* или *давидово*. При немъ тоже составляется кругъ, но эллиптическій. Эта пляска, еще болѣе дикая, занимательнѣе и разнообразнѣе прежней. Она начинается прямо уже съ бѣганья и непремѣнно противу солнца. Бѣганье это вдругъ прерывается тактомъ пѣсни; всѣ оборачиваются другъ къ другу, прискакиваютъ одинъ передъ другимъ на носкахъ (т. е. на концахъ пальцевъ), и, повернувшись по прежнему, продолжаютъ бѣганье до новаго перерыва въ тактѣ; безъ этихъ скачковъ и радѣніе будетъ не въ радѣніе, не будетъ давидово, потому что онъ, сказано въ писаніи, „предъ ковчегомъ скакаше“! А такъ какъ есть въ писаніи фраза „вси языци восплещите руками и воскликните гласомъ радованія“, то скопцы въ этомъ радѣніи попеременно бьютъ въ ладоши, ладонями по лядвіямъ и, наконецъ, сами себя въ грудь, дѣлая при этомъ направленіемъ рукъ родъ крестнаго знаменія. При ударахъ они прикрикиваютъ: „Ой Духъ, святой Духъ! Ой Духъ, святой Духъ“! Пророкъ и пророчица по прежнему отличаются въ кругу.

Послѣ необходимаго отдыха начинается новое радѣніе „*крестное*“.

Въ основаніе этой дичи они положили слова Христа: „возьми крестъ свой и по мнѣ гряди“. Обыкновенно по нѣскольку человѣкъ устанавливаются во всѣ четыре угла комнаты; пѣсня не умолкаетъ, и они въ тактъ ея сильно притаптывая ногами, размахивая руками и прикрикивая: „Ой Духъ, святой Духъ!“ перебѣгаютъ съ угла въ уголъ. Такихъ перебѣжекъ дѣлаютъ обыкновенно 50, а иногда и болѣе. И, наконецъ, измученные, съ льющимся потомъ, всѣ пріостанавливаются. Такъ совершилась *баня пакибытія.* Пѣніе прекращается, а вмѣсто него слышится крикъ пророка, за тѣмъ пророчицы, и, наконецъ подхватывается всѣми: „вотъ накатилъ, вотъ накатилъ! накатилъ, накатилъ!“ Это значитъ „сошелъ Духъ святой“. Пророки готовятся вѣщать *судьбу.* Всѣ благоговѣйно садятся по мѣстамъ, трепетно ожидаютъ судьбы, а пѣсня затягиваетъ:

Милосердый нашъ отецъ
Всѣхъ пророковъ перебираетъ,
На святой кругъ поставляетъ,
Свята Духа въ нихъ вселяетъ,
Судить судьбу благословляетъ!

Наконецъ пророкъ, препоясанный крестообразно чрезъ плечо знаменемъ (т. е. полотенцемъ), выходитъ на средину комнаты, дѣлаетъ поклоны картинамъ, раскланивается всему честному собранію и начинаетъ:

Благослови, мой государь,
Благослови, батюшка родной,
На кругъ твой стать!

— Изволь мною, святымъ Духомъ завладать! отвѣтствуетъ таинственный голосъ, разумѣется одного изъ сектантовъ.

Тутъ всѣ падаютъ на колѣна и крестятся на прорицателя, увѣренные, что:

Всѣ они стоятъ во блаженномъ во духу,
А неложный средь нихъ ходитъ живой пророкъ во кругу.

За тѣмъ начинается вѣщанье сперва *судьбы общей*, а потомъ *частной* каждому, такъ же какъ и въ шаманствѣ. Болтовня эта дѣлается и стихами и прозой, и рифмами и безъ рифмъ; смысла добиться никакого нельзя; внятны только приговоры: „вотъ вамъ отъ Бога указъ! оставайтесь; Богъ съ вами! покровъ Божій надъ вами!“ Но слѣпая, увлеченная толпа ловитъ каждое слово въ болѣзненно-раздраженномъ воображеніи, и при общемъ ослабленіи и раздраженіи нервной системы, со-

здаютъ особые смыслы, картины, чувствованія, и жалкіе изувѣры даже плачутъ!.. Наконецъ, и пророкъ, подобно шаману измучившись, падаетъ въ ослабленіи и обморокѣ.

Этимъ представленіе и пляски оканчиваются. Потомъ поютъ заключительныя молитвы о благополучномъ возвращеніи по домамъ; усаживаются по мѣстамъ, отдыхаютъ, пьютъ чай, ѣдятъ и ложатся спать.

Есть еще два рода радѣній: „чрезвычайное и годовое“.

Чрезвычайныя радѣнія бываютъ при какихъ нибудь особенныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ при обращеніи въ секту новаго лица, при случившемся несчастіи, при желаніи знать будущее, въ родѣ того, счастливо ли будетъ выселеніе изъ Туруханскаго края на Маю и Алданъ въ Якутской области. Для совершенія такого радѣнія бываетъ уже заранѣе выкопана подъ поломъ яма; надъ нею въ полу дѣлается рѣшетка, надъ которой ставится круглый чанъ со свѣжей водой. Чанъ облѣпляется горящими восковыми свѣчами. Около него составляется тоже два круга, какъ было и при хороводномъ радѣніи. Пророки долго читаютъ молитвы, а „лебеди бѣлые“ лежатъ въ то время передъ чаномъ ницъ. Это длится до полночи. Тогда спускаютъ и мужчины и женщины рубашки по поясъ, но такъ, что женщины прикрываютъ грудь; потомъ длинными рукавами опоясываются. За тѣмъ одинъ за другимъ подходятъ къ пророку или пророчицѣ, и та подаетъ имъ вербовые пучки, а гдѣ ихъ нѣтъ — просто жгутики, называемые святыми. При раздачѣ святыхъ жгутиковъ пророчица бьетъ каждаго жгутомъ черезъ правое или лѣвое плечо. За тѣмъ всѣ устанавливаются въ круги и ведутъ во всей силѣ хороводное радѣніе, поколачивая при бѣганьѣ другъ друга и припѣвая:

Хлыщу, хлыщу, Христа ищу!
Сниди къ намъ Христосъ со седьмаго неба,
Походи съ нами, Христосъ, во святомъ во кругу,
Сокати съ небеси, сударь, Духъ святой!

И прекращается радѣніе, когда замѣтятъ колыханіе воды въ чанѣ. Заранѣе созданное убѣжденіе, погруженіе человѣка въ ожиданіе, болѣзненно настроенное воображеніе съ возможностію различныхъ галлюцинацій и иллюзій, легко могутъ произвести колыханіе воды. Этого довольно, этого и нужно было. Всѣ припадаютъ лицомъ къ землѣ, и имъ будто слышится какой-то глухой голосъ. Цѣль достигнута, и сценическое представленіе кончается. За тѣмъ выпускаютъ воду изъ чана, сжигаютъ пучекъ вербы, либо частицу жгута на горѣвшихъ вокругъ чана свѣчахъ, цѣлуютъ колѣно у пророчицы и расходятся. Если кому по-

счастливится замѣтить кровь на томъ матеріалѣ, который употребленъ былъ для хлыстанья, то берутъ съ собою и прячутъ, какъ драгоцѣнность, называя „обновленіемъ тѣла кровію“. Эта вещь служитъ послѣ, по предположенію скопцовъ, цѣлебнымъ средствомъ отъ разныхъ болѣзней, для чего зажигаютъ ее и стараются проглотить дымъ. Остатки свѣчь, собранные съ чана, тоже собираются, хранятся до смерти, и въ минуты предсмертныхъ мукъ сжигаются, а недогорѣвшіе частицы укладываютъ въ гробъ.

Особенность послѣдняго радѣнія, *годоваго*, состоитъ прежде всего въ выборѣ особенно долгаго іюньскаго дня. Оно производится точно такъ, какъ „чрезвычайное“ радѣніе; все отличіе въ результатѣ. Когда всколыхнется вода, то воображенію ихъ представляется надъ чаномъ туманъ, а въ туманѣ младенецъ, сіяющій золотистымъ свѣтомъ. Отъ этого видѣнія они тоже падаютъ ницъ и потомъ раскланиваются другъ съ другомъ, поздравляя *„съ видѣніемъ Христа“*. Послѣ того пророчица помазываетъ всѣхъ водою изъ чана и позволяетъ брать ее въ дома. При помазаніи она приговариваетъ: „даромъ Святаго Духа помазайтесь!“ Суевѣрные думаютъ найти въ этой водѣ цѣлебное средство отъ болѣзней.

Кромѣ всѣхъ этихъ семи видовъ собраній скопческихъ, у нихъ бываетъ еще осьмое. Это *посвященіе въ скопцы новаго члена*. Оно дѣлается такъ. Къ посвященію приступаютъ въ такомъ случаѣ, какъ убѣдятся вполнѣ въ готовности человѣка, а для того его по нѣскольку дней томятъ на молитвѣ и ослабляютъ полнымъ голодомъ, слѣдовательно вводятъ уже съ ослабленными и раздраженными нервами. Я говорю здѣсь, конечно, о настоящемъ посвященіи, точно также какъ приготовляютъ для пророковъ и пророчицъ съ дѣтства мальчиковъ и дѣвочекъ. Это совершенно сходствуетъ съ шаманствомъ. Бѣдныя дѣти съ малолѣтства дѣлаются свидѣтелями всего этого возмутительнаго гаерства, ихъ нервы ослабѣваютъ и раздражаются, а съ этимъ является наклонность къ галлюцинаціямъ и иллюзіямъ, и несуществующее начинаетъ съ убѣжденіемъ приниматься за существующее. А какъ это не трудно — всякій можетъ видѣть изъ того, на сколько сильно убѣжденіе, почти вѣра во все ложное, носящее названіе суевѣрій и предразсудковъ.

Кромѣ настоящихъ „посвящаемыхъ“, у которыхъ уже составилось убѣжденіе въ необходимости обряда, какъ много такихъ жалкихъ людей, которые оскоплены въ пьяномъ видѣ, или изъ разврата нравственнаго, при бѣдности, согласились на него за наличныя деньги и въ ожиданіи

будущихъ благъ, когда мальчикъ, являющійся весь въ бѣломъ изъ чана съ водою, будетъ раздавать своимъ дѣтямъ, „бѣлымъ лебедямъ“, наградныя денежки! Потому женщины-сектантки, сколько я видѣлъ ихъ въ Туруханскомъ краѣ, почти всѣ изъ развратныхъ домовъ и продолжаютъ распутничать и въ глухомъ сѣверѣ.

Вотъ собрались „люди божіи“ и составили „корабль“. По одну сторону усѣлись мужчины, по другую женщины; у всѣхъ въ рукахъ по горящей восковой свѣчкѣ. Впереди, особо за столомъ, покрытомъ бѣлою скатертью, сидитъ пророчица; а пророкъ вводитъ „посвящаемаго“ въ собраніе, имѣя въ одной рукѣ крестъ, а въ другой горящую свѣчу. При переходѣ черезъ порогъ посвящаемый долженъ креститься въ знакъ вѣры и предстоящаго страданія. За тѣмъ пророкъ ставитъ его посреди комнаты, велитъ молиться и раскланиваться до сырой земли всѣмъ братьямъ и сестрамъ. Несчастный, съ миною благоговѣнія, дѣлаетъ земные поклоны, а за ними, на вопросъ пророка: „зачѣмъ сюда пришелъ?“ долженъ отвѣтить: „душу спасти“. Но вотъ начинаются клятвы, изъ которыхъ главною онъ обязывается скрывать все въ тайнѣ, чтобы при пытаньяхъ не выпытали, жгли да не выжгли, чтобы и жизнью пожертвовать, а ничего не сказать. Поклялся онъ, а ему читаютъ прощеніе за то, что столько времени, до настоящей минуты, потерялъ онъ напрасно, бывъ нечистымъ и отверженнымъ отъ Христа. „Простите меня, братцы и сестрицы, твердитъ ослѣпленный, виноватъ, я былъ грѣшный, молитесь за меня въ вашихъ праведныхъ молитвахъ!“ Всѣ встаютъ и дѣйствительно молятся за него. Трагикомедія идетъ далѣе: жалкую жертву опоясываютъ полотенцами и водятъ вокругъ комнаты съ пѣніемъ; „во Іорданѣ крещающуся тебѣ, Господи!“ Благодатный Богъ, попусти намъ Богъ!

Съ нами пребудь Богъ до скончанія вѣка, аминь!
Елицы отъ Христа въ Христа крестистеся,
Во Христа облекостеся. Аллилуія.

Въ качествѣ присяги долженъ посвящаемый приложиться къ образамъ, и всѣ за нимъ прикладываются; а пророкъ заявляетъ: „видишь, мы всѣ присягнули за тебя“. Наконецъ, на увлеченнаго надѣваютъ радѣльную рубаху, подпоясываютъ черною лентою; всѣ одинъ за другимъ цѣлуютъ его; потомъ онъ цѣлуетъ колѣно у пророка и пророчицы.

Въ заключеніи же, на основаніи словъ Матѳея: „той вы креститъ духомъ святымъ и огнемъ“, креститъ его пророкъ три раза горящею свѣчею. На этомъ моментѣ мы опускаемъ занавѣсъ: далѣе совершается

уголовное преступленіе и противъ закона естественнаго, и противъ закона государственнаго!!

Взглянемъ теперь на этого человѣка. Иной высокій ростомъ и плечистый мужчина оказывается слабосильнымъ до смѣшнаго. На самомъ лицѣ у него лежитъ уже печать этой слабости: мертвенная блѣдность, робкій взглядъ, дряблая и вялая кожа. И не удивительно; они лишаются огромнаго количества крови, и не ѣдятъ мяснаго. Сектанты эти обыкновенно очень зябки, слабодушны, хитры, увертливы, словомъ, и физически и въ характерѣ лишаются особенностей мужчины. Они теряютъ и всякое чувство любви къ людямъ, чему мы учимся на своихъ дѣтяхъ, они эгоисты ([1]), и общеніе между собою ведутъ отнюдь не по влеченію, а только какъ члены одной партіи. Словомъ, это самая вредная секта, какую только производило людское безуміе ([2]).

Мы предлагаемъ противу нея слѣдующія мѣры: во-1-хъ, остановивъ всякое преслѣдованіе всѣхъ другихъ старовѣрческихъ сектъ, считать, напротивъ, оскопленіе за преступленіе уголовное, такъ какъ — если человѣкъ отъ того и не умретъ — онъ дѣлается навсегда калекой; во-2-хъ, до обращенія ихъ въ православіе, не впускать ихъ вовсе въ православные храмы, потому что это дѣлается ими только для насмѣшки и кощунства; а главное въ 3-хъ, въ духѣ любви христіанской заботиться о просвѣщеніи ихъ св. вѣрою, и имѣть въ селеніяхъ ихъ умныхъ, добрыхъ и образованныхъ пастырей православной церкви.

([1]) Имъ дѣла нѣтъ, чтобы ни дѣлалось съ другимъ человѣкомъ: тони онъ, или гори. При отправленіи почтовой гоньбы ими по Туруханскому краю они даже опасны для проѣзжихъ, потому что, не оказываютъ никакой помощи сбившимся съ дороги.

([2]) Чтобъ видѣть всю гнусность секты, стоитъ только во время радѣній взглянуть на совершеніе сектантами плясокъ и другихъ безсмысленныхъ ихъ обрядностей.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Прослѣдимъ водную систему и населеніе за Туруханскомъ.

Городомъ Туруханскомъ окончились мѣста, болѣе или менѣе посѣщаемыя торговцами. Но мы должны прослѣдить систему Енисея и далѣе и чтобы это было и виднѣе и сжатѣе составлены таблицы.

Приступая къ изложенію дальнѣйшаго маршрута къ морю и въ стороны въ обѣ тундры, я считаю нужнымъ сказать еще слѣдующее. Главный хребетъ, идущій отъ Нижней Тунгузки на сѣверъ параллельно съ р. Енисеемъ, верстахъ въ 200 отъ него, называется „Медвѣдь камень“ и пересѣкаетъ рѣку Усть-Курейку, или, правильнѣе, эта рѣка прорываетъ хребетъ и скатывается въ этомъ мѣстѣ водопадомъ между двухъ утесистыхъ горъ. Далѣе „Медвѣдь камень“ развѣтвляется; одинъ отрогъ держится и доходитъ до устья р. Пясиной, а другой направляется къ устью рѣки Анабары. Эти хребты начинаются еще отъ Подкаменной Тунгузки и до р. Усть-Курейки покрыты лѣсомъ въ Верхнеимбатскомъ участкѣ—лиственичнымъ, сосновымъ, кедровымъ и еловымъ, а въ Дудинскомъ—однимъ лиственичнымъ; отъ Усть-Курейки же на сѣверъ главный хребетъ Голъ. Составъ этихъ горъ мало извѣстенъ, но, судя по камнямъ, вымываемымъ притоками на р. Енисей, онъ долженъ состоять изъ разнородныхъ кварцевыхъ породъ. Ниже Усть-Курейки горы эти теряютъ разнообразіе и состоятъ изъ одного сѣраго известняка. Образуемые между горъ котловины и овраги, поросшіе мхомъ, содержатъ въ себѣ постоянныя водохранилища, изъ коихъ, большею частію, берутъ начало рѣки. Эти же самыя котловины, наполненныя водою, образуютъ озера, которыя достигаютъ иногда значительной величины. Равнины по правую сторону р. Енисея, начинающіяся отъ рѣки Усть-Курейки, или, правильнѣе, отъ вершинъ рѣки Хантайки и идущія на сѣверъ до р. Хеты и еще нѣсколько сѣвернѣе, покрыты однимъ лиственичнымъ лѣсомъ, а также бѣлымъ оленьимъ мхомъ. За Хетою же къ сѣверу древесная растительность вскорѣ прекращается.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Енисей ниже Монастырской Тунгузки, стоитъ упомянуть:

Во-первыхъ, Лѣтняя Курейка вытекаетъ изъ озера, лежащаго отъ Енисея на востокѣ далѣе Хатангскаго озера. Рѣка эта уже Турухана

имѣетъ перекаты на подобіе Нижней Тунгузки. Въ ней много рыбы. Берега ея гористы и покрыты листвяничнымъ лѣсомъ, глубина отъ 1 до 30 саженъ. Весною разливъ бываетъ небольшой. Отъ устья ея верстъ полтораста есть огромные пороги, гдѣ вода скатывается водопадами. Эти мѣста не проплываемы и на лодкахъ.

Во-вторыхъ, Хантайка лежитъ ниже Лѣтней Курейки. Въ отношеніи ея почти тоже должно сказать, что говорилось и о Лѣтней Курейкѣ, только пороговъ большихъ нѣтъ и берега возвышены. Она въ половину менѣе Курейки, течетъ съ востока, верстъ на 80 южнѣе большаго озера Рыбнаго.

РАЗСТОЯНІЯ И ЗАМѢТКИ О ЗАСЕЛЕНІИ ЗА ТУРУХАНСКОМЪ.

№	Названія.	При какихъ мѣстахъ.	Разстояніе между собою.	Разстояніе отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Число жителей. Муж.	Число жителей. Жен.	Примѣчанія.
	Туруханскій участокъ.							
1	Шорохино	На р. Енисеѣ и только одно въ этомъ участкѣ; стоитъ на правой сторонѣ.	—	35	9	29	37	Жители — болѣе Якуты; они составляютъ особый Шорохинскій родъ.
2	Гороховское	Оба въ сторону отъ Енисея по р. Турухану.	—	75	1	2	—	
3	Балхинское		25	100	1	3	4	
4	На Тазу у церкви .	По р. Тазу.	—	525	3	5	3	Церковь деревянная.
5	На Тазу у часовни .		—	300	1	11	1	Часовня мученика Василія Мангазейскаго находится отъ зимовья въ 10 верстахъ.
	Прим. 1. Къ этому же участку принадлежитъ и заштатный городъ Туруханскъ.							
	Прим. 2. О жителяхъ:							
	Чиновниковъ, духовныхъ и казаковъ .	—	—	—	—	33	45	
	Мѣщанъ	—	—	—	—	22	28	
	Крестьянъ	—	—	—	—	31	31	
	Поселенцевъ	—	—	—	—	141	98	
	Въ числѣ этихъ послѣднихъ состоитъ: скопцовъ —54 муже-							

№	Названія.	При какихъ мѣстахъ.	Разстояніе между собою.	Разстояніе отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Число жителей. Жен.	Муж.	Примѣчанія.
	скаго и 55 женскаго; старовѣровъ 3 мужч. и 2 женщ.; іудействующихъ — 1 муж. 1 женщина.							
	Изъ инородцевъ слѣдующіе:							
1	Шорохинскихъ Якутовъ	—	—	—	—	16	17	
2	Илимпейскихъ Тунгузовъ	—	—	—	—	212	160	
3	Усть - Тырыжскихъ Тунгузовъ.	—	—	—	—	37	22	
4	Остяковъ Баихинскихъ	—	—	—	—	117	91	
5	Остяковъ Тымско-караканскихъ.	—	—	—	—	271	201	
6	Тазовскихъ Юраковъ	—	—	—	—	156	135	
	Прим. 3. Участокъ этотъ занимаетъ пространство къ западу отъ Енисея.							
	Дудинскій участокъ.							
	Прим. 1. Это обширнѣйшая часть Туруханскаго края: сюда принадлежитъ все пространство къ востоку отъ Енисея до Якутской области. Селенія будутъ обозначаться по двумъ путямъ: a) по Енисею и b) въ тундру.							
	a) *По Енисею.*							
1	Ангутское	На Енисеѣ при впаденіи р. Шара. Сюда идутъ по каменной сторонѣ.	30 отъ Шорохинскаго.	65	8	19	20	Живутъ поселенцы. Стоитъ упомянуть, что въ 1859 году у одного скопца родился даже ячмень; слѣдовательно, можно же хлопотать въ Туруханскомъ краѣ о разведеніи его.
2	Кономельское	—	20	85	6	21	18	
3	Горослинское	На каменной сторонѣ.	20	105	4	20	23	
4	Усть-Курейское . . .	На польской сторонѣ; но	25	130	3	4	6	Здѣсь хлѣбный магазинъ.

№	Названія.	При какихъ мѣстахъ.	Разстояніе между собою.	Разстояніе отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Число жителей. Муж.	Число жителей. Жен.	Примѣчанія.
		лучше было бы еслибъ селеніе стояло на каменной, потому что справа впадаетъ очень рыбная рѣка Курейка и мѣстность хорошая.						
5	Денежкино		30	160	3	20	12	
6	Ермаково	На каменной сторонѣ.	25	185	2	21	23	
7	Карасино.		40	225	4	13	19	Хлѣбный магазинъ. Около послѣднихъ двухъ зимовьевъ живутъ Остяки, такъ называемой, Карасинской управы. Енисейскіе рыботорговцы на большихъ судахъ плаваютъ обыкновенно до этого зимовья, почему и называются «Карасинцами».
8	Сушково	Съ Карасинскаго (7) дѣлаютъ поворотъ на польскую сторону; потому что на каменной начинается множество острыхъ, подводныхъ камней (кармакулъ).	25	250	5	18	14	
9	Горѣловское		20	270	2	12	13	
10	Игарское		20	290	1	11	9	
11	Носовское		25	315	1	5	5	
12	Плохинское		35	350	3	10	8	
13	Каменный мысъ, или пустое, или въ послѣднее время «Салмановское» . .		20	370	1	6	2	
14	Хантайское	Плывутъ по лѣвой же сторонѣ; но станокъ на каменной, потому что на лѣ-	20	390	4	16	17	Тутъ кончается уже ловъ бѣлки; далѣе же къ морю находятъ только горностаевъ, песцовъ, медвѣдей, зайцевъ, россомахъ

№	Названія.	При какихъ мѣстахъ.	Разстояніе между собою.	Разстояніе отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Число жителей. Муж.	Жен.	Примѣчанія.
		вой тутъ болото, а на правой впадаетъ р. Хантайка.						и лисицъ. Объ огородныхъ растеніяхъ, казалось бы, не должно быть и помину, а между тѣмъ въ 1859 г. у опытнаго скопца родилась капуста (только не вилками, а въ листахъ), картофель небольшой, рѣдька и огромная рѣпа. О впадающей тутъ р. Хантайкѣ, сказано выше.
15	Кичково	На лѣвой сторонѣ.	10	400	1	—	—	
16	Денисово		10	410	2	9	4	
17	Вмѣсто прежнихъ Фокино и Прилучнаго теперь «Потаповское»		30	440	4	18	17	Вблизи того мѣста впадаетъ небольшая р. Авама.
18	Лузино		30	470	3	9	6	
19	Катерины Шадриной.		8	478	1	—	—	
20	Вершининское	На правой сторонѣ.	17	495	2	13	9	Съ этого зимовья переваливаютъ съ польской стороны на каменную, потому что на лѣвой начинаютъ тутъ отдѣляться много острововъ и образовываться много протокъ, которыхъ фарватеры неизвѣстны.
21	Горчаково		15	510	1	—	—	
22	Село Дудинское . . .		25	535	1	20	20	Есть каменная церковь и живетъ тутъ священникъ. Живутъ 2 казака при двухъ казенныхъ магазинахъ, а нынѣ и особый смотритель участка. Суглинное мѣсто; пристань; пунктъ отправленія за тундру. Ниже начинается тундра со множествомъ волковъ и медвѣдей. Енисей течетъ въ плоскихъ берегахъ, шириною въ 10-ть верстъ. Жители ѣздятъ на оленяхъ и

№	Названія.	При какихъ мѣстахъ.	Разстояніе между собою.	Разстояніе отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Число жителей. Муж.	Число жителей. Жен.	Примѣчанія.
								собакахъ. Имѣются курицы.
23	Ермиловское	На правой сторонѣ.	25	560	1	4	2	Здѣсь видѣнъ только тальникъ и ольха вышиною въ аршинъ. Лиственница же идетъ далѣе, но рѣдко показывается вышиною до 5 аршинъ и толщиною до 4 вершковъ.
24	Ананьинское		23	583	1	6	6	
25	Малышовское		30	613	2	8	4	
26	Крестовское		40	653	2	10	3	
27	Селянинское		50	703	2	4	3	
28	Казанское		18	721	2	10	10	
29	Толстый Носъ		40	761	3	18	15	До Толстаго Носа плаваютъ еще енисейскіе торговцы; а далѣе уже рѣдко. Енисейскій лиманъ имѣетъ здѣсь 20 верстъ ширины.
30	Дурановское		25	786	1	2	1	
31	Сѣченово		30	816	2	7	3	
32	Караульное		20	836	2	12	7	Ловятъ оленей петлями. Есть что-то въ родѣ постоялаго дома. Имѣется казенный хлѣбный магазинъ.
			35	871	1	3	3	
33	Бородинское		20	891	1	3	1	
34	Лукинское		40	931	2	12	10	
35	Охотское		30	961	1	5	6	
36	Коренное		40	1,001	1	2	2	Здѣсь Енисейскій лиманъ имѣетъ 60 верстъ ширины.
37	Звѣрево							
	Прим. 1. На всемъ этомъ пространствѣ отъ села Дудинскаго есть еще нѣсколько зимовьевъ, но они уже запустѣли и не значатся въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, составленныхъ на 1860 годъ г. засѣдателемъ Третьяковымъ.							
38	Касново		30	—	—	—	—	Нѣкоторыя изъ этихъ зимовьевъ уже пусты, въ другихъ есть по одной семьѣ. Здѣсь уже морская вода; на пищу же берутъ изъ ключей и озеръ, а зимою таютъ снѣгъ.
39	Бичево		12	—	—	—	—	
40	Каменное		15	—	—	—	—	
41	Маркино		18	—	—	—	—	
42	Судейское		29	—	—	—	—	
43	Паново		20	—	—	—	—	
44	Суханово		25	—	—	—	—	
45	Киташево		30	—	—	—	—	

№	Названія.	При какихъ мѣстахъ.	Разстояніе между собою.	Разстояніе отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Число жителей. Муж.	Число жителей. Жен.	Примѣчанія.
	Примѣчан. Послѣ Звѣревскаго зимовья, Енисей еще расширяется и, съузившись для впаденія, вливается въ море подъ 71°5′ широты.							
	Зимовья отъ села Дудинскаго до Якутской границы, слѣдовательно въ сторону отъ Енисея.							
1	Введенское	При р. Пясиной.	150	685	1	4	2	
2	Половинкино		25	710	1	2	3	
3	Заостровочное		50	766	1	2	3	
4	Черновское.		6	766	1	2	3	
5	Крыжевское		10	776	1	4	1	
6	Авамское.	При р. Авамѣ.	—	1,026	1	2	3	
7	Бархатовское	При р. Дудынтѣ.	—	1,096	1	3	2	
8	Корниловское		—	1,141	1	2	1	
9	Самакловское		—	1,196	1	2	—	
10	Понтурмовское. . . .	При р. Понтурмѣ.	—	1,226	1	3	3	
11	Россошное	При р. Россохѣ.	—	1,266	1	3	2	
12	Боганидское	При р. Боганидѣ.	—	1,289	1	4	5	
13	Еремннское		—	1,304	1	3	4	
14	Нолтоновское		—	1,344	2	3	2	
15	Лыткинское.		—	1,374	1	2	3	
16	Оксеновское	При р. Хетѣ.	—	1,399	1	4	3	
17	Нолдановское		—	1,479	1	2	4	
18	Андреевское		—	1,539	1	3	4	
12	Александровское . .		—	1,549	2	4	5	
20	Кононовское		—	1,565	2	3	4	
21	Соколовское		—	1,587	2	4	3	
22	Насоновское	При р. Хатангѣ.	—	1,617	1	3	3	
23	Крестовское		—	1,634	1	4	2	
24	Хатангское.		—	1,659	4	5	4	
25	Ждапинское		—	1,689	2	3	2	
26	Островское		—	1,723	1	3	5	
27	Лѣтовское		—	1,744	1	3	3	
28	Усть-Нижнее. . . .		—	1,764	1	2	4	
29	Убойновское		—	1,789	1	4	2	
30	Крестовское		—	1,869	1	2	2	
31	Рыбковское.		—	1,894	2	4	3	
32	Балахнинское	При р. Балахнѣ.	—	2,109	1	4	3	
33	Кыргызовское		—	2,179	1	5	4	
34	Озерское		—	2,359	1	4	6	
35	Анабарское	При р. Анабарѣ.	—	2,609	2	4	2	

Населеніе этого (Дудинскаго) участка, не считая нѣсколькихъ человѣкъ духовныхъ и казаковъ, слѣдующее:

			Мужч.	Женщ.
1. Не инородцевъ:	a)	мѣщанъ.	56	41
	b)	крестьянъ	258	216
	c)	поселенцевъ	181	164
		Итого.	495	421
2. Инородцевъ:	a)	Якутскаго нижнезатундринскаго рода	263	272
	b)	Тунгузовъ боганидскаго.	59	49
	c)	— 2-го лѣтняго	57	85
	d)	— долганоессейскаго . . .	195	187
	e)	— 3-го лѣтняго	48	40
	f)	— жиганскаго	74	70
	g)	— долганскаго	108	83
	h)	— чапогирскаго	175	97
	i)	— 4-го лѣтняго	61	40
	k)	Самоѣдовъ вадѣевскаго.	56	78
	l)	— авамскаго	242	213
	m)	— карасинскаго	142	139
	n)	— хантайскаго	117	106
	o)	Юраковъ береговаго	29	23
	p)	Остяковъ карасинскаго.	47	41
		Итого . .	1,673	1,523
		Всего . .	2,168	1,944

Примѣчаніе. Еще разъ присовокупляю, что это свѣдѣнія, составленныя на 1860 г. и оффиціально доставленныя засѣдателемъ Третьяковымъ, послѣ личнаго обозрѣнія имъ края.

Послѣднія зимовья, т. е. отъ Толстато носа къ морю, по берегу губы, почти не посѣщаются Енисейцами. Да и пространство отъ Туруханска до „Звѣрево“ посѣщается только нѣсколькими большими судами. Суденушки же и лодки доплываютъ только или до Туруханска, или еще ближе до Инбацка.

Самая большая часть посудинъ, плавающихъ по Енисею, и главное — барокъ, выступаетъ изъ Минусинскаго округа съ хлѣбомъ. Точкою, къ которой несется вся эта масса, служитъ Енисейскъ. Но много проплываетъ и мимо города прямо на Ермакъ. Такъ поступаютъ или ранѣе, еще въ Минусинскомъ округѣ и нерѣдко зимою еще, закупленные съ

доставкою на Ермакъ; или изъ плывшихъ къ городу барокъ иныя перехватываются, за нѣсколько верстъ до города, скупщиками и проходятъ туда же къ Ермаку, отчего поддерживается дороговизна въ городѣ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ Анцыферовскаго Волостнаго Правленія, оказывается, что съ 1854-го по 1859-й годъ проплыло внизъ мимо волости судовъ 60, барокъ 850, лѣсныхъ плотовъ съ грузомъ 690, да кромѣ того много лодокъ съ рыбою, плавающихъ, какъ выше сказано, болѣе до Инбацка. По свѣдѣніямъ же, собраннымъ частно, съ помощію купца Фунтусова, какъ одного изъ главныхъ хлѣботорговцевъ, посѣтившаго лично всѣ мѣста въ Минусинскомъ округѣ, оказываются данныя весьма интересныя, которыя привожу здѣсь въ таблицѣ и по которымъ видно, какъ испещрена въ маѣ и іюнѣ поверхность южной половины Енисея разнообразными посудинами съ грузомъ и что весь этотъ грузъ составляетъ хлѣбъ для пріисковъ.

ТАБЛИЦА БАРКАМЪ, ПРИГОТОВЛЕННЫМЪ ПОДЪ СПЛАВЪ ХЛѢБА ИЗЪ МИНУСИНСКАГО ОКРУГА ВЪ Г. ЕНИСЕЙСКЪ ВЪ ЛѢТѢ 1859 Г.

	Количество барокъ.	Мѣра.	Мука.	Овесъ.	Итого муки и овса.
			П у д ы.		
Фунтосова	2	9	8,000	8,000	16,000
Грязнова	2	9	10,000	6,000	16,000
Токарева	4	9	4,000	28,000	32,000
Данилова	4	9	8,000	22,000	30,000
Котликова	1	6	2,500	1,000	3,500
Монастыршина	2	9	4,000	9,000	13,000
Гуляева.	2	9	3,000	9,000	12,000
Ефимова	3	9	20,000	—	20,000
Котлелова	1	7	2,500	2,000	4,500
Казака Ермолаева . . .	1	8	3,500	3,000	6,500
Попова	1	9	500	6,000	6,500
Сватликова	1	9	1,000	5,500	6,500
Салнекъ.					
Тархова	1	9	3,000	5,000	8,000
Шунеръ.					
Малова	1	7	3,500	4,000	7,500
Казака Ермолаева . . .	1	8	4,500	500	5,000
Огуръ.					
Соловьева	1	6	1,500	2,000	3,500
Каптыревой.					
Суботина	1	9	4,500	3,000	7,500
Коренева	1	6	2,500	1,000	3,500

	Количество барокъ.	Мѣра.	Мука.	Овесъ.	Итого муки и овса.
			П у д ы.		
По Оѣ.					
Матонина	6	9	14,000	34,000	48,000
Фунтосова	4	9	16,000	16,000	32,000
Солдатова	1	9	4,000	3,000	7,000
Казанцова	1	$7^1/_2$	2,250	2,250	4,500
Токарева	2	—	8,000	8,000	16,000
Коѣ.					
Грязнова	3	9	—	24,000	24,000
Каменкѣ.					
Токарева	2	9	16,000	—	16,000
Полежаева	1	6	2,500	1,000	4,500
Лумской.					
Лыткина	2	8	6,000	6,000	12,000
Въ Минусинскѣ.					
Токарева	2	9	—	16,000	16,000
Клегмера	1	9	5,000	2,000	7,000
Филимонова	1	8	4,000	2,500	6,500
Горносталева	1	8	4,000	2,500	6,500
Гурова	1	6	2,000	1,500	3,500
Бякова	1	8	4,000	2,500	6,500
Ниже Минусинска.					
По Тубѣ.					
Калашникова	1	9	3,600	3,500	7,100
Сухорукова	1	8	4,000	2,000	6,000
Артемьева	3	8	10,000	6,000	16,000
Малова	1	9	4,000	3,500	7,500
Шалобольскаго	1	9	5,000	2,500	7,500
Черныхъ	1	7	3,000	1,500	4,500
Въ Абаканскомъ селѣ.					
Тархова	1	9	3,500	4,500	8,000
Сыдѣ.					
Красногрудова	1	7	3,200	1,800	5,000
Банниковой.					
Грязнова	1	8	—	6,500	6,500
Мотонина	2	8	—	13,060	13,000
Крестьянская	1	8	3,500	3,000	6,500
Бѣльскѣ.					
Мингалева	1	8	4,000	2,500	6,500
Крестьянская	1	7	3,000	2,000	5,000
Тесе.					
Крестьянскихъ	4	9	18,000	12,000	30,000
Уласѣ.					
Потылыгина	1	8	5,000	1,500	6,500
Новоселовой.					
Белозерскаго	1	8	4,500	2,500	7,000
Фалѣева	1	8	4,000	2,500	6,500
Мотонина	1	8	—	7,000	7,000

	Количество барокъ.	Мѣра.	Мука.	Овесъ.	Итого муки и овса.
			П	у д	ы.
Яловой:					
Лейбина	1	7	4,000	1,500	5,500
Трифоновой Крестьянская .	1	8	4,000	2,000	6,000
Комъ тоже .	3	9	16,000	8,000	24,000
Кривошенной:					
a) Потѣхина	2	9	9,000	6,000	15,000
b) Сѣдова	1	8	3,500	3,000	6,500
c) Крестьянскихъ . . .	2	7	7,000	3,500	10,500
Куртомъ Крестьянскихъ . .	2	8	9,000	4,000	13,000
Убеть тоже . .	3	8	12,000	8,000	20,000
Усть-Убеть тоже . .	2	8	8,000	5,000	13,000
Бережоновой тоже . .	3	8	10,000	10,000	20,000
Ижулъ тоже . .	3	8	10,000	10,000	20,000
Кореневой тоже . .	2	8	6,000	6,000	12,000
Силимъ тоже . .	4	8	15,000	11,000	26,000
Караульной тоже . .	1	7	3,000	2,000	5,000
Яской Лопатина	1	8	4,000	2,500	6,500
Острогъ:					
a) Волкова	2	8	6,500	6,500	13,000
b) Кирилова	1	6	1,500	1,500	3,000
Даурской:					
a) Грязнова	2	9	7,000	8,000	15,000
b) Кытманова	2	9	5,000	11,000	16,000
c) Слѣдкова	2	8	5,000	8,000	13,000
d) Мосина	2	8	9,000	4,000	13,000
e) Крестьянскихъ . . .	6	8	22,000	18,000	40,000
Итого . . .	131	—	429,050	453,050	882,600

Примѣчаніе. Кромѣ вышеисчисленныхъ барокъ, было еще въ 1859 году до 80 плотовъ, приплавленныхъ въ Енисейскъ изъ селеній Красноярскаго, Ачинскаго и Минусинскаго округовъ; на нихъ нагружено хлѣба болѣе 60,000 пудовъ. Но здѣсь не помѣщены еще всѣ тѣ торговцы, которые покупали хлѣбъ и строили барки или плоты ниже города Красноярска. Слѣд. цифры еще не полныя. Да если принять еще въ соображеніе: 1) что въ этомъ году было уменьшено на сѣверной системѣ пріисковъ число рабочихъ чуть не на четвертую часть противу напр. 1857 года; 2) что множество хлѣба свозится по зимнему пути изъ богатѣйшаго Ачинскаго округа; 3) что даетъ же сколько нибудь и самый Енисейскій округъ; 4) что южная система пріисковъ запасается особо, и 5) что идетъ хлѣбъ и изъ Иркутской губерніи, увеличиваясь въ количествѣ съ каждымъ изъ послѣднихъ годовъ, такъ что на лѣто 1860 года запасаютъ въ Иркутскѣ, для отправки Верхнею Тунгузкою въ Енисейскъ, до 300 павозковъ съ массою разнаго хлѣба до

1,000,000 пудовъ, то интересно бы знать положительно, сколько истребляетъ хлѣба сѣверная система золотыхъ промысловъ.

Главная доставка, говоря вообще, бываетъ въ маѣ и въ іюнѣ мѣсяцахъ; но въ остальные 3 мѣсяца, т. е. іюлѣ, августѣ и сентябрѣ доставляется менѣе десятой части всего количества.

Постройка барокъ, во всей готовности къ нагрузкѣ, стоитъ:

6	саженъ	отъ	100	до	120	рублей.
7	„	„	120	„	150	„
8	„	„	150	„	200	„
9	„	„	200	„	250	„
10	„	„	250	„	300	„

Болѣе этой мѣры въ постройкѣ въ 1859 году не было. За сплавъ рабочимъ бывалымъ платилось съ мѣста по 15 р. до Енисейска, да содержаніе обошлось на каждаго по 8 р. Кормщикамъ же каждому отъ первой пристани или верхней платилось до Енисейска отъ 80 до 100 р.

Мы видѣли, какъ важенъ Енисей для сообщеній. Не будь этою природою образованной ложбины, по которой онъ проложилъ свое русло до самаго моря, склоняясь все болѣе и болѣе къ Ледовитому, чтобы стали дѣлать въ Енисейскомъ округѣ 25,000 пріисковыхъ рабочихъ, особенно во время мѣстнаго неурожая?! Скоро ли заходятъ по водамъ его пароходы? мысль давно бродитъ у всѣхъ; были даже планы предпріятій; подавались прошенія и изъ всего нѣтъ еще ровно ничего. Я доволенъ, что пришлось видѣть Енисей въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и видѣть какъ человѣку, поставленному въ необходимость взглядывать, съ тревожнымъ сердцемъ, въ каждое на немъ явленіе.

Отправился я изъ Енисейска внизъ 21 сентября, въ холодъ и въ самое опасное время, когда въ Енисейскѣ уже порошилъ снѣгъ. Едва отплыли отъ города, какъ могучій Енисей захотѣлъ показать свою силу и пріучить, на случай, къ своему своенравному характеру: боковой вѣтеръ закачалъ лодку и вещи, въ ней покачиваемыя, изъ стороны въ сторону, ударялись бокъ объ бокъ, издавая разнообразные звуки; голова моя съ непривычки къ качкѣ стала покруживаться и я прилегъ.

Перекрикиванье кормчаго съ гребцами, однообразный полушумъ и полусвистъ проносящаго вѣтра, поплескиванье и глухой какой-то безразличный шумъ заходившей массы водъ Енисея, наконецъ удары волнъ въ борта, то мрачно-глухо уходящихъ послѣ удара подъ лодку, то изъ глухаго звука переходящихъ въ ясный всплескъ отъ части волнъ, взды-

мающейся по лодкѣ вверхъ съ пѣной на гребнѣ своемъ, все сливалось въ какую-то дикую и, безъ примѣси искуства, дѣвственную гармонію. Увѣряю васъ, что то была гармонія—отъ того ли, что и я такъ же диковато-смутно и тревожно былъ настроенъ, или всѣ эти звуки въ самомъ дѣлѣ такъ сочетались между собою, но разнозвучій мое ухо тутъ не слыхало.

Вскорѣ потемнѣло, какъ слѣдуетъ при скрытой за тучами лунѣ; вѣтеръ стихъ, а за нимъ и волны; не зналъ бы казалось—гдѣ воды, гдѣ небо (такъ все стало изсиня темносѣро), еслибъ материкъ съ своими горами и лѣсами не провелъ на склонѣ неба своего чернаго круга и не раздѣлилъ Енисея отъ неба узкой черной, но рѣзкоявственной (среди общаго однообразія природы) полосой. И небо на этотъ разъ мнѣ беззащитному представилось не менѣе отраднымъ, какъ оазисъ путнику, готовому умереть отъ зноя и жажды Африки и отъ усталости въ борьбѣ съ ея горячими, зыбучими песками. Невольно вспоминалъ я строки изъ одной иллирійской пѣсенки г. Петровскаго:

Развѣ ты не видишь
Дѣва, моста голубаго,
Чтò надъ моремъ перегнулся?
Вѣрь, когда ослабнутъ крылья
У святой любви,—поддержитъ
Ее небо голубое!...

Съ этой отрадной упоительной мыслью я уснулъ. Проснувшись, вышелъ взглянуть на природу: вѣтеръ и волны стихли; луны тоже не было, хотя свѣту больше; можно было уже различить воду отъ неба не одной черной каймой материка, но и большимъ блескомъ, болѣе замѣтнымъ оттѣнкомъ синевы, испещренной мѣстами движущимися черными полосками, т. е. тѣми сторонами поднявшихся волнъ, которыя обращены отъ тусклаго, пробившагося сквозь тучки, свѣта луны.

По утру: изморозь и снѣгъ покрывали берега, туманъ, разлившійся всюду, помогалъ сливаться окрестности въ тупое, скучное однообразіе; глухихъ стуковъ волнъ о борта и особаго шума не было, только порывами проносился со свистомъ сиверъ (N), останавливалъ ходъ медленно двигавшейся лодки и чрезвычайно интересно приподнималъ воду въ тонкихъ слояхъ на воздухъ и съ вспѣненнымъ, отъ удара вѣтра, гребнемъ на концѣ гналъ этотъ слой, слегка ударяя о воду; а при каждомъ подъемѣ его на воздухъ—серебристыя капли вспѣненной воды роскошно сыпались въ массу водъ и безвозвратно мгновенно исчезали въ ихъ глубинѣ.

Конечно, не каждый же порывъ былъ такъ силенъ, чтобъ поднимать и носить по воздуху слои водъ; большею же частію поверхніе слои задерживались въ теченіи и при борьбѣ съ вѣтромъ вставали въ сѣдые хребтики, въ ту же минуту разсыпавшіеся. И этими сѣдыми жемчужно-разсыпчатыми хребтиками усѣивалось, появляясь и исчезая, все пространство по обѣ стороны лодки, на какое только могъ досягать взоръ, скоро терявшійся въ гущѣ тумана. Какъ желалъ бы я, чтобъ на это время выглянуло яркое утреннее лѣтнее солнце, какъ заиграло бы оно и въ тонкихъ невидимыхъ глазомъ водяныхъ частицахъ тумана и въ капляхъ, сыпавшихся съ приподнятыхъ вѣтромъ волнъ.

Первый день прошелъ безъ особенностей: зыблющаяся поверхность Енисея, по прежнему, сѣрая поверхность неба, кой гдѣ соединявшаяся съ землей бѣловодянистыми полосами (знакъ идущаго вдали снѣга), да рѣдкій безлистный желтый лѣсъ, какъ-то жалко пропускавшій глазу другіе, слѣдующіе за нимъ виды, — и болѣе ничего.

Съ вечера тотъ же сонъ. Но ночью пробуждаюсь: луна весело смотритъ на голубоватомъ небѣ, весело отражается на склонѣ къ ней легкихъ волнъ, и горитъ почти разноцвѣтно полосой, въ аршинъ шириною, чрезъ все протяженіе Енисея къ моему окну. Признаюсь, не налюбовался бы этой игрой свѣта черезъ отраженіе! Шуму въ природѣ не было: какъ-то пріятно весело плескались волны о борта, и явственнѣе всего слышалось безконечное безостановочное *шш-уу-шш-уу;* на носу веселый смѣхъ и даже возня, вызвавшіе протяжное замѣчаніе кормщика „экъ завозились!“ А чево (¹) не возиться-то; лодку Богъ самъ катитъ; еще бы пѣсню затянули, кабы баринъ не спалъ; а ты ужъ сиди тамъ, да молчи, знай дѣло дѣлать поспѣвай, теперь въ тебѣ вся и сила“. Не трудно было изъ этихъ словъ догадаться, что то былъ попутный вѣтеръ, мы неслись на парусахъ и лодка, смѣло разсѣкая воду, издавала безостановочный и неизмѣнный *шш-уу-шш-уу* и т. д.

Вскорѣ съ каждой минутой вѣтеръ началъ усиливаться, лодку понесло необыкновенно быстро, вѣтеръ уже загудѣлъ, волны зашумѣли, люди зашевелились и захлопотали какъ бы пристать ловчѣе и скорѣе, потому что подплывали къ станціи Назимовской. Она стояла на лѣвой сторонѣ, а мнѣ нужно было пристать на правый берегъ, на резиденцію „Ермакъ“. Въ это время у меня въ каютѣ топилась желѣзная печь. Едва только лодка пристала, какъ повернулась къ вѣтру бортомъ и какъ разъ тѣмъ, гдѣ выходила труба желѣзной печи; вѣтеръ мгновенно съ какимъ-то особеннымъ рѣзкимъ зловѣщимъ свистомъ пробѣжалъ по

(¹) Это сибирское — что̀.

желѣзной трубѣ; я, вздрогнувши, обернулся, заслонка уже отбросилась и пламя, метаясь въ разныя стороны, рвалось въ каюту; съ чрезвычайной быстротой, какая только является у человѣка внѣ себя и при судорожныхъ движеніяхъ, я успѣлъ подскочить и не смотря на пламя захлопнулъ дверцы, а въ другой рукѣ былъ уже графинъ съ водой, изъ котораго я прыскалъ на выбивавшееся изъ подъ дверецъ печки пламя; открыть дверцы, чтобъ залить все, было невозможно, угли съ пламенемъ могли вылетѣть и тогда пожаръ неизбѣженъ; въ такомъ положеніи я пробылъ нѣсколько минутъ, пока услышали люди мой крикъ и пока поворачивали лодку.

Только что я спасся отъ пожара, какъ порывы вѣтра начали метать лодку, какъ щепку, то сильно ударяя о берегъ и всаживая въ него, то отнимая отъ берега и бросая къ срединѣ на просторъ расходившагося Енисея, но толстые канаты еще сдерживали мое жилище. Прошло нѣсколько минутъ, какъ раздались безпорядочные крики нѣсколькихъ голосовъ и скороговоркой „у-у, что̀ это, други, несется; быть видно бѣдѣ; пропадать видно лодкѣ; приворачивай тѣмъ временемъ сильнѣе корму; авось Богъ поможетъ“. Выскочивъ на этотъ крикъ изъ каюты, я увидѣлъ несущуюся на насъ черную громаду; которую мой глазъ еще не различалъ; оказалось, что нѣсколько плотовъ съ сѣномъ, дровами и бревнами, сорванныхъ съ береговой прикрѣпы, неслись по теченію, совершенно покоряясь произволу разнообразно порывавшагося вѣтра. Сердце мое сжалось отъ испуга; но ни звука, кромѣ восклицанія „Боже вручаюсь Тебѣ“, ни движенія, кромѣ крестнаго знаменія, а народъ между тѣмъ кричалъ, шумѣлъ, укалъ и когда массы эти готовыя сорвать и умчать невѣсть куда меня съ лодочкой, поровнялись, корма была уже подтащена и рабочіе, отталкивая шестами и веслами плоты, радостно повторяли „ну, Богъ спасъ!“ А по берегу между тѣмъ подъѣзжалъ экипажъ и человѣкъ кричалъ: „кланяются, просятъ и сказать приказали, что самоваръ на столѣ съ горячими преженцами“. Здѣсь на резиденціи жилъ мой бывшій наставникъ.

Продолжая путь далѣе, я 29 сентября сталъ встрѣчать шугу, т. е. несформировавшійся ледъ, мягкій какъ жидкая каша; но за станкомъ, при которомъ впадаетъ Средняя Тунгузка, сдѣлалось уже опасно продолжать путь по рѣкѣ; она, будто изъ зѣва, выпускала леденѣвшія массы, въ которыхъ попадались глыбы уже въ нѣсколько саженей и не столь мягкія, чтобъ можно было разбивать веслами и разрѣзывать носомъ лодки. 30-го утромъ, привѣтствовали меня вставшіе уже забереги; но я упорно продолжалъ путь, пробираясь между льдинъ и ожидая оттепели, которая бы поразмягчила тѣ же льдины. Ночь на 31-е

пришлось за свою настойчивость молиться уже Богу; а съ разсвѣтомъ меня притерло льдомъ у станка Бахтинскаго (изъ 4-хъ дворовъ).

Здѣсь осенуя, я жилъ только работою мысли, да выходилъ ежедневно на берегъ Енисея по разчищавшейся для меня, межъ снѣжныхъ сугробовъ, тропинкѣ. Время шло день за день: шуга не уменьшалась, но и забереги стояли однообразно. Дни большею частію были сумрачные и снѣжные. 13-го октября Енисей катилъ шугу свою еще спокойно; она хотя временами и сталкивалась и клубилась, но не было общей борьбы На 14-е я былъ нѣсколько разъ разбуженъ и испуганъ выстрѣлами, какъ бы пушечными, у самыхъ оконъ. Оказалось, что ночь ясная, изрядный сѣверный вѣтеръ, холодъ 36°; и отъ быстраго наступленія такого холода сжимается и разрывается земля. Вотъ и причина выстрѣловъ. Проснувшись по утру слышу: будто недалеко отъ дому шумитъ мельница. Спрашиваю: что такое? „Сиверъ небольшой, такъ Енисей на мысу разгулялся, играетъ“ отвѣчали. (Тутъ ниже впадаетъ р. Бахта и образуетъ мысъ). Вышелъ я посмотрѣть, какъ это на мысу Енисей разгулялся, играетъ: чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ шумъ сильнѣе и сильнѣе какъ 2, какъ 3 и наконецъ еще болѣе мельницъ заведено и машутъ они разомъ своими крыльями и бьютъ неугомонно ихъ жернова. Такъ ворочалъ Енисей, напирая ледъ на выдающійся мысъ и на жерло вставшей уже дня за два, передъ тѣмъ Бахты. Къ сожалѣнію, видѣть, за утреннимъ полумракомъ, я ничего не могъ; а ухо изрѣдка различало: то трескъ, то ударъ и проч., и все это разомъ сливалось въ одинъ густой басистый шумъ мельницъ. Съ разсвѣтомъ, я рѣшился пробраться къ рѣкѣ Бахтѣ и посмотрѣть эту игру Енисея; но когда уже собрался, вбѣжавшій мальчикъ прокричалъ: „дядюшка, поздно, не дождался тебя Енисей, затихъ и ужъ больше не играетъ“. Обождавъ еще немного я вышелъ: было довольно свѣтло; безтуманное, ясное, холодное утро всюду разослало уже свой прозрачный воздухъ, а солнышко, бывшее можетъ быть далеко еще, далеко за горами и серебрило, и румянило вздымавшуюся надъ нимъ часть небеснаго купола; глазъ различалъ предметы далеко, но все, по прежнему, однообразно, вся природа какъ будто спала; Енисей у мыса присмирѣлъ и затихъ, какъ будто маленькій шалунъ, метавшійся и махавшій руками, схваченный вдругъ, какъ въ тиски, въ могучія руки крѣпкаго мужа; сивера не стало; утро было такъ тихо, такъ безвѣтренно, будто зефиръ даже остановилъ токъ свой и мнилось въ этой тишинѣ говорили что-то и клубы дыма, такъ и сякъ разнообразно валившіе изъ трубъ, и средина Енисея, медленно, едва примѣтно глазу катившая шугу свою. И я, какъ бы забывшись, простоялъ довольно съ свѣжестью и тишиной въ

душѣ; но свѣжесть холода, какъ бы пронизала меня, заставивъ подергивать то ту, то другую часть тѣла и пробѣгая бойкими мурашками по разнѣжившейся, во время сна, кожѣ.

Я ушелъ въ комнату, умылся, помолился Богу, и готовился закладывать чай, потому что принесенный на столъ самоваръ уже давно кипѣлъ, клубя то тонкимъ, то густымъ паромъ, то выбиваясь изъ подъ крышки клокочущею и безпрестанно подпрыгивающею, въ родѣ длинныхъ заостренныхъ головокъ, водой; то даже переливаясь черезъ край и шипя, на мѣди самовара, будто въ безсильной злобѣ. Вдругъ вбѣжалъ тотъ же мальчикъ: „дядюшка, не хочешь ли взглянуть солнышко приподнялось да и въ рукавицахъ, въ рукавицахъ-то оно нынѣ еще впервой“. Пошелъ я съ маленькимъ пріятелемъ своимъ, смотрѣть на солнышко въ рукавицахъ: и въ самомъ дѣлѣ солнце вышло ясное, преясное, и далеко, далеко разметывало лучи свои, а гдѣ, казалось, замирала жизнь его лучей, обходили солнце съ боковъ полукругомъ двѣ радуги и играли своими разноцвѣтными лучами, да такъ играли, что любому живописцу слѣдовало бы поучиться тутъ сводить такъ нѣжно изъ цвѣта въ цвѣтъ свои тѣни. Вотъ что называлось солнце въ рукавицахъ и болѣе особеннаго ничего не было: ни одна травинка не могла пораспрямиться изъ подъ снѣга, ни одна птичка не приподнимала головки, чтобъ хотя простымъ чирликаньемъ пропѣть привѣтъ царю свѣтилъ; одинъ только холодокъ какъ будто радовался и, съ помощью уже начинавшагося опять небольшаго сивера, рѣзко хлестался въ щеки и въ глаза и пощипывалъ за носъ; но это на меня, уже умывшагося, имѣло такое освѣжающее вліяніе, будто весь организмъ мой сжимался и крѣпнулъ.

Часа черезъ 2 начался сильный сиверъ; Енисей съ этого часа уже опредѣленно вставалъ, образуя по длинѣ берега грядки и борозды. Потомъ осталась текущею средина, да и та дѣлалась все уже и уже. Иногда она пересѣкалась скопившимися и плывшими льдинами и въ эти минуты картина бывала великолѣпная: видишь разомъ 3 солнышка: одно, конечно, на небѣ, а два-то для забавы глаза такъ и играютъ каждое въ своей половинкѣ не застывшей еще воды, тогда какъ окрестность оставалась матовою безъ всякаго блеска, отъ перемѣшиванія воды съ снѣгомъ; а далѣе-то, на горѣ, лежалъ уже не мокрый хлопчатый, а мелкій плотный снѣгъ и блестѣлъ онъ на солнцѣ, какъ шитая серебромъ риза.

Черезъ нѣсколько дней, на 18 октября ночь была ясная, стоялъ страшный холодъ, Енисей очень шумѣлъ и чудно, въ самомъ дѣлѣ, сколько разнообразнѣйшихъ звуковъ, сочетаясь вмѣстѣ, составляли сво-

его рода гармонію. Тутъ слышалось и это подирающее до поту нервныхъ особъ чириканье, какъ бы ребромъ стекла о ребро другаго, со всѣми мелкоразсыпчатыми отзвучіями, дребезжащими по линіямъ стекла. То слышался явственный будто переломъ стекла. Тамъ приподнималась и выдавливалась на воздухъ какая нибудь масса льда и за тѣмъ новымъ напоромъ льда и измѣненіемъ направленія эта масса вдругъ бросалась въ воду, издавъ сильный, но глухой, гулъ; а выныривала уже зажелтившись, т. е. набравши въ мякоть свою съ земли песка или глины. Тамъ слышно всплеснула пластинка льда, унырнула подъ вставшую уже массу и, катясь подо льдомъ, то ударялась разъ за разомъ плашмя, будто пластинка стекла объ другую; то попадала ребромъ и неслась далѣе скрежеща, раздражительно для уха, ребромъ своимъ о вставшій ледъ, какъ будто силясь пробиться на воздухъ и черезъ нѣсколько саженъ гдѣ нибудь втискивалась въ общую массу. То... да мало ли сколько различныхъ звуковъ можетъ дать природа, всѣхъ и не передать словомъ: вѣдь мы только подражаемъ въ своихъ искусствахъ природѣ, или возсоздаемъ ее же!

Наконецъ, въ 9 часовъ все стихло. Знать встала и средина. Но не только я, даже туземцы еще не вѣрили глазамъ и ушамъ своимъ, какъ въ 10 часовъ видимъ съ удивленіемъ 5 человѣкъ остяковъ бѣгутъ себѣ смѣло, черезъ рѣку съ противоположнаго берега, на своихъ скользкихъ лыжахъ. Съ тѣхъ поръ шуму Енисея, по крайней мѣрѣ противу нашего станка, слышно уже не было.

Три дня возились съ прокладываніемъ по Енисею дороги и поставкой вѣхъ; 23-го октября я отправился далѣе въ путь, дождавшись и низовой почты, осеновавшей черезъ станокъ. Почты сверху ждать было нельзя, потому что она осталась выше „камня“, а въ „камню“ Енисей еще долго не встанетъ. Хотѣлъ бы я посмотрѣть, что дѣлается съ нимъ въ этомъ ужасномъ мѣстѣ выдающихся съ берегу быковъ, скалъ, подводныхъ и грядами лежащихъ камней! Нельзя не упомянуть, что всѣ за полсутки знали уже о приходѣ почты: интереснымъ и вѣрнѣйшимъ барометромъ для показанія, что будетъ въ одинокій станокъ гость и съ какой именно стороны служатъ собаки. Особеннаго рода, толстыя, остромордыя, вялыя въ движеніяхъ, собаки эти лаяли всю ночь сидя на берегу и оборотивъ голову на сѣверъ. Но это не лай, какъ мы привыкли понимать его, а какое-то пренепріятное тянущее непривычнаго за душу, завываніе. Такое предузнаніе въ собакахъ необыкновенно дорого въ этой сторонѣ мятелей и вьюгъ, при дорогѣ по наклоненной къ сѣверу ложбинѣ Енисея и по рѣкѣ, столь своенравно коверкающей

ледъ, образуя полыньи и провалы. Изложу же по возможности сколько интереснаго показалъ мнѣ ставшій уже Енисей.

Дорога лежала почти срединой рѣки, пробираясь между льдяныхъ грудъ и даже ныряя съ льдины на льдину. Нерѣдко между этихъ, различно сгруппированныхъ между собою льдинъ, остаются скважины и даже значительныя щели, черезъ которыя послѣ выступаетъ вода. Но въ концѣ октября этого еще быть не могло: вода еще не наполняла всего своего вмѣстилища, такъ какъ бы большая плотность ея при 3° R. и съ осени, вода сжавшись, оставляетъ подо льдомъ пустоты; потому и вблизи берега, гдѣ ледъ болѣе ровенъ и гладокъ и могла бы быть хорошая дорога, ѣхать нельзя, лошадь можетъ проступаться сквозь тонкій ледъ, отъ отбывшей воды, и рѣзать себѣ ноги. Но вотъ въ ноябрѣ холодъ становится сильнѣе, достигаетъ наконецъ 40° и сжимаетъ даже непокорные ручьи и рѣчки; плотность воды уменьшается; вода будто прибываетъ и къ зимнему „Николѣ" (6 декабря) выступаетъ особенно вблизи береговъ „черная (¹) вода Енисей"; она быстро подвигается снизу вверхъ все далѣе и далѣе до самаго Енисейска и бываетъ очень опасна, когда или неожиданно ранѣе обыкновеннаго выступитъ, или какой нибудь путникъ по неопытности повстрѣчается съ нею.

Съ интересомъ изучалъ я жизнь Енисея и по этимъ, казалось, безмолвнымъ грудамъ льда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ прозраченъ, цвѣта воды, а въ изломѣ какъ изломъ простаго стекла, это настоящій ледъ, образовавшійся при безснѣжьи; въ другихъ онъ матовой бѣлизны съ рѣдкими просвѣтами, этотъ образовался при небольшимъ снѣгѣ; въ третьихъ вполнѣ матовой бѣлизны, безъ просвѣтовъ и безъ малѣйшей синевы, — это снѣговой ледъ; въ четвертыхъ съ цвѣтомъ гдѣ исѣра, гдѣ изжелта, эти массы льда были брошены силою водоворотовъ на самое дно и вынырнули захвативши составныхъ частей постели Енисея. Рѣдко, рѣдко придется видѣть совершенно гладкую поверхность Енисея и тутъ она, забросанная рыхло снѣгомъ, представляетъ бѣлопуховатую поверхность, безъ мѣры для глаза въ длину и блестящую при свѣтѣ солнца или мѣсяца, серебряными искорками; слѣдовательно, поверхность ясную почти также какъ ясна была та холодная ночь, въ которую встала въ этомъ мѣстѣ рѣка: сильный холодъ схватилъ рѣку въ теченіи, да такъ и оцѣпенѣла она. Но это рѣдко. Большею же частью, разнообразно взвороченный ледъ лежитъ всюду, какъ слѣдъ большой борьбы. Тамъ сильный вѣтеръ, безъ холода, но при очень большомъ

(¹) Т. е. опасная вода. Это выраженіе употребляется, вѣроятно, въ такомъ же смыслѣ, какъ и другія подобныя, напр. „Черная немочь".

снѣгѣ взбивалъ огромные комья и набросалъ ихъ въ видѣ пригорковъ бѣлотусклаго изжелта цвѣта. Тамъ при тѣхъ же условіяхъ, только при маломъ снѣгѣ, навзбивалъ вѣтеръ небольшихъ комьевъ съ бычью голову и усѣялъ ими на большомъ пространствѣ ровную поверхность рѣки. Тамъ лежали льдины въ разсыпную, да и то различно: инде будто осердилась рѣка, вытолкнула изъ себя, напоромъ льда, пластину, проговоривъ „поди прочь лишняя, ты намъ мѣшаешь", и упала она одиноко, производя на путника такое томногрустное чувство, какъ плита надъ могилой; инде выдавилъ плиту, но она, упрямая, ущемилась которымъ нибудь угломъ и обречена стоять такъ на воздухѣ до тѣхъ поръ, пока не придетъ весна и масса раскачавшихся волнъ, съ трескомъ взламывая ледъ, не поглотитъ ее въ свою пучину; инде стоитъ на воздухѣ плитка изъ самаго перваго льда, просвѣчивающая и тонкая, въ гусиное перо; и видя кругомъ наломанными массы съ удивленіемъ посмотришь на эту плиточку и невольно подумаешь: врядъ ли ужь это остатокъ перваго льда? можетъ быть, отъ сильнаго вдругъ сжима выбрызнула изъ щели тонкой пластиной вода, да такъ и осталась въ воздухѣ, схваченная холодомъ. Бываетъ и такъ, что ледъ лежитъ огромными рядами поперегъ рѣки; а далѣе, въ другомъ мѣстѣ, тѣ же гряды идутъ по длинѣ: это зависитъ отъ того, какими массами, поперечными или продольными, шелъ и вставалъ ледъ. Если жъ въ одномъ мѣстѣ ледъ сталъ, а сзади напирало на него съ большой силой и порывистой быстротой, то ледъ отламывался большими плитами и выбрасывался на отвердѣвшую уже поверхность рѣки; за тѣмъ, при новомъ напорѣ, повторялось тоже и такимъ образомъ накапливались другъ на друга плиты этажей въ 10 и такъ правильно, будто умышленно наложены человѣческой рукой.

Однажды день былъ ясный, холодный; паръ изъ ноздрей лошадиныхъ не расходился въ воздухѣ, а мгновенно падалъ къ землѣ серебристымъ пескомъ; солнышко свѣтило ярко, но не золотистыми, а блестящими серебряными лучами и будто вмѣсто тепла изливало холодъ, потому что съ утра, когда скрывалось оно за сѣроватыми тучами и перепадывалъ снѣжокъ, было гораздо теплѣе; не утерпѣлъ я, выглянулъ изъ возка: небо свѣтлое, мѣстами даже очаровательно густо-голубое, безъ малѣйшей примѣси сѣроватости; глаза мои, окинувъ окрестность, невольно приковались къ блестящему блюду сажени въ 3 длины и 2 ширины, на которомъ широко раскинулось солнышко и роскошно играло разноцвѣтными лучами; такое явленіе на обширной и однообразной бѣлой скатерти было и грандіозно и очаровательно. Это, говоря прозой, была *полынья*. Образовалась она такъ: впереди ледъ сталъ, но не пря-

мой, горизонтальной линіей отъ берега до берега, а образовавъ значительный вдавшійся заливъ; за тѣмъ пристала стѣна приплывшаго льда, но ударъ ея не поколебалъ ставшей твердыни и только дальнѣйшимъ напоромъ выломились съ боковъ плиты, вытолкнутыя на поверхность; заливъ же такъ и остался незакрытымъ.

Съ 15 ноября подувалъ вѣтеръ съ юга, дѣлалась оттепель, валилъ хлопьями снѣгъ и глазъ терялся, тонулъ въ глуби однообразнаго изсѣра-бѣлаго пространства, безъ различія дня и ночи, земли и неба: лошади шли шагомъ, а ямщикъ впереди ощупывалъ вѣхи и по нимъ проводилъ впередъ лошадей, поджидая авось срѣдѣютъ валящіеся хлопья. За такой оттепелью съ мокрымъ южнымъ снѣгомъ, съ 20 ноября наступилъ холодный, безснѣжный сиверъ и преинтересно укаталъ поверхность только что выпавшаго мокраго снѣга; гдѣ по дорогѣ выдавались льдины— онъ вбилъ тутъ снѣгъ и образовалъ, такъ называемые, *заструги* (1), до невозможности вздыматься возку; на мѣстахъ же ровныхъ сдѣлалась ледяная кора, но прежде чѣмъ промерзла вся толща, подъ корой оставались вода и талый снѣгъ;—а лошадь не могла идти,—она проступалась и рѣзала ноги окраинами проломленной дыры; тогда я продолжалъ путь уже на собакахъ и легкія, онѣ пребеззаботно, даже покусываясь между собою, бѣжали по этой тонкой ледяной корѣ. Собакъ было запряжено 8. Онѣ имѣли охоту даже ложиться среди дороги для отдыха, но погоняющій крикъ—та, та! быстро поднималъ ихъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Выше было сказано, что Дудинскій станокъ есть пунктъ отправленія „за тундру". Съ этого пункта начинается мѣстность самая пустынная и печальная, какая только есть на земномъ шарѣ. Называли эту тундру прежде и „безжизненной", но развитіе естественныхъ наукъ раскрываетъ намъ всюду жизнь и дѣятельность, удивляющія сознательную мысль человѣка. Потому мы не называемъ тундру безжизненною, а только печальною и пустынною.

Туруханская тундра ограничивается съ сѣвера — Ледовитымъ моремъ, съ востока—рѣкой Анабаромъ, съ запада—рѣкой Тазомъ. Ложбина Енисея разсѣкаетъ ее на 2 неровныхъ половины: большую —

(1) Этимъ словомъ сибирякъ называетъ и мокрый снѣгъ, т. е. тотчасъ по паденіи.

восточную и малую — западную. Это чуть не сплошной рядъ необозримаго болотистаго ложа. Покрыто оно большею частію мхами и сѣрыми лишаями. Мѣстами влага болотистаго грунта сливается, составляя большія и малыя озера; а изъ нихъ уже берутъ начало рѣки и рѣчки.

Восточную тундру пересѣкаютъ слѣдующія рѣки. Начнемъ съ запада. Первая рѣка „Пясина". Она вытекаетъ изъ большаго озера „Пясино", соединяющагося рѣчками и озерами Быструшнымъ, Давидовымъ, Матушкинымъ и огромнымъ озеромъ (на 200 верстъ въ длину) „Рыбнымъ". Пясина течетъ прямо на сѣверъ и принимаетъ слѣва рѣку Агапу и справа Аваму. Авама подходитъ къ Пясиной съ востока, а въ нее съ сѣвера впадаетъ Дудынта, берущая начало далеко съ сѣвера, почти изъ подъ однихъ градусовъ съ устьемъ Пясиной. Въ верховьяхъ Авамы живутъ русскіе, равно и по Дудынтѣ. Но Пясина — необитаема. Вторая рѣка — Таймуръ. Эта необитаемая рѣка беретъ начало изъ болотъ, протекаетъ черезъ большое озеро и очень широкой рѣкой впадаетъ въ море. Третья рѣка Хатанга, вытекаетъ изъ озера Хатангскаго и поднимаясь къ сѣверу на 700 верстъ, въ низменныхъ берегахъ соединяется съ озеромъ Ессейскимъ, остающимся лѣвѣе -- на западъ; течетъ она по направленію почти на сѣверъ, разливается даже на 90 верстъ и впадаетъ подъ 74°48′ сѣверной широты въ Ледовитое море. Принимаетъ въ себя справа — Монсору, Аневанку, Ледяную, Ангелику и у самаго устья большую рѣку Попигай, съ притокомъ Россоха; слѣва — Боганиду, берущую начало далеко на сѣверѣ изъ озеръ и спустясь на югъ впадающую, уже подъ именемъ Хаты, съ притоками Боярка и Медвѣжья; потомъ въ губу уже впадаетъ рѣка, составившаяся изъ 2-хъ частей, вытекшихъ изъ двухъ Балахнинскихъ озеръ. Пока отъ оспы и гнилой горячки не вымерло населеніе, пріѣзжали въ ноябрѣ мѣсяцѣ на Хатангу якутскіе купцы вымѣнивать мягкую рухлядь у Самояди и Якутовъ (которые впрочемъ и теперь богато живутъ у обильнаго рыбой Ессейскаго озера). Четвертая Анабара, очень большая рѣка, беретъ начало въ Якутской области, служитъ границей, отъ нея протекаетъ до 1000 верстъ по мѣстамъ сперва лѣсистымъ, а потомъ тундристымъ; она почти необитаема, но служитъ мѣстомъ сходбища обитателей Туруханской тундры и Якутской области для ловли песцовъ и дикихъ оленей. По этой рѣкѣ есть въ обиліи каменная соль, не имѣющая промышленнаго значенія по дальности и трудности сообщеній; соль эта есть, впрочемъ, и по р. Хетѣ.

Дорога въ эту тундру только зимою. А между тѣмъ посмотрите — сколько жизни лѣтомъ, и жизни вполнѣ своеобразной. Выше-

приведенныя рѣчки, ставши въ концѣ августа, вскрываются около 15 іюня. Тогда просыпается вся природа. Неизмѣримыя тундры, оттаивая, выпускаютъ растительность съ удивительной быстротой, потому что подъ глубокими снѣгами корни растеній покоились и нѣжились. Вѣдь опытомъ дознано, что по мѣрѣ спусканія въ глубину снѣга дѣлается все теплѣе и теплѣе, такъ что напримѣръ при 28° на поверхности на саженной глубинѣ въ снѣгу только 2°; потому-то заблудшіеся зимою путники и молятъ Бога, чтобы занесло ихъ снѣгомъ вблизи дороги для спасенія жизни отъ холода, пока другой путникъ не откроетъ слѣдъ ихъ. И такъ, во второй половинѣ іюня свѣжѣютъ мхи, показывается травка, а на южномъ склонѣ какого-нибудь утеса выставитъ одиноко головку какой нибудь цвѣтокъ; но спуститесь къ югу тундры, и получите привѣтъ отъ тощихъ кустиковъ и мелкихъ деревьевъ, которые, приподнявъ нѣсколько отъ земли верхушки, покачиваютъ ими отъ вѣтра и покрываются кой-гдѣ даже листьями. Вглядитесь болѣе: жизнь эту въ тундрѣ почуяла рыба и поплыла она въ безчисленномъ количествѣ изъ подъ льдовъ Ледовитаго моря въ русло рѣкъ вверхъ по теченію ихъ, чтобы подышать воздухомъ и метнуть икру тамъ, гдѣ сквозь тонкій слой воды можетъ обогрѣть живящее солнце чуть выпукнувшую изъ яйца рыбку. Смотрите еще: оттаивающія болота и вскрывшіяся озера покрываются болѣе и болѣе самыми разнородными породами птицъ; тамъ, на свободѣ, въ тишинѣ и вдали отъ толпы людской вьютъ гнѣзда и крякаютъ стаи утокъ; тамъ линяютъ и выводятъ свои протяжныя пѣсни группы лебедей; тамъ вьютъ гнѣзда зяблицы и при появленіи солнышка оглашаютъ воздухъ звуками веселья; тамъ длинногія цапли бѣгаютъ по берегамъ, пощипываютъ мягкую травку и отъискиваютъ случайно налившуюся ягоду клюквы; тамъ сотни рябчиковъ бѣгаютъ межъ приземистыхъ кустиковъ; тамъ... да много много пернатыхъ, ими почти усѣяна тундра съ ея многочисленными большими и малыми озерами. Но вотъ подходитъ сентябрь, и картина измѣняется: растительность увядаетъ, воды готовятся замерзать, рыбы, которыми особенно обильны рѣки Пясино и Таймуръ, отходятъ къ морю, птицы спѣшатъ на югъ гдѣ можно еще найти травку или ягодку, дикіе олени отходятъ къ лѣсамъ и преинтересный ловъ ихъ загономъ сперва въ загородь, потомъ въ озеро ([1]), останавливается, пока снова не растопитъ солнышко ледяной коры озеръ. Ловля рыбъ производится по Пясиной и Хатангѣ въ лодкахъ, могущихъ поднимать груза до 100 пудъ, а по Анабару въ вѣткахъ, только до 25 пудъ. Въ озерахъ, особенно Ессей-

([1]) Описанъ въ своемъ мѣстѣ.

скомъ, множество рыбъ. Этой тундрѣ принадлежатъ и описанныя нами ниже, неизвѣстныя доселѣ рыбы мочкогоръ, кунджа и пелятка. Якуты живутъ вблизи Ессейскаго озера, въ мѣстѣ довольно южномъ, очень богаты, имѣютъ много оленей и хорошую рыбную ловлю. Отъ Туруханска до Ессейскаго озера будетъ до 1,600 верстъ. Самоядь бродитъ по самому сѣверу, а Долганы или Долганскій родъ Тунгузовъ къ сѣверу, отъ Ессейскаго озера по рѣкѣ Богонидѣ. Сюда заходятъ и другіе роды Тунгузовъ, придерживающихся болѣе Нижней Тунгузки; но описаніе всѣхъ инородцевъ будетъ въ особой главѣ, когда дойду по программѣ до племенъ. Важную роль въ восточной тундрѣ играютъ озера. На пути изъ села Дудинскаго (съ Енисея въ тундру) встрѣчается озеро Пясино, дающее начало рѣчкѣ того же имени. За тѣмъ далѣе на ю.-в. есть группа озеръ Норильскихъ. Вотъ они: Быстринское въ длину 30 верстъ, Давыдово — 120, Матушкино — 150, Рыбное — 130. Всѣ они соединены между собою протоками и рѣчками, черезъ кои вода стекаетъ въ озеро Пясинское, упомянутое выше и имѣющее верстъ 60 длины. Всѣ эти озера окружены возвышеніями, а рѣчки, ихъ соединяющія, проходятъ между хребтовъ. Кромѣ Пясинскаго остальныя окружены листвяннымъ лѣсомъ, достигающимъ въ толщину 6 вершковъ. Глубина Матушкина и Давидова достигаетъ 30 саженъ. Въ этихъ озерахъ водятся: осетръ, налимъ, сигъ, чиръ, нельма, таймень, мочкогоръ, пелятка и кунджа. Ессейское озеро, имѣющее длины 60 верстъ, скуднѣе рыбою противу озеръ Юорильскихъ, потому что, находясь сѣвернѣе, покрывается льдомъ около 1 сентября и глубоко промерзаетъ, тогда какъ тѣ озера замерзаютъ уже 10 сентября и ледъ бываетъ только въ два аршина.

Обратимся теперь къ западной тундрѣ. Эта малая тундра, граничащая съ востока Енисеемъ, съ запада Тазомъ и съ сѣвера Ледовитымъ моремъ, также обширна хотя и разъ въ 8 менѣе восточной, такъ что съ юга на сѣверъ прямая линія будетъ только болѣе 800 верстъ. Это пространство представляетъ тѣ же явленія природы, тѣ же болота и озера, и изъ озеръ берущія начало рѣки. Вообще говоря, это ровная плоскость; возвышенія встрѣчаются только по берегамъ рѣки Хеты. Озеръ я не буду называть, потому что они носятъ одно названіе съ рѣками. Изъ рѣкъ, кромѣ господствующей на востокѣ этой тундры системы Енисея, а именно вышеупомянутыхъ притоковъ: Туруханa, Хеты, Соленой и Пелятки, мы видимъ двѣ Гыды, большую и малую, впадающихъ въ море прямо на пространствѣ между губами Енисейскою и Тазовскою; за тѣмъ уже Тазъ, система котораго господствуетъ на западѣ тундры. Тазъ довольно большая рѣка, имѣющая теченіе около 900 верстъ, беретъ свое начало изъ озеръ, на югѣ тундры и ближе

къ Енисею, такъ что между озеромъ Ненельтонъ и вершиной Пакулихи (притока Енисея) только волокъ въ нѣсколько верстъ ([1]). Течетъ Тазъ сперва на западъ, принимая справа двѣ Мирты и Кысетъ, а слѣва Гату, Поколдокъ и Каралысу; потомъ на мѣстѣ поворота на сѣверъ, слѣва, Толху; потомъ идетъ все на сѣверъ почти по границѣ съ Тобольской губерніей и принимаетъ съ нашей правой стороны — Пекайку, Кудосею, Парабоку, Русь и Месу; а въ губу Таза, заворотившуюся на западъ, впадаютъ съ сѣвера, Волочеда и Секу. Всѣ эти рѣки текутъ въ плоскихъ открытыхъ берегахъ; вершины нѣкоторыхъ изъ нихъ, лежащія южнѣе зимовья Курейскаго на Енисеѣ и часовни на Тагу, опоясаны по берегамъ ивнякомъ и мелкой березой, да слабымъ хвойнымъ лѣсомъ, а съ сихъ пунктовъ деревья уже будутъ кой-гдѣ. Верхняя половина рѣки Таза до зимовья Часовенскаго имѣютъ берега мѣстами высокіе и удобные къ заселенію; отъ часовни же къ сѣверу на нѣкоторое разстояніе растетъ еще тальникъ, но и тотъ скоро исчезаетъ. Тазъ начинаетъ разширяться около магазина, расположеннаго у церкви; въ вершинахъ же узокъ и мелокъ, такъ что зимою въ перекатахъ вода промерзаетъ до дна и сдыхается. Теченіе, вообще говоря, тихое; пороговъ нѣтъ. На дняхъ получилъ я отъ туруханскаго засѣдателя весьма важное извѣстіе о томъ, что на одномъ изъ притоковъ рѣки Таза оказался графитъ лучшаго качества, чѣмъ на Нижней Тунгузкѣ. Вотъ и суждено видно Туруханскому краю замѣнить Англію, гдѣ графитъ уже выработывается. Къ югу этой тундры подходятъ Остяки; за тѣмъ все пространство занимаютъ Юраки, способнѣйшее кажется племя изъ инородцевъ Енисейскаго округа; они красиво одѣтые плаваютъ себѣ по озерамъ и рѣкамъ въ такихъ легкихъ берестянныхъ лодочкахъ, которыя свободно переносятся ими съ мѣста на мѣсто. За тѣмъ на самый сѣверъ заходитъ березовская Самоядь.

Но эта малая тундра, какъ видно изъ градусовъ устья рѣки Таза, далеко южнѣе восточной, потому что тамъ вдающійся въ море, между устьями рѣкъ Пясиной и Таймура, полуостровъ находится между 73° и 70° широты и 105° и 124° долготы. Обслѣдовавшіе берега моря, храбрецы Овцынъ, Прончищевъ и другіе затирались среди іюня и іюля льдами, видѣли тундру безъ признаковъ растительности, съ бродящими по ней бѣлыми медвѣдями и дикими оленями, у береговъ моря китовъ ([2]), а въ губахъ бѣлугъ да кой гдѣ на берегахъ откуда-то взя-

([1]) Начало его подъ 63° широты и 103° долготы; а устье — подъ 68° широты.

([2]) Здѣсь прибавлю весьма важное и интересное извѣстіе, недавно оффиціаль-

тый и выброшеный на берегъ лѣсъ. Необходимыми, хотя и рѣдкими, принадлежностями тундры бываютъ слѣдующія явленія: то теряется глазъ въ безпредѣльности и представляются близко существующими такіе предметы, которыхъ нѣтъ; то нападаетъ болѣзненная слѣпота на путешественника, то подвергается Самоядь на самомъ сѣверѣ особенной болѣзни, состоящей въ необходимости живой крови. Скажемъ объ этомъ по нѣскольку словъ. Вотъ что говоритъ испытавшій слѣпоту нашъ ученый Миддендорфъ: „Мы лежали, полузакрытые въ снѣгу, у рѣки Новой подъ 72° сѣверной широты и поджидали Самоѣдовъ. Между тѣмъ, я въ подзорную трубку замѣтилъ холмъ, отдаленіе котораго топографъ полагалъ верстъ на 30. Я подвязалъ лыжи, сбросилъ шубу, надѣлъ матроскую рубаху, сверхъ бѣлья повѣсилъ двухствольное ружье черезъ плечо и захвативши нѣсколько инструментовъ съ казакомъ пустился въ бѣгъ. Шли шли въ половину на обратный путь, и холмъ тоже идетъ. Это показалось намъ страннымъ. Наконецъ, мы пришли на то мѣсто, гдѣ видѣли холмъ, но теперь увидѣли только мерцанье въ своихъ глазахъ: на насъ напала снѣжная слѣпота. Сверхъ того, вѣтеръ повернулся и снѣжная пыль, попеременно съ магически волнующимся туманомъ сѣвера, покрыли равнину. Чтобы воротиться домой, намъ оставалось одно средство: опредѣлить направленіе компасомъ. Во все время однакожъ мы замѣчали, что послѣдній холмъ былъ нашимъ спутникомъ. Слѣпота не убывала, а туманъ прибывалъ. Однакожъ, я вынулъ подзорную трубку и глядь — подъ самымъ носомъ у насъ пляшутъ нашъ шалашъ и сани. Около часу шли мы прямо на нихъ. Туманъ разсѣялся и шалаша какъ не бывало! Что дѣлать? Наконецъ, ничего не стало видно: мы совершенно ослѣпли. Кругомъ густой туманъ. Силы наши истощились, мы легли, дьявольски мерзли и утѣшались бесѣдою о томъ, какъ мучительно замерзнуть до смерти. „Шалашъ“ вдругъ вскричалъ мой казакъ, посмотрѣвши въ подзорную трубу. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ шалашъ, однакожъ мелькающій и пляшущій, при томъ вдвое больше настоящаго. Мы пустились со всѣхъ сторонъ. Пробѣжали дальше, нежели зрѣніе въ трубу можетъ хватать при такомъ туманѣ. Туманъ опять разсѣялся и передъ нами опять ничего не стало. Тутъ я

но сообщенное мнѣ засѣдателемъ Третьяковымъ изъ Туруханска: съ конца іюня до половины августа входятъ съ моря въ губу и за тѣмъ къ самому Енисею киты длиною 5 и 6 саженъ; въ губѣ приносятъ дѣтей, которыя и сидятъ сперва на самкахъ; въ 1859 году въ вышеозначенное время добыли сѣтями, связанными изъ бичевокъ, 25 китенковъ, изъ которыхъ получено 300 пуд. жиру. Когда-то ловъ этотъ обратится въ настоящій, осмысленный и примѣненный къ дѣлу промыселъ?!

догадался въ чемъ дѣло, и вспомнилъ нѣкоторыя приключенія путешествовавшихъ по сѣвернымъ морямъ. Я съ точностію взялъ направленіе по компасу; мы сдѣлали еще верстъ десять и нашли шалашъ.

Для предостереженія, путешественники должны надѣвать особаго рода, туземцами изобрѣтенные, очки, называемыя окулярами. Эти окуляры бываютъ мѣдные, круглые, выпуклые, подложенные мѣхомъ вокругъ орбиты (чтобы не морозило); на переносьѣ соединяется ровдугой (родъ замши), держутся шнурочкомъ на пластинахъ; по срединѣ прорѣзъ поперегъ и такъ что противъ центра только въ линію ширины, а къ концамъ съуживается. Особенно окуляры нужны, когда къ веснѣ апрѣльское солнышко какъ будто прольетъ изъ себя неисчислимое количество звѣздочекъ, такъ играетъ оно самыми разноцвѣтными до неуловимости тѣнями въ каждой отдѣльной, какъ бисеръ, снѣжинкѣ, тутъ уже некуда скрыть глазъ, куда ни повернете, всюду эта разноцвѣтная игра и нѣтъ мѣста, гдѣ бы ея не было. Не даромъ у Самояди съуженные глаза и широкія опущенныя верхнія вѣки.

Теперь о другой болѣзни. Употребленіе крови всегда есть плодъ лекарственной необходимости, или отчасти и результатъ безвыходно мрачнаго состоянія духа, которое необходимо должно овладѣвать особенно Самоядью, какъ самымъ сѣвернымъ племенемъ, испытывающимъ болѣе всѣхъ впечатлѣнія отъ отсутствія солнца, съ его свѣтомъ и теплотой. У нихъ-то (какъ говорятъ и какъ пишетъ г. Яроцкій) и происходитъ особенная, въ родѣ водобоязни, болѣзнь, состоящая въ непреодолимой алчности къ насыщенію себя человѣческимъ мясомъ и кровью ([1]), сперва человѣкъ дѣлается мраченъ, молчаливъ, страненъ и какъ бы нечувствителенъ, глаза дикіе, сверкающіе, будто ищущіе чего-то или останавливающіеся на одномъ и томъ же предметѣ. Задумчивость переходитъ въ безпамятство, прерваніе котораго приводитъ больнаго будто въ какое-то замѣшательство, кончающееся необыкновеннымъ звѣрствомъ и первый встрѣчный подвергается истязаніямъ зубами. Иногда припадки эти, случаясь по разу въ году, проходятъ безъ особыхъ послѣдствій, а у укушеннаго не бываетъ припадковъ, какъ въ водобоязни; иногда же припадокъ останавливается только тогда, какъ больной уже довольно напитался человѣческой кровью. Лекарствъ противъ нея никакихъ неизвѣстно, но вѣроятно можно бы предотвращать ея появленіе кровопусканіями.

Описывая большую тундру, я рисовалъ большую картину лѣта, пол-

([1]) Мнѣ говорили преступники изъ Тунгузовъ, что человѣческое мясо необыкновенно вкусно; они содержались за съѣденіе дѣтей своихъ во время голодовки.

ную жизни; но здѣсь пришлось заговорить о явленіяхъ зимы и читателя навѣрно ужаснули мракъ, однообразіе и онѣмѣлость. Но природа, какъ бдительная мать, не покидаетъ ничего на произволъ, безъ заботъ и попеченій. Правда, страшенъ мракъ ночи, длящейся на Таймурскомъ полуостровѣ сряду 3 мѣсяца, тяжело видѣть землю одѣтою снѣгомъ въ теченіе 8 и болѣе мѣсяцевъ: но какъ вознаграждаетъ природа величіемъ сѣверныхъ сіяній, какъ выводитъ явленіемъ ихъ душу изъ унынія, отчаянія и возвращаетъ къ вѣрѣ въ величіе, всемогущество Творца и безконечную правоту его вознагражденій. Это такое явленіе, такая дивная игра природы, какой, не видѣвши своимъ глазомъ, нельзя представить и воображеніемъ, какъ бы оно ни было пылко. Посмотрите же на сѣверъ; на небѣ является темноватое пятно, будто облако; темнота сливается въ одно мѣсто, дѣлается гуще и гуще и наконецъ глазу представляется почти черный сегментъ большаго круга; но всматривайтесь, это не матовая чернота, сегментъ прозраченъ и сквозь его проглядываютъ будто звѣзды; потомъ черный край сегмента свѣтлѣетъ и вы видите кайму отъ четверти до полуторыхъ иногда аршинъ шириною; въ этой дугѣ или на бѣломъ фонѣ играетъ голубой отливъ, или на фонѣ желтоватомъ играетъ отливъ зеленый; за тѣмъ вы съ удивленіемъ видите, что въ свѣтлой дугѣ начинается какое-то колебаніе, она то шатается вправо и влѣво, то качается вверхъ и внизъ. Такое однообразное качаніе остается нѣсколько часовъ; но вдругъ волненіе усиливается и ускоряется, свѣтлая дуга проваливается во многихъ мѣстахъ въ черной сегментъ, въ этихъ провалахъ свѣтитъ еще ярче и ширится въ нихъ; за тѣмъ вдругъ изъ этихъ мѣстъ, будто изъ ракетъ вылетаютъ вверхъ огненные столбы въ четверть шириною и самыхъ разныхъ цвѣтовъ, тутъ увидите вы и желтый и зеленый, и красный и голубой, и пурпуровый. Да и самое вылетаніе ихъ до зенита, до средины неба, удивительно: они то извиваются змѣйкой, то сгибаются въ стороны, какъ гибкій камышъ отъ вѣтра, то укорачиваются, то удлинняются, а конецъ въ зенитѣ выпускаетъ между тѣмъ кисть изъ разноцвѣтныхъ лучей. Иногда столбовъ бываетъ очень много и простираются они далеко за зенитъ, и это дивное явленіе не описать поэту, не схватить красками живописцу: представьте себѣ, что все это полнеба почти разноцвѣтныхъ огней колеблется, волнуется! Упавъ въ умиленіи на колѣна, вы спокойнѣе оглядываетесь вокругъ себя и что же? всѣ предметы на землѣ будто колеблются, и эта бѣлая скатерть земли, усыпанная плотнымъ снѣжнымъ пескомъ, представляется уже не серебрянною ризою, а брилліантовою, потому что въ каждой снѣжинкѣ играютъ разноцвѣтные лучи. Къ тому же безмолвная ночь среди пустынной

тундры: чудится будто все должно умолкнуть и уничтожиться предъ этимъ грандіознымъ созданіемъ.

Послѣ этого не удивительно, какимъ замѣчательнымъ человѣкомъ складывается коренной (1) Туруханецъ. Крѣпкій сложеніемъ, смуглый, стройный, мужественный, добрый, безвозмездно дѣлящій съ каждымъ послѣдній кусокъ, вѣрный въ исполненіи своего слова, хоть бы то стоило жизни, и простой безъ лукавства, тотъ, говорю, Туруханецъ, съ котораго маточную слизь обмыли снѣговой водицей, котораго усыпляли воющіе вѣтра, а будили отъ сна неожиданно проносившіяся и стучавшія въ окна пурги (2); котораго полуосмыслившіеся глазки только и видѣли передъ собой звѣриныя шкуры, висящія подъ потолкомъ, отдѣльно обрѣзанныя звѣриныя лапы съ когтями, также и остовы хищныхъ птицъ, а по стѣнамъ звѣроловные приборы, да рыбачьи сѣти; котораго воображеніе не пріучалось съ дѣтства бояться предразсудочныхъ призраковъ, такъ хватающихъ насъ въ темнотѣ за пятки: здѣсь одиночество въ темнотѣ ребенку не рѣдкость и бояться значило бы не жить. Потому-то Туруханцы, не знающіе подробностей религіи, но крѣпко накрѣпко вѣрующіе въ милость Божію и жизнь будущую, не боятся ни бурь, ни пургъ, ни морозовъ, ни кровожадныхъ звѣрей, потому и въ мрачную зиму они продолжаютъ свои работы, рыболовство и звѣроловство, подъ путеводствомъ луны, звѣздъ, да грандіознаго сѣвернаго сіянія, потому считаютъ они за грѣхъ убивать крадучись, наприм. медвѣдей въ берлогахъ, а смѣло вступаютъ въ бой, вызвавъ изъ логовища, потому-то, когда оставивъ лодку у острова я долженъ былъ подплывать къ станку Осиновскому въ маленькомъ челночкѣ, среди бури, бросавшей челнокъ и вверхъ и внизъ съ вала на валъ, когда онъ подавался впередъ, изворачиваясь межъ пѣнившимися верхушками воды надъ мелкими подводными камнями, разбросанными тутъ въ нѣсколько грядъ, когда замирало у меня каждую минуту сердце отъ опасности за жизнь, оживлялся я нѣсколько, слыша беззаботный разговоръ двухъ 15-ти лѣтнихъ гребницъ и таковаго жъ на кормѣ мальчика и видя ихъ совершенно спокойныя лица.

И такъ, р. Енисей составляетъ главнѣйшій путь сообщеній. По верхнему участку всѣ станки содержатъ почтовую и обывательскую гоньбу, получая изъ казны на каждый станокъ въ годъ 319 р. 20 коп. сер., а ниже съ р. Туруханска до Толстаго носа, гдѣ находится послѣдній

(1) Коренные жители, къ сожалѣнію, вырождаются, замѣняясь мало по малу вялыми и робкими поселенцами — сектаторами.

(2) Мятель съ большимъ количествомъ снѣга.

магазинъ, назначенъ прогонъ за обывательскую гоньбу по 128 р. 24 коп. въ годъ. Лѣтомъ, въ особенности весною при разливахъ, сѣверные вѣтры, сильно волнующіе Енисей, затрудняютъ и останавливаютъ сообщеніе, но при благопріятной погодѣ въ сутки *внизъ* по теченію въ Верхнемъ участкѣ проплываютъ до 200 верстъ, а въ Дудинскомъ до 100 и 120 верстъ. Въ верхнемъ участкѣ при благопріятной погодѣ *вверхъ* по теченію отъ 80 до 100 верстъ, а въ Дудинскомъ отъ 60 до 100. Лодка въ этомъ случаѣ вверхъ по Енисею идетъ не на веслахъ, а тянется собаками посредствомъ бичевы. Для почты или проѣзжающаго, когда клади бываетъ не болѣе 20 пудовъ, впрягаютъ хорошихъ двѣ собаки, а меньшихъ—три или четыре. По знакомой дорогѣ собаки бѣгутъ довольно быстро, перескакивая съ камня на камень, переплывая встрѣчающіяся на пути рѣчки. Если Енисей встанетъ торосовато, то дорога съ осени долго не устанавливается. Въ особенности опасно мѣсто между такъ называемыми „кораблями“ (островами, гдѣ часто при замерзаніи Енисея образовываются огромныя полыньи). На станкахъ въ сказанномъ участкѣ содержится лошадей, смотря по населенію, не мѣнѣе 6-ти и не болѣе 15-ти. Лошадей круглый годъ не подковываютъ; овсомъ не кормятъ, а потому туруханскія лошади и не поднимаютъ значительной тяжести. Экипажъ для проѣздовъ простая нарта, иногда съ покладушкою, въ одну лошадь. Кладь возятъ сзади на другой нартѣ. Такъ проѣзжаютъ на перемѣнныхъ лошадяхъ. Собакъ для подобной ѣзды рѣдко употребляютъ и ѣздятъ на нихъ въ лѣсъ за дровами или на промыселъ. Въ Дудинскомъ участкѣ иное. Тамъ, по неимѣнію лошадей, подводную гоньбу отбываютъ на собакахъ и оленяхъ. Подъ нарту, съ двумя человѣками и 5-ю пудами клади, впрягается лучшихъ собакъ 6-ть, а менѣе сильныхъ 10. Обыкновенный кормъ для собакъ рыба, которую варятъ съ примѣсью малаго количества муки. Въ нынѣшніе скудные рыбою годы много перевелось собакъ, въ особенности въ Верхнемъ участкѣ. Эти животныя необыкновенно терпѣливы и голодуютъ иногда зимою по двое и по трое сутокъ. На хорошо откормленныхъ собакахъ, въ легкой нартѣ по насту, одинъ человѣкъ можетъ въ сутки сдѣлать 100 и даже 160 верстъ. Въ Дуринскомъ участкѣ, отъѣзжая для промысла на собакахъ, крестьянинъ всегда имѣетъ при нартѣ привязанный на веревкѣ колъ, съ желѣзнымъ наконечникомъ, который, при вставаніи съ нарты, втыкаетъ крѣпко впереди нарты между полозьевъ, иначе собаки безъ хозяина тотчасъ сорвутся и понесутся безъ оглядки, куда глаза глядятъ. Бывали случаи, что оплошавшій крестьянинъ терялъ собакъ и, сбившись съ дороги, замерзалъ. Оленей запрягаютъ въ нарты или санки; но Якуты и Тунгузы ѣздятъ на нихъ верхами на сѣд-

лахъ. Впрочемъ у этихъ послѣднихъ инородцевъ и сами олени круп нѣе и крѣпче, нежели у Юроковъ и Самояди, потому что на тундрах они выбиваются изъ силъ отъ пургъ и истощаются зимою отъ недо статка пищи, гдѣ пурги такъ крѣпко прибиваютъ слой снѣга, чт олень съ трудомъ можетъ пробивать его для полученія мха. За всѣм тѣмъ на самоѣдскихъ или юроцкихъ оленяхъ свободно можно сдѣлат въ сутки до 250 верстъ, если не болѣе. Къ сожалѣнію, въ послѣдні годы стада оленей значительно уменьшились частію отъ разнородных болѣзней, а частію отъ жаркихъ лѣтъ и истребленія волками.

Krivošapkin, M. F.

Enisejskij okrug i ego žizn' Sočinenie M. F. Krivošapkina. Izdanie Imperatorskago Russkago Geografičeskogo Obščestva. Na iždivenii V. A. Kokoreva. S dvumja tablicami i kartoju zolotonosnoj oblasti Enisejskago okruga
Bd.: 1

S.-Peterburg 1865

Russ. 238 h-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783853-0